

Институт истории
Сибирского отделения
Российской академии наук

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

В ИСТОРИИ РОССИИ

сборник научных статей,
посвященный 70-летию доктора исторических наук,
профессора В. И. Шишкина

Новосибирск
2018

УДК 316.4(470+571)
ББК 60.55я43
Л66

*Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН*

Редколлегия:

канд. ист. наук В. В. Журавлев, К. Л. Захарова,
канд. ист. наук Т. И. Морозова (отв. секретарь), канд. ист. наук.
В. М. Рынков (отв. редактор), канд. ист. наук А. И. Савин (отв. редактор),
канд. ист. наук Д. Г. Симонов, канд. ист. наук Д. Л. Шереметьева

Рецензенты:

чл.-к. РАН, д-р ист. наук В. А. Ламин,
д-р ист. наук Н. С. Гурьянова,
канд. ист. наук А. Г. Тепляков

Л66 **Личность, общество и власть в истории России: сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина / редкол.: Т. И. Морозова (отв. секр.), В. М. Рынков (отв. ред.), А. И. Савин (отв. ред.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. — Новосибирск: Издательство СО РАН, 2018. — 544 с.**

ISBN 978-5-7692-1583-4

Сборник подготовлен к 70-летию юбилею доктора исторических наук, профессора Владимира Ивановича Шишкина. Издание состоит из двух разделов. В первом представлены поздравительные адреса от коллег из ведущих научных учреждений Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга и Саппоро, а также биографическая справка, содержащая основную информацию о жизни и деятельности В. И. Шишкина. Второй раздел включает научные статьи, посвященные различным аспектам взаимоотношений личности, общества и власти в истории России с XVII до начала XXI в. Большая их часть написана на широкой источниковой базе, в том числе на основе документов, впервые введенных в научный оборот. В то же время в сборнике присутствуют статьи, выполненные в основном на известном фактическом материале, который проанализирован под принципиально иным углом зрения.

Издание адресовано научным работникам, аспирантам, студентам и преподавателям высшей школы, а также всем, кто интересуется историей России, историографией и источниковедением.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Сборник подготовлен к 70-летнему юбилею доктора исторических наук, профессора Владимира Ивановича Шишкина — известного в России и за рубежом ученого, заведующего сектором истории общественно-политического развития Института истории СО РАН, профессора кафедры Отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Статьи для сборника написали друзья, коллеги и ученики В.И. Шишкина: российские специалисты-историки из Анжеро-Судженска, Архангельска, Барнаула, Екатеринбурга, Кемерово, Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, а также зарубежные исследователи из Великобритании, Германии, Израиля, США и Японии. Редколлегия сборника сформирована из сотрудников Института истории СО РАН, являющихся учениками Владимира Ивановича и прошедших его научную школу.

Сборник состоит из двух разделов. В первом представлены поздравления, адресованные Владимиру Ивановичу от имени коллег из ведущих научных учреждений Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга и Саппоро, а также биографическая справка, содержащая информацию о жизни и деятельности В.И. Шишкина. Второй раздел составляют статьи, посвященные различным аспектам взаимоотношений личности, общества и власти в истории России с XVII до начала XXI в.

Выбор тематики научных статей во многом определен широкой сферой научных интересов юбиляра. Статьи расположены по хронологическому принципу и условно могут быть поделены на четыре группы. Первая из них объединяет публикации, посвященные дореволюционному периоду. В них исследуются зарождение старообрядчества как важнейшая предпосылка революций в России, особенности поступления на службу и выхода в отставку военнослужащих в Сибири в XVIII в., представления чиновников о сибирских купцах в конце XVIII — XIX в., институт генерал-губернаторства в Азиатской России второй половины XIX в., общественная и просветительная деятельность ссыльного народника В.К. Штильке.

Несомненный «центр тяжести» образуют статьи по истории революций 1917 г. и гражданской войны в России. В них рассмотрен процесс формирования ауры вождя в результате реализации так называемой политики масс, проанализирована транс-

формация институтов гражданского общества, охарактеризованы взаимоотношения власти и общества в Томской губернии в межреволюционный период, представлен обзор новейших тенденций историографии революции и гражданской войны; предпринят компаративистский анализ политических стратегий Алаш-Орды и автономии тюрко-татар, выяснена роль представителей Военной академии в подготовке государственного переворота в Омске 18 ноября 1918 г., оценен вклад В. И. Шишкина в историографию Западно-Сибирского восстания 1921 г.

Исследования ряда авторов выполнены в хронологических рамках нэпа. Предметом изучения стали японо-советские отношения, социальная мобильность в Красной армии, большевистский проект формирования «новой женщины», «ритуал чистки» Ленинградского коммунистического университета, а также судьбы двух советских деятелей — комбрига В. Р. Розе и председателя Сибколхозсоюза В. Ф. Комарова.

Завершают этот обширный раздел четыре статьи, посвященные периоду сталинизма, брежневской эпохе, перестройке и современной России. В них рассмотрены деятельность милицеской тройки УНКВД Алтайского края в 1937–1938 гг., повседневные управленческие практики городских и районных номенклатурных работников Западной Сибири в 1945–1953 гг., взаимоотношения религиозных диссидентов с властью в 1960-е — 1980-е годы, историческое значение путча ГКЧП и трансформация представлений о нем в обществе на протяжении 1991–2016 гг.

Большая часть опубликованных статей написана на широкой источниковой базе, в том числе на основе документов, впервые введенных в научный оборот. В то же время в сборнике присутствуют статьи, выполненные в основном на известном фактическом материале, который, однако, проанализирован под принципиально иным углом зрения. Использование наряду с классическим инструментарием историка приемов и методов исторической антропологии, микроисторического подхода, сравнительно-исторического анализа и такого малоизвестного для российских ученых направления как Human-Animal-Studies позволили авторам глубже изучить широкий спектр проблем, которыми характеризуются взаимоотношения между личностью, обществом и властью.

Редколлегия благодарит авторов, откликнувшихся на приглашение к публикации. Ученики и коллеги поздравляют Владимира Ивановича с юбилеем, желают крепкого здоровья, неисчерпаемой энергии, творческих успехов и новых научных достижений!

Раздел первый

**К ЮБИЛЕЮ
В. И. ШИШКИНА**

ДОРОГОЙ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ!

От души поздравляю Вас с юбилеем! Эта знаменательная дата заслуживает того, чтобы быть отмеченной, по многим причинам.

Глубокое уважение вызывает Ваша научная биография, основой которой являются непрерывный научный поиск и упорный труд. Исследовательский азарт позволил Вам успешно работать в широком диапазоне конкретно-исторических, источниковедческих и историографических проблем. Скрупулезное изучение истории позволило Вам состояться как профессионалу и добиться ярких результатов на ниве советской науки и завоевать заслуженный авторитет в условиях постсоветской трансформации исторического знания.

Путь от студента гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета и лаборанта Института истории, филологии и философии СО АН СССР до доктора исторических наук, профессора и заведующего сектором Института истории СО РАН не исчерпал Ваших богатейших личностных возможностей. Ваши достижения и потенциал сотрудничества естественно ставят Вас в центр пространной сети профессиональных связей, как отечественных, так и международных.

Энергия и целеустремленность позволили Вам внести достойный вклад в сокровищницу знания. Вы — автор и соавтор фундаментальных монографий, а также сотен других разножанровых публикаций, посвященных государственной власти, обществу и личностям в истории России XX века. Особое место в Вашей научной деятельности занимает подготовка и издание серии уникальных сборников документов, которые еще очень долго будут определять изучение истории революции и гражданской войны в России.

Ваша исследовательская деятельность всегда органично сочеталась с огромной научно-организационной и редакторской

работой. Вы — инициатор, организатор и участник множества научных форумов международного, всесоюзного, всероссийского и регионального уровней, научный редактор десятков солидных и высоко цитируемых монографий и сборников, рецензент сотен научных изданий, член редакционных советов и коллегий важнейших отечественных и зарубежных исторических журналов. На Ваш опыт, компетентность и ответственность всегда можно положиться при организации и выполнении самых масштабных научных проектов.

Желаю новых достижений на поле исторической науки!

*Научный руководитель
Института археологии и этнографии СО РАН
доктор исторических наук,
академик РАН А. П. Деревянко*

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ!

*Примите искренние поздравления по случаю Вашего юбилея —
70-летия со дня рождения!*

Вы начали свой путь в науку, еще находясь на студенческой скамье. С тех пор Вы много лет успешно трудитесь в Институте истории СО РАН, пройдя все ступени научной лестницы — от старшего лаборанта до заведующего сектором истории общественно-политического развития.

Уже начало Вашей научной биографии было многообещающим: Ваши достижения были отмечены премией Ленинского комсомола для молодых ученых. Ваши основные интересы в истории сформировались довольно скоро, но по мере «научного взросления» их круг все время расширялся. Не останавливаться на достигнутом — это стало Вашим научным кредо. Среди проблем, в исследование которых Вы внесли заметный вклад, — изучение революции и гражданской войны в России, аграрной и продовольственной политики Советской власти в 1917–1922 гг., государственного строительства в Сибири в постреволюционный период.

Ваш вклад в концептуальное переосмысление истории гражданской войны в Сибири является общепризнанным. В последние десятилетия Вы много внимания уделили исследованию начального периода гражданской войны в Сибири, анализу сложных взаимодействий политических сил в лагере контрреволюции и антиколчаковского партизанского движения, истории крестьянского сопротивления начала 1920-х годов и др.

В условиях «архивной революции», начавшейся в 1990-е годы, Вам на основе введения в научный оборот новых архивных документов удалось создать целый ряд важнейших трудов по истории революции и гражданской войны. Созданная Вами серия биографических статей об известных деятелях Советской власти и антибольшевистского движения пользуется заслуженным уважением среди историков.

Ваши работы хорошо известны в научной среде. Со многими учеными Института российской истории РАН Вас связывает тесное и многолетнее научное сотрудничество, в том числе участие в совместных проектах и конференциях. Вы пользуетесь заслу-

женным уважением не только в России, но и за рубежом. Вам удалось побывать и поработать, набраться опыта в крупнейших мировых центрах руссиеведения. В 1992–1993 гг. Вы являлись научным сотрудником Центра русских исследований Гарвардского университета (США), в 1998–1999 гг. и в 2011–2012 гг. — приглашенным научным сотрудником Центра славянских исследований университета Хоккайдо (Саппоро, Япония). В России и за рубежом Вы руководили множеством исследовательских и издательских проектов.

Ваши публикации неизменно отличаются глубиной осмысления научных проблем. Широкая эрудиция, энергия и организаторский талант выдвинули Вас в число лидеров современной российской исторической науки.

Многое сделано Вами и для подготовки научных кадров в Институте истории СО РАН и на кафедре отечественной истории Новосибирского государственного университета. Вы известны как требовательный научный руководитель, но помогающий молодежи открывать современные горизонты исторической науки. Под Вашим научным руководством защищены 16 кандидатских и две докторские диссертации. Ваши многочисленные ученики активно работают над изучением широкого спектра проблем истории России, успешно преподают в высших учебных заведениях, трудятся в органах государственной власти.

Вы — один из лучших историков России, Заслуженный ветеран Сибирского отделения Академии наук СССР. Все знают, что Вы — настоящий патриот своего Института, всего Академического городка.

Уважаемый Владимир Иванович, дирекция и коллектив Института российской истории РАН сердечно поздравляет Вас с 70-летним юбилеем! Желаем Вам крепкого здоровья, семейного благополучия и новых творческих свершений!

*Директор Института российской истории РАН
доктор исторических наук, профессор Ю. А. Петров*

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ!

*Администрация и сотрудники Санкт-Петербургского
института истории РАН сердечно поздравляют Вас
с Днем рождения!*

Ваши интересы связаны с одним из самых драматичных периодов российской современной истории — событиями 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войной. Нам, сотрудникам Санкт-Петербургского института истории, в котором давно существует отдел, специализирующийся на российских революциях и общественном движении, отрадно это сознавать. Вами исследован широкий спектр проблем: аграрный вопрос в Сибири в период гражданской войны, история «демократической контрреволюции», партии эсеров и антиколчаковского партизанского движения, «военного коммунизма», деятельность революционных комитетов и советских карательных органов, антикоммунистическое вооруженное сопротивление начала 1920-х годов и многое другое.

Начав путь старшим лаборантом Института истории, филологии и философии СО АН СССР, Вы сделали блестящую научную и административную карьеру, успев потрудиться и как заместитель директора по науке, и в качестве заведующего сектором истории общественно-политического развития. Вас отличает не так часто встречающаяся среди академических ученых способность к активной преподавательской работе. В Новосибирском государственном университете Вами читается целый ряд курсов по разнообразным аспектам событий революции и гражданской войны в Сибири. Более десяти лет Вы возглавляли кафедру отечественной истории, под Вашим руководством были защищены кандидатские и докторские диссертации, что говорит о Вас не только как об ученом, организаторе науки, лекторе, но и раде-теле за будущее российской науки.

Санкт-Петербургский институт истории РАН горячо поздравляет Вас как с Днем рождения, так и с выходящим в свет сбор-

ником в Вашу честь, желает Вам новых творческих успехов, здоровья, достойных учеников, выражает надежду на плодотворное и длительное сотрудничество!

*Администрация и коллектив
Санкт-Петербургского Института истории РАН*

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ!

От имени коллектива Центра славянско-евразийских исследований Университета Хоккайдо сердечно поздравляю Вас с 70-летним юбилеем!

Мы знаем Вас как крупного специалиста по истории Сибири, особенно периода революции и гражданской войны. Вы являетесь нашим давним другом, дважды работавшим приглашенным профессором в 1998–1999 гг. и 2011–2012 гг. Во время пребывания в Саппоро Вы стали автором ряда статей для журнала *Acta Slavica Iaponica* и других изданий центра и активно участвовали в наших конференциях. Вы щедро делились своим богатым опытом, глубокими знаниями с японскими учеными, помогли обогатить нашу библиотеку книгами из Сибири и таким образом внесли большой вклад в развитие изучения истории Сибири в Японии. Многие сотрудники центра тепло вспоминают о Вас как о приятном госте и высоком профессионале.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов!

*С уважением,
директор, профессор Центра славянско-евразийских
исследований Университета Хоккайдо
Манабу Сэнгоку*

親愛なるシシキン先生

北海道大学スラブ・ユーラシア研究センターのスタッフを代表して、先生の70歳の誕生日を心よりお祝い申し上げます。

先生はシベリア史、特に革命・内戦期の歴史の専門家として著名でいらっしゃいます。当センターにとっては、1998～99年と2011～12年の2度にわたって外国人研究員として滞在された、古くからの友人です。札幌にご滞在中には、学術雑誌 *Acta Slavica Iaponica* などセンターの出版物に多くの論文を寄稿され、国際シンポジウムやセミナーにも積極的にご参加くださいました。深い知識を日本の研究者に分け与え、本学の図書館におけるシベリア関係の蔵書構築にもご助力くださり、日本におけるシベリア史研究の発展に大きく貢献していただいたことに、深くお礼申し上げます。本センターの多くの教職員が、先生の温かいお人柄と、専門家としての優れたご業績を記憶しています。

先生のご健康とお幸せ、そしてますますのご活躍を、心からお祈り申し上げます。

北海道大学スラブ・ユーラシア研究センター長
教授 仙石 学

仙石 学

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ!

Дирекция и коллектив Государственного архива Российской Федерации от всей души поздравляют Вас с прекрасной юбилейной датой — 70-летием со дня рождения!

Вы являетесь крупнейшим ученым с мировым именем в области истории революции и гражданской войны в России. Вы внесли неоценимый вклад в создание концепции истории гражданской войны в Сибири, в формирование источниковой базы для ее изучения.

Вы глубоко исследовали различные аспекты политики Советской власти в 1917–1922 гг., государственное строительство в Сибири. Вами был изучен широкий круг проблем истории «демократической контрреволюции», режима Верховного правителя России А. В. Колчака, партизанского движения против «колчаковщины», деятельности революционных комитетов и феномена «красного бандитизма», антикоммунистического вооруженного сопротивления в Сибири в начале 1920-х годов, истории советской карательной политики. Широко известна созданная Вами галерея исторических портретов государственных и общественных деятелей России периода революции, гражданской войны и первых лет Советской власти.

Неоценим Ваш вклад в публикацию исторических источников. Вами подготовлены фундаментальные сборники документов, которые воспринимаются исследователями как образец археографической работы. Вы ввели в научный оборот большие комплексы документов по истории гражданской войны на востоке России, прежде всего истории органов государственной власти сибирской контрреволюции и крестьянских восстаний против политики, проводимой Советской властью в деревне.

Как известно, Государственный архив Российской Федерации является крупнейшим хранилищем документальных источников по истории гражданской войны в России и белого движения.

В подготовленных Вами документальных публикациях широко использованы материалы ГА РФ. Вы лично много и плодотворно работали в фондах нашего архива. Мы всегда были рады оказать Вам посильную помощь в Ваших научных изысканиях. Сотрудники ГА РФ с глубоким уважением относятся к Вашим научным достижениям и надеются на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

В настоящее время Вы продолжаете с присущей Вам энергией трудовую деятельность в родном для Вас Новосибирском государственном университете, воспитывая плеяду учеников — будущих исследователей истории Сибири.

Желаем Вам, дорогой Владимир Иванович, новых творческих удач, успехов во всех Ваших начинаниях на благо развития исторической науки, крепкого здоровья и благополучия Вам и Вашим близким!

*От имени коллектива ГА РФ
директор архива,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации
Л. А. Роговая*

Владимир Иванович Шишкин: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Владимир Иванович Шишкин родился 23 марта 1948 г. в селе Воскресенка Ижморского района Кемеровской области. Его отец, Иван Дмитриевич, работал ветеринаром, а мать, Александра Владимировна, — тогда вела домашнее хозяйство. В 1952 г. семья переехала в с. Красный Яр того же Ижморского района, куда отца перевели работать по специальности, а в 1962 г. — в с. Красные Орлы Мариинского района Кемеровской области. В 1965 г. В. И. Шишкин с золотой медалью окончил Красноорловскую среднюю школу и поступил на отделение истории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, который с отличием окончил в июне 1970 г.

В августе 1969 г., будучи студентом пятого курса, В. И. Шишкин был принят на работу старшим лаборантом в сектор истории советского общества Института истории, филологии и философии СО АН СССР. В конце июля 1970 г. после реструктуризации Института перешел в сектор истории крестьянства и сельского хозяйства. В декабре 1970 г. был избран по конкурсу на должность младшего научного сотрудника. В июне 1974 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Советское государственное строительство в Сибири в августе 1919 — марте 1921 г. (период революционных комитетов)». С декабря 1977 г. работал старшим, с октября 1986 г. — ведущим научным сотрудником.

В декабре 1986 г. Владимир Иванович защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 — март 1921 г.)». В апреле 1988 г. Высшая аттестационная комиссия присудила ему искомую ученую степень. В мае 1989 г. был назначен заведующим отделом истории советского общества.

После создания в декабре 1990 г. Института истории СО РАН В. И. Шишкин возглавил в нем отдел истории советского общества и одновременно был избран заведующим сектором истории общественно-политического развития, который был создан по его инициативе. С ноября 1991 г. по август 1993 г. временно исполнял обязанности заместителя директора по науке. С июня 1998 г. после очередной реструктуризации Института и по настоящее время Владимир Иванович является заведующим сектором истории общественно-политического развития.

С ноября 1974 г. В. И. Шишкин по совместительству работал ассистентом, с сентября 1978 г. — доцентом, с сентября 1988 г. — профессором кафедры истории КПСС Новосибирского государственного университета. С февраля 1990 г. по апрель 2004 г. он заведовал кафедрой Отечественной истории гуманитарного факультета НГУ, с апреля 2004 г. и по настоящее время является профессором этой же кафедры. Он читал и продолжает читать профилирующие курсы для студентов по истории России и истории Сибири, специальные курсы по истории революции и гражданской войны, по истории административно-политической элиты России, ведет спецсеминар по общественно-политическому развитию России в XX веке.

Первоначально В. И. Шишкин занимался исследованием преимущественно аграрной и продовольственной политики Советской власти в 1917–1922 гг., государственного строительства в Сибири после ее освобождения от колчаковщины, а также отечественной историографией революции и гражданской войны. Результатом изучения этой проблематики стал выход в свет трех десятков статей, написание разделов для двух коллективных трудов¹ и издание двух индивидуальных монографий². В этих публикациях в рамках существовавшей тогда марксистской парадигмы он выявил применявшиеся Советской властью механизмы и практики, позволившие ей быстро включить Сибирь в состав РСФСР, показал изменения, происшедшие в крае в ходе проведения в нем политики «военного коммунизма», а также вклад Сибири в победоносное завершение Советами гражданской войны в России.

Результаты исследований В. И. Шишкина были высоко оценены научной критикой и академическим руководством. В октябре 1980 г. за монографию «Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны» он был удостоен высшей награды Академии наук СССР и ЦК ВЛКСМ для молодых ученых — Премии Ленинского комсомола. В октябре 1987 г. он стал одним из победителей конкурса фундаментальных научных исследований СО АН СССР в области общественных наук.

¹ Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск, 1976. 478 с.; Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983. 390 с.

² *Шишкин В. И.* Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 — март 1921 г.). Новосибирск, 1978. 333 с.; *Он же.* Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 — март 1921 г.). Новосибирск, 1985. 319 с.

В дальнейшем сфера научных интересов В.И. Шишкина стала стремительно расширяться. В круге изучаемых им проблем оказалась трансформация административно-политической элиты Сибири в эпоху революций и гражданской войны, «демократическая контрреволюция» и колчаковщина, деятельность партии эсеров и партизанско-повстанческое движение во время гражданской войны, антикоммунистическое вооруженное сопротивление в начале 1920-х годов и «красный бандитизм», советская карательная политика и деятельность карательных органов в 1920–1930-е годы, реформирование Сибири в посткоммунистический период, новейшая отечественная историография.

Большое внимание Владимир Иванович уделял изучению персоналий. Им опубликованы биографические статьи и очерки, посвященные выдающемуся сибирскому поэту Г.А. Вяткину, командующему Сибирской отдельной армией генералу А.Н. Гришину-Алмазову, Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку, военному министру Временного правительства автономной Сибири А.А. Краковецкому, министру Российского правительства А.М. О कोरोкову, «вождям» сибирских партизан Ф.И. Архипову, М.В. Козырю, Е.М. Мамонтову и Г.Ф. Рогову, крупным партийно-советским деятелям М.Н. Рютину, И.Н. Смирнову, Б.З. Шумяцкому и многим другим.

С конца 1980-х годов одним из важных направлений научной деятельности В.И. Шишкина стало введение в научный оборот архивных документов и источников личного происхождения. Ему принадлежит около трех десятков документальных публикаций в журналах «Вестник архивиста» (Москва), «Вестник НГУ. Серия: История, филология» (Новосибирск), «Грани» (Франкфурт-на-Майне), «Гуманитарные науки в Сибири» (Новосибирск), «Исторический архив» (Москва), «Посев» (Франкфурт-на-Майне), «Сибирские огни» (Новосибирск).

За последние двадцать лет В.И. Шишкин подготовил и издал 12 сборников документов общим объемом около 525 печатных листов (почти 7,5 тыс. страниц)³. В результате профессиональ-

³ Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году / сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 1997. 710 с.; За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: сборник документов / сост. и отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2000. 744 с.; Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: в двух томах / сост. В.И. Шишкин. М., 2000. Т. 1. 644 с.; Сибирская Вандея. 1920–1921. Документы: в двух томах / сост. В.И. Шишкин. М., 2001. Т. 2. 776 с.; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / под. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. и отв. ред. В.И. Шишкин. М., 2003. 672 с.; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства

ные историки, краеведы и любители получили в свое распоряжение сотни важнейших источников, позволяющих проследить взаимоотношения власти и общества, трансформацию политических систем и режимов контрреволюции на востоке России во время гражданской войны, проанализировать причины, динамику и результаты вооруженного сопротивления коммунистической власти в Сибири в начале 1920-х годов. Введение В. И. Шишкиным в научный оборот ключевых документов Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства и Совета министров Российского правительства дало возможность не только максимально полно охарактеризовать деятельность названных органов власти, но и лучше понять причины поражения «белого» движения в России в целом. Отличительной чертой документальных публикаций В. И. Шишкина является наличие обширных авторских комментариев, содержащих важную, зачастую уникальную, информацию об упомянутых в источниках исторических событиях, органах власти и персонажах.

В. И. Шишкин являлся автором, руководителем и основным исполнителем научных проектов, нацеленных на решение ряда фундаментальных для отечественной исторической науки проблем в широких территориальных и хронологических рамках. В их числе были проекты, посвященные адаптации населения Сибири к политическим системам и режимам российского государства в XVII — XX вв., трансформации российской политической системы в период революции и гражданской войны, гражданской войне в Сибири в антропологическом, институциональном и геополитическом измерениях, социальной мобильности в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой

(26 мая — 30 июня 1918 г.): сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2005. 246 с.; Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.): сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2007. 818 с.; Временное Всероссийское правительство (23 сентября — 18 ноября 1918 г.): сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2010. 362 с.; Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь — август 1918 г.): сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2013. 298 с.; Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 — ноябрь 1919 г.): сборник документов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2014. 279 с.; Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 — май 1921 г.): сборник документов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Изд. 2-е, расширенное и дополненное. Новосибирск, 2015. 418 с.; Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 — 3 января 1920 г.): сборник документов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1. 748 с.; Т. 2. 734 с.

половины XX в., политической повседневности Сибири и политическим практикам сибиряков в XX в., институтам гражданского общества в Сибири в XX — начале XXI в. Эти и другие проекты были поддержаны отечественными и зарубежными фондами, в том числе Российским гуманитарным научным фондом, Российским научным фондом, Российским фондом фундаментальных исследований и фондом «Культурная инициатива» (фонд Сороса), Министерством образования и науки Российской Федерации, Президиумом Российской академии наук и Президиумом СО РАН, Центром русских исследований Гарвардского университета, Институтом перспективных российских исследований им. Дж. Кеннана (США), Центром славянских исследований университета Хоккайдо (Япония)⁴.

Результаты работы возглавляемого В.И. Шишкиным сектора и временных исследовательских коллективов были опубликованы в нескольких десятках сборников научных статей, часть из которых стали серийными изданиями: «Власть и общество в Сибири в XX веке» (Новосибирск, 1997–2015 гг., вып. 1–6); «Институты гражданского общества в Сибири в XX — начале XXI в.» (Новосибирск, 2009–2011 гг., вып. 1–2); «Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны» (Новосибирск, 2012–2013 гг., вып. 1–2). Эти сборники статей стали существенным вкладом не только в сибирскую, но и в российскую историографию.

В.И. Шишкин принимал участие во многих международных, всесоюзных, всероссийских и региональных научных конференциях, выступал с докладами в университетах Великобритании, Германии, Ирландии, Китая, США, Японии. В 1992–1993 гг. он работал в Русском исследовательском центре Гарвардского университета и в Институте Кеннана Центра Вудро Вильсона, в 1998–1999 гг. и 2011–2012 гг. — был приглашенным сотрудником в Центре славянских исследований университета Хоккайдо. Его статьи публиковались в Англии, Германии, США, Франции, Японии. На протяжении многих лет Владимир Иванович поддерживает устойчивые научные связи с коллегами из Великобритании, Германии, Израиля, Казахстана, США и Японии.

Наряду с исследовательской и публикаторской деятельностью В.И. Шишкин ведет большую научно-организационную, редакторскую и экспертную работу. Он являлся ответственным секре-

⁴ См.: Владимир Иванович Шишкин. Библиография / сост. С. О. Вишневецкий, Т. И. Морозова, В. М. Рынков, Д. Л. Шереметьева. Новосибирск, 2018. С. 71–73.

тарем пятитомной «Истории крестьянства Сибири» и заместителем главного редактора ее третьего тома, редактором «Вестника НГУ. Серия: История, филология», заместителем главного редактора журнала «Гуманитарные науки в Сибири», членом редколлегии международного журнала «Sibirica. Journal of Siberian Studies» и членом редколлегии трехтомной «Исторической энциклопедии Сибири». За почти 50 лет профессиональной деятельности В.И. Шишкин принимал участие в качестве члена редколлегии, ответственного секретаря, научного и ответственного редактора 57 сборников статей и тезисов, 11 сборников документов и 10 монографий⁵. В настоящее время состоит членом редакционных советов и редакционных коллегий пяти научных журналов, экспертом Российской академии наук, Российского научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований.

Владимир Иванович всегда активно занимался общественной работой и пропагандой научных знаний. Он регулярно выступал с популярными лекциями перед населением, на радио и на телевидении, принимал участие в подготовке документальных фильмов, дает интервью по актуальным вопросам истории и современности. В 1989–2000 гг. являлся председателем Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев при Министерстве культуры СССР — Российской Федерации. С 2010 г. по настоящее время состоит членом научно-координационного совета научно-образовательного центра «Историческое сибиреведение», учрежденного Институтом истории СО РАН, Новосибирским государственным университетом и Институтом археологии и этнографии СО РАН.

Много внимания В.И. Шишкин уделял и продолжает уделять подготовке научных кадров. В 1990–2007 гг. он был заместителем председателя диссертационного совета при Новосибирском государственном университете, в 1991–2007 гг. и с 2012 г. по настоящее время — членом диссертационного совета при Институте истории СО РАН. Под научным руководством В.И. Шишкина дипломные сочинения, бакалаврские квалификационные работы и магистерские диссертации защитили около 60 студентов гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук — 16 аспирантов и соискателей, двое стали докторами исторических наук⁶. Его ученики — доктора историче-

⁵ Владимир Иванович Шишкин. Биобиблиография... С. 64–70.

⁶ Там же. С. 74–79.

ских наук Л. И. Гвоздкова и В. И. Исаев, кандидаты исторических наук В. В. Журавлев, М. В. Котляров, Т. И. Морозова, В. И. Пинкин, В. М. Рынков, И. А. Ряцева, А. И. Савин, Е. А. Сазонов, Д. Г. Симонов, Н. Г. Третьяков, Ю. П. Швец, Д. Л. Шереметьева — активно работают над изучением широкого спектра проблем истории России, преподают в высших учебных заведениях, служат в органах государственной власти и управления.

В. И. Шишкину присвоено почетное звание «Заслуженный ветеран СО АН СССР». За плодотворную научную и педагогическую деятельность он неоднократно награждался почетными грамотами и дипломами Президиума СО РАН, Новосибирского государственного университета, Министерства образования, науки и инновационной политики Новосибирской области, Управления государственной архивной службы Новосибирской области, был удостоен благодарности губернатора Новосибирской области.

Раздел второй

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

А. Вуд

Ланкастерский университет (Великобритания)

ОКОЛЕВШАЯ КОРОВА, НЕПОКОРНЫЙ СВЯЩЕННИК И РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Жизненный путь одного из известных религиозных деятелей XVII в. — протопопа Аввакума — рассмотрен в статье как притягательный пример противостояния духовным и светским властям. Аввакум привнес в старообрядчество сильнейший антимонархический настрой, сохранявшийся на протяжении двух столетий. Начавшись как религиозное инакомыслие, раскол стал формой классовой борьбы между низшими и высшими слоями общества. Автор доказывает, что настроения старообрядцев, составлявших значительную долю российского крестьянства, стали одним из важнейших факторов вызревания того социального и идейного кризиса, который привел Россию к революции в 1917 г.

Ключевые слова: протопоп Аввакум, раскол, сибирская ссылка, классовая борьба, революция 1917 г.

Идея данной статьи родилась в результате дискуссии, разгоревшейся на научной конференции в Англии. Тогда мы с коллегами затронули очень важную тему: «Могут ли обычные события приводить к великим историческим последствиям?» Действительно, можно ли найти малозначительные события прошлого, вызвавшие сначала едва заметные результаты, которые, обрастая, как снежный ком, новыми деталями, в конце концов приводили к историческому повороту.

Необычная тема моего исследования объясняется стремлением дать дополнительный запоздалый аргумент в этом споре. Так в чем же связь между смертью коровы в небольшой деревушке в России начала XVII в., карьерой непокорного провинциального священника, падением Российской империи в феврале 1917 г. и «десятью днями, которые потрясли мир»¹ во время Октябрьской революции сто лет назад? Для начала необходимо пояснить, что я имею в виду, когда пишу о «непокорном священнике». Определение «непокорный» используется мной не случайно. Оно является аллюзией на знаменитое изречение короля Англии Генриха II: «Неужели никто не избавит меня от этого непокорного священни-

¹ *Reed J.* Ten Days that Shook the World. London, 1926. 351 p.

ка?» Эти слова были сказаны им после участия в диспуте с архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом и спровоцировали убийство Бекета в 1170 г. в соборе верными королю рыцарями².

Российским властям не меньшую массу неприятностей доставлял другой священник — протопоп Аввакум. Он родился в 1620 г. в заброшенной деревушке Григорово под Нижним Новгородом в семье пристрастившегося к алкоголю сельского священника. Когда ему было около десяти лет, он увидел умирающую больную корову, и это так глубоко впечатлило несчастного ребенка, что он уже тогда задумался о жизни, смерти и бессмертии. Пав ниц перед иконой, он дал обет посвятить свою жизнь религии и стать священником³. Действительно, Аввакум был рукоположен в 1644 г., но вскоре вступил в конфликт с иерархами Православной церкви из-за своего жесткого неприятия целого ряда церковных и литургических реформ. Постепенно он стал наиболее прямолинейным, упрямым, критичным и вспыльчивым оппонентом церковного и светского аппарата во всей Московии середины XVII в. — времени крайней общественной и религиозной нестабильности. Споры по многим религиозным вопросам в конце концов вызвали глубокий раскол внутри Церкви и общества, который (во всяком случае, в Церкви) продолжает существовать до настоящего времени как в России, так и в общинах русских эмигрантов за рубежом. Противников проводимых тогда реформ стали называть «раскольниками», «староверами», или «старообрядцами».

В данной статье я попытаюсь показать раскол не только как религиозное явление. Есть все основания посмотреть на него шире — как на отражение начальной стадии глубокого и все более углубляющегося общественного и политического кризиса, который привел к падению Империи Романовых и, в конечном счете, к революционному завоеванию власти большевиками в октябре 1917 г. Конечно, автор далек от мысли пытаться установить прямую телеологическую связь между агонией больной коровы в средневековой русской деревушке и смертельными муками Российской империи. Это было бы неразумно. Если бы несчастное животное не окодело на глазах будущего лидера церковного раскола, российская революция в любом случае произошла бы вследствие совокупности сложных и взаимосвязанных социальных, экономических, политических и военных причин. Но протест ста-

² Драма Т. С. Элиота «Убийство в Соборе» впервые поставлена в Кентерберийском соборе в 1935 г.

³ Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. 480 с.

роверов запустил ход исторического развития в определенном направлении, и это позволяет считать его значительным фактором будущей Великой революции — пожалуй, наиважнейшего политического события XX в., сейсмические потрясения и толчки которого ощущаются нами до сих пор.

С учетом вышесказанного роль Аввакума в историческом процессе должна рассматриваться в контексте политических, культурных и религиозных противоречий в России середины XVII в. С 1589 г. до 1613 г. Московское государство было раздираемо на части чередой общественных беспорядков, кровопролитных крестьянских восстаний, казацких мятежей, иностранных вторжений. Восхождение разных претендентов на трон сопровождалось настоящим разгромом страны. Недаром для обозначения этого исторического периода обычно используют термин «Смутное время», который вызывает в воображении картину мрачного междоусобного хаоса и насилия как результата острой классовой борьбы, достигшей масштабов гражданской войны⁴.

В 1613 г. Земский собор, созданный в Москве из представителей в основном высших слоев российского общества, решил важнейшую политическую проблему: определил, кто должен управлять страной. Собор избрал царем юношу — Михаила Федоровича Романова, который стал первым монархом новой династии, правившей Россией в течение последующих трех веков. Решение династической и политической проблем мало способствовало снижению накала социальных противоречий, смягчению экономических трудностей и никак не повлияло на возрастающее религиозное разделение общества. Поэтому, спустя несколько десятилетий после «Смутного времени», к середине XVII в. последовал период, который русский историк В. О. Ключевский описал как «Бунташное время»⁵.

К незатухающим крестьянским выступлениям, городским восстаниям и мятежам служилых людей добавилась острая религиозная конфронтация, завершившаяся Великим расколом между староверами и официальной церковью. Именно он сыграет чрезвычайно важную роль в более поздней российской истории. Как уже указывалось, раскол представлял собою нечто большее, нежели только религиозное инакомыслие. Он являлся отражением социальной борьбы между низшими слоями российского общества

⁴ *Dunning C.S.L.* Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. Pennsylvania, 2001. 352 p.

⁵ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1937. Т. 3. С. 141, 257–259.

(включая провинциальное духовенство и их приходы) и церковными и светскими иерархами.

Итак, где следует искать корни раскола и почему религиозные раскольники стали для официальной власти «бельмом в глазу»?⁶

В конце 1640-х годов в Москве сложилась группа светских и церковных деятелей, называвших себя «ревнители благочестия». Они обсуждали сумбурное состояние общественной жизни, злоупотребления, коррупцию и распущенность власти, задумывались над путями оздоровления морального климата в стране, в том числе с помощью церковной реформы. Среди членов кружка ревнителей был сам царь Алексей Михайлович, будущий патриарх Никон и только что прибывший в столицу протопоп Аввакум. «Ревнители благочестия» искали способы искоренения «либеральной» привычки отступать от строгого совершения всей последовательности обрядов во время церковной службы, а также были преисполнены решимостью бороться с безнравственностью, колдовством, западными влияниями и алкоголизмом среди священников⁷.

«Ревнители» также выступали за радикальный пересмотр религиозных обрядов, своеобразие которых в предыдущие века привело к значительным противоречиям между Русской и другими восточными православными церквями, в особенности Константинопольской. Была достигнута договоренность, что реформа необходима, но вскоре возник диспут о том, в каком направлении следовало проводить пересмотр. Одной точки зрения придерживались те, кто предлагал основываться на опыте греческой православной церкви. Так, грекофилы считали, что притязания Москвы на то, чтобы считаться «Третьим Римом» (после падения Рима и Византии) и лидером православного христианства, будут обоснованы только при установлении духовной связи с братскими церквями. Традиционалисты, в свою очередь, полагали, что со времени Флорентийской унии 1439 г. греки впали в ересь, за что их наказал Бог, бросив на расправу туркам-басурманам в 1453 г. Кроме того, с 1589 г. Русская православная церковь имела свой автокефальный патриархат. Поэтому у России не было причины — исторической, доктринальной или административной —

⁶ См.: *Pascal P. Avvakum et les Débuts du Raskol: La crise religieuse au XVII siècle en Russie*. Paris, 1938. 618 p. (См. также: *Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола* / пер. с фр. С. С. Толстого, науч. ред., пер. и предисл. Е. М. Юхименко. М., 2011. 680 с.).

⁷ В России борьба с неумеренным потреблением алкоголя во все времена была непосильной задачей. Последний, кто имел возможность убедиться в этом, был Михаил Горбачев (См.: *White S. Russia Goes Dry: Alcohol, State and Society*. Cambridge, 1996. 252 p.).

подчиняться «презренным» грекам, которые находились в тот момент под мусульманским правлением.

Тот факт, что реформы двинулись в направлении, обозначенном грекофилами, а не русскими традиционалистами, был результатом не религиозных, а скорее политических соображений и мотивировался в первую очередь интересами внешней политики. Поэтому староверы мало что могли сделать против проведения ненавистных реформ объединенными силами короны и алтаря в лице царя Алексея и патриарха Никона. Те, кто сопротивлялся и не соглашался с реформой, включая непримиримого Аввакума, были подвергнуты безжалостным гонениям с такой яростью, что изначально простое религиозное расхождение превратилось в массовое движение, оппозиционное официальной церкви и самодержавию.

Так что же включали в себя реформы, которые повлекли за собой такое фанатичное противодействие и самоубийственное сопротивление? Необходимо отметить, что под сомнение не ставились никакие фундаментальные вопросы веры и христианские догматы. Пересмотру подвергались только формальные и ритуальные по своей сути вопросы, касавшиеся таких мелочей, как число пальцев, используемых для крестного знамения: два (как в старых русских обряде) или три (как в греческом ортодоксальном обряде). Именно спор по этому поводу стал символом реформ. Другие расхождения включали вопросы о правильном написании и произношении определенных сакральных слов, таких как «аллилуйя» или «Иисус», или должен ли крестный ход идти по часовой или против часовой стрелки. В течение нескольких последующих веков тысячи староверов были уничтожены или покончили жизнь самоубийством из-за нежелания креститься троеперстием. Но почему?

Ответить на этот вопрос можно, если проникнуться пониманием, что ритуальная сторона находилась на центральном месте в жизни и богослужении ортодоксального христианства. Недостаток грамотности, отсутствие в Русской церкви какой-либо традиции интерпретации Писания исторически вели к тому, что внешняя сторона церемониала и сопровождавшие его жесты приобрели ауру неприкосновенной, почти магической мистерии. Это не был вопрос «номиналистической чепухи», как в свое время заявил один западный исследователь⁸. Ритуал являлся доктриной, и попытка изменить лишь один-единственный жест, поме-

⁸ Field A. The Completion of Russian Literature. Harmondsworth, 1973. P. 258.

нять всего лишь одну «черточку» многими воспринималась как дьявольская ересь, которая наносила удар в сердце всей религиозной доктрины, несмотря на то, что такое отношение не подкреплялось никаким логическим обоснованием. Заставить русско-го крестьянина, жившего в XVII в., делать крестное знамение тремя перстами, а не двумя — это все равно, что заставить польского иезуита отрицать божественность Христа или девственность Девы Марии. В долгой и жестокой истории христианства многие были сожжены на костре и за меньшее отступление от канона.

Но чтобы понять настоящую природу и дальнейшие последствия раскола, нужно принять во внимание более сложные социальные и национальные вопросы. Основные причины глубокого брожения умов российского общества в то время не являлись реакцией на разработанную программу реформ⁹ или какой-либо иной формой критического анализа современности. Что осознавали крепостные крестьяне, вольные казаки, бедное приходское духовенство и городские низшие слои, так это концентрацию экономической власти и политические привилегии в руках религиозных и светских иерархов и свою собственную униженность и эксплуатацию. Теперь же эта власть предлагала целый ряд церковных реформ, которые низшие классы общества были не в состоянии освоить. Поэтому язык их социального протеста был языком их религии, который они понимали, пусть и примитивным образом. В результате раскол уже в самом начале истории был отмечен классовым антагонизмом между низшим духовенством и деревенскими общинами с одной стороны и могущественной церковной и светской аристократией — с другой. Ученые-марксисты описывали как «ложное сознание» то, что старообрядцы, приносившие себя в жертву фактически реакционному идеалу, по сути, боролись против политической и религиозной тирании. По словам оксфордского ученого Евгения Ламперта, «тяжелая артиллерия мракобесия и жесткой обрядности, которую староверы направили против разума, маскировала возмущение плебеев против дворянства и церкви»¹⁰.

Лидеры и последователи этого бунта вскоре были преданы анафеме, арестованы и казнены, а патриарха Никона, главного архитектора реформ и инициатора раскола, позднее удалили с его поста и отправили в далекий монастырь за дерзость подвергать сомнению власть государства над церковью. Царь Петр Вели-

⁹ Программы такой в XVII в. не существовало, если не считать текст Соборного уложения 1649 г.

¹⁰ *Lampert E. Studies in Rebellion. London, 1957. P. 12.*

кий в начале XVIII в. должен был довести дело до конца, отменив должность патриарха. Правление Петра было также одним из периодов наиболее жестокого преследования и разгрома общин староверов. В течение XVIII–XIX вв. политическая элита продолжала относиться к староверам не только как к раздражающему проявлению религиозного инакомыслия и даже ереси, но и как к серьезной угрозе государственной власти. По существу, староверы остались объектом многих форм юридической и финансовой дискриминации. В таких труднодоступных районах, как Крайний Север или Сибирь, куда они бежали от своих преследователей, раскольники считались рассадником оппозиции власти Романовых. Даже в 1880-х годах глава ортодоксальной церкви, обер-прокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев описал староверов как угрозу правительству, более опасную, чем террористы и участники революционного движения.

Всероссийская перепись 1897 г. показала, что из 117 млн человек 17,5 млн, или почти 15 % от общей численности населения, являлись участниками той или иной секты¹¹. Несомненно, это заниженная цифра. По личным, политическим, идеологическим и юридическим причинам многие неконформисты не афишировали свою религиозную принадлежность. Известный революционер и одновременно видный исследователь религиозных движений в России того времени В.Д. Бонч-Бруевич подсчитал, что незадолго до революции 1917 г. примерно треть населения России входила в состав той или иной раскольнической секты. Основываясь на масштабном исследовании и многотомных публикациях по русскому сектантству, в статье, опубликованной в газете «Правда» в 1924 г., он утверждал, что «не менее трети русского населения принадлежали этим группам» (т. е. религиозным диссидентам)¹². Однако следует учитывать, что у Бонч-Бруевича были свои причины завышать численность сектантов в разы. Его всегда привлекало наличие в сектантских верованиях идей социального равенства. Именно «сектанты-коммунисты» служили для Бонч-Бруевича лучшим доказательством того, что народническая мечта о коммунистических традициях русского народа имела под собой реальные основания¹³.

¹¹ Florinsky M. Russia: A History and an Interpretation. New York, 1966. Vol. II. P. 1119.

¹² Бонч-Бруевич Вл. Возможное участие сектантов в хозяйственной жизни СССР // Правда. 1924. 18 мая.

¹³ Эткинд А. Русские секты и советский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее. Исторический альманах. М., 1996. Т. 19. С. 275–319; Он же. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998. С. 659.

Кроме того, хорошо известно, что в начале 1910-х годов многие состоятельные старообрядцы — купцы и промышленники, например, семья Морозовых, — потратили тысячи рублей на поддержку различных революционных группировок, включая большевиков. Эти богатые русские капиталисты-старообрядцы, которые веками не повиновались власти по религиозным причинам, теперь сознательно финансировали те силы, целью которых было свержение капитализма и империализма. То, что большая часть русского крестьянства, которое противостояло также по религиозным причинам правлению Романовых и изображало следующих друг за другом монархов в облике Антихриста или зверя Апокалипсиса в своей альтернативной иконографии, подвергает большому сомнению общепринятую версию, согласно которой российские крестьяне являлись верными подданными царя-батюшки. Напротив, по ряду социальных, экономических и религиозных причин крестьянство было, по словам представителей государственной власти середины XIX в., пороховой бочкой под тронем. Публикуемые староверами книги периодически иллюстрировались образами царя с рогами и копытами — чертами, присущими дьяволу в народном воображении.

То, что начиналось как протест консервативной оппозиции против ряда, казалось бы, туманных церковных реформ, превратилось в глубоко укоренившееся и широко распространенное массовое противостояние авторитарному государству. Нигде так наглядно не воплотился дух борьбы, как в жизни и сочинениях непокорного протопопа Аввакума. Своим удивительно прямолинейным, смелым и решительным противостоянием власти, личными страданиями в царских тюрьмах и ссылкой в Сибири Аввакум в некотором роде олицетворял многовековую борьбу простого народа с угнетающим правящим классом, борьбу низов с верхами.

Как уже говорилось выше, призвание Аввакума сформировалось после того, как он увидел умирающую в муках корову. К концу своей непокорной жизни он написал автобиографию, которая, вероятно, является наиболее смелым, увлекательным и исторически значимым образцом русской литературы позднего Средневековья, а также, конечно, источником вдохновения для старообрядческого движения в целом. Вот как он начинает свое жизнеописание: «Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмельнова, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учае мя страху божию. Аз же некогда видеу у соседа скотину умершу, и той

нощи, возставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молитися»¹⁴.

Аввакум очень лаконично рассказывает об этом эпизоде. Но тот факт, что пятьдесят лет спустя после события он описывает его в самом первом абзаце своей автобиографии, свидетельствует о значении этого случая как своеобразного катализатора его духовного развития, определившего выбор религиозной профессии в будущем. После смерти своего отца и женитьбы на благочестивой деревенской девушке он переехал из Григорово в д. Лопатица. Там Аввакум вступил в конфликт с соседями и родственниками, что привело к его изгнанию. Он никак не объясняет этот факт, хотя вполне вероятно, что вызвать этот конфликт могли его чрезмерная ревностная религиозность и стремление критиковать поведение других людей. Многие другие примеры религиозных воинственных конфликтов с различными людьми в дальнейшей жизни Аввакума наводят на мысль, что раздражительность являлась не только чертой его в какой-то степени самоуверенной и заносчивой натуры, но и миссией его жизни.

Тем не менее в Лопатице Аввакум изучал Закон божий и затем в 1644 г. был рукоположен в священнический сан. Там он оставался в течение десяти лет, а потом переехал в город Юрьевец-на-Волге, где получил сан протопопа. Как в Лопатице, так и в Юрьевце он вступал в многочисленные, порой жестокие, конфликты с местной общиной. Дошло до того, что Аввакум покинул свой приход и отправился с женой и новорожденным сыном в Москву, где вскоре был вовлечен в упомянутые ранее мероприятия «ревнителей благочестия». Несмотря на то, что фанатизм вначале помог Аввакуму взаимодействовать с властями, его придирчивый и напористый критицизм по отношению к церковной и светской элите в конце концов привел к его аресту, тюремному заключению и осуждению на бессрочную высылку в Сибирь.

В середине XVII в. Сибирь представляла собой суровый, жестокий и опасный холодный край, населенный местными туземными племенами, русскими переселенцами, охотниками, алчными торговцами, казаками и ссыльными преступниками из европейской части России. Сибирь неслучайно впоследствии называли «русским диким Востоком»¹⁵. В начале своего изгнания Аввакум еще

¹⁴ Житие протопопа Аввакума... С. 59.

¹⁵ См.: Wood A. Russia's Wild East: exile, vagrancy and crime in nineteenth-century Siberia // The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution / ed. by A. Wood. London, New York, 1991. P. 117–137.

оставался в своем церковном чине и был назначен на место в храме в Тобольске. Однако его предсказуемо повторяющиеся распри с местными горожанами, двусмысленное этическое (или неэтическое) поведение и конфликты с региональными властями вскоре закончились его ссылкой в дальние уголки Восточной Сибири. Сюда он отправился в качестве военного священника в составе казачьего военного отряда под командованием Афанасия Пашкова — жестокого, грубого и беспощадного пограничного воеводы, который стал садистским мучителем Аввакума на следующие четыре или пять лет. После одной яростной ссоры, когда Пашков подверг сомнению церковный статус Аввакума и получил типичный провокационный ответ, Пашков высек непокорного священника 72 ударами кнута и затем заключил его в холодную, кишашую паразитами башню Братского острога¹⁶.

Дальнейшая автобиография Аввакума содержит живые, ужасающие, но красноречивые детали его последующих странствий, тягот и невзгод, а также наблюдения географической, топографической, этнической, военной и даже гастрономической ситуации в Сибири XVII века¹⁷. Наконец, после опалы Никона Аввакум был призван царем Алексеем Михайловичем в Москву, но после категорического отказа прекратить порицание реформ был заключен в холодную яму в маленьком и приходящем в упадок городке Пустозерске за Северным полярным кругом¹⁸. Оттуда непреклонный протопоп отправил поток проповедей, посланий и трактатов, в которых продолжал бранить и обличать тех, кого он считал посланниками дьявола. Именно там он написал свою феноменальную автобиографию. Малоизвестная на Западе, она одновременно представляет собой историческую хронику, эпическое повествование о времени и месте, где жил этот в некотором роде первооткрыватель стиля более позднего реалистического романа. Его сочинение — роман-путешествие и географический справочник, духовный завет и выдающееся произведение — обладает неординарной литературной мощью и лингвистической силой.

В конце концов, столкнувшись с бесконечным упорством Аввакума и, по-видимому, непрерывным его критиканством, московские власти приговорили его к смерти, и 14 апреля 1682 г. он и трое его единоверцев были выведены из ледяных подземелий, доставлены к подготовленному сосновому срубам и сожжены. Согласно некоторым не совсем заслуживающим доверия рассказам,

¹⁶ Житие протопопа Аввакума... С. 71–73.

¹⁷ Там же. С. 67–88.

¹⁸ Там же. С. 104–110.

когда пламя охватило тело Аввакума, он поднял правую руку, чтобы осенить последним дерзким двоеперстным жестом своих палачей¹⁹. Две недели спустя, после смерти царя Федора, наследника Алексея Михайловича, московский трон перешел к его сводным братьям — Ивану V и Петру I. Хронологическое совпадение казни протопопа Аввакума, фанатичного поборника веры и отправления обрядов уходящей эпохи, и вступления на трон Петра Алексеевича Романова — царя, который сделал больше, чем кто бы то ни был, для того чтобы вывести Россию на арену европейской истории, является душераздирающим символом перехода России от позднего Средневековья к ограниченному модернизму.

После смерти Петра в 1725 г. осталось неоднозначное наследие военных, социальных, налоговых, религиозных, образовательных, научных, лингвистических и разных других, даже портновских реформ, которые во многих отношениях изменили нацию. Петр также создал глубоко разделенное общество, только усилив классовый антагонизм, сформировавшийся ранее. С одной стороны было европеизированное дворянство, с другой — крестьянство (включая подвергнутых гонениям староверов), позднее — промышленный пролетариат, инакомыслящие и воинствующая интеллигенция. Комбинация этих оппозиционных сил в конечном счете привела к разрушению самодержавия в начале XX в.

В рамках настоящей статьи нет необходимости в деталях описывать историю достигшего кульминации в марте 1917 г. революционного движения и окончательной победы большевистской партии В. И. Ленина в октябре 1917 г. Но, несмотря на то, что при Советской власти эта революция часто по традиции называлась «Великая Октябрьская Пролетарская Социалистическая революция», ее главным участником было обычное мятежное крестьянство, которое Л. Д. Троцкий определил как «подпочву революции». В частности, вопрос «земли и мира» в ходе событий 1917 г. повлиял на огромное большинство россиян — крестьян, из которых состояла и большая часть старообрядцев, наследников более чем двухвековой традиции сопротивления династии Романовых, берущей начало в религиозном расколе. Выдающуюся и трагическую роль в нем сыграл непокорный священник Аввакум, по следам которого мы прошли, рассмотрев долгий благородный путь рождения духа инакомыслия, оппозиции и борьбы. После этого, может быть, не такой уже нереальной покажется связь между ко-

¹⁹ *Pascal P. Avvakum et les Débuts du Raskol...* P. 545.

ровой, смерть которой не только повлияла на маленького Аввакума, но и определила его дальнейшую судьбу, ставшую для русского крестьянства притягательным образцом непримиримости к любой несправедливости и социального протеста, и событиями революции 1917 г. Американский ученый Рой Робсон отметил: «Староверы сохранили в точности тот идеологический фанатизм и революционный пыл, которые были характерны для большевиков»²⁰.

Наконец, казалось бы, вне всякой связи с рассматриваемой проблемой замечу, что, когда готовился более ранний, но так и не опубликованный вариант настоящей статьи, 23 апреля 2007 г. было объявлено о смерти бывшего российского президента Бориса Ельцина. Б. Н. Ельцин родился в 1931 г. в крестьянской семье в с. Бутка на Урале. В детстве его отец вышел из колхоза и стал рабочим в Перми. После окончания школы Борис учился в институте, работал инженером, вступил в КПСС. Затем он стал партийным функционером, быстро продвигался по всем ступеням партийной карьерной лестницы, занял место первого секретаря Свердловского обкома КПСС. Находясь в этой должности, он оказался причастен к уничтожению части памяти о прошлом, отдав приказ о разрушении Ипатьевского дома, где в 1918 г. были убиты Николай II и его семья. Позже Б. Н. Ельцин переехал в Москву и стал членом Политбюро, а затем президентом Российской Федерации, руководил страной во время развала Советского Союза и лично назначил своим преемником Владимира Путина. Если бы отец Ельцина не переехал из деревни в промышленный город, весьма вероятно, что юный Борис продолжил бы работать в колхозе и потому никогда бы не вступил в КПСС и не стал бы президентом России. Конечно, такие рассуждения могут показаться досужей спекуляцией. Но все-таки любопытно отметить (это как раз имеет прямое отношение к тому, о чем говорится в начале нашей статьи), что, согласно некрологам, причина, по которой отец Ельцина переехал из с. Бутка на работу строителем в Пермь, состояла в том, что околела их единственная корова²¹.

Авторизованный перевод с английского С. А. Рынковой.

²⁰ Robson R. R. *Old Believers in Modern Russia*. DeKalb, Illinois, 1995. P. 3.

²¹ См., например: Steele J. *Obituary of Boris Yeltsin* // *The Guardian* (London). 2007. 23 April.

А. В. ДМИТРИЕВ

Новосибирский государственный университет

ИНОСТРАНЦЫ И РУССКИЕ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.: ОСОБЕННОСТИ ПОСТУПЛЕНИЯ И ВЫХОДА В ОТСТАВКУ

В статье на основе архивных источников показано, что специфические условия службы в Сибири заметно влияли на состав офицерского корпуса находившихся там частей регулярной армии. Во второй половине XVIII в. не редкими были случаи, когда выходцы из стран Западной Европы отказывались от назначения на службу в сибирские части. Вместе с тем многие лица, подававшие в отставку с военной службы, продолжали карьеру в аппарате гражданского управления, оставаясь в Сибири до конца жизни. Сделан вывод о том, что, даже несмотря на затруднения, испытываемые офицерами регулярной армии на службе в восточной части империи, военная карьера оставалась привлекательной как для представителей разных групп населения страны, так и для иностранцев: благодаря ей достигался привилегированный социальный статус.

Ключевые слова: регулярная армия, военная служба, офицерский корпус, Сибирь, XVIII в.

Изучение истории вооруженных сил любого государства включает не только исследование тех военных конфликтов, в которые они были вовлечены на протяжении ряда исторических периодов, но также анализ статуса и функций армии в рамках политических и социальных систем разных стран, особенно начиная с эпохи нового времени. Регулярная армия в государствах имперского типа, к которым относилась и Россия XVII–XIX вв., не только играла важнейшую роль в деле укрепления обороноспособности и защиты границ от внешних врагов, но также выполняла множество функций внутри страны. Одной из них являлось обеспечение вертикальной мобильности представителей разных групп российского социума. В последние годы российские исследователи обосновали актуальность и приступили к активному изучению институтов, каналов и лифтов социальной мобильности, существовавших в первой половине

XX столетия¹. Имеются все основания к тому, чтобы обратиться к анализу данной проблемы применительно к более раннему периоду. В имперской России XVIII в., являвшей собой специфический тип «милитаризованной» государственности, регулярная армия играла роль социального лифта, даже несмотря на достаточно жестко иерархизированную сословную структуру общества.

Современные исследователи, занимающиеся изучением истории русской армии, в том числе XVIII в., проявляют устойчивый интерес к «персональному измерению», к анализу кадрового состава и выяснению биографий отдельных лиц, состоявших на военной службе в Российской империи². Однако ряд вопросов, связанных, например, с процедурами поступления в ряды армии и получения отставки, до сих пор освещался лишь на уровне имперского законодательства, регулировавшего данную сферу в целом³, практически без привлечения конкретных данных, позволяющих проследить индивидуальный жизненный путь отдельного человека. И если процедуры проведения рекрутских наборов в XVIII в., по крайней мере, описаны и охарактеризованы в ряде обобщающих трудов по истории русской армии⁴, то о процедурах зачисления на службу представителей российского дворян-

¹ См.: *Шишкин В.И., Савин А.И.* Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 89–93.

² См., например: *Феофанов А.М.* Российский генералитет XVIII в.: социальная динамика поколений // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. 2013. Т. 2, вып. 4 (14). С. 221–229; *Черников С.В.* Российский генералитет 1725–1730 гг.: численность, национальный и социальный состав // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 128–143.

³ *Бабич М.В.* Попытки реформирования политики и практики офицерских отставок в конце 1730-х гг. // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 13–17 сентября 2006 г.). СПб., 2006. Ч. 2. С. 13–17; *Она же.* Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 81–102; *Марасинова Е.Н.* Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 21–33; *Федюкин И.И.* «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею А.Б.Каменского. М., 2014. С. 83–142.

⁴ См.: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в.: очерки. М., 1958. 645 с.; *Леонов О.Г., Ульянов И.Э.* Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. 296 с.; и др.

ства или тем более иностранцев в научной литературе практически нет сведений.

Цель настоящей статьи — проследить на конкретных примерах, каким образом оформлялось поступление на службу в армию русских дворян и выходцев из стран Европы, от каких условий зависело зачисление в ряды армии того или иного человека, как могла складываться дальнейшая судьба бывшего офицера после его выхода в отставку. Для этого использовались выявленные в фондах как центральных, так и местных архивохранилищ документы, в которых зафиксированы детали таких процедур применительно к воинским частям, дислоцированным к востоку от Урала, в составе Сибирского корпуса во второй половине XVIII в. Материалы, отложившиеся в фонде Иностранной экспедиции канцелярии Военной коллегии Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), а также в фонде Военно-походной канцелярии командира Сибирского корпуса Государственного исторического архива Омской области (ГИАОО), позволяют описать механизм зачисления в эти воинские части лиц, подававших соответствующие просьбы. Сведения о службе офицеров сибирских частей имеются в их формулярных списках, содержащихся в фонде «Коллекции офицерских сказок» в РГВИА. Издававшиеся же со второй половины 1760-х годов адрес-календари⁵ содержат данные обо всех чиновниках центральных и местных органов государственной власти за каждый год. Они позволяют проследить дальнейшую судьбу многих офицеров, подававших в отставку с военной службы и переходивших в аппарат гражданского управления. Немалую помощь при такой работе оказывает справочник В. П. Степанова⁶.

Для дворянских детей в XVIII в. поступление на военную службу должно было оформляться после того, как они явятся в Петербург для «освидетельствования» в Герольдмейстерской конторе⁷. Однако для сыновей тех дворян, которые находились на воен-

⁵ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 17... СПб., 1765–1796.

⁶ Русское служилое дворянство второй половины XVIII в. (1764–1795). Список по Месяцесловам. СПб., 2003. 829 с.

⁷ С 1737 г. всех дворянских детей по достижении 16-летнего возраста «вызывали в Петербург и после проверки знаний определяли дальнейшую судьбу. Имевшие достаточные знания могли сразу поступать на гражданскую службу, а остальных отпускали домой с обязательством продолжить образование, но по исполнении 20 лет они обязаны были явиться в Герольдию (ведущую кадрами дворян, офицеров и чиновников) для определения на военную службу» (Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 63).

ной службе в частях Сибирского корпуса, такое путешествие зачастую оказывалось невозможным. Поэтому их зачисляли в службу на месте упрощенным порядком.

Когда в 1764 г. скончался капрал Троицкого полевого драгунского полка Степан Аристов, владелец пяти ревизских душ в д. Кодыриной Арзамасского уезда, его 18-летний сын Макарий сразу же попросил о зачислении на военную службу в тот же полк, где уже состоял в чине прапорщика его двоюродный брат Андрей Аристов. При этом он жаловался, что «хотя мне, низжайшему, должно в силу указов вашего императорского величества для сего моего произвождения явитца в государственной Геролдии, точию за крайним моим убожеством и недостатком <...> от Сибири до той отдаленности ехать я не в состоянии себя нахожу»⁸. Ходатайство М. Аристова было удовлетворено, его приняли на военную службу рядовым драгуном без оформления его зачисления непосредственно в Герольдмейстерской конторе.

Аналогичную просьбу подал в 1764 г. поручик Луцкого полевого драгунского полка Аврам Соколов. В 1750 г. у него родился сын Алексей, который теперь, как считал отец, «грамоте читать и писать моим коштом совершенно обучен, толко на смотрах еще нигде был не объявлен, однако ж по вышеобъявленным прописанным ево летам и возрасту в военной службе быть способен». В связи с этим он просил зачислить Алексея рядовым драгуном в Луцкий полк, указывая, что «хотя бы мне долженствовало того своего сына для определения в военную службу представить в государственную Герольдмейстерскую кантору, но по здешнему отдаленному месту туда ево доставить, как я не из дворян, не в состоянии»⁹. Известно множество других примеров, когда молодые «обер-офицерские дети»¹⁰ начинали свою военную карьеру в тех же частях Сибирского корпуса, где в свое время служили их отцы.

В некоторых случаях даже выходившие в отставку офицеры снова просили о возвращении на службу в Сибирский корпус. Например, происходивший из лифляндских дворян Юрьевского (Дерптского) уезда майор Карл фон Траубенберг поступил

⁸ ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 122. Л. 80—80 об.

⁹ Там же. Л. 149—149 об.

¹⁰ Обер-офицерскими детьми назывались сыновья гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины «обер-офицерских» классов – от XIV до XI по Табели о рангах, что давало не потомственное, а только личное дворянство, и сыновья офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего потомственное дворянство (См.: Волков С. В. Русский офицерский корпус. С. 66).

на службу в русскую армию в 1737 г., когда ему исполнилось 19 лет, и попал в Луцкий драгунский полк. С этим полком он, уже в чине поручика, прибыл на службу в Сибирь, где последовательно получал повышение в чинах, а к 1763 г. стал секунд-майором Троицкого полевого драгунского полка. Но при выходе в отставку ему не присвоили следующего чина, как это полагалось по закону, из-за какого-то проступка, совершенного им много лет назад, когда он был еще поручиком¹¹. В 1764 г. Траубенберг подал в Военную коллегия просьбу снова принять его на службу в Троицкий полк с присвоением ему чина премьер-майора. Из коллегии его просьба была передана в Воинскую комиссию, которая не нашла препятствий для ее удовлетворения. Однако Траубенберг все-таки вынужден был обратиться еще к только что назначенному командующим Сибирским корпусом генерал-поручику И. фон Шпрингеру, поскольку по прибытии в полк узнал, что в его послужном списке по-прежнему указан тот давний проступок, «а о бывших моих походах, также и порученных мне комиссиях, в которых будучи, я немалую казенному интересу прибыль учинил, умолчено». В связи с этим он просил командующего «объявленные пред сим <...> яко не суть важные проступки в подаваемых от полку х команде списках милостиво приказать вовсе исключить, а в каких именно походах и препорученных мне комиссиях я находился, повелеть обстоятельно показывать»¹². На просьбу Траубенберга Шпрингер наложил резолюцию: «удовлетворить».

С середины XVIII в. далеко не все выходцы из стран Западной Европы, поступаая на службу в русскую армию, соглашались отправляться в Сибирь. Если до 1740-х годов в гарнизонных частях за Уралом подавляющее большинство «иноземцев» было представлено пленными шведами и их потомками¹³, то с переводом в Сибирь полевых полков для их пополнения неизбежно должны были быть задействованы те иностранные офицеры, которые только прибыли в Россию или недолго находились здесь на военной службе. Те, кто уже состоял в рядах отправленных на восток частей, проследовали к новому месту службы без

¹¹ См. о нем: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 25 об., 26; Д. 427. Л. 23 об., 24; Д. 492. Л. 25 об., 26; ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. Л. 165.

¹² ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. Л. 165 об.

¹³ Подробнее об этих людях см.: Зуев А. С. «В русскую службу шел волею». Шведские военнопленные периода Северной войны на русской службе в Восточной Сибири // Социокультурные исследования: сборник статей. Новосибирск, 1997. С. 64–76. О поступлении шведских военнопленных на службу за годы пребывания в ссылке в Сибири см.: Шибалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в. М., 2005. С. 136–141.

всяких протестов. Так, капитан Олонецкого полевого драгунского полка Иоганн фон Дипенбрук еще осенью 1743 г. испросил для себя годичный отпуск, чтобы побывать в провинции Клеве, тогда находившейся в составе Нидерландов, для улаживания дел после смерти проживавших там своих родителей. Просьба его была удовлетворена, и 22 сентября ему выдали паспорт из Коллегии иностранных дел за подписью вице-канцлера, графа А. П. Бестужева-Рюмина, удостоверявший, что капитан «отпущен из России морем во отечество ево в Голандию сроком впредь на год, и выехать ему с нижеписанного числа из Санкт Питербурха в неделю, а из России за границу в месяц <...> и для свободного ево из России проезда и назад возвращения дан ему сей паспорт»¹⁴. Когда же в октябре 1744 г. он вернулся в Петербург, то узнал, что его полк назначен к переводу за Урал. Капитан фон Дипенбрук отправился в Москву, откуда потом выехал на восток, чтобы присоединиться к своему полку. Впоследствии он еще в течение ряда лет оставался на службе в Сибири¹⁵.

Однако другие офицеры предпочитали либо не задерживаться на восточной окраине империи, либо вообще не ехать туда. Например, капитан Архангелогородского полевого пехотного полка Иоганн Галбрехт (из лифляндских дворян) в 1749 г. угодил под суд за присвоение «найденных за границею в Литве разных крестьянских пожитков бес хозяев и несколько скота да денег», был приговорен сначала к наказанию кнутом и ссылке в Сибирь на каторжные работы, однако в 1750 г. получил помилование и отделался только переводом на службу в Якутский гарнизонный пехотный полк, даже сохранив свой прежний чин. По прибытии в Тобольск решением командующего генерал-майора Х. Киндермана Галбрехт, за неимением в Якутском полку капитанской вакансии, был временно определен в Ширванский полевой пехотный полк, тогда еще не выведенный из Сибири. Когда же осенью 1752 г., после смерти Киндермана, его преемник бригадир Д. Крофт попробовал все же отправить Галбрехта в Забайкалье, где дислоцировался тогда Якутский полк, капитан отговорился болезнью, которая якобы не позволяла ему преодолеть путь в пять тысяч верст на восток.

Весной 1753 г., когда его делом заинтересовалась по представлению Крофта Военная коллегия, Галбрехт выдвинул новый довод, что отправиться к Якутскому полку он не в состоянии «по не-

¹⁴ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 244. Д. 42. Л. 153.

¹⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 339. Л. 10 об., 11.

имуществу ево, а паче что он человек беспоместной»¹⁶. Однако, даже получив следуемое ему жалование за первую половину 1753 г., он все равно не пожелал ехать на восток, «понеже ему и за одни прогоны более получаемого им годового жалованья надлежит заплатить, и за тем, будучи в пути, может понести крайнюю нужду и пропитания никакого иметь не будет», и просил, «чтоб от далной в Сибирь посылки ево помиловать и определить в полевые пехотные или в остзейския гарнизонные полки, а ежели оного определения учинить будет не можно, то по крайней ево бедности, что в такое далное место отправится не в состоянии, о увольнении из службы с абшитом во отечество ево в Лифляндию»¹⁷. Чиновники военного ведомства вынуждены были с раздражением констатировать, что Галбрехт просто не хочет служить в Якутском полку и различными отговорками «чинит Военной коллегии напрасное затруднение», и в сентябре 1753 г. оформили его увольнение от службы, но без присвоения следующего чина, как это обычно практиковалось при выходе офицеров в отставку.

Почти аналогичный случай имел место в 1757 г., когда еще один уроженец Лифляндии — 46-летний поручик Нарвского полевого пехотного полка Иоганн Коллер, прослуживший уже 26 лет, по результатам медицинского осмотра был признан негодным к продолжению полевой службы, однако «в гарнизоне с награждением ранга служить может». После этого Военная коллегия приняла решение: «За оною ево неспособностью от полевой службы отставить и определить в Сибирской гарнизон с награждением капитанского чина»¹⁸. Но Коллер сначала испросил полугодовой отпуск, чтобы съездить к себе домой в Ригу, а осенью того же года подал просьбу, в которой «объявлял, что он человек иностранной и не из дворян, и по неимуществу ево до Сибири доехать чем не имеет, и просил от воинской службы отставить». Занимавший в то время пост президента Военной коллегии генерал-аншеф, принц Петер фон Гольштейн Бек счел возможным не только удовлетворить его прошение, но даже сохранить Коллеру только что присвоенный капитанский чин, не забыв, правда, взять с него вычет из жалования в размере месячного оклада на госпиталь¹⁹. В данном случае военные власти пошли навстречу офицеру, не пожелавшему продолжать службу в «Сибирском гарнизоне».

¹⁶ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 253. Д. 698. Л. 646, 646 об.

¹⁷ Там же. Л. 646 об.

¹⁸ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 254. Д. 772. Л. 550.

¹⁹ Там же.

В 1759 г. Военная коллегия рассмотрела дело француза Жана де Фонсетона, дослужившегося за 14 лет к 1739 г. до чина поручика в армии короля Людовика XV, а затем перебравшегося в Россию. Здесь он уже в начале 1750-х годов стал секунд-майором. В 1755 г., когда Архангелогородский полевой пехотный полк, в котором он служил, состоял в команде генерал-квартирмейстера М. Ливена, последний подал генерал-фельдцейхмейстеру империи графу П. И. Шувалову рапорт о том, что майор де Фонсетон «по-русски недоволю говорить умеет, а по-немецки и вовсе не знает, но как он природной француз, толко по-французски хорошо говорит, к тому ж ростом мал и не виден, как на лошади сидит, и по чести штап-офицера в мундире и в протчем экипаже содержит себя неисправным, и ему об оном многократно подтверждено было, да и в бытность ево в квартире реченного генерала-квартирмейстера по тому ж в неисправности усмотрен, и на шпаге темляка не было, за что и репремендован (т. е. наказан выговором. — А. Д.)»²⁰.

На попытку уволить де Фонсетона из армии последний отреагировал жалобой, в которой заверял, что желает продолжать службу, а кроме того, указывал, что его следовало бы повысить чином. Тогда в 1756 г. военные власти предложили ему «в разсуждении ево иностранства и что собственного своего пропитания не имеет и служить еще желает» перевестись в Новоучрежденный гарнизонный драгунский полк²¹. Однако француз, не испытывая никакого желания ехать в Сибирь, «объявил, что ему приключилась пружестокая болезнь, которую страждет, и за оною не токмо, чтоб ко определенной команде в Сибирь следовать, но и спокоев вытти никак не может», после чего два года пребывал на лечении. А уже в 1759 г. он снова требовал перевести его в полевые полки действующей в Пруссии «заграничной армии» либо уволить в отставку с повышением в подполковники и выдачей жалования за последние несколько лет. Здесь Военная коллегия проявила твердость и постановила уволить де Фонсетона «нынешним ево пример маиорским рангом, и велено отпустить во отечество ево во Францию <...> что же касаетца о выдаче по прошению ево за прошлыя годы с 756 году жалованья, то понеже он чрез все то время надлежащей службы не исправлял, а находился праздно и в отпуску, каковым по регулам камисариатским жалованье давать запрещается, почему ему оного выдать и не можно»²². Фран-

²⁰ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 249. Д. 316. Л. 257 об.

²¹ Там же. Л. 257, 258 об.

²² Там же. Л. 259, 260.

цуз, очевидно, зарвался в своих требованиях, поэтому и не получил желаемого.

Летом 1765 г. в Россию прибыл еще один француз — Филипп Гренье де Шампаньоль. Он предъявил полученный два года назад от короля Людовика XV патент на чин капитана в должности заместителя полкового майора (*aide-major*). Де Шампаньоль выражал желание служить в одном из кавалерийских (гусарских или драгунских) полков русской армии, так что в октябре того же года Военная коллегия приняла решение определить его в Азовский полевой драгунский полк Сибирского корпуса, правда, с понижением в чине до поручика, что было обычной практикой в отношении иностранцев при поступлении их на службу в России. Однако де Шампаньоль ехать в Сибирь отказался, даже получив 64 руб. в счет годовой трети жалования и на две подводы. В декабре 1765 г. контора Военной коллегии в Москве получила распоряжение из Петербурга: отобрать у поручика де Шампаньоля его французский патент и держать под замком до тех пор, пока тот не вернет выданных ему для поездки в Сибирь денег. В феврале 1766 г. француз внес деньги и получил обратно свои документы для выезда из России. Подготовленный для него патент на чин поручика русской армии, отправленный в Тобольск, командующий Сибирского корпуса генерал-поручик Шпрингер вернул обратно в Военную коллегия. Там этот патент велено было, «учиня на нем отметку, отдать для сохранения к прочим в коллежской архив для того, что он в российской службе быть не пожелал и из оной исключен, и прежней ево французской патент ему от Военной канторы отдан обратно с роспискою»²³.

Впрочем, далеко не все европейские офицеры вели себя подобным образом. Например, прусский уроженец, дворянин Христиан Мекленбург впервые поступил в русскую армию в 1750 г. в возрасте 32 лет, причем начал службу всего лишь капралом, и только в 1757 г. был сделан прапорщиком, в 1759 г. — подпоручиком. В 1763 г., после окончания Семилетней войны, он попросил «абшида» (т. е. увольнения) «для разделу имеющагося во отечестве моем в Пруссии дому». А уже в следующем 1764 г. он, утверждая, что «по приезде во отечество мое нужды домовья все исправил», подал просьбу снова зачислить его в полевые полки русской армии с сохранением прежнего чина подпоручика²⁴. В доказательство своей предыдущей беспорочной службы Мекленбург пред-

²³ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 249. Д. 316. Л. 165–167.

²⁴ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 250. Д. 453. Л. 517, 517 об.

ставил аттестат, выданный ему при увольнении в отставку год назад, за подписями командира и всех обер-офицеров Тенгинского полевого пехотного полка. Учитывая его желание, Военная коллегия согласилась сохранить ему прежний чин и определила продолжать службу в полевых полках Сибирского корпуса, куда он безропотно и отправился. В дальнейшем Мекленбург сделал достаточно успешную карьеру в рядах Сибирского корпуса: в 1772 г. он получил чин секунд-майора (правда, оставаясь на вакансии капитана) в Бийском гарнизонном пехотном линейном пограничном батальоне²⁵. Этого офицера не испугала отдаленность назначенного ему места службы.

Известен целый ряд случаев, когда лица, прибывавшие из Европейской России (или, тем более, из других стран Европы) на службу в сибирские части, оставались здесь и после выхода в отставку, переходя на те или иные должности «к статским делам». Обращение к справочнику В.П. Степанова по личному составу чиновников Российской империи за почти весь период царствования Екатерины II позволяет выявить несколько десятков человек из числа офицеров полков и батальонов Сибирского корпуса, занявших после оставления военной службы должности в аппарате местного управления. На биографиях хотя бы нескольких из этих людей целесообразно остановиться подробнее. Основываясь на данных послужных списков и сведениях адрес-календарей, можно проследить этапы карьерного пути тех, кто решил связать свою жизнь с Сибирью.

Саксонец Теодор (Федор Юрьевич) Зайферт (Зейферт) приехал в Россию в 1747 г. 15-летним юношей и поступил на службу в лейб-гвардию. В 1751 г. он перешел в армейские полевые полки, затем успел послужить в ландмилиции, а в Сибирский корпус был переведен уже в чине капитана после 1767 г. Здесь он в первой половине 1770-х годов последовательно получал чины секунд-майора, премьер-майора и подполковника, а в 1781 г. уже был в Кузнецке комендантом и занимал должность городничего²⁶. Кузнецким городничим Зайферт оставался до 1791 г., получил орден св. Владимира IV степени, в 1794 г. стал губернским судьей совестного суда Колыванской губернии и оставался им еще в 1796 году²⁷.

²⁵ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 250. Д. 453. Л. 519, 522 об., 526. О дальнейших этапах его карьеры см.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 562 об., 563.

²⁶ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 385 об., 386; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1781. СПб., 1781. С. 382.

²⁷ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1791. СПб., 1791. С. 348; СПб., 1794. С. 372; СПб., 1796. С. 400.

Прослужив в армии более 30 лет, он предпочел остаться в России и, выйдя в отставку с военной службы, еще минимум полтора десятилетия продолжал состоять в аппарате местного управления по гражданскому ведомству.

Похожую карьеру сделал выходец из рода грузинских князей Ратишвили — Егор Юрьевич, принявший фамилию Ратиев. Его отец перешел на русскую службу еще в 1730-х годах и сразу же определил своего пятилетнего сына Егора в Шляхетский корпус для военного обучения. В корпусе тот учился весьма прилежно, по крайней мере потом всю жизнь говорил и писал на трех языках: русском, немецком и французском. В дальнейшем Егор Ратиев какое-то время служил юнкером в Коллегии иностранных дел, а, вернувшись на военную службу, уже в 1750-х годах начал получать офицерские чины в гусарских полках. В 1769 г., дослужившись до премьер-майора, он получил назначение в Сибирский корпус, в 1772 г. командовал вторым Тобольским гарнизонным пехотным батальоном. В 1777 г., когда ему исполнилось 45 лет, Ратиев перешел в аппарат местного управления Сибирской губернии, заняв должность коменданта Тюмени²⁸. Всего через пять лет, уже будучи произведен в подполковники, он стал советником Тобольского наместнического правления при только что назначенном генерал-губернаторе Е.П. Кашкине. В 1787 г. Ратиев перешел в палату гражданского суда в чине коллежского советника и в 1791 г. стал ее председателем. За службу в палате он также был награжден орденом св. Владимира IV степени и продолжал ее в 1796 г., когда ему исполнилось 63 года²⁹. Сибирь для него, вероятно, тоже оказалась вторым домом, и он не пожелал к концу жизни возвращаться в европейскую часть России, где прошла его молодость.

Известны также примеры, когда оставшиеся в Сибири выходцы из Европы довольно успешно устраивали карьеры собственных сыновей. Так, много лет занимавший должность коменданта г. Томска француз — полковник Томас де Вильнев, сначала обеспечил своему младшему сыну Ивану (Жану) успешное прохождение военной службы, еще до совершеннолетия зачислив его сержантом в Томский гарнизонный пехотный батальон, а в 1782 г., когда достигшему капитанского чина Ивану исполнилось только 28 лет, добился для него должности городничего

²⁸ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 451 об., 452; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1777. СПб., 1777. С. 299.

²⁹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1782. СПб., 1782. С. 441; 1787. С. 331; 1791. С. 301; 1796. С. 369.

в г. Ачинске³⁰. В Ачинске де Вильнев-младший пробыл пять лет, а в 1788 г. стал вторым председателем верхней расправы в Томске. Интересно отметить, что первым председателем там состоял премьер-майор Иван де Гаррига, принадлежавший к роду испанских дворян, один из сыновей полковника Франсиско де Гарриги, в 1750-х годах командовавшего Новоучрежденным гарнизонным драгунским полком³¹. К 1795 г. Иван де Вильнев уже получил чин коллежского асессора, продолжая таким образом продвигаться по Табели о рангах, но теперь в гражданском ведомстве.

Немалое число людей и среди русских офицеров также переходили после отставки на «статскую» службу в Сибири. Так, командир одной из полевых команд Сибирского корпуса в 1772 г., премьер-майор Фаддей Жолобов, спустя десяток лет, в 1782 г. занимал должность председателя палаты гражданского суда Пермского и Тобольского наместничества уже в чине полковника³². Самое интересное, что он даже не был дворянином по происхождению: его отец в первой половине столетия дослужился лишь до унтер-офицерского звания. Однако это не помешало Жолобову сделать очень успешную карьеру не только на военной службе, но и у «статских дел». Дворянин Семен Огороков, в конце 1760-х годов числившийся капитаном в Азовском полевом драгунском полку, в 1777 г. стал воеводой в г. Алдане Якутской провинции в чине секунд-майора и занимал эту должность до 1781 г. включительно³³. Капитан Иркутского гарнизонного пехотного батальона Яков Пешков, несмотря на множество совершенных им «непорядочных поступков», в 1780 г. получил место в счетной экспедиции Иркутской губернской канцелярии, а в 1783 г. числился там же «за казначея» в винной и соляной экспедиции³⁴. Причем для этого вовсе не обязательно было дослуживаться до высших обер-офицерских чинов. Например, семипалатинским уездным казначеем в 1794 г. стал 28-летний подпоручик Илья Раздубев, представлявший уже третье поколение военнотружущих сибирских

³⁰ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 127. Л. 407 об., 408; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1782. СПб., 1782. С. 443.

³¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1787. СПб., 1787. С. 335; 1788. С. 314.

³² РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 127. Л. 131 об., 132, 443 об., 444; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1782. СПб., 1782. С. 405.

³³ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83. Л. 187 об., 188; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1777. СПб., 1777. С. 304; 1781. С. 396.

³⁴ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1780. СПб., 1780. С. 433; 1783. С. 463.

армейских частей: его отец Иван Раздубов был поручиком второго Тобольского гарнизонного пехотного батальона в начале 1770-х годов, а дед, Федор Раздубов, происходивший из тобольских детей боярских, в 1750-х годах был вахмистром в Новоучрежденном драгунском полку³⁵. Мы вправе заключить, что далеко не все из выходивших в отставку офицеров Сибирского корпуса покидали восточную окраину Российской империи, некоторые из них предпочитали оставаться здесь и в дальнейшем.

Самой необычной выглядит, безусловно, судьба Иоганна Генриха (Ивана Андреевича) Апелгрин (Аппелгрейна), родившегося в 1723 г. в Санкт-Петербурге в семье то ли датских уроженцев, то ли шведских дворян (соответствующие данные в его послужных списках разнились). По достижении 18-летнего возраста он поступил в русскую армию, но не рядовым солдатом, а военным медиком. Состоя подлекарем в военном госпитале, а потом в Нотебургском полевом пехотном полку, осенью 1744 г. он отправился вместе со своими сослуживцами в Сибирь, где уже через пару лет был произведен в полковые лекари и переведен в штат Луцкого полевого драгунского полка. В 1752 г. он занимал аналогичную должность в Вологодском полевом драгунском полку. В 1753 г. Апелгрин подал прошение об увольнении его от полевой службы, которое было удовлетворено. По решению тайного советника, лейб-медика и директора Медицинской канцелярии Германа Бургав-Каау ему дали право заниматься частной практикой: «До случившейся вакансии позволить вам в Санкт Петербурге и Москве практику херургическую управлять». Перспектива стать частнопрактикующим врачом, видимо, Апелгрин чем-то не удовлетворяла, так что спустя несколько месяцев он обратился к властям с новой просьбой: зачислить его на службу в один из драгунских полков, дислоцированных в Сибири, уже в офицерском чине³⁶. Это единственный для середины XVIII в. известный нам случай, когда военный медик выражал желание стать офицером русской армии, чему, впрочем, способствовало и его дворянское происхождение.

Хотя Медицинская канцелярия пыталась воспрепятствовать производству Апелгрин в офицеры, уверяя, что тот не уволен из ее ведомства, а только пребывает в отпуске, имея разрешение на частную практику, Военная коллегия рассудила иначе. Выяс-

³⁵ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1794. СПб., 1794. С. 374. О службах его предков см.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 439. Л. 102 об., 103; Оп. 5. Д. 324. Л. 507 об., 508.

³⁶ РГВИА. Ф. 12. Оп. 2. Св. 166. Д. 359. Л. 147 об., 150.

нив, что должность полкового лекаря вполне соответствует по Табели о рангах чину армейского подпоручика, чиновники пришли к заключению о возможности удовлетворить просьбу Апелгрин: «Коллегия разсудила, что уже он уволен вовсе, и по усиленному ево прошению, объявляя желание служить в полках, от Военной коллегии и определен в состоящие в Сибири драгунские полки подпорутчиком, куда кто б другой добровольно пожелал не упователно»³⁷. В декабре 1753 г. Апелгрин был произведен в подпоручики Вологодского полка и снова отбыл в Сибирь к месту службы, а в июле 1754 г. бригадир Д. Крофт определил его подпоручиком гренадерской роты Олонецкого полевого драгунского полка³⁸. После этого Апелгрин, вероятно, продолжал службу в сибирских частях, а в 1765 г. генерал-поручик И. фон Шпрингер назначил его комендантом г. Селенгинска, уже с чином драгунского капитана³⁹. Затем к 1780 г. он стал комендантом г. Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) с чином секунд-майора и занимал эту должность вплоть до 1796 г., даже несмотря на преклонный возраст⁴⁰. Таким образом, родившись и проведя детство в Санкт-Петербурге, этот человек, вероятно, закончил свой долгий жизненный путь на далекой окраине Российской империи, успев проявить себя в нескольких ипостасях на военной службе: от медика до городского коменданта.

Все эти примеры убедительно доказывают, что регулярная армия имела исключительно важное значение в качестве социального лифта в структуре российского иерархизированного социума XVIII в. Заложенные еще в Петровскую эпоху принципы выслуги чинов и дворянского звания на военной службе с успехом использовались верховной властью для отбора сколько-нибудь талантливых и честолюбивых представителей разных групп населения страны, комплектования ими командных и чиновничьих кадров. Массовый приток выходцев из европейских стран на военную службу в Россию, продолжавшийся весь XVIII в., свидетельствует о том, что карьера в русской армии рассматривалась как весьма многообещающая стезя, независимо от их национальной принадлежности.

Условия жизни и службы в Сибири были, конечно, не столь привлекательны в сравнении с другими регионами страны. Это

³⁷ РГВИА. Ф. 12. Оп. 2. Св. 166. Д. 359. Л. 152–153, 163 об.

³⁸ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 491. Л. 11 об., 12.

³⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 709. Ч. 1. Л. 319; Д. 742. Л. 55.

⁴⁰ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1780. СПб., 1780. С. 438; 1796. С. 357.

показывают рассмотренные выше случаи отказа некоторых армейских офицеров (прежде всего, выходцев из Западной Европы) нести службу за Уралом. Вполне понятно, что прибывавших в Россию из Европы офицеров куда больше интересовала перспектива служить если не в столице, то, по крайней мере, в частях, дислоцированных на территории Европейской России. Вместе с тем часть офицеров Сибирского корпуса, как из русских дворян, так и из иностранцев, даже после отставки предпочитали оставаться за Уралом, получая назначения на «статские» должности или обзаводясь здесь домашним хозяйством и семьями. Они охотно использовали предоставившуюся возможность для того, чтобы сделать карьеру. Это позволяет нам сделать вывод о том, что даже в специфических условиях сибирской «окраины» военная служба в частях регулярной армии обеспечивала условия для восходящей социальной мобильности.

Е. В. КОМЛЕВА

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

«ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС»: СИБИРСКИЕ КУПЦЫ В ЭГО-ТЕКСТАХ ЧИНОВНИКОВ (КОНЕЦ XVIII — XIX В.)

В статье на основе сохранившихся эго-текстов чиновников разного уровня, находившихся в конце XVIII — XIX в. на службе в Сибири, анализируются их представления о сибирском купечестве. Признавая значение хозяйственной и благотворительной деятельности купцов для развития как отдельных городов, так и всего региона в целом и даже высказывая восхищение некоторыми яркими представителями купеческого сословия, чиновники-мемуаристы в то же время отмечали свойственные купцам лицемерие, склонность к доносительству, попытки вмешиваться в дела управления. Срачивание интересов купеческой верхушки и части служащих коронной администрации вызывало у некоторых высших администраторов серьезные опасения в чрезмерном усилении влияния купечества, что могло идти вразрез с общегосударственной пользой. Одна из тем, затрагиваемых в рассматриваемых источниках, связана с постепенным проникновением новшеств и заимствований из дворянской культуры в традиционный уклад купеческого быта.

Ключевые слова: Сибирь, купцы, чиновники, источники личного происхождения, власть, взаимодействие, конфликты, экономика, благотворительность, быт, традиции, новации.

Один из важнейших аспектов взаимодействия власти и общества в Сибири конца XVIII — XIX в., в значительной степени определявший развитие региона, — контакты властных структур с представителями частного капитала. Купцы стремились извлечь выгоды от получения контрактов на казенные поставки и подряды, государство же было заинтересовано в привлечении их для освоения новых территорий и решения важных социальных задач, связанных с повышением уровня жизни населения. Проанализировав представления о власти и ее агентах, отразившиеся в купеческой мемуаристике, Н. П. Матханова отметила, что, с одной стороны, «нередко купцы прекрасно понимали, какое значение на практике имели даже сравнительно невысоко стоявшие в официальной иерархии чиновники», с другой — «в иных мемуарах купцов порой проскальзывало представление, что для региона и его населения <...> мало

что значили не только те или иные качества деятелей администрации, но и вообще само их существование»¹. В свою очередь, сохранившиеся эго-тексты чиновников, находившихся в разное время на сибирской службе, позволяют познакомиться с их оценкой как личностных качеств обладателей купеческих капиталов, так и значения деятельности последних для региона. Эти источники ценны не только как «взгляд со стороны», позволяющий «более глубоко и всесторонне познавать историю сибирского купечества»², но и как возможность осветить в новом ракурсе сложную проблему «взаимоотношения государства и купечества, купечества и городского общества», которая «еще не получила достаточного осмысления»³. Отзывы современников, в том числе служащих коронной администрации, как правило, неоднозначны, в них встречаются описания «и прогрессивных купцов, и консерваторов»⁴, оценки одних и тех же событий нередко противоречивы, а иногда и диаметрально противоположны. Однако характерным для большинства авторов, по замечанию Ю. М. Гончарова, можно считать мнение о специфике сибирского купечества, отличавшей его в целом от купечества других регионов империи⁵. Неслучайно и уже к концу XVIII в. купцы занимали ведущие позиции в экономике и общественной жизни Сибири⁶.

Хотелось бы подчеркнуть и ранее отмечавшееся в литературе размытие сословных рамок, присущее сибирскому городскому обществу⁷ и способствовавшее перемешиванию и относительно свободному общению горожан. Обладавшие значительными денежными средствами купцы если и не во всех уголках Сибири

¹ *Матханова Н. П.* Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX в. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 65.

² *Кошенова Н. Ю.* Мемуары второй половины XIX — начала XX в. о сибирском купечестве (к постановке проблемы) // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII — начала XX в.: сб. науч. ст. Барнаул, 2003. С. 41.

³ *Шахеров В. П.* Истоки, этапы и традиции сибирского предпринимательства // Сибиряковские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2013–2014 гг. Иркутск, 2014. С. 11.

⁴ *Кошенова Н. Ю.* Источники личного происхождения о сибирском купечестве второй половины XIX — начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. С. 79.

⁵ *Гончаров Ю. М.* Сибирское купечество середины XIX — начала XX в. в представлениях современников // Предприниматели и предпринимательство в Сибири: сб. науч. ст. Барнаул, 2001. Вып. 1. С. 225.

⁶ *Шахеров В. П.* Формирование населения городов Байкальской Сибири в дореформенный период // Сибирский город XVIII–XX веков: сб. науч. ст. Иркутск, 2015. Вып. X. С. 16, 20.

⁷ *Шахеров В. П.* Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII — первой половины XIX в. Иркутск, 2013. С. 220–221.

составляли, по выражению одного из мемуаристов-чиновников, «господствующий класс»⁸, то по меньшей мере входили в местную культурную элиту, городскую «аристократию»⁹. Описывая Иркутск 1840-х годов, В. И. Вагин констатировал: «Центром общества было, разумеется, генерал-губернаторское семейство. Вокруг него группировались с своими семействами прежде всего главные местные чиновники, небольшая еще тогда военная и гражданская свита генерал-губернатора, горные инженеры, некоторые учителя <...> и значительнейшие местные купцы: Кузнецов, Трапезниковы, Медведниковы, Баснины; далее шли второстепенные чиновники и купцы <...> общество было невелико; местные жители все были знакомы и нередко в родстве между собой»¹⁰. Когда в Иркутске открылось благородное собрание, то в него «нашли вход и купцы с их женами и дочерьми»¹¹, и никто не находил ничего необычного в танцах генерал-губернатора с женой городского головы¹². В те же годы в другом крупном сибирском городе — Енисейске — разнородная компания из купцов, золотопромышленников, чиновников и приезжих с удовольствием собиралась по вечерам в «прекрасном доме» местного купца А. А. Кобычева, проводя время за игрой в карты и на бильярде, куря табак «из длинных до пола трубок хозяина»¹³. Главенствующее положение купечества в обществе вынуждало высшее сибирское начальство обращать на него особое внимание и, наряду со средними слоями чиновничества, в первую очередь именно с ним налаживать отношения¹⁴.

О тесном и даже дружеском общении купцов с чиновниками разного уровня свидетельствуют также многочисленные факты взаимных родственных связей. На рубеже XVIII–XIX в. иркутский чиновник, автор мемуаров Т. П. Калашников за купеческих сыновей выдал замуж трех своих дочерей (одна из них через три года после свадьбы разошлась с мужем и вернулась к отцу —

⁸ Шукин Н. Поездка в Якутск // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 230.

⁹ Калашников И. Т. Записки иркутского жителя // Русская старина. 1905. С. 195.

¹⁰ Вагин В. И. Сороковые года в Иркутске (из воспоминаний) // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 463.

¹¹ Братющенко Ю. В. Генерал-губернатор Восточной Сибири С. Б. Броневский и его «Записки». Иркутск, 2008. С. 173.

¹² Шахеров В. П. Иркутск купеческий: История города в лицах и судьбах. Хабаровск, 2006. С. 122.

¹³ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Красноярск, 2016. С. 297.

¹⁴ Матханова Н. П. Политическое наследие Н. Н. Муравьева-Амурского // Материалы Всерос. науч. конф., посв. 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. Иркутск, 2010. С. 7–8.

исключительный для того времени случай¹⁵). Позднее в чиновничьих семьях нашли себе подруг жизни проживавшие в разных городах купцы Е. А. Жернаков, Н. Н. Машинский, П. Г. Постников, И. А. Федченко, купеческий сын Н. Н. Тюфин. За государственных служащих вышли замуж дочери купцов Я. М. Костромитинова, И. К. Кузнецова, Н. И. Москвина, Н. Трапезникова, М. П. Неупокоева, М. И. Шумилова. С купечеством породнился и такой видный представитель сибирской администрации, как омский областной начальник, впоследствии генерал-губернатор Восточной Сибири С. Б. Броневский, женой которого была приемная дочь «достойнейшего старика»¹⁶ — тарского купца И. Ф. Нерпина. Наконец, некоторые чиновники сами с успехом занимались предпринимательством и выбирали купеческие свидетельства (И. Д. Асташев, Ф. В. Астраханцов, Ф. А. Горохов, Н. И. Давыдовский, Д. Е. Дубинин, В. А. Данилов, Д. Е. Зверев, И. И. и А. Г. Коноваловы, П. А. Копылов, несколько членов семьи Поклевских-Козелл, К. П. и И. К. Платоновы, П. А. Сиверс, Е. И. Штерлинг), а потомственные купцы поступали на чиновничью службу (А. Н. и Н. И. Чупаловы, П. Н. Эверестов).

Однако хорошо известно, что контакты сибирских купцов с представителями администрации далеко не всегда носили позитивный характер, а взаимные противоречия и столкновение интересов нередко перерастали в открытое противостояние. Как отмечал один из мемуаристов, гордость купцов «нередко доходила до дерзости; главнейшие из них не ломали, как говорится, шапки и пред главными начальниками»¹⁷. Наиболее громкие из скандалов — на шумевшая в середине XVIII в. деятельность присланной из Санкт-Петербурга в Иркутск следственной комиссии П. Н. Крылова, а также борьба иркутских купцов со ставленником сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля иркутским губернатором Н. И. Трескиным в начале XIX в. Непросто складывались отношения с купечеством и у выдающегося администратора середины XIX в. Н. Н. Муравьева-Амурского, стремившегося взять под контроль предпринимательскую деятельность купцов и направить ее в необходимое, по его мнению, для успешного освоения Дальнего Востока русло. Описаны и другие случаи конфликтов купцов с региональными властями самого разного уровня: от городничих до губернаторов. Енисейский купец А. Г. Кобычев даже заве-

¹⁵ Калашиников Т. П. Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашиникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год // Русский архив. 1904. Кн. 2, вып. 10. С. 182.

¹⁶ Братющенко Ю. В. Генерал-губернатор Восточной Сибири... С. 79.

¹⁷ Калашиников И. Т. Записки иркутского жителя... С. 200.

щал в 1839 г. своим наследникам не быть «в зависимости ни от какого присутственного места, ни от какого начальства»¹⁸, а проживавший в Томске Я.И. Акулов (в монографии В.П. Бойко он не Яков, а Федор) в 1860-х годах позволил себе «неслыханную дерзость»: выступил в городской думе против избрания губернатора Г.Г. Лерхе почетным гражданином города¹⁹.

Как положительный, так и отрицательный опыт личного общения нашел отражение в оставленных чиновниками эго-документах: мемуарах, дневниках, записках и других источниках личного происхождения, в которых, по выражению введшего в научный оборот этот термин Ж. Прессера, «исследователь сталкивается с „я“ <...> как одновременно пишущим и постоянно присутствующим в тексте субъектом описания»²⁰. Конечно, в большинстве случаев авторы не ставили задачу вывести собирательный образ сибирского купца и лишь описывали тех людей, с которыми им приходилось сталкиваться в жизни. Например, в дневниковых записях М.М. Сперанского за 1819–1821 гг. можно встретить неоднократные упоминания о встрече и проводах его в каждом городе «купечеством и народом», об обедах у «головой градского»²¹. Он же оставил описания отдельных купцов и целых купеческих кланов. В частности, семейство Кандинских он охарактеризовал следующими словами: «Они были заводские крестьяне и минувшего только года вышли в купцы. Их шесть братьев. У старшего, Хрисанфа Петровича, шесть сынов, из коих есть уже женатые. Мать их (Дарья Алексеевна) есть прародительница семьи, состоящей из 34 человек. Они пашут до 100 десятин тучной земли, приносящей часто сам 20; гречиха и горох. Собирают пушные товары, занимаются извозом заводских тягостей, содержат все нужные для заводов товары. Их полагают в миллионе. У них до 70 работников»²². А вот запись М.М. Сперанского о енисейском купце М.Ф. Хорошеве: «Он главный здесь купец. Род его из казаков; в связи с тобольскими. Сын его женат на дочери Михайла Селиванова»²³.

¹⁸ Кытманов А.И. Краткая летопись... С. 241.

¹⁹ Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII — XIX в. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. С. 210–213; Бойко В.П., Зиновьев В.П., Башкатова З.В. Акуловы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 16.

²⁰ Цит. по: Зарецкий Ю.П. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). С. 218–232. (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/z18-pr.html>; дата обращения: 10.02.2018).

²¹ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского: Путешествие в Сибирь. С 31 марта 1819 по 8 февраля 1821 года // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 18, 44, 48, 51, 65–66.

²² Там же. С. 56.

²³ Там же. С. 36.

Но не только подобные бесстрастные упоминания об отдельных купцах можно встретить на страницах вышедших из-под пера служащих коронной администрации эго-текстов. Авторов привлекали яркие, неординарные личности среди коммерсантов, своего рода философы с разносторонними интересами. С большой теплотой отзывался о своем тесте — тарском купце И. Ф. Нерпине — С. Б. Броневский: «Старик И. Ф. Нерпин высокого ума и соображений в коммерческом и политическом предметах. Он для всех торговцев служил термометром, и все с верою следовали его советам. Китайцы имели к нему необыкновенное доверие и уважение. Его товары принимались, не смотря, и тюков не разбивали. Юфть его завода занимала первенство в Кяхте. Дом Нерпина был образцом честности, и в нем убожество находило щедрую милостыню»²⁴. Еще одним замечательным во многих отношениях человеком был иркутский купец первой трети XIX в. С. С. Дудоровский, которого вывел в «Воздушном тарантасе» секретарь начальника Камчатки М. А. Александров. Один из героев его сочинения восклицает: «А сколько у него книг, ужас! Есть даже на иностранных диалектах. Сам говорит по-монгольски, по-бурятски, по-якутски, по-китайски и немецкие диалекты, кажись, понимает... Старичок не видной, а шибко сведущий в науках, архиерею не уступит»²⁵. При личной встрече М. А. Александрова поразили манеры С. С. Дудоровского: «Я не мог не заметить, что почтенный старец глубоко изучил науку светского обращения, и даже в самых обыкновенных движениях и приемах его выказывалась грациозная деликатность без грубого чванства и той угрюмости, которые иногда заметны в обращении богатых стариков купеческого сословия»²⁶. О другом незаурядном иркутском купце — А. Е. Полевом — упоминал Ф. Ф. Вигель: «Полевой занимался европейской политикой гораздо более, чем азиатской своей торговлей. В нем была заметна склонность к тому, чему тогда не было еще имени и что ныне называется либерализмом, он выписывал все газеты, на русском языке тогда выходившие»²⁷.

Круг таких выдающихся из общего ряда обладателей капиталов расширился к середине XIX в., когда интересы все большего

²⁴ Братюценко Ю. В. Генерал-губернатор Восточной Сибири... С. 79.

²⁵ Александров М. А. Воздушный тарантас, или воспоминания о поездке по Восточной Сибири. Иркутск (лето 1827 года) // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 408.

²⁶ Там же. С. 433

²⁷ Цит. по: Гаврилова Н. И. Полевой Алексей Евсеевич // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 169.

числа купцов и купеческих детей начали выходить за рамки коммерции. Уже в 1830–1840-х годах в некоторых сибирских городах стали возникать литературные и краеведческие кружки, объединявшие купцов, врачей, учителей, чиновников. Одно из таких неформальных объединений в Верхнеудинске, куда входили местные купцы А. М. Курбатов, Г. А. Шевелев, А. Г. Налетов, даже издавало рукописный альманах «Метляк»²⁸. В это время в описаниях купцов чиновниками-мемуаристами появились новые штрихи: тяга к получению образования, новых знаний, стремление расширить свой внутренний горизонт не только путем чтения, но и на практике, чему, в частности, способствовали поездки по России и за границу. В этом отношении показательны слова И. Т. Калашникова: «...среди купеческого сословия явились молодые люди весьма образованные и жаждущие науки. Я знал одного из молодых купцов, который любил литературу, много читал и сам писал весьма искусно и приятно»²⁹. Б. В. Струве упоминает брата красноярского купца-золотопромышленника Ф. Ф. Машарова, который «даже совершил путешествие в Бразилию с целью изучить там способ разыскания драгоценных камней, рассчитывая применить его к сибирской тайге»³⁰.

Чиновники также отмечали выдвижение в середине XIX в. молодых энергичных деятелей из купеческой среды на первые позиции в обществе и органах городского самоуправления³¹. Еще одной характерной чертой времени стало появление на страницах воспоминаний образа просвещенной купчихи. Так, И. Т. Калашников, «встретившись в обществе» с иркутской купеческой дочерью, будущей писательницей Е. А. Полевой, «был удивлен ее познаниями. Она прекрасно говорила и вела политический разговор о тогдашнем положении Европы — о чем иркутские дамы, за немногими исключениями, и помышлять боялись...»³².

Несмотря на нередко встречающуюся высокую оценку личностных качеств отдельных представителей купечества, чиновники-мемуаристы не обошли стороной свойственные купцам лицемерие, склонность к доносу, попытки вмешиваться в дела управления, диктовать свою волю. Неудивительно, что наи-

²⁸ Паликова Т. В., Кальмина Л. В., Мишакова О. Э. Купечество — Верхнеудинск — Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2007. С. 116–117.

²⁹ Калашников И. Т. Записки иркутского жителя... С. 201.

³⁰ Струве Б. В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854 г. СПб., 1889. С. 16

³¹ Там же. С. 122.

³² Калашников И. Т. Записки иркутского жителя... С. 201.

более резкие эпитеты («гнусные доносчики»³³, «сибирские плуты»³⁴) в отношении сибирской оппозиции, включавшей и купцов, употреблял И. Б. Пестель, назначенный в 1806 г. сибирским генерал-губернатором. В своих воспоминаниях он упомянул лишь четырех представителей делового мира Сибири, не покупившись при этом на емкие и выразительные характеристики: жителей Иркутска М. В. Сибирякова и Н. П. Мыльников (главные зачинщики <...> доносов», «люди бессовестные и беспокойные»³⁵), тобольского купца А. А. Полуянова («расхититель казенных денег»³⁶), коммерции советника и тобольского винного откупщика К. Н. Передовщикова («плут и убийца»³⁷). Насколько пристрастными были отзывы И. Б. Пестеля, можно судить по словам другого современника и очевидца событий (хотя и в детском возрасте) — И. Т. Калашникова, который отзывался о Сибирякове и Мыльникове как о людях пожилых и весьма почтенных, а Полуянова называл невинным³⁸.

Впрочем, И. Б. Пестель вполне справедливо указывал на сращивание интересов чиновников и крупных сибирских купцов, которые взятками добивались нужных им решений, имея покровителей даже в столице. Попытки влиять на представителей власти щедрыми подношениями не составляли особого секрета, а предлагавшиеся взятки подчас достигали огромных размеров. Пример подкупа самых высокопоставленных лиц можно найти в биографии верхотурского купца второй половины XVIII в. М. М. Походяшина (по отзыву столичного следователя комиссара Г. М. Осипова, человек он был «отнюдь не глупый, но образ жизни ведет самый развращенный и до крайности своенравен»), который давал взятки сибирскому генерал-губернатору Д. И. Чичерину³⁹. По словам С. Б. Броневского, «жажда обогащения часто сводит с пути совесть на распутье, интриги, коварство и всякое злопыхательство»⁴⁰, а винный откуп, купцы и богатые мужики-мироеды, приобретавшие «за глазами главного начальства <...> благосклонность местного», в 1830-х годах составляли тройствен-

³³ Записка о службе И. Б. Пестеля, им самим писанная // Русский архив. 1875. Кн. 1. Вып. 1. С. 374.

³⁴ Там же. С. 380.

³⁵ Там же. С. 379, 380.

³⁶ Там же. С. 382.

³⁷ Там же. С. 385.

³⁸ Калашников И. Т. Записки иркутского жителя... С. 220–221.

³⁹ Мамсик Т. С. Походяшины // Энциклопедический словарь по истории купечества... Т. 2. С. 187.

⁴⁰ Братюченко Ю. В. Генерал-губернатор Восточной Сибири... С. 178.

ное зло, поработившее рядовых жителей Сибири⁴¹. Злоупотребления чиновников и купцов в 1850–1860-х годах отмечал забайкальский губернатор и затем генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков⁴², а Я. С. Скропышев приводит слова одного из сотрудников тобольского губернатора В. А. Арцимовича, относившиеся примерно к тому же времени: «Для Сибири весьма многое можно сделать; в отношении же того, что в ней и для нее делается, она, быть может, изошреннее всех других стран в России — в подлости, своекорыстии и преобладании взяточничества»⁴³.

Серьезные опасения в связи с распространением злоупотреблений и взяток высказывал в докладных записках к императору Н. Н. Муравьев-Амурский, служивший в 1847–1861 гг. восточносибирским генерал-губернатором. В частности, он писал: «Не раз случалось мне слышать в Петербурге опасение, что Сибирь рано или поздно может отложиться от России, но прежде прибытия моего сюда я считал это опасение неосновательным, не умея себе объяснить, от какого бы источника опасность эта могла простекать; здесь, Государь, я убедился, что опасение это весьма естественно и от таких причин, которые совершенно чужды соображениям столичным. Я нашел здесь весь народ под влиянием и в руках, так сказать, богатых торговцев, промышленников и откупщиков и всех чиновников правительственных, почти без исключения, на содержании и в услугах тех же богатых людей»⁴⁴. И хотя у того же И. Т. Калашникова можно встретить фразу о том, что «Сибирь смотрит на Россию, как на мать свою, и сибиряк никогда не отделял, не отделяет и не отделит себя от общей судьбы отечества»⁴⁵, тем не менее у Н. Н. Муравьева, вероятно, существовали веские основания видеть в росте влияния представителей частного капитала угрозу государственным интересам. Как пишет Н. П. Матханова, в откупщиках, золотопромышленниках и богатых купцах он «видел не только союзников коррумпированного чиновничества, но и конкурентов своей власти»⁴⁶. На этом фоне особое значение приобретают слова Николая I, повторенные В. А. Арцимовичем при вступлении в должность в Тобольске

⁴¹ Братющенко Ю. В. Генерал-губернатор Восточной Сибири... С. 216.

⁴² Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. С. 360.

⁴³ Скропышев Я. С. Тобольская губерния в пятидесятых годах. Материалы для биографии Виктора Антоновича Арцимовича за время управления его Тобольской губернией (1854–1858 гг.) // Вестник Европы. 1897. Т. VI. С. 23.

⁴⁴ Струве Б. В. Воспоминания о Сибири... С. 53.

⁴⁵ Калашников И. Т. Записки иркутского жителя... С. 209.

⁴⁶ Матханова Н. П. Политическое наследие... С. 7–8.

в 1854 г.: «Чем отдаленнее край, тем строже должно быть наблюдение за сохранением порядка и исполнением законов»⁴⁷.

И. Б. Пестель неоднократно возвращался к теме ябедничества, составления купцами доносов (при этом он был невысокого мнения об уровне культурного развития купечества, отмечая, что иркутские купцы «не были довольно образованны, чтобы самим писать» кляузы⁴⁸). О доносах и жалобах купцов писал в 1820-х годах и М. М. Сперанский⁴⁹, а когда он приехал в Иркутск, жалобы стали поступать в таком количестве, что в Иркутском казначействе вмиг была распродана вся гербовая бумага, использовавшаяся для их составления⁵⁰. Посетивший же в 1830 г. Якутск Н. С. Щукин заметил: «Наклонность к тяжбам и ябедам нигде, кажется, так не господствует, как в Якутске...»⁵¹. Возможно, это неприятие чиновничьего произвола, отстаивание своих прав и «ябедничество» берут истоки еще в конце XVI — XVII в., когда мирское самоуправление выступало реальной силой и противовесом местной администрации⁵². В XVIII–XIX вв. купечество, борясь в первую очередь «за свои интересы <...> тем не менее, являлось единственной оппозиционной силой, с которой не могли не считаться местные власти»⁵³. Неслучайно И. Т. Калашников дает следующую оценку действиям купцов: «Не извиняя дерзости, нельзя, однако ж, не сказать, что самостоятельность купечества имела и свою хорошую сторону. В городе, где не было дворянства, кроме бедных и безгласных чиновников, купеческое общество одно составляло некоторый оплот самоуправству и беззаконию, столь обыкновенному, в прежнее время, в отдаленных провинциях»⁵⁴. Да и как было выстоять без поддержки против такого произвола, который, например, проявил скандально известный следователь П. Н. Крылов, расследовавший в 1750-х годах дело о злоупотреблениях в винокурении, и, в конце концов, сам попавший под следствие⁵⁵. Не самую лучшую память оставил о себе и начальник Нерчинских за-

⁴⁷ *Скропышев Я. С.* Тобольская губерния... С. 8.

⁴⁸ Записка о службе И. Б. Пестеля... С. 379.

⁴⁹ Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского... С. 30.

⁵⁰ *Дамешек И. Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. С. 105–106.

⁵¹ *Щукин Н.* Поездка в Якутск... С. 230.

⁵² *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. 401 с.

⁵³ *Шахеров В. П.* Истоки, этапы и традиции... С. 11.

⁵⁴ *Калашников И. Т.* Записки иркутского жителя. С. 200.

⁵⁵ *Рафиенко Л. С.* Проблемы управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв.: Избранное. Новосибирск, 2006. С. 73, 106–108.

водов в 1770-х годах В.В. Нарышкин. Про него Т.П. Калашников сообщал: «Из лавок все товары у купцов взяты, больше в долг, нежели за деньги <...> Выехав из города Нерчинска <...> все с товарами идущие по сей дороге купеческие клади остановил и взял так, как ему принадлежащие, обещая хозяевам исправно расплатиться <...> но многие чрез то разорилися»⁵⁶.

Важное место в мемуарах чиновников занимают описание приемов торговли, использовавшихся сибирскими купцами, и размышления о значении коммерции для региона. С.Б. Броневский писал: «Торговля. Имя ее звучит во всех возможных кругах. Она — единственная кормилица всей Сибири»⁵⁷. Один из авторов употребляет выражение «сибирская торговля»⁵⁸, что означает безденежный обмен товаров, чаще всего, на пушнину, особенно широко распространенный в северных районах.

Высшее сибирское начальство — генерал-губернаторы и губернаторы, заботясь о развитии торговли и промышленности, путей сообщения, разработке полезных ископаемых⁵⁹, стремились привлечь частный капитал в эти сферы. В воспоминаниях С.Б. Броневского можно найти следующие фрагменты: «Одна из попыток купечества заслуживает общую благодарность — это устройство мельниц крупчаток. Крупчатая мука продается по той же цене, что и в Казани, а прежде было втрое дороже»⁶⁰; «...придумывал я завести свекловично-сахарный завод <...> Почетный гражданин Петр Тимофеевич Баснин изъявил готовность употребить свой капитал, но это не осуществилось»⁶¹. Особенно важным он признавал открытие золотых россыпей в Сибири томским купцом Ф.И. Поповым: «Почетный гражданин Федот Иванович Попов — первый виновник золотой промышленности на Алтайских и Саянских хребтах. Он исключительно возбудил внимание многих на Сибирь Восточную, заслуживает полную благодарность. Почему бы этот подвиг не увековечить в потомство, не в пирамидах

⁵⁶ Калашников Т.П. Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова... С. 159.

⁵⁷ Братющенко Ю.В. Генерал-губернатор Восточной Сибири... С. 177.

⁵⁸ Скропышев Я.С. Тобольская губерния... С. 11.

⁵⁹ Гимельштейн А.В. Генерал-губернаторский корпус Восточной Сибири. Компетенция и социология власти // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической ретроспективе: Материалы Международ. науч.-практ. конф., посв. 180-летию сибирских реформ М.М. Сперанского. Иркутск, 2004. Ч. I. С. 57; Рафиенко Л.С. Проблемы управления и культуры... С. 58–59.

⁶⁰ Братющенко Ю.В. Генерал-губернатор Восточной Сибири... С. 198.

⁶¹ Там же.

и колоннах, а в благотворительном заведении для призрения несчастных, чающих движения, и над коим бы звучало бы имя Федота Попова...»⁶².

Однако далеко не всегда мнения купечества и властей по поводу необходимости воплощения того или иного проекта совпадали. О таком взаимном непонимании С. Б. Броневский с горечью пишет, касаясь судьбы своей задумки построить Кругобайкальскую дорогу, не поддержанной кяхтинским купечеством, что его «крайне удивило и огорчило»⁶³.

Особое внимание в эго-текстах чиновников обращено на торговлю сибирских купцов в северных районах Сибири. Авторы отмечали ловкость и хитрость, с которыми действовали купцы. Характеризуя якутских торговцев, С. Б. Броневский говорит: «Хозяин моей квартиры купец Власов <...> ловкостью своей, овладев частью тунгусов, подобно другим купцам, до того, что они и названия носят Яковлевских, Марковских и проч.»⁶⁴. Во время пребывания на посту восточносибирского генерал-губернатора он обнаружил, что «купцы совершенно поработили себе бедняков, инородцев по части промыслов», и вынужден был принять меры «на высвобождение их из лап купеческих»⁶⁵. На злоупотребления купцов указывал и А. Х. Бенкендорф, когда писал об остяках, что они «почти не видят русских, кроме тех купцов-скупщиков, что приезжают их обирать»⁶⁶. Я. С. Скропышев упоминал о доставке в 1850-х годах тобольскими купцами на Север водки, которой было запрещено торговать, для обмена на рыбу у остяков и самоедов⁶⁷.

Вопрос о притеснении и обидах купцами аборигенных народов Севера Западной Сибири рассматривает А. М. Корнилов. Изучив жалобы остяков, он пришел к выводу об их неосновательности: «Они и в Обдорске мне опять жаловались на русских промышленников; но жалобы сии были также несправедливы: повод к оным — лень и собственное их нерадение»⁶⁸, «...войдя в подробность всех обстоятельств, нашел я жалобы остяков не только неосновательными, но даже вовсе несправедливыми и порождаемы-

⁶² Братющенко Ю. В. Генерал-губернатор Восточной Сибири... С. 200.

⁶³ Там же. С. 232–233.

⁶⁴ Там же. С. 321.

⁶⁵ Там же. С. 177.

⁶⁶ Бенкендорф А. Х. Мое путешествие на край ночи и к границам Китая: Отрывок из воспоминаний // Наше наследие. 2004. № 71. С. 60–80. (URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7106.php>; дата обращения 18.01.2017).

⁶⁷ Скропышев Я. С. Тобольская губерния... С. 6.

⁶⁸ Корнилов А. М. Замечания о Сибири сенатора Карнилова. СПб., 1828. С. 77.

ми единственно их невежеством, ленью и завистью»⁶⁹. Осмотрев нанимаемые у остяков тобольскими купцами Куклиным и Брагиным пески, тобольский губернатор «должен был отдать полную справедливость хозяйственным распоряжениям <...>, чистоте посуды, искусному приготовлению их впрок морской рыбы, продовольствию работников и всем предостерегательным средствам, взятым ими и для русского промышленника здесь необходимым. Жалобы остяков на стеснение их русскими в рыбных промыслах нашел неосновательными...»⁷⁰.

Еще одной темой, которую не могли обойти вниманием авторы мемуаров, была торговля с Китаем через Кяхту, которая «сама по себе выгодами своими привлекает людей из самых отдаленных мест, несмотря на важные преграды, натурой поставленные»⁷¹. Чиновники видели в кяхтинской торговле причину обогащения иркутских купцов⁷² и указывали на существовавшую конкуренцию сибиряков с московскими торговцами: «Трудно, однако ж, одолеть Москву...»⁷³.

Особый сюжет в эго-текстах чиновников связан с купеческой благотворительностью, которую власти традиционно поощряли. Вполне естественно, что многие мемуаристы-чиновники, будучи по долгу службы в курсе сотрудничества коронной администрации с представителями частного капитала, а некоторые из них и выступая в роли непосредственных инициаторов обращений к купечеству, неоднократно упоминали о щедрых купеческих пожертвованиях на самые разнообразные нужды. Так, по свидетельству Я. С. Скропышева, В. А. Арцимович остался очень доволен участием тобольских, ишимских, тарских и тюменских купцов в организации перевозки зимой 1855 г. пушек <...> для защиты Камчатки и юго-восточных берегов Сибири (тюменский купец Шешуков пожертвовал на эти цели 15 саней, а тарский купец Щербаков «просил принять 300 р. на прогоны для перевоза пушек и снарядов собственно по Тарскому округу»)⁷⁴. Осознавая, насколько значимы были частные пожертвования для изучения и освоения Дальнего Востока, Н. Н. Муравьев изменил свою первоначально крайне резкую позицию в отношении купечества, из-за которой, в частности, пострада-

⁶⁹ Корнилов А. М. Замечания о Сибири сенатора Карнилова... С. 85.

⁷⁰ Там же. С. 73.

⁷¹ Братющенко Ю. В. Генерал-губернатор Восточной Сибири... С. 224.

⁷² Бенкендорф А. Х. Мое путешествие...

⁷³ Братющенко Ю. В. Генерал-губернатор Восточной Сибири... С. 177.

⁷⁴ Скропышев Я. С. Тобольская губерния... С. 28–30.

ли такие известные купцы, как Кандинские⁷⁵, и перешел от конфликтов к сотрудничеству⁷⁶.

Сам факт дотации поднимал авторитет жертвователя в глазах сограждан. Недаром один из мемуаристов, И. Т. Калашников, говоря об иркутских купцах первой половины XIX в. — Сибирякове, Мыльникове, Дудоровском, Сизове, Старцовых, Трапезниковых, Басниных, Медведниковых, Чупалове, характеризует их такими словами: «Все это были люди достойные, умные, готовые на всякое доброе дело. Но особенно титул благотворителя приобрел Чупалов»⁷⁷. Некоторые мемуаристы приводили в качестве обоснования купеческой благотворительности и другие мотивы. С. Б. Струве, сообщая о сделанных иркутским купцом-золотопромышленником Е. А. Кузнецовым пожертвованиях, составлявших около миллиона рублей, за которые тот получил сначала орден Св. Владимира 3-й степени, а потом чин статского советника, добавляет: «Старик только и мечтал о том, как бы быть произведенным в действительные статские советники, чтобы к нему наравне с губернатором обращались со словами „ваше превосходительство“, что тогда имело громадное значение и составляло почти недостижимую мечту самых завзятых честолюбцев»⁷⁸. У того же автора есть еще один интересный фрагмент, показывающий, что пожертвования иногда служили средством упрочить свой авторитет не только в глазах общества, но и перед высшим начальством: когда генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев рассердился на верхотурского купца С. Ф. Соловьева («...на общем приеме он на него и покричал, и погрозил ему пальцем»), то тот «вскоре поправил опять свое положение каким-то крупным денежным пожертвованием»⁷⁹.

Знакомясь с приведенными в мемуарах чиновников описаниями внешнего облика, быта и досуга купцов, можно заметить проникновение в купеческую среду новшеств и заимствований из дворянской культуры. Начавшаяся во второй половине XVIII в. европеизация образа жизни городского населения Сибири, сближение купечества с представителями дворянства, находившимися здесь на службе⁸⁰, привели как к появлению новых привычек в манере одеваться и поведении, так и к постепенному вытес-

⁷⁵ Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 142.

⁷⁶ Матханова Н. П. Политическое наследие... С. 7–8.

⁷⁷ Калашников И. Т. Записки иркутского жителя... С. 200.

⁷⁸ Струве Б. В. Воспоминания о Сибири... С. 105–106.

⁷⁹ Там же. С. 178.

⁸⁰ Шахеров В. П. Иркутск купеческий... С. 122.

нению патриархальных устоев, что порой с сожалением воспринималось современниками. Т. П. Калашников с легкой грустью вспоминал о Нерчинске 1770-х годов: «Между тем, в городе нашем царствовавшая в нравах жителей простота несколько начала во многих портиться: научились уже более роскошествовать...»⁸¹. В начале XIX в. в Иркутске уже все купцы «брили бороды и носили фраки»⁸². В 1820-х годах А. М. Корнилов писал, что сибирские купцы живут «опрятно, со вкусом», бреют бороды и одеваются «чисто в немецкое платье»⁸³.

На оценку образа жизни сибирского купечества, конечно, влиял личный опыт авторов мемуаров: кто-то подчеркивал присущее купеческой среде благообразие, а кто-то — лицемерие и распушенность, с которыми ему пришлось столкнуться. Например, А. М. Корнилов считал, что «народ как в Иркутске, так и во всей Сибири по большей части набожен, а особливо старожилы и купечество <...> к тому же они весьма гостеприимны и примерной нравственности»⁸⁴. В то же время иронией наполнено составленное примерно в те же годы мнение Н. Щукина о якутских купцах: «Во многих видна набожность, состоящая в частом хождении в церковь, ставлении свеч перед образами и земных поклонах. Некоторые из купцов построили на свой счет церкви, сделали в них богатые вклады и вообще радят о церковном благолепии; но о добрых делах они толкуют по-своему. Первым добрым делом они считают соблюдение постов, в строгом смысле неедения скоромного; воздержание же, по их мнению, дело другое. Многие посещают церкви каждый день, не пропуская ни заутрень, ни вечерен; кроме того, молятся еще дома, где богатство образов достойно удивления»⁸⁵. Он же писал: «Гостеприимство сибирское здесь по расчету <...> Вообще здешние жители в обращении тонки и скрытны, легко увлекаются обстоятельствами, по которым располагают и свое поведение»⁸⁶. Целый ряд авторов отмечал широкое распространение среди купцов пьянства, особенно на рубеже XVIII–XIX вв., когда «попойки были господствующим увеселением и ни одна пирушка не обходилась без драки»; в дальнейшем пристрастие

⁸¹ Калашников Т. П. Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова... С. 154.

⁸² Калашников И. Т. Записки иркутского жителя... С. 201.

⁸³ Корнилов А. М. Замечания о Сибири... С. 29.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Щукин Н. Поездка в Якутск... С. 216.

⁸⁶ Там же.

к спиртному уменьшилось под влиянием распространения просвещения и повышения культурно-образовательного уровня купцов⁸⁷. Однако, по словам В. И. Вагина, в Иркутске 1840-х годов пьянство, сопровождавшееся рукоприкладством, по-прежнему оставалось почти поголовным пороком среди мелкого иркутского купечества и мещанства⁸⁸.

Если в конце XVIII — начале XIX в. жизнь в сибирском городе протекала достаточно однообразно, то к середине XIX в. появились и стали быстро приобретать все большее распространение танцы, музицирование, театр, настольные игры. Во всех этих развлечениях тон задавали купцы. В Якутске уже в 1830 г. был «клуб, а в нем театр, на коем служащая и торгующая молодежь ломает комедии»⁸⁹. Соприкосновение традиций и новаций в проведении досуга прослеживается в описании Н. Шукиным нравов якутских купцов: «Я был на обеде в первом здешнем купеческом доме. Гостей посадили за стол по чинам и отношениями <...> Каждый сидел молча, углубив нос в тарелку, изредка кидая недоверчивые взгляды на своих соседей; или, сказав слова два, осматривался на все стороны, не подслушивает ли кто его. Обед был огромный, во вкусе наших предков, и продолжался часа четыре. После стола нас всех пригласили на вечер. Вечерние собрания оживляются европейскими танцами. Нечего говорить о музыке и танцовщиках! Зато здесь каждый танцует; но всего удивительнее, что гости, просидев часу до 2-го, возвращаются домой к своему ужину»⁹⁰. И еще один интересный фрагмент о старине и новых веяниях из сочинения того же автора: «Чтением книг почти не занимаются, я нашел между здешними купцами только одного молодого человека, жаждущего европейской образованности и занимающегося происшествиями света, но и тот не здешний, иногородний. Хотя некоторые и получают московские газеты, и в них читают только одни законы и, встретясь друг с другом, спрашивают: нет ли нового указа в газетах. В трех домах есть фортепианы, но дома сии не здешние, и живут в них не по-якутски. Ручные органы довольно часто встречаются, однако ж для многих все равно играют ли господа помилуй или увертюру из „Водовоза“»⁹¹.

⁸⁷ Калашиников И. Т. Записки иркутского жителя. С. 201.

⁸⁸ Вагин В. И. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 468–469.

⁸⁹ Шукин Н. Поездка в Якутск... С. 217.

⁹⁰ Там же. С. 213.

⁹¹ Там же. С. 217.

Тем не менее, о том, насколько быстро распространялись и прочно укоренялись новые привычки, можно заключить из сравнения свидетельств Н. Щукина и чиновника по особым поручениям Якутского областного правления Н.Д. Свербеева, который в частном письме описывал новогодний бал в Якутске 1850-х годов, устроенный местным купечеством в благородном собрании: «Начался он в 7-мь часов вечера, народу было до 200 человек, танцовали много и долго... Оркестр наш весьма порядочный, равно как и хор певчих...»⁹² А вот описание обычаев иркутян С.Б. Броневского: «В Иркутске старинные поверья не совсем еще исчезли. Всякий грехом поставляет не ознаменовать семейный праздник пиром. Подлинно пир и разливанное море!.. Вы подумаете, что очутились в терне и забудете, что в Азии, и плотится 20–25 руб. ассигнациями. Молодые люди из купцов, пожалуй, вам протанцуют даже французскую контрданс. Завелось и у нас Благородное собрание, в которое наши вход и купцы с их женами и дочерями, блиставшими богатыми нарядами, выходцами Кузнецовского моста. Всякий праздник и торжественные дни давались веселые балы, и даже маскарады, замечательные оригинальными [и совершенно точными] костюмами китайцев, японцев, курильцев, алеутов и других дикарей...»⁹³.

С.Б. Броневский обращает внимание на одну из особенностей купеческой жизни на огромных пространствах Сибири — бесконечные разъезды: «Многие из купцов живут, так сказать, в путешествии, останавливаясь на отдых дома только на несколько дней. Я знал достойного человека Шелихова, который к известному термину по торговому календарю ежегодно побывает в Якутске, Охотске, Камчатке, Нижнем Новгороде и Москве. Плывая 3 тыс. верст р. Леною, любитесь несравненными ее видами, игрой природы, известными столбовыми воротами. В Якутске гуляет на ярмарке, по дороге к Охотску преодолевает в сообществе якутов и тунгусов болота и глубокие броды рек на неуклюжих лошаденках или на оленях, гложет вяленую говядину с якутским маслом. Из Охотска, переплывая море, в Камчатке делает визиты властям на собаках шестерней. Переносится в Нижний на всемирную ярмарку и в матушке белокаменной, объясняя результаты своих трудов, гоняет вдоль и поперек на лихих рысаках. Слушает оперу. Смотрит балет и на задушевных вечерах звучит прекрасным

⁹² Цит. по: *Матханова Н.П.* Сибирский чиновник Н.Д. Свербеев и его литературное и эпистолярное наследие // *Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении. XVIII — начало XX в. Иркутск, 2008.* С. 232.

⁹³ *Братюченко Ю.В.* Генерал-губернатор Восточной Сибири... С. 173.

своим голосом романсы незабвенного Алябьева, Верстовского, Варламова и Титова и, как перелетная птица, опять устремляется на восток вкушать сладость семейной жизни в объятиях милой жены и детей только на несколько дней. Вот как некоторые коммерсанты проводят свой век!»⁹⁴.

Редкий пример, когда чиновник составил собирательный образ сибирского купца, можно найти в воспоминаниях Б.В. Струве. Описывая Тюмень и Тюменскую ярмарку конца 1840-х годов, он отмечал: «Здесь я познакомился с типом сибирского купца тогдашнего времени: в обществе, в особенности в присутствии чиновного начальства <...> скромнен и сдержан, всегда, как говорится, с камнем за пазухой; в делах прозорлив, смел и ловок, в доме истинно по-„сибирски“ гостеприимен и радушен, хороший семьянин, позволяющий себе за порогом семейным, в кругу своей братьи широкий разгул, а на ярмарках полнейшую разнузданность во всех отношениях, будто семья не существует»⁹⁵. Он же отзывался о купцах как о «тароватых в обществе и расчетливых в домашнем быту»⁹⁶.

Чиновники-мемуаристы подчеркивали роль купцов в формировании внешнего облика сибирских городов, в каждом из которых самые изысканные по архитектуре здания принадлежали купцам или были построены на их средства. Вот лишь несколько хвалебных отзывов о возведенных купцами строениях: «...небольшой городок Тара уже украшен красивым каменным домом, принадлежащим какому-то богатому купцу»⁹⁷, «...в Кяхте много прекрасных домов, принадлежащих богатому купечеству»⁹⁸, в Иркутске «дома первых граждан Трапезниковых, Медведниковых, Басниных и проч[их] таковы, что и везде бы годились. Гостиный — огромный каменный дом, хорошей архитектуры, говорит сам за себя, что в нем обращаются миллионы»⁹⁹. Отдавая должное богатству купеческих особняков, чиновники из дворян иногда позволяли себе несколько свысока отозваться о вкусе представителей «среднего сословия». Это можно почувствовать в словах первого енисейского гражданского губернатора А.П. Степанова: «Показалась наконец Усть-Кяхта в виде села русского. Камен-

⁹⁴ Братюценко Ю.В. Генерал-губернатор Восточной Сибири... С. 173–174.

⁹⁵ Струве Б.В. Воспоминания о Сибири... С. 12.

⁹⁶ Там же. С. 14–15.

⁹⁷ Бенкендорф А.Х. Мое путешествие...

⁹⁸ Степанов А.П. Путешествие в Кяхту из Красноярск // Енисейский альманах на 1828 год / сост. И. Петров; предисл. Г. Толстовой. 2-е изд., доп. Красноярск, 2008. С. 26.

⁹⁹ Братюценко Ю.В. Генерал-губернатор Восточной Сибири... С. 172–173.

ная церковь, каменный дом домашней архитектуры и несколько уродливых беседок заставили думать, что здесь живет степной помещик, который, ограничив себя от соседей угленными своими межами, ограничился от всех условий, сообщаемых правильно и хорошим вкусом. Это жилище, однако же, есть принадлежность, исключая самую деревню, богатого купца Игумнова, который, торгуя в Кяхте, удаляется на лето с молодою супругою наслаждаться приятностию пустынной жизни в 20 верстах от Кяхты, на берегу Селенги, между песчаными горами, в тени своих беседок»¹⁰⁰.

Некоторые авторы отмечали и влияние купцов на сам уклад жизни и даже на характер населения. Описывая Якутск 1830 г., Н. С. Шукин отмечал: «Дворян здесь нет, чиновники же вообще люди без состояния, живущие одним жалованьем и кое-каким хозяйством; но господствующий класс есть купцы. Эти люди известны, по их стремлению к богатству, к деньгам, а как маленький везде подражает большому, то и выходит, что общий характер здешних жителей есть купеческий. Повсюду видна излишняя бережливость, везде стремление к деньгам с пренебрежением чести...»¹⁰¹.

Таким образом, в сохранившихся эго-текстах чиновников, находившихся на службе в Сибири в конце XVIII — XIX в., можно встретить самые разнообразные отзывы о сибирских купцах: от резко негативных до признания положительных качеств и исключительной роли отдельных купцов и коммерции в целом как для конкретного города, так и для всего региона. Не преследовавшие цель создать некий собирательный образ сибирского купца, авторы отразили собственный опыт общения с представителями делового мира Сибири, особый интерес проявив при этом по отношению к неординарным личностям, круг интересов которых выходил далеко за рамки предпринимательства. Отдавая должное таким купцам, мемуаристы указывали и на присущие купеческой среде лицемерие, «ябедничество», стремление повлиять на местные власти и заставить их действовать в своих корыстных интересах. Размах взяточничества и сращивание интересов купеческой верхушки с интересами части чиновничества даже вызывали у некоторых администраторов серьезные опасения в чрезмерном усилении влияния купечества. Важное место в мемуарах чиновников занимают описание купеческой торговли и размышления

¹⁰⁰ Степанов А. П. Путешествие в Кяхту... С. 24.

¹⁰¹ Шукин Н. Поездка в Якутск... С. 213.

о значении коммерции для региона. Предмет беспокойства при этом составляли проблемы, связанные с деятельностью сибирских купцов в северных районах Сибири и с русско-китайскими экономическими отношениями, которые признавалось за благо держать под контролем государства. Рассуждения о распространенных в купеческой среде хозяйственных практиках и профессиональных приемах приводили к осознанию и подчеркиванию такой характерной черты образа жизни многих сибирских купцов, как их вынужденные бесконечные разъезды на огромные расстояния. По мнению некоторых авторов, это обстоятельство не могло не сказываться на характере и мировосприятии купцов, способствуя появлению особого типа личности среди сибирского купечества. Один из основных сюжетов, затрагиваемых в рассматриваемых источниках, связан с купеческой благотворительностью. Среди мотивов, толкавших купцов на щедрые пожертвования, чиновники отмечали личные убеждения и филантропические наклонности владельцев капиталов, их стремление упрочить авторитет в глазах сограждан, тщеславие, желание проявить себя или «загладить вину» перед начальством. Прекрасно отдавая отчет в том значении, которое имела хозяйственная и благотворительная деятельность купцов для развития Сибири, крупные администраторы стремились привлечь представителей частного капитала к сотрудничеству, поощряя проявляемую последними инициативу. Это создавало как почву для плодотворного взаимодействия, так и для расхождений точек зрения на важность того или иного хозяйственного проекта и последующих конфликтов. Не однозначны и отзывы чиновников об укладе быта сибирских купцов. С одной стороны, авторы эго-текстов описывают происходившие со второй половины XVIII в. изменения, связанные с европеизацией образа жизни городского населения Сибири, проникновением в купеческую среду заимствований из дворянской культуры. Новые штрихи становятся особенно заметными ближе к середине XIX в.: мемуаристы отмечают происходивший в то время рост культурно-образовательного уровня купцов, их активную деятельность в органах городского самоуправления, стремление купеческой молодежи, в том числе и девушек, к расширению кругозора, быстрое распространение новшеств в быту и проведении досуга. Однако, с другой стороны, наряду с указанием на происходившие изменения, многие авторы свидетельствуют также и о прочности патриархальных устоев, длительном совместном существовании традиций и новаций в бытовой сфере. Чиновники подчеркивали роль купцов в формировании внешне-

го облика сибирских городов, отмечали их влияние на уклад жизни и даже на характер местного населения. В целом многообразии поднимаемых чиновниками вопросов, связанных с жизнью и деятельностью сибирского купечества, его ролью в хозяйственном и социокультурном развитии региона, придает рассматриваемым источникам особую ценность при изучении взаимоотношений власти и общества, центра и периферии, экономической и социальной истории.

К. МАЦУЗАТО
Токийский университет (Япония)

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА АЗИАТСКОЙ РОССИИ: ГЕОПОЛИТИКА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

После завершения экспансии Российской империи на Дальний Восток и в Среднюю Азию в 1850-е – 1860-е годы правительство приняло решение использовать институт генерал-губернаторства на востоке и юге, создав новые генерал-губернаторства в Туркестане (1867 г.), Казахской степи (1882 г.) и Приамурье (1884 г.). В то же время оно упразднило Оренбургское и Западно-Сибирское генерал-губернаторства, а губернии, находившиеся под их юрисдикцией, должны были быть переданы в ведение МВД. В статье объясняются причины, по которым потребовалась четверть века после территориальной экспансии до реализации территориальной реформы в 1882–1884 гг., а также проанализированы трудности, возникшие в ходе преобразования губерний, потерявших пограничный статус. Исследование основано на комплексной методике, объединяющей геополитические (транснациональные), социально-управленческие и ментально-географические подходы.

Ключевые слова: генерал-губернаторы, Азиатская Россия, Приамурье, Сибирь, Оренбуржье, Туркестан.

В данной статье предпринята попытка анализа территориального управления Азиатской Россией второй половины XIX в. сквозь призму института генерал-губернаторов. Сущность этого института заключалась в географической деконцентрации императорской власти в целях интеграции разнородных территорий и оперативного принятия решений на далеких окраинах. Генерал-губернаторы назначались непосредственно императором и подчинялись только ему. Являясь воплощением принципа макрорегиональной (горизонтальной) координации государственного управления, они часто вступали в конфликт и соперничество с министрами, представлявшими отраслевой принцип государственного управления. Генерал-губернаторы олицетворяли харизматическую, сверхзаконную власть¹. Значе-

¹ Наместник на Кавказе кн. М. С. Воронцов в ходе его борьбы с Имамом Шами-

ние института генерал-губернаторов повышалось в условиях малоразвитости транспорта и коммуникаций. При учреждении генерал-губернаторств в XVIII в. генерал-губернаторов назначали и во внутренних губерниях с целью надзора за губернаторами. Однако в первой половине XIX в. этот институт постепенно изменил свой характер и стал учреждением управления периферией. Основная идея исследования заключается в том, что институт генерал-губернаторов способствовал временному оздоровлению управления периферией Российской империи, которая испытывала постоянный кризис со времени Первого польского восстания (1830 г.) до Крымской войны (1853–1856 гг.).

Понятие «временное оздоровление» Российской империи может показаться противоречащим традиционному представлению, согласно которому империи являются альянсами космополитической и полиэтнической элиты вокруг династии. Когда же распространяется идея национального государства, подобные альянсы теряют легитимность, что приводит к кризису². Нужно отметить, что такая интерпретация, характерная для историографии Российской империи, приводит к преувеличению значения этнических факторов для жизнеспособности империй. В исследованиях, посвященных Британской, Цинской, Османской и Японской империям, аналогичного этноцентризма не наблюдается. Наряду с этническими факторами, историкам необходимо учитывать множество других условий стабильного развития империй: степень благоприятности геополитической среды, наличие эффективной бюрократии и сильной армии, развитие транспорта и экономики. Удачное соотношение этих факторов способствует объединению обширной территории ненасильственным путем. Более того, во второй половине XIX в., кроме самых развитых этнических групп, таких как поляки, евреи и прибалтийские немцы, большинство населения Российской империи еще не имело национального самосознания. Более того, как только возникало наци-

лем сделал провокационное заявление: «Если нужно было здесь исполнение законов, то государь не меня бы прислал, а свод законов!» (см.: *Захарова О. Ю.* Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов: Рыцарь Российской империи. М., 2001. С. 336). Один из исследователей сибирских генерал-губернаторов, омский историк А. В. Ремнев отметил, что «успешность деятельности генерал-губернатора зависела не столько от его правового статуса, сколько от удачности выбора кандидата на этот пост» (*Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX веков. Омск, 1997. С. 96).

² Классическое понимание империй изложено Андреасом Каппелером: *Kappeler A.* The Russian Empire: A Multiethnic History. Harlow, 2001. 455 p.

ональное самосознание тех или иных групп, как правило, начиналось непрерывное соперничество между разными национальными «проектами».

От кризиса к временному оздоровлению

Началом кризиса империи послужило Польское восстание 1830 г. Оно обнаружило, что поляки остались доминирующей этнической группой в западных губерниях (современные Правобережная Украина, Беларусь и Литва). Но гораздо более серьезную опасность представляло то, что в правительственных кругах существовало представление, согласно которому эти территории попали в руки Российской империи благодаря дипломатической случайности и там поляки непобедимы.

В 1840-е годы латышские крестьяне перешли от лютеранства к православию, ожидая, что обращение в веру царя улучшит их социальное положение. Правильно понимая, что такое обращение являлось своего рода крестьянским движением, российское правительство не смогло выработать последовательную политику по отношению к латышам и прибалтийским немцам, что вызвало протест славянофилов, таких как Ю.Ф. Самарин. В те же 1840-е годы достигло апогея восстание Имама Шамиля на Северном Кавказе. Казахи во главе с Кенесары Касымовым продолжали нападать на российские крепости в глубине Казахской степи. Как и в западных губерниях, серьезной проблемой здесь являлось не само восстание, а традиционная политика российского правительства. Оно стремилось контролировать казахов одновременно, как со стороны Оренбургского, так и со стороны Западно-Сибирского генерал-губернаторств. Но отряд Касымова оперативно передвигался между ними, тем самым показав неэффективность осуществления контроля сразу из двух разных центров³.

После принятия в 1822 г. «Учреждения для управления сибирских губерний» управление Сибирью страдало бюрократизмом и инертностью. Развернувшаяся в 1840–1842 гг. Первая опиумная война коренным образом изменила геополитическое положение Северо-Восточной Азии. Но российская элита по-прежнему была плохо знакома с географией этого региона. Например, вплоть до экспедиции Г.И. Невельского в 1849 г., россияне полагали, что Сахалин — полуостров⁴.

³ РГИА. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 20. Л. 12 об.

⁴ Факт, что Сахалин — остров, который обнаружил японский изыскатель и разведчик Ринзо Мамия в 1809 г., стал государственной тайной сёгуната, правители

Кульминацией серии кризисов, имевших место в разных частях империи, стала Крымская война (1853–1856 гг.), завершившаяся дестабилизацией черноморской периферии империи — единственной, которая ранее еще оставалась спокойной благодаря ослаблению Османской державы.

Непосредственно после поражения в Крымской войне, почти со случайной синхронностью, началось контрнаступление России по разным направлениям. По Айгунскому (1858 г.) и Пекинскому (1860 г.) договорам Россия получила амурские и приморские земли, принадлежавшие прежде Цинской империи. В середине 1860-х годов почти завершилось завоевание Средней Азии. Так образовались протяженные границы с Цинской и Каджарской империями и Афганистаном, за которыми Россия видела руку Великобритании. В западных губерниях империи Второе польское восстание (1863–1864 гг.) вынудило правительство, в конце концов, распрощаться с примирительной политикой по отношению к полякам и предоставить украинским, белорусским и литовским крестьянам выгодные условия для их освобождения от крепостного права.

Синхронность и многонаправленность контрнаступлений России породили своеобразную географическую специализацию в работе генерал-губернаторов: на западе империи они в основном занимались этнической манипуляцией (этно-бонапартизмом), а на востоке — территориальной манипуляцией. Иначе говоря, на западе генерал-губернаторы работали как этнополитики, а на востоке сначала как «географические дизайнеры», а в дальнейшем как хозяйственники, нацеленные на быстрое освоение новоприобретенных земель⁵. Такое «разделение труда» напоминает о гербе Российской империи — двуглавом орле. Дело в том, что на западе империи существовали такие остатки государств-предшественников (Речи Посполитой, немецких орденов, Великого княжества Литовского, Молдавского княжества), как элитные сообщества и правовая традиция, что ограничивало выбор методов государственного управления на этой территории.

которого справедливо опасались, что это известие резко активизирует деятельность западных держав в Японском и Охотском морях.

⁵ А. В. Ремнев отметил, что на Дальнем Востоке «административные границы фактически создавали новую географию, а генерал-губернаторы и губернаторы выступали по сути дела ее творцами, получив своего рода „карт бланш“ от имперского центра» («От Охотско-Камчатского края к Дальневосточному наместничеству: Административные игры на дальневосточном пространстве Российской империи» — японский перевод опубликован в: Кингендаи Тохоку аджа чиикиси кенкюкай (Общество по изучению региональной истории Северо-восточной Азии нового и новейшего времени). News Letter № 19 (2007). С. 4).

Районированием заинтересовались разные светские ведомства, а также Правительствующий Синод, что затрудняло изменение административных границ. Западная часть империи давно имела развитые товарно-денежные отношения, а социальное расслоение здесь часто воспринималось в этнических категориях, что представляло благоприятную почву для этно-бонапартизма. Иначе обстояла ситуация на востоке империи, где государства-предшественники почти не оставили ни правовых основ, ни элиты⁶. Большинство восточных окраин находилось в юрисдикции Военного министерства, и вопросы районирования здесь решались небольшими группами чиновников и военных. На востоке империи капиталистическое расслоение туземцев еще не началось. Если на западе империи правительству удавалось представить поляков, евреев и прибалтийских немцев как эксплуататоров малорусских, белорусских, литовских, латышских и эстонских крестьян, то на востоке подобная риторика, например, против татар не имела видимого успеха.

По стечению обстоятельств, накануне экспансии Российской империи на восток правительство окончательно определилось с тем, что генерал-губернаторов не следует назначать в губернии европейской России, они должны управлять периферией. Так, в феврале 1856 г. были упразднены Малорусское и Белорусское (Витебское) генерал-губернаторства, а Минскую губернию вывели из-под юрисдикции виленского генерал-губернатора ввиду того, что эти регионы считались «русскими» (восточно-славянскими) и, с административной точки зрения, ими следовало управлять на общих началах с внутренними губерниями⁷. В том же году губернаторы потеряли право прямого отчета императору, что дополнительно подчеркивало привилегию генерал-губернаторов⁸.

⁶ Даже если в той или иной части Азиатской России продолжала существовать определенная правовая традиция, российские колониальные чиновники были с ней плохо знакомы и не могли использовать в интересах управления. Александр Моррисон описывает эту ситуацию на примере обычного права по орошению в Туркестане. — См.: *Morrison A. S. Russian rule in Samarkand 1868–1910. A comparison with British India.* Oxford, 2008. Chapter 6.

⁷ Полиси-мэйкеры Российской империи приходили к этой мысли в разных случаях. Например, межведомственная комиссия по территориальной реформе Сибири и Дальнего Востока под председательством А. И. Деспот-Зеновича пришла к выводу, что «там, где введены хорошие судебные и земско-хозяйственные учреждения», генерал-губернаторы излишни. Упразднение сибирских генерал-губернаторов было на тот момент еще преждевременно, так как в Сибири судебная и земская реформы еще не проводились (*Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь...* С. 83–84).

⁸ *Matsuzato K.* Intra-bureaucratic debate on the institution of Russian governor-

В 1862 г., во время введения военных округов в ходе военной реформы, генерал-губернаторы стали совмещать свои должности с должностями командиров военных округов, хотя «откровенно анти-генерал-губернаторский» министр внутренних дел П. А. Валув был против такого совмещения.

Перенесение института генерал-губернаторства на восток и юг империи

Далее сосредоточимся на роли азиатских генерал-губернаторств в территориальном управлении Азиатской Россией. После масштабной экспансии Российской империи в 1850–1860-е годы у нее появились новые окраины, требующие пристального внимания со стороны правительства. Нужно было, во-первых, укрепить границы с Китаем и, во-вторых, принять меры для быстрого заселения почти безлюдного Приамурья и построить там инфраструктуру хозяйственной жизни. В-третьих, нужно было успокоить население Туркестана и Казахской степи и предотвратить распространение влияния Дунганского восстания из Восточного Туркестана. Для достижения перечисленных выше целей правительство учредило новые генерал-губернаторства на востоке и юге и в то же время ликвидировало Оренбургское и Западно-Сибирское генерал-губернаторства, потерявшие пограничный статус, преобразовав их в губернии, находившиеся под юрисдикцией МВД и управляемые на общих началах с другими внутренними территориями.

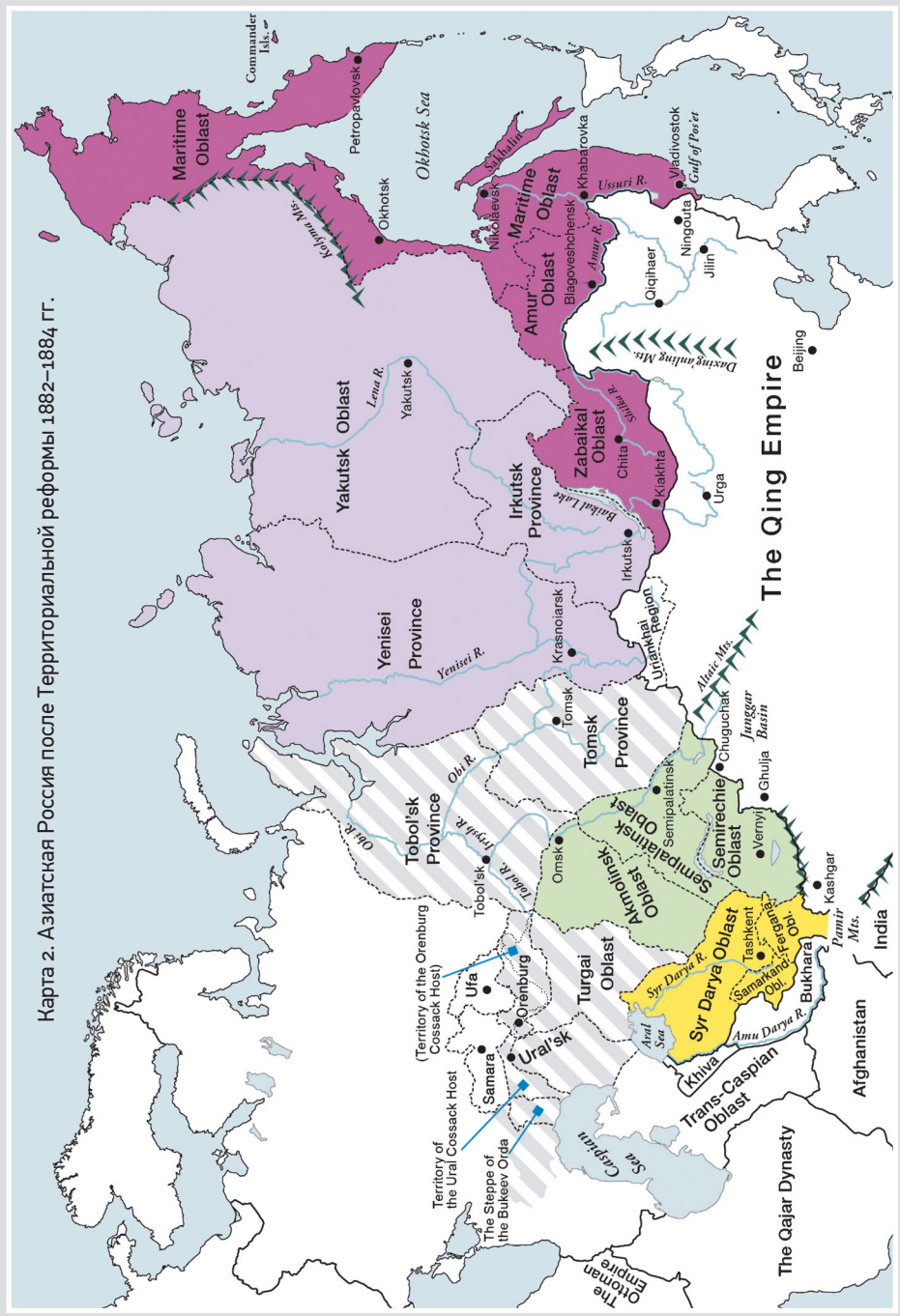
Однако окончательная передислокация генерал-губернаторств на восток и юг завершилась только в 1882–1884 гг., когда в результате проведенной территориальной реформы были созданы Приамурское и Степное генерал-губернаторства. Таким образом, после территориальной экспансии России на восток потребовалось 20–25 лет для адаптации территориального устройства Азиатской России к новым реалиям. Преобразование западно-сибирских и оренбургских территорий в обычные внутренние губернии оказалось еще более сложным. Хотя в 1882–1884 гг. Оренбургское и Западно-Сибирское генерал-губернаторства были упразднены, там не были введены стандартные учреждения по образцу внутренних губерний, такие как земства и впоследствии земские начальники. Появились обширные «переходные» (уже не периферийные, но еще не внутренние) регионы, начиная от Томской

general in the mid-nineteenth century // *Asiatic Russia: Imperial power in regional and international context* / ed. by T. Uyama. London and New York, 2012. P. 87.

Карта 1. Азиатская Россия в начале 1850-х годов

Карта 2. Азиатская Россия после Территориальной реформы 1882–1884 гг.

и Тобольской губерний и заканчивая Ставропольской губернией (отмечены серыми полосами на *Карте 2*).

Но этот рецепт не стал универсальным, и, на первый взгляд, ему даже трудно найти объяснение. В частности, позднее учреждение Приамурского генерал-губернаторства покажется еще более странным, если сравнить с Туркестанским генерал-губернаторством, создание которого последовало уже в 1867 г. Несмотря на то, что оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский настаивал на целесообразности управлять Туркестаном из Оренбурга, правительство решило ввести самостоятельное Туркестанское генерал-губернаторство всего три года спустя после присоединения данной территории. Но то же самое правительство позволяло управлять Приамурьем из Иркутска в течение 24 лет. Отметим, что прямое расстояние между Оренбургом и Ташкентом — 1586 км, в то время как расстояние между Иркутском и Владивостоком — 4512 км.

Можно выделить несколько причин, по которым территориальная реформа на Дальнем Востоке была проведена с большим запозданием. Первая заключается в том, что она была лишь отдельным компонентом территориальной реорганизации всей Азиатской России⁹. Вопрос территориального устройства Азиатской России обсуждался в правительственных кругах в контексте глобального геополитического соперничества между Российской и Британской империями. Более того, в Азиатской России изменение административно-территориального деления в одном регионе часто вело к территориальной реформе в другом, иногда даже в отдаленном. Я назвал бы этот феномен «синдромом бильярда». Например, идея о введении Приамурского генерал-губернаторства имела целью вывести Приамурье из-под юрисдикции восточно-сибирского генерал-губернатора и таким образом облегчить его работу. Однако тот же самый мотив породил предложение о сокращении западной части юрисдикции восточно-сибирского генерал-губернатора путем передачи Енисейской губернии под юрисдикцию Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Если бы это случилось, то центр тяжести Западно-Сибирского генерал-губернаторства значительно переместился бы на восток. Эта перспектива породила идею о целесообразности передачи Тобольской губернии под юрисдикцию МВД и ее превращении

⁹ Например, в компетенцию II Сибирского комитета вошли вся Сибирь, Приамурье, Казахская степь, Оренбуржье, Русская Америка и дипломатические отношения с сопредельными с Сибирью странами (*Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. С. 55).

в обычную внутреннюю губернию. Тем более что она не имела границ с Китаем. Предложение о передаче Тобольской губернии в ведение МВД вызывало еще более фундаментальное предложение об упразднении Западно-Сибирского генерал-губернаторства. В правительственных кругах идею об упразднении Западно-Сибирского генерал-губернаторства неоднократно связывали с другим проектом: созданием гигантского генерал-губернаторства, интегрирующего территорию Оренбургского генерал-губернаторства, Казахскую степь, а также новую территорию Средней Азии. Такая «гигантомания» была связана с романтизированной памятью о князе М. С. Воронцове, ставшем в свое время генерал-губернатором огромной территории, включавшей Новороссию, Кавказ и Бессарабию¹⁰.

Вторая причина была связана с необходимостью выяснить, прежде чем проводить территориальную реформу, способна ли новая территория Дальнего Востока самостоятельно обеспечивать себя или она должна служить империи только военным форпостом, существуя за счет привозных ресурсов. Восточно-сибирский генерал-губернатор Н. Н. Муравьев-Амурский придерживался второй позиции, в то время как контр-адмирал К. Н. Посыет и преемник Муравьева — М. С. Корсаков — исходили из перспектив достижения экономической самостоятельности Дальнего Востока¹¹. Однако они делали очень важную оговорку, что Приамурье может перейти на самообеспечение, если только к нему присоединить Забайкальскую область — часть старой Сибири, уже тогда имевшую полумиллионное население. Отметим, что уже в ходе развернувшейся на II Сибирском комитете в 1860 г. дискуссии, вызванной предложением Н. Н. Муравьева о создании крупного генерал-губернаторства, стало ясно, насколько важное значение имела административная принадлежность таких промежуточных регионов, как Забайкалье (Приамурскому или Восточно-Сибирскому генерал-губернаторству), Енисейская губерния (Восточно-Сибирскому или Западно-Сибирскому генерал-губернаторству) и Тобольская губерния (Западно-Сибирскому генерал-губернаторству или МВД в качестве внутренней губернии)¹².

¹⁰ Matsuzato K. The Creation of the Priamur Governor-Generalship in 1884 and the Reconfiguration of Asiatic Russia // The Russian Review. 2012. Vol. 71. Issue 3. P. 377–379.

¹¹ См. подробнее: Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. 428 с.

¹² РГВИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 60. Л. 7, 20–25 об., 28–30.

В дальнейшем споры вокруг территориального устройства Приамурья всегда были связаны с судьбой Забайкальской области.

Третья причина заключалась в том, что российские генералы и сановники страдали от «южно-уссурийского комплекса», согласно которому зауссурийский район являлся для России случайным владением, приобретенным благодаря авантюризму Н. Н. Муравьева-Амурского. Они были уверены, что если цинские войска по-настоящему нападут на этот узкий земельный пояс, зажатый между Маньчжурией, являвшейся колыбелью Цинской империи, и Японским морем, то Россия вряд ли сможет выстоять и моментально потеряет Владивосток и другие важные порты. Вот почему морское министерство России вплоть до 1871 г. не переносило главную базу Тихоокеанского флота из Петропавловска во Владивосток. Для того, чтобы освободиться от своего «южно-уссурийского комплекса», стратегам России хотелось отрезать «китайский рог» — треугольник, вершины которого располагались в Хабаровске, Владивостоке и Чите. Вот почему в 1895 г., после Тройственной интервенции, С. Ю. Витте отстоял «южный проект» Китайско-восточной железной дороги, прямо соединяющей Читу и Владивосток. Он добился поддержки императора, несмотря на противодействие большинства сановников, включая директора Азиатского департамента МИД Д. А. Капниста и приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского, поддерживавших «северный проект» (Благовещенск — Цурухайтуй / ныне Приайгунск), который, как они полагали, позволит не ставить стратегическую железную дорогу в зависимость от китайских территорий и также лишний раз не подталкивать японцев в сторону Великобритании¹³.

Как наглядно показывает пример Оренбуржья, который будет приведен ниже, потеря пограничного статуса того или иного региона, как правило, снижала его значение в глазах правительства. Однако то, что произошло в Сибири во второй половине XIX в., было исключением. Необходимость укрепления новых границ (Дальний Восток и Средняя Азия) ускорила административную и территориальную реформу Сибири, рассматриваемой теперь в качестве базы снабжения или второй линии фронта. Чтобы понять специфику произведенных в Сибири преобразований, необходимо совершить небольшой экскурс в историю, вспомнив о реформе М. М. Сперанского 1822 г. Как автора «Учреждения для

¹³ Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008. С. 96–101.

управления Сибирских губерний», его не интересовала возможность творческого и оперативного лидерства начальников в Сибири, необходимого для быстрого освоения региона. М. М. Сперанский главную задачу видел в борьбе со злоупотреблениями и самоуправством губернаторов и генерал-губернаторов Сибири. Для этого они были поставлены под вертикальный и горизонтальный контроль. Горизонтальный контроль осуществляли Советы Главных управлений Восточной и Западной Сибири¹⁴. Ревизия Западной Сибири, проведенная генерал-адъютантом Н. Н. Анненковым в 1852 г., обнаружила полное отсутствие социально-экономического развития в регионе после реформы 1822 г. В том же году Н. Н. Муравьев критиковал сибирское «Учреждение» за то, что «оно умножило инстанции и чрезвычайно распространило канцелярии и переписку»¹⁵. Однако не стоит обвинять М. М. Сперанского, так как цена окраины часто зависит от того, что стоит за ней. Во время М. М. Сперанского за Сибирью находились еще «спящие» Китай и Япония, а за Русской Америкой — США, которые еще не дошли до Тихого океана. Опиумная война (1840–1842 гг.) и Американо-мексиканская война (1846–1848 гг.) были еще далеки.

Опиумная война и открытие в 1849 г. Татарского пролива резко усилили геополитические гонки европейских держав и США в Северо-Восточной Азии. В 1847 и 1850 г. бездеятельные восточно-сибирский генерал-губернатор В. Я. Руперт и западно-сибирский генерал-губернатор князь П. Д. Горчаков были сменены энергичными Н. Н. Муравьевым и Г. Х. Гасфордом соответственно. Усиление геополитической борьбы на море совпало по времени с военно-технической революцией. Благодаря изобретению огнепроводного шнура в 1834 г., человечество впервые приобрело взрывные снаряды (вместо каменных и железных ядер), что изменило тактику морских сражений. Линейные корабли предстояло заменить броненосцами. Отсталость российского военно-морского флота в этом плане послужила одной из причин поражения России в Крымской войне. Не случайно, что участник Крымской кампании контр-адмирал И. Ф. Лихачев, правая рука великого князя Константина Николаевича и командующий русской эскадрой в Тихом океане, который впоследствии отдал свою жизнь инновации морской тактики, в 1861 г. спровоцировал Цусимский инци-

¹⁴ Ремнев А. В. Управление Сибири в 1820–1880-х гг.: сибирский вариант имперского регионализма // Вопросы истории Сибири в новое время. Новосибирск, 2013. С. 51–63.

¹⁵ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь... С. 54.

дент. После укрепления в 1860 г. Южно-Уссурийского района Пекинским договором как владения России И. Ф. Лихачев направил корвет «Посадник» с капитаном Н. А. Бирилевым, героем Крымской войны, на о. Цусиму, чтобы закрепить доступ российского дальневосточного флота в Тихий океан. И. Ф. Лихачев продемонстрировал, что Россия не уважает ни своего собственного «договора дружбы» с Японией 1855 г., ни ее территориальную целостность. Японию спасло только вмешательство Великобритании.

Полиси-мэйкеры¹⁶ России извлекли уроки из этого дипломатического поражения и признали, что в условиях слабой заселенности и освоенности регионов Сибири и Дальнего Востока ее военно-политические возможности на Тихом океане были весьма ограничены. Цусимский инцидент продемонстрировал, что режим сёгуната, который по сути являлся союзом феодальных княжеств, не может отвести от страны опасность колонизации¹⁷. Это способствовало эволюции характера обновленческого движения самураев от примитивной ксенофобской реакции на давление европейских держав и США к модернизованному типу антиколониальной политики.

Начало «пробуждения» дальневосточных соседей России совпало по времени с вызреванием внутренних предпосылок для административных реформ в Сибири. В 1850-е — 1860-е годы Восточно-Сибирское генерал-губернаторство в значительной степени преодолело наследство М. М. Сперанского, а именно излишнюю коллегиальность. Восточно-сибирский генерал-губернатор стал единоличным начальником всей подчиненной территории. Он сосредоточил в своих руках управление горным делом, золото-промышленностью, акцизное управление, надзор над иркутской таможней и управление почтовой службой, строительным и дорожным делами. Более того, генерал-губернатор совместил должность попечителя учебного округа Министерства народного просвещения¹⁸. Главное управление Восточной Сибири, превращенное в подобие собрания подчиненных генерал-губернатора, было

¹⁶ Творцы политики, люди, определяющие политический курс. Более узкое понятие, чем политическая элита — *Прим. ред.*

¹⁷ Например, страдавший от угрозы со стороны русских моряков князь Цусимы попросил сёгуната перевести его династию в другой регион Японии. *Миядзи Масато*. Бакумацу исин хенкаку-си [История преобразования в конце сёгуната и Реставрации]. Токио, 2012. Т. 1. С. 238–250. — См. также: *Auslin M. R.* Japanese strategy, geopolitics and the origins of the war, 1792–1895 // John W. Steinberg et al. Eds. *The Russo-Japanese War in global perspective: World War Zero*. Leiden, Boston, 2005. P. 13–15.

¹⁸ РГИА. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 20. Л. 87 об.

упразднено в 1887 г. Тем не менее, генерал-губернатор Восточной Сибири не пользовался должной свободой действий, и этот недостаток дал повод потребовать отделения Приамурья от Восточно-Сибирского генерал-губернаторства.

Восточная Сибирь продолжала страдать от малоразвитости государственных и общественных институтов. Центральные ведомства, такие как Министерства государственных имуществ и народного просвещения, не имели здесь региональных подразделений. В 1882 г. во всей Восточной Сибири находились только две гимназии — в Красноярске и Иркутске — и одно реальное училище в Троицкосавске. В том же году в областях Якутской, Забайкальской, Амурской и Приамурской существовало только по одному окружному суду. В Забайкалье и южной части Приморской области, где экономическая и гражданская жизнь бурно развивалась, практически полностью отсутствовал институт правосудия. Приходилось этапировать уголовников за тысячи верст, чтобы их судить, или судить их на местах военным судом¹⁹. Из-за малоразвитости губернских учреждений генерал-губернатор был вынужден отвечать за мелочные хозяйственные дела, которые в других окраинах империи были бы поручены губернаторам²⁰. Ярким примером раздражения губернаторов излишним вмешательством генерал-губернатора стала критика военным губернатором Забайкальской области Л. И. Ильяхевичем в 1883 г. действий генерал-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина. Когда Д. Г. Анучин пытался отчаянно сопротивляться передаче Забайкальской области в состав образуемого Приамурского генерал-губернаторства, Л. И. Ильяхевич не только поддержал изменение административной подчиненности, но и раскритиковал Д. Г. Анучина за то, что тот по собственной инициативе перегрузил себя рутинной работой и в то же время ничего не сделал для подготовки к войне с Китаем²¹.

Территориальная реформа 1882–1884 гг.

В ходе дискуссии, развернувшейся 1860 г. на заседании II Сибирского комитета, восточно-сибирский генерал-губернатор

¹⁹ РГИА. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 20. Л. 132 об., 134.

²⁰ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь... С. 111–116.

²¹ РГИА. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 20. Л. 138–141. Об интересном контрасте между Д. Г. Анучиным и Л. И. Ильяхевичем в их понимании отношений Дальнего Востока с Восточной Сибирью с точки зрения военной и экономической безопасности см.: Matsuzato K. The Creation of the Priamur Governor-Generalship... P. 386–388.

Н. Н. Муравьев-Амурский предложил вывести Приморскую область и Енисейскую губернию из-под юрисдикции восточно-сибирского генерал-губернатора, чтобы облегчить его работу. Не соглашаясь с предложением Н. Н. Муравьева, военный министр Н. О. Сухозанет отметил, что если Енисейскую губернию подчинят западно-сибирскому генерал-губернатору, то для облегчения задачи последнего нужно передать Тобольскую губернию в юрисдикцию МВД, сделав ее обычной внутренней губернией. Разумеется, западно-сибирский генерал-губернатор Г. Х. Гасфорд отрицательно отреагировал на попытку «отобрать» у него Тобольскую губернию. По его мнению, во-первых, Тобольская губерния была тесно связана с Томской губернией и они вместе составляли единое целое. Во-вторых, Тобольская губерния, благодаря развитому винокурению, несла большинство земских и казенных повинностей, в отличие от небогатой Томской губернии, населенной преимущественно крестьянами горного ведомства». Передача малонаселенной Енисейской губернии Западной Сибири вряд ли помогла бы Томской губернии, если бы она потеряла тобольскую помощь. В-третьих, отделение Тобольской губернии нарушило бы водное сообщение Западной Сибири, сформированное реками Тоболом, Иртышом и Обью²².

Самый веский аргумент Г. Х. Гасфорда против изменения южных границ Западно-Сибирского генерал-губернаторства состоял в том, что Западная Сибирь и Казахская степь были экономически взаимозависимы: первая снабжала последнюю хлебом и получала взамен продукты скотоводства²³. Именно эта взаимозависимость, согласно Г. Х. Гасфорду, уменьшала необходимость «вооруженной власти к удержанию их (казахов. — К. М.) в повиновении»²⁴. Отметим, что в отличие от советского этно-территориального федерализма, главный принцип царского административно-территориального устройства заключался в сосуществовании нескольких этносов в составе одной административной единицы и разделении одного этноса в рамках нескольких административных единиц. Однако территориальное устройство Казахской степи, вопреки желанию Г. Х. Гасфорда, стало исключением из этого принципа, пото-

²² Опасение нарушения водного сообщения по Амуру послужило для восточно-сибирского генерал-губернатора Анучина поводом для возражений против выделения Приамурского генерал-губернаторства.

²³ Однако в 1874 году М. И. Венюков отметил, что связь Тобольской и Томской губерний со степными областями была номинальной (*Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь... С. 84).

²⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 46. Л. 28 об., 29.

му что необходимость укрепления границ с Китаем привела правительство к созданию Степного генерал-губернаторства, в котором казахи составили подавляющее большинство. Дело в том, что с образованием Туркестанского генерал-губернаторства граница России с Восточным Туркестаном Цинской империи оказалась разделена между Туркестанским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами, в то время как северо-западный регион Китая был усмирен единоличной властью генерал-губернатора Шэньси-Ганьсу Цзо Цзунтана. Цзо беспощадно подавил Дунганское восстание в 1873 г., выдвинул цинские войска в будущий Синьцзян и в 1877 г. подавил восстание Якуб-бека, погибшего в бою. В свою очередь российское правительство не сумело выработать однозначную политическую линию по отношению к смуте в Восточном Туркестане. Накануне оккупации Россией Или в 1871 г., туркестанский генерал-губернатор К. П. фон-Кауфман активно добивался от военного министра Д. А. Милютина разрешения на интервенцию, в то время, как западно-сибирский генерал-губернатор А. П. Хрущев занял более осмотрительную позицию²⁵.

Илийский кризис в 1871 г. показал, что территориальная реформа 1867 г. не могла преодолеть проблемы, присущие децентрализованной системе генерал-губернаторств, а выработка единой пограничной политики по отношению к Китаю осталась нерешенной задачей. В 1876 г. совещание под председательством великого князя Константина Николаевича решило выделить Приморское генерал-губернаторство из Восточно-Сибирского и передать Приморскую область из-под юрисдикции морского ведомства военному, перенеся административный центр из Николаевска в Хабаровку²⁶. Русско-турецкая война (1877–1878 гг.) и осложнение отношений с Китаем вокруг Илийского региона замедлили выполнение решений совещания 1876 г. Часть решений удалось реализовать только в 1880 г.: Приморская область была передана военному министерству, а Семиречье перешло из Туркестанского генерал-губернаторства в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Это привело к сосредоточению под единым управлением значительной части джунгарской и маньчжурской границы с Цинской империей.

Усиление геополитического соперничества Российской империи с Великобританией накануне и после состоявшегося в 1878 г.

²⁵ Noda J. Reconsidering the Ili Crisis: The Ili Region under Russian rule // Watanabe M., Kubota J. Eds. Reconceptualizing Cultural and Environmental Change in Central Asia: An Historical Perspective on the Future. Kyoto, 2009. P. 170–171.

²⁶ РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 60. Л. 10–10 об.

Берлинского конгресса заставило российских полиси-мэйкеров окончательно разрешить давние проблемы: упорядочить границы с Китаем и ликвидировать управление Приамурьем из Иркутска, находившегося от него на огромном расстоянии. С этой целью 4 января 1882 г. военный министр П. С. Ванновский созвал межведомственное совещание. Оно приняло решение не только об отделении Приамурья от Восточной Сибири в административном отношении, но и о создании Степного генерал-губернаторства из трех преимущественно казахских областей: Семиреченской, Семипалатинской и Акмолинской. Так, Приамурское, Восточно-Сибирское и Степное генерал-губернаторства стали отвечать за маньчжурскую, монгольскую и джунгарскую границу с Китаем. В то же время упразднили Западно-Сибирское генерал-губернаторство, а Томскую и Тобольскую губернии передали в ведение МВД. Годом ранее, еще в 1881 г., ликвидировано было также Оренбургское генерал-губернаторство.

Весной 1883 г. произошло военное столкновение между российскими и цинскими войсками, причиной которого стали обоюдные претензии двух государств на залив Посыета. Россию спасли сначала оттепель, а затем начало другого антиколониального конфликта: франко-китайской войны, вспыхнувшей в августе 1883 г. во Вьетнаме. Это отвлекло китайское руководство от споров на российско-маньчжурской границе, но правящим кругам России потребовался еще почти год до введения Приамурского генерал-губернаторства (16 июня 1884 г.), чтобы сломить последнее сопротивление восточно-сибирского генерал-губернатора Д. Г. Анучина, желавшего оставить у себя хотя бы Забайкалье²⁷.

Западная Сибирь и Оренбуржье: от генерал-губернаторства к губернии

Несмотря на ликвидацию Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств, Томская, Тобольская и Оренбургская губернии не могли превратиться в обычные внутренние губернии. Здесь не были введены ни земства, ни земские начальники. Почему? Большинство уездов Томской и Тобольской губерний по территории были крупнее губерний Европейской России. Так, среди всех уездов Томской и Тобольской губерний только Тюменский (15608 кв. верст), Ялуторовский (18945 кв. верст), Курганский

²⁷ Matsuzato K. The Creation of the Priamur Governor-Generalship... P. 383–388.

(20282 кв. верст) были меньше, чем, например, Калужская губерния (27178 кв. верст). Следовательно, при наличии земств в этих губерниях требовались бы непомерно большие средства даже для созыва очередных уездных земских собраний, не говоря уже о дороговизне проведения любых социально-экономических мероприятий. Земства в Российской империи вводились по очереди от центра к периферии: иными словами, не было анклавных земств, не сопредельных с территориями других земств со стороны центра империи. Поэтому, после того как в 1875 г. земства были введены в Уфимской губернии, следовало ожидать их появления и в находившейся восточнее Оренбургской губернии. Пока этого не произошло, введение земств в Западной Сибири не могло войти в реальную повестку дня правительства и Государственной Думы. Поэтому ниже мы специально рассмотрим причины, тормозившие проведение земской реформы в Оренбургской губернии.

Вместе с тем введению земств в Сибири препятствовали также другие факторы. Так, из-за малочисленности дворянства на данной территории там не мог быть образован институт земских начальников в том варианте, который предусматривало Положение от 12 июля 1889 г. Так как в Сибири крепостное право было мало развито, здесь отсутствовал и институт мировых посредников, который в Европейской России предшествовал введению института земских начальников. В Сибири надзором и опекой над крестьянским самоуправлением занималась местная полиция. 2 июня 1898 г. императором Николаем II было одобрено «Временное положение о крестьянских начальниках». Примечательно, что действие положения распространялось как на подчиненные МВД Тобольскую и Томскую, так и на находившиеся под юрисдикцией иркутского генерал-губернатора Енисейскую и Иркутскую губернии²⁸. Позже это положение было распространено также на дальневосточные регионы. Иначе говоря, административно-территориальная реформа 1882–1884 гг. не повлияла на низовой уровень местного управления.

Во «Временном положении о крестьянских начальниках» за образец управленца низового уровня были взяты в основном земские начальники, которые совмещали одновременно административные и судебные функции. Они также напоминали мировых посредников в Юго-Западном крае (Правобереж-

²⁸ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), Собр. 3, т. 18 (1898), Ст. 15505.

ная Украина), на которых из-за отсутствия земств на этой территории также возлагались социально-экономические функции. И те, и другие, например, выступили инициаторами открытия начальных школ на своих участках. Ввиду отсутствия местных дворян, сословный, образовательный и служебный цензы, требуемые для занятия должности крестьянских начальников, в Сибири были значительно снижены, и поэтому их состав выглядел более демократичным²⁹. В Юго-Западном крае сторонники сохранения существовавшего там института мировых посредников часто упоминали о крестьянских начальниках Сибири как о свидетельстве краха ставки на местных дворян, сделанной в Положении 1889 г. о земских начальниках. В контексте Юго-Западного края опора на местных дворян означала бы примирение с польским дворянством³⁰.

Если отсутствие земств в Западной Сибири главным образом объясняется пространственными факторами, то аналогичное явление в Оренбургской губернии имело преимущественно социально-управленческую причину. Историческое Оренбуржье, составлявшее Оренбургское генерал-губернаторство, было крупной единицей, в которую входили нынешние Оренбургская и Самарская области, Южный Урал и Западный Казахстан³¹. Страдая от набегов казахов, Оренбуржье являлось одной из самых небезопасных периферий Российской империи, благодаря чему дворянство воздерживалось от покупки здесь имений. Регион заселили в основном государственными крестьянами³² и казаками. Туземцы, которые получили российское подданство, часто зачислялись в военные сословия и вместе с казаками составляли иррегулярную армию. Об уровне милитаризации региона свидетельствует тот факт, что в 1851 г. число людей, принадлежащих к различным военным сословиям (1024636 человек), превосходило число податных крестьян (973380 человек). Включение туземцев в военное

²⁹ Яргаев М.Х. Институт крестьянских начальников в Забайкалье и на Дальнем Востоке // Тихоокеанский государственный университет. URL: http://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/iogip/science/nir/elcatalogi/text31 (дата обращения: 25.02.2018).

³⁰ Центральний державний історичний архів України (Київ). Ф. 442. Оп. 617. Спр. 244. Арк. 12 зв., 13.

³¹ С 1851 по 1865 г. — Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство, с 1865 по 1881 г. — Оренбургское генерал-губернаторство. — *Прим. ред.*

³² С конца XVIII в. по 1850 г. посевная площадь увеличилась здесь в 13 раз. В том же году государственные крестьяне обрабатывали 1409000 десятин земли, тогда как помещикам принадлежало только 651000 десятин — См.: *Семенова Н.Л.* Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII — первой половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2000. С. 36–37.

сословие было необходимо не только для обороны юго-восточной границы империи, но и для примирения их самих. Также нужно учитывать, что у этих туземцев еще не были развиты товарно-денежные отношения и поэтому их было трудно включить в податные сословия. Систему управления осложнял дух корпоративной опеки. Например, в 1798 г., когда правительство создало Башкиро-мещеряцкое войско, башкиры и мещеряки были организованы в отдельные кантоны, хотя они жили смешанно. Имперская власть пыталась таким образом предотвратить влияние непокорных башкир на мещеряков. Но в результате, кантоны, особенно мещеряцкие, оказались разделены и «рассыпаны» в огромных пространствах, иногда на расстоянии двести и более верст, что сделало сбор налогов от мещеряков очень трудоемким³³.

В середине XIX в. значительная часть населения Оренбургского генерал-губернаторства принадлежала к различным сословным корпорациям, управление которыми страдало чрезмерным разделением: Оренбургская и Самарская губернии находились под юрисдикцией МВД; территории Оренбургского и Уральского казачьих и Башкирского войск были подчинены военному министерству; территории Букеевской внутренней орды и оренбургских киргизов — МГИ и МИД соответственно.

Земства вводились не обязательно только в русских губерниях, но и, например, в Уфимской, населенной башкирами, и в Бессарабской, принадлежавшей ранее Молдавскому княжеству. Однако если население не было готово принять всесословное и чисто территориальное управление, то земства как правило не создавались. Например, казаки считали, что взамен военной службы государству они получали привилегии в области медицинской помощи, народного образования, управления сельской хлебозапасной системой³⁴ и т.д. Они полагали, что введение земств уравнивает их с крестьянами, и сопротивлялись этому. Вот почему сложно было создать земства в Донской и Оренбургской губерниях.

Однако Великие реформы имели целью упрощение сословного деления общества, гипертрофированного в николаевскую эпоху, что привело в результате к неэффективному и дорогостоящему государственному управлению. Великие реформы были нацелены на то, чтобы реорганизовать общество по территориальному принципу путем максимального перевода представителей служилых сословий в податные. Этот дух экономии характеризовал

³³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2340. Л. 255 об.; Ф. 1284. Оп. 232. Д. 77. Л. 6–6 об.

³⁴ См.: Мацузато К. Сельская хлебозапасная система в России 1864–1917 гг. // Отечественная история. М., 1995. № 3. С. 185–195.

вал и крестьянскую, и земскую реформы. Иначе говоря, попытка преодоления «чересполосицы сословий» в Оренбургском генерал-губернаторстве оказалась своего рода пробным камнем успехов Великих реформ в империи в целом. Забегая вперед, стоит сказать, что в Уфимской губернии земства были введены благодаря упразднению Башкирского войска, а в Оренбургской губернии это оказалось крайне трудно, потому что Оренбургское казачье войско упразднить не удалось.

До поражения Российской империи в Крымской войне мало кто сомневался в полезности казачьей системы, однако спор вокруг целесообразности включения башкир в военное сословие имел давнюю историю. Он начался почти одновременно с учреждением Оренбургского генерал-губернаторства. Когда в 1754 г. сбор ясаков от башкир и мещеряков был упразднен, первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев возражал против использования их в качестве иррегулярных военных сил против казахов³⁵. Позже оренбургский генерал-губернатор О.А. Игельстром полагал, что иррегулярная кавалерия была даже эффективнее регулярной пехоты в борьбе с кочевниками, и включал в военное сословие также тептярей и бобылей, которые стали управляться отдельно от башкир и мещеряков³⁶. Преемник Игельстрома — Н.Н. Бахметов в своем «замечании», адресованном Александру I, критиковал своего предшественника за чрезмерную зависимость от иррегулярной армии, которая свела оборону границы до уровня межэтнической или даже персональной вражды между казаками и башкирами, а также между казаками и яицкими казаками³⁷.

В 1832 г. правительство одобрило предложение оренбургского генерал-губернатора П.П. Сухтелена о переводе башкир и мещеряков в податное сословие³⁸. Хотя сопротивление башкир не позволило выполнить это решение, башкиры все больше стали отбывать свои повинности не военной службой, а платежом де-

³⁵ *Rhodarkovsky M.* Russia's steppe frontier: The making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington, 2002. P. 165.

³⁶ Именный, данный Сенату от 18 апреля 1790 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. 23 (1789–1796). СПб., 1830. Ст. 16856; Джон Ле Дон отмечает боязнь самих башкир и тептярей подвергнуться снижению своего статуса при переводе в податное сословие. — См.: *Le Donne J. P.* Ruling Russia: Politics and administration in the age of absolutism. 1762–1796. Princeton, 1984. P. 289–290.

³⁷ *Бекмаханова Н.Е.* Казачьи войска Азиатской России в XVIII — начале XX века. М., 2000. С. 135–142.

³⁸ История казачества Азиатской России / под ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург, 1995. Том 2. С. 15.

нег. В 1852 г. среди 301317 служащих Башкиро-мещеряцкого войска, примерно две трети отбывали повинности деньгами. Чтобы ускорить процесс монетизации отбывания повинностей, командир войска потребовал упразднить разделение башкирских и мещеряцких кантонов и реорганизовать их исключительно по территориальному принципу. Такие кантоны позволяли определить пропорцию между денежным и натуральным (военной службой) отбыванием повинностей, в зависимости от уровня оседлости населения и развития товарно-денежных отношений в данной местности³⁹. В 1855 г. оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский поддержал предложение командира войска, и 22 февраля Комитет министров принял положение, которое не только объединило башкир и мещеряков, но и перевело тептярей и бобылей в эти «башкирские» кантоны.

Крестьянская реформа ускорила ликвидацию обособленности башкир. 14 мая 1863 г., на основе предложения оренбургского генерал-губернатора А. П. Безака, правительство издало «Положение о башкирах»⁴⁰. Еще сохраняя определенную сегрегацию башкир (например, их вотчинное право и кантоны), положение максимально приблизило организацию управления башкирами к той, которая была определена 19 февраля 1861 г. «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»⁴¹, с расчетом на слияние двух видов администрации в ближайшем будущем. В 1863 г. А. П. Безак в своем отчете императору предложил создать Уфимскую губернию на основе зауральской части Оренбургской губернии. Как отметил А. П. Безак, благодаря такому разделению, уфимский и оренбургский губернаторы смогут сосредоточиться на ликвидации Башкирского и Оренбургского казачьего войск соответственно⁴². 2 июля 1865 г. Башкирское войско было ликвидировано, а его личный состав передан под управление гражданской администрации⁴³. Благодаря тому, что Уфимская губерния заранее перешла к однородному, чисто территориальному управлению, она смогла в 1875 г. стать «младшим братом» земских губерний.

Но ликвидировать Оренбургское казачье войско было не так легко. Положение об его учреждении было утверждено императо-

³⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 232. Д. 77. Л. 7–11, 19 об. — 21; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996. С. 353–354.

⁴⁰ ПСЗРИ. Собр. II, т. 38, ч. 1 (1863). СПб., 1866. Ст. 39622.

⁴¹ ПСЗРИ. Собр. II, т. 36 (1861). СПб., 1863. Ст. 36657.

⁴² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3022. Л. 10 об. — 11 об.

⁴³ ПСЗРИ. Собр. II, т. 40. Часть 1 (1865). СПб., 1867. Ст. 42282.

ром 12 декабря 1840 г. За образец при его подготовке было взято Положение 1835 г. о Донском казачьем войске. Согласно принятому документу упразднялась кантональная система, а в состав территории войска перешли три сопредельных с оренбургской линией уезда: Челябинский, Троицкий и Оренбургский⁴⁴. После Крымской войны военный министр Д. А. Милютин и некоторые другие руководители российских ведомств стали считать казачью систему дорогостоящей и неэффективной. После отмены крепостного права в 1861 г. казацьи войска оказались последним бастионом феодальных трудовых и земельных отношений в империи. Полиси-мэйкеры считали целесообразным либо упразднить казацьи войска, если это окажется возможным⁴⁵, либо модернизировать их. Для модернизации намечался целый комплекс мер, включающих гармонизацию казацких учреждений с гражданскими, профессионализацию военной подготовки и службы казаков, уменьшение их сословной обособленности, позволявшее «перечислиться в военное сословие и выходить из него свободно»⁴⁶, поощрение переселения «иногородних» на казацкую территорию, чтобы эксплуатировать необработанную землю, и монетизацию повинностей.

В то время как исторически сложившееся казачество — донское и уральское (бывшее яицкое) — пользовалось определенным уважением государственной администрации, казацьи войска, созданные правительством, вызывали крайнее пренебрежение у чиновников. В своем всеподданнейшем отчете 1860–1862 гг. оренбургский генерал-губернатор А. П. Безак отмечал, что оренбургское казачество создано не историческим путем, а «силою правительственных распоряжений». Оно убыточно в финансовом плане, а в военном отношении не отвечает ожиданиям правительства, потому что они «только по имени казаки, в действительности же они простые поселяне», которые не имеют воинственного духа и с отвращением смотрят на военную службу как отвлекающую их от домашних занятий. Тем не менее, население не против, скорее за казачество «по причине легкости службы, огромного поземельного надела, изъятия от рекрутства и всяких податей». А. П. Безак предложил императору либо обратить Оренбургское казачье войско в податное состояние, либо выде-

⁴⁴ ПСЗРИ. Собр. II, т. 15 (1840). СПб., 1841. Ст. 14041.

⁴⁵ Например, Азовское казачье войско было упразднено в 1865 г. — См.: Всеподданнейший отчет о действиях Военного Министерства за 1865 год. СПб., 1867. С. 63.

⁴⁶ *McNeal R. H. Tsar and Cossack, 1855–1914. New York, 1987. P. 30.*

лить из зауральской части Оренбургской губернии новую Уфимскую губернию, что позволит оренбургскому губернатору сосредоточиться на заведывании оренбургскими казаками. В последнем случае, управляясь общими для губернии учреждениями, казаки, как предполагалось, постепенно «сблизятся с гражданским населением». По мнению А. П. Безака, оренбургские казаки, ввиду «разнохарактерности [их] происхождения, скорее всех других могут перестать казаками и замениться регулярными войсками»⁴⁷.

По-видимому, для генерал-губернатора большой неожиданностью оказалась реакция Александра II, который написал на полях доклада напротив предложения А. П. Безака о замене оренбургских казаков регулярной армией: «В этом я не вижу никакой выгоды, ибо регулярных войск у нас нет, а придется формировать новые, на это я решительно не согласен». А. П. Безак диаметрально изменил свою анти-казацкую позицию. В следующем всеподданнейшем докладе 1862–1863 гг. он снова предложил создание Уфимской губернии, однако добавил, что оренбургский губернатор должен также являться атаманом оренбургского казачества. Кроме того, А. П. Безак отказался от точки зрения, которой придерживался два года назад: о том, что необходимой предпосылкой успеха земской и судебной реформ является интеграция казачьих и гражданских учреждений. Теперь он оптимистично убеждал Александра II в том, что совмещение одним человеком должностей губернатора и казачьего атамана позволит казакам сравняться в гражданском управлении с прочими обывателями империи «без нарушения сословных прав» и воспользоваться одновременно с ними благодетельными реформами⁴⁸.

Совмещение должностей оренбургского губернатора и атамана оренбургского казачества было закреплено 5 мая 1865 г. в «Положении об образовании из Оренбургской губернии двух губерний: Уфимской и Оренбургской»⁴⁹. Но это не способствовало введению земств в Оренбургской губернии. Хотя Оренбургская губерния была включена Земским положением 1864 г. в число губерний, в которых предполагалось создание земств, Государственный совет отказался от их введения здесь по причине нерешенности проблемы распределения земских повинностей среди населения Оренбургского казачьего войска. В 1873 г., накануне введения

⁴⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2958. Л. 37–37 об.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3022. Л. 12.

⁴⁹ ПСЗРИ. Собр. II, т. 40 (1865). СПб., 1867. Ст. 42058. Позже совмещение должностей губернатора и атамана осуществилось также в Уральской области и Степном генерал-губернаторстве.

земств в Уфимской губернии, министр внутренних дел старался убедить Государственный совет в необходимости проведения такой же реформы в Оренбургской губернии. Однако совет отложил обсуждение проблемы до того, как станут понятны результаты эксперимента по введению земств в Области Войска Донского. После того как в 1882 г. выяснилось, что он потерпел неудачу⁵⁰, полиси-мэйкеры уже не стремились к сближению казачьих и гражданских учреждений, а сосредоточили свое внимание на демократизации существовавшей обособленной казачьей системы⁵¹.

На местном уровне несовместимость казачьих и гражданских учреждений стала очевидней, когда оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский попытался подготовить проект закона о введении земств в Уфимской и Оренбургской губерниях. Местные чиновники не пришли к общему мнению, например, относительно того, следует ли создавать особую казачью курию выборщиков или избирать земских гласных от общей крестьянско-казачьей курии. В Уфимской же губернии, где башкирские крестьяне вместе с русскими крестьянами избирали крестьянских гласных, не было необходимости импровизировать какую-то этническую курию. Более того, в уездах Уфимской губернии преобладание дворян среди земских гласных было предсказуемо, если считать число гласных на основе статей о выборах Земского положения 1864 года⁵². Существовали и другие сложности, связанные с функционированием земств. В частности, проблема передачи казачьих хлебозапасных магазинов и капиталов противопожарного страхования от казачьего самоуправления под надзор земств тоже вызвала острые разногласия⁵³. Казачьи станицы от-

⁵⁰ Про сопротивление донских казаков введению земств см.: *McNeal. Tsar and Cossack...* P. 145–153; *Volvenko A. The Zemstvo Reform, the Cossacks, and Administrative Policy on the Don, 1864–1882 // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 / Ed. by J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington & Indianapolis, 2007. P. 348–366.* А. Волвенко отмечает, что казаки воспринимали земские налоги как подушные и считали, что земства создавались для того, чтобы постепенно превратить их в податное сословие (p. 361).

⁵¹ *McNeal. Tsar and Cossacks...* P. 103–110; *Адаменко О. В.* Организация системы земского самоуправления на Юго-Востоке России (Астраханская, Оренбургская и Ставропольская губернии): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 47–48.

⁵² РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 810. Л. 16 об., 17; ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 220. Л. 54. Чиновники МВД охарактеризовали Уфимскую губернию как достаточно социально дифференцированную и поэтому ожидали, что башкирские помещики станут не меньшими энтузиастами, чем русские, чтобы достичь численного преимущества помещиков и коммерческого класса среди гласных. — См.: РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 810. Л. 17.

⁵³ До 1900 г. земства были ответственны за надзор сельских хлебозапасных магазинов.

чаянно сопротивлялись передаче, так как она означала бы слияние их сбережений с крестьянскими. Это также отличало ситуацию от соседней Уфимской губернии, где Положение о башкирах 1863 г. установило правила управления хлебозапасными магазинами башкирских юрт, одинаковые с общерусскими правилами, и поэтому русские и башкирские хлебозапасные магазины легко интегрировались, когда в этой губернии были введены земства. В Оренбургской губернии не было консенсуса и по вопросам о том, освобождать ли казаков, ставших земскими гласными, от военной службы и до какой степени казаки должны иметь привилегию освобождения от налогов.

В 1890 г. уставший от постоянного противоречия между казачьими и гражданскими учреждениями оренбургский губернатор предложил отделить друг от друга казачью и гражданскую территории Оренбургской губернии и создать исключительно войсковую область по примеру Донской и Кубанской областей⁵⁴. Даже в 1912 г., когда в юго-восточных губерниях были введены земства, в Оренбургской губернии они создавались только в гражданских уездах, тогда как казачьи уезды сохранили сословные учреждения до конца царизма.

Точкой невозврата, когда казачья реформа по образцу успешно проведенной башкирской стала невозможна, представляется решительная защита Александром II Оренбургского казачества в 1862 г. Маловероятно, что император так поступил согласно своему убеждению в рациональности данной позиции с финансовой и военной точек зрения. Скорее всего, российским императорам, даже относительно либеральному Александру II, казаки представлялись «мостом», осуществлявшим единение царя с народом⁵⁵. К тому же нужно иметь в виду, что юрты Башкирского войска были расположены не только на территории Оренбургского генерал-губернаторства, но и за его пределами, в Самарской, Вятской и Пермской губерниях, что могло бы препятствовать проведению там земской и судебной реформ. Можно предполагать, что правительство реализовало меры по ликвидации обособленности башкир последовательнее, чем по преобразованию управления оренбургскими казаками, потому что сохранение сегрегации башкир препятствовало проведению земской и судебной реформ во всем Уральском регионе.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 468.

⁵⁵ Эту мысль убедительно выдвигает Роберт МакНил (Robert H. McNeal).

Оренбург как «восточные ворота» империи?

Как было сказано выше, попытка оренбургского генерал-губернатора управлять Туркестаном из отдаленного Оренбурга и тем самым сохранить его значение в империи не увенчалась успехом. После того как Оренбург перестал быть важным пограничным пунктом, его губернская элита попыталась сохранить статус своего города путем перехвата роли цивилизатора Востока у традиционно игравшей ее Казани. С этой целью оренбуржцы стали добиваться учреждения у себя органов управления русской православной церковью и учебными заведениями.

Оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин (1857–1860 гг.) активно лоббировал перед обер-прокурором Святейшего синода А. П. Толстым идею выделения из Уфимской и Оренбургской епархии обособленной Оренбургской епархии и добился этого в марте 1859 г. Работа вновь учрежденной Оренбургской епархии нацеливалась прежде всего на борьбу со старообрядчеством, влиятельным среди уральских и оренбургских казаков, и также на христианизацию язычников в Башкирском войске. Иначе говоря, Оренбургская епархия была отделена от Уфимской функционально, а не территориально. Однако с разделением двух губерний усилилась конкуренция между двумя епархиями, которые в конце концов согласились разделить свои компетенции территориально, по границе губерний. Отдав Уфимской епархии работу с язычниками в Уфимской губернии, Оренбургская епархия должна была сосредоточиться, помимо общих церковных дел в Оренбургской губернии, на борьбе со старообрядчеством в этой губернии и в Уральской области. Однако по финансовым причинам Оренбургская епархия до 1884 г. не имела даже духовной семинарии. Сложилась парадоксальная ситуация: епархия, якобы специализировавшаяся на миссионерской деятельности, не имела духовной семинарии для воспитания миссионеров, в то время как Казанская духовная академия продолжала работать как центр антиисламских исследований и пропаганды⁵⁶. Преемник оренбургского генерал-губернатора А. А. Катенина — А. П. Безак, раздраженный слабой результативностью работы Оренбургской епархии в борьбе со старообрядцами, активизирующими свою деятельность после отмены крепостного права, даже предложил упразднить ее и вернуть паству Уфим-

⁵⁶ Geraci R.P. *Window on the East: National and imperial identities in the late tsarist Russia*. Ithaca and London, 2001. P. 88–93.

ской епархии⁵⁷. В 1908 г. Синод раскритиковал Оренбургскую епархию за отсутствие «надлежащего наблюдения» старообрядцев среди уральских казаков и передал Уральскую область в ведение Самарской епархии⁵⁸.

История Оренбургского учебного округа развивалась по аналогичной траектории: от эйфории к разочарованию. Разделение Казанского учебного округа, который до середины XIX в. охватывал весь восток империи, было необходимым. Сразу после создания Уфимской губернии в 1865 г. оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский попытался учредить учебный округ, отвечающий за «разнородные элементы» в Оренбургском крае. Один из его подчиненных, бывший директор народных училищ в Оренбургской губернии, критиковал слишком огромный Казанский учебный округ. По его словам, раньше это учреждение имело административно-учебную и цивилизационно-миссионерскую задачи. Однако ныне «пределы русской цивилизации заходят даже за Оренбург». Поэтому наступило время Казанскому учебному округу передать цивилизационно-миссионерскую задачу, оставив у себя только административно-учебную⁵⁹. Хотя министр народного просвещения Д. А. Толстой поддержал предложение из Оренбурга, оренбуржцам пришлось ждать еще девять лет. Только в 1874 г. был образован учебный округ, в юрисдикцию которого вошли Оренбургская, Уфимская и Пермская губернии, в также Уральская и Тургайская области. Однако в г. Оренбурге, где не было университета, духовной семинарии, лицей и дворянских училищ, трудно было организовать даже попечительский совет. Оренбургский учебный округ смог достигнуть более или менее заметных успехов только в деле популяризации педагогической системы Н. И. Ильминского, успешно применявшейся в школьном образовании инородческих детей⁶⁰. Если Оренбургский учебный округ оказался не способен играть заметную роль в качестве цивилизатора востока империи, то не имело смысла оставлять центр округа в Оренбурге, находящемся на южной окраине подчиненной ему территории. После революции 1905 г. Министерство народного просвещения перенесло резиденцию

⁵⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 29 (отдел 2, стол 2). Д. 3. Л. 153–154, 161 об.

⁵⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 78 (отдел 3, стол 4). Д. 180. Л. 2.

⁵⁹ Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 15-летие его существования (1875–1899 гг.). Оренбург, 1901. Вып. I. С. 5–6.

⁶⁰ Отчет попечителя Оренбургского учебного округа за 1875–1877 гг. // РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1215. Л. 9, 10 об.

попечителя округа в Уфу, находившуюся приблизительно в центре округа, чтобы дать «попечителю возможность не ограничиваться перепиской»⁶¹.

Заключение

В результате экспансии Российской империи на восток и юг в 1850-х — 1860-х годах появились новые территории, требующие быстрого освоения (на Дальнем Востоке) или усмирения коренного населения (в Средней Азии). Образовались протяженные границы с Китаем, каджарским Ираном и Афганистаном, за которыми Россия видела руку Великобритании. Данным обстоятельством объясняется необходимость коренного территориального переустройства Азиатской России, которое осуществлялось путем введения и упразднения генерал-губернаторств, а также перераспределения между ними тех или иных регионов. Иначе говоря, институт генерал-губернаторов в России продемонстрировал гибкость. Наряду с другими институтами территориального управления он проявил ее не только во время наступления, но и во время отступления, как это произошло после русско-японской войны. Дальневосточное наместничество в Порт-Артуре было уничтожено японцами во время войны. Забайкалье передали от Приамурского к Иркутскому генерал-губернаторству. Так как Китайско-Восточная железная дорога стала уязвимой после войны, российское правительство приступило к постройке Амурской железной дороги на своей территории. Оно также стало обращать более пристальное внимание на развитие Камчатки и Охотска, оказавшихся практически заброшенными благодаря территориальной реформе 1882–1884 гг., в результате чего в 1909 г. Камчатская область была отделена от Приморской области. В 1905 г. центр Оренбургского учебного округа был перенесен из Оренбурга в Уфу. В 1908 г. окормление паствы уральских казаков было передано от Оренбургской к Самарской епархии. Очевидно, после поражения в русско-японской войне внимание правительства и его ресурсы были перенесены на вторую линию фронта. Когда человек наступает, он поднимает руку и свирепо смотрит на врага сверху. Когда человек защищается, он сгибает спину и покрывает голову руками. В самом деле, гибкое растяжение и сужение института генерал-губернаторов напоминает такое движение человеческого организма.

⁶¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 487. Л. 258 об.

Территориальная экспансия России совпала с эпохой Великих реформ. Западную Сибирь и Оренбуржье намечалось передать в обычное гражданское управление после упразднения Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств. Однако в Западной Сибири ни земства, ни земские начальники не могли быть введены из-за слишком обширной их территории и отсутствия там местного дворянства. Среди губерний Оренбургского генерал-губернаторства плодами Великих реформ воспользовались только Самарская и Уфимская губернии. В частности, трудно переоценить работу оренбургских генерал-губернаторов по планомерной ликвидации Башкирского войска и введению земств в Уфимской губернии. В самой Оренбургской губернии земства так и не были введены из-за сохранения там Оренбургского казачьего войска.

За генерал-губернаторами стояли местные сообщества, желавшие своего развития. Это находит подтверждение как на Дальнем Востоке, так и в Оренбуржье. На протяжении четверти века, пока шла дискуссия вокруг отделения Приамурья от Восточной Сибири, сложилась новая концепция Дальнего Востока России, объединявшего новоприобретенные земли и Забайкалье (часть старой Сибири). Это способствовало быстрому введению Приамурского генерал-губернаторства, когда Россия столкнулась с военным кризисом. Оренбуржцам удалось добиться создания своих епархии и учебного округа, хотя они не могли предотвратить снижение геополитической значимости Оренбурга после потери им пограничного статуса.

Последнее по очереди, но не по значимости, заключается в том, что анализ института генерал-губернаторов открывает дверь к транснациональной истории. Ибо ключевым элементом этого института являлась самостоятельная дипломатия, установление внешнеэкономической связи и прием иммигрантов. Мы еще мало знаем о роли восточно-сибирских и приамурских генерал-губернаторов в истории Северо-Восточной Азии и о роли туркестанских и степных генерал-губернаторов в истории Восточного Туркестана.

В. А. СКУБНЕВСКИЙ

Алтайский государственный университет (Барнаул)

ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ШТИЛЬКЕ — ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ

В статье на основе архивных и опубликованных источников рассматривается деятельность в Сибири ссыльного народника В. К. Штильке. Оказавшись в Барнауле, он стал инициатором открытия Общества попечения о начальном образовании, двух народных школ, народно-школьных библиотек, городской общественной библиотеки, строительства Народного дома — центра культурной и общественной жизни города, одним из организаторов Общества любителей исследования Алтая. Показана его деятельность в должности гласного городской думы и в сфере защиты прав приказчиков города. Он стоял у истоков первых профессиональных объединений приказчиков, был инициатором введения в 1880-е годы воскресного и праздничного отдыха для служащих торговых заведений. Сделан вывод, что вокруг Штильке объединялись не только ссыльные народники, но и прогрессивные представители местной интеллигенции.

Ключевые слова: В. К. Штильке, политическая ссылка, Барнаул, народное образование, просветительство, общественная деятельность.

Имя Василия Константиновича Штильке давно и хорошо известно в сибирской исследовательской литературе. Первыми его биографами стали краеведы, которые в 1925 г. под руководством П. Е. Семьянова организовали в Барнауле артель «Краевед»¹. В основном это были пожилые люди, участники революционного движения, не имевшие какой-либо подготовки для занятия исследовательской работой, но их преимуществом было то, что они являлись современниками событий, о которых писали. Причем жили и работали они в большом доме, ранее принадлежавшем семье Штильке, и потому пройти мимо фигуры бывшего владельца этого дома не могли. В отложившихся в Государственном архиве Алтайского края воспоминаниях бывших членов этой артели отмечалось участие В. К. Штильке в народническом движении первой половины 1870-х годов. Однако в этих материалах нередко можно встретить ошибки хронологического характера, неточности, а также явные преувеличения «революционности» того или иного деятеля и всего общественного движения в Барнауле.

¹ Гришасев В. Ф. Артель «Краевед» // Алтайские краеведы. Барнаул, 2010. С. 59–68.

В более поздних публикациях В. К. Штильке упоминали как основателя Общества попечения о начальном образовании в Барнауле (1884 г.), а также как депутата от Томской губернии в III Государственной Думе. Л. А. Ушакова, Е. А. Дегальцева и И. Н. Никулина рассматривали роль политических ссыльных в развитии народного образования и общественной жизни Западной Сибири². Наиболее полно биография В. К. Штильке описана барнаульским краеведом и писателем В. Ф. Гришаевым, прежде всего в его книге «Барнаульский печальник», которую сам автор назвал «документальной повестью»³. При несомненных достоинствах этого издания, содержащего большой фактический материал, автор сконцентрировал свое внимание преимущественно на исследовании просветительской работы Штильке и заметно слабее осветил другие направления его общественной деятельности. Кроме того, книга не имеет научно-справочного аппарата.

Специалисты, изучавшие деятельность Штильке, использовали в качестве основного источника написанный в 1909 г. Ф. М. Гавриловым «Краткий очерк XXV-летней деятельности Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле...»⁴, зачастую мало привлекая другие материалы. В результате работа Штильке гласным в городской думе и его роль в создании первых профессиональных организаций в городе остались почти не исследованы. В литературе встречаются упоминания, что он сотрудничал с томскими и тобольскими газетами, публикуя там свои статьи⁵, но это направление деятельности Штильке остается вовсе не изученным.

Есть основания полагать, что в общественной жизни не только Барнаула, но и Сибири Штильке был фигурой более значи-

² Ушакова Л. А. Связи революционной народнической ссылки с населением Сибири // Научные труды НГПИ. Вып. 31: Из истории Западной Сибири. Новосибирск, 1969. С. 36–60; Дегальцева Е. А. Роль политической ссылки в деятельности культурно-просветительских обществ Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 1998. Вып. 1. С. 48–64; Никулина И. Н. Роль политических ссыльных в развитии народного образования на Алтае в XIX в. // Культурное наследие Сибири: сб. науч. ст. Барнаул, 2000. Вып. 1. С. 28–32.

³ Гришаев В. Ф. Барнаульский печальник. Документальная повесть о В. К. Штильке. Барнаул, 1999. 150 с.

⁴ Краткий очерк XXV-летней деятельности Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле за период времени с 7 октября 1884 г. по 7 октября 1909 г. // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков. Барнаул, 2009. С. 452–460.

⁵ Никулина И. Н. Штильке Василий Константинович // Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. Барнаул, 1996. Т. 2. С. 413.

мой, чем это отражено в литературе. В силу сказанного его деятельность нуждается в дальнейшем исследовании. В настоящей статье наряду с уже введенными в научный оборот источниками были использованы документы фондов Томского губернского жандармского управления (ГАТО. Ф. 411), Томского губернского управления (ГАТО. Ф. 3), Барнаульской городской думы (ГААК. Ф. 51), коллекции документов по истории Барнаула (ГААК. Ф. 86), материалы периодической печати и справочные издания, в том числе хроника «Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.»⁶.

Василий Константинович Штильке родился в 1850 г. в Барнауле в семье обрусевших немцев. Его дед Самуил, выходец из Пруссии, аптекарь по профессии, был женат на русской — Авдотье Ильичне. Отец В.К. Штильке — Константин Самуилович — являлся чиновником и служил в казначействе. Василий обучался сначала в Барнаульском окружном (горном) училище, затем — в Томской гимназии. Во время учебы дружил с Александром Квятковским — в будущем известным революционером. По окончании в 1870 г. гимназии Штильке был принят на должность учителя арифметики и географии в Томское духовное училище, директором которого в то время был известный просветитель П.И. Макушин. Несомненно, просветительские идеи Макушина повлияли на молодого Штильке. В 1871 г. он уехал в столицу, где был зачислен «своекоштным», то есть находившимся на собственном содержании студентом медико-хирургической академии⁷.

Если верить воспоминаниям членов артели «Краевед», то Штильке состоял в кружке «чайковцев» и был сослан в Сибирь по делу об освобождении П.А. Кропоткина⁸. Однако гораздо больше доверия заслуживает, на наш взгляд, свидетельство С.П. Швецова о том, что причиной ссылки Штильке стала «связь с Дмитрием Лизогубом, в семье которого он жил в Полтавской губернии»⁹. Известно, что видный деятель народнического движения Д. Лизогуб был казнен 10 августа 1879 г. в Одессе.

Штильке был выслан в 1876 г. административным порядком в Барнаул, по месту жительства матери (отец к тому времени умер). После прибытия на родину Штильке более двух лет прожил

⁶ *Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.* Т. 1: 1880 — февраль 1917 г. / сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. Томск, 2013. 402 с.

⁷ *Гришаев В.Ф.* Барнаульский печальник... С. 16, 19.

⁸ ГААК. Ф. 86. Оп. Доп. Д. 9. Л. 29 об.

⁹ *Швецов С.П.* Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. Кн. 47. С. 104–105.

в пригородном селе Власиха, где у его родителей была дача, после чего перебрался на жительство в Барнаул. Здесь Штильке первоначально давал частные уроки детям известных лиц, в числе которых были инженер В. А. Карпинский, начальник горного округа Н. И. Журин и другие¹⁰. В 1885–1887 гг. он работал учителем истории и словесности в окружном училище¹¹.

Женился Штильке на дочери коллежского асессора Эмилии Антоновне Раубе. Ее отец Антон Тадеуш Раубе, происходивший из дворян Виленской губернии, занимал в Барнауле должности городничего, белоярского земского управителя и другие¹². Отцовский дом по наследству достался Эмилии и в дальнейшем был известен как «Дом Штильке». В 1892 г. дом оценивался в 600 руб., тогда как минимальный ценз для участия в городских выборах составлял 300 рублей¹³. Это давало возможность Штильке участвовать в выборах в органы городского самоуправления.

Данное обстоятельство расширило возможности для общественной деятельности Штильке, которая была связана с Барнаулом и во многом определялась особенностями развития города в последние десятилетия XIX в. После отмены в 1861 г. обязательного труда на кабинетских заводах, в том числе Барнаульском сереброплавильном, начался кризис в этой отрасли. Сокращались объемы производства, но сереброплавильный завод еще оставался самым значительным предприятием. Частная промышленность и торговля были развиты слабо. Многие горные специалисты стали уезжать из города, местная интеллигенция была малочисленна. Не был Барнаул и местом массовой ссылки. По данным Л. П. Роцевской, в последней четверти XIX в. в Барнауле находилось 28 политических ссыльных¹⁴. Население города в 1870-х годах составляло около 15 тыс. человек (в губернском Томске — 33,8 тыс.). В 1897 г. численность жителей в Барнауле достигла 29,4 тыс., а в Томске — 52,2 тыс. человек¹⁵. Будучи вторым по числу жителей городом губернии, Барнаул оставался глубоко провинциальным, что стало особенно заметно после открытия в 1888 г. в Томске университета.

¹⁰ Гришаев В. Ф. Барнаульский печальник... С. 27.

¹¹ Никулина И. Н. Штильке Василий Константинович... С. 413.

¹² ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5995. Л. 262 об. — 268 об.

¹³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2408. Л. 141.

¹⁴ Роцевская Л. П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983. С. 170.

¹⁵ Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2014. С. 194.

В таком провинциальном городе Штильке оказался «возмутителем спокойствия», вокруг которого стали объединяться и политические ссыльные — народники, и немногочисленная местная интеллигенция. Главным делом этой группы лиц стало создание в 1884 г. Общества попечения о начальном образовании. Как и другие аналогичные общества в Сибири, оно было создано по образцу томского, организованного в 1882 г. П. И. Макушиным. Главная задача указанных обществ состояла в распространении грамотности среди населения. В частности, в соответствии с уставами они могли открывать собственные начальные школы. Н. М. Ядринцев считал, что барнаульское Общество под руководством Штильке, наряду с томским, проявило особую энергию¹⁶.

На первом заседании Общества попечения 7 октября 1884 г. изъявили желание стать его членами 62 человека, а к 1 января 1885 г. было уже девять почетных и 286 действительных членов. Для сопоставления укажем, что в томском Обществе попечения в 1885 г. состояло 1015 членов¹⁷. Со времени создания барнаульского Общества попечения и до 1897 г. Штильке был товарищем председателя, а затем — председателем этой организации. Полицейские чины неоднократно писали о «вредном» влиянии Штильке, обращая внимание на то, что в школах указанного общества преподают «политически неблагонадежные лица». Но Штильке был поддержан начальником Алтайского горного округа Н. И. Журиным и барнаульским городским головою В. А. Карпинским¹⁸.

Уже 15 сентября 1885 г. в Барнауле была открыта бесплатная Нагорная (по названию района города) школа для мальчиков и девочек, а на следующий год для нее было построено специальное одноэтажное здание. В 1896 г. открылась вторая школа данного общества — Зайчанская. На протяжении первых 24 лет работы Нагорной школы и 13 лет — Зайчанской в них обучались 3058 детей. Полный курс обучения прошли 544 человека.

В 1909 г. в школах обучались 253 мальчика и 198 девочек. В 1897 г. в этих же зданиях работали воскресные школы. В них в течение 11 лет прошли обучение свыше двух тысяч человек. В 1895 г. Общество попечения открыло бесплатную народно-школьную библиотеку, чему способствовала поддержка известного сибирского мецената И. М. Сибирякова, который прислал для нее книги.

¹⁶ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. С. 464.

¹⁷ Там же. С. 463.

¹⁸ Дегальцева Е. А. Роль политической ссылки... С. 53.

С 1900 г. Общество проводило также народные чтения, на которых до 1909 г. побывало не менее 25 тыс. человек¹⁹.

Важным событием с культурной и финансовой точек зрения была постановка спектаклей. В Барнауле не было в тот период профессионального театра. Ситуацию спасал самодеятельный театральный коллектив Общества попечения. В.К. Штильке выступал в роли режиссера, а часто и актера. Спектакли шли на разных площадках: сначала в помещении Алтайского горного собрания, затем в одном из бывших цехов закрытого в 1893 г. сереброплавильного завода, с 1895 г. — в летнем саду Общества (ныне — парк Центрального района Барнаула) и, наконец, с 1900 г. — в Народном доме. Всего в пользу Общества попечения было поставлено до 800 спектаклей, которые принесли доход более 80,0 тыс. рублей²⁰.

Отдельной страницей в истории Общества попечения и в истории общественной и культурной жизни Барнаула стало инициированное Штильке строительство Народного дома. В 1894 г. Обществу попечения был передан участок кабинетской земли в самом центре города, где находились руины сгоревшей гауптвахты. На этом месте и решено было построить Народный дом. В 1898 г. по распоряжению Николая II для этих целей было отпущено 10,0 тыс. руб. казенных денег, 5,0 тыс. руб. пожертвовал И.М. Сибиряков, 4,5 тыс. руб. — Барнаульская городская дума, значительные суммы внесли барнаульские и бийские купцы, деньги поступали также от простых горожан. Проект здания в русском стиле безвозмездно выполнил известный столичный архитектор И.П. Ропет. Народный дом — тогда самое крупное здание в городе — был выстроен довольно быстро и стал центром общественной и культурной жизни Барнаула²¹.

Еще одной инициативой Штильке и близких ему лиц стало создание в Барнауле в 1891 г. Общества любителей исследования Алтая, позже преобразованного в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества²².

Большой вклад внес Штильке в развитие библиотечного дела в Барнауле. Выше отмечалось, что в 1885 г. Обществом попечения была создана народно-школьная библиотека. В 1888 г. состо-

¹⁹ Краткий очерк XXV-летней деятельности... С. 453–454.

²⁰ Там же. С. 458.

²¹ Скубневский В.А. Народный дом — центр культуры и общественной жизни дореволюционного Барнаула // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4/2. С. 191–193.

²² Дегальцева Е.А. Роль политической ссылки... С. 55.

ялось открытие городской общественной публичной библиотеки. Предложение о ее открытии было внесено советом Общества попечения о начальном образовании. Сам Штильке подарил новой библиотеке коллекцию книг. Так же поступили ссыльный народник С. П. Швецов, его супруга М. Швецова, ряд чиновников, в том числе начальник горного округа Н. И. Журин, предприниматели В. Сухов и Д. Функ²³.

Штильке дважды, в 1885 и 1894 г., избирался на четырехлетний период гласным Барнаульской городской думы²⁴. Журналы заседаний городской думы содержат информацию о его выступлениях по ряду вопросов, а также об участии в нескольких комиссиях думы. Например, 24 октября 1900 г. при обсуждении вопроса об освещении улиц города Штильке сделал заявление о скудном освещении и необходимости решения данной проблемы²⁵. На заседании 30 октября 1901 г. в условиях неурожая и грозящего голода дума приняла предложение Штильке о запрете скупки зерна оптовиками до двух часов дня²⁶.

В 1902 г. в составе думы была создана особая комиссия по организации торжеств в связи с 25-летним юбилеем введения в Барнауле Городового положения 1870 г. В состав комиссии вошел в том числе и Штильке. Торжества намечались в Народном доме, где Штильке было поручено произнести речь²⁷. Три года спустя, на заседании городской думы, состоявшемся 15–17 марта 1905 г., Штильке был избран в состав комиссии для выработки предложений об изменении этого Городового положения в направлении его демократизации²⁸. И все же есть основания полагать, что работу в качестве гласного городской думы Василий Константинович не рассматривал как главное направление своей деятельности.

Штильке стал одним из инициаторов борьбы приказчиков Барнаула за введение отдыха в воскресные и праздничные дни. Впервые он поднял этот вопрос 25 января 1881 г., однако городская дума не одобрила этого предложения. Позже оно обсуждалось в думе еще несколько раз²⁹. В 1884 г. 48 приказчиков, также по предложению Штильке, подали прошение архимандриту Том-

²³ Алтайская краевая библиотека. 1888–1999: очерки истории. Барнаул, 2001. С. 7.

²⁴ Барнаульская городская Дума. 1877–1996: сборник документов. Барнаул, 1999. С. 28, 29.

²⁵ ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

²⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5047. Л. 77.

²⁷ Баитов Г. Б. Очерки Барнаула. Томск, 1906. С. 148–149.

²⁸ Барнаульская городская дума. 1877–1996... С. 183–184.

²⁹ ГААК. Ф. 86. Оп. 2. Д. 39. Л. 11–12.

скому о воскресном отдыхе. По-видимому, это позволило заручиться поддержкой со стороны церкви, так как прошение в результате было удовлетворено губернскими властями. Правда, произошло это только в 1888 году³⁰. Тем не менее, по свидетельству газеты «Восточное обозрение», Барнаул стал первым городом в Сибири, где был введен воскресный и праздничный отдых приказчиков³¹.

В 1899 г. было создано Общество взаимопомощи личного труда. Его устав был утвержден в 1901 г., а главная задача заключалась в защите экономических и правовых интересов членов объединения. К 1901 г. их насчитывалось 29 человек, 70% всех членов составляли приказчики. В 1904 г. было создано нелегальное Общество взаимопомощи приказчиков и ремесленников Барнаула, действовавшее параллельно с Обществом взаимопомощи³². Во время всеобщей забастовки приказчиков города в октябре 1905 г. Штильке вошел в оргкомитет, состоявший из 25 человек³³. Есть основания полагать, что Штильке также был инициатором создания в 1901 г. нелегального профсоюза учителей³⁴.

События 1905 г. не могли пройти мимо Штильке, хотя прямого участия в протестных акциях, за исключением стачки приказчиков в октябре 1905 г., он не принимал. Но он возглавлял Общество попечения о начальном образовании, которому принадлежал Народный дом, ставший центром митингов в октябре 1905 года³⁵. Напомним, что во время черносотенного погрома 23 октября 1905 г. были разгромлены и Народный дом, и дом Штильке. Погромщиками были уничтожены 700 книг, то есть примерно шестая часть народно-школьной библиотеки³⁶. Сам Штильке не пострадал, так как заранее покинул пределы города, а немного позже с семьей уехал в Томск.

21 ноября 1905 г. на общем собрании мещанского общества, на котором присутствовало 159 человек, был вынесен приговор, в котором, в частности, говорилось: «Мы единогласно желаем прикрыть этот Народный дом, дабы в него не собирались те люди, которые идут против Бога и Царя, а мы желаем, чтобы этот дом перешел в городское общественное управление и носил другое

³⁰ Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. ... С. 56.

³¹ Восточное обозрение. 1904. 7 сентября.

³² Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. ... С. 118.

³³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 56. Д. 53. Л. 12.

³⁴ ГААК. Ф. 86. Оп. 2. Д. 39. Л. 14, 15, 28.

³⁵ Подробнее см.: Алтай в эпоху капитализма. Барнаул, 1986. С. 166–187.

³⁶ *Сибиряк-Скиталец*. Октябрьские дни в Барнауле // Сибирские вопросы. 1906. № 1. С. 59.

название»³⁷. На это совет Общества попечения ответил, что если закроют Народный дом, то будут закрыты обе школы Общества попечения, в которых в основном и обучались бесплатно мещанские дети. Противостояние интеллигенции и «черной сотни» произошло на общем собрании Общества попечения. По сообщению газеты «Сибирская жизнь», «черная сотня» дала слово выкурить из Народного дома «политику». Однако сделать этого не удалось. Председателем Общества попечения вновь был избран Штильке: 213 голосов «за» и 61 — «против»³⁸.

Народный дом власти не закрыли, но по решению временно исполняющего обязанности томского губернатора Штильке должен был покинуть пределы Сибири. Продолжая до конца жизни оставаться под негласным надзором полиции³⁹, он выехал в Петербург, где был принят на работу в штат Кабинета его императорского величества. Последним крупным событием в жизни и деятельности Штильке стало его избрание депутатом от Томской губернии в III Государственную думу. Он был беспартийным, но примыкал к кадетской фракции. В Сибирской парламентской группе возглавлял комиссию по народному образованию. В Думе Штильке проработал недолго: 15 апреля 1908 г. он скончался⁴⁰.

Несмотря на то, что Штильке был поднадзорным, а местные и губернские власти знали о его оппозиционных взглядах, ему позволяли давать частные уроки, допускали к преподаванию в окружном училище и работе в городской думе. В различных инстанциях кабинетного ведомства в Барнауле служили другие ссыльные народники, в том числе С. П. Швецов, П. В. Ровенский, С. М. Великолюд. Это удивительное на первый взгляд обстоятельство отчасти можно объяснить позицией занимавшего с 1882 по 1891 г. пост начальника округа Н. И. Журина, отличавшегося либеральными взглядами и поощрявшего развитие образования и культуры.

Многие из ссыльных народников, оказавшись в Сибири, работали в сфере образования, занимались изучением края, публицистикой. Штильке был одним из ярких представителей этой плеяды. В силу личных качеств и особенностей своей судьбы он оказался одной из центральных фигур общественного движения

³⁷ *Гришаев В. Ф.* Барнаульский печальник... С. 106.

³⁸ Сибирская жизнь. 1906. 7 января.

³⁹ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1904. Ч. 27. Л. 95; ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2514. Л. 2; Ф. 411. Оп. 2. Д. 47. Л. 16.

⁴⁰ *Шиловский М. В.* Штильке Василий Константинович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. III: С–Я. С. 549.

в Барнауле последней четверти XIX — начала XX в. Прежде всего, благодаря его деятельности в Барнауле было создано Общество попечения о начальном образовании, открыты две начальные школы, построен Народный дом, создана городская библиотека и первые профессиональные объединения приказчиков. Он консолидировал не только ссыльных народников, но и всю городскую интеллигенцию.

Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII — начала XXI в.» (грант № 17–11–22006).

В. М. Рынков

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ЛИФТЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена органам местного самоуправления, предпринимательским, кооперативным организациям, политическим партиям и объединениям, которые рассмотрены как лифты, обеспечивавшие вертикальную социальную мобильность населения. Показано, что в годы Первой мировой войны комплекс этих лифтов оказывал значительное влияние на восходящие и нисходящие социальные потоки, сопоставимое по характеру и масштабам с влиянием государства. Раскол между административно-политической элитой и институционально структурированной внутри общественных организаций контрэлитой заметно углублялся. На фоне политического кризиса активизировавшаяся восходящая мобильность не уравновешивалась нисходящими потоками, что свидетельствовало о нарастании дисфункций в работе названных выше социальных лифтов.

Ключевые слова: социальная мобильность, земства, предпринимательские организации, военно-промышленные комитеты, кооперация, политические партии, элита, контрэлита.

«**В**ся империя в движении» — так известный британский историк Питер Гатрелл назвал одну из своих книг, посвященных России в Первой мировой войне¹. Это очень точное определение, подмечавшее одну из главных особенностей краткой по времени, но чрезвычайно насыщенной событиями эпохи. Оно справедливо по отношению не только к беженству, но и всем типам социальных перемещений. Почти десятикратный рост армии, привлечение широких масс населения для обслуживания ее нужд, эвакуация и беженство — все это привело к кардинальному росту горизонтальной и вертикальной мобильности. Резко усилившаяся под влиянием Первой мировой войны динамика социальных перемещений, включение в них новых сло-

¹ *Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington. 1999. 336 p.*

ев общества вызвали повышенную маргинализацию населения и в итоге «взорвали» империю в 1917 г.

За стабильность в обществе во многом отвечает правильно организованная работа социальных лифтов — институтов, обеспечивающих восходящее и нисходящее движение отдельных индивидов и целых социальных групп. Благодаря этим институтам происходит рекрутирование элиты, по численности и качеству соответствующей вызовам эпохи. В России систему социальных лифтов традиционно формировало государство. Но институты гражданского общества по мере своего укрепления начинали существенно влиять на социальное движение населения и даже формировать собственные лифты, обеспечивая альтернативные пути выдвижения элиты. Как под влиянием войны изменились роли государства и общества в качестве организаторов вертикальной социальной мобильности? Ответ на этот вопрос позволит осмыслить причины и механизмы революционного взрыва и объяснить особенности той новой политической элиты, которая пришла к власти в 1917 г.

Социальные процессы в России в период Первой мировой войны изучались достаточно активно. В советское время они привлекали внимание преимущественно как важный этап вызревания предпосылок революции, в последние десятилетия — как общеевропейский процесс, позволяющий выявить общие тенденции и свойственную только для России специфику. Но главной особенностью историографии стало внимание к отдельным классовым и сословным группам. Проблема социальной мобильности если и поднималась историками, то изучалась, как правило, в широких хронологических рамках. Переломные годы Первой мировой войны терялись, а то и полностью исключались из исследования под тем предлогом, что большинство социальных процессов с лета 1914 г. протекали иначе, не прослеживаются в источниках, отражавших «длинные» социальные тренды.

Для изучения всей системы социальных лифтов и их трансформации под влиянием мировой войны необходимо проводить более масштабное исследование. Задача данной статьи — анализ социальных лифтов, создаваемых общественностью. В качестве таких лифтов будут рассмотрены органы местного самоуправления, общественные организации и политические партии. Их структура и деятельность будут проанализированы в той мере, в какой они действовали как лифты, осуществлявшие вертикальную мобильность населения. На первый взгляд кажется очевидным, что общественные организации преследовали цель помочь государству

сгладить недостатки его работы по мобилизации населения и экономики на нужды войны. Поэтому в исследовании акцент предполагается сделать на изучении латентных процессов, скрывавшихся за декларируемыми целями и приоритетами. Следует оговориться, что в исследуемый период существовали и другие социальные лифты, но в данной статье внимание уделено основным, позволяющим выявить наиболее значимую часть изучаемых социальных перемен.

Земства и городские учреждения имели переходный характер между государственными и общественными институтами. С началом Первой мировой войны масштабы восходящей социальной мобильности в рамках органов местного самоуправления усилились, несмотря на заметное сокращение самой численности земского и городского аппаратов. За время войны в результате призывов из состава гласных земств и городских дум выбыло от 10 до 30%. Выборы в городские общественные управления в 1915 г. не проводились в связи с войной. Полномочия гласных, чей срок истекал в 1915 г., были продлены до окончания войны. Служащих земств мобилизации затронули еще сильнее, прежде всего тех, которые находились на нижних ступенях аппарата местного самоуправления. В 1916 г. в земствах Центральной России оставались не замещенными должности агрономов на 40%, врачей — на 30 процентов². Это только активизировало карьерный рост оставшихся на местах службы и не подлежавших призыву. Постепенно земства и городские управы восполняли убыль служащих за счет активного приема на работу женщин и не подлежащих призыву мужчин, как правило, без опыта.

Вместе с тем на органы местного самоуправления законодательство возлагало обязанности по обеспечению семей призванных пособиями и продовольственному снабжению населения. В мирное время данная работа не требовала особых усилий. В условиях войны земствам и городским управам потребовалось учредить новые структурные подразделения и сконцентрировать служащих на новых направлениях социальной и продовольственной работы. Значение органов местного самоуправления в регулировании жизни населения выросло. Они были вынуждены теснее взаимодействовать с местной и центральной государственной администрацией, причем часто на равных. В результате они заняли более значимую нишу в структуре органов власти, чем до войны.

² Петровицева Е.М. Земства Центральной России в период Первой мировой войны. М., 2001. С. 10–12.

Война открыла перед органами самоуправления уникальную возможность увеличить емкость своего социального лифта и выработать правила движения внутри него практически независимо от государства. Поэтому они выступили одним из главных генераторов новых общественных организаций. 30 июля 1914 г. в Москве состоялся съезд представителей земств, провозгласивший создание Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Лидеры земств сами проявили инициативу в том, чтобы добровольно возложить на себя эти не предусмотренные законодательством обязательства. За месяц к союзу присоединились практически все губернские и уездные земские организации. 9 августа 1914 г. был создан аналогичный Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам, к которому к концу 1914 г. присоединились общественные самоуправления 163 городов, а в 1917 г. — 640 из 790 городов России. Оба союза получили от императора разрешение на свою деятельность наряду с другими общественными ассоциациями, но очень быстро добились особого влияния на государственную и общественную жизнь. Правительство выделяло их как важнейшие и наиболее значимые. Достаточно сказать, что с августа 1914 по декабрь 1916 г. 64,8% всех средств, отпущенных казной на «помощь больным и раненым», получили эти два союза, тогда как Российское общество Красного креста — только 19,4%. Остальные средства распределялись между 22 самостоятельными получателями³. Только земский союз к лету 1915 г. числил в своем ведении 3249 госпиталей на 170 тыс. больничных коек⁴. При этом он считал своими не только медицинские и санитарные учреждения, созданные на средства союза или усилиями его работников, но и все частные заведения, взятые им на учет.

Возможность проводить общероссийские и региональные съезды, определять структуру управления, создавать центральные, местные и фронтовые подразделения позволила союзам стремительно развернуть управленческий аппарат земств и городов, кроме того, постепенно включить в круг своих полномочий все новые и новые сферы: помощь в приеме и размещении беженцев, работу по изготовлению военного снаряжения, в том числе и мобилизацию кустарной промышленности, распределение военных заказов, заготовку сырья, эвакуацию из прифронто-

³ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 453–455.

⁴ Список госпиталей, состоящих на учете Всероссийского земского союза (на 1 июня 1915 года). М., 1915. Отд. 3. С. 25.

вой зоны предприятий, руководство санитарными учреждениями, снабжение населения продовольствием и предметами первой необходимости⁵.

По мере того как задачи обоих союзов расширялись и усложнялись, оба они пережили стремительную бюрократизацию. Для управления Всероссийским земским союзом был образован комитет, включавший представителей от местных земств. Комитет сформировал Центральное управление союза из пяти отделов. В дальнейшем количество отделов увеличивалось. Союз объединял работу примерно четырех тысяч мелких благотворительных организаций, создал широкую сеть специализированных учреждений и предприятий. Численность его служащих в 1916 г. составила 170 тыс. человек⁶. Если летом 1915 г. Центральный комитет союза городов насчитывал 17 членов, то в 1916 г. — 72, количество департаментов достигло 21, а общее число его служащих на сентябрь 1916 г. составляло 70 тыс. человек⁷. 10 июля 1915 г. два всероссийских союза сформировали Главный комитет по снабжению армии (Земгор), в который вошли по пять представителей от каждого союза. Земгор взял под свое руководство все учреждения и организации земских и городских органов, работавшие на оборону, и получил право принимать от правительства заказы и распределять правительственные кредиты. Главный комитет представлял собой огромную центральную структуру из 15 отделов и комитетов с многочисленным штатом служащих в каждом, сравнимую по сложности с крупным министерством. Об уровне централизации союзов свидетельствует тот факт, что столичные учреждения и предприятия комитета расходовали 20% средств, выдаваемых местным комитетам⁸.

На местах Земгору подчинялись губернские и уездные комитеты, созданные отчасти путем преобразования ранее существовавших подразделений земского и городского союзов. Они объединили сотни небольших предприятий, направляя их работу на оборонные нужды, распределяли заказы военного ведомства, кон-

⁵ *Astrov N.J.* The municipal government and the All-union of towns // *The War and the Russian government*. New Haven, 1929. P. 167–180, 188–197; *Russian Local Government During The War and Union of Zemstvos*. New Haven. 1930. P. 74–88; *Асташев А. Б.* Всероссийский Союз городов. 1914–1918 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994. 27 с.; *Шевырин В. М.* Земский и городской союзы (1914–1917 г.): аналитический обзор. М., 2000. С. 17–20.

⁶ *Gatrell P.* *Russia's First world War: a social and economic history*. Harlow, 2005. P. 47.

⁷ *Astrov N.J.* *The municipal government...* P. 193.

⁸ Всероссийский земский союз. Главный по снабжению армии комитет. Очерк деятельности 10 июля 1915 г. — 1 февраля 1916 г. М., 1916. С. 6, 14, 68.

тролировали расходование выдаваемых средств. Вся деятельность союза строилась в расчете на государственные кредиты. Лишь 10% расходов союзов покрывались за счет их собственных поступлений. Учреждения Земгора конкурировали с правительственными органами за право осуществлять поставки для армии и получать на это финансирование от казны. К 1 февраля 1917 г. была выполнена только четверть полученных заказов⁹. При этом на содержание союза отчислялось два процента от стоимости всех заказов, а организационные расходы составляли в разных случаях от одного до 10%.

Вся эта громадная система, выстроенная Всероссийскими земским и городским союзами, вызвала критическое отношение к себе со стороны правительства и некоторой части общественности. Оснований для этого было более чем достаточно. Как и в государственном аппарате, в земских и городских организациях и союзах, возникших во время войны, очень быстро формировался перегруженный верхний управленческий уровень. Показательны сведения о служащих земского союза, работавших в различных организациях одной только армии. В результате самообследования, проведенного по заданию Всероссийского союза земств, всего был учтен 3241 служащий, из которых 930 (28,7%) относились к высшему персоналу, а 2311 (71,3%) — к низшему¹⁰. По данным Ставки, общая численность служащих Всероссийского союза земств и Всероссийского городского союза только на фронтах к весне 1917 г. составила 229 тыс. человек. Это было вполне сопоставимо со штатом Главного санитарного управления Военного министерства. Сторонние наблюдатели неоднократно отмечали не просто многочисленность управленцев в союзах, но и неоправданно высокие оклады, необоснованно комфортные условия службы. Должности в земских и городских учреждениях занимали в том числе и уклонявшиеся от службы в армии молодые люди, которым работа на оборону позволяла получить «бронь» от призывов. Для придания внешнего сходства с военной службой руководство Всероссийского земского союза даже ввело для своих служащих особую форму. Носившие ее получили презрительное название «земгусаров»¹¹. В число служащих фронтовых учреждений попали многие из тех, кто не имел шансов устроиться на государственную службу, так как в союзе отсутствовала дискримина-

⁹ Земское самоуправление в России в 1864–1918. Кн. 2. М., 2005. С. 262.

¹⁰ Там же. С. 248.

¹¹ Врангель П. Н. Воспоминания. Ч. 1. М., 1992. С. 7; Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы в годы Первой мировой войны. М., 2011. С. 417, 419–423.

ция по национальному признаку и политическим убеждениям. Политически неблагонадежных лиц союз охотно брал на службу и прикрывал перед властью¹², сыграв роль инкубатора контрэлиты. В 1917 г. многие из активных участников революции оказались с «земгусаровским» прошлым.

Параллельно общероссийским структурам формировались и макрорегиональные, в том числе в глубоком тылу. В сентябре 1914 г. было создано Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. До конца 1914 г. ему удалось учредить 14 местных отделений. К середине 1916 г. их стало 52. В каждом городе на общественных началах или на профессиональной основе в комитете участвовали десятки, а в крупных городах до полутысячи представителей общественности¹³. Примечательно, что идея создания общества была высказана в столице и организовали его столичные эмиссары, представлявшие неформальное сибирское землячество. Они стремились перехватить у Всероссийского союза городов инициативу по объединению региональной элиты¹⁴. Идея создания самостоятельного, хотя и небольшого, социального лифта была очень привлекательна в столичных общественных кругах.

Динамика общей численности земских и городских служащих в годы Первой мировой войны не нашла отражения в источниках, так как органы самоуправления оставались децентрализованным институтом, а положение в них менялось стремительно. Руководители земских и городских объединений выдвинулись на роль общероссийских, региональных и местных лидеров общественного движения. Представители наиболее активных земских и городских организаций, прежде всего столичных, а также крупных губерний и городов в значительной мере определяли политику союзов. Причем на первых позициях оказались известные оппозиционеры, хотя и умеренные, способные вести диалог с властями¹⁵. Элита союза контролировала распределение очень серьезной доли государственных средств, часть из которых перенаправляла на содержание служащих союзов, добилась пред-

¹² Всероссийский земский союз. Комитет Юго-западного фронта. Личный состав учреждений Комитета Юго-западного фронта на 1 ноября 1915 г. Киев, 1915. 73 с.; Личный состав учреждений Всероссийского союза городов. Вып. 1–2. М., 1916.

¹³ *Katsina T.A.* The Siberians in Voluntary Associations Brought to Life by the Needs of the First World War // *Bylye Gody*. 2014. № 34 (1). P. 62–66.

¹⁴ *Харусь О.А.* Сибиртгет как организационная форма актуализации региональной идентичности в условиях Первой мировой войны // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2014. № 1 (29). С. 15–23.

¹⁵ Земское самоуправление в России... С. 296–311.

ставительства во многих государственных коллегиальных органах и получила возможность влиять на принятие важных политических решений. Благодаря всему этому, к началу 1917 г. усилилась независимость органов местного самоуправления от государства. Они даже воспринимались образованным обществом как альтернатива государственной службе. Восходящая мобильность в рамках земских и городских органов и их объединений стала в условиях войны более привлекательной и доступной.

В условиях перестройки экономики на нужды войны предпринимательская деятельность оставалась одним из активно функционировавших социальных лифтов. Масштаб и особенности движения внутри него в обоих направлениях определяли два обстоятельства: глубокая отраслевая трансформация экономики, выступавшая в качестве совокупности объективных факторов, и целенаправленное регулирование правил предпринимательской деятельности государством в рамках военно-мобилизационных мероприятий.

Несомненно, общая ситуация в индустриальном секторе зависела от «флагманов» производства — крупных промышленных и транспортных предприятий. Но перед войной занятость рабочих почти на половину обеспечивала мелкая и кустарная промышленность. Основная масса владельцев мелких предприятий, естественно, тоже концентрировалась именно в этом сегменте. Положение в нем необходимо учитывать для понимания социальных изменений в среде российского предпринимательства. За первый год войны общее число предприятий сократилось примерно на 10%. Среди них преобладали мелкие с небольшим количеством занятых. Призыв в армию владельца или нескольких работников приводил к ликвидации предприятия либо сокращению объемов производства товаров и услуг и последующему постепенному разорению¹⁶.

Экономика пережила структурную перестройку, вызвавшую перемены социального положения предпринимателей, глубина и направленность которых зависела от вида выпускаемой продукции и рынков сбыта. Большинству работавших на внешний рынок фирм пришлось свернуть свою деятельность или переориентировать ее на внутренний рынок, как правило, менее емкий и выгодный¹⁷. Потребовалось несколько месяцев, чтобы приспособить-

¹⁶ О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С. 222, 232.

¹⁷ Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны: (июль 1914 г. — апрель 1915 г.). М., 1915. С. 32–50.

ся к новой конфигурации путей международной торговли. Возросли товарные потоки через Архангельск и Владивосток, усилившая местную буржуазию, но в целом ввоз к концу войны составлял примерно четверть довоенного. Причем упал ввоз сырья и полуфабрикатов, значительно ухудшив положение предприятий, работавших на импортном сырье. Вывоз в первый год войны упал до 11 % от довоенного уровня, в следующем году восстановился до 28 %, а во второй половине 1916 г. — до 40 %. Причем больше всего сокращению подвергся вывоз промышленного сырья и продовольствия, что ударило по соответствующим группам торговцев¹⁸.

В то же время производители и торговцы одежды и обуви, галантерейных товаров и медикаментов быстро адаптировались к военным реалиям и смогли извлечь немалую прибыль от повышенного в первые месяцы войны спроса со стороны населения. В дальнейшем эти отрасли перестроились на удовлетворение запросов интендантств¹⁹.

В непосредственной близости от фронта и в связи с действиями военных формировались совершенно особые условия предпринимательства. В катастрофическое положение в первые месяцы войны попали торгово-промышленные круги прифронтовых территорий (Привисленский край, прибалтийские и юго-западные губернии). Здесь возникли перебои с выдачей наличности, лишившие владельцев торгово-промышленных предприятий оборотных средств²⁰. Широкое применение реквизиций началось в прифронтовых губерниях. По мере возникновения трудностей в деле заготовок для армии оно вошло в практику военных и гражданских властей в тылу. Несмотря на то, что законодательство предполагало компенсацию издержек владельцев реквизируемых товаров, военные власти, оформлявшие реквизиции всегда крайне медленно, устанавливали компенсацию, как правило, не покрывавшую себестоимость. Что еще важнее, правительство производило оплату с многомесячной задержкой, а то и вообще не оплачивало реквизиционные счета²¹. В результате рек-

¹⁸ О влиянии войны... С. 217–219; *Прокопович Н. С.* Народное хозяйство и война. М., 1918. С. 36–47.

¹⁹ *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 424–425; *Тарновский К. Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX — начале XX в. М., 1995. С. 204–209, 225–248.

²⁰ Торгово-промышленные палаты и биржевые комитеты России в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 142–148.

²¹ *Тарновский К. Н.* Мелкая промышленность... С. 224; *Рынков В. М.* Роль сибирской кооперации в заготовках продовольствия в годы Первой мировой войны // Современная наука: Актуальные вопросы теории и практики. Гуманитар-

визии стали еще одной из причин массового разорения предпринимателей.

Таким образом, война резко усилила циркуляцию в предпринимательской среде, создав множество новых факторов, таких как быстрая смена экономической конъюнктуры, а также действия властей. В результате совокупного действия этих факторов одна часть торгово-промышленников переходила в нижние страты своего класса, а другие неожиданно поднимались на несколько ступеней вверх.

Власть стремилась упорядочить социальную мобильность предпринимателей, структурировать их в иерархию, соответствовавшую государственным интересам. Для достижения такого результата интенсивно разрабатывались правила и условия, регулировавшие восходящее социальное движение внутри торгово-промышленного класса. Работа на оборону стала главным подъемным механизмом, обеспечивавшим рост благосостояния одной части российской буржуазии на фоне разорения другой. В отношении ядра военной промышленности этот эффект ощущался еще накануне войны. С 1912 г. государство осуществило масштабные инвестиции в развитие производства вооружений. Это вызвало повышенный спрос на широкий спектр сопутствующих товаров и транспортных перевозок. Средства получали наряду с казенными и частные предприятия, предпочитая перестраивать производство именно на государственные кредиты. Во время войны нормы расходования боеприпасов оказались перекрыты в несколько раз. Спрос на них со стороны армии резко вырос, и правительство готово было оплачивать их по любой цене. На переоборудование и расширение производства выделили средства владельцам частных металлообрабатывающих и химических предприятий.

Развертывание масштабной государственной хозяйственной деятельности открыло перед российским торгово-промышленным классом дополнительные возможности. Восходящее движение отныне обеспечивало взаимодействие с государственными уполномоченными по заготовкам, интендантскими чиновниками, сотрудниками заводских совещаний. Быстро осознавшие это предприниматели стремились найти новую сферу применения своего капитала и способностей, наперебой предлагая усло-

ные науки. 2013. № 5–6. С. 19; Торгово-промышленные палаты... С. 151–154; Асташев А. Б. Русская армия и население: реквизиции 1915 года и социальные последствия // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год: доклады и выступления участников V науч.-практ. конф. М., 2016. С. 301–309.

вия для исполнения контрактов. Контракт на выполнение работы или поставку продукции для казны давал возможность удержаться на плаву или даже получить крупную прибыль. Если уполномоченный не считал сделку выгодной для казны, то отдельные представители торгово-промышленного сообщества напрямую или через посредничество своих представительских организаций обращались с жалобой непосредственно в министерство или организовывали в прессе кампанию по дискредитации уполномоченного. Нередко складывались группировки конкурировавших между собою местных предпринимателей. Между ними разворачивалась борьба с целью удержаться внутри лифта и, как минимум, избежать движения вниз. Одни вписывались в новую систему государственного регулирования, начинали получать стабильную прибыль за производственные или посреднические операции, другие теряли свои рынки и разорялись.

Предприниматели быстро поняли необходимость консолидированного лоббирования своих позиций перед правительством с целью перераспределения денежных и материальных ресурсов через собственные контролирующие организации. Через биржевые комитеты, отраслевые съезды и другие представительские организации буржуазия оговорила успешное и своевременное исполнение заказов рядом таких льгот, как авансирование, снабжение сырьем, освобождение от призывов рабочих²². На специализированные правительственные органы, осуществлявшие распределение заказов и организацию военного производства, буржуазная пресса обрушила шквал критических статей. Цель идеологической кампании состояла в том, чтобы доказать неспособность царской бюрократии обеспечить правильную работу военно-промышленных отраслей. В резолюциях прошедшего в мае 1915 г. девятого Всероссийского съезда представителей торговли и промышленности участники предложили организовать взаимодействие власти и буржуазии через особые объединения частных предпринимателей, специализирующиеся на помощи армии, — военно-промышленные комитеты. Правительство согласилось с доводами торгово-промышленников. На основании Положения от 27 августа 1915 г. военно-промышленные комитеты получили право проводить реорганизацию производства на военные нужды и распреде-

²² Мишанин И.А. Кыштымский горный округ в годы Первой мировой войны // Промышленность Урала в XIX–XX веках. М., 2002. 121–123; Салова С.В. Буржуазия России в годы Первой мировой войны. Самара, 2005. С. 90–92; Кюнз П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы первой мировой войны. М., 2012. С. 61–74.

лять военные заказы, выступая коллективным контрагентом военного ведомства. Теперь заказы от Военного министерства получал Центральный военно-промышленный комитет, который в свою очередь разверстывал их между предприятиями. Момент для усиления позиций буржуазии был выбран более чем удачно: Центральный военно-промышленный комитет получил целиком заказ на снаряды на сумму шесть млн руб. и «стал хозяином положения на рынке военных заказов во время острой нехватки на фронте именно тяжелых снарядов»²³. Военно-промышленным комитетам удалось добиться у правительства права на перераспределение ряда других видов военных поставок, а также контроль над их выполнением. Всего с июня по декабрь 1915 г. было сформировано 33 областных и 220 местных (городских и уездных) комитетов.

Членство в военно-промышленных комитетах отныне стало дополнительным механизмом социального движения вверх, так как открыло новые шансы для успешного ведения бизнеса. Несмотря на статус общественных некоммерческих организаций, личный состав комитетов свидетельствует, что у истоков их создания повсеместно стояли крупные предприниматели и представители технической интеллигенции. Первые часто выступали даже не от своего имени, а как члены комитетов от городских дум и земских собраний²⁴. Работа через военно-промышленные комитеты позволяла предпринимателям своевременно и нередко за счет казны репрофилировать свои предприятия, получить выгодный заказ, обеспеченный авансами, поставками сырья, сбытом и гарантированной прибылью.

Внутри комитетов взаимодействие было организовано иерархично. Львиную долю получаемых заказов и средств распределяла между собою буржуазия Петрограда и Москвы, явно усилившая свое влияние в России за счет лидерских позиций в Центральном и Московском районном военно-промышленных комитетах. Накануне Февральской революции доля выполненных заказов составляла не более пяти процентов от всех полученных. Между тем, большинство заказов были полностью проавансированы. Исполнители оборонных заказов получили от государства также необходимые материалы, а сами предприятия — участники военно-промышленных комитетов — наделялись статусом оборонных предприятий и, следовательно, имели более стабильное положение в военно-мобилизационной экономике. Поэтому членство

²³ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию (1907–1917 гг.) М., 2003. С. 105.

²⁴ Личный состав военно-промышленных комитетов. Пг., 1915. 229 с.

в комитетах становилось своеобразным механизмом, если не гарантировавшим подъем, то предохранявшим предпринимателя от падения объемов производства.

Напористость буржуазии в ее требованиях авансов и материалов вызывала серьезное недовольство правительства. С марта 1916 г. оно пыталось снизить масштабы сотрудничества с военно-промышленными комитетами и поставить их под правительственный контроль, рассчитывая переключить на государство все рычаги управления формирующимися механизмами социального лифта. Но делалось это традиционными методами полицейского контроля (аресты, ссылки, присутствие полицейских на заседаниях), поэтому не возымело ощутимого результата, а напротив, вызвало резкую критику²⁵.

Правила исполнения военных заказов не распространялись на основную часть торгово-промышленных предприятий, работавших преимущественно в гражданских отраслях. Поэтому неизбежно сохранялась неопределенность и стихийность социально-экономической флуктуации торгово-промышленников. Война вызвала ухудшение положения на розничном рынке, порождала приливы ажиотажного спроса на те или иные товары, общий рост цен. В сложившихся условиях мелкие торговцы и посредники оказались более гибкими и приспособленными не только к выживанию, но и к обогащению. Многочисленные схемы перекупки и спекуляции привлекли в мелкое предпринимательство новых людей, часть из которых сумела за один–два года создать немалые состояния на не всегда добросовестных посреднических операциях. Общее ухудшение экономической конъюнктуры и рост цен делали нерентабельными прежние методы ведения коммерческих дел и заставляли торговцев повсеместно нарушать таксированные цены, часто неоправданные, обходить запреты на ввоз и вывоз продукции между губерниями и областями. Для большинства из них незаконные методы предпринимательской деятельности становились условием элементарного делового выживания. Но данное обстоятельство ставило коммерсантов в сложные отношения с властью, подвергавшей их многочисленным проверкам и применявшей реквизиции товаров. В отношении тех, кого обвиняли в спекуляции, в качестве штрафных санкций применяли реквизиции с компенсацией по ценам ниже твердых²⁶.

²⁵ См.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 182–187.

²⁶ Руга В., Кокорев М. Повседневная жизнь... С. 259–260, 268–283, 286–289, Салова С.В. Буржуазия России...С. 63–65.

Не только государство, но и крупные предприниматели выражали заинтересованность в борьбе со спекуляцией. В частности, Совет съездов биржевой торговли в конце 1916 г. просил правительство предоставить биржевым комитетам право самостоятельной выработки мер противодействия ей²⁷. В годы Первой мировой войны обострилось противостояние между вездесущими мелкими торговцами и большими торгово-промышленными фирмами, объединенными в биржевые комитеты. «Биржевики» хотели, чтобы правила в области торговли определяли корпоративные органы российской буржуазии, а не государственная администрация. Поэтому накануне революции российская буржуазия активно ратовала за создание нового института структурирования предпринимательских кругов в четкую единую иерархию. Они предлагали учредить торгово-промышленные палаты (одну на несколько областей и губерний) и ввести обязательное членство в них всех, кто претендовал на право заниматься торговой и промышленной деятельностью. Но этому всеобщему регулятору, призванному исполнять роль жестко организующего и обязательного предпринимательского лифта, не суждено было появиться. До революции закон о торгово-промышленных палатах так и не был принят.

Предприниматели, как и служащие земских и городских органов, пытались структурировать свой лифт через строительство специальных общественных организаций. Им это удалось отчасти, но единой жестко упорядоченной организации они создать не успели. Между государством и предпринимательскими организациями шла жесткая борьба за контроль над выработкой правил предпринимательской деятельности в условиях войны и за обслуживание нужд армии. Побочным результатом этой борьбы стало появление многочисленных адаптивных механизмов, позволявших отдельным представителям российской буржуазии подниматься на очередные ступени в иерархии богатства в обход установившихся формальных правил.

Общественность использовала добровольные ассоциации как стержень, вокруг которого институционализировались дополнительные подъемные механизмы в рамках таких лифтов, как органы земского и городского самоуправления, предпринимательские организации. Но общественные объединения сохранили также самостоятельное значение в качестве лифта социальной мобильности. Существующие организации нередко использовали

²⁷ Торгово-промышленные палаты... С. 156.

как лифт для движения вверх по социальной лестнице. Война открывала для этого новые возможности. Кроме того, она же активизировала создание многочисленных новых общественных объединений.

Экономико-мобилизационные потребности государства привели к увеличению не только государственно-административного аппарата. Параллельно с ростом численности рядовых членов общественных организаций формировалась многотысячная армия руководителей и служащих их аппарата управления. П. Гатрелл полагает, что численность инженеров и технических специалистов, вовлеченных в управление экономикой через государственные и общественные структуры, за годы войны выросла втрое и достигла полутора миллионов человек²⁸. Составлявшими аппарат управления общественных организаций людьми могли двигать разные мотивы: личные амбиции, желание обеспечить стабильный заработок, а также избежать призыва в армию. Для многих важна была возможность проявлять инициативу, чувствовать причастность к общему делу в качестве не рядового участника, а руководителя. Возможность встать во главе большой группы населения давала таким людям особый тип легитимации своих действий в виде общественного доверия. На общественном поприще происходил отбор лиц, обладавших необходимыми лидерскими качествами, способными осуществлять генерацию социально значимых идей. Немаловажным обстоятельством являлось и то, что общественная работа открывала дорогу в политику. В связи с усилением государственного регулирования хозяйственными процессами в центре и на местном уровне возросло количество согласовательных процедур. Практически в каждом коллегиальном совещательном органе были представители нескольких профильных общественных организаций. Во время Первой мировой войны в России сложилась группа общественных деятелей, основные усилия которых направлялись на представительство интересов тех или иных организаций в органах власти. Участие в совместной деятельности по мобилизации ресурсов укрепляло горизонтальные связи общественных организаций между собой и с государственными учреждениями. Возникали разнообразные губернские, областные и общероссийские объединения общественных организаций, посредством работы которых рекрутировалась общественная элита: национальная, профессиональная, хозяйственная, научная и культурная.

²⁸ Gatrell P. Russia's First World War... P. 47.

Деятельность общественных организаций широко освещалась в прессе, высказывания и действия их руководства становились частью публичного пространства, а сами руководители превращались в общественных лидеров. Наиболее влиятельные позиции в общественном движении получили известные деятели либеральной интеллигенции. Они использовали публичную трибуну для критики власти в центре и на местах. Чиновники, как правило, не умели или не считали необходимым отвечать на критику общественности и проигрывали борьбу за влияние на массы. Можно согласиться с выводом А. С. Тумановой, что, включаясь в дело регулирования народного хозяйства, общественность брала на себя функции государственного аппарата. Но трудно принять другое ее заключение. Исследователь полагает, что таким образом общественность оказывала поддержку государству²⁹. Скорее верно противоположное утверждение о подспудном ослаблении позиций государства: участие в общественной жизни стало не просто лифтом в контрэлиту, но и нацеливало на то, чтобы эта контрэлита как можно скорее встала у руля власти, отодвинув от него царскую бюрократию³⁰. Фильтром для вхождения в лифт стала верность либеральным ценностям и обязательствам России перед союзниками. Как пишет Ф. А. Гайда, характеризуя политическую жизнь весной — летом 1915 г., «общественные организации позволили оппозиции не только восстановить политический потенциал, но и существенно расширить свои возможности влияния на ситуацию»³¹. Механизмами такого расширения стали Особые совещания и военно-промышленные комитеты и другие подобные организации.

Часть служащих находила себе основной или дополнительный заработок в многочисленных общественных учреждениях и проявляла искреннюю готовность строить карьеру именно в сфере общественной деятельности. Многие служащие в предшествующие годы подверглись репрессиям со стороны государства за свои политические убеждения. Теперь у них возник шанс обеспечить свое существование, так как государственная служба для таких людей была закрыта. Наконец, небольшая часть служащих стре-

²⁹ Туманова А. С. Общественные организации России в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 2014. С. 192–193.

³⁰ Романовский С. И. Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русской интеллигенции. СПб., 2000. С. 190–191; Алексеева И. В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. М.; СПб., 2009. С. 390–427, 446–459.

³¹ Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 409.

милась попасть на должности в организации, связанные с работой на оборону с целью получить отсрочку от службы в армии. Такие возможности давали, прежде всего, Российское общество Красного креста, военно-промышленные комитеты, союзы земств и городов. Только в двух последних к октябрю 1916 г. отсрочку от призывов получили 5,3 тыс. военнообязанных³².

В один из важнейших лифтов, которому отдали предпочтение многие общественные деятели, превратилась российская кооперация. В каждой первичной организации в соответствии с уставом был руководитель, бухгалтер и артельщик, либо продавец в лавке или заведующий торговым складом. Двукратный рост численности первичных кооперативных организаций означал как минимум пропорциональный прирост и кооперативных работников. Накануне революции служащих первичных кооперативных организаций насчитывалось около 150 тыс. человек.

В действительности рост управленческого аппарата российской кооперации происходил намного быстрее за счет формирования союзных структур. Если к концу 1914 г. в России действовало 10 кредитных союзов, то в 1915 г. появилось 66, а в 1917 г. — еще 106 новых³³. Потребительских союзов к началу 1917 г. насчитывалось несколько десятков. В любом крупном союзе, наряду с товарным отделом, имелись статистический, инструкторский и, как правило, еще несколько других, велась активная культурно-просветительская деятельность. Верхушкой кооперативного аппарата являлись члены правления — профессиональные кооператоры, прошедшие процедуру избрания. Уровнем ниже в кооперативной иерархии находились служащие кооперативных союзов. В каждом союзе насчитывалось несколько десятков или сотен работников, а в отдельных — гораздо больше. Например, центральная контора Московского союза потребительских обществ в 1914 г. имела 320, в 1915 г. — 634, в 1916 г. — 1174 служащих³⁴. Союз Сибирских маслодельных артелей состоял в 1916 г. из 1600 артелей, 900 потребительских лавок, 17 районных контор³⁵. Следовательно, он давал работу нескольким тысячам кооперативных служащих. Процесс усиленной бюрократизации кооперативного движения отражает тот факт, что штат профессиональных кооперативных служащих

³² Головин Н. Н. Военные усилия России... С. 105.

³³ Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России в 1860–1917 гг. М., 2009. С. 185, 297.

³⁴ Хейсин М. Л. История кооперации в России. М., 1926. С. 320.

³⁵ Сведения о Союзе Сибирских маслодельных артелей с диаграммами / сост. Г. Я. Маляревский. Курган, 1918. 14 с., 18 диагр.

союзного уровня повсеместно рос темпами, опережавшими темпы роста числа кооперативов — членов союза. В целом союзное строительство обеспечивало восходящую мобильность нескольким десяткам тысяч представителей российской интеллигенции.

В годы Первой мировой войны сформировался и общенациональный уровень российской кооперации. В качестве общероссийских центров для потребительской кооперации выступал Московский союз потребительских обществ, для кредитной — Московский народный банк. Оба обладали разветвленной структурой местных контор и отделений. В годы Первой мировой войны было предпринято несколько попыток сформировать общероссийский центр кооперативного движения и, таким образом, институционализировать данный лифт как общенациональный. 1 августа 1915 г. в Москве был образован Центральный кооперативный комитет. На местах кооператоры быстро сформировали около 100 губернских и местных комитетов. Но данная их деятельность была запрещена полицией и продолжалась нелегально³⁶.

Представляя совокупность социальных лифтов, в годы Первой мировой войны работавших с нарастающей активностью, общественные организации упрощали правила входа и движения по уровням своей иерархии. Но эта закономерность справедлива не для всех общественных организаций. Политические партии как лифт социальной мобильности потеряли свою привлекательность.

Патриотический подъем начала войны вызвал некоторый прилив активности политических партий, особенно право-националистического толка. Это был очень короткий период, длившийся несколько месяцев. В связи с образованием Прогрессивного блока и попыткой ответного объединения правых («черного блока»), летом 1915 г. наблюдалась вторичная кратковременная их активность. Политические организации консервативного крыла не смогли использовать для укрепления своих позиций потенциал, выразившийся в росте националистических настроений в обществе и утверждении представителей правого лагеря на важнейшие государственные посты (А. Н. Хвостов, Н. Д. Голицын). Влияние на общественное мнение в провинции правые почти потеряли, и даже в Государственной думе и Государственном совете в результате расколов они утратили политический вес³⁷. К 1916 г.

³⁶ Лубков А. В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997. С. 38–50.

³⁷ См.: Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013. С. 359–367.

численность членов правых политических организаций в стране не превышала 45 тыс. человек, но во многих губерниях учитывали формально не вышедших из рядов, но реально прекративших деятельность³⁸.

Несмотря на возросшее влияние на общественное мнение либералов, война ослабила организационные структуры кадетов, а «Союз 17 октября» и партия прогрессистов практически перестали функционировать. Либеральные политики использовали другие лифты для усиления своего влияния, не связанные с политическими партиями. Кадеты, терявшие популярность из-за тактической поддержки власти, чтобы вернуть себе пошатнувшийся в массах авторитет, весной 1915 г. взяли курс на конфронтацию с правительством. Сформированный летом 1915 г. Прогрессивный блок стал новым надпартийным лифтом. Представители распавшихся и потерявших общественное влияние партий объединили в нем усилия, чтобы раскатать правительство и подготовить ему замену из своих рядов через реализацию требования о создании «кабинета народного доверия».

Партии революционно-социалистического лагеря пережили раскол на оборонцев и сторонников поражения в войне собственного правительства. Под влиянием патриотического подъема некоторые социалисты отошли от участия в партийной работе, добровольно выйдя из этого лифта. Усилившиеся политические репрессии исключили из партийной жизни многих революционеров, отправленных в ссылку. Не случайно в литературе отсутствуют оценки динамики численности общероссийских революционных партий. Исследователи лишь констатировали, что к концу войны партийные организации почти перестали действовать. Партийная жизнь ограничивалась работой нескольких кружков. Численно уменьшившись до нескольких тысяч человек, лифт продолжал работать в двух направлениях. На место выбывавших лидеров выдвигались новые, такие как Н. И. Бухарин и А. Г. Шляпников у большевиков. Но возможность восходящей мобильности в рамках партийного лифта могла реализоваться исключительно в эмиграции. Политическая эмиграция оказалась в большей, нежели раньше, изоляции от своих сторонников на родине. В самой России революционеры, если и пытались строить политическую карьеру, предпочитали опираться на другие институты, в частности на военно-промышленные комитеты и кооперацию.

³⁸ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 82–86.

Емкость политических партий как лифта социальной мобильности во время войны существенно сузилась. Часть профессиональных политиков его покинула. Временно они предпочитали использовать другие лифты, прежде всего, неполитические общественные организации. Но партийные связи, раз сформировавшись, имеют свойство долго сохраняться и быстро реанимируются при меняющихся политических условиях. Как показал опыт 1917 г., политические партии как лифт пережили относительную консервацию в условиях войны, но все его подъемные механизмы быстро «ожили» с началом революции.

* * *

Перестройка всех механизмов и фильтров, обеспечивавших восходящее социальное движение, происходила в годы Первой мировой войны преимущественно по инициативе государства и с использованием его рычагов: нормативного регулирования, административного воздействия, контролирующих и корректирующих мероприятий. Поскольку регулирующие функции государства во второй половине 1914–1916 гг. последовательно расширялись, а нагрузка на управляющую элиту возрастала, часть своих функций государство целенаправленно передало органам самоуправления и возложило на общественные организации. Общественность придала расширительное толкование полученным от государства полномочиям. В результате негосударственные институты превратились в комплекс тесно взаимосвязанных лифтов социальной мобильности. В совокупности они усилили влияние, масштаб и характер восходящих и нисходящих социальных потоков, составляя мощную конкуренцию государству в его попытках управлять социальными процессами.

В условиях войны резко усилилась управленческая надстройка в виде органов власти и управления, общественных организаций, множества действовавших параллельно друг другу государственно-общественных согласовательных учреждений. Функционировавшие лифты открылись на вход для тех, кто в довоенное время был исключен из этого процесса фильтрами политико-идеологического, сословного, этно-конфессионального характера. Раскол между административно-политической элитой и институционально структурированной внутри общественных организаций контрэлитой заметно углублялся. На фоне политического кризиса возросшая восходящая мобильность не уравновешива-

лась нисходящими потоками, что свидетельствовало о нарастающей дисфункции в работе социальных лифтов.

После Февральской революции, когда старый государственный аппарат был в считанные месяцы ликвидирован, именно общественные организации заполнили образовавшуюся брешь, и тот тип вертикальной мобильности, который ими культивировался, превратился из альтернативного в определяющий. Революция открыла шлюзы для свободного формирования общественностью множества альтернативных социальных лифтов, которые в своем многообразии и в отсутствии внятных правил оказались неспособны выполнять свою главную функцию — структурировать общество в понятную и всеми признаваемую социальную пирамиду.

Н. КАТЦЕР

Германский исторический институт в Москве

ЛОШАДИ И ВСАДНИКИ: О ЖИВОТНЫХ И ЛЮДЯХ В «ВОЙНЕ МАШИН» XX ВЕКА

В статье предпринимается попытка расширить доминирующее представление о военных действиях первой половины XX в. исключительно как о войне технических систем. Использование методов *Human-Animal-Studies* позволяет продемонстрировать на примере конных армий, какое экстраординарное значение приобрела в это время кавалерия, особенно на восточноевропейском театре военных действий с его растянутыми фронтами. Животным, а именно лошадям, отводится подобающее место в историографии наряду с людьми. Показывается, что лошади были незаменимым и в то же время «расходным» ресурсом, применявшимся как непосредственно в военных действиях, так и в качестве тягловой силы при перевозке и снабжении войск. При этом конники создавали симбиотические отношения со своими лошадьми, заботились о них и в своих собственных интересах всячески щадили на полях ужасных сражений. Таким образом, и на современной войне сохранялись архаические привычки и манеры поведения. Это, в свою очередь, объясняет живучесть мифов о героях-кавалеристах.

Ключевые слова: лошади, техника, войны, казаки, кавалеристы, С. М. Буденный.

Животные представляли собой чрезвычайно важный ресурс войн XX в. Во-первых, они являлись существенным источником продовольствия для армии и гражданского населения. Во-вторых, они были незаменимы при обработке полей и сборе урожая. Менее известно, что лошади, несмотря на весь технический прогресс, оставались неотъемлемой частью ведения военных действий в качестве вьючных и упряжных животных. Существует ряд аргументов в пользу тезиса, согласно которому конец «эпохе лошадей» положила отнюдь не Первая, а лишь Вторая мировая война¹. В бесчисленных вооруженных конфликтах, которые пришлось на время после 1918 г., особенно на полях сражений гражданской войны в России, кавалерия обладала стратегическим значением, которое еще предстоит осмыслить. Она с успехом использовалась на широких подвижных фронтах, на пересеченной

¹ Koselleck R. Das Ende des Pferdezeitalters // Süddeutsche Zeitung. 2003. 25 Sept.

местности. Даже вермахт с его высокой степенью моторизации не мог себе позволить отказаться от лошадей, развязав истребительную войну против Советского Союза.

Представление о значительной роли животных противоречит господствующей точке зрения, согласно которой факторами, решавшими вопрос победы или поражения в современной войне, были техника и технологии. Имеет смысл исследовать данную проблему и найти ответы, которые объяснили бы этот поразительный вывод. Методологические инструменты исследования мы позаимствовали у сравнительно молодой области научных изысканий, которая занимается изучением взаимодействия между людьми и животными в исторической перспективе (так называемые *Human-Animal Studies*). Особое внимание при этом уделяется войнам, поскольку люди в чрезвычайной ситуации вынуждены задействовать все средства, имеющиеся в их распоряжении, независимо от того, считаются ли таковые «модерновыми» или «анахронизмом»².

На протяжении всей эпохи двух мировых войн (1914–1945 гг.), для которой вооруженные конфликты были свойственны также в мирное время, «конные армии» или, соответственно, кавалерийские формирования зарекомендовали себя как гибкое действенное оружие. Советская Россия, новая политическая сила на востоке Европы и западе Азии, вследствие своих географических особенностей и характера враждебных армий, была вынуждена строить регулярную армию с высокой долей подвижных мобильных подразделений. Вначале такие подразделения были небольшими, но в ходе гражданской войны они расширялись все больше и больше. В конечном итоге именно красная кавалерия обеспечила большевикам победу и стала гарантом как внешней, так и внутренней безопасности советской державы. Далекое не случайно легендарные кавалеристы гражданской войны превратились в важный элемент ранней советской идентичности. В популярных рассказах, иллюстрированных журналах и фильмах смешивались фольклорные традиции, опыт Первой мировой войны и революционный пафос. Пример Первой конной армии и ее командующего С. М. Буденного наглядно свидетельствует, насколько высокой была общая оценка этих «рыцарей модерна» и с каким стойким эффектом она наложила отпечаток на коллективную память

² *Wischermann C. Mensch-Tier-Beziehungen in Kriegen des 20. Jahrhunderts. Ein neues Forschungsfeld // Dynamiken der Gewalt. Krieg im Spannungsgeld von Politik, Ideologie und Gesellschaft. Hrsg. von M. Jonas, U. Lappenküper, O. Wrochem. Paderborn, 2015. S. 359–376.*

XX столетия. Лошади нашли свое место в современной историографии культурной истории в общем, надэпохальном, смысле. В полной мере это касается мемуарной литературы³. Она представляет современности давно забытые, казалось бы, истории, в которых личные и коллективные ценности неотделимы друг от друга, а человек и животное вместе побеждают превосходящую их технику.

Даже в годы Второй мировой войны не только лошади, но и другие животные ни в коем случае не утратили своего центрального значения для армии и гражданского населения. Однако драматические условия ведения истребительной войны вермахта против Советского Союза в 1941–1945 гг. коренным образом изменили взаимоотношения между людьми и животными⁴. Нам известно сравнительно мало о беспощадной эксплуатации жизненно важных животных ресурсов, а также о массовом падеже скота. Причиной этого является традиционная антропоцентричная историография, которая рассматривает других живых существ как второстепенные объекты или как «материал». Представители исторических *Human-Animal Studies* хотят изменить это положение в пользу междисциплинарной совместной истории людей и животных⁵. Посредством микроисторических зарисовок они стремятся сравнить использование животных и эксплуатацию машин, чтобы в первую очередь продемонстрировать границы применения техники в затяжных сражениях⁶.

Неким образцом здесь служат исследования, посвященные Первой мировой войне⁷. Они показывают, что животные ни в коем случае не были лишь объектом человеческих действий. Лошади, собаки, голуби или кошки — за ними зачастую заботливо ухаживали, их холили и лелеяли. Для солдат они нередко становились «товарищами» или даже «друзьями». Таким образом, между человеком и животным возникала тесная эмоциональная

³ Raulff U. Das letzte Jahrhundert der Pferde. Geschichte einer Trennung. München, 2015. 461 s.

⁴ Ср. философский взгляд на проблему: Wolf U. Ethik der Mensch-Tier-Beziehung. Frankfurt a. M., 2012. 188 s.

⁵ Обзор общего состояния исследований см.: Roscher M. Darf's ein bisschen mehr sein? Ein Forschungsbericht zu den historischen Human-Animal Studies // H-Soz-Kult 16.12.2016 (URL: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/forum/2016-12-001>).

⁶ Pöhlmann M. Der Panzer und die Mechanisierung des Krieges. Eine deutsche Geschichte 1890 bis 1945. Paderborn, 2016. 604 s.

⁷ Pöppinghege R. Tiere im Ersten Weltkrieg. Eine Kulturgeschichte. Berlin, 2014. 144 s.; см. также следующее пионерное исследование: Baratay É. Bêtes des tranchées. Des vécus oubliés. Paris, 2013. 256 s.

связь, выходящая далеко за пределы утилитарных военных соображений. Эта связь свидетельствовала о взаимной зависимости. Во время войны животные особенно были зависимы от человеческой заботы. В ответ они дарили своим хозяевам чувство ответственности за живое существо и возможность ощутить себя в безопасности в экстремальных условиях. Однако это мало влияло на другую, темную сторону этого симбиоза, чему есть немало свидетельств: зачастую люди безжалостно эксплуатировали и мучили животных.

Конные армии

Уже во время Первой мировой войны в России неоднократно предпринимались попытки объединить около 120 кавалерийских, казачьих и туземных конных полков не только в дивизии и корпуса, но и в целые конные армии. Несмотря на то, что достижения конницы в целом, а также отдельных кавалерийских подразделений заслужили бесспорное признание, в историографии до сих пор идут споры о том, оправдали ли в действительности крупные кавалерийские соединения возложенные на них надежды?⁸ Все становится более однозначным, когда речь заходит о гражданской войне в России. Однако и здесь еще много неясного, и историкам предстоит разгадать немало загадок. Однако нет никакого сомнения в том, что и белые, и красные достаточно рано заговорили о необходимости создания конных армий. И хотя размеры конных соединений с обеих сторон вначале были сравнительно небольшими, а их численность существенно колебалась в ходе дальнейших боевых действий, конница сразу же продемонстрировала, что обладает исключительной тактической и стратегической независимостью. Это обстоятельство не в последнюю очередь послужило тому, что отдельные фигуры, картины и эпизоды гражданской войны по-прежнему оказывают воздействие на коллективную память с большой интенсивностью. Если следовать этим традициям, то главными героями легенд являются кавалеристы, а не летчики, лошади обгоняют бронепоезда, а сабли оказываются смертоноснее пулеметов.

⁸ См.: Керсновский А.А. История Русской армии. М., 1999. 781 с.; Дерябин А.И. Первая мировая война 1914–1918. Кавалерия Российской императорской гвардии. М., 2000. 46 с.; Ненахов Ю.Ю. Кавалерия на полях сражений XX века: 1900–1920 гг. Минск, 2004. 512 с.; Карпеев В.И. Конница русской армии. Июль 1914 года. М., 2011. 68 с.

В России, как правило, кавалерийские соединения формировались из казаков. Как же так случилось, что место верноподданных казаков заняли «красные конники»? Или казаки лишь поменяли сторону и цвета, сохранив при этом свои обычаи и традиции? Например, во время польско-советской войны 1920 г. на стороне большевиков сражались такие новые «казаки». Повсеместно они считались «дикими» индивидуалистами и обладали неотразимой притягательной силой, даже для интеллектуалов. Будущий писатель И. Бабель, который сопровождал Первую конную армию в качестве корреспондента газеты, помимо этого вел дневник, в котором 18 июля 1920 г. записал: «На привалах с казаками, сено лошадям, у всех длинная история — Деникин, свои хутора, свои предводители, Буденные и Книги⁹, походы по 200 человек, разбойничьи налеты, богатая казацкая вольница, сколько офицерских голов порублено. Газеты читают, но как слабо западают имена, как легко все повернуть. Великолепное товарищество, спаянность, любовь к лошадям, лошадь занимает $\frac{1}{4}$ дня, бесконечные мены и разговоры. Роль и жизнь лошади»¹⁰.

В своем большинстве красные кавалеристы не были казаками в традиционном смысле этого слова, поскольку являлись выходцами из крестьян. Их семьи были «иногородними», т. е. их отцы и деды селились на территории элитных Донского, Кубанского, Терского или других казачьих войск на окраинах империи в надежде на лучшее будущее. Среди казаков они считались чужими, пришлыми и занимали низшую ступень социальной лестницы. Как правило, «иногородних» забрасывали на земли казачьих войск волны крестьянских миграций. Таким переселенцам правительство обещало землю в бескрайних степях, и они оказывались в качестве крестьян или поденщиков в услужении у тех казаков, которые, следуя воинственной традиции, не были склонны сами обрабатывать землю¹¹. Большевики приветствовали приток «иногородних» на земли казачьих войск и форсировали его после революции. Тем самым они вбивали клин между состоятельной

⁹ Речь идет о Василии Ивановиче Книге (1883–1961), советском военачальнике. Во время советско-польской войны командовал 1-й кавалерийской бригадой 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. — *Прим. переводчика.*

¹⁰ Бабель И. Дневник 1920 года // Бабель И. Собр. соч.: в 4 т. М., 2005. Т. 2. С. 246–247. Наряду с дневником, который здесь цитируется и который большей частью сохранился, Бабель также вел путевые заметки, о них нам практически ничего не известно.

¹¹ Rostankowski P. Siedlungsgeschichte und Siedlungsformen in den Ländern der russischen Kosakenheere. Berlin, 1969; O'Rourke S. Warriors and Peasants. The Don Cossacks in Late Imperial Russia. Oxford, 2000. 200 s.

и обедневшей частями казацкого населения, а также между казаками и крестьянами. К экономическому неравенству добавлялось неравенство правовое. «Иногородние» не были равны казакам перед лицом закона. Таким образом, у них были самые разные причины, чтобы протестовать против привилегий элитарной казачьей касты¹².

Уже во времена поздней Российской империи трудно было определить четкие критерии того, что делало человека казаком. Была ли это принадлежность к социальной группе, был ли казак членом некой территориальной общности или вместе со своими «товарищами» по сословию образовывал свой собственный этнос? В любом случае, как участие во власти, так и распределение «свободы», «демократии» и «земли» в областях казачьих войск было крайне неравномерным.

Первая конная армия в гражданскую войну состояла преимущественно из так называемых свободных казаков, т. е. выходцев из крестьян. Они говорили на грубом простонародном языке, усвоили многие обычаи и ритуалы традиционного служилого сословия и все свое поведение строили в соответствии с ними. Со своими лошадьми они жили в тесной связи, создав настоящий культ их почитания. Как и другие солдаты из крестьян, эти «красные казаки» в большинстве случаев имели лишь начальное образование или вообще никакого.

«Красные казаки» оказались восприимчивы к эгалитарной социальной стратегии большевиков. Тем не менее эти небольшие мобильные подразделения занимали привилегированную социальную нишу. В хаосе гражданской войны отдельным казакам удалось быстро подняться вверх по социальной лестнице и стать народными вожаками. Сами себя они чаще всего считали «атаманами», или их так называли окружающие. Царивший в этих отрядах строгий кодекс поведения, с которым атаманы, впрочем, обходились временами весьма гибко, облегчал им задачу удерживать под своим контролем разношерстные по составу объединения.

Термин «красные казаки», строго говоря, несет в себе внутреннее противоречие, так как он объединил разнородные социальные, идейные и символические элементы с целью дать название такому феномену революционной трансформации. В Первую ми-

¹² См.: Голубых М. Казачья деревня. М.; Л., 1930. 324 с.; Беликов А. В. Иногороднее население Кубани во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2002. 26 с.; Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, Massachusetts, 2002. P. 166–205.

ровую войну казаки верно служили в императорской армии и четко осознавали свою принадлежность к элитному сословию. Теперь же они были вынуждены искать для себя ориентиры и почву для утверждения в революционном хаосе. Как социальную группу, их окружала аура прирожденной знатности, а посадка в седле создавала всаднику дистанцию по отношению к пехотинцам и дарила возвышенную «кавалерийскую перспективу». В годы гражданской войны элитарный габитус какое-то время все еще был отличительной чертой белых. Напротив, «красный кавалерист» в лучшем случае лишь отчасти подражал внешним формам образа жизни казаков, его слава складывалась главным образом из готовности сломя голову броситься в стремительную и ужасную атаку, а также умения ценить незамысловатое братское общение с товарищами¹³. Обещание бесклассового равенства оказалось притягательней элитарности традиционной кавалерии, особенно для молодежи.

В определенной мере эта амбивалентность статуса «старых» и «новых» казаков сохранялась в течение десятилетий и оставалась по-прежнему актуальной даже в период перехода от позднего «развитого социализма» к постсоветскому обществу. В первую очередь она проявилась в призывах реанимировать традиционное казачество и примирить его с гибридом, вышедшим из горнила гражданской войны. Идея принадлежности к общности равноправных кавалеристов, очевидно, все еще не утратила своей притягательной силы, хотя экономические и социальные основания для существования такой общности давно отпали¹⁴.

Фактическое наследство и судьба исторического казачества куда сложнее, чем подразумевают ностальгические реминисценции. Как в исторических исследованиях, так и в мемуарной литературе эта судьба описывается с разных позиций: как «трагедия», как «крестовый поход» или даже как «геноцид». Тот, кто не уехал в эмиграцию или не был своевременно вывезен из России, пал жертвой насильственного «расказачивания», осуществлявшегося Советской властью¹⁵. Предметом ожесточенных дискуссий явля-

¹³ К вопросу о романтизации революционного насилия см.: *Peppard V. The Problem of Revolutionary Violence in Babel's Stories // Times of Trouble: Violence in Russian Literature and Culture. Hrsg. von M. C. Levitt, T. Novikov. Madison, 2007. P. 163–173.*

¹⁴ *Gehrmann U. Das Kosakentum in Rußland zu Beginn der neunziger Jahre. Historische Traditionen und Zukunftsvisionen. Köln, 1992; Таболина Т. В. Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности. М., 1997. 33 с.*

¹⁵ См.: *Генис В. Л. Расказачивание в советской России // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 42–55; Кислицын С. А. Государство и расказачивание. 1917–1945 гг.: учеб. пособие. Ростов н/Д., 1996. 80 с.; Holquist P. «Conduct Merciless Mass Terror»:*

ется вопрос о том, осталось ли после этого что-нибудь от казацкой культуры, и если да, то что¹⁶. Основой для взвешенных выводов могут быть этнографические полевые исследования, интервью и опросы потомков, равно как и систематический анализ огромного множества личных свидетельств людей, переживших годы войн и революций.

Важными эпизодами остаются последовавшие в 1936 г. частичная реабилитация казаков и создание казацких частей. Эти мероприятия встретили среди казаков, оставшихся в СССР, двойственную реакцию. Некоторые из них апеллировали к старому корпоративному духу. В Ростове-на-Дону было разрешено проведение казацких парадов, поощрялись казацьи пляски и цирковая вольтижировка. Как свидетельствуют информационные сообщения органов НКВД, эти перемены были «с энтузиазмом» встречены, особенно молодыми казаками, в то время как старые реагировали со скепсисом или даже с озлоблением, поскольку не могли простить власти предыдущие преследования¹⁷.

Буденный и другие

После того как предводители казацких войск императорской России погибли или бежали за границу, воспоминания о них в народной памяти становились все слабее и слабее. В Советском Союзе были запрещены какие-либо позитивные высказывания по их поводу, всех казацких офицеров заклеили как «контрреволюционеров». Место казацких атаманов заняли командиры «красных казаков». Некоторые из них оказались в опале еще в годы гражданской войны (как Ф. К. Миронов), вступив в конфликт с военными комиссарами¹⁸. Другие, как В. И. Чапаев, погибли на пике сражений в 1919 г. и в сталинскую эпоху превратились в главных героев советского культа. После этого было уже невозможно провести раз-

Decossackization on the Don, 1919 // Cahiers du Monde Russe. 1997. Vol. 38. № 1–2. P. 127–162; Скорик А. П., Бондарев В. А. Расказачивание на Юге России в 1930-х гг. Исторические мифы и реальность // Отечественная история. 2008. № 5. С. 97–108.

¹⁶ Сравнение с историей крестьянской культуры в XX в. проводит Е. Н. Осолков. — См.: Осолков Е. Н. Судьбы крестьянства и казачества в России: раскрестьянивание, расказачивание // Проблемы истории казачества: сб. науч. тр. Волгоград, 1995. С. 150–163.

¹⁷ Сообщение органов НКВД от 26 апреля 1936 г. о реакции казаков Мигулинского района Ростовской области на заявление о снятии запрета на несение военной службы казаками см.: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1789. Л. 74–79.

¹⁸ Филипп Миронов: Тихий Дон в 1917–1921 гг.: документы и материалы / под ред. Т. Шанина и В. П. Данилова. М., 1997. 792 с.

делительную линию между историческим персонажем и мифом¹⁹. Но, без всякого сомнения, карьера Буденного была уникальной²⁰.

Слава Буденного, бесстрашного предводителя красной конницы, коренилась исключительно в событиях гражданской войны. Тем не менее она пережила — вместе со здравствовавшим долгие годы маршалом — все последовавшие перипетии советского времени. Буденному и его соратникам приписывались настоящие чудеса, сотворенные на поле боя. Формирование легенд об отдельных воинах-кавалеристах началось еще во время Первой мировой войны. Образцом стиля здесь послужил донской казак К. Ф. Крючков, первый георгиевский кавалер, подвиги которого красочно воспевала пропаганда. Крючков погиб в 1919 г., сражаясь на стороне белых²¹. Карьера Буденного была не в пример успешней.

Мужественные подвиги отдельных героев, особенно если они при этом гордо восседали в седлах, были способны, благодаря тиражированию их образов в газетах, на плакатах, листовках и т. п., затмить собой чудовищные людские потери. Это справедливо и по отношению к Буденному. Как исторический актер, он, возможно, мог быть заменен кем-то другим, но в качестве образца советского казака он был уникален. В этой своей ипостаси Буденный стал символом, примером отваги и безусловной лояльности. Даже после 1945 г. он не утратил своей неповторимости. В 1920-е годы Буденный, будучи в тени К. Е. Ворошилова — комиссара Первой конной армии, поддержал в политической борьбе сталинскую фракцию. Вместе с Ворошиловым он отказался признавать, что времена кавалерии в качестве главного рода войск минули вместе с гражданской войной и следующая война будет войной танков и другой современной техники. Они оба приложили в 1930-е годы немало усилий, чтобы элиминировать М. Н. Тухачевского и провести чистку офицерского корпуса РККА. Возможно, именно благодаря своей надежности и преданности Сталину им было позволено держаться за свой эксцентрический культ лошадей и проповедовать безусловное почитание кавалерии.

¹⁹ См.: *Graffy J. Chapaev*. London, 2010. 140 p.; *Brintlinger A. Chapaev and his comrades: war and the Russian literary hero across the twentieth century*. Boston, 2012. 285 p.; *Аптекарь П. А. Чапаев*. М., 2017. 336 с.

²⁰ *Соколов Б. В. Буденный*. Красный Мюрат. М., 2007. 335 с.

²¹ *Wrangel A. The End of Chivalry. The last great cavalry battles, 1914–1918*. N. Y., 1982. P. 13–22; «Вырвались от противника и прибыли порезанные и израненные...»: Документы РГВИА о подвиге первого георгиевского кавалера Великой войны К. Ф. Крючкова // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 74–84.

Буденный и Ворошилов пережили предвоенный террор и послевоенные репрессии. Однако во властной пирамиде при Сталине эти любители лошадей занимали разные позиции. В отличие от Ворошилова, Буденный не сделал партийной карьеры. Но это не помешало ему неизменно виртуозно приспосабливаться к тем или иным изменениям. После смерти И. В. Сталина Буденный лучше прочувствовал дух времени, предпочел остаться на вторых ролях и, в отличие от Ворошилова, не скомпрометировал себя поддержкой противников Н. С. Хрущева. При этом они оба не должны были страшиться за свою жизнь. Среди героев гражданской войны Буденный и Ворошилов относились к тем немногим, кто умер в пожилом возрасте.

Биография Буденного охватывает все эпохи Советского государства: от революции до правления Л. И. Брежнева. Буденный олицетворял собой преемственность советской истории. Вместе с Буденным оставался живым культ лошади и всадника — вплоть до времен «развитого социализма». Нам сравнительно мало известно об этой второй (послесталинской) карьере одного из первых маршалов и трижды Героя Советского Союза. Учитывая его реальные исторические достижения, не может не удивлять пролившийся на Буденного дождь почестей и наград. Последние были выражением порядка, где в первую очередь вознаграждались верность и выдержка.

Лошади во Второй мировой войне

О конце кавалерии как важного рода войск неоднократно говорилось на исходе XIX столетия. Военные стратеги прогнозировали моторизацию конницы, а также то, что она должна будет уступить место бронированным машинам. И тем не менее кавалерия вернулась в качестве «палочки-выручалочки» на поля сражений. Это был настоящий парадокс: с лошадьми нельзя было больше выиграть войну, но без лошадей надежда на победу становилась и вовсе призрачной²². В истории стремительной утраты кавалерией своего значения в первой половине XX в. остается без объяснения тот факт, что применение лошадей пережило неожиданный ренессанс в ходе Второй мировой войны. Похоронный марш по лошадям прозвучал тогда слишком рано. Авторами этого марша были инженеры, согласно логике которых техноло-

²² Koselleck R. Der Aufbruch in die Moderne oder das Ende des Pferdezeitalters // Historikerpreis der Stadt Münster. Münster, 2003. S. 37.

гический прогресс должен был заменить человеку животное в качестве боевого соратника и преданного слуги. На деле же повседневная практика затяжной современной войны показала, что лошади остаются незаменимыми: идет ли речь о перевозке оружия, выполнении элементарных задач подвоза снабжения или просто в качестве источника положительных эмоций²³.

В преддверии Второй мировой войны немецкая пропаганда распространяла образ вермахта как современной армии, оснащенной первоклассной техникой. Однако, вопреки этому клише, вермахт уже в 1940 г. использовал около 2,7 млн лошадей — в полтора или даже в два раза больше, чем германская армия в годы Первой мировой войны²⁴. В Советском Союзе с его плохо развитой инфраструктурой и бездорожьем лошади оказались незаменимыми в артиллерии в качестве упряжных животных. Они так же должны были снова и снова тащить из грязи автомобили и прочие моторизованные транспортные средства, которые в противном случае пришлось бы бросить²⁵.

После того как стратегия блицкрига потерпела неудачу, вермахт стал испытывать постоянную нехватку в лошадях. Войска все в большей степени прибегали к введению гужевой повинности среди местного населения. Чем дольше длилась война, тем выше была потребность в местных ресурсах, использование которых осуществлялось вермахтом не только исключительно в форме насильственного захвата, но отчасти также в результате вынужденной кооперации со стороны местного населения. В некоторых случаях лошади также использовались в борьбе против партизан и акциях истребления гражданского населения. Это относится в первую очередь к кавалерии СС, которая уже с лета 1941 г. зарекомендовала себя как «авангард Холокоста»²⁶.

Во время немецкого отступления на Восточном фронте, которое осуществлялось под лозунгом «политики выжженной земли», в условиях острого цейтнота командиры должны были ре-

²³ Richter K. *Kavallerie der Wehrmacht*. Utting, 2000. 208 s.

²⁴ См.: Meyer H. *Geschichte der Reiterkrieger*. Stuttgart, 1982. S. 192; Frieser K. *Blitzkrieg-Legende. Der Westfeldzug 1940*. München, 1995. S. 35.

²⁵ DiNardo R., Bay A. *Horse-Drawn Transport in the German Army // Journal of Contemporary History*. 1988. Vol. 23. P. 129–142.

²⁶ Cüppers M. *Vorreiter der Shoah. Ein Vergleich der Einsätze der beiden SS-Kavallerieregimenter im August 1941 // Krieg und Verbrechen. Situation und Intention. Fallbeispiele*. Hrsg. von T. C. Richter. München, 2006. S. 87–97; Pieper H. *Fegelein's Horsemen and Genocidal Warfare: The SS Cavalry Brigade in the Soviet Union*. Houndmills, Basingstoke, 2015. 264 c.

шать, что войска должны взять с собой, а что оставить. Известно, что подразделения вермахта, покидая Крым, уничтожили около 30 тыс. лошадей. Животных стреляли или заставляли прыгать с утесов, чтобы они не достались врагу²⁷. Коров и свиней забивали, птицу брали с собой, чтобы забить ее позже. Хотя нам известно об отдельных случаях истребления животных из писем солдат домой или благодаря свидетельствам очевидцев, о систематическом изучении этого вопроса говорить еще рано²⁸. Кроме того, бесчисленное множество животных погибло в результате голода и морозов зимой 1944/45 г., когда потоки немецких беженцев заполнили дороги Европы, спасаясь от наступающей Красной армии.

Животные и война

Животные никогда не выступали на исторической сцене как самостоятельные акторы. Однако время от времени они оказывали значительное воздействие на человеческие деяния. Особенно ощутимым это воздействие было в военное время, как показывают исследования более ранних эпох. Соответствующие исследования по Второй мировой войне ограничиваются, как правило, только западным театром военных действий. Если выразиться иначе, то восточный театр военных действий все еще ждет — как это показали усилившиеся исследования Первой мировой войны — систематического фундаментального исследования. При этом особое внимание стоит уделять радикализации ведения военных действий, эскалации насилия и изначально запланированной беспощадной эксплуатации всех ресурсов оккупированных областей.

Если рассматривать животных не только как бутафорский аксессуар исторических событий, то необходимо более четко определить, в какой мере они оказали воздействие на ход этих событий и, возможно, от случая к случаю, влияли на их исход. С этой точки зрения вопрос об обращении на войне с живыми существами, помимо человека, является далеко не последним по важности. Люди обходились с животными, в зависимости от обстоятельств, бережно или жестоко, за ними ухаживали или их мучили, к ним

²⁷ Graf S. Das Tier im Dienst des Menschen — eine wechselseitige Beziehung? // Mensch — Tier — Medizin. Beziehungen und Probleme in Geschichte und Gegenwart. Hrsg. von J. Schäffer. Gießen, 2014. S. 172.

²⁸ Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 208.

относились как к «личностям», достойным защиты, или как к бессловесной массе, практически без соблюдения каких-либо этических норм.

Чтобы прийти к новым выводам на поле взаимоотношений людей и животных в годы войн, необходимо изучать уже известные источники под новым углом зрения или ввести в научный оборот новые. На основании официальных документов и личных свидетельств мы можем выявить изменения в обращении солдат с животными в оккупированных областях²⁹. В тщательном изучении нуждается сравнительный аспект, а именно, что эти же источники рассказывают об отношении оккупантов к местному населению. В любом случае распределение заботы или небрежности, эмпатии или равнодушия, чувства или бесчувственности дает возможность прийти к выводам о причинах стремительного процесса одичания, который в разной степени затрагивал людей и животных.

Что же касается непосредственно кавалерии, то все сказанное выше нуждается в особом изучении, поскольку кавалерия является предметом многочисленных популярных мифов. Образы «удалых всадников», бросающих своих «бравых скакунов» в стремительную атаку, легко маскируют действительные взаимоотношения на войне³⁰. Лошади присутствовали на войне повсеместно и непроизвольно влияли на мировосприятие акторов, будь то простые солдаты или конюхи³¹. Источники, которые это подтверждают, весьма разнообразны. Это приказы и директивы, ведомственные бюллетени и инструкции, статистические отчеты и доклады о положении дел, квартирмейстерские журналы боевых действий, ведомственная переписка и опубликованные воспоминания. Особенно содержательными являются статистические материалы о состоянии поголовья скота и запасах мяса, а также о драматических потерях животных в ходе войны.

Сравнительно сложнее исследовать использование сторожевых и служебных собак, так как архивные дела служб полевого

²⁹ Ср.: Möhring M. «Herrentiere» und «Untermenschen». Zu den Transformationen des Mensch-Tier-Verhältnisses im nationalsozialistischen Deutschland // Historische Anthropologie. 2011. Bd. 19. № 2. S. 229–244; Tiere und Krieg: Tierstudien / Hrsg. von J. Ullrich, M. Roscher. Berlin, 2017. № 12. 186 s.

³⁰ См. например: Piekalkiewicz J. Pferd und Reiter im II. Weltkrieg. Stuttgart, 1976. 255 s.

³¹ Roscher M. Where is the animal in the text? Chancen und Grenzen einer Tiergeschichtsschreibung // Über die gesellschaftliche Natur von Mensch-Tier-Verhältnissen. Hrsg. von Chimaira — Arbeitskreis für Human-Animal Studies. Bielefeld, 2011. S. 121–150.

собаководства вермахта (Feldhundestaffeln) утрачены, равно как и документы собачьих питомников полиции и СС. Однако многое можно почерпнуть из высказываний очевидцев событий³². Данные об использовании служебных собак против партизан, скорее всего, содержатся в делах «Особого подразделения Дирлевангера» («Sondereinheit Dirlewanger»), которое прочесывало белорусские леса³³. В ходе конечной фазы войны рейхсфюрер СС даже планировал применение специально обученных собак в борьбе с танками. В Красной армии попытки использовать собак против танков вермахта, преимущественно безуспешные, предпринимались еще летом 1941 г.

Уже в ходе войны с Польшей немецкие службы наглядно продемонстрировали, что животные ресурсы оккупированных стран безусловно будут подвергнуты безжалостной эксплуатации в интересах достижения военных и экономических целей Германии³⁴. Непосредственно после нападения на Советский Союз оккупанты стали осуществлять еще более радикальную «продовольственную политику». Она привела к миллионам голодных смертей среди местного населения. Позиция оккупационных властей диктовалась в первую очередь расистскими мотивами, но в то же время и растущим «дефицитом продовольствия»³⁵. Поскольку немецкие оккупационные власти регулярно проводили подсчеты поголовья скота, имеется весьма точная статистика, характеризующая масштабы потерь животных. Так, численность лошадей в Эстонии сократилась с 218 тыс. в 1939 г. до 189 тыс. в 1942 г. Если в 1939 г. здесь насчитывалось 706 тыс. голов крупного рогатого скота, то в 1942 г. осталось только 434 тыс. Из почти 700 тыс. овец — 253 тыс. Число свиней сократилось с 440 тыс. до 251 тыс. В течение этих трех лет пчеловоды недосчитались более 60 тыс. пчелиных семей³⁶. Мы также можем представить себе масштабы хищнического истребления поголовья диких животных. Еще в начале 1943 г. за шкуры, особенно оленей и косуль, в Белоруссии платили высокие цены. После того как поголовье животных резко сократилось, генераль-

³² Perz B. «...müssen zu reißenden Bestien erzogen werden». Der Einsatz von Hunden zur Bewachung in den Konzentrationslagern // Dachauer Hefte 1996. Bd. 12. S. 139–158.

³³ Ingraо Ch. Les chasseurs noirs. La brigade Dirlewanger. Paris, 2006. P. 300.

³⁴ Böhler J. Auftakt zum Vernichtungskrieg. Die Wehrmacht in Polen 1939. Frankfurt a. M., 2006. 288 s. (passim).

³⁵ См.: Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung 1941–1944. Frankfurt a. M., 2011. S. 185.

³⁶ Estländisches Statistisches Amt (Bearb.): Statistischer Jahresbericht für den Generalbezirk Estland 1942. Reval, 1943. S. 46.

ный комиссар Белоруссии В. Кубе ввел 28 августа 1943 г. строжайший запрет на охоту³⁷.

Особый научный интерес представляет деятельность ученых из числа современников, которые в качестве экспертов сопровождали обращение с «животным ресурсом». Так, в мероприятиях оккупационных властей участвовали генетики, к примеру, когда в 1939 г. имперское министерство сельского хозяйства попыталось по поручению армии перестроить польскую службу ремонтов лошадей. Целью было значительное увеличение поголовья племенных животных. В рамках постоянно расширявшегося разбойного набега с целью захвата генетических ресурсов Г. Гиммлер приказал 18 октября 1943 г. открывать конные заводы СС, лошадей для которых привозили с оккупированных территорий Восточной Европы³⁸. Перед этим из зоопарков и заповедников были конфискованы редкие ценные животные³⁹. Составной частью этой разнуданной политики в отношении животных являлась также попытка заново вывести вымершие виды, например, пралошадей и прабывков, используя для этого трофейных животных⁴⁰.

Заключение

В заключение мы можем констатировать, что методологический подход, в рамках которого взаимоотношения между людьми

³⁷ Amtsblatt des Generalkommissars in Minsk, 1941–1944. Ausgabe, 1943. S. 25. К вопросу о состоянии поголовья диких животных на оккупированных территориях см.: *Gautschi A. Der Reichsjägermeister. Fakten und Legenden um Hermann Göring. Suderburg, 2010. 352 s.*

³⁸ Ответственность за это нес Курт Бехер — начальник инспекции отдела лошадей и транспорта СС (Inspektion des Reit- und Fahrwesens der SS). См.: *Fahnenbruck N. Pferdesport und Politik im Nachkriegsdeutschland im Zeichen von Kontinuitäten und Diskontinuitäten // Die Spiele gehen weiter. Profile und Perspektiven der Sportgeschichte. Hrsg. von F. Becker, R. Schäfer. Frankfurt a. M.; N. Y., 2014. S. 171–195.*

³⁹ См.: *Fox F. Jews and Buffaloes. Victims of Nazi Pseudo-science // East European Jewish Affairs. 2001. Bd. 31. № 2. S. 82–93; Gautschi A. Der Reichsjägermeister. Fakten und Legenden um Hermann Göring...; Wöbse A.-K., Roscher M. Zootiere während des Zweiten Weltkrieges. London und Berlin 1939–1945 // Themenheft Tiere, Werkstatt Geschichte. 2011. Bd. 56. S. 46–62.*

⁴⁰ Зоологи, братья Лутц и Хайнц Хек, занимались под протекцией Германа Геринга выведением вымерших туров, зубров и тарпанов. См.: *Daszkiewicz P., Aikhenbaum J. Aurochs. Le retour d'une supercherie nazie. Paris, 1999. 159 p.* Выведением «лошади Пржевальского» по заказу СС-Аненербе занимался зоолог и исследователь Тибета Эрнст Шефер. — См.: *Kaufmann W. Das Dritte Reich und Tibet. Die Heimat des «östlichen Hakenkreuzes» im Blickfeld der Nationalsozialisten. 3. Auflage. Ludwigsfelde, 2012. 962 s.*

ми и животными уделяется большое внимание, является весьма плодотворным. В результате исследовательский ракурс, обращенный на XX в. как на век войн, существенно расширяется за счет преодоления антропоцентрической парадигмы. Что касается животных, то до сего дня речь о них заходила в основном применительно к ранним эпохам, когда их использование было необходимо по причине слабого развития техники. Однако животные всегда были больше, чем просто «кулисами» на исторической сцене, на фоне которых люди якобы суверенно творили свои деяния. Чтобы показать, что это было не так, мы попытались в настоящей статье связать известное — историю «войны машин» — с тем, что традиционная историография всегда оставляла «в тени»: конными армиями, их предводителями и бойцами, а также лошадьми как актерами исторического действия. При этом возникает не столько новый нарратив, сколько более полная картина. Выдающаяся роль технологий в современной войне здесь не отрицается, однако подчеркивается ее относительность по ряду существенных пунктов. В свою очередь всадники и их лошади отнюдь не переоцениваются, однако возвращаются на сцену истории в качестве актеров, которых не стоит недооценивать. Другими словами, животным отводится достойное место. История Первой конной армии и ее командующего Семена Буденного преподает нам еще один урок: она показывает, насколько тесно в истории России XX в., несмотря на глубокие цезуры, сплетены между собой разные эпохи, какой силой инерции обладают архаические представления о «конных рыцарях» и почему «конец века лошадей» должен быть снова отодвинут во времени. Очевидно, еще предстоит исследовать многое, оставшееся за рамками этой статьи. В любом случае «родовитые казаки», превратившиеся в «красных кавалеристов», «атаманы» с их фантастическими карьерами, в конечном итоге спасовавшие перед лицом стратегических вызовов современной войны, равно как и симбиоз людей и животных в условиях чрезвычайных ситуаций и постоянной угрозы жизни, еще таят в себе многочисленные загадки.

Авторизованный перевод с немецкого А. И. Савина.

Е. Ю. Зубкова
Институт российской истории РАН (Москва)

**Люди и музеи:
ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА
Новгорода и Пскова
в первой трети XX века**

Музеи — это не только памятники истории, сохраняющие прошлое для потомков. Они сами являются частью этой истории, ее живыми субъектами, фиксирующими в своих судьбах переломы и события Большой истории. Статья представляет собой попытку совместить в одном фокусе конъюнктурную событийность политических процессов первой трети XX в. и долговременность их социокультурных последствий. Трансформация культурного ландшафта древних русских городов Новгорода и Пскова представлена как результат государственной политики по отношению к культурному наследию России и индивидуальных усилий людей, участвовавших в реализации этой политики или действовавших вопреки ей.

Ключевые слова: памятники культуры, музеи, музейная политика, церковь, реставрационные работы, изъятие церковных ценностей, Новгород, Псков.

История российских музеев и музейного дела традиционно не принадлежит к мейнстриму отечественной историографии, занимая в ней свою особую, профессиональную, но при этом не всегда связанную с течением Большой истории нишу. Вместе с тем отношение к культурному наследию, материализованное в музейной политике, — это еще одна перспектива, позволяющая совместить в одном фокусе конъюнктурную событийность политических процессов и долговременность их социокультурных последствий. Данная статья представляет собой попытку реализации этого подхода на примере судьбы памятников культуры Новгорода и Пскова в переломный период истории России: от начала XX в. до конца 1930-х годов.

В начале XX в. Новгород и Псков представляли собой обычные провинциальные русские города. Осознание их особого исторического и культурного статуса происходило постепенно и было связано с ростом общественного интереса к феномену «русской старины» — истории Древней Руси, Русского государства и православной церкви. После реформ 1860-х годов и организации

органов местного самоуправления (земств) началось целенаправленное изучение местной истории — направление, которое впоследствии получило название «краеведение». В интеллектуальных кругах России это время знаменовалось своего рода культурным переворотом, точнее, поворотом в сторону древнерусского искусства — живописи и архитектуры¹.

Краеведческие поиски переплетались с культурными открытиями: в таком контексте происходило становление музейного дела в Новгороде и Пскове. Первые музеи создавались там по инициативе и находились в подчинении двух ведомств — гражданского и церковного. Поэтому в каждом городе возникло по два музея со сходным составом коллекций и похожими названиями: в Новгороде — Музей древностей и Древлехранилище, в Пскове — Музей Археологического общества и Музей Церковно-археологического комитета. Музеи, особенно курируемые земскими организациями, не имели четко выраженного профиля: коллекции икон соседствовали с образцами оружия, археологическими находками, предметами быта, картинами, рукописями и книгами.

Свою лепту в музейное строительство вносили частные собиратели древностей, которые открывали собственные музеи: в Новгороде такого рода коллекционированием занимался В. С. Передольский, в Пскове — Ф. М. Плюшкин. Василий Степанович Передольский — юрист по образованию — одним из первых стал серьезно заниматься историей Новгородского края. По его инициативе было создано Новгородское общество любителей древностей — общественная организация, многое сделавшая для сохранения и изучения культурных памятников Новгорода. Предприниматель Федор Михайлович Плюшкин был членом Псковского археологического общества, он собрал одну из самых больших частных коллекций в России, в составе которой находились редкие иконы, старопечатные книги, рукописи, планы и карты Пскова, образцы оружия и русской одежды, а также уникальное собрание монет².

Главные архитектурные памятники Новгорода и Пскова до революции принадлежали Русской православной церкви, поскольку

¹ Порфиридов Н. Г. Новгород. 1917–1941. Воспоминания. Л., 1987. С. 166; Пономарев В. С. Судьбы монументальных памятников Великого Новгорода / вступ. статья и публикация Н. Н. Гринева // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. 2005. Великий Новгород, 2006. С. 230–231.

² Порфиридов Н. Г. Новгород. 1917–1941... С. 27–32; Псковский государственный объединенный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник [Электронный ресурс]. URL: http://museums.pskov.ru/istoriya_muzeya/istoriya (дата обращения: 30.10.2017).

ку это были здания действующих храмов и монастырей. В них же хранились лучшие образцы древнерусской живописи и прикладного искусства: фресковая живопись, иконы, церковная утварь. За несколько столетий своего существования многие древние памятники погибли или утратили свой первоначальный вид, разрушенные стихией пожара или обветшавшие со временем, другие были подвергнуты неоднократным перестройкам или так называемым «поновлениям». В результате «поновлений» страдала прежде всего храмовая живопись — фрески, которые покрывались новой росписью. При ремонте Георгиевского собора Юрьевского монастыря в 1825–1827 гг. по распоряжению архимандрита Фотия были сбиты со стен фрески XII в., а стены храма расписаны заново. В конце XIX в. началась капитальная реконструкция Софийского собора — одного из древнейших русских храмов (середина XI в.) и главного храма Новгорода. Реконструкция в стиле «модернизации», стоившая к тому же немалых средств, привела к искажению древнего архитектурного облика собора³. Кроме технических просчетов в процессе ремонтно-реставрационных работ были допущены ошибки концептуального характера. Так, исчезла уникальная фресковая роспись храма, «записанная» (закрытая) ремесленным творчеством «артели богомазов»⁴.

Отношение Церкви к принадлежавшим ей ценностям как культурному достоянию изменилось после того, как в 1910 г. новгородским архиепископом стал Арсений (Стадницкий). Священнослужитель и ученый, известный историк церкви, Арсений пользовался авторитетом не только в церковных кругах, но и среди искусствоведов, археологов, художников. Многие из них стали членами организованного архиепископом Арсением Церковно-археологического общества. По его инициативе в Новгороде и Пскове были открыты музеи (Древлехранилище и Церковно-археологический музей), где выставлялись церковные ценности, не имевшие богослужебного значения. Фактически это были первые комплексные экспозиции произведений древнерусского искусства. Своим авторитетом и практической помощью архиепископ поддерживал работы по учету, охране и научной реставрации памятников Новгорода и Пскова⁵.

³ Брунов Н., Травин Н. Собор Софии в Новгороде // Сообщения Института истории и теории архитектуры. 1947. Вып. 1. С. 2.

⁴ Пономарев В. С. Судьбы монументальных памятников Великого Новгорода... С. 230–231.

⁵ Арсений (Стадницкий) // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/76250.html> (дата обращения: 30.10.2017).

В 1903–1904 гг. была проведена комплексная научная реставрация настоящей «жемчужины» древнерусской архитектуры — храма Спаса на Нередице (построен в 1198 г.). Правда, и здесь не удалось полностью избежать технических ошибок: стены храма ради повышения прочности с внешней стороны были покрыты цементом вместо извести. В результате нарушилась циркуляция воздуха (стены перестали «дышать»), что поставило под угрозу сохранность фресок. В 1919 г. эта оплошность была исправлена, цемент со стен удалили и вернули традиционную известковую обмазку: фрески храма снова «задышали»⁶.

Первый опыт раскрытия фресковой живописи — освобождения ее от позднейших наслоений — относится в России к 1910–1911 гг. Тогда были раскрыты фрески храма Федора Стратилата «по Ручью», относящиеся к XIV в. Реставрационные работы, выполненные за счет личных средств новгородского предпринимателя Сталькова, стали настоящей научной сенсацией: они не только представили прекрасные образцы древнерусской живописи, но и явились новацией в реставрационном деле как впервые реализованный в России проект полного научного раскрытия стенописи целого храма⁷.

Успехи реставраторов и исследователей древнерусского искусства были оценены по достоинству: неслучайно в 1911 г. Новгород был избран местом проведения 15-го Всероссийского археологического съезда. С этого времени город стал одной из главных площадок изучения культуры Древней Руси. Эти перспективные исследования были прерваны в 1914 г. Первой мировой войной.

Освоение культурного наследия древних русских городов Новгорода и Пскова продолжилось уже после революции. В 1919 г. в Новгород приехала группа московских художников и реставраторов под руководством И. Э. Грабаря. Реставрация новгородских памятников была одним из первых проектов Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ), созданных незадолго до этого. Московские специалисты провели новую реставрацию стен храма Спаса на Нередице, но в основном занимались раскрытием фресок и расчисткой икон. Реставрационная деятельность группы Грабаря каждый раз приносила новые открытия, одно из самых значительных — фрески Феофана Грека

⁶ Пономарев В. С. Судьбы монументальных памятников Великого Новгорода... С. 231–232; Порфиридов Н. Г. Новгород. 1917–1941... С. 168–170.

⁷ Пономарев В. С. Судьбы монументальных памятников Великого Новгорода... С. 231.

в церкви Спаса на Ильине⁸. В условиях гражданской войны и экономической разрухи, при очень скудной финансовой поддержке, главным образом благодаря энтузиазму ученых и реставраторов начался новый период культурного возрождения памятников Новгорода, который археолог В.С. Пономарев с полным основанием назвал героическим⁹.

Масштабы и результаты реставрационных работ в Новгороде в 1920-е годы могли бы быть еще более значительными, если бы не вмешался субъективный фактор — профессиональное соперничество. Наряду с московскими реставраторами в городе работали специалисты Петроградской реставрационной комиссии под руководством Н.П. Сычева. В состав обеих групп — московской и петроградской — входили признанные эксперты по древнерусской живописи и архитектуре. Конфликты между профессионалами, представителями разных школ — явление довольно обычное, однако в Новгороде научные споры вылились в настоящую «войну направлений»¹⁰. Новгород находился в административном подчинении Петрограда, что давало чиновникам «от культуры» в Петрограде формальное право время от времени останавливать работы московской группы.

В Пскове реставрационные работы начались позднее, планомерный характер они приняли с 1925 г., когда псковские храмы обследовала группа московских реставраторов во главе с искусствоведом А.И. Анисимовым. Помимо изучения и раскрытия фресковой живописи Анисимов составил список икон, изъятых из церквей и переданных в Псковский музей. Он отобрал лучшие из них и направил на реставрацию в московские реставрационные мастерские. Для «раскрытия» икон на месте была создана реставрационная мастерская при Псковском музее. До 1929 г., когда реставрационные работы были приостановлены, удалось раскрыть несколько подлинных шедевров псковской иконописи, среди них иконы «Деисус», «Дмитрий Солунский», «Параскева Пятница, Варвара и Ульяна». Псковские иконы впервые демонстрировались на выставках древнерусской живописи в СССР и за рубежом¹¹. По сути, именно тогда состоялось подлинное от-

⁸ Пономарев В.С. Судьбы монументальных памятников Великого Новгорода... С. 232.

⁹ Там же. С. 232–233.

¹⁰ Порфиридов Н.Г. Новгород. 1917–1941... С. 173–175, 184–185.

¹¹ Одна из таких выставок состоялась в 1929 г. в Германии. — См.: Denkmäler altrussischer Malerei: Russische Ikonen vom 12–18 Jahrhundert. Ausstellung des Volksbildungskommissariats der RSFSR und der Deutschen Gesellschaft zum Studium Osteuropas in Berlin, Köln, Hamburg, Frankfurt a. M. Februar–Mai 1929. Berlin; Königsberg, 1929.

крытие и признание уникальной Псковской школы древнерусской иконописи¹².

После революции работы по реставрации памятников Новгорода и Пскова приняли масштабный характер и получили государственную поддержку. Так, в Новгороде до революции были раскрыты стенописи только трех храмов, в советское время до войны были раскрыты фрески девяти храмов, в других стенопись укреплялась или проводилась разведка¹³. Главное отличие реставрационных работ до и после революции заключалось в том, что в дореволюционные годы стенопись храма реставрировалась полностью, а после революции реставраторы раскрывали фресковую роспись храмов фрагментарно и работали сразу на нескольких объектах. Такой подход только отчасти объяснялся конкуренцией среди реставраторов и погоней за сенсационными открытиями. Основной причиной подобного распыления сил и средств было стремление оградить как можно больше памятников культуры от притязаний на них различных городских ведомств с целью их использования под жилье, дома отдыха, склады, размещение городских контор и т. д. Начало реставрационных работ в храме служило доказательством его историко-художественной значимости, а значит, и аргументом против «утилизации»¹⁴.

Еще одной возможностью сохранить исторические здания в статусе культурно-исторических памятников была их передача под управление музейных органов. С 1918 г. музейное дело и охрана памятников Новгорода находились в ведении специального подразделения губернского отдела народного образования — Губмузея (сокращенное название отдела/комитета по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы). Новгородский губмузей возглавил Н. Г. Порфиридов.

Николай Григорьевич Порфиридов принадлежал к первому поколению советских музейщиков. Являясь формально советскими чиновниками, эти люди по многим параметрам — социальному происхождению, образованию, убеждениям — не вписывались в советский канон и были подлинными энтузиастами своего дела. Порфиридов родился в семье священника в одном из сел Новго-

¹² Бобров Ю. Г. Открытие Псковской иконописи // Псковские новости [Электронный ресурс]. URL: <http://news.pskovonline.ru/cultura/Otkrytie-Pskovskoi-ikonopisi> (дата обращения: 30.10.2017).

¹³ Пономарев В. С. Судьбы монументальных памятников Великого Новгорода... С. 237.

¹⁴ Там же. С. 238.

родского уезда, закончил Санкт-Петербургскую духовную академию по кафедре археологии и истории искусства, занимался изучением фресковой росписи новгородских храмов. Потом он продолжил учебу в Археологическом институте в Петрограде и после окончания курса в апреле 1918 г. был направлен в Новгородский губернский отдел народного образования. Сначала Порфиридов работал в Музее древностей, затем возглавил Губмузей (губернский отдел по делам музеев).

Несмотря на солидное образование, это поле деятельности Николаю Григорьевичу, как и его коллегам-музейщикам, приходилось осваивать буквально «с нуля». Он сам позднее признавался: «Мы, первое поколение советских музейных работников, были не очень подкованы в музейном деле, не исключая и тех, кто окончил вузы по более или менее близкой специальности. В Петроградском археологическом институте у нас читались курсы археологических раскопок, архивоведения, археографии, нумизматики, даже дипломатики и геральдики, но музейного дела, предмета, казалось бы, более нужного, в программе не было»¹⁵.

Под руководством Порфиридова в Новгороде была проведена реорганизация музеев, благодаря которой из отдельных коллекций, часто представляющих собой собрание «случайных редкостей», была создана музейная сеть: каждый музей получил свой профиль (историко-археологический, художественный, бытовой). Охрана и реставрация памятников Новгорода, их спасение от разрушения временем и особенно от человеческого невежества стали главным делом жизни Порфиридова.

Отношение к его деятельности на посту руководителя Губмузея до сих пор остается амбивалентным. Он встал во главе музейного дела в Новгороде, когда в стране происходили драматические события. По долгу службы Порфиридов участвовал в процессе национализации культурных ценностей, а потом в кампании по изъятию ценностей у церкви. Однако для непредвзятого взгляда совершенно очевидно, что вынужденно компромиссная позиция Губмузея и его руководителя позволила сберечь многие культурные памятники Новгорода от «утилизации».

В 1933 г. Порфиридов был арестован, обвинен в антисоветской деятельности и приговорен к пяти годам лагерей. Вышел из заключения досрочно, после чего занимался главным образом преподавательской и научной работой. Он опубликовал несколько исследований по археологии и древнерусской живописи, одним

¹⁵ Порфиридов Н. Г. Новгород. 1917–1941... С. 62.

из первых стал заниматься иконописью Пскова, открыв своеобразие Псковской школы русского средневекового искусства¹⁶.

После революции большевистская власть начала наступление на Церковь. Следствием антирелигиозной политики государства стало массовое закрытие церквей, изъятие церковных ценностей, приспособление церковных зданий под «практические» нужды. Местные коммунальные органы Новгорода в 1924 г., ссылаясь на недостаток жилья и производственных помещений в городе, требовали срочно решить судьбу церковных зданий: либо превратить их в музеи, либо предоставить для утилитарного использования¹⁷. Часть закрытых храмов, признанных историко-художественными памятниками, переходила в ведение новгородского Губмузея. Однако для спасения памятников это решение носило лишь временный характер: здания, их внутренние интерьеры нуждались в охране и реставрации. Это требовало больших средств, которых в распоряжении местного бюджета просто не было. Поэтому атаки на церковные здания со стороны коммунальных служб и других ведомств продолжались и в дальнейшем.

В поле зрения сторонников утилизации исторических зданий и построек Новгорода попадали не только храмы. В 1926 г. Новгородский совет по физической культуре в преддверии спортивного праздника просил городские власти разрешить устроить на древнем городском валу трибуну для зрителей — «трибуну Сталина». Губмузей обратился за помощью в Центральные реставрационные мастерские и оттуда пришел категоричный ответ: «Считая нежелательным нарушение облика исторических сооружений новыми постройками, признать устройство трибун на древнем валу недопустимым»¹⁸. Тогда исторический ландшафт Новгорода удалось отстоять. В этих первых конфликтах обозначились два разных подхода к будущему развитию Новгорода: превращение его в город-музей или трансформация в русле модной тенденции создания «социалистического города». По-настоящему борьба сторонников обеих концепций развернется уже в 1930-е годы.

Кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г. не только нанесла удар по Церкви как религиозному институту, что и планировалось изначально. Одновременно эта акция имела, хотя

¹⁶ Гордиенко Э.А. Н.Г. Порфиридов // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 318–322.

¹⁷ Коровайников В.Ю. Документы Центрального архива города Москвы о реставрации памятников архитектуры Новгорода в 1920-х — 1930-х гг. // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2007. Вып. 1. С. 232.

¹⁸ Там же. С. 233.

и незапланированные, но не менее разрушительные последствия для русской культуры. Храмы и монастыри веками формировали культурный ландшафт России, являясь образцами русского зодчества и хранилищами древнерусской живописи. В процессе подготовки конфискации 1922 г. предполагалось, что наиболее ценные в художественном отношении элементы церковного убранства и культа (иконы, церковная утварь, ювелирные изделия, облачения священнослужителей и т. п.) будут переданы на хранение в музеи. При этом не учитывалось одно обстоятельство: храмовые здания и их внутреннее убранство представляли собой единое историко-художественное пространство, поэтому любое изъятие означало утрату целостности памятника культуры. Некоторые произведения древнерусского прикладного и ювелирного искусства могли не дойти даже до музеев, превращенные в золотой и серебряный лом, направленные на разборку и переплавку.

Директор Оружейной палаты Д. Д. Иванов, пытавшийся спасти многие произведения искусства от превращения их в способ пополнения золотовалютного резерва, писал о «тяжком весе золота» как факторе риска для культурных ценностей: «Золото — рискованный материал. Оно меньше других подвержено порче, и, казалось бы, вернее всего обеспечивает сохранность замысла мастера в полной неприкосновенности. Но оно же первое и губит лучшие произведения искусства...»¹⁹.

В ходе кампании по изъятию церковных ценностей «вес золота» часто служил главным аргументом в споре о дальнейшей судьбе той или иной вещи: ломали уникальные иконостасы, в лом и на переплавку шли ризы с икон, серебряные раки, золотые и серебряные украшения. Против подобного вандализма протестовал Главмузей во главе с Н. И. Троцкой, музейные сотрудники, деятели культуры²⁰. Троцкая предлагала исключить из кампании по конфискации 103 наиболее значительных церковно-монастырских комплекса России, поставив их под государственную охрану с целью создания на их основе музеев (церквей-музеев)²¹. Это предложение, однако, не было принято.

¹⁹ Цит. по: *Тутова Т.А.* Директор Оружейной палаты Д.Д.Иванов и борьба за сохранение музейных ценностей в 1922–1929 гг. // Сокровищница России: Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. М., 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kreml.ru/ft/c5m5/i12o8/v14so8_Tutova.pdf (дата обращения: 30.10.2017).

²⁰ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 1. С. 57.

²¹ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь... С. 57–58.

Между людьми, представляющими интересы Гохрана, с одной стороны, и интересы Главмузея — с другой, постоянно возникали конфликты. По инструкции представители музейных органов входили в состав комиссий по изъятию церковных ценностей. Они должны были наблюдать за процессом, проводить историко-художественную экспертизу конфискованных предметов и наиболее ценные в художественном отношении отбирать для хранения в музеях. На практике к мнению музейщиков далеко не всегда прислушивались, и последнее слово оставалось за Гохраном. Такой порядок разрешения споров был закреплен в специальном циркуляре: в случае, если члены местной комиссии по изъятию церковных ценностей не могли прийти к единому мнению, спорный предмет отправлялся на экспертизу в Москву — но не в Главмузей, а в Гохран²².

Так в Москве оказался знаменитый Юрьев кувшин из Новгорода. Кувшин, конфискованный в Юрьевом монастыре, представлял собой редкий образец русского прикладного искусства: он был сделан в виде орла из чеканного серебра и весил два пуда (32 кг). Музейные эксперты из Новгорода настаивали на историко-художественном значении кувшина и хотели сохранить его для Новгородского музея. Возник конфликт, в результате кувшин отправился на экспертизу в Москву. Там его художественная ценность была подтверждена, но в Новгород кувшин уже не вернулся, пополнив коллекцию Оружейной палаты²³.

Юрьев монастырь стал первой жертвой кампании по изъятию церковных ценностей в Новгороде. Еще в январе 1922 г., то есть до начала массовой конфискационной акции, по личному распоряжению Льва Троцкого монастырь обследовала специальная комиссия из Москвы и вывезла из него более 100 ценных предметов. В их числе были панагии с камнями, серебряные кресты, старинное серебро²⁴. В апреле 1922 г. кампания охватила всю Новгородскую губернию. В это же время начались изъятия ценностей в храмах Пскова и Псковской губернии²⁵.

При определении ценности предмета руководствовались, как правило, самым простым принципом — хронологическим. Ориентировочным рубежом служил конец XVIII в. (иногда за точку

²² Архивы Кремля. Политбюро и Церковь... С. 59.

²³ Порфиридов Н. Г. Новгород. 1917–1941. Воспоминания. Л., 1987. С. 139.

²⁴ Савинова И. Д. Беспощадное сражение с Церковью: самым решительным образом // Чело. 2010. № 2–3. С. 24.

²⁵ Иванова М. А. Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии в 1922 г. // Псков. 2006. № 24. С. 153–161.

отсчета брался 1725 г.): вещи более древние считались имеющими историко-художественную ценность, остальные предназначались для Помгола или Гохрана. Подобная экспертиза носила весьма условный и спорный характер, в результате были утрачены многие настоящие произведения искусства и предметы, имеющие историческую ценность, но относящиеся к XIX в. Например, в Софийском соборе Новгорода не удалось сохранить серебряный оклад главного иконостаса, в переплавку были отправлены серебряные раки. Доводы музейных экспертов не считались убедительными. «Поражал всех вес серебра в каждой раке, около 6 пудов! Вот это довод, а искусство, что оно такое?», — грустно комментировал суть происходившего директор Новгородского исторического музея С. М. Смирнов²⁶.

Аналогичные аргументы решили судьбу золотой ризы иконы Божьей Матери «Знамение». Эта икона — одна из самых почитаемых в Новгороде — хранилась в Знаменском соборе. Икона имела две ризы: парадную (золотую) и «обычную» (серебряную). Серебряная риза иконы — более древняя, ее уникальность заключалась в наличии маленьких иконок (дробниц) XII в., выполненных в знаменитой технике перегородчатой эмали. Серебряную ризу удалось сохранить для музея, пожертвовав ризой парадной. Массивная парадная риза была изготовлена в 1870-х годах из высокопробного червонного золота²⁷ и украшена огромным числом драгоценных камней — 2615, главным образом бриллиантами. Ее материальная ценность «способна была одна перекрыть не только все остальные ценности Знаменского собора, но едва ли не всего города», — вспоминал Н. Г. Порфиридов, один из участников изъятия, руководитель губернского Комитета по делам музеев²⁸.

Процесс конфискации церковных реликвий и культовых предметов, болезненный для верующих сам по себе, сопровождался рядом эксцессов, связанных с нетактичным, часто оскорбительным поведением членов комиссий и местных активистов. Порфиридов утверждал, что новгородская комиссия подобных «нетактичностей» не допускала²⁹. Смирнов свидетельствовал об обратном, вспоминая, как происходило разорение Знаменского собора: «Непонятно, почему всю эту процедуру изъятия не провели более осторожным и деликатным способом? Почему сдирали на глазах

²⁶ Смирнов С. М. Воспоминания о времени моей работы в Новгородском музее // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 328.

²⁷ Риза иконы весила 12 фунтов 90 золотников (около 6 кг).

²⁸ Порфиридов Н. Г. Новгород. 1917–1941... С. 137.

²⁹ Там же. С. 136.

прихожан оклады с икон, складывали грудями их на пол, а потом на подводе везли по улице? Все это было не нужно, грубо и оскорбительно. Навсегда запомнилось мне, как после окончания всей этой тягостной процедуры, когда ушли члены комиссии, уехали подводы с церковным добром, настоятель собора протоиерей П. Беляев уселся на приступочку под ободранным иконостасом и горько заплакал...»³⁰.

Чтобы сохранить священные для них реликвии, верующие обращались к местным властям с просьбой разрешить им «выкупить» церковные ценности — заменить их равноценным по весу золотом и серебром. Это удалось осуществить в нескольких церковных приходах Псковской губернии³¹, однако, как правило, практика «выкупа» не поощрялась, хотя и существовало специальное решение ВЦИК, разрешавшее производить замену в «исключительных случаях»³². В связи с кампанией по изъятию церковных ценностей по всей стране прокатилась волна протестов, для их усмирения пришлось применять вооруженную силу. В Новгороде и Пскове крупных эксцессов не было, однако и здесь местные власти столкнулись с недовольством и сопротивлением населения³³.

По Псковской губернии было изъято золота, серебра, драгоценностей 224 пуда³⁴. Из Новгорода в Гохран были отправлены 83 ящика серебра, три ящика золота, три — с драгоценными камнями и в золотой оправе, два — с золотой и серебряной монетой³⁵. По подсчетам современных специалистов, стоимость изъятых церковных ценностей по Новгороду составила 140 тыс. рублей в денежных знаках 1922 г. Примерно такую же сумму составили расходы на проведение конфискационной акции³⁶. Это значит, что разорение церквей не оправдало меркантильных расчетов организаторов кампании.

Потери для культуры могли бы быть несравненно большими, если бы не усилия музейных работников, сохранивших наиболее ценные произведения древнерусской живописи, прикладно-

³⁰ Смирнов С.М. Воспоминания о времени моей работы в Новгородском музее... С. 328.

³¹ Иванова М.А. Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии... С. 155–156.

³² Архивы Кремля. Политбюро и Церковь... Кн. 1. С. 56.

³³ Савинова И.Д. Беспощадное сражение с Церковью... С. 27–28.

³⁴ Иванова М.А. Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии... С. 159.

³⁵ Савинова И.Д. Беспощадное сражение с Церковью... С. 29.

³⁶ Там же.

го и ювелирного искусства уже в новом качестве — как музейные экспонаты. В условиях разгромного похода государства против Церкви вопрос о судьбе церковных ценностей решался по принципу жесткой альтернативы: либо в музей, либо на пополнение государственного бюджета, других вариантов просто не существовало. «Выбор без выбора» заключал в себе драматический парадокс: конфискационная кампания 1922 г., разорительная для храмов и монастырей, одновременно дала толчок развитию музейного дела. Фонды музеев пополнились выдающимися произведениями русской иконописи, ювелирного искусства, художественного литья, чеканки и т. д. В Новгородский музей поступило более 400 предметов³⁷. Часть из них — оклады икон и книг, панангии, кресты, бытовые предметы — были выставлены для всеобщего обозрения в Благовещенском соборе. Позднее они послужили основой для организации специального Хранилища ценностей в Софийском соборе Новгорода³⁸.

Очередная масштабная атака советского государства на Церковь пришлось на конец 1920-х годов. На этот раз кампания проходила под лозунгом усиления антирелигиозной пропаганды, нуждавшейся в соответствующих площадках, в роли которых выступали в том числе музеи. В них сначала создавались специальные антирелигиозные отделы, а следующим шагом стала организация антирелигиозных музеев. Символично, что антирелигиозные музеи размещались, как правило, в бывших и обязательно значимых храмах: в Исаакиевском соборе Ленинграда, Софийском соборе Новгорода, Троицком соборе Пскова.

После кампании по изъятию церковных ценностей 1922 г. Софийский собор в Новгороде был передан Губернскому комитету по делам музеев как памятник, имеющий историко-художественное значение. Однако одновременно в соборе еще проводились богослужения, а община верующих обязана была нести часть расходов по охране и содержанию здания храма. Двойственный статус собора сохранялся до 1929 г., когда церковные службы в нем были окончательно прекращены. В том же году в Софийском соборе был организован Антирелигиозный музей, его заведующим стал молодой историк, археолог В. С. Пономарев.

Василий Сергеевич Пономарев никогда не комментировал мотивы, побудившие его занять пост заведующего Антирелигиоз-

³⁷ Маркина Г. К. Летопись музейного дела в Новгородском крае (1865–1999) // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. 2005. Великий Новгород, 2006. С. 58.

³⁸ Порфиридов Н. Г. Новгород. 1917–1941... С. 137.

ным музеем, хотя причины недолюбливать духовенство у 22-летнего выпускника Ленинградского университета имелись. Пономарев считал, что именно духовные власти несут ответственность за непрофессиональную реставрацию и «поновление» храмовых зданий в XIX в., которая не раз приводила к «искажению и обезображиванию произведений древнерусского искусства»³⁹. Внук известного новгородского коллекционера, основателя Новгородского общества любителей древностей Василия Передольского, Пономарев всю жизнь посвятил изучению археологических памятников Новгорода и древнерусского искусства. Он был участником первой археологической экспедиции, организованной Новгородским историческим музеем в 1928 г., а в 1932 г. занимался раскопками в составе группы археологов Академии наук СССР под руководством А. В. Арциховского. С этой экспедиции начались систематические археологические исследования в Новгороде. Пономарев как руководитель раскопок со стороны Новгородского музея составил подробный отчет о результатах экспедиции, однако опубликованы они были уже за подписью другого человека⁴⁰.

В 1933 г. Василий Пономарев был арестован и осужден на пять лет лагерей по сфальсифицированному обвинению за «участие в контрреволюционной организации» и «контрреволюционную агитацию и пропаганду»⁴¹. После лагеря он вернулся на работу в Новгородский музей и продолжил заниматься археологией. Однако его научная карьера так и не сложилась: случай, довольно типичный для людей, имевших за плечами лагерное прошлое.

В августе 1941 г. в Новгород вошли войска вермахта. Пономарев остался в оккупированном городе. Почему он не уехал в эвакуацию вместе с другими сотрудниками Новгородского музея? На этот вопрос до сих пор нет однозначного ответа. Со временем, однако, станет понятно, *ради чего* он остался. Пономарев был назначен бургомистром Новгорода, пробыл на этой должности, правда, совсем недолго и вновь занялся тем, что знал и умел — сохранением и спасением оставшихся музейных коллекций. Ценности, которые не успели эвакуировать в советский тыл, теперь готовили к вывозу в Германию. Оккупационные власти привлекли

³⁹ Пономарев В. С. Судьбы монументальных памятников Великого Новгорода... С. 230–231.

⁴⁰ Гайдуков П. Г. 1932 год — начало планомерного археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения / под ред. В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова. Новгород, 1994. С. 44–45, 51.

⁴¹ Справка о реабилитации В. С. Пономарева, 10 октября 2009 г. // Личный архив А. В. Передольской.

Пономарева в качестве эксперта для описания и учета вывозимых предметов. В основном это были русские иконы. Каждый предмет получил свой инвентарный номер и был включен Пономаревым в специальный список. Такую же работу Пономарев проделал затем в Пскове. Он использовал для маркировки икон два шифра — немецкий и русский. Система двойной маркировки не имела значения для вывоза икон, но потом способствовала их возвращению в Советский Союз⁴². Вместе с ценностями из Новгорода и Пскова Пономарев переехал в Ригу, а при отступлении вермахта — в Германию. В 1945 г. иконы из Новгорода и Пскова были обнаружены американскими солдатами в замке Колмберг, а затем возвращены в СССР — по «спискам Пономарева»⁴³.

В 1930-е годы антирелигиозные музеи возникали повсеместно, не обошел стороной этот процесс и Псков. После изъятия икон из церквей в 1922 г. наиболее ценные из них пополнили экспозицию городского музея в Поганкиных палатах, позднее, в соответствии с новыми веяниями времени, эти иконы стали экспонатами антирелигиозного отдела музея. Эффект получился неожиданным для организаторов антицерковной кампании: вслед за своими чтимыми иконами в музей потянулись верующие люди, превратив его таким образом в одно из культовых мест города. Нелепость ситуации комментировала газета «Псковский колхозник»: «Здесь не ведется абсолютно никакой антирелигиозной работы. Сюда приходят старушки-богомолки, поклоняются, целуют кресты, мощи и всякие другие подобные вещи»⁴⁴.

После критики псковские власти в 1936 г. приняли решение создать специальный антирелигиозный музей и разместить его в главном храме города — Троицком соборе. На организацию музея ушло еще несколько лет, он открылся только в 1939 году. По примеру антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе Ленинграда в куполе Троицкого собора был установлен маятник Фуко — как символ «силы науки и бессилия религии»⁴⁵. Маятник

⁴² Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 14: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник [Электронный ресурс]. URL: <http://lostart.ru/catalog/ru/tom14/> (дата обращения: 30.10.2017).

⁴³ После войны Пономарев жил в Марбурге, занимался научными исследованиями. В СССР он не вернулся, но и германского гражданства не принял. Василий Пономарев умер в Марбурге в 1978 г., а спустя десять лет, в 1989 г. Ленинградская прокуратура вынесла решение о его реабилитации по делу 1933 г. В 2007 г. прах Пономарева был перезахоронен в Новгороде.

⁴⁴ Филимонов А. В. Антирелигиозный музей в Пскове // Псков. 2005. № 23. С. 137.

⁴⁵ Филимонов А. В. Антирелигиозный музей в Пскове... С. 139–140.

Фуко едва не появился и в Софийском соборе Новгорода, но Софию удалось отстоять: убедили аргументы, что подобная конструкция неизбежно повредит роспись купола храма с ликом Спаса Вседержителя в центре.

Однако позиция специалистов-музейщиков, искусствоведов, историков не всегда находила понимание и поддержку во властных структурах. Это касалось, например, судьбы исторических зданий, на которые претендовали различные ведомства. Музейщики предлагали объявить Новгород и Псков «заповедными городами» (городами-музеями), этот проект обсуждался в Наркомпросе РСФСР. В марте 1930 г. авторитетная комиссия обследовала все памятники Новгорода, после чего они были разделены на три категории. 23 памятника церковной и гражданской архитектуры были отнесены к высшей категории: это означало, что они находились под охраной государства и не подлежали утилизации. Еще 45 зданий и сооружений оставались под охраной, но разрешалось их немuseumное использование «при условии сохранения характерных частей», т. е. без нарушения исторического облика памятника⁴⁶. Другие здания были сняты с государственной охраны. Однако, как свидетельствует В. С. Пономарев, благодаря усилиям ученых и музейных работников ни один из первоклассных памятников Новгорода не был потерян⁴⁷. В 1932 г. Музейный отдел Главнауки, наконец, утвердил проект превращения Новгорода и Пскова в показательные города-музеи, однако до войны этот проект так и не был реализован⁴⁸.

Под угрозой утилизации оказались не только архитектурные памятники, но и колокола, которые рассматривались как «сырьевой» ресурс и отправлялись на переплавку. Поэтому наиболее ценные в художественном отношении колокола Губернский комитет по делам музеев стремился взять под свою охрану. Таким образом в Новгороде удалось спасти, например, все 18 колоколов Софийской звонницы (XVI–XVII вв.). В то же время 30 колоколов Юрьева монастыря, отличавшиеся «исключительным подбором и звоном», были сняты и сданы в переплавку⁴⁹.

Несмотря на антирелигиозную кампанию, в 1930-е годы специалисты продолжали исследования храмовых памятников Новгоро-

⁴⁶ *Коровайников В. Ю.* Документы Центрального архива города Москвы о реставрации памятников архитектуры Новгорода... С. 234.

⁴⁷ *Пономарев В. С.* Судьбы монументальных памятников Великого Новгорода... С. 233.

⁴⁸ *Маркина Г. К.* Летопись музейного дела в Новгородском крае... С. 63.

⁴⁹ *Коровайников В. Ю.* Документы Центрального архива города Москвы о реставрации памятников архитектуры Новгорода... С. 232.

да и Пскова. В 1930 г. возобновились прерванные работы по раскрытию монументальных стенописей новгородских церквей. Реставрация проводилась под руководством сотрудников Центральных реставрационных мастерских, после их закрытия в 1934 г. работу продолжили реставраторы Третьяковской галереи во главе с профессором Ю. А. Олсуфьевым. Вместе со своими коллегами Олсуфьев работал не только в Новгороде, но и в Пскове. Большинство псковских икон, особенно уникальных, вывезенных за время экспедиций для «раскрытия» в Москву и Ленинград, позднее оказались в собраниях Третьяковской галереи и Русского музея. В самом Пскове осталось всего несколько из реставрированных в 1920–1930-е годы памятников древнерусской живописи. Другие иконы находились в запасниках Псковского музея и ждали своей очереди на реставрацию, но эти работы были прерваны начавшейся войной⁵⁰. После разрушений и потерь, которые понесли Новгород и Псков в годы войны, трудно оценить истинные масштабы реставрационных работ, проведенных в 1920-е и 1930-е годы. Однако специалисты практически единодушны во мнении: «если бы не усилия реставраторов и исследователей древнерусской живописи, предпринятые до 1941 г., число бесценных образцов этого искусства, дошедших до наших дней, было бы намного меньше»⁵¹.

Достижения в области реставрации и исследования древнерусской живописи в 1930-е годы представляются тем более значительными, что они проходили в атмосфере жесткого идеологического прессинга. Древнерусская живопись презентировалась советской пропагандой как «религиозная», а значит — «вредная». Демонстрация образцов русской иконописи в музеях не соответствовала новой концепции музейной политики, ориентированной на интересы политического просвещения и задачи «социалистического строительства». Новый взгляд на музейную экспозицию требовал показывать вещь «не как она есть, <...> а с точки зрения коммунизма»⁵². Поэтому в местных музеях иконы в лучшем случае становились экспонатами антирелигиозных разделов.

«Занятие древнерусским искусством становилось делом одиозным», — комментировал сложившуюся ситуацию В. С. Пономарев.

⁵⁰ Бобров Ю. Г. Открытие Псковской иконописи // Псковские новости [Электронный ресурс]. URL: <http://news.pskovonline.ru/cultura/Otkrytie-Pskovskoi-ikonopisi> (дата обращения: 29.10.2017).

⁵¹ Кызласова И. Л. Из творческого наследия Ю. А. Олсуфьева: к публикации рукописи по обследованию средневековых росписей в 1931 г. // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2012. Вып. 10. С. 122–141.

⁵² Кузина Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть: сборник научных трудов / НИИ культуры. М., 1991. С. 136–137.

Вместе с тем, по его мнению, политическая дискредитация древнерусского искусства неожиданным образом стимулировала исследования в другой области — археологии, куда произошел отток научных сил⁵³. Уже первый сезон работ Новгородской археологической экспедиции Академии наук (1932 г.) показал огромный научный потенциал раскопок в Новгороде и уникальность новгородских условий для изучения истории средневековой Руси⁵⁴.

«Раскопки 1932 г. в Новгороде доказали окончательно, что Новгород может и должен стать местом больших стационарных раскопок, подобно античным городам юга России. <...> Древний деревянный Новгород лежит под землей и ожидает раскопок. Дома, мастерские, лавки, дворы, улицы вечевоего города — все это из области сказочной романтики перейдет в область науки», — писал в отчете об итогах экспедиции ее руководитель А. В. Арциховский⁵⁵.

Арциховский поддержал проект превращения Новгорода в город-музей, предложив создать на месте раскопок несколько музейных кварталов. Однако эта инициатива, как и в целом проект музеефикации Новгорода, тогда не дошел до стадии практического воплощения. Археологические раскопки в Новгороде продолжались вплоть до начала войны, они проводились как силами специалистов из Москвы и Ленинграда, так и новгородскими археологами.

В конце 1930-х годов происходит очередной поворот в государственной культурной политике: в преддверии войны советская пропаганда делает ставку на патриотизм и историческую традицию. В рамках новой идеологической парадигмы растет спрос на изучение не только относительно недавнего прошлого, но и древней истории страны. Это сказалось, в том числе, на «реабилитации» древнерусской живописи и выделении значительных ассигнований для проведения реставрационных работ в Новгороде и Пскове⁵⁶.

Постреволюционное двадцатилетие — один из самых драматичных периодов в истории музеев Новгорода и Пскова. Культурному ландшафту древних русских городов был нанесен су-

⁵³ Пономарев В. С. Судьбы монументальных памятников Великого Новгорода... С. 238.

⁵⁴ Об истории Новгородской археологической экспедиции 1932 г. см.: Гайдуков П. Г. 1932 год — начало планомерного археологического изучения Новгорода... С. 35–53.

⁵⁵ Там же. С. 43.

⁵⁶ Пономарев В. С. Судьбы монументальных памятников Великого Новгорода... С. 238.

щественный урон, но благодаря развитию музейного дела, усилиям реставраторов и музейщиков основные ценности удалось тогда сохранить. Музеи Новгорода и Пскова пережили революционную смуту и гражданскую войну, стихийные грабежи и государственную торговлю культурными ценностями, борьбу с религией и «наследием прошлого». Перед войной архитектурные памятники и музейные собрания Новгорода и Пскова представляли собой историко-художественные комплексы, уникальные по своему архитектурному облику и составу музейных коллекций.

Б. ЭННКЕР

Тюбингенский университет (Германия)

**АУРА ВОЖДЯ И ПУЧИНЫ ПОЛИТИКИ МАСС.
РОЛЬ ЛЕНИНА В РОССИЙСКОМ
РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ 1917 Г.:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД**

В статье рассматривается формирование ленинской ауры вождя в ходе революционного процесса весны — лета 1917 г. Основную роль автор отводит здесь так называемой политике масс, которая уже в июле 1917 г. привела Россию на грань гражданской войны. Кроме того, анализируются причины слабости либеральных и социалистических оппонентов большевиков. Главную причину автор видит здесь в том, что либералам и социалистам так и не удалось добиться принятия «конституции свободы», в то время как прямая демократия с ее культом Советов привела к поражению представительной демократии и разрушению слабых демократических институтов.

Ключевые слова: Ленин, вождь, революция, массы, Советы, демократия, гражданская война.

Русская революция была гораздо большим, чем события октября 1917 г. В первую очередь революция представляла собой процесс, в ходе которого, начиная с февраля 1917 г., на сцену русской истории явились массы, став решающим политическим фактором. Этот процесс ковался прежде всего на улицах, фабриках и в казармах Петрограда. Причем массы ни в коем случае не выступали как движение (как им внушали политики из социалистического лагеря), не говоря уже о «революционном движении». Для этого у них после свержения царизма отсутствовал консенсус в том, что касалось позитивных целей революции. Многие из ведущих политиков как во Временном правительстве, так и в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов в течение 1917 г. не раз с разочарованием и даже отвращением отворачивались от «хаоса» масс. Какую же роль в отношении масс Петрограда сыграл Владимир Ленин, как в этом революционном процессе он приобрел свою ауру вождя и куда вел массы? Данная статья посвящена поиску ответов на эти вопросы на основе исследования текстов русской революции под ракурсом нового «прочтения» — с акцентом на практику ленинской политики перио-

да «апрельских тезисов», начиная с весны и заканчивая началом лета 1917 г.

«Дальнозоркий» вождь революции?

Ленин оказался наилучшим образом подготовлен к ситуации краха Российской империи в результате войны, поскольку он и его большевистская партия не были скомпрометированы сотрудничеством с царским правительством в духе «гражданского мира», заключенного на период военных действий. Ленин с самого начала связывал с «империалистической войной» наилучшие шансы для революции и сразу же начал пропагандировать лозунг превращения «войны империалистической в войну гражданскую» и выступать за поражение собственного правительства¹. Однако ленинские призывы вызвали острую критику не только со стороны рабочих, но и со стороны других большевистских лидеров². С октября — ноября 1914 г. он все активнее пропагандировал данный лозунг, в том числе без соответствующего решения своей партии, при этом прекрасно осознавая, что у данного лозунга тем больше шансов воплотиться в жизнь, чем больше жертв потребует война³. Эта стратегическая опция, необходимая для развязывания гражданской войны, должна стать решающей в оценке роли Ленина в русской революции 1917 года⁴.

И все же вначале Ленин был ошеломлен февральским переворотом в Петрограде даже больше, чем союзники царизма по Антанте — Великобритания и Франция, которые к тому времени уже не один месяц выражали свою озабоченность стабильностью Российской империи. На «здоровье» империи негативно влияли не только новые поражения на фронтах мировой войны. К ним добавились провалы в инфраструктуре, особенно перебои в функционировании железнодорожного транспорта на огромных территориях страны и все увеличивавшиеся трудности со снабжени-

¹ *Emnker B.* Lenin, Vladimir Il'ich // 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War / ed. by U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer and B. Nasson. Berlin. 2014–10–08. URL: http://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/lenin_vladimir_lich.

² *Service R.* Lenin. A Political Life. Basingstoke, 1991. Vol. 2: Worlds in Collision. P. 126.

³ *Ленин В.И.* Положение и задачи социалистического Интернационала (1.11.1914) // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 36–42; *Он же.* Война и российская социал-демократия (1.11.1914) // Там же. С. 13–23.

⁴ *Getzler I.* Lenin's Conception of Revolution as Civil War // *Regime and Society in Twentieth Century Russia* / ed. von Thatcher I.D. Basingstoke, London, 1999. P. 107–117.

ем населения, а также нараставшие протесты и забастовки рабочих. В 1916 г. под воздействием войны на колониальных окраинах империи вспыхнули очаги давно тлевших этнических конфликтов. Эти отдельные вспышки превратились в настоящее пожарище смуты, охватившее огромные территории, начиная с Кавказа и заканчивая Средней Азией, где сопротивление имперскому центру было связано с религиозными мотивами. Империя в свою очередь дала жесткий ответ и разгромила этнический протест, применив насильственные методы⁵.

В ленинской публицистике того времени мы обнаружим не так уж много следов этих противоречий, зато в ней много места отведено полемике, направленной против «социал-пацифистов», «социал-империалистов» и тому подобных «лакеев буржуазии» и империализма. Эта неосведомленность Ленина в отношении взрывоопасной ситуации, сложившейся в Российской империи, находит свое документальное подтверждение в докладе, с которым Ленин выступил в Цюрихе в январе 1917 г. Как известно, он с крайним пессимизмом заявил тогда, что ему, наверное, не суждено дожить «до решающих битв этой новой революции»⁶. Спустя несколько недель Февральская революция — без Ленина — привела к крушению царской России. То, что «дальнозоркий вождь мировой революции» не смог предвидеть такого развития событий, объяснялось не только расстоянием, которое отделяло Цюрих от Петрограда. Гораздо важнее было то, что партия большевиков, ответственность за которую нес ее вождь, находилась к этому времени в плачевном состоянии в результате политики раскола и создания фракций. Связи партии с рабочим классом были сведены к минимуму, а численность членов сократилась до 24 тыс. человек. В течение ряда предыдущих лет вождь большевиков дистанцировался от всех соратников по борьбе, которые могли бы составить ему конкуренцию на интеллектуальном уровне. Речь идет о Г. В. Плеханове, Ю. О. Мартове, Л. Д. Троцком, Л. Б. Красине, А. А. Богданове и других⁷. Вокруг Ленина остались только эпигоны в лице Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, И. В. Сталина, Г. К. Орджоникидзе и В. М. Молотова, из которых, пожалуй, только Каменева можно охарактеризовать как независимо мыслящего полити-

⁵ Leonhard J. Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkrieges. München, 2014. S. 545.

⁶ Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 306–328.

⁷ Carrère d'Encausse H. Lenin. München u. a., 1998. S. 189; Service R. Lenin. Eine Biographie. München, 2000. S. 311, 332.

ка. Таким образом, интеллектуальная элита большевиков к 1917 г. была серьезно прорежена.

Актуальность гражданской войны

В.И. Ленин, если рассматривать его в первую очередь как теоретика и практического вождя партии, руководствовался в своих оценках столь нежданной Февральской революции прежде всего «классовым инстинктом», с помощью которого после исчезновения ненавистного царя он также определял своих новых врагов. Так, февральский переворот он напрямую выводил из «заговора англо-французских империалистов» и, соответственно, сговора их посольств в Петрограде с частью генералитета и либеральных политиков, целью которых было помешать заключению сепаратного мира с немцами и гарантировать дальнейшее участие России в мировой войне⁸. В настоящее время многие публицисты в России используют похожие теории заговора, чтобы свести Февральскую революцию к проискам «геополитических врагов» империи⁹. При этом Ленин нарисовал картину заговора, целью которого было ни больше ни меньше, как «замена монархии легитимной <...> монархией бонапартистской, плебисцитарной...»¹⁰. Смысл конструирования этого сценария раскрывается в следующем предложении: помешать его осуществлению может только «вооружение пролетариата». Каким бы плохим не было положение Ленина с точки зрения владения им информацией, гражданская война сразу же заняла заметное место в его планах. Парадоксальным образом запутанная оценка ситуации в России соседствовала рука об руку с прозорливыми ленинскими требованиями, ставшими ключевыми в его стратегии переворота: власть — Советам, мир с Германией, «переход ко второму этапу революции».

После того как враг был выявлен и обозначен с тем или иным обоснованием, Ленин поспешил заняться тактическими задачами. Здесь ему пришлось на помощь чутье в определении слабых мест противника, развитое десятилетиями политической борьбы. Ленин быстро убедился в том, насколько узким был базис Временного правительства в отношении легитимности и социаль-

⁸ Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 1 // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 11–22.

⁹ Среди множества публикаций см.: Стариков Н. 1917. Разгадка «русской» революции. СПб, 2016. 415 с.

¹⁰ Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 1...

ной репрезентации. В первую очередь он рассмотрел, насколько правительство — практически безнадежно — оказалось в запад-не между главным мотивом Февраля — требованием мира, с одной стороны, и необходимостью закончить мировую войну в лагере победителей вместе с союзниками — с другой.

Слабости «революционной демократии»

С какой же политической ситуацией, с какими течениями и веяниями столкнулся Ленин, вернувшись в Петроград в апреле 1917 года? Симптомы массового насилия, незаконного отчуждения помещичьих земель и самосудов свидетельствовали о самораспаде государственных структур, что, в свою очередь, вызвало у части населения потерю ориентации и утрату сдерживающих факторов. Мировая война в течение всего лишь нескольких лет привела Россию в гораздо большей степени, чем другие страны-участницы, к экономическому и цивилизационному краху¹¹. Однако была в этом и позитивная сторона: гражданское общество получило после Февраля шансы долговременного устойчивого развития независимых структур и формирования целых «агломераций интересов»¹². Поскольку гражданскому обществу было предоставлено — благодаря декларации Временного правительства об основных свободах граждан — все необходимое пространство, то уже на первых порах, по меньшей мере в больших городах, появилась возможность создать все общественные организации, которые являются неотъемлемой предпосылкой демократического развития.

При этом Советы, которые вскоре стали воплощением доминирующего организационного принципа (от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов до гарнизонных и фабричных Советов) и главной формой репрезентации всевозможных профессионально-сословных представительств, превратились с их изменчивым процессом принятия решений в символ «перманентной революции»¹³. В этой ситуации не оставалось места для создания других институтов власти как общественного, так и политического свойства. Князь Г. Е. Львов, первый министр-председатель Временного правительства, объяснял в апреле 1917 г. бри-

¹¹ *Beyrau D.* Petrograd 25. Oktober. Die russische Revolution und der Kommunismus. München, 2001. S. 33.

¹² *Altrichter H.* Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn u. a., 1997. 605 s.

¹³ *Ibid.* S. 279–291.

танскому послу Дж. Бьюкенену, что Временное правительство является «властью без силы», в то время как Советы — это «сила без власти»¹⁴. На самом деле обе стороны могли в равной мере обменяться между собой атрибутами власти и бессилия.

Ленин: аура вождя масс и престиж вождя партии

Каким образом вождю большевиков всего за несколько недель апреля 1917 г. удалось выйти победителем в противостоянии с большинством в руководстве своей партии и превратить «Апрельские тезисы» в стратегию большевиков?

Ленин тотчас же распознал опасность, грозившую стратегическому преимуществу большевиков, а именно возможности вступить в российский революционный процесс, не скомпрометирав себя соучастием в «делании политики», доминировавшей на тот момент. Вожди, возглавившие большевиков в Петрограде в отсутствие Ленина — Л.Б. Каменев и И.В. Сталин, склонялись к тому, чтобы на определенных условиях оказать помощь Временному правительству¹⁵. Несмотря на ленинскую оппозицию в отношении этого «умеренного большевизма»¹⁶, партия приняла соответствующие решения, которые были опубликованы в «Правде»¹⁷. После своего возвращения в Петроград и выхода в свет «Апрельских тезисов» Ленин в течение нескольких недель по-прежнему оставался якобы в безнадежном меньшинстве. Каким же образом в конечном итоге он приобрел ауру вождя, которая стала определяющей для его дальнейшей политической деятельности?

После своего возвращения Ленин с его пропагандой классовой борьбы превратился в символ радикальной оппозиции Временному правительству. Поскольку Ильич все снова и снова подчеркивал свою принципиальную непримиримость, он смог убедить

¹⁴ *Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. London u. a., 1923. P. 127* (см. на рус.: *Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Б.м., 1924. 312 с. и другие издания*).

¹⁵ *Service R. Stalin. A Biography. Cambridge Mass, 2005. P. 120–124.*

¹⁶ *Ульрих Ю. Лев Каменев — умеренный большевик. Судьба профессионального революционера. М., 2013. 304 с.*

¹⁷ Эта история подробно описана А.Г. Шляпниковым. — См.: *Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Кн. 3. С. 211–249* (репринт, первое издание: М., 1925). См. также: *Ситт Е.Н. The Bolshevik Revolution 1917–1923. London; Basingstoke, 1978. Bd. 1. P. 74–77. Об оппозиции Ленина «умеренным» большевикам см.: Ленин В.И. Письма из далека // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 9–59.*

всех в том, что действительно не имеет ничего общего с официальной политикой партии. Эта роль аутсайдера принесла ему дивиденды в апреле — мае 1917 г. Свой значительный вклад в рост популярности Ленина внесли его буржуазные оппоненты. Позиция Ленина вызвала множество враждебных комментариев, которые звучали не только из лагеря буржуазии, но и из рядов его противников из числа социалистов. Они поносили речи Ленина как «лихорадочный бред», а его самого — как «воскресшего вождя анархистов Бакунина» (Г. В. Плеханов). Ленина обвиняли в том, что он представляет собой «жупел для буржуазии» и является для обывателей воплощенным «Антихристом» (В. М. Чернов). Разговоры об этой демонизации внесли свой вклад в создание ленинской ауры, где его мания и необузданность выглядели лишь привлекательней. Овеянная тайной ленинская поездка через всю Германию довершила дело поляризации общественного мнения между патриотами, которые подозревали здесь предательство и выступали против Ленина, и теми, кто устал от войны и воспринимал ленинское путешествие в Россию как смелое и многообещающее предприятие, в конечном итоге увенчавшееся успехом.

Даже левые деятели социалистического движения, такие как видный член исполкома Петроградского Совета Н. Н. Суханов, сознательно дистанцировавшиеся от большевизма и критически наблюдавшие за деятельностью большевиков, несомненно, также поддались этим почти мистическим чарам: «Нам, неотрывно занятым, совершенно поглощенным будничной черной работой революции, текущими нуждами, насущными сейчас, но незаметными в истории делами, — нам вдруг к самым глазам, заслоняя от нас все, чем мы „были живы“, поднесли яркий, ослепляющий, экзотического вида светильник... Голос Ленина, раздавшийся прямо из вагона, был голос извне»¹⁸.

Это восприятие Ленина удивительным образом корреспондируется с восприятием бывшего солдата царской армии Тарасова, хотя последний принадлежал совсем к другому миру, чем Суханов. Слова Тарасова процитировал Зиновьев на торжественном заседании Второго Съезда Советов СССР в память Ленина: «Солдаты царской армии, кто из вас был в окопах, вспомните, чем был для вас окружающий мир! Вы устремлялись с мольбами к небу, а в ответ вам сыпались снаряды <...> Но вот среди лесов и полей <...> между трупов и стонов раненых пронеслось: Ленин. Из-за гра-

¹⁸ Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2, кн. 3–4. С. 7.

ницы пришел Ленин. <...> Его клич был кличем вождя <...> Ленину нельзя было не верить. Такому мы верили»¹⁹.

Это была все та же самая констатация — явление «из-за границы», — которая звучала в адрес Ленина из буржуазного лагеря, когда его обвиняли в подозрительном сотрудничестве с немецким генштабом в деле организации его поездки через Германию. Это обвинительное «из-за границы» проблескивает даже у критиков «Апрельских тезисов» из числа большевиков, таких как Л. Б. Каменев и И. В. Сталин, задававших до этого тон в Русском бюро ЦК РСДРП(б). Их первая реакция на «Апрельские тезисы» сводилась к таким оценкам, как «схема без фактов» (Сталин) или «нехватка конкретности» (Каменев)²⁰. Многократно ленинские соратники давали ему понять — наполовину с упреком, наполовину с извинением, что он, только что вернувшись из эмиграции, еще недостаточно разобрался с конкретной ситуацией в России.

Кто стремится заниматься массовой политикой, тот должен апеллировать к массам, чувствовать себя уверенно внутри массового движения и не быть привязанным к формальным институтам²¹. Для самых радикальных элементов революционного движения эта обособленная, почти эксцентричная позиция Ленина представляла собой мощный магнит, формировавший его ауру вождя. В «Апрельских тезисах» это притяжение лишь получило свою политическую формулировку.

В это время Ленин, очевидно, не впечатленный своей «изолированностью» в партийном руководстве, открыл настоящий ураганный огонь в виде своих почти ежедневных статей, призывов и полемических заметок в «Правде», с помощью которых он пытался повлиять на публику. Только в эти недели Ленин выступал на массовых собраниях Петрограда, исход которых не был заранее предreshен большевиками²². В мае 1917 г. вышел в свет его биографический очерк, написанный в популярной манере Н. К. Крупской. Ленин сам редактировал этот очерк и добавил в него формулу, которую он считал важнейшей для его восприя-

¹⁹ См.: Речь Зиновьева // Правда. 1924. 30 января. С. 5.

²⁰ Tucker R. Stalin as Revolutionary 1879–1929. A Study in History and Personality. N. Y., 1973. P. 167.

²¹ О теоретическом концепте «вождь и массы» см.: Эннкер Б. Введение: культ и власть — основные понятия и задачи исследования // Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011. С. 9–38. К вопросу о терминах «политика масс» и «массовая политика» см. также: Патрушев С. В, Филиппова Л. Е. Массовая политика в России: К проблеме изучения и концептуализации // Политическая наука. 2014. № 4. С. 9–29.

²² Логинов В. Неизвестный Ленин. М., 2010. С. 128–133.

тия массами: Ленин является «олицетворением <...> перехода власти к рабочим»²³.

Массовое движение, которое усиливалось в Петрограде с апреля 1917 г. и вылилось в поляризацию общества, стало предпосылкой для формирования ленинской ауры вождя. По-видимому, он в принципе мог восстановить свой престиж вождя партии только на основе своего успеха в качестве вождя масс. Поэтому утверждение историка Александра Елисеева, который писал, что Ленин победил во «внутрипартийной схватке», осуществив «идеологический блицкриг», который в свою очередь заложил основы его культа вождя, следует считать сильно преувеличенным²⁴. О каком-либо «культе» на тот момент не могло быть и речи²⁵. Большевицкая партия последовала за Лениным не столько по идеологическому убеждению, сколько в результате оппортунизма масс. Поначалу «Апрельские тезисы» столкнулись с сильным сопротивлением ближайших «наместников» Ленина в руководстве партии, в первую очередь Каменева и Сталина. В ходе голосования по вопросу о тезисах в Петербургском комитете РСДРП(б), состоявшегося 8 апреля 1917 г., спустя несколько дней после приезда Ленина, он потерпел унижительное поражение²⁶. Однако спустя неделю позиция Ленина получила большинство на Петроградской общегородской конференции РСДРП(б)²⁷. Чем ниже в большевицкой иерархии располагался круг голосовавших, тем больше шансов на поддержку было у Ленина. Его популистский массовый успех был в свою очередь источником его престижа в качестве партийного вождя. При этом его внутрипартийный авторитет также определялся традицией большевизма, поскольку Ленин в свое время обосновал создание большевицкой партии как самостоятельной фракции и фактически все время олицетворял большевизм в качестве вождя. Без Ленина было невозможно представить партию. Это признавали даже его внутрипартийные критики, такие как Л. Б. Каменев: «Мы можем разделять или не разделять взгляды Ленина. <...> Но в любом случае в лице Ленина в Россию вернул-

²³ Крупская Н. К. Страничка из истории партии // Солдатская правда (Петроград). 1917. 13 (26) мая. № 21.

²⁴ Елисеев А. Внутрипартийная схватка // Историк. М., 2017. № 4 (28). С. 16–21.

²⁵ Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе...

²⁶ Carr E. H. The Bolshevik Revolution, 1917–1923... P. 81.

²⁷ Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков), 14–22 апреля (27 апреля — 5 мая) 1917 г. // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). М., 1958. С. 7–60.

ся признанный вождь нашей партии, и мы должны вместе с ним двигаться вперед к социализму»²⁸.

И все же впрямь авторитет Ленина в качестве вождя большевиков в значительной мере зависел от успеха его ауры вождя масс. Именно на эту ауру он смог опереться и одержать победу во «внутрипартийной схватке», причем партия пошла тогда за массой, вопреки собственному концепту Ленина о партии как об авангарде масс. Наиболее ярко это проявилось в Апрельском кризисе и на во время Апрельской конференции РСДРП(б).

Апрельский кризис под знаменем гражданской войны

«Апрельские тезисы», опубликованные Лениным 7 апреля 1917 г. в «Правде»²⁹, являлись камуфляжем его стратегии насилия. Он с возмущением отмел упрек меньшевика И. П. Гольденберга, которого процитировал в своей газете Г. В. Плеханов, а именно: «Лениным водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии». Ленин в ответ утверждал, что он выступает только за власть Советов: «о ней (гражданской войне. — Б. Э.) нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!»³⁰. Однако спустя всего три дня, 10 апреля 1917 г., Ленин написал подробный комментарий к своим тезисам, в котором откровенно охарактеризовал русскую революцию как «начало превращения империалистической войны в войну гражданскую»³¹. Вначале этот текст оставался неопубликованным. До поры до времени, в апреле 1917 г., большевики не хотели, чтобы их партия ассоциировалась с призывом к гражданской войне, и даже ЦК РСДРП(б) принял в апреле 1917 г. решение, согласно которому все организации партии должны были разоблачать эту «подлую ложь»³². Таким образом, этот ленинский текст первоначально не был опубликован, однако распространялся среди членов партии до и во время так

²⁸ Цит. по: *Shub D. Lenin. Eine Biographie. Wiesbaden, 1962. S. 220.*

²⁹ *Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 113–118.*

³⁰ Там же. С. 113–118.

³¹ *Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии) (апрель 1917) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 149–186 (опубликовано в сентябре 1917 г.).*

³² Так это было описано Лениным в 1921 г. — См: *Ленин В.И. III Конгресс Коммунистического интернационала (речи на совещании членов немецкой, польской, чехословацкой, венгерской и итальянской делегаций) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 57–61.*

называемой Апрельской конференции партии большевиков, как писал позднее Ленин³³.

В течение нескольких коротких недель радикальные приверженцы Ленина продемонстрировали, насколько прав был Гольденберг: 19 апреля последовала так называемая нота Милюкова, автором которой являлся министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков. Нота гласила, что Россия выполнит свои союзнические обязательства и сделает все от нее зависящее для завоевания победы. Нота Милюкова вызвала первую крупную «вооруженную демонстрацию», в которой приняли участие десятки тысяч рабочих и солдат. Лев Троцкий писал позднее: «Вынесенный на улицу вооруженными солдатами и матросами лозунг „Долой Временное правительство“ неминуемо вносил в демонстрацию струю вооруженного восстания»³⁴. Последовавшие вслед за этим очередные демонстрации и «буржуазные» контрдемонстрации, сопровождавшиеся кровавыми столкновениями, стрельбой с убитыми и ранеными, которые являлись прямой угрозой вооруженного вмешательства в политику, только подтвердили собой адекватность ленинской стратегии поляризации общества. Дело довершил ультиматум со стороны исполкома Петроградского Совета, призванный продемонстрировать большевикам опасность их положения и подвигнуть к преждевременной пробе сил, которая могла означать их гибель.

Ленин в этой ситуации был вынужден на время ограничить радикальные настроения, носителями которых являлись его сторонники в Петербургском комитете РСДРП(б). «*В такой момент* (курсив оригинала. — Б.Э.) наивна, бессмысленна, дика всякая мысль о гражданской войне», — так Ленин словами резолюции ЦК РСДРП(б) опровергал обвинения в разжигании гражданского противостояния³⁵. На следующий день в очередной резолюции ЦК он даже дезавуировал лозунг «Долой Временное правительство», поскольку тот больше якобы не являлся лозунгом «большинства народа»³⁶. К этой резолюции Ленин был вынужден добавить статью

³³ Только в сентябре 1917 г. вождь счел возможным опубликовать эти комментарии, поскольку «кризис назрел» (Ленин), и он приступил к пропаганде вооруженного восстания. См.: Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции (послесловие) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 184–186.

³⁴ Троцкий Л.Д. История русской революции. М., 1997. Т. 1: Февральская революция. Глава 17: Апрельские дни.

³⁵ Ленин В.И. Резолюция Центрального Комитета РСДРП(б), принятая 21 апреля (4 мая) 1917 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 309–311.

³⁶ Ленин В.И. Резолюция Центрального Комитета РСДРП(б), принятая утром 22 апреля (5 мая) 1917 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 319–320.

в «Правде», под которой стояла его личная подпись. Статья содержала все тот же вердикт, а «криминальный» лозунг свержения правительства на этот раз приписывался «одиначкам, склонным торопиться»³⁷.

Спустя несколько дней, на Апрельской всероссийской конференции РСДРП(б), Ленин уже ничего не желал слышать о последствиях своей политики. После того как в его адрес со стороны Л. Б. Каменева прозвучали обвинения в авантюризме, вождь большевиков умыл руки и дистанцировался от всей Петербургской организации РСДРП(б) со следующими словами: «<...> мы дали лозунг мирных демонстраций <...> а ПК взял чуточку левее, что в данном случае есть, конечно, чрезвычайное преступление. Организационный аппарат оказался не крепок: не все проводят наши постановления. Вместе с правильным лозунгом „да здравствуют Советы Р. и С. Д.“ был дан неправильный: „долой Временное правительство“. В момент действия брать „чуточку полевее“ было неуместно. Мы рассматриваем это как величайшее преступление, как дезорганизацию <...> Произошло это из-за несовершенства организационного аппарата»³⁸. На самом деле именно ленинская политика масс впервые разверзла пропасть гражданской войны, в которую он был готов столкнуть Россию. Ведь никто иной как он сам уже 9 апреля 1917 г., спустя несколько дней после публикации «Апрельских тезисов», вышел за их рамки и выступил с явным призывом к свержению Временного правительства³⁹.

Короткое время между апрельскими демонстрациями и началом Апрельской конференции большевиков Ленин использовал для того, чтобы всей своей публицистикой дать иное толкование кризису, а именно, представить его как большую победу движения масс и тем самым победу своей стратегии развязывания конфронтации. Таким образом Ленину удалось добиться главенства

³⁷ Ленин В.И. Уроки кризиса // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 324–327. Фактически Ленин и Петербургский партийный комитет возложили тогда ответственность за происходящее на одного из ведущих деятелей большевиков, С. Я. Багдатьева, которого Ленин сам же спровоцировал своим радикальным курсом на конфронтацию. Багдатьев действительно преждевременно подготовил соответствующее воззвание от имени Петербургского комитета РСДРП(б). — См.: Заседание Исполнительной комиссии ПК РСДРП(б) 21 апреля (4 мая), приложение // Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: протоколы и материалы заседаний / под ред. Т. А. Абросимовой, Т. П. Бондаревской, Е. Т. Лейкиной, В. Ю. Черняева. СПб., 2003. С. 201–202, прим. 6.

³⁸ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)... С. 111.

³⁹ Ленин В.И. О двоевластии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 145–148. Впервые опубликовано: Правда. 1917. 9 апреля.

в партии и превратить свои «Апрельские тезисы» в основу дальнейшей стратегии.

Культ Советов и вопрос свободы

Требование «Вся власть Советам» было самым популярным политическим лозунгом, который существенно осложнял для конкурировавших социалистических партий их сотрудничество с Временным правительством. Так называемое «двоевластие» между Петроградским Советом и Временным правительством означало, прежде всего, что вопрос легитимности институтов и законов оставался в 1917 г. нерешенным. Историк Владимир Булдаков писал: «Легитимной законодательной власти не стало вообще <...> Кому же оставалось законодательство? Только массе»⁴⁰. Легитимность приобрели менявшиеся изо дня в день настроения масс, которые транслировались на самый верх, вплоть до уровня Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, где вожди социалистов толковали их в духе политики «за» или «против» Временного правительства. Культ Советов и доминирование Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов означали постоянное выхолащивание и разложение институтов государственной власти. Это стало главной причиной, по которой Ленин в своих «Апрельских тезисах» придавал лозунгу «Вся власть Советам!» стратегическое значение и даже стремился к тому, чтобы в пользу Советов вычеркнуть из партийной программы требование создания парламентской республики. Советы как форма власти и форма выражения перманентной революции внесли свой главный вклад, сделав невозможным институциональное отправление власти. После публикации декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г., поддержанной Петроградским Советом, в России были разрешены все политические свободы, однако в течение всего революционного 1917 г. так и не появилась «конституция Свободы»⁴¹.

⁴⁰ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М., 2010. С. 305.

⁴¹ В смысле «*constitutio libertatis*» как конечная цель революции. — См.: Arendt H. Über die Revolution. München, 1974. S. 188. По этому поводу см. также: König H. Die Gründung der Freiheit. Hannah Arendt und die Theorie der Revolution // Osteuropa (Revolution retour. 1917–2017: Vorwärts, und stets vergessen). 2017. № 6–8. S. 185–209. Однако следует также упомянуть в целом позитивную оценку, которую Арендт дает Советам. Она рассматривает их как новую форму государственного правления, «которая позволяет каждому члену массового общества принимать участие в публичных делах текущего времени». — См.: Arendt H. Über die

Культ Советов отвечал широким массовым настроениям: среди значительной части солдат Петроградского гарнизона было распространено представление о народовластии, где прямая демократия с явным предпочтением противопоставлялась демократии представительной⁴². Процесс коммуникации масс с государственной властью также осуществлялся преимущественно в форме резолюций и демонстраций. Сила большевиков заключалась в том, что они умели использовать эти представления в своей организационной практике, в первую очередь делая ставку на всяческие формы «митинговой демократии», используя ее в своем противостоянии с представителями других социалистических партий. Начало этому процессу положила реакция большевиков на ноту Милюкова, когда под лозунгом «узнать волю большинства населения» во всех округах Петрограда по инициативе большевистского ЦК было организовано голосование «по вопросу об отношении к ноте правительства»⁴³. Уже в мае 1917 г. большевики получили большинство голосов депутатов первой Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов, в том числе была поддержана ленинская резолюция об экономических мерах борьбы с разрухой⁴⁴.

В целом термин «демократия» испытал драматическую трансформацию в общественном дискурсе: вначале слово «демократия» было частью универсального понятия, подразумевавшего весь народ, а именно — понятия «демократическая республика». Однако вскоре термин «демократия» превратился в эксклюзивное социальное понятие, которое могло применяться только в отношении «трудящегося народа» и противостояло «буржуазии». Эта трансформация была признаком усиливавшегося доминирования «классового дискурса» в политическом языке 1917 г. Термин «демократия» стал обладать прямым «исключающим» воздействием, поскольку рабочие понимали его строго в смысле «мы — они», и в этом качестве термин использовался не только большевиками, но и представителями других социалистических партий⁴⁵. Ленин

Revolution, S. 341. Эта точка зрения базируется на обобщенном историческом опыте Европы и Америки, однако не имеет ничего общего с эмпирическими событиями русской революции 1917 г.

⁴² *Тарасов К.А.* Военная организация большевиков и борьба за власть в Петроградском гарнизоне в 1917 г. СПб, 2014. С. 119, 132, 189, 283.

⁴³ *Ленин В.И.* Резолюция Центрального Комитета РСДРП(б), принятая 21 апреля (4 мая) 1917 г. С. 309–311.

⁴⁴ *Service R. Lenin...* S. 177.

⁴⁵ *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven; London, 1999. P. 122–126.

был самым главным протагонистом такого дискурса, когда подчеркивал классовое содержание демократии⁴⁶. Этот дискурс также зримо выразился в полемике вокруг позиции Петроградского Совета как «революционной демократии» по отношению к Временному правительству «как власти», особенно когда в ходе первого кризиса Временного правительства в Петроградском Совете шли дискуссии о вступлении социалистов в правительство в качестве министров⁴⁷.

Если измерять течение революции меркой того, удалось ли ей (и если да, то в какой степени) создать «конституцию свободы» (*constitutio libertatis*) в духе Ханны Арендт⁴⁸, то «культ Советов» и доминирование требования «Вся власть Советам» стали самым большим препятствием на пути того, чтобы демократические институты и гарантированные гражданские права были заложены в качестве основы порядков свободы. Поскольку именно этот вопрос, по мнению Арендт, является решающим для любой революции в смысле достижения или утраты свободы, то главному лозунгу ленинской массовой политики было суждено оказать фатальное воздействие на результаты демократической революции в России. Поскольку ни либеральные силы, ни умеренные социалисты не задались целью последовательно и своевременно добиваться принятия «Конституции Свободы», это стало козырем в ленинских руках в игре против демократической революции. Самые тяжелые последствия такого подхода проявились в неоднократном переносе меньшевиками и либералами выборов в Учредительное собрание. В результате поляризация сил и хаос достигли такой степени, что Россия оказалась практически неуправляемой.

Таким образом, Ленин с момента появления на сцене российской революции со своими радикальными тезисами превратил большевистскую партию в центр притяжения для всех радикальных элементов среди рабочих и крестьян. Их вступление в партию привело к тому, что большевистские ячейки на местах оказались буквально наводнены людьми. В результате возникла взаимосвязь между притягательной силой, которой большевист-

⁴⁶ Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии) (апрель 1917) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 149–186. Здесь речь идет преимущественно о первом разделе ленинской статьи — «Классовый характер происшедшей революции» (см.: С. 151).

⁴⁷ Смирнова А. Петроградский совет и проблема вхождения социалистов во Временное правительство в апреле–мае 1917 г. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 2. С. 162–174.

⁴⁸ Arendt H. Über die Revolution... S. 188.

ская партия стала обладать для радикально настроенных рабочих и солдат благодаря ленинским «Апрельским тезисам», и усилением радикализации самой партии по мере вступления новых членов. Всего с начала 1917 г. до конца апреля 1917 г. партия выросла с 24 тыс. до 100 тыс. человек, а в августе 1917 г. ее численность увеличилась до 200 тыс. человек⁴⁹.

Здесь также нельзя недооценивать лозунги большевиков, которые гарантировали им доступ к массам. В отличие от лозунгов и призывов других социалистических партий, эти лозунги способствовали организации масс и тем самым приобрели собственную реальность в качестве большевистской системы символов⁵⁰. Не случайно Ленин так ожесточенно бичевал именно «фразы» других социалистов. Что отличало его самого и его партию от соперников, так это готовность претворить в жизнь лозунги, брошенные в общество. Ключом к немедленному осуществлению пропагандируемых лозунгов являлась «организация». «Организацией» была не только партия, сила которой упятерялась за счет членства наиболее радикальных элементов общества. «Организацией» были забастовочные и фабричные комитеты, «организацией» были солдатские комитеты, без «организации» немислимо было проведение демонстраций. Советы не в последнюю очередь также были «организацией», «организация» требовалась и для проведения «советских» выборов.

В деле организации большевики превосходили все другие партии, так как они не были связаны ответственностью, которую накладывают принципы, правила или институты. Моральное разложение, которое война привнесла в российское общество, породило ситуацию, когда тысячи, сотни тысяч человек, оказавшись без руля и ветрил, видели выход в ленинских лозунгах. Чем хуже была экономическая, политическая и военная ситуация, тем убедительней звучали призывы к «рабочему классу» организовываться для поддержки радикальных требований большевиков. «Организация» как объединение и «организация» как процесс, о которых Ленин говорил все снова и снова, практически приобрели в его воззваниях качество собственно теории власти. Так, например,

⁴⁹ Lorenz R. Einleitung. Die Massen in der Russischen Revolution. // Ders., zusammen mit Boetticher M. von und Pietrow B. (Hrsg.): Die Russische Revolution 1917. Der Aufstand der Arbeiter, Bauern und Soldaten. Eine Dokumentation. München, 1981. S. 19. Данные о численности партии приводятся по: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1973. Т. 3. кн. 1. С. 240.

⁵⁰ Figs O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven; London, 1999. 212 p.

он писал: «Товарищи рабочие! Приближается время <...> Для такой победы, для взятия власти рабочими и беднейшими крестьянами, для удержания ее, для умелого использования ее необходима организация, организация и организация»⁵¹.

Здесь «организация» означала не некое объединение в духе социал-демократической традиции, необходимое для того, чтобы отстаивать свои социальные интересы в конкуренции с другими социальными акторами. «Организация» означала здесь способ осуществления политических фантазий о всемогуществе наиболее радикальных социальных слоев. Чтобы символика большевистских лозунгов стала «социальной реальностью», «организация» должна была внушить массам представление об их силе и мощи. Если следовать формулировке Ханны Арендт, эти массовые движения подталкивались все вперед и вперед, от «морального нигилизма типа „все разрешено“ к более радикальному нигилизму типа „все возможно“». Под воздействием мифа организации массам внушали, что они в состоянии «переделать окружающую реальность <...>, используя как рычаг первоклассную организацию»⁵².

Согласно распространенному стереотипу, Ленин явил своими «Апрельскими тезисами» стратегию, которая привела его прямым путем к победоносному перевороту в октябре 1917 г. То, что Ленин якобы следовал некоей генеральной стратегии, которая базировалась на «конкретном анализе конкретной ситуации»⁵³, он опроверг сам в конце своей активной политической жизни в январе 1923 г., когда ретроспективно подводил итог своей роли в русской революции. Скорее, как писал Ленин, он действовал по принципу Наполеона Бонапарта «On s'engage, et puis on voit» («Сначала надо ввязаться в бой, а там посмотрим») ⁵⁴. Лозунги «Вся власть Советам», «Вся земля крестьянам», «самоопределения наций», «немедленного мира» очень скоро выявили свою инструментальную роль: в случае необходимости их употребляли, модифицировали или откладывали в сторону. Меньшевик-интернационалист Николай Суханов писал в своих воспоминаниях: «<...> нас разделяли не столько лозунги, сколь-

⁵¹ Введение к резолюциям Седьмой (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 454–457.

⁵² *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. München, 1986. S. 607, 645.

⁵³ Например, в 1916 г. См.: *Ленин В.И.* Итоги дискуссии о самоопределении // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 17–58; *Он же.* О брошюре Юниуса // Там же. Т. 30. С. 1–16.

⁵⁴ *Ленин В.И.* О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378–382.

ко глубоко различное понимание их внутреннего смысла. Этот смысл <...> большевики приберегали для употребления верхов и не несли в массы»⁵⁵.

В действительности Ленин был вынужден, начиная с апреля 1917 г., очень осторожно применять лозунги развязывания гражданской войны, не говоря уже о лозунгах «революционного поражения»», т. е. призывов к борьбе за поражение в войне собственного правительства. Он предпочитал не упоминать их в своих статьях в «Правде» или в своих выступлениях на массовых митингах⁵⁶.

Уже в конце апреля — начале мая 1917 г. большевистский вождь оказался в первую очередь перед необходимостью лавировать между призывами к более умеренной политике и приспособлением к тем массовым радикальным настроениям, которые он сам же и породил⁵⁷. Вооруженные демонстрации июня — июля 1917 г., проходившие под лозунгом «Вся власть Советам», поставили Россию непосредственно на грань гражданской войны. В рамках этого процесса ленинская партия проявила себя не как суверенное тело социального движения и не как партия в европейском смысле, а как «генератор нетерпения масс»⁵⁸. Когда ЦК РСДРП(б) потребовал в июне 1917 г. от функционеров Военной организации при ЦК умерить накал революционного движения среди солдат Петроградского гарнизона, деятели «Военки» потеряли поддержку в гарнизоне. Частично это вылилось в ослабление их влияния, частично — в то, что рядовые деятели «Военки» предпочитали скорее следовать требованиям масс, чем директивам ЦК. Леворадикальные члены РСДРП(б), состоявшие в военных организациях партии, в период с мая по июль 1917 г. фактически образовали собственное объединение в форме Военной организации при Петербургском комитете РСДРП(б)⁵⁹. Не в последнюю очередь эта тенденция проявилась в том, что в наиболее радикально настроенных районах города, таких как Выборг и Кронштадт, активисты большевиков действовали отчасти в конкурен-

⁵⁵ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 3, кн. 5–6–7. С. 195.

⁵⁶ Service R. Biographie... S. 355.

⁵⁷ См., например: Ленин В.И. Резолюция Центрального Комитета РСДРП(б), принятая утром 22 апреля (5 мая) 1917 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31, С. 319–320; Он же. Вниманию товарищей! // Там же. Т. 31. С. 323. Впервые напечатано: Правда. 1917. 23 апреля (6 мая).

⁵⁸ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия... С. 426.

⁵⁹ Тарасов К.А. Военная организация большевиков и борьба за власть в Петроградском гарнизоне в 1917 г. СПб., 2014. С. 285.

ции, отчасти в кооперации с анархистами⁶⁰. «С того момента, как большевики начертали на своих знаменах лозунг советского государства, анархисты стали переходить к ним текущим потоком», — так описывает ситуацию Хельмут Альтрихтер⁶¹.

3 июля 1917 г. ЦК РСДРП(б) предпринял попытку остановить «вооруженную демонстрацию», инициатором которой были бунтовавшие солдаты. Однако вскоре вслед за этим Петербургский комитет РСДРП(б), поддержанный «Военкой», пересмотрел свою позицию и поддержал демонстрацию. Тогда ЦК также высказался в поддержку демонстрации. «Военка» в свою очередь приняла все меры, чтобы по законам переворота захватить все стратегические пункты столицы⁶². Большевистский ЦК, колебавшийся между левыми и правыми группировками, очевидно, не располагал четким планом. Как пишет британский историк Орландо Файджес, события 4 июля характеризовались «ужасной неразберихой». Один из вождей большевиков — Г. Е. Зиновьев вспоминал, что Ленин, вместе с которым он провел весь день 4 июля, был буквально парализован от нерешимости⁶³. В конце концов ЦК призвал — очевидно, под влиянием слухов о фронтовых частях, вызванных для наведения порядка в столице — к завершению вооруженных демонстраций. В результате июльских событий большевистская партия попала под обвинение в подготовке путча. В отношении Ленина был отдан приказ об его аресте якобы как немецкого шпиона. От ареста ему пришлось спастись бегством из Петрограда. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, вынужденный в поисках защиты от масс обратиться к генералам, был по сути дела дезавуирован. «Революционная демократия» Февральской революции трансформировалась в хаос.

Ленин реагировал из своего убежища в Разливе, в 35 км от Петрограда, написав тезисы, в которых снимал лозунг «Вся власть Советам» и заменял его требованием прямой подготовки вооруженного восстания. Таким образом, он вернулся к своему сценарию: «вооруженный пролетариат против „бонапартизма у власти“». В ответ он не получил поддержки ни в ЦК, ни в большинстве партийных комитетов, которые отреагировали на июльские

⁶⁰ Шубин А. В. Великая Российская революция — от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014. С. 236.

⁶¹ Altrichter H. Russland 1917. ... S. 181. Прим. 135.

⁶² Rabinowitch A. Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington, 1968. P. 164–166.

⁶³ Figs O. Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der russischen Revolution 1891–1924. Berlin, 1998. S. 491.

события преимущественно оборонительной стратегией: выступив в защиту Советов.

Вождь большевиков оказался в течение ряда месяцев отстраненным от практической работы партии, фактически лишен власти. Руководство ЦК провело без его участия VI партийный съезд в конце июля 1917 г., который впервые прошел без проектов и предложений вождя. В конечном итоге было принято решение временно отказаться от лозунга «Вся власть Советам», однако оборонительная тактика ЦК оставалась в целом доминирующей⁶⁴.

В результате неудачи «июльского восстания» имидж Ленина как вождя серьезно пострадал. Однако никто в партии не осмелился потребовать привлечь его к ответственности. В итоге Ленина выручила его способность конструировать для партии ее «собственный мир»: когда в своих «июльских тезисах» Ленин заявил, что «мирная фаза» революции миновала, на самом деле эта мирная фаза не имела шансов стать реальностью под давлением его политики масс. Когда он позднее предостерегал своих наперсников «никогда не играть с восстанием» (а доводить его до конца)⁶⁵, на самом деле именно этим он и занимался с апреля по июль со своей политикой масс, пролагая дорогу к хаосу. Его якобы новый лозунг «вооруженного восстания» на самом деле давно уже приобрел четкие контуры благодаря «вооруженным демонстрациям». Более того, новая ленинская директива показала, что вождь внес коренное изменение в свою стратегию: отказался от стратегии политики масс и перешел к стратегии военной организации вооруженного захвата власти. Политике масс теперь отводилась лишь вторичная, тактическая роль, а именно: она должна была прикрывать спину вооруженного переворота. Если переворот все же был осуществлен в октябре 1917 г. под старым лозунгом «Вся власть Советам», то лишь потому, что пролетариат Москвы и Петрограда был деполитизирован и разочарован всеобщим хаосом. Лозунг «Вся власть Советам», который фактически был знаменем ленинской политики захвата власти, стал слишком прозрачным, за ним явно виднелось стремление вождя большевиков к власти. Фактически этот лозунг был не более чем инструментом политики масс Ленина, вращавшейся вокруг «русского бунта».

С момента знаменитого пушкинского вердикта о Пугачевском восстании — «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» —

⁶⁴ Service R. Lenin... S. 379.

⁶⁵ Ленин В.И. Советы постороннего // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 382–384 (статья была написана 8 (21) октября 1917 г.).

любое восстание в России воспринималось только лишь как антитеза власти. Ленин придал «русскому бунту» свой собственный смысл, как писал об этом в свое время один известный меньшевик: «Бунт не антагонист власти, а судорожный порыв от власти, переставшей пугать, к власти, которая внушит дрожь страха заново. Здесь проявился гений Ленина. Никто, как он, не понял столь пронизательно, что власть абсолютную, типа божественной, он получит, разнуздав стихию бунта... Ленин хорошо знал, что только массу, пришедшую в ярость, потерявшую всякие следы общественного сознания, можно превратить в послушное стадо диктатора. Он знал, что через бунт она придет в изнеможенное и опустошенное состояние, на котором легче всего можно будет построить свое царство. Гений его состоял в том, что он понял, что отныне царствовать будет хаос, и хаос сделал своим орудием»⁶⁶.

Ленин сделал больше, чем просто «водрузил знамя гражданской войны» в ходе русской революции. Смысл его политики масс заключался в том, чтобы укоренить идею гражданской войны в головах масс. Тем самым он узаконил менталитет гражданской войны. Это было сделано не ради развязывания гражданской войны как таковой — политика масс дала Ленину возможность извлечь из «русского бунта» шанс захвата власти.

Авторизованный перевод с немецкого А. И. Савина.

⁶⁶ *Талин В.И. (Португейс С.О.). У гроба Великого диктатора // Заря. Берлин, 1924. № 1. С. 9. См. также: Кара-Мурза А. А., Поляков Л.В. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. СПб., 1999. С. 16.*

Б. И. Колоницкий

*Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербургский институт истории РАН*

**«МАЛЕНЬКАЯ ГАЗЕТА»
И «МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ» ПЕТРОГРАДА
В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ:
ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ А. А. СУВОРИНА
В 1917 ГОДУ**

Статья посвящена петроградским газетам А.А. Суворина, в которых сотрудничали известные журналисты той поры, в том числе Е. Венский (Е.О. Пяткин) и В.П. Свенцицкий. В 1917 г. эти издания играли немалую роль в политической жизни страны: в условиях почти полного подавления черносотенной прессы эти массовые издания заняли нишу на правом фланге. Газеты А.А. Суворина атаковали Временное правительство справа, они неоднократно закрывались, но выходили под новыми названиями. Между тем эти издания не привлекали должного внимания историков, хотя их изучение — и содержания, и восприятия читателями — позволяет глубже понять не только политическую, но и социальную, и культурную жизнь столицы России в эпоху революции.

Ключевые слова: революция 1917 г., печать, пресса, А. А. Суворин, цензура.

Для историков Российской революции 1917 г. важнейшим источником являются воспоминания меньшевика Н. Суханова (Н.Н. Гиммера). Известный мемуарист, оказавший немалое воздействие на историографию, пытался обстоятельно описать главных участников политического процесса. Показательно, что в книге, посвященной событиям мая – июня 1917 г., он счел нужным особо упомянуть газету А.А. Суворина: один из параграфов носит название «Казачи, „Маленькая газета“, memento Родзянки». Характеризуя это издание, Н. Суханов, сам известный журналист, со знанием дела писал: «И появилась тогда же в Петербурге некая „Маленькая газета“. Издавали ее те же Суворины — под необходимым флагом „независимого социализма“. Велась газета с огромным талантом. По своему внешнему облику это был „Père Duchesne“ орган „простонародья“. Он составлялся в соответствующем стиле и был рассчитан на то, что его формулы, выкрики, заголовки, вскользь брошенные замечания будут бить именно в центр больших вопросов темно-

го обывателя, будут впитываться на лету простонародными массами. Но это был поистине замечательный образец народного балагурства — в прозе и виршах, замечательный образец приспособления к народным вкусам и запросам. „Père Duchesne“ по внешности может считаться только слабым, грубым подобием „Маленькой газеты“. С внутренней же стороны, со стороны содержания, идей, направления — насколько беспринципен и расхлябан был орган Гебера, настолько последователен, выдержан, принципиален был орган Сувориных. Под видом „народности“, крайнего демократизма и „независимого социализма“ „Маленькая газета“ держала прямой и твердый курс на контрреволюционный переворот, на военно-плутократическую диктатуру. И газета читалась „простонародьем“ нарасхват, расходясь в сотнях тысяч экземпляров»¹.

Суждение автора воспоминаний подтверждается свидетельствами других мемуаристов. Известный столичный журналист Д. Заславский, ставший впоследствии видным советским публицистом, вспоминал: «„Маленькая газета“ была вульгарна и неграмотна, но в ней всегда билась подлинная жизнь, и свои читатели были к газете привязаны <...> Ей до революции удалось создать особый жанр уличной газеты, уличной в полном и не в худшем смысле этого слова»².

Оценка Суханова требует некоторых комментариев. «Отец Дюшен» — название ряда революционных изданий во Франции. Наиболее известен «Отец Дюшен» Эбера (выходил в 1790–1794 гг.). Литературной маской Эбера (Суханов называет его Гебером) был «Отец Дюшен», популярный персонаж фольклора, олицетворявший народные массы Франции. Язык этих изданий, предназначенных для самых широких слоев читателей, был близок к народному, отличался простотой, яркостью и грубоватостью. Суханов, как и многие другие деятели 1917 г., описывал ситуацию, обращаясь к опыту Французской революции: нередко можно было встретить сравнения видных русских политиков с Дантоном и Мирабо, Робеспьером и Маратом. Одни влиятельные политические движения сопоставлялись с жирондистами, другие — с якобинцами, в разных регионах Российской империи встревоженные революционеры находили признаки появления «Русской Вандеи». Сравнение «Маленькой газеты» с печатным органом движения «эбертистов», игравших немалую роль в событиях Французской рево-

¹ Суханов Н. Записки о революции. Берлин; Пб.; М., 1922. Кн. 4. С. 220; То же. М., 1991. Т. 2, кн. 3–4. С. 256.

² Заславский Д. Печать в февральские дни // Журналист. 1927. № 2. С. 13.

люции, косвенно свидетельствовало о том, что Суханов считал издание важным политическим актором революции Российской.

Интересно, что «появление» этого периодического издания мемуарист относит к маю, или даже к июню 1917 г. Между тем «Маленькая газета» издавалась со 2 сентября 1914 г. Можно поэтому предположить, что автор воспоминаний заметил данный орган печати лишь тогда, когда он приобрел важное политическое значение: после Апрельского кризиса и создания коалиционного правительства.

Суждение же о том, что издание было «органом Сувориных», также требует комментария. Издателем и фактическим редактором «Маленькой газеты» был Алексей Алексеевич Суворин (А. Порошин) (1862–1937 гг.) — сын известного публициста, театрального критика и издателя Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912 гг.), который, в частности, издавал влиятельную столичную газету «Новое время». В ней начинал работать и Алексей Алексеевич, некоторое время он был ответственным редактором этого издания. Однако в 1903 г. А. А. Суворин ушел из «Нового времени» и стал издавать газету «Русь», переманив туда многих «нововременцев». В 1908 г. «Русь» перестала выходить. В 1914 г. А. А. Суворин начал издавать «Маленькую газету».

Отношения А. А. Суворина с отцом и семьей были сложными. «В отношениях отца к сыну и обратно было много карамазовского», — вспоминал известный столичный журналист³. В 1917 г. его газета продолжала резко критиковать «Новое время» и «Вечернее время», редакторами которых были Михаил и Борис Суворины — сводные братья Алексея Алексеевича.

Мемуарист так характеризовал взгляды А. А. Суворина: «Трудно было сказать, каково, собственно, его политическое мировоззрение. Он, бесспорно, ненавидел гниющий самодержавный строй, но что рисовалось ему на смену — едва ли знал он сам. Немного либерализма, что-то от славянофильства, кое-что от мужицкой «правды», панславистское предание генералов Фадеева и Черняева, безотчетный патриотизм, смутные веяния восточной мудрости — все это переплеталось в пестрой чехарде»⁴.

А. А. Суворину удалось привлечь к работе в «Маленькой газете» способных сотрудников. Среди них следует особо отметить поэта-сатирика и фельетониста Евгения Осиповича Пяткина (1885 (1884 ст. ст.) — 1943 гг.). Наиболее известный псевдоним

³ Кугель А. Р. Листья с дерева. Л., 1926. С. 147.

⁴ Там же. С. 150.

Пяткина — Евгений Венский — был взят им в честь модного ресторана «Вена», излюбленного многими литераторами. Именно под этим псевдонимом Е. О. Пяткин вошел в историю литературы. С 1902 г., будучи еще семинаристом, он начал печататься в провинции: в различных изданиях Самары, Казани, Варшавы. В 1908 г. он перебрался в Санкт-Петербург, сотрудничал во многих столичных изданиях: «Биржевые ведомости», «Вечерний голос», «Родина», «Копейка», «Сатирикон», «Синий журнал», «Солнце России», «Аргус», «Всеобщий журнал», «Весь мир», «Журнал журналов» и «Огонек». В 1917 г., публикуясь в изданиях А. А. Суворина, Пяткин-Венский одновременно редактировал сатирический журнал «Трепач». Другие псевдонимы Пяткина — Евстафий Фролыч Богоявленский, Женя Фартовый, Франт с Плуталовой, Дрызгунова сыновья, Дурье гнездо, Егор Фррр, Лирический бродяга, Язва — дают некоторое представление о читательской аудитории этого автора: городское простонародье, обитатели Лиговки и Обводного канала (Обводки). Пяткин-Венский, печатавший остроумные пародии на ведущих современных поэтов в «Сатириконе», имел репутацию «предводителя» уличной прессы⁵.

С 1915 г. в «Маленькой газете» работал также Валентин Павлович Свенцицкий (1879–1931 гг.), часто использовавший в этом издании псевдоним Далекий друг. Это был лишенный сана священник и известный в теософских кругах публицист, который в 1905 г. организовал анархическое общество «Христианское братство борьбы». На взгляды В. П. Свенцицкого особенно повлияли тексты И. Канта, Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева. Он был представителем российской религиозно-философской мысли, состоял какое-то время секретарем Московского религиозно-философского общества памяти В. Соловьева, дружил с В. Ф. Эрном, был близко знаком с П. А. Флоренским, С. Н. Булгаковым и Андреем Белым, полемизировал с Н. Бердяевым, Е. Трубецким, В. Розановым, Д. Мережковским и Д. Философовым. Репутация В. П. Свенцицкого была поколеблена в связи со скандалом, вызванным рождением внебрачных дочерей, но через некоторое время он вновь стал печатать статьи на религиозные и моральные темы. В «Маленькой газете» В. П. Свенцицкий вел несколько рубрик, к нему за советом и за денежной помощью обращались многие читатели, а еще чаще — читательницы газеты. Не оставлял он и попыток создать христианскую организацию единомышленников — «свобод-

⁵ О Пяткине-Венском см.: *Иванов А. Веселый писарь земли русской // Поэзия: альманах. М., 1988. Вып. 51. С. 179–187.*

ный приход». В сентябре 1917 г. В. П. Свенцицкий принял сан священника, после чего он был назначен проповедником штаба 1-й армии Северного фронта.

Провинциальный отдел «Маленькой газеты» вел публицист Игнатий Семенович Ломакин (1885–1938 гг.), писавший под псевдонимом Иван Семенович Лаптев⁶. На писательскую манеру Ломакина повлиял стиль народнических текстов.

И Пяткин, и Свенцицкий, и Ломакин вели свои «почтовые ящики», переписываясь постоянно с читателями газеты.

Если верить редакции, то в 1917 г. тираж «Маленькой газеты» достигал 135–150 тыс. экземпляров⁷. Эта цифра была, возможно, завышенной, так как средний дневной тираж «Маленькой газеты» в 1916 г. составлял 28–50 тыс. экземпляров. Дневной же тираж «Маленькой газеты» и сменивших ее газет А. А. Суворина в 1917 г. составлял от 40 до 128 тыс. экземпляров, что было весьма неплохим результатом: в столице более крупные максимальные тиражи имели лишь «Биржевые ведомости» (суммарный тираж трех выпусков — 420 тыс. экземпляров), «Вечернее время» (201 тыс. экземпляров) и «Петроградский листок» (138 тыс. экземпляров)⁸.

Синхронные источники подтверждают свидетельства мемуаристов о том, что «Маленькая газета» пользовалась популярностью у представителей городских низов Петрограда. Даже противники издания (и меньшевики, и большевики) признавали, что она не без успеха конкурировала с рабочей печатью в пролетарских кварталах Петрограда летом и осенью 1917 года⁹.

Газета достигла большой популярности в силу нескольких причин. Она сознательно ориентировалась на определенного читателя и умело приспособлялась к нему. Краткий перечень некоторых псевдонимов, которыми были подписаны письма в редакцию, позволяет судить о социальной принадлежности и культурном уровне читательской аудитории «Маленькой газеты»: Одинокая Анюта, Несчастливая Анна, Горемыка-Инвалид М, Несчастливая Мэри, Путиловец Сирота 101, Неудачник ООО, Жаждающий утешения, Обуховский Сережа, Мастерница от Артемьевой, Женщина из очереди. В редакцию писали даже Путиловцы-эсде-

⁶ Соколовский Р. Забытые страницы русской сатиры (из сатириков — в профессора) // Вопросы литературы. 2014. № 2. С. 402–409.

⁷ Маленькая газета. 1917. 31 марта.

⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-306. Оп. 1–1. Д. 20, 21, 49.

⁹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 14 июня; Рабочая газета. 1917. 30 сентября; Рабочий путь. 1917. 13 октября.

ки, Гвардеец Красной гвардии. Возможно, многие письма инспирировались или даже фабриковались самой редакцией, но даже если это и так, то мы получаем представление об «идеальной» читательской аудитории «Маленькой газеты», о тех читателях, на которых ориентировалась редакция, от которых она хотела бы получать письма. «Маленькая газета» — орган печати, рассчитанный на «обывателя» — люмпена, мелкого предпринимателя, рыночного торговца, неквалифицированного рабочего, домашнюю прислугу, на читателя с низким уровнем политической и общей культуры, на «маленького человека», живущего в огромном современном городе, часто соприкасающегося с несправедливостью, насилием и преступностью. Редакция «Маленькой газеты» стремилась к тому, чтобы такой читатель воспринимал ее как «свою», «народную» газету, «друга простого человека».

Ориентация на «маленького человека» сказалась, в первую очередь, на содержании газеты. Мемуарист, знавший хорошо печатный мир столицы, писал: «Он (автор «Маленькой газеты». — Б. К.) сумел очень хорошо подойти к читательской галерке <...> служил маленьким обывательским интересам маленьких людей. Он жалил недобросовестных торговцев, жестоких хозяйчиков, утешал покинутых любовниками девушек, входил во все мелочи мещанского и рабочего быта»¹⁰. Публикуя бойкие фельетоны и репортажи, обличающие городские власти и полицию, домохозяев и купцов, редакция стремилась создать определенный стереотип восприятия «Маленькой газеты» — смелой защитницы потребителя, квартиросъемщика, наемного работника. Каждый номер газеты начинался «девизом» — некрасовскими словами: «Где трудно дышится, где горе слышится, ~ будь первым там», авторы издания пытались представить себя защитниками униженных и оскорбленных.

Особое внимание уделялось форме изложения. Авторы «Маленькой газеты», хорошо владевшие языком своих читателей, отлично зная их вкусы и потребности, гордились «народным» языком публикаций, его «полнотой живости» и «мужицкой формой». В этом отношении весьма характерны были заметки Евстафия Богоявленского (особенно часто используемая Пяткиным-Венским литературная маска), объявившего себя после революции «анархистом-индивидуалистом». Его любимым жанром был раешник (раешный стих). Для стихотворений Пяткина-Богоявленского характерны нарочитая грубость, злоупотребление арготизма-

¹⁰ Заславский Д. Печать в февральские дни... С. 13.

ми: автор стремился стать «своим парнем» для обитателей окраин, не исключая криминальную и околокриминальную среду. Он кокетничал своей развязностью, рекомендовал себя как любителя выпить и подраться. В качестве примера его творчества приведем начало раешника, напечатанного вскоре после победы Февральской революции:

Пролетарии, не проедайтесь,
А поскорее соединяйтесь,
Нечего задарма трепаться,
А пора и делом заняться:
Переплетчики к переплетчикам,
Позолотчики к позолотчикам.
Банщики к банщикам,

А выпивающие —
Вали ко мне,
Я вас воедино сгружу...
И горлышко из кармана наружу.

Редакции газеты удалось также найти действенные формы непосредственного контакта со своим читателем. Выше упоминались уже «почтовые ящики» ведущих сотрудников издания. Газета часто публиковала читательские корреспонденции. Установлению эффективной «обратной связи» должны были способствовать и ежедневный прием посетителей членами редакции, бесплатные консультации юриста, группы подготовки к сдаче различных экзаменов, музыкальные занятия и, наконец, «ответы на все вопросы жизни» — все в помещении редакции. Таким образом редакция получала оперативную информацию о степени эффективности воздействия газеты на читательскую аудиторию и в соответствии с этим корректировала свои действия.

В 1917 г. газета довольно быстро заняла правую позицию по многим вопросам политической жизни. Издание А. А. Суворина требовало продолжения войны с целью присоединения к России не только черноморских проливов. С этих позиций Суворин критиковал даже лидера партии конституционных демократов. «...России, однако, этого (Константинополя. — Б. К.) мало. Ее долей и вознаграждением должна быть вся Малая Азия! Милюков не найдет в себе дерзания на такую „дерзость“!», — гласила передовая статья первого номера «Маленькой газеты», вышедшего сразу же после победы Февральской революции. Впоследствии это

требование не раз повторялось. Газета неоднократно решительно выступала против крестьян, деливших помещичьи земли.

Довольно быстро объектом нападок «Маленькой газеты» стала партия большевиков, ее тактика и программа, ее руководители, а с 24 июня на первой странице газеты А. А. Суворина постоянно печатался призыв, набранный крупными буквами: «Ленин должен быть арестован!». В многочисленных публикациях авторы издания стремились создать искаженный, отталкивающий образ большевика. Так, газета сообщала, что для типичного большевика весьма характерен «волчий оскал зубов»¹¹. От атак на большевиков «Маленькая газета» перешла к нападкам на Советы, в которых тогда господствовали меньшевики и эсеры. Временное правительство казалось А. А. Суворину слишком демократичным. Если сначала «Маленькая газета» всячески восхваляла А. Ф. Керенского, то уже в июне он подвергся нападкам. На пост главы правительства газета сначала прочила вице-адмирала А. В. Колчака, а затем — генерала Л. Г. Корнилова. Газета пропагандировала военную диктатуру, редакция установила связь с Военной лигой, стремившейся к установлению диктатуры.

В то же время, желая сохранить свою читательскую аудиторию, редакция «Маленькой газеты» использовала все более популярный язык политического радикализма. Раздел «К рабочему читателю», который до революции велся лишь от случая к случаю, теперь стал фактически постоянным. В соответствии с требованиями политической конъюнктуры с 20 мая 1917 г. газету украшал подзаголовок: «Газета беспартийных социалистов»¹². «Наш идеал — трудящийся всечеловек, — утверждал А. А. Суворин. — Первая ступень к нему — идеалы пролетариата, освобождение труда». Некоторые сотрудники «Маленькой газеты» даже рекламировали ее как «пролетарский» орган печати¹³.

После Февраля правые и консервативные издания и организации либо прекратили свое существование, либо потеряли свою популярность. Увеличилось количество либеральных изданий,

¹¹ Маленькая газета. 1917. 8 июня.

¹² В июне 1917 г. орган левых социал-демократов «межрайонцев» отмечал: «...желтая уличная пресса называет себя беспартийно-социалистической. Банковские газеты перекрашиваются в защитный цвет „реалистического социализма“, как банки для безопасности поднимают над своим зданием красное знамя революции» (Вперед. 1917. № 1. С. 1). В первом случае явно упоминается «Маленькая газета». Во втором речь идет о газете «День», в которой сотрудничали некоторые видные меньшевики-оборонцы. Это издание его противники называли газетой «банковских социалистов».

¹³ Трепач. 1917. № 1. С. 1.

но они не всегда пользовались спросом у простых читателей. Преобладали газеты социалистов разного толка. В этих условиях популярная у городских низов столицы газета А. А. Суворина стала котироваться в консервативных и правых кругах, ею заинтересовались и предприниматели. У «Маленькой газеты» появились новые источники финансовой поддержки. В газете стали публиковаться отчеты крупных банков, объявления партии конституционных демократов. Представительство паровозостроительных заводов «Балдвин» в Филадельфии (США) направило в редакцию письмо следующего содержания: «Относясь сочувственно к направлению вашей газеты, доступным и метким языком отражающей настроения трудящихся масс, которые знают, что только в упорном и самоотверженном труде — спасение родины, при сем препровождаем подписные деньги на 75 экземпляров „Маленькой газеты“. Просим отослать 50 экземпляров газеты в Ригу и соседние части действующей армии и 25 экземпляров — на завод бывшего товарищества Зифельда и Комп[ании], — Станция Удельная»¹⁴.

Вместе с тем увеличилось число организаций петроградских рабочих, оценивавших политическую позицию газеты как враждебную. Интересно, что в первые месяцы революции организаторы вновь создаваемых профессиональных союзов размещали в «Маленькой газете» объявления о своих собраниях (табл. 1). Читатели этой «бульварной» газеты рассматривались профсоюзными активистами как возможные члены их организаций. Это косвенно свидетельствует о популярности издания у разных категорий рабочих.

Таблица 1

Численность профсоюзных организаций, печатавших свои объявления в «Маленькой газете» в марте — июне 1917 г.

Организация	Март	Апрель	Май	Июнь
Банщики и банщицы	4	3	2	—
Деревообделочники	2	3	—	—
Печатники	2	—	—	—
Прачки	2	—	—	—
Прислуга	—	3	—	—
Строительные рабочие	3	1	1	—

Составлено по: Маленькая газета. 1917. Март — июнь.

¹⁴ Маленькая газета. 1917. 15 апреля.

Интересно, что аналогичные объявления тех же самых организаций печатались и в большевистской «Правде» (табл. 2). По-видимому, профсоюзные активисты весной 1917 г. полагали, что работники этих специальностей могли интересоваться изданиями с совершенно различными политическими позициями: и «Правда», и «Маленькая газета» пользовались популярностью у жителей одних и тех же районов, у представителей одной и той же социальной среды.

Таблица 2
Численность профсоюзных организаций,
печатавших свои объявления в «Правде» в марте — июне 1917 г.

Организация	Март	Апрель	Май	Июнь
Банщики и банщицы	–	–	3	1
Деревообделочники	6	7	7	9
Печатники	11	10	8	11
Прачки	3	4	6	–
Прислуга	1	3	1	3
Строительные рабочие	7	2	3	7

Составлено по: Правда. 1917. Март — июнь.

Комментария требует уменьшение количества объявлений различных организаций в «Маленькой газете» (табл. 1). Профсоюзные активисты продолжали использовать «Правду» как инструмент связи с членами профсоюзов и теми рабочими, которые могли вступить в профсоюз. Вместе с тем в июне 1917 г. они не использовали в этих целях газету А. А. Суворина, не размещали в ней свои объявления. Вряд ли это можно объяснить тем, что «Маленькая газета» и сменившие ее издания не пользовались спросом в рабочих кварталах — различные источники свидетельствуют об обратном. Вернее было бы предположить, что профсоюзные активисты, в большинстве своем связанные с партиями эсеров, меньшевиков и большевиков, отвергали политическую линию данного издания. Как уже отмечалось, в мае и особенно в июне «Маленькая газета» приобрела особое значение. К этому моменту она установила связи с Военной лигой и бросила вызов не только социалистам разного толка, но и Временному правительству.

Первые признаки противостояния рабочих активистов и этого издания появились уже в марте 1917 г. Вскоре после Февральской революции «Маленькую газету», похвалявшуюся своими связя-

ми с трудящимися Петрограда, рабочие столицы стали бойкотировать. 31 марта, например, такое решение в отношении всей буржуазной прессы, включая «Маленькую газету», приняло собрание десяти тысяч рабочих Путиловского завода¹⁵. Принятию этой и других аналогичных резолюций предшествовали следующие события. Вопреки позиции эсеро-меньшевистского исполкома Петроградского Совета рабочие столицы в марте 1917 г. потребовали введения 8-часового рабочего дня. На многих предприятиях он был введен явочным порядком. 10 марта Временный комитет Петроградского общества фабрикантов и заводчиков вынужден был заключить с Петроградским Советом соглашение о введении 8-часового рабочего дня на крупных предприятиях столицы. В это время в «большой прессе» появилось немало публикаций, обвинявших рабочих в развале промышленности из-за предъявления ими «чрезмерных требований» и «нежелания» работать. При помощи этой кампании предприниматели и политические группы, противостоявшие социалистам, рассчитывали повлиять на общественное мнение. Они представляли рабочих «лодырями и предателями» по отношению к братьям-солдатам, проливавшим кровь на фронте¹⁶. Организаторы пропагандистской кампании рассчитывали посеять рознь между рабочими и солдатами¹⁷. Это вело к ослаблению влияния Совета рабочих и солдатских депутатов, что, по-видимому, и было главной политической целью некоторых редакций.

«Маленькая газета» активно участвовала в этой кампании, пытаясь убедить рабочих в том, что не время вводить 8-часовой рабочий день, неуместно «рыться в прибавках»¹⁸. Пяткин-Богоявленский безоговорочно требовал в своем раешнике:

Слушай, честная братия!!
Брось трепать языком!!
Солдаты, на занятия!!

¹⁵ Правда. 1917. 1 апреля. Можно предположить, что инициатива бойкота исходила от большевиков: резолюция была уже на следующий день опубликована в центральном печатном органе партии, аналогичную резолюцию приняла и Военная организация большевиков. Вскоре резолюции о бойкоте буржуазной печати стали публиковаться и в газетах других социалистических партий, а с 15 апреля — и в «Известиях» Петроградского Совета.

¹⁶ Бакланова И.А. Рабочие Петрограда в период мирного развития революции (март — июнь 1917 г.). Л., 1978. С. 17.

¹⁷ Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. (период двоевластия). Л., 1973. С. 143.

¹⁸ Маленькая газета. 1917. 25 марта.

Рабочие, к станкам!!
Потрепались и баста!!
А то праздники больно пошли часто!!¹⁹

Между тем с 20-х чисел марта выросло количество резолюций, принятых на собраниях и митингах рабочих, а затем и солдат, которые протестовали против «провокационной травли» и «гнусной клеветы», прежде всего против нападок на Советы и особенно на рабочих. Среди газет, подлежавших бойкоту, особенно часто упоминалась «Русская воля», финансируемая банками и пытавшаяся после Февраля играть роль политического центра, противостоявшего социалистам. В марте — апреле было принято не менее 50 резолюций о бойкоте буржуазной прессы. Это издание упоминалось в 36 резолюциях. В 25 резолюциях содержался призыв бойкотировать газету «Речь», центральный орган конституционно-демократической партии, и столько же резолюций призывали бойкотировать «Маленькую газету». Между тем призыв бойкотировать «Новое время», «Вечернее время» и «Биржевые ведомости» содержался соответственно в 20, 19 и 23 резолюциях²⁰. Косвенно это свидетельствует о том политическом значении, которое в это время имела газета А. А. Суворина.

Редакция «Маленькой газеты», весьма обеспокоенная принятыми резолюциями и особенно призывами к бойкоту буржуазной прессы, заявила: «...вопрос исчерпан <...>, разногласий больше нет»²¹. Однако и в дальнейшем резолюции о бойкоте принимались на многих митингах и собраниях рабочих. Среди бойкотированных органов печати часто упоминалась «Маленькая газета». Так, 5 апреля 1917 г. профессиональный союз булочников, который в марте еще печатал свои объявления в газете А. А. Суворина, вынес резолюции о бойкоте «буржуазной и бульварной прессы», газет «Русская воля», «Новое время», «Вечернее время», «Петербургский листок» и «Маленькая газета»²². В окрестностях Путиловского завода рабочие даже отнимали «Маленькую газету» у газетчиков и рвали ее²³. Да и сами продавцы газет в эти дни не очень охотно брали это издание и заменившие его органы пе-

¹⁹ Маленькая газета. 1917. 28 марта.

²⁰ Колоницкий Б.И. Резолюции рабочих и солдат о буржуазной печати (март — апрель 1917 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Вып. XIX. С. 227–237.

²¹ Маленькая газета. 1917. 1 апреля.

²² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 135. Л. 4.

²³ Маленькая газета. 1917. 6 апреля.

чати²⁴. Возможно, газетчики считали, что им не удастся продать это издание, весьма вероятно, что они боялись подобного бойкота. 19 апреля, накануне Апрельского кризиса, Центральное бюро петроградских профсоюзов призвало бойкотировать буржуазную прессу, в том числе и «Маленькую газету»²⁵.

Апрельский кризис, формирование коалиционного Временного правительства — все это сделало неактуальной антирабочую (фактически противосоветскую) кампанию петроградской «буржуазной» прессы. Соответственно, отпал на время и вопрос о ее бойкоте со стороны рабочих. Однако, как уже отмечалось, во время Июньского кризиса активность «Маленькой газеты» существенно выросла, у правых и консервативных сил издание вызывало сочувственный интерес, а социалисты разного толка стали рассматривать ее как серьезного политического противника.

Откровенно контрреволюционная позиция «Маленькой газеты» не могла не беспокоить Временное правительство. 13 июня, в разгар Июньского кризиса, в помещении редакции был произведен обыск. Официальный редактор издания П. С. Еремеев даже подвергся краткосрочному аресту. Некоторые лидеры социалистов призвали к бойкоту газеты. Например, в опубликованной 17 июня статье В. И. Ленин упоминал «Новое время», «Маленькую газету» и «Русскую волю» как наиболее характерных представителей «подлой контрреволюционной печати» и требовал борьбы с «разнузданной, явно контрреволюционной» прессой. «Правда» призывала бойкотировать «буржуазную и в особенности черносотенную печать, распространять бойкот на тех газетчиков, которые продавали подобные газеты, на тех рабочих и солдат, которые их читали»²⁶.

В это же время газета установила связь с военной контрразведкой, начальник которой — Б. Никитин — впоследствии вспоминал: «Среди немногочисленных секретных агентов у меня был очень умеренный анархист, состоявший сотрудником „Маленькой газеты“. Он оказывал нам безвозмездно и без всяких усилий очень полезные услуги, так как, с одной стороны, принадлежность его к партии, а с другой — карточка литератора — открывали ему не мало закрытых дверей, совсем не привлекая подозрений». Очевидно, речь шла о Пяткине-Венском.

Весьма вероятно, что сотрудничество «Маленькой газеты» и офицеров контрразведки имело и иные формы. Во всяком слу-

²⁴ Новая Русь. 1917. 17 сентября.

²⁵ Правда. 1917. 27 мая.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 349.

чае, Б. Никитин пытался газету поддерживать и сочувствовал ее направлению. По его словам, к нему однажды обратился меньшевик М. И. Скобелев, ставший министром труда в коалиционном Временном правительстве, с просьбой, чтобы контрразведка закрыла «Маленькую газету». Это никак не соответствовало позиции начальника контрразведки, по мнению которого, А. А. Суворин «тонко и остроумно твердил о бездеятельности Временного правительства», «облекал свою критику в форму юмористических рассказов». «В них особенно доставалось богатому бакинскому молоканину-социалисту Скобелеву, — вспоминал Б. Никитин. — Мы, близко наблюдавшие безнадежную анемию Верховной Власти, готовы были обеими руками подписаться под статьями Суворина, а иногда хохотали до слез над его меткими анекдотами. Сверх того, некоторые сотрудники этой газеты вызывали во мне самые горячие симпатии, т. к. совершенно безвозмездно помогали контрразведке»²⁷. Неудивительно, что Б. Никитин отказался исполнить просьбу министра.

Возможно, мемуарист не вполне верно описывает ситуацию. Временное правительство вряд ли согласилось бы закрыть газету без должных юридических оснований. Однако вопрос об издании А. А. Суворина наверняка обсуждался в правительственных кругах, ибо на власть оказывалось в этом плане давление слева, и не только со стороны большевиков. Так, 22 июня 1917 г., во время Июньского кризиса, исполнительный комитет районного Совета Петроградской стороны охарактеризовал публикации «Маленькой газеты» как «погромную агитацию» и призвал воинские и заводские комитеты бойкотировать газету, а также постановил ходатайствовать о ее закрытии перед исполкомом городского Совета, обратиться с запросом к министру внутренних дел, призвать союз печатников воздерживаться от печатания газеты²⁸. 6 июля общее собрание Союза рабочих печатного дела столицы приняло постановление, в котором предлагало «всем организованным рабочим печатного дела отказаться от работы в этой газете («Маленькой газете». — Б. К.) вплоть до отмены этого постановления»²⁹. Во время Июльского кризиса, 7 июля, соответствующее решение было принято собранием рабочих типографии «Маленькой газеты». Последний номер газеты вышел в этот день. Показатель-

²⁷ Никитин Б. Роковые годы: Новые показания участника. Париж, 1937 (репр. изд., Benson (Vermont), 1987). С. 163.

²⁸ Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июльская демонстрация. М., 1959. С. 220.

²⁹ Народная газета. 1917. 15 июля.

но, что газета А. А. Суворина прекратила выходить через два дня после того, как был выпущен последний номер «Правды». Но если большевистская газета перестала выходить в результате решения властей, то «Маленькая газета» была закрыта вследствие действий левых сил.

Впрочем, «Маленькая газета», как и большевистские издания, довольно быстро возродилась под новым названием. С 13 июля А. А. Суворин стал издавать «Народную газету». Состав сотрудников, редактор, расположение и форма подачи материала, и, наконец, политическая линия газеты — все было таким же, как и в «Маленькой газете». Однако уже 4 августа, после нескольких демаршей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, требовавших принятия решительных мер против правой прессы, министр внутренних дел эсер Н. Д. Авксентьев дал указания закрыть «Народную газету». 23 августа, накануне «дела Корнилова», циркуляром военного и морского министра была закрыта сменившая ее газета «Русь»³⁰. Очередная газета А. А. Суворина — «Новая Русь» — была закрыта приказом петроградского генерал-губернатора³¹. Однако она стала вновь выходить с 13 сентября и прекратила свое существование лишь после прихода к власти большевиков. Последний номер вышел, по-видимому, 28 октября (10 ноября нового стиля) 1917 г.

Репрессивные меры по отношению к газетам А. А. Суворина и другим правым и консервативным органам печати («Живое слово», «Новое время») упрощали для Временного правительства задачу преследования левой прессы. Всякий раз одновременно с газетой А. А. Суворина запрещался очередной большевистский орган печати. Меры Временного правительства не пугали издателя «Маленькой газеты»: подобно большевикам он заранее готовился к возобновлению выхода своего издания под иным названием. А. А. Суворина и его сотрудников больше беспокоило другое: потеря контакта с постоянной аудиторией «Маленькой газеты».

Многие постоянные читатели «Маленькой газеты» обвиняли издание в измене своим идеалам. Так, своего бывшего любимца Евстафия Богоявленского (Пяткина) они именовали «ренегатом» и «предателем», причем, по признанию редакции, осенью приходили «сотни» таких писем³². Некий читатель «Сережа, черт отчаянный», считавший, что «Маленькая газета» «изменила рабо-

³⁰ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 259. Л. 6.

³¹ Воля народа. 1917. 3 сентября.

³² Новая Русь. 1917. 10 октября. О критике издания читателями сообщалось и ранее: Маленькая газета. 1917. 2 июня.

чему классу», в это время угрожал даже физической расправой Пяткину-Богоявленскому. Газета перепечатала это письмо, намеренно сохраняя грамматические ошибки: «Позор тебе Евстаха. Придет то время да будет и всегда восияет Заря Свободы и тогда уж не избежать того, что за вашу монархическую идею придется висеть...»³³.

Терять контакт со своей аудиторией газета А. А. Суворина начала, по-видимому, уже весной, в связи с нападками этого издания на рабочих. Старый читатель «Маленькой газеты» (подпись «Пролетарий») в марте писал в «Правду»: «Товарищи! Каждой газете верьте только до тех пор, пока она стремится к прекращению издевательства сильных и богатых людей над слабыми и бедными. Вот вам пример. „Маленькая газета“ не так давно еще была возмущена тем, что в больнице Св. Николая сильные обижают слабых, и я был благодарен „М. Г.“. Но сейчас та же „Маленькая газета“ <...> с явной насмешкой относится к тем же слабым»³⁴.

В. П. Свенцицкий (Далекий друг) в июне 1917 г. писал: «Один из моих друзей, солдат, по его собственным словам все время читавший на фронте „Правду“, приехал в Петроград, купил „Маленькую газету“, которую всегда читал до революции, и разочаровался: „Газета изменила свое направление...“ Мой друг ошибается! И я „тот же“, и газета „та же“!»³⁵. Подобные уверения авторов в своей верности принципам издания успехом не пользовались. Многие давние и постоянные читатели газеты А. А. Суворина предпочитали «Правду», а не «Маленькую газету», грубые басни Демьяна Бедного, а не раешник Пяткина-Богоявленского. Да и те читатели, которые продолжали покупать издания А. А. Суворина, отвергали их политическую линию. Пяткин-Богоявленский в разгар Июньского кризиса с грустью свидетельствовал об утере контакта со значительной частью аудитории газеты:

Таким образом я трудился,
А вчера сильно убедился,
Что пишу впустую,
И потому на днях забастую.
Нет теперича старого читателя.
Моего закадычного приятеля,
Что со мною одними думами жил...³⁶

³³ Новая Русь. 1917. 17 октября.

³⁴ Правда. 1917. 22 марта.

³⁵ Маленькая газета. 1917. 2 июня.

³⁶ Там же. 15 июня.

Во время революции традиционная популярность, профессионализм сотрудников и практика социальной и политической микрии не предотвратили падения популярности «Маленькой газеты» в среде читателей-рабочих, хотя издание становилось более известным в иной социальной среде, что обеспечило новые ресурсы финансовой и политической поддержки. В условиях обострения политической борьбы, сопровождавшейся распространением языка класса, антибуржуазного, «антибуржуйского» сознания, издания А. А. Суворина не воспринимались как «свои» жителями рабочих районов, хотя городские низы столицы продолжали их читать.

В. А. ДРОВЧЕНКО

Филиал Кемеровского государственного университета
в г. Анжеро-Судженске

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ДИАЛОГ: ИЗМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (МАРТ — НОЯБРЬ 1917 Г.)

В статье на основе широкого круга источников представлена характеристика отношений между властью и обществом в Томской губернии в период от свержения самодержавия до установления там Советской власти (март — ноябрь 1917 г.). Выявлены основные принципы формирования, причины и характер изменений этих отношений. Сделан вывод о том, что попытка диалога между властью и обществом оказалась неудачной, поскольку не было создано эффективной системы управления, а основная масса населения вследствие низкого уровня политической культуры оказалась не готова к воплощению в жизнь базовых принципов правового государства.

Ключевые слова: власть, общество, революция, самоуправление, демократизация, реформирование, выборы, народные собрания, исполкомы, земства.

Русская революция 1917 г. выдвинула задачу создания принципиально новых отношений между властью и обществом как для выхода из того глубокого социально-экономического кризиса, в котором оказалась страна, так и для преодоления отставания от передовых держав. В ходе революции был апробирован ряд моделей, причем на окраинах развалившейся империи эти модели приобретали весьма своеобразные формы. Региональная специфика накладывала отпечаток на ход революционного процесса и в масштабах всей страны.

Проблема взаимоотношений власти и общества в революционный период нашла отражение в огромном количестве публикаций. В советской исторической науке Временное правительство было объявлено буржуазным, антинародным. Исходя из этого постулата, давалась трактовка как его политики, так и характера отношений с обществом¹.

¹ См.: *Кадейкин В. А.* Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований (ноябрь 1917 — август 1918 г.). Кемерово, 1966. 370 с.; *Зольников Д. М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Ново-

Ситуация стала меняться с конца 1980-х годов. За минувшие почти четыре десятилетия появилось довольно много публикаций, посвященных различным аспектам революции. Среди исследованных сибирских историков следует выделить монографии М. В. Шиловского² и Э. И. Черняка³. М. В. Шиловский рассмотрел деятельность основных политических группировок Сибири в связи с формированием ими властных структур и поиском оптимальной модели административно-территориального устройства. Э. И. Черняк на основе анализа материалов сибирских съездов пришел к выводу о том, что в условиях революции складывались новые основы взаимоотношений государства и общества, центр тяжести властного начала смещался к обществу и его организациям⁴.

Большую работу проделали сибирские исследователи по выявлению и публикации новых исторических источников. Следует отметить особый вклад В. И. Шишкина, который ввел в научный оборот широкий круг документов. Заслуживает внимания сборник документов «Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 — май 1921 г.)» (Новосибирск, 2015), в который включены эпистолярные источники, характеризующие положение человека в условиях быстрой смены политических режимов и трансформации общественного сознания. По мнению В. И. Шишкина, «наибольшее отражение в публикуемых документах получили политика властей по отношению к разным социальным слоям, взаимоотношения органов власти и граждан, проблемы и трудности адаптации населения к стремительно менявшимся и зачастую исключительно суровым политическим реалиям»⁵. В сборнике отражены свидетельства попыток власти наладить диалог с обществом в контексте углубляющегося социального раскола и эскалации насилия.

сибирск, 1969. 334 с.; *Горюшкин Л. М.* К характеристике политики Временного правительства в сибирской деревне // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 444–461; *Мицц И. И.* История Великого Октября: в 3 т. 2-е изд. М., 1977–1979. 784+1008 с.; *Бабикова Е. Н.* Двоевластие в Сибири. Томск, 1980. 158 с.; Победа Великого Октября в Сибири. Томск, 1987. Ч. 1–2. 320 с.; и др.

² *Шиловский М. В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. 428 с.

³ *Черняк Э. И.* Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 — ноябрь 1918 года). Томск, 2001. 238 с.

⁴ Там же. С. 229.

⁵ Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 — май 1921 г.): сборник документов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Изд. 2-е. Новосибирск, 2015. С. 9.

В данной статье анализируются отношения между властью и обществом в Томской губернии в период от свержения самодержавия до установления Советской власти (март — ноябрь 1917 г.). По мнению В. И. Шишкина, «это было уникальное по своему динамизму и экстремальности время, когда в России шла политическая и вооруженная борьба за государственную власть между различными политическими силами <...> Такое противостояние многократно ставило сибиряков перед проблемой политического выбора, ценой которого была жизнь, и предельно обострило для них проблему политической адаптации»⁶.

Томская губерния к 1917 г. включала большую часть территории Западной Сибири: современные Кемеровскую, Новосибирскую, Томскую области и Алтайский край. После выделения в самостоятельную административно-территориальную единицу Алтайской губернии в июне 1917 г. население Томской губернии составляло примерно 1,5 млн человек. Около 90% из них проживало в сельской местности.

Губернский Томск был крупным административным, научным и культурным центром. Стремительно развивался Новониколаевск, росли рабочие поселки вокруг Анжерских, Судженских, Кемеровских и Кольчугинских копей.

Экономическая модернизация, ускорившаяся в Сибири на рубеже XIX–XX вв., вела к формированию новых социальных слоев и групп, которые активно включались в общественную жизнь региона. Попытки выражения ими своих интересов способствовали зарождению элементов гражданского общества, среди которых следует выделить органы местного самоуправления, общественные организации и периодическую печать.

В начале XX в. в крупных сибирских городах заметно изменился состав гласных городских дум. Купцов потеснили «лица интеллигентных профессий». Сформировался определенный тип городского гласного — городского деятеля, по-хозяйски, с заботой и рачительностью относившегося к своим обязанностям⁷.

Одной из форм проявления гражданских инициатив стало создание общественных организаций. К 1917 г. в губернии с разной степенью активности действовало более 300 таких организаций

⁶ Шишкин В. И. Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты изучения // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: сб. науч. статей. Новосибирск, 2015. С. 17.

⁷ См.: Томск. История города от основания до наших дней / под ред. Н. М. Дмитриенко. Томск, 1999. С. 113.

(без учета кооперативных и профсоюзных). Около 170 из них находились в Томске, по 30 — в Новониколаевске и в Барнауле. Большинство из них были благотворительными и культурно-просветительными.

Широкое развитие получила кооперация, содействовавшая не только экономическому развитию, но и культурному просвещению населения. К 1917 г. в губернии насчитывалось не менее тысячи кооперативных обществ.

События в стране и крае подробно освещались в местной прессе, которую Г. Н. Потанин называл «выразителем нужд Сибири»⁸. Накануне Февральской революции в Томске регулярно выходили такие крупные газеты, как «Сибирская жизнь» и «Утро Сибири», в Новониколаевске — «Алтайское дело» и «Голос Сибири».

Одной из важнейших задач формировавшегося гражданского общества было установление диалога с властью. Несмотря на то, что самодержавие жестко регламентировало деятельность обществ, власть вынуждена была считаться с мнением общественности.

Большое влияние на общественную жизнь Сибири оказала политическая ссылка. Бывшие ссыльные активно участвовали в деятельности общественных организаций, сотрудничали с периодическими изданиями, фактически контролировали сибирскую кооперацию. Ссыльные вели и нелегальную работу. В конце 1915 г. в Мариинске оформилась сибирская группа социалистов-революционеров (с марта 1916 г. — Сибирский союз социалистов-революционеров). Объединенная группа социал-демократов под руководством меньшевиков с 1916 г. действовала в Новониколаевске. В конце того же года бывшими ссыльными, призванными в армию, в Томском гарнизоне был создан Военно-социалистический союз, объединивший около 200 человек. В его рядах были большевики, меньшевики, эсеры и беспартийные. Среди членов союза были такие яркие личности, как А. А. Звездов, А. Ф. Иванов, В. М. Косарев, С. А. Кудрявцев, И. Н. Смирнов и Н. Н. Яковлев.

К 1917 г. в Томске были сконцентрированы значительные интеллектуальные силы Сибири. По количеству структур формирующегося гражданского общества Томская губерния заметно опережала другие сибирские территории. Общественные и революционные организации губернии стали своеобразной школой политического просвещения, оставили заметный след в истории Сибири периода революции и гражданской войны.

⁸ Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 283.

Известие о свержении самодержавия было получено в Томске 2 марта 1917 г. На улицах стали собираться толпы солдат, студентов, обывателей, появились красные знамена. Вечером того же дня гласные городской думы, представители общественных организаций и политических партий образовали Комитет общественного порядка и безопасности (КОБ). Первоначально в него вошли десять человек: пять гласных (адвокаты С. В. Александровский, Б. М. Ган и Н. В. Патрушев, предприниматель К. Р. Эман, техник П. В. Соколов) и пять представителей демократических организаций (А. В. Шотман — от Военно-социалистического союза, А. Ф. Иванов — от большевиков, В. П. Денисов — от меньшевиков, В. И. Анучин и Е. В. Захаров — от эсеров). Председателем комитета был избран «беспартийный социалист» Б. М. Ган. Томский губернатор В. Н. Дудинский 3 марта в обращении к населению заявил, что распоряжения КОБа обязательны для всех жителей Томска. 5 марта Томский КОБ отстранил губернатора от должности, а для исполнения его обязанностей из состава КОБа был образован комиссариат в составе А. А. Барока, М. А. Воскобойникова и П. В. Вологодского⁹.

Состав созданного Томского КОБа активно пополнялся новыми членами: представителями профсоюзов, общественных организаций, предприятий и учреждений. Их число быстро увеличилось и к концу марта составляло 165 человек, представлявших свыше 70 организаций города¹⁰.

Новониколаевский комитет общественного порядка был сформирован 3 марта на заседании думы с представителями общественных организаций. В него вошли гласные городской думы, представители кооперативов, общественных и партийных организаций, Совета рабочих и солдатских депутатов. Председателем исполнительного бюро стал Н. Е. Жернаков¹¹, товарищами председателя — меньшевик Н. А. Рожков и эсер А. В. Сазонов.

В первые дни марта 1917 г. КОБы были образованы во всех городах и рабочих поселках губернии, а к концу марта — в большинстве сельских населенных пунктов. В комитетах, возникших по инициативе местных жителей, были представлены разные слои населения, организации и учреждения. Комитеты возни-

⁹ Сибирская жизнь (Томск). 1917. 4, 7 марта.

¹⁰ Голос свободы (Томск). 1917. 25 марта.

¹¹ Н. Е. Жернаков сначала примыкал к эсерам, а затем создал собственную немногочисленную организацию социал-революционеров-федералистов, стоявшую на областнических позициях.

кали как органы, сформированные на многопартийной основе. Через них воплощалась в жизнь идея широкой демократической коалиции.

КОБы, отстранив старую администрацию и заменив полицию милицией, взяли на себя всю полноту власти на местах. Томский КОБ, который вскоре стал губернским, освободил из-под надзора политических ссыльных, назначил комиссаров в уезды и крупные рабочие поселки. КОБы принимали меры по обеспечению порядка, занимались хозяйственной деятельностью, учетом продовольствия, сбором налогов, городским жизнеобеспечением. Их деятельность была направлена не только на решение местных проблем, но и поиск компромисса между различными социальными группами.

Сибирские газеты, рассказывая о событиях первых мартовских дней, сообщали о всеобщем ликовании, о массовых акциях в поддержку новой власти. В Томске, Каинске, на Анжерских и Судженских коях прошли демонстрации, в Кузнецке и Щеглово были отслужены торжественные молебны¹².

В Декларации Временного правительства, опубликованной 3 марта 1917 г., был объявлен курс на демократические преобразования, провозглашены свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек¹³. В начале марта эти свободы, как отмечал В. И. Шишкин, в жизни городского социума Сибири утвердились явочным порядком¹⁴. «Не только „в столицах шум“, где куется новая свободная Россия, но и „в глубинке“ уже не прежняя „вековая тишина“, — здесь та же энергичная, кипящая жизнь», — было отмечено в обзоре прессы в газете «Сибирская жизнь» 14 марта 1917 г.

После свержения самодержавия многие представители революционно-демократических кругов были убеждены в том, что революция, кардинально изменив отношения в обществе, открыла перед массами возможность самоорганизации, а властные структуры и политические партии должны лишь содействовать этому процессу. В статье «Задачи момента», опубликованной в газете «Сибирская жизнь» 7 марта 1917 г., указывалось: «Момент таков, что необходимо использовать все, что так или иначе могло бы возможно быстрее сплотить разрозненные массы, воспитать

¹² Сибирская жизнь. 1917. 5, 14, 15, 23 марта; Утро Сибири (Томск). 1917. 12, 15 марта; Новая жизнь (Томск). 1917. 30 марта.

¹³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

¹⁴ Шишкин В. И. Февральская революция в Сибири (2–10 марта 1917 г.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 4 (12). С. 33.

в них дисциплину, привить им сознание ответственной гражданственности».

В первые мартовские дни преобладал «вечевой» характер принятия решений. Непосредственно демократия проявлялась в проведении митингов, собраний, шествий, создании различных организаций. Легализовались отделы революционных партий, создавались Советы рабочих и солдатских депутатов. В течение марта в Томске было образовано более 30, а в Новониколаевске — более 20 профсоюзов¹⁵. Активизировались представители национальных диаспор. В Томске организации были созданы грузинами, латышами, мусульманами, украинцами и поляками, в Новониколаевске — мусульманами, литовцами, поляками и эстонцами. Значительная часть этих организаций имела своих представителей в КОБах.

От разных организаций, учреждений и трудовых коллективов в КОБы поступали многочисленные предложения и требования. Ставшие стихийным воплощением идеи народовластия, КОБы пытались вести диалог с обществом, оперативно реагируя на его запросы.

Вскоре после создания КОБов в их работе стали проявляться очевидные недостатки. В их составе оказалось немало случайных людей, которые, как отмечал член Томского КОБа А. В. Шотман, никакой работы не вели, а только требовали постоянных отчетов¹⁶. Отсутствие правовой базы, регламентировавшей деятельность КОБов, вело к тому, что они сами определяли свои функции, действовали исходя из местных условий, причем нередко игнорируя требования вышестоящих властей.

Поскольку Временное правительство медлило с официальным признанием КОБов, а разработка реформы местного самоуправления затягивалась, инициативу проведения такой реформы взял на себя Томский КОБ. Уже к середине марта им был разработан проект создания системы органов местного самоуправления в масштабах губернии. 13 марта 1917 г. было опубликовано постановление Томского КОБа «О порядке выборов народных собраний и исполнительных комитетов». В постановлении была определена вертикаль власти в границах губернии на основе принципа разделения властей. Законодательная власть сосредото-

¹⁵ См.: Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.: Хроника. Т. 2: Март 1917 — май 1918 г.: в 2 ч. Ч. 1: Март — август 1917 г. / сост. Э. И. Черняк, В. А. Дробченко. Томск, 2013. С. 44–147.

¹⁶ Шотман А. В. Февральская революция в Томске // Пролетарская революция. 1927. № 2–3. С. 272.

точивалась в руках сельских, волостных, уездных, городских и губернского народных собраний, исполнительная — в соответствующих исполнительных комитетах¹⁷.

Вопрос о проведении выборов в народные собрания был вынесен на совещание членов Томского КОБа с представителями Барнаула и Новониколаевска 25 марта 1917 г. Выступавшие указывали на необходимость формирования легитимных властных структур. Н.Н. Яковлев утверждал, что нужно «с выборами спешить, чтобы поставить на место существующих временных комитетов более авторитетные органы». В.С. Сизиков подчеркивал, что «революционный момент выдвинул на верхи общественной жизни революционно-демократические элементы, и пока они держатся на поверхности, пока не оправились от растерянности умеренные и солидные круги, нужно призвать к строительству жизни демократию, даже поступившись правильностью избирательной техники в уездах». В.С. Сизиков указал, что необходимо провести в сознание масс идею истинно-демократического выборного начала¹⁸.

Автор редакционной статьи, опубликованной 29 марта 1917 г. в газете «Голос свободы», выражал уверенность в том, что комитеты были созданы «по властному требованию революционного момента». Как отмечалось в статье, «девятый вал, захвативший всю страну, наряду с разрушением старого прогнившего порядка, всюду, начиная от крупных центров и кончая забытыми людьми и богем углами, создавал в среде самой общественности новые взаимоотношения и новые формы контроля и управления». Однако комитеты возникали стихийно, а «без устойчивого регулирующего начала не мыслима общественная жизнь», и потому, по мнению автора, необходима была такая реформа самоуправления, которая привела бы к демократизации всего местного строя.

Инициатива губернского КОБа не нашла поддержки Временного правительства. Из Петрограда в Томск пошли телеграммы, в которых рекомендовалось не торопиться с проведением выборов. Против выборов выступили кадеты и лидеры томских областников. Попытки затормозить проведение реформы встретили резкую критику со стороны томских социалистов. В редакционной статье газеты «Голос свободы» от 13 апреля 1917 г. указывалось: «Временное центральное правительство не может быть абсолютистским и самовластным: оно есть и должно быть лишь

¹⁷ Известия Томского временного комитета общественного порядка и безопасности. 1917. 13 марта.

¹⁸ Голос свободы. 1917. 30 марта.

выразителем революционной воли передовых кадров демократии, опирающейся на весь народ и черпающей свою силу в нем».

С апреля, несмотря на недовольство центра и противостояние правых, началась выборная кампания. Были организованы избирательные участки, сформированы избирательные комиссии, составлены списки избирателей. Подробные рекомендации и инструкции по проведению выборов рассылались на места, публиковались в местных газетах.

Выборы проводились на основе прямого, равного, тайного голосования, к ним допускались все лица, достигшие 18 лет и не лишённые гражданских прав. Однако вводился ценз оседлости, который составлял 3 месяца.

В Томске борьба за голоса избирателей развернулась между кадетами и социалистами, которые шли по списку Томского коалиционного комитета социалистических организаций. В Новониколаевске было выдвинуто восемь списков: домовладельцев Вокзального района, мусульман, прогрессистов-домовладельцев и мелких торгово-промышленников, эсеров, еврейского общества, социал-демократов, республиканцев-демократов и группы газеты «Свободная Сибирь»¹⁹. Чтобы избиратели не запутались, списки были окрашены в разные цвета.

Единого дня голосования назначено не было. В Томске выборы прошли по двум куриям: гражданской и военной. В гарнизоне они были проведены 14–15 апреля, а в городе — 16 апреля. В Новониколаевске выборы были проведены 16 апреля, в Тайге — 25 апреля.

Явка на выборы в народные собрания была высокой. В Томске из 65 тыс. избирателей проголосовало 43,6 тыс. человек (67,1%). В Тайге из пяти тысяч избирателей в выборах участвовало чуть более 3,7 тыс. человек (74,8%)²⁰.

В целом выборы в губернии прошли спокойно, хотя и были зафиксированы отдельные эксцессы и нарушения. В с. Поломошное Томского уезда крестьяне категорически возражали против участия женщин в выборах. В с. Усть-Сосновское Кузнецкого уезда секретарь волостного комитета Лабутин, пользуясь неграмотностью большинства крестьян, раздал им заранее приготовленные бюллетени с внесенными в них фамилиями²¹.

20 апреля 1917 г. открылось губернское народное собрание. На его первом заседании из 522 избранных депутатов присутство-

¹⁹ Голос Сибири (Новониколаевск) 1917. 16 апреля.

²⁰ Сибирская жизнь. 1917. 18 апреля; Новая жизнь. 1917. 30 апреля.

²¹ ГАТО. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 8. Л. 19; Сибирская жизнь. 1917. 25 мая.

вало не менее 300 человек. Абсолютное большинство делегатов (66,5%) составляли крестьяне. По национальной принадлежности делегаты распределялись так: русские — 75,2%, украинцы — 8,4%, белорусы — 1,5%, инородцы — 6,3%, то есть почти пропорционально национальному составу населения губернии. По партийной принадлежности 61,3% делегатов были эсерами или сочувствующими им, 9,7% — членами организаций, близких к революционному народничеству, 6,0% являлись социал-демократами, 23,0% были беспартийными. Томский статистик В. Я. Нагнибеда, полагал, что состав корпуса делегатов губернского народного собрания «отражает подлинную жизнь населения всего края в данный момент и дает ключ к пониманию его чаяний нового счастья и возможностей эти чаяния осуществить»²².

Работа собрания растянулась почти на месяц — до 18 мая. Делегаты обсудили вопросы о власти, войне, земле и автономии Сибири. 30 апреля было принято постановление «О народных собраниях и исполнительных комитетах в Томской губернии». В дополнение к ранее принятому постановлению Томского КОБа оно определяло структуру власти в губернии, уточняло функции сельских, волостных и уездных самоуправлений. Подчеркивалось, что одной из важнейших обязанностей исполнительных комитетов является защита основных прав каждого гражданина, охрана спокойствия и безопасности граждан, неприкосновенность их имущества. На комитеты возлагалось «предупреждение всяких попыток лишить народ завоеванной свободы или умалить его права на управление своими делами». Для этого, как указывалось в постановлении, необходимо было четко соблюдать избирательные права граждан и осуществлять надзор над деятельностью должностных лиц и органов власти, не допускать нарушений прав граждан и необоснованных арестов. Постановлением закреплялся принцип свободы совести: запрещалось «всякое стеснение граждан в исполнении правил и обрядов их веры»²³.

На последнем заседании первой сессии народного собрания делегаты дали оценку деятельности губернского КОБа. В принятой резолюции отмечалось, что КОБ, «организовав выборы в народные собрания на началах демократического строя, дал этим толчок к прекращению анархии, возникшей в момент разрушения старой власти, понимая под этой анархией как отсутствие но-

²² Голос свободы. 1917. 13 мая.

²³ См.: Постановления первой сессии Томского губернского народного собрания (с 20 апреля по 18 мая 1917 г.). Томск, 1917. С. 2–14.

вой власти, так и самое разнородное ее существование»²⁴. Делегаты избрали исполнительный комитет губернского народного собрания во главе с Б.М. Ганом, которому губернский КОБ передал свои полномочия.

В апреле начали работу Каинское, Кузнецкое, Мариинское, Томское уездные народные собрания. Городские народные собрания открылись 25 апреля в Новониколаевске и 7 мая в Томске. В рабочих поселках и сельской местности созыв народных собраний растянулся до середины лета.

В результате выборов в народные собрания власть в губернии оказалась в руках коалиции социалистических партий с заметным преобладанием эсеров. Так, в Томском городском народном собрании было 43 эсера, 15 меньшевиков, 18 большевиков, в Новониколаевском — 67 эсеров, пять меньшевиков, два большевика, в Тайгинском — семь социал-демократов, два эсера и 16 беспартийных²⁵. Эсеры возглавили Мариинский (П.Н. Марков), и Томский (М.П. Рудаков) уездные, Новониколаевский городской (Н.Е. Жернаков), Судженский поселковый (Г.И. Велижанин) исполнительные комитеты. Впрочем, Нарымским краевым и Татарским районными комитетами руководили большевики П.И. Воеводин и М.С. Закревский.

На сессиях народных собраний формировались исполнительные комитеты, на которые возлагалось выполнение решений народных собраний. В инструкции, направленной волостным комитетам Томского уезда уездным комиссаром М.П. Рудаковым, указывалось, что «при избрании состава комитета народное собрание должно руководствоваться главным образом полным доверием и симпатиями, питаемыми к избираемой личности всем обществом, так как только при таких условиях может образоваться прочный общественный порядок, столь необходимый в настоящее время»²⁶.

Исполнительным комитетам передавались все дела старой администрации. Они ведали учетом продовольствия, выдачей пособий семьям призванных, формировали милицию. В вышеупомянутой инструкции указывалось, что сельские комитеты «в смысле контроля и разъяснений» подчинены волостному комитету²⁷.

²⁴ Протоколы Томского губернского народного собрания. Сессия 1-я. Томск, 1917. С. 211.

²⁵ Голос Сибири. 1917. 20, 27 апреля; Новая жизнь. 1917. 26, 30 апреля; Томск. История города... С. 191.

²⁶ Голос свободы. 1917. 12 апреля; Новая жизнь. 1917. 12 апреля.

²⁷ Там же.

Реформа местного самоуправления в Томской губернии привела к созданию первого в России регионального парламента, а также органов народного представительства, обладавших широкими полномочиями в решении вопросов местной жизни.

Исполнительные комитеты вели большую работу по преодолению продовольственного кризиса. Они разрабатывали нормы потребления, предпринимали попытки установить твердые цены на продовольствие и товары первой необходимости, организовывали снабжение городов и рабочих поселков. Комитетам приходилось решать такие вопросы социальной сферы, как ремонт школ и больниц, изменение и утверждение ставок для педагогов и медиков. В связи с этим они часто сотрудничали с Советами и профсоюзами.

Одним из важнейших направлений деятельности губернско-го и уездных исполнительных комитетов стало разрешение трудовых конфликтов. Весной — летом 1917 г. специальные комиссии работали на коях Кузбасса. В их состав были включены представители администрации предприятий и рабочих организаций. Решения комиссий были направлены на улучшение социально-экономического положения рабочих. Представители губернского исполкома участвовали в урегулировании конфликтов на Судженских и Щербиновских коях, Кемеровском химзаводе²⁸.

Курс на сохранение социального мира через достижение компромисса при решении конфликтов, взятый губернскими властями после свержения самодержавия, нашел поддержку у служащих и администрации предприятий. Так, состоявшийся 15–17 марта 1917 г. Первый съезд горных инженеров и техников каменноугольных копей Томской губернии высказал пожелание «о необходимости установления между администрацией копей и рабочими отношений, основанных, согласно нового направления жизни в свободной России, на полном доверии и полной трудовой дисциплине»²⁹.

До лета 1917 г. служащие и интеллигенция, выступая в поддержку демократических преобразований, крайне редко выдвигали требования улучшения своего материального положения. Первый делегатский съезд служащих Томского почтово-телеграфного округа в середине апреля 1917 г. постановил вообще «воз-

²⁸ Голос свободы. 1917. 13 июля; Путь народа (Томск). 1917. 25 августа; Знамя революции (Томск). 1917. 1 сентября.

²⁹ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Э. И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1–2. С. 10.

держиваться от отдельного предъявления трудноосуществимых до конца войны требований»³⁰.

Для рабочих на первом месте были вопросы повышения материального благосостояния, резко ухудшившегося в годы войны. Значительная часть их экономических требований к предпринимателям находила поддержку у губернских властей.

В первые послереволюционные месяцы многие представители новой властной элиты как в центре, так и на местах питали надежды на то, что насилие не будет использоваться как основной инструмент воздействия на общество. В начале марта Временным правительством были упразднены репрессивные органы и институты царского режима: полиция, жандармерия, каторга, ссылка. Томский КОБ в середине марта по распоряжению правительства освободил всех уголовников, пожелавших вступить добровольцами в армию³¹.

Ликвидация ссылки и каторги способствовала обострению криминогенной ситуации. К лету 1917 г. только в Томске находилось до 1,5 тыс. солдат из бывших уголовников. Губернский комиссар Б.М.Ган сообщил председателю Совета министров, что «амнистированные уголовные, призванные в войска, совместно с другими преступными элементами гражданского населения систематически совершают грабежи, убийства»³².

В связи с высоким уровнем преступности в ночь со 2 на 3 июня решением исполнительных комитетов губернского, уездного, городского народных собраний, Советов рабочих, солдатских и офицерских депутатов, комитетов партии эсеров и РСДРП в Томске было введено военное положение. В ходе облав и обысков было арестовано более тысячи человек. Во время арестов в перестрелке погибло около 20 человек, несколько было ранено³³.

Обстановку в Томске удалось стабилизировать лишь на время. В губернии, как и во всей стране, ситуация осложнялась нарушением экономических связей между городом и деревней, инфляцией, снижением уровня жизни. На общественные настроения влияли и завышенные социальные ожидания основной массы населения. Мариинский уездный комиссар П. Марков отмечал, что «некоторые граждане хотят получить все, что им раньше не доставалось, и других призывают к тому же»³⁴.

³⁰ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии... С. 21.

³¹ Шотман А.В. Февральская революция... С. 275–276.

³² ГАТО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

³³ Общественно-политическая жизнь Томской губернии... С. 266–267.

³⁴ Социалист-революционер (Мариинск). 1917. 23 июня.

Волостные и сельские комитеты нередко принимали популистские решения. Так, исполнительный комитет пос. Пушкино Мариинского уезда отменил платежи, подати, сельскую волостную гоньбу и постановил, что жители поселка могут рубить лес, косить сено и пахать пашню там, где им понравится. Исполнительный комитет с. Таежное Томского уезда, исходя из принципа «воля народа — закон», захватил здание лесничества. Краснореченский комитет запретил заготовку леса для нужд Ачинск-Минусинской железной дороги, как «не имеющей никакого абсолютно государственного значения»³⁵.

В губернский исполком поступал огромный поток обращений крестьянских обществ с просьбами об открытии больниц, школ, обеспечении семенами, сельхозтехникой и т. п. Однако ни сил, ни средств для их удовлетворения у губернских властей не было.

Губернским властям так и не удалось создать эффективную систему управления губернией. Власть губернского исполкома распространялась лишь на уездные центры и частично на рабочие поселки, а волостные и сельские комитеты оказались вне системы властных отношений. Большинство распоряжений губернского комитета не выполнялось. Попытки воздействовать на низовые структуры сводились к увещаниям и угрозам принять самые решительные меры. Однако ни одного случая привлечения к ответственности должностных лиц за невыполнение распоряжений губисполкома выявить не удалось.

Значительная часть сельского населения, оказавшись вне системы властных отношений, игнорировала выполнение повинностей и уплату налогов. В результате прекратилась доставка почты в отдаленные районы, не ремонтировались дороги и мосты. В Томской губернии только за март – май 1917 г. сбор налогов сократился на 42,0% по сравнению с аналогичным периодом в 1916 г. За апрель – июнь погашение ссудных долгов переселенцами составило по Томскому уезду 0,9%, по Кузнецкому – 1,7%, по Каинскому – 0,1%, по Мариинскому – 0,003 процента³⁶.

В губернии росло число трудовых конфликтов, обострялись отношения между рабочими и администрацией предприятий. Крестьяне упраздняли лесную стражу, осуществляли самовольные порубки леса и захваты земли. В начале июня исполняющий дела

³⁵ Крестьянский союз (Томск). 1917. 17 июня; Сибирская жизнь. 1917. 21 июня; Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1987. С. 175.

³⁶ Наш голос (Красноярск). 1917. 25 июля; Голос свободы. 1917. 18 октября.

начальника Верх-Томского лесничества сообщал в Министерство внутренних дел о том, что местные власти не в силах удержать крестьян «от захватных действий»³⁷.

Массовый характер приобрело самогонварение. В деревне Симбирка Мариинского уезда из 193 дворов только в 10–15 домах жители не гнали самогон. В д. Каргайла Кузнецкого уезда «самоsidку» готовили почти в каждом дворе. В д. Вороновой Томского уезда милицией было обнаружено 11 самосидочных заводов. В деревне Байкаим Кузнецкого уезда милицией на кустарном самогонном заводе было обнаружено более 900 ведер самогона. Завод, как выяснилось, принадлежал всему байкаимскому обществу. Жители деревни протестовали против уничтожения самогона, угрожали милиционерам³⁸.

Губернское и уездные народные собрания принимали постановления о борьбе с самогонварением. Волостные и сельские комитеты вводили штрафы за производство, продажу и потребление самогона. Борьбу с самогонщиками вела милиция. Однако все эти меры оказались неэффективными. В начале июля Касминский волостной комитет сообщал в Кузнецкий исполком, что «в пределах волости с большим размахом развилась выгонка самогонки, <...> комитет бороться с этим злом не в силах»³⁹.

Бессилие властей в наведении порядка вело к тому, что население стало решать проблемы по своему усмотрению. 2 июня в Тайге рабочие депо пытались устроить самосуд над задержанными конокрадами. 8 октября на ст. Ижморская солдатами из проходившего эшелона был избит машинист за то, что он «тихо ехал»⁴⁰.

Наиболее часто самосуды устраивались в деревне. Как полагал Б.М. Ган, основная их причина — «недостаточная культурность и чрезвычайно благоприятствующие им обстоятельства — недоверие населения к суду и малочисленность здешнего состава мировых судей». Он отмечал, что в губернский комитет поступают мотивированные протоколы по поводу самосуда со ссылками на то, что «мировой судья — приверженец старого режима»⁴¹.

Нередко повод для недоверия органам власти давали сами ее представители. Наиболее часто это проявлялось на низовом уровне

³⁷ Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири... С. 162.

³⁸ Голос свободы. 1917. 24 мая; Сибирская жизнь. 1917. 11 июня; Крестьянский союз. 1917. 10 июня; Знамя революции. 1917. 2 июля.

³⁹ ГАТО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 5 а. Л. 279.

⁴⁰ Новая жизнь. 1917. 11 июня; Путь народа. 1917. 31 октября.

⁴¹ ГАТО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 2. Л. 246 об.

не. Так, члены сельского исполнительного комитета на ст. Чулымская организовали торговлю самогоном. В с. Воскресенка Мариинского уезда винокурением занимались члены волостного комитета. В с. Усть-Сосновское Кузнецкого уезда членами волостного комитета за некачественную работу был избит портной-австриец. В с. Красный Яр Мариинского уезда председатель волостного комитета, бывший священник Михайлов, растратил казенные средства⁴².

Рост недоверия к органам самоуправления ярко проявился на выборах в земство, которые на основе принятого Временным правительством положения проводились в губернии осенью 1917 г. В Томском уезде участие в выборах в уездное земство приняло около 40,0% избирателей, то есть заметно меньше, чем в выборах в народные собрания. На Протоповском избирательном участке Спасской волости проголосовало только 7,3% избирателей, а в деревнях Плотниково и Зеледеево выборы вообще не состоялись из-за коллективного отказа населения от участия в них⁴³.

Сибирскому крестьянину «туго прививается идея земства», и он не верил, что «самоуправление улучшит жизнь деревни». Так отмечал некто, скрывшийся за подписью S. Saul, характеризуя введение земства в Сибири⁴⁴.

С конца лета в губернии в связи с ухудшением экономической ситуации стала нарастать волна забастовочного движения. На митингах и собраниях рабочих в Томске, Тайге, Новониколаевске, на Анжерских и Судженских копях, а также на Кемеровском химзаводе выдвигались требования прекращения войны, установления контроля над производством, решения земельного вопроса. Все чаще выражалось недоверие Временному правительству, звучали требования перехода власти в руки революционной демократии в лице Советов⁴⁵.

В. И. Шишкин обратил внимание на то, что осенью 1917 г. резко сократилось количество «писем во власть». Исследователь связывал это с состоянием властной пирамиды, которая переживала острый кризис, катастрофическое падение авторитета и популярности⁴⁶.

⁴² Голос свободы. 1917. 5 августа; Сибирская жизнь. 1917. 10 августа; Земля и воля (Мариинск). 1917. 12 декабря.

⁴³ *Бабикова Е. Н.* Борьба с контрреволюционным земством в Томской губернии (1917 — апрель 1918 г.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 4. С. 191.

⁴⁴ Путь народа. 1917. 29 августа.

⁴⁵ Знамя революции. 1917. 6, 14, 17 сентября, 6 октября, 9 ноября; *Зольников Д. М.* Рабочее движение в Сибири... С. 316–319.

⁴⁶ Письма во власть... С. 9.

Социал-демократ В. М. Бархатов, анализируя ситуацию осени 1917 г., отмечал: «В широких народных массах быстро нарастало недовольство политикой центра. Это же недовольство переносилось и на местные органы управления и самоуправления. Творческий созидательный процесс отставал от процесса разложения и деморализации. Исчезала внутренняя дисциплина и гражданская ответственность. Недоверие проявлялось ко всему и всем. Масса перестала верить даже своим избранникам»⁴⁷.

Нарастающее размежевание масс продемонстрировали муниципальные выборы, проведенные осенью 1917 г. В Томскую городскую думу прошли 34 большевика, 24 эсера, 17 кадетов и шесть меньшевиков. В Новониколаевскую городскую думу было избрано 42 эсера, 14 домовладельцев, 12 большевиков, семь социал-демократов-объединенцев, два эсера оборонца и один республиканец-демократ⁴⁸.

На выборах в Учредительное собрание, которые проходили в губернии 12–14 ноября, лидировали эсеры, набравшие более 80 % голосов. Однако в губернском административном центре расклад был иной. Томичи отдали 29 % голосов за кадетов, 23 % — за большевиков, 22 % — за эсеров. С учетом голосов солдат Томского гарнизона большевики получили в Томске 40 %, эсеры — 23 %, кадеты — 20 % голосов⁴⁹. «Выборы показывают, что сама страна резко разделилась на два враждебных лагеря», — такой комментарий был дан в газете «Голос свободы»⁵⁰.

В то же время выборы показали, что у коалиции социалистов, находившейся у власти в Томской губернии, не было реальных политических конкурентов. Кризис губернской власти был связан с ее неспособностью (часто — по объективным причинам) решить проблемы обеспечения населения продовольствием, топливом, остановить рост преступности и самогоноварения.

Б. М. Ган, выступивший с докладом о деятельности губернского исполнительного комитета на первой сессии губернского земского собрания в начале декабря 1917 г., заявил, что «комитет делал все, что мог, чтобы в губернии не возникло ссор и беспорядков, какие бывали в других губерниях». Он отметил, что далеко не все задуманное комитету удалось осуществить. Одной из при-

⁴⁷ Бархатов В. 25 февраля 1917 – 25 февраля 1918 г. // Школа и жизнь Сибири (Томск). 1918. № 3. С. 8.

⁴⁸ Сибирская жизнь. 1917. 6, 28 октября; Голос Сибири. 1917. 10 ноября.

⁴⁹ См.: Дробченко В. А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск, 2010. С. 218–219.

⁵⁰ Голос свободы. 1917. 3 декабря.

чин этого, по его мнению, была постоянная нехватка средств. Однако больше всего, по мнению Б. М. Гана, «сохранению порядка и правильного хода жизни в губернии мешало невежество. Многие, по невежеству своему, поняли свободу неверно: решили, что раз свобода, делаю, что хочу и только. А не поняли, что правильна жизнь людей только когда они между собой согласно живут. Когда каждый не только о своем животе, да кармане, а еще и о соседях заботится». Б. М. Ган подчеркнул, что «нельзя что-нибудь выкроить для народа, когда сам народ тому мешает»⁵¹.

Таким образом, предпринятая после свержения самодержавия в Томской губернии попытка создать систему власти на принципах народовластия и правового государства, закончилась провалом. Губернским властям не удалось построить модель, основанную на партнерских отношениях с обществом. Ни власть, ни общество не были готовы к плодотворному диалогу.

Серьезным препятствием для этого диалога стал низкий уровень политической культуры и завышенные социальные ожидания значительной части населения. Общество оказалось не готово к самоуправлению и саморегулированию. Попытки властей вступить в диалог с массами, воздействовать только на их сознание, не прибегая к силовым методам, воспринимались этими массами как проявления слабости, неспособности решать имеющиеся проблемы. Результатами этого стали рост недоверия к власти и игнорирование ее требований.

Различия в социальных ожиданиях слоев и групп населения определили их размежевание: усиление радикальных настроений у одной части общества и политической апатии — у другой. Общество все больше выходило за рамки правовых и моральных норм, быстро смещалась система ценностных координат, распались системообразующие связи. В этой ситуации отстранение существующей власти стало неизбежным.

⁵¹ Известия внешнего бюро при Томском губернском исполнительном комитете. 1917. № 6. 1–20 декабря.

Л. ЭНГЕЛЬШТЕЙН
Йельский университет (США)

НОВАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВОЗВРАЩАЯСЬ К 1917 ГОДУ

В статье рассматриваются три основные темы, которые доминируют в новейших исследованиях, посвященных революции 1917 г. и гражданской войне в России: проблема гражданского общества, роль насилия и репрессий, а также вопрос об империи. Утверждается, что историкам, в первую очередь российским, удалось выйти за рамки мифов советской эпохи, чтобы разработать новые концепты. Подчеркивается, что особое внимание ими уделяется роли насилия, применявшегося участниками российской революции как в форме массовых мобилизаций, так и в качестве идеологического инструмента. Кроме того, оценивается демократический потенциал начального этапа революции.

Ключевые слова: Российская империя, революция, большевики, насилие, демократия, гражданское общество.

«Новая российская революция» — что это значит? В 2017 г. мы отметили две годовщины: столетие событий 1917 г., которые привели в дальнейшем к созданию СССР, и четверть века распада Советского Союза, строго контролировавшего историю своего собственного происхождения. В соответствии с основополагающим советским мифом, Великая пролетарская революция стала, цитируя британского историка Э. Карра, исторической «вехой в освобождении человечества от гнета»¹.

Историки за пределами Советского Союза были вольны оспаривать этот миф, но они имели ограниченный доступ к источникам и даже в своей критике были зависимы от официальной версии. Контроль за историей ослаб после смерти И. В. Сталина и еще более — под влиянием перестройки, но только крах коммунистической власти в 1991 г. изменил наши взгляды на то, как начиналась советская эпоха.

¹ Davies R. W. Introduction (1979) // Carr Ed. *The Russian Revolution: From Lenin to Stalin (1917–1929)*. N. Y., 2004. P. 1. — Цит. на рус. языке: Э. Карр задается вопросом, следует ли рассматривать Октябрь 1917 г. как веху «в освобождении человечества от гнета <...> или как преступление и катастрофу» (Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? / под ред. П. В. Волобуева. М., 1991. С. 3).

Ключом к переосмыслению революции для отечественных и зарубежных историков стало открытие ранее недоступных архивов, именуемое «архивной революцией»². Достаточно удивительно, что революция по мере своего развития создавала свои собственные архивы. Даже в хаосе революционных событий, когда весь мир распадался на части, все так же велись протоколы, писались приказы, хранилась переписка³. Не менее удивительно то, что сталинский, а затем и постсталинский режимы, сохраняя компрометирующий их материал втайне от общества, не решились его уничтожить. В результате развенчание мифов теперь имеет документальную почву, придающую современному скептицизму дополнительный вес. «Архивная революция», в свою очередь, породила терминологическую революцию и революцию интерпретаций, поощряемую международным обменом и сотрудничеством историков. Исследования и труды В. И. Шишкина занимают одно из центральных мест в этой «новой волне» изучения революции и гражданской войны.

Колоссальные изменения, определившие, начиная с 1991 г., практические условия и политический контекст написания истории 1917 г., означают, что при рассмотрении событий столетней давности мы пользуемся сегодня не только преимуществом временной дистанции и угасанием страстей «холодной войны», но и новыми источниками и способами мышления. Деятельность российских коллег была примечательна не только тем, что они оспорили старые клише, но и их сопротивлением соблазну создать новый господствующий нарратив. Вместо этого они вели кропотливую эмпирическую работу, публиковали первичные документы, совершая интеллектуальный труд, необходимый для выхода за рамки идеологических категорий. Тем не менее, кое-какие избитые образы времен «холодной войны» вновь появились недавно в американских СМИ: с одной стороны — злодей Ленин, с другой — славная Утопия. В то же время многие невоспетые герои революции так и остались в тени: интеллигенты, полити-

² Шишкин В. И. Введение // Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь — август 1918 г.): сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2013. С. 7. Мои исследования революции 1917 г. и гражданской войны в основном изложены в следующей работе: Engelstein L. Russia in Flames: War, Revolution, and Civil War, 1914–1921. New York, 2018. 856 p.

³ См.: Павлов Д. Б. Собрания уполномоченных фабрик и заводов: итоги и перспективы изучения // Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г.: собрания уполномоченных фабрик и заводов: документы и материалы / под ред. Д. Б. Павлова. М., 2006. С. 31–32.

ческие активисты и простые люди, которые боролись за человеческое достоинство и демократические права, даже неясно себе представляя, что же будет в конце.

В данной статье проанализирован процесс выхода современной историографии за рамки традиционных сюжетов истории революции. Для этого рассмотрены три основные темы: во-первых, вопрос гражданского общества, во-вторых, роль насилия и репрессий и, в-третьих, вопрос об империи.

Здесь есть основания вспомнить первую реакцию научного общества постсоветской России на конец политической цензуры и напомнить о том, насколько драматичен был этот момент. Скептикам не нужен был крах коммунизма для понимания того, что настойчивость большевиков в использовании языка революции, этого порождения мировоззрения победителей гражданской войны, служила политическим и идеологическим целям. Теперь появилась возможность проанализировать эти цели и посмотреть на новые доказательства свежим взглядом.

Священная корова пала. В исследовании народных бунтов В. В. Канищева, опубликованном в 1995 г., автор настаивал на том, что успех большевиков в октябре 1917 г. зависел не от сознательного пролетариата, а от «анархистски настроенных слоев населения», от «стихийной бунтарской массы»⁴. Покойный С. В. Яров утверждал в 1999 г., что «в массе своей, за исключением отдельных отрядов рабочих-активистов и красногвардейцев, петроградский пролетариат не участвовал в Октябрьском вооруженном восстании»⁵. Редакторы документального сборника о Кронштадтском мятеже, опубликованного в 1997 г., писали, что «кронштадтская трагедия», далекая от того, чтобы быть заговором белогвардейцев, каковым ее считали долгое время, послужила «для правящей группировки Ленина испытательным полем для формирования власти, основанной на преступно-репрессивной практике, прикрываемой лозунгами справедливости»⁶.

Была опровергнута также официальная клевета в адрес крестьянского сопротивления времен гражданской войны как пресловутых «контрреволюционных кулацких мятежей». Что касается Тамбовского восстания 1919–1921 гг., то историк В. П. Да-

⁴ Канищев В. В. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995. С. 104.

⁵ Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999. С. 7.

⁶ Кронштадт 1921: документы о событиях в Кронштадте весной 1921 / под ред. В. П. Наумова, А. А. Косаковского. М., 1997. С. 16.

нилов заявил: «Трактовка антоновщины как антисоветского кулацко-эсеровского мятежа была далека от исторической правды», а в более широком смысле «пропагандистские мифы и стереотипы заслоняли подлинную картину народной драмы», искажая ее суть «как посредством откровенного тенденциозного подбора источников, так и сугубо тенденциозным их освещением»⁷. Крестьяне, как и кронштадтские моряки, утверждал В. П. Данилов, не отвергли революцию, но у них были свои представления о том, какой она должна была быть. «В борьбе большевизма с крестьянским движением сталкивались армии, однородные по своему составу — крестьянские, боровшиеся под знаменем одного цвета — красного, под одним лозунгом: „за победу настоящей революции!“ <...> Однако смысл этой революции они понимали по-разному»⁸.

Не менее тенденциозным, чем официальное изображение народного характера революции в октябре 1917 г. и ее последствий, было санкционированное обращение к так называемой буржуазной фазе революции. Историк-архивист О. А. Шашкова отметила в 1996 г., что до 1960-х годов в Советском Союзе не публиковалось практически никаких документов, связанных с событиями Февраля 1917 г., а те, которые появились, были плохо отредактированными или неполными. Концепция Февраля как ступеньки к Октябрю была неприкосновенной. «„Посмертная судьба“ исторических событий бывает различна, — комментировала Шашкова. — Одни из них, не самые яркие на первый взгляд, впоследствии приобретают переломное значение, а перевернувшие, казалось бы, все общество, по прошествии времени уходят в тень. Именно такой зигзаг совершила наша история в 1917 г.»⁹.

Лишь немногие советские исследователи в 1960-х годах, такие, например, как Э. Н. Бурджалов и В. С. Дякин, впервые осторожно стали признавать значительный вклад депутатов Государственной думы в февральские события¹⁰. Зато в 2002 г. вновь открытые

⁷ Данилов В., Есиков С., Канищев В., Протасов Л. Введение // Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Тамбов, 1994. С. 7.

⁸ Берелович А., Данилов В. Документы ВЧК–ОГПУ–НКВД о советской деревне (1918–1939 гг.) // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: документы и материалы / под ред. А. Береловича и В. Данилова: в 4 т. М., 2000. Т. 1: 1918–1922. С. 11.

⁹ Шашкова О. А. Археографическое предисловие // Февральская революция. 1917: сборник документов и материалов / под ред. О. А. Шашковой. М., 1996. С. 5.

¹⁰ Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции. Очерки истории. Рязань, 2002. С. 10–11.

документы, благодаря все той же «архивной революции» позволили историку А. Б. Николаеву в полной мере показать активность депутатов Государственной думы в борьбе со «старым режимом» и их стремление к последующим изменениям¹¹.

Гражданское общество и судьба демократии

Новый взгляд на Февральскую революцию как на поворотный политический момент, не зависевший от участия большевиков, связан с проблемой гражданского общества. С распадом Советского Союза она вышла на первый план, неся в себе надежду на то, что гражданское общество освободится от гнета партийного правления и создаст основу для посткоммунистической демократической России. В поисках прецедентов исследователи начали изучать историю поздней имперской России. Они оспаривали давнее клише, наиболее известный вариант которого озвучил Антонио Грамши: в царской России не было гражданского общества, и поэтому, когда государство обрушилось, рухнуло и само общество, открыв дверь тирании.

Поиски историков были вознаграждены. Несмотря на все препятствия самодержавного правления, ограниченность власти Государственной думы и отсутствие правового государства, а также несмотря на все еще преобладавший аграрный характер имперского российского общества, последние десятилетия империи породили предпосылки для возникновения энергичного, пусть и небольшого, гражданского общества: множились автономные объединения, расширялись арены для публичного выражения мнений, доклады на заседаниях Думы освещались в прессе. Малообразованная общественность, находившаяся за пределами экономической и культурной элиты, читала массовые дешевые издания и иллюстрированные журналы. Эти изменения только усилили давнее стремление социальных элит, которое теперь постепенно охватило и средние слои, получить свою долю политической власти.

Первая мировая война, которая в конечном итоге оказалась для России катастрофой, сначала укрепила эти тенденции. Эта война потребовала мобилизации всего социума. Не имея возможности выполнить данную задачу самостоятельно, режим был вынужден пригласить к участию общественность. Добровольные ас-

¹¹ Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции... С. 18.

социации, земства и городские думы оказывали помощь раненым и беженцам; фабриканты сформировали военно-промышленные комитеты, в которых политически активные рабочие также играли заметную роль. Дума, хотя и строго ограниченная в своей деятельности и консервативная по характеру, стала рупором для этой возбужденной к действию патриотически настроенной публики. Когда Николай II был вынужден отречься от престола, гражданское общество заполнило возникшую брешь. В каждом городе и городке имелась гражданская организация в какой-либо форме, которая стремилась взять на себя ответственность за местные дела. Временный комитет Государственной думы, учрежденный в Петрограде и сформировавший первое Временное правительство, был апогеем этой ответной реакции. Это была революция гражданского общества.

Сформировавшийся в это же время Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов стал частью этой широкой социальной мобилизации. Меньшевики, которые недавно привели рабочих делегатов в военно-промышленные комитеты, теперь стремились к возрождению Советов образца 1905 г. Действительно, и «думские» министры, и лидеры Советов — все они были революционерами, каждый по-своему: либералы — во имя конституции и правового государства, социалисты — во имя демократии, как они ее понимали. Более того, несмотря на разные цели, они разделяли стремление сдерживать массовое насилие, ограничивать гражданский конфликт и кровопролитие, чтобы сохранить и расширить первоначальные завоевания революции. Обе стороны широко использовали прессу и следили за общественным мнением, проникая вглубь фабрик и рабочих барачков.

В целом справедливо будет сказать, что во время революции 1917 г. произошла «бархатная» революция. Первые месяцы после Февраля вызвали энтузиазм в отношении саморепрезентации и участия общества на всех уровнях: фабричные комитеты, деревенские сходы, городские думы, бесконечные митинги и демонстрации, произнесение речей и принятие резолюций. Беспрепятственные метания между честолюбивыми лидерами и потенциальными избирателями. Пресса работала сверхурочно. Миллионы людей проголосовали на выборах в Учредительное собрание, созыв которого постоянно откладывался. Зарождавшееся гражданское общество поздней империи, подстегнутое войной, набирало силу. Параллельно росла вероятность междоусобного насилия: отречение царя произошло после того, как в столице начались сол-

датские мятежи; полицейские и армейские офицеры опасались за свою жизнь; крестьяне воспользовались ситуацией, чтобы разграбить помещичьи имения. У бархата оказалась явно грубая подкладка.

Более того, мобилизованное общество было четко поделено в зависимости от класса, культуры, географии и политических взглядов. В течение 1917 г. термин «демократия» стал означать не только форму правления, но и — в социологическом смысле — широкие народные массы, бесправные классы, в отличие от привилегированных элит. И все же промышленники, юристы и профессионалы, заполнившие вакуум власти 1917 г., считали демократию своим политическим идеалом. Они выступали за модель, при которой конфликтующие интересы сталкивались и решались бы, независимо от результата, в рамках государственных институтов. На их лозунгах было начертано: конституционная демократия и власть закона.

В условиях социального раскола постимперского общества такие институты скорее всего потерпели бы крах, но им не позволили существовать достаточно долго, чтобы проверить это на практике. В реальности они воплощали ту модель демократии, которую категорически отвергали большевики. Уже с 1903 г., когда большевики, усугубив политические разногласия, раскололи Российскую социал-демократическую рабочую партию на отдельные фракции, они демонстрировали свое презрение к дискуссионному процессу. Еще раз демонстративно и даже с некоторой гордостью они выказали свое пренебрежение к демократическим институтам в октябре 1917 г. отстранением министров Временного правительства силой оружия; опережением решений II съезда Советов, также силой оружия, в процессе преднамеренного захвата власти; и, наконец, возможно, самое главное — вооруженным разгоном Учредительного собрания, когда его, наконец, удалось созвать в январе 1918 года¹². Одним словом, так называемая Октябрьская революция победила демократическую революцию, начатую в феврале, как об этом уже в то время писали меньшевистские критики Ленина.

Как большевикам это удалось? Во-первых, они воспользовались политическими инструментами демократии для широкого распространения своих призывов и создания организационной базы. Они побеждали на выборах, формировали комитеты на ни-

¹² Чураков Д. О. Революция, государство и рабочий протест. Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России, 1917–1918 годы. М., 2004. С. 162.

зовом уровне и установили монополию на политический язык, которым также пользовались их конкуренты-социалисты и который широким потоком влился в язык революции. Большевики использовали те же самые демократические институты, чтобы уничтожить их изнутри. Под знаменем советской власти они установили однопартийное правление. Подорвав руководящие органы, порожденные Февральской революцией, они сумели в ходе гражданской войны взять под контроль оставшиеся структуры самодержавного государства и создать эффективные инструменты управления насилием.

Насилие

Это подводит нас к вопросу о насилии и его отношении к власти. После 1991 г. в России и за рубежом академические исследования подходят к этому вопросу с двух взаимосвязанных точек зрения. С одной стороны, концепция насилия «снизу» описывает крах дисциплины в вооруженных силах, нарушение порядка в городах, рост пьянства, грабежи, межобщинное насилие, еврейские погромы. Политическая власть оказалась вне компетенции государственных институтов, что привело к социальной и экономической дезинтеграции и, в свою очередь, повысило степень жестокости самого населения. Крестьяне против евреев, казаки против крестьян, казаки против евреев, мусульмане против христиан и наоборот, рабочие против крестьян и тех же евреев. С другой стороны, в исследованиях последнего времени рассматривается вопрос о развертывании «насилия сверху» различными претендентами на власть, в частности большевиками, с целью обеспечения своей победы и в качестве постоянного механизма политического контроля.

Что касается насилия «снизу», то в новейших исследованиях политически-активный рабочий класс и солдатские комитеты играют не столь важную роль, как сцены безумного пьяного самосуда, бесчинств беглых уголовников, всплесков негодования и гнева, первобытного чувства «мы против них», которое легко направлялось как против еврейских лавочников, так и против мастеров или фабрикантов. В исследованиях подчеркивается влияние социального и экономического краха, когда угроза физическому существованию была обусловлена не только нехваткой самого необходимого, но и разгулом преступности и немотивированной ярости. Революция становится карнавалом убийственного, часто пьяного разбоя, изнасилований и погромов, по-

гружением в анархию и хаос¹³. Эта картина вторит классическим взглядам консервативных историков времен «холодной войны», таких как Р. Пайпс, который обвинил большевиков в разжигании народного недовольства как способа обеспечить собственное восхождение. «Массы», по мнению Р. Пайпса, это пешки в игре за власть, которыми легко манипулировать: размахивающие знаменами, изрекающие слова и не понимающие, что на самом деле означают эти лозунги¹⁴.

Тем не менее, мрачная картина, представленная в исторической литературе последнего времени, более сложна по двум причинам. Во-первых, признается, что идеология — не единственный способ выражения политического сознания. Как показал Б. И. Колоницкий, повсеместная «социалистическая культура» поставляла словарь, репертуар песен, образы и лозунги, коды одежды и поведения, которые формировали политическую идентичность и управляли политическим выбором широких слоев населения¹⁵. Во-вторых, картину усложняют документы, которые раскрывают внутреннюю логику коллективной мобилизации на протяжении всей гражданской войны. В то время как некоторые историки подчеркивают крах институциональных и моральных норм, другие демонстрируют наличие согласованных мотивов и целей у широкого спектра народных движений: от возглавляемых атаманами банд в Украине до басмачей в Центральной Азии и крестьянских восстаний в центре России. Такое насилие действительно было «беспощадным», но не «бессмысленным», по знаменитому высказыванию Пушкина о «русском бунте». С точки зрения акторов, насилие, безусловно, имело смысл.

Кроме того, появились новые направления в изучении насилия как метода политической борьбы. Историки подчеркивают не только непредсказуемость и ярость народного недовольства, но и ключевую роль военной силы, террора и репрессий в установлении большевистской власти. Новый режим сразу же стал использовать насилие для подавления организованной или спонтанной оппозиции в любой форме. В долгосрочной перспективе большевики использовали насилие в качестве замены самого процесса политики.

¹³ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 373 с. (2-е изд. М., 2010. 965 с.); Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. 613 с.

¹⁴ См.: Pipes R. The Russian Revolution. N. Y., 1990. 944 p.

¹⁵ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. 347 с.

Большевицкое насилие носило две формы. Первая из них — регулярная Красная армия, которая в конечном счете основывалась на той же дисциплине и иерархии, которые были утрачены при распаде вооруженных сил Российской империи. Красная армия использовалась не только в сражениях с внешним врагом, но и для умиротворения собственного народа. В этом смысле население было мобилизовано против самого себя, хотя командованию было непросто навязать ему дисциплину и подчинение. Дефицит управляемости стал основой для второй формы насилия, поддержанной новым государством, — красного террора. Крах морали и запретов пошел большевикам на пользу, но, как всегда опасался В.И. Ленин, неконтролируемое народное недовольство — так называемая «стихийность» — могло не только продвигать, но и подрывать политические цели партии. ЧК была создана в начале декабря 1917 г. как средство, и это утверждалось открыто, узаконивания от имени новой власти народного гнева, который якобы нельзя было сдерживать другим способом.

Террор в широком смысле этого слова не был, конечно же, большевицкой монополией. Белые армии также преследовали гражданское население, убивали своих противников, как вооруженных, так и безоружных, брали заложников, вершили скорый суд и оправдывали свои действия как ответные меры на жестокость противника. Однако большевики добились большего, включив насилие в структуры нового режима и снабдив его идеологическим основанием в виде перечня целевых групп террора: спекулянты, кулаки, контрреволюционеры, которые вызывали чувство негодования, поскольку стереотипные образы врага народа уже сформировались в ходе революции и возбуждали недовольство населения. Красный террор воспользовался народным гневом как оружием.

Для большевиков насилие было инструментом. Однако некоторые исследователи — в России и за рубежом — постулируют идею о насилии как самостоятельной силе. С этой точки зрения, насилие, оторванное от политических целей или мотивов, видимо, живет своей собственной жизнью. По словам берлинского историка Й. Баберовского, большевики были бандой головорезов, а В.И. Ленин — «злым кабинетным преступником»¹⁶. Однако кризис 1917–1921 гг. не может быть понят только как погружение в варварство, крах цивилизации, как это видит Й. Бабе-

¹⁶ *Baberowski J. Scorched Earth: Stalin's Reign of Terror. New Haven, 2016. P. 49. Первое издание см.: Baberowski J. Verbrannte Erde: Stalins Herrschaft der Gewalt. München, 2012.*

ровски¹⁷. Этот кризис был не только впечатляющим средоточием насилия, его содержание также задавалось продолжительной политической борьбой. Остатки гражданского общества по всей империи боролись с авторитарными претендентами на власть, время от времени вступая с ними в союз в качестве единственного средства спасения, в то время как те сражались друг с другом. Вопрос о власти был центральным, и его решение во многом зависело от способности той или иной силы привлекать народную поддержку или подавлять народное сопротивление.

«Народ», который обихаживали все стороны и за контроль над которым они боролись, выразил свои интересы не только враждой с теми, кто воспринимался им как враги и поработители, но и участием в демократическом процессе, который большевистский переворот не смог подавить полностью. В исследованиях последнего времени придается большее значение масштабу оппозиции рабочего класса большевистскому захвату власти¹⁸. Многие из рабочих и солдат, которые поддерживали то, что они считали Советской властью, отвергали однопартийную большевистскую диктатуру. В начале 1918 г. рабочие самых политизированных фабрик, бывших опорных пунктов большевизма, инициировали массовое низовое движение, в котором использовалась антибольшевистская терминология, позаимствованная у меньшевиков и правых эсеров. Большевистские кандидаты также успешно выступили на выборах в местные Советы, которые все еще проводились весной 1918 г.

Когда советская историческая наука все-таки признала существование этих антибольшевистских выступлений, они интерпретировались как продукты «контрреволюционной» меньшевистской агитации. Тем не менее, даже рабочие, откликнувшиеся на призыв меньшевиков, не хотели ставить революцию, которую они по-прежнему считали своей, под угрозу. Сами меньшевики разделились по вопросу о том, насколько далеко они могли зайти в своем противостоянии коммунистическому режиму. В итоге им не удалось воспользоваться беспорядками после Октября не потому, что им не хватило воли для борьбы, или не потому, что их призывы остались без ответа. Как теперь считают исследователи, у них никогда не было возможности развить свое преимущество

¹⁷ *Baberowski, Scorching Earth...* P. 33, 42. С точки зрения Й. Баберовского, «европейскую цивилизацию» вытеснили «территории хаоса и насилия».

¹⁸ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г.: собрания уполномоченных фабрик и заводов: документы и материалы / под ред. Д. Б. Павлова. М., 2006. 654 с.

прежде всего потому, что их ведущие фигуры были арестованы, высланы или расстреляны¹⁹. Они стали жертвами красного террора, осуществляемого, по выражению Д. О. Чуракова, «по одну сторону баррикад»²⁰.

Исследования последнего времени позволяют сделать два вывода. Во-первых, оправдать меньшевиков. Один российский историк назвал это «процессом политической и нравственной реабилитации»²¹. Особенно это касается правых меньшевиков, которые пошли дальше всех в отказе большевикам в легитимности их власти и которые долгое время были объектом большевистской брани и клеветы: теперь их считают носителями истинного социал-демократического наследия, защитниками политической демократии²². Во-вторых, оправдать рабочих, выявив их способность к политическим действиям. Фабричные рабочие в этот период традиционно описывались как апатичные. Тем не менее они пытались добиться конкретных целей и отстаивали свои собственные интересы, объединившись в свои организации, продолжали признавать демократические завоевания революции²³.

В конечном счете народное сопротивление было подавлено силой оружия. Постсоветская литература, наполняясь новым фактическим материалом, показывает глубину большевистской атаки на крестьянство в виде беспощадных реквизиций и других действий, ставших причиной катастрофического голода, а также карательных акций за коллективный протест. Реакция на Кронштадт тоже была жестокой. Бесконечно подвижный словарь — «враги народа», «спекулянты», «кулаки» и т. п. — маскировал большевистскую карательную политику под идеологической одеждой, используя термины, которые в то же время помогали организовать новый социальный ландшафт. Несмотря на все злоупотребления, красные говорили на языке социального равенства и классовой мести, который сохранял свою привлекательность для масс и оправдывал причиненные им страдания. Кроме того, большевики открыли дверь во власть социальным низам и маргиналам.

¹⁹ Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917–середина 1950-х годов. М., 1999. 229 с.

²⁰ Чураков Д. О. Революция, государство и рабочий протест... С. 89.

²¹ Тютюкин С. В. Большевизм: Историографическая панорама // *Он же*. Большевизм. Страницы истории. М., 2002. С. 15.

²² Ненароков А. П. Правый меньшевизм. Прозрения российской социал-демократии. М., 2012. 599 с.

²³ Яров С. В. Пролетарий как политик... С. 13.

Империя

Вопрос об участии и неучастии во власти, о ее новых формах на всех уровнях подводит нас к вопросу об империи. Многие приветствовали новое коммунистическое устройство по разным мотивам: как наименьшее зло из одинаково жестких альтернатив, по соображениям самосохранения или из политических убеждений, но оставалось немало таких, кто хотел бы вообще избежать каких-либо отношений с Советской властью. На кону стоял вопрос о государственности. С точки зрения постсоветских исследований, имперское измерение революции и гражданской войны кажется очевидным. Первая мировая война оказала фатальное воздействие на все соседствующие воюющие империи: Габсбургов, Османов и Романовых. Все они вели развернутую пропаганду ксенофобии, все разыгрывали этническую карту друг против друга. Имперские власти России усугубляли внутреннюю напряженность своей насильственной политикой на западных окраинах. Когда монархия рухнула, узы империи ослабли и на первый план вышло стремление к автономии — хотя бы к самоуправлению, если не к независимости. В конечном итоге большевистский центр сохранил большую часть прежнего имперского ландшафта, воссозданного как союз далеко не суверенных республик. Когда же Советский Союз в свою очередь исчез с карты, российский центр потерял большую часть своей этнически разнообразной периферии.

У государств-преемников есть своя история. Украинцы рассматривают гражданскую войну как важный этап развития нации, угнетенной с давних пор. Поляки считают польско-советскую войну 1919–1921 гг. долгожданным освобождением исторического польского государства от иностранного господства. Однако нельзя отделять различные нарративы национального освобождения от потрясений всей империи. Большевики столкнулись не только с политической оппозицией справа и слева, но и с перспективой географического расчленения и уязвимости со стороны иностранной экспансии. Государство, как определил его Макс Вебер в 1919 г., должно осуществлять «монополию на легитимное использование насилия на данной территории». Термин «территория» является здесь ключевым. Национальные конфликты помогли создать форму, которую в конечном итоге принял Советский Союз.

В. И. Ленин, как и генералы белой армии, стремился восстановить контуры великой державы, прежде всего как ступень к мировой революции, но, кроме того, как оплот коммунистическо-

го правления. Между тем этнические элиты, оказавшиеся между красными и белыми, боролись — при возможности, с иностранной поддержкой — за создание собственных жизнеспособных государств. Принцип национального самоопределения стал важнейшим инструментом в дипломатической и политической борьбе за власть, что позволило большевикам отстаивать свою легитимность на международной арене. При этом национальное самоопределение дало местным элитам эффективное средство апеллировать к центру, выдвигая свои требования.

Тем не менее идея национальной независимости в ходе революции и гражданской войны завоевывала умы постепенно. Исключения составляли Польша, с ее наследием утраченной государственности и периодическими восстаниями против российского господства, а также Финляндия, которая пользовалась особым статусом при царском правительстве. Собственная государственность остальных наций не была изначально вписана в сценарий революции. Многие украинские лидеры вначале предпочитали автономию в рамках федеративной структуры, а лидеры различных кавказских народов сомневались, что они смогут выжить самостоятельно.

Как часть общественной жизни империи, различные национальные движения возникли параллельно с попытками российского гражданского общества заложить основы самоуправления. Самопровозглашенные временные правительства, которые появились по всей стране, бесчисленные провинциальные городские думы, конкурирующие Советы, комитеты и импровизированные парламенты, которые боролись за политическое влияние в разных регионах, — все это было частью широкого горизонтального движения за политическую и гражданскую эмансипацию. Стремление к государственности было вариациями на одну и ту же тему, и в этом смысле различные побочные нарративы соединяются в центральной точке.

Одни попытки национальной эмансипации — Финляндия, Польша, Прибалтика — удались. Другие, особенно в Украине, потерпели поражение. Даже успешные попытки давались непросто. В то время как участники строительства национального государства оспаривали требования друг друга (например, название «Вильно» или «Вильнюс»), они боролись с ожесточенным противостоянием внутри собственных предполагаемых границ, имея дело с классовыми конфликтами, этническими антагонизмами и политическим соперничеством. Насилие в гражданской войне было по большей части горизонтальным и межобщинным, при-

чем актерами являлись не только неустойчивые и непостоянные вооруженные части, нападавшие на гражданское население, но и само население, отдельные группы которого готовы были перегрызть друг другу глотки.

В процессе восстановления центральной власти и сдерживания соперничавших сторон большевики начали военную кампанию по подавлению сопротивления населения и обеспечению границ, гарантирующих целостность советской территории, экономическую жизнеспособность и политический суверенитет. В конечном итоге Украина, Крым, Донбасс и Сибирь были завоеваны силой оружия. Красная армия, наряду с красным террором, была ключом к выживанию молодого Советского государства. Его федеративная структура отражала сложносоставной характер империи, которую сменило Советское государство. Оно же заменило собой неудавшийся проект мировой революции. Определяющими характеристиками нового советского режима стал возврат к военной дисциплине и иерархии, а также использование насилия в качестве инструмента управления как по отношению к населению Советской России, так и в процессе вооруженного возврата территорий.

Многие современники болезненно ощущали противоречия между тем, к чему призывали большевики и к чему они пришли в результате своей победы. Новый общественный порядок, который предвосхищали большевистские декреты и прокламации, опирался на основы демократии, но фактически знаменовал ее поражение. Утопия, которую пропагандировали большевики, была обращена к интеллигенции как внутри страны, так и за рубежом, а также к обычным людям, таившим многолетние обиды и отчаявшимся от войны и лишений, но эта утопия не предусматривала жесткую и хаотичную политическую действительность со всеми ее ограничениями и разочарованиями.

Сегодня, после событий 1991 г., в контексте актуального кризиса демократии в ведущих капиталистических странах, важно признать катастрофичность поражения демократии в ходе революции 1917 г. и скептически относиться к многочисленным популистским обещаниям как слева, так и справа, которые в прошлом привели к крупномасштабной человеческой трагедии. Сегодня мы можем поименно назвать многих участников русской революции и гражданской войны, которые поняли опасность, таившуюся в обеих крайностях, и попытались поддержать хрупкое наследие российского гражданского общества.

Авторизованный перевод с английского Т. В. Савиной.

В. И. Голдин
*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск)*

1917 ГОД И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: ОСМЫСЛЕНИЕ СПУСТЯ СТОЛЕТИЕ

В статье дается анализ современных тенденций и ключевых проблем изучения революционного процесса 1917 г. и гражданской войны в России, характеристика наиболее важных исследовательских процессов и опубликованных книг по этой тематике. Раскрываются предпосылки и причины российских революций 1917 г., прослеживается борьба мнений по поводу неизбежности этих катаклизмов, рассматриваются истоки и генезис гражданской войны в России, освещается современная концептуализация серии войн и противоборств. Выявляются наиболее важные направления исследований и наиболее значимые результаты.

Ключевые слова: Великая российская революция, Первая мировая война, гражданская война в России, причины, история, историография, интервенция.

Настоящая статья подготовлена для юбилейного сборника в честь д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина, которого автор знает уже около 30 лет. С конца 80-х годов минувшего века с проф. В. И. Шишкиным мне доводилось регулярно встречаться в Москве в рамках мероприятий, проводимых Научным советом по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», который возглавлял академик П. В. Волобуев. Автору, члену указанного Совета и в ту пору докторанту МГУ, было особенно приятно общаться тогда с этим молодым доктором наук, симпатичным, оригинально мыслящим, полным творческих сил и энергии.

В дальнейшем такие встречи в Москве происходили уже редко, но каждый раз Владимир Иванович с энтузиазмом рассказывал о реализованных и задуманных научных проектах. На книжной полке в моем рабочем кабинете стоит его ставшая поистине бестселлером книга «Сибирская Вандея», изданная в Новосибирске в 1997 году¹. В дальнейшем В. И. Шишкин подготовил серию документальных книжных публикаций о гражданской войне и тем самым внес выдающийся вклад в ее источниковедение и археогра-

¹ *Шишкин В.И.* Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997. 710 с.

фию². Хотелось бы пожелать юбиляру жизненного и творческого долголетия, крепкого здоровья, благодарных учеников и всего самого доброго!

Одним из направлений научного интереса и исследований профессора В.И.Шишкина является революционный процесс и гражданская война в России, прежде всего в Сибири. Юбиляр сделал очень много для разработки широкого круга этих проблем. Главная цель настоящей статьи — анализ современных тенденций и ключевых проблем изучения революционного процесса 1917 г. и гражданской войны в России, характеристика наиболее важных исследовательских процессов и опубликованных книг по указанной тематике.

Российская революция 1917 г. и гражданская война во многом предопределили течение не только отечественной, но и мировой истории в XX в. Не случайно эта тематика продолжает оставаться предметом страстных дискуссий, в которых представлен весь спектр взглядов и суждений — от коммунистических до либеральных, консервативных и даже монархических.

Столетие Первой мировой войны и Российской революции (революций) 1917 г. в России актуализировало интерес к этим проблемам и вылилось уже не в одну сотню книг, изданных в нашей стране и за рубежом. Появились и масштабные международные проекты, как, например, научно-издательский проект «Великая война и революция в России», охватывающий период с 1914 по 1922 г. Это десятилетнее исследование, в котором участвуют историки из разных стран мира. Оно призвано кардинально трансформировать понимание «континуума кризиса» в Рос-

² Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / отв. ред. В. И. Шишкин. М., 2003. 672 с.; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая — 30 июня 1918 г.): сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2005. 246 с.; Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.): сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2007. 818 с.; Временное Всероссийское правительство (23 сентября — 18 ноября 1918 г.): сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2010. 362 с.; Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь — август 1918 г.): сборник документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2013. 298 с.; Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 — ноябрь 1919 г.): сборник документов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2014. 279 с.; Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 — май 1921 г.): сборник документов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин; изд. 2-е, расш. и доп. Новосибирск, 2015. 418 с.; Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 — 3 января 1920 г.): сборник документов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1. 748 с.; Т. 2. 734 с.

сии. Его результатом должен стать выпуск в течение десятилетия, с 2014 г., в издательстве «Slavica Publishers», действующем на базе Индианского университета (США), серии международных сборников (примерно двадцати или более книг). Этот амбициозный проект призван, по замыслу инициаторов, привести к переосмыслению ключевых концептов и событий этой эпохи и углубить знания человечества о вкладе России в историю XX века³. Впрочем, в какой мере это удастся, покажет время. По крайней мере, первые вышедшие в свет издания оставляют неоднозначное впечатление. Да и вряд ли сборники статей могут заменить монографии по данной проблеме.

Среди изданий о Первой мировой войне, вышедших в канун столетия, немало монографий и иных фундаментальных изданий, посвященных участию в ней России и размышлениям о том, в какой мере военные события предопределили революционный процесс 1917 г. в России, а также последующие потрясения и революционные взрывы в разных странах мира в конце второго — начале третьего десятилетия XX века⁴. При этом ряд авторов именно из событий Первой мировой войны выводит Российскую революцию 1917 года⁵.

В целом же столетие событий начала XX в. активизировало дискуссию о процессах развития России в указанный период, результатах модернизации страны. Последние годы характеризовались, например, новым всплеском дискуссии между «пессимистами» и «оптимистами» относительно истоков и причин революций 1917 г. в России. Если первые считают, что совокупность различного рода противоречий и факторов сделала невозможным решение назревших острых вопросов мирным путем и революции были неизбежны, то вторые полагают, что страна была вполне реформируема, и можно было избежать революций.

На протяжении советского периода истории и до недавнего времени в отечественной историографии господствовали «пессимистические» взгляды на развитие России в начале XX в. Но в отечественной историографии появились ныне и свои «оп-

³ Russia's Great War & Revolution // Slavica Publishers. Indiana University. URL: https://slavica.indiana.edu/series/Russia_Great_War_Series (дата обращения: 27.09.2017).

⁴ Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: энциклопедия в 3 т. М., 2014. 823+904+744 с.; *Sanborn J.A.* Imperial Apocalypse. The Great War and Destruction of the Russian Empire. N. Y.; Oxford, 2014. 287 p.; *Lieven D.* Toward the Flame: Empire, War and the End of Tsarist Russia. 2016. 448 p.; и др.

⁵ См. например: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015. 720 с.

тимисты». Среди них следует в первую очередь назвать профессора из Санкт-Петербурга Б.Н. Миронова. Впрочем, у него есть не только сторонники, но и серьезные оппоненты. Публичная дискуссия с ним уральского исследователя С.А. Нефёдова стала достоянием широкой научной и иной общественности⁶.

Полемика с оппонентами посвящена монография Б.Н. Миронова «Страсти по революции»⁷. Но, заметим, что ее автор вынужден признавать трудности модернизации и то, что к 1917 г. российское общество не соответствовало в полной мере ни одному из критериев современного социума. Б.Н. Миронов считает, что российское общество не справилось с модернизацией по вине власти, а сам процесс был прерван Первой мировой войной, ставшей, как он считает, основным фактором революции 1917 года⁸.

Резюмируя итоги дискуссии «оптимистов» и «пессимистов», отметим, что их мирное научное сосуществование и академическая полемика призваны стимулировать научный поиск в изучении состояния России в начале XX в. и, в частности, истоков революционного процесса в стране.

Автор этих строк неоднократно подчеркивал в своих публикациях необходимость осмысления истоков российского революционного процесса и гражданской войны в России в контексте как «короткой», так и «длинной» истории. В первом случае речь идет о рассмотрении событий и проблем, непосредственно предшествовавших 1917–1918 гг. или связанных с этим периодом. Во втором случае требуют понимания процессы, происходившие в предшествовавшие годы, десятилетия и даже века российской истории: речь идет о предпосылках многочисленных внутренних коллизий — смут, крестьянских и других войн, восстаний, национально-освободительных движений и пр.

К 1917 г. в России сложились традиции освободительного и революционного движения, отличавшегося принципиальными особенностями по сравнению с аналогичными процессами в других странах. С одной стороны, отсутствие диалога во взаимоотношениях государства, общества и личности, авторитарные традиции российской государственности, широко использовавшей наси-

⁶ О причинах русской революции / под общ. ред. Л. И. Гринина, А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова. М., 2010. 432 с.

⁷ *Миронов Б.Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации.* М., 2013. 335 с.; *Он же. Страсти по революции...* 2-е изд. М., 2014. 336 с.

⁸ Подробнее об анализе взглядов Б.Н. Миронова см.: *Голдин В.И. 1917 год в России: размышления в канун столетия // 1917 год в судьбах регионов, страны и мира: взгляд из XXI века / под общ. ред. В. И. Голдина. Архангельск, 2017. С. 23–28.*

лие, а с другой стороны, сложившиеся привычки россиян разрешать назревшие острые проблемы во взаимоотношениях с властью силовым путем — все это способствовало формированию исторических предпосылок для революционной конфронтации в России.

Вся система имперской власти и управления была малоэффективной, ее буквально раздирали внутренние противоречия. В результате попытки модернизации России блокировались и «справа», и «слева». Неиспользованные возможности преобразования страны посредством реформ усиливали предпосылки для решения назревших проблем революционным путем. Первая русская революция была, по сути, предупреждением властям о том, что их может ждать в случае, если комплекс назревших проблем не будет решен.

Неукорененность традиций гражданского общества, низкий уровень общей и политической культуры населения, практически не знавшего и не признававшего компромиссов как способа разрешения конфликтов и противоречий, неизбежно вели к конфронтации между основными политическими силами в последнее предреволюционное десятилетие, а затем в революционную эпоху.

Начало XX в. характеризовалось нараставшим кризисом империи в условиях осложняющейся международной обстановки и вызовов со стороны национально-освободительного движения, представлявшего и воплощавшего широкий спектр растущих и нереализуемых ожиданий и все более радикальных настроений и требований.

Причины, вызвавшие революционные взрывы в 1917 г. в России, были многообразны. Среди них в первую очередь нужно назвать фундаментальные социальные аномалии, глубокую поляризацию общества, вопиющее неравенство. Особенно напряженным было положение в деревне. Низкий уровень и качество жизни широких слоев населения, их резко ухудшившееся положение в годы Первой мировой войны также усиливали недовольство и неотвратимо приближали социальный взрыв.

В экономике России, несмотря на происходившие позитивные изменения, было множество противоречий, прежде всего, между городом и деревней, а также в сельском хозяйстве. Догоняющий, сложный и несинхронный процесс капиталистической модернизации России таил в себе много проблем и противоречий.

При наличии выдающихся образцов передовой элитарной культуры и духовного творчества и интересных традиций народ-

ной культуры Россия серьезно отставала в культурно-образовательном отношении от передовых стран и народов.

Архаичная политическая система страны, хотя и переживавшая некоторые новации, царь и его властное окружение во многом уже не соответствовали требованиям сложного переживаемого времени. Десакрализация власти дополняла общую картину предреволюционной России.

На истоки и развитие Российской революции 1917 г. и генезис гражданской войны в стране сильное влияние оказала Первая мировая война. Именно она во многом сформировала атмосферу и психологию общества, поведение его широких слоев, их убеждение в том, что назревшие проблемы следует решать только или главным образом посредством насилия. Благодаря мировой войне миллионы людей получили в руки оружие, а «человек с ружьем» стал одной из главных действующих фигур на российской политической авансцене. Дух войны поистине витал над революцией и пропитывал общество атмосферой непримиримости и насилия, а его эскалация, формирование «образа врага», разделение общества на «своих» и «чужих» неминуемо вели его к гражданской войне.

Первая мировая война оказала мощное воздействие на международные отношения и во многом предопределила неизбежность иностранного вооруженного вмешательства в дела распадавшейся, а затем и распавшейся Российской империи. Однако надежды революционных сил на мировую революцию, их стремление превратить войну империалистическую в войну гражданскую в мировом масштабе предвосхищали опасность глобального столкновения революционных и контрреволюционных сил, международной интервенции в Россию.

Созданная осенью 2012 г. в Архангельске Ассоциация исследователей гражданской войны в России⁹ инициировала проведение в 2014 г. в канун столетия Первой мировой войны двух «круглых столов» по ее актуальным проблемам с участием историков

⁹ Пользуясь случаем, приглашаю сибирских исследователей гражданской войны в России к сотрудничеству с названной ассоциацией, президентом которой являюсь, к участию в проводимых научных конференциях по этой проблематике, к публикации статей и материалов на страницах Альманаха ассоциации. Она объединяет в своих рядах исследователей как из России, так и из-за рубежа. Создание ассоциации призвано способствовать координации действий исследователей разных отраслей знаний по изучению гражданской войны в России, активизации междисциплинарного диалога по этой тематике, проведению научных конференций, содействовать привлечению молодых исследователей к изучению истории гражданской войны.

из семи городов России. Вышедший в свет в 2014 г. первый выпуск Альманаха Ассоциации исследователей гражданской войны в России имел тематический подзаголовок «От Великой войны к гражданской войне в России».

Второй выпуск указанного Альманаха в 2015 г. вышел с подзаголовком «Гражданская война в России в контексте международных отношений первой четверти XX века» и был приурочен к международной конференции в Архангельске, посвященной этой эпохе. Третий выпуск Альманаха ассоциации опубликован в 2017 г. под рубрикой «От Великой российской революции 1917 года к Гражданской войне в России».

Столетие российских революций способствовало проведению более ста научных конференций по этой тематике в нашей стране и за рубежом. Все это свидетельствует о том, что революционный процесс 1917 г. в России оказал огромное влияние как на мир в целом, так на отдельные страны, и эти процессы стали предметом заинтересованного обсуждения с участием специалистов разных отраслей знаний.

Февраль 1917 г., открывший новую эпоху революционных процессов и потрясений в России и мире, всегда порождает разнообразие суждений. И столетие этой даты вызвало новый всплеск полемики о том, что же это было: предательство монарха его окружением; заговор; буржуазно-демократическая или демократическая революция. Февралю 1917-го часто отказывают сегодня в статусе революции, утверждая, что царизм изжил себя и саморазвалился. Но остается большим вопросом, произошло бы это падение или дворцовый переворот, если бы не революционные потрясения в Петрограде, сокрушившие самодержавие и вызвавшие волну отрицания старой власти на фронте и в тылу.

Вместе с тем изложенная точка зрения ведет к многообразию вытекающих из нее выводов. Среди них, например, отрицание революционного подъема, творчества и энтузиазма масс и сведение всего происходившего в феврале — марте 1917 г. к деятельности либеральной буржуазии и части интеллигенции, а это исторически несправедливо. 1917-й год в России стал демонстрацией стремления различных классов, социальных слоев и групп к историческому творчеству, созданию собственных организаций как институтов прямой демократии.

Тем не менее сегодня популяризируется суждение о том, что 1917 г. в России, начиная с падения или свержения самодержавия, был трагической исторической ошибкой. В 2017 г. в издательстве Российского института стратегических исследований, одного

из мозговых центров власти, вышел в свет сборник под названием «Столетие великой русской катастрофы 1917 года». Авторы книги так сформулировали главный вопрос: праздновать ли революцию как неизбежный великий слом русского православного мира, создавший новый путь развития для человечества, или переосмыслить революцию как духовную болезнь, приведшую великую православную традицию в нашей стране к столетнему кризису.

В передовой статье Л.П. Решетникова утверждалось, что «в феврале 1917 года элита русского народа, большая часть образованного общества отвергла Божьего Помазанника, предала своего законного Царя». Виноватыми в предательстве автор называл революционеров и думскую либеральную оппозицию, представителей буржуазии и купечества, журналистов и немалую часть духовенства, а также многих царских генерал-адъютантов. «Но крушение монархии не могло стать результатом только измены верхушки, — писал указанный автор. — В 1917 году произошло грехопадение всего народа, который в целом остался пассивным зрителем свержения, заточения, а затем и убийства своего Государя и его Семьи».

Перекидывая своеобразный мостик от Февраля 1917 г. к гражданской войне в России, Л.П. Решетников утверждал: «Народ не отвернулся от Белой идеи, он ее просто не нашел ни в армии Колчака, ни в армии Деникина. Их поражение стало не поражением Белого дела, а окончательным поражением феврализма»¹⁰. В антиреволюционном духе выдержаны и другие статьи сборника.

Иной по характеру и содержанию является публикация материалов международной научной конференции, посвященной Февральской революции и прошедшей в марте 2017 г. в Санкт-Петербурге¹¹. Наиболее интересной частью сборника стали изложенные на почти 140 страницах текста ответы 25 ведущих историков мира, специалистов по революционному процессу 1917 г. в России на вопросы, касающиеся основных проблем историографии Февральской революции.

По каждому из девяти сформулированных вопросов было предложено несколько вариантов ответов с соответствующим их обоснованием отвечающими, или же участники проекта могли дать свой аргументированный вариант ответа. Почти 40-странич-

¹⁰ Решетников Л.П. Слом русского национального кода в 1917 году // Столетие великой русской катастрофы 1917 года. М., 2017. С. 5, 38.

¹¹ Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии / отв. ред. В. В. Калашников. СПб., 2017. 380 с.

ный экспресс-анализ представленных ответов под рубрикой «Новейшая историография Февральской революции» представляет большой интерес для специалистов и всех интересующихся этой проблематикой.

Среди монографий о Февральской революции, ее причинах, развитии и результатах отметим книгу политика и ученого В.А. Никонова «Крушение России», последнее издание которой вышло в 2017 г. Автор пришел к выводу, что Русская революция была многофакторным явлением, все причины ее были значимы, и ни одна не являлась первоочередной. На вершину иерархии причин, вызвавших Февральскую революцию, В.А. Никонов поставил раскол элиты, противопоставивший огромную часть активного политического класса и интеллигенции правящему режиму¹².

Накануне приближавшегося юбилея революционного процесса 1917 г. в России, наблюдалось определенное оживление интереса исследователей к проблемам революциологии и теории революций¹³. Хотя взгляды и суждения по этому предмету существенно различаются, но знакомство с ними весьма полезно. Отметим монографию профессора И.К. Пантина, посвященную философско-политическому анализу Русской революции¹⁴.

Огромный интерес исследователей вызывают великие революции в истории человечества, те, которые имели значение не только для конкретной страны, отличались длительностью, жесточечностью, масштабностью перемен, глубоким разрывом со старыми порядками, олицетворяли собой величие не только идей, целей и надежд, но и глубокий драматизм, и трагичность. И Российская революция (или революции) 1917 г., безусловно, относится к их числу. Масштабность целей и задач, глубина происходящих перемен, разрыва со старым и формирования новых начал жизни в ряде случаев вели к тому, что великие революции в мировой истории сопровождались гражданскими войнами. Так произошло и в России начала XX в.

Страны и нации по-разному относятся к своим великим революциям. Где-то их уважают и отмечают как государственный

¹² Никонов В.А. Крушение России. 1917. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017. С. 678–679.

¹³ Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Статьи 1–2 // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2, 3; Шенелева В.Б. Революциология: проблема предпосылок революционного процесса в России (по материалам отечественной и зарубежной историографии). 2-е изд. Омск, 2013. 382 с.; и др.

¹⁴ Пантин И.К. Русская революция. Идеи. Идеология. Политическая практика. М., 2015. 296 с.

праздник, а где-то общество оказалось расколото по отношению к ним. Напомним, что 200-летие Великой Французской революции расколело как французских историков и обществоведов, так и нацию. То же самое происходит сегодня в отношении Великой российской революции 1917 г.

Одной из узловых проблем для понимания революционного процесса той эпохи является диалектика взаимосвязи и взаимодействия Февраля и Октября. Выделим некоторые ключевые направления осмысления и современных дискуссий: диалектика реформ и революций в 1917 г., проблемы демократии и организация власти, состояние государственности, способность власти разрешить ключевые вопросы жизни страны, поставленные на повестку дня: о войне и мире, рабочий, аграрно-крестьянский, национальный и др.

Вышедшие на арену социальной и политической жизни широкие слои населения, не имевшие, как правило, политического опыта, стремительно радикализировались и вышли далеко за пределы буржуазно-демократической программы действий руководителей постфевральского движения, буржуазных либералов и умеренных социалистов, уверенных в том, что Россия не готова к социалистическому эксперименту.

Следовавшие один за другим кризисы власти привели к тому, что надежды широких масс стали связываться уже с большевиками, которые на пути к власти проявили политическую волю и решительность, которой так не хватало их оппонентам. Добавим, что 1917 г. в России характеризовался быстрым ростом популярности социалистических идей, которые были близки народным представлениям о равенстве и справедливости, хотя реализовать их на практике было очень сложно.

При всем разнообразии суждений об октябрьском (1917 г.) рубеже российской истории автор этих строк поддерживает тех исследователей, которые полагают, что большевики пришли к власти на волне массового народного протеста, когда сомкнулись воедино волны разных революций — пролетарской, крестьянской, солдатской, гендерной, национальных, региональных, локальных, с хорошо известными лозунгами той поры. Социалистические, общедемократические и антивоенные требования тесно переплетались. Подхватив лозунги масс и поставив их во главу своей программы, большевики и оказались у власти.

Объяснение Октября как серии или комплекса революций разной природы и содержания, анализ соединения и сплетения воедино различных революционных потоков и интересов осенью

1917 г. позволяют не только объяснять причины прихода большевиков к власти, но и их последующие трудности, нарастающий кризис новой власти.

Современное осмысление Великой российской революции или российских революций 1917 г. требует их анализа в большом историческом пространстве XX в., исследования опыта советской эпохи, разных типов модернизации России (досоветской, советской, постсоветской) и их результатов. С этой точки зрения изучение так называемой «столетней революции» в России можно только приветствовать, призвав авторов этих исследований к должной научной объективности и политико-идеологической беспристрастности.

Взаимосвязь революционного процесса в России в 1917 г. с гражданской войной является одной из наиболее сложных проблем истории, всегда вызывавших обостренный интерес исследователей. Уже на вопрос, когда началась гражданская война в России, следуют разные ответы. Многое зависит от того, что авторы понимают под гражданской войной, и в какой мере они отличают ее от других форм борьбы с использованием оружия. Несмотря на попытки тех или иных ученых называть конкретные даты или события начала гражданской войны в России, никому еще не удавалось аргументировать их убедительно. Поэтому представляется более корректным говорить о стадиях «вхождения» или «вползания» России в гражданскую войну, о растянутости этого процесса в пространстве 1917–1918 гг.

Сложные и противоречивые процессы развития революции в 1917 г. с нарастанием конфронтации в обществе, приход большевиков к руководству страной, трудности становления Советской власти, сопротивление ее противников, в ряде мест вооруженное, а также борьба с ним, формирование «образа врага» и призывы решительно бороться с ним, углубление общего кризиса в стране, распад ее пространства — все эти составляющие были вехами на пути к гражданской войне. Вместе с тем, в 1917-м и в первые месяцы 1918 г. речь шла о так называемой «малой» гражданской войне, которая имела регионально-локальные и очаговые проявления и не приобрела пока широких масштабов и общероссийского характера. Действия противников Советской власти, в том числе вооруженные, не получали массовой социальной поддержки и в силу этого были обречены на неудачу.

Выстраивая взаимосвязь революции и гражданской войны в России, обозначим те процессы, которые приобрели необратимый характер в 1918 г. и обусловили эскалацию гражданской

войны в России, придали ей совершенно новое качество. Речь идет не только о набирающей силу в условиях радикализации революционного движения борьбе сторонников и противников Советской власти, но и о нарастании глубоких внутренних противоречий в процессах революционного обновления страны, когда на разломах Российской революции появлялись и разгорались очаги гражданской войны.

Казавшийся единым осенью 1917 г. поток революций в России в дальнейшем постепенно распадался, обнаруживая многочисленные конфликты и проявления нараставшей гражданской войны.

Целый клубок внутренних противоречий развития крестьянской революции осложнялся столкновением ее интересов с городской (пролетарской) революцией и государством. Национальная и антиимперская революция привела к распаду старого русского государства и его пространства. Набиравшие силу национальный радикализм, стремление к обособлению и созданию собственных государств в национальных районах сопровождалось многочисленными проявлениями национальных, межнациональных, социальных и политических конфликтов и гражданской войны.

Развертывание региональных и локальных революций привело к росту сепаратистских тенденций. Весной 1918 г. Советская Россия превратилась в пространство с разорванными экономическими связями, территориями, стремившимися к обособлению и самовывживанию, и слабой центральной властью. Действия по укреплению новой советской государственности наталкивались на сопротивление различных сил, и эта борьба выливалась в многообразные проявления набирающей силу гражданской войны.

Солдатская, антивоенная революция привела к выходу России из войны, к демократизации, деморализации и роспуску старой армии. Многомиллионные радикально настроенные солдатские массы растекались по стране, углубляя процесс революционных преобразований и обостряя политическую борьбу на местах и в России в целом. «Человек с ружьем» привносил в общество культуру конфронтации, силовые методы, попрание всех существовавших доселе ценностей. Выход России из войны завершился не реализацией идей демократического мира, а унижительным Брестским миром и бунтом оскорбленного патриотизма против большевиков и Советской власти.

Явления хаоса, распада, дезорганизации власти и производства вели российское общество к тотальному кризису. В конце

весны — начале лета 1918 г. произошли события, которые повернули ход российской истории в русло широкомасштабной гражданской войны. Среди них надо в первую очередь назвать: 1) острое противоборство города и деревни и чрезвычайные действия Советской власти по спасению ситуации (введение продовольственной диктатуры, направление продотрядов в деревню, создание комбедов и др.); стремление большевиков к расколу деревни и укреплению здесь своей социальной опоры в лице бедноты, массовое сопротивление крестьянства, в том числе вооруженное, чрезвычайной политике Советской власти и попыткам мобилизации в Красную армию в условиях разгоравшейся гражданской войны; 2) вооруженные антисоветские выступления в казачьих районах и в первую очередь на Дону под командованием генерала П. Н. Краснова получили (в отличие от предшествующего периода) достаточно массовую поддержку казачества, что было обусловлено чрезвычайной политикой Советской власти по изъятию продовольствия и действиями продотрядов, наступлением на казачьи обычаи и самоорганизацию, которое вылилось в дальнейшем в политику «расказачивания» и пр.; 3) крайнюю остроту партийно-политической борьбы, когда противники прибегали к силовым, вооруженным и террористическим методам; 4) конфронтацию на левом (социалистическом) фланге российского политического спектра, которая привела, в конечном итоге, к тому, что именно умеренные социалисты встали во главе противоборствующих большевикам сил и правительств; 5) интервенцию стран Антанты и Четверного союза.

После издания автором этих строк в 2012 г. своей монографии по историографии истории гражданской войны в России¹⁵ пока не появилось глубоких обобщающих книг по этой тематике. Исключение составляет лишь монография английского историка Дж. Смита и опубликованный им справочник по истории российских гражданских войн¹⁶. В этих работах представлен популярный в мировой историографии концепт о множественности войн (гражданских войн) в гражданской войне в России. Оригинальна, хотя вряд ли может быть принята, предложенная Дж. Смитом новая периодизация этих войн, охватывающая период с 1916 по 1926 г. и связанная с событиями, происходившими в Средней Азии. Автор этой статьи опубликовал две рецензии на рабо-

¹⁵ *Голдин В.И.* Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012. 333 с.

¹⁶ *Smele J.D.* The "Russian" Civil Wars, 1916–1926. Ten Years that Shook the World. London, 2015. 423 p.

ты Дж. Смил, отметив как их достоинства, так и некоторые недостатки¹⁷.

Характерной чертой исторической литературы конца XX — начала XXI вв. являются попытки новой концептуализации гражданской войны в России, рассмотрения ее генезиса и развития как сложного, многогранного и многопланового исторического феномена, во всем многообразии военных, политических, экономических, социальных, социально-психологических, социокультурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национальных процессов, конфликтов и расколов, разнообразных внутренних и международных столкновений, предопределявших в совокупности ход противоборства на линиях и за линиями фронтов.

В последние годы, в том числе в связи с созданием Ассоциации исследователей гражданской войны в России, активизировался исследовательский поиск по ее теоретико-концептуальным проблемам. Одним из инициаторов этого процесса стал воронежский историк М.Е. Разиньков, опубликовавший ряд статей по данной тематике. Он, в частности, предложил создать типологию гражданских войн для исторической науки и изложил свои соображения об этом¹⁸.

Характеризуя гражданскую войну в России, М.Е. Разиньков указал, что она включала целый комплекс войн: несколько гражданских войн разной продолжительности, но высокой интенсивности, несколько войн по национально-освободительному признаку и несколько — по признаку раскола титульной нации. Автор добавлял, что гражданская война в России сочетала почти все основные причины гражданских войн и принципы раскола¹⁹.

Исследователями справедливо подчеркивается глобальный и тотальный характер гражданской войны в России. Она охватила все пространство страны, включая самые отдаленные уголки, затронула все слои населения, разделила классы, слои, сосло-

¹⁷ *Голдин В.И.* Новейшие зарубежные исследования о Гражданской войне начала XX века в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 5. С. 128–133; *Он же.* Дж. Д. Смил. «Российские» гражданские войны, 1916–1926. Десять лет, которые потрясли мир // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 165–169.

¹⁸ *Разиньков М.Е.* О необходимости создания типологии гражданских войн для исторической науки // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. 2014. Вып. 1. С. 40–47.

¹⁹ *Разиньков М.В.* Типология гражданских войн — Евразия (1900–1950 гг.): из дневника исследователя // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. 2015. Вып. 2. С. 120–121.

вия, группы населения (раскол происходил и внутри них), развела по разные стороны баррикад друзей, соседей, членов семей.

В 1918 г. в России и на пространстве бывшей Российской империи вызревал, а затем получил развитие комплекс войн и противоборств, которые в дальнейшем разрастались, создавая во многом уникальный феномен Российской гражданской войны.

Во-первых, это была война, которую вели большевики и Советская власть с вооруженными силами антибольшевистских режимов в различных регионах страны. В условиях эволюции в 1918 г. антибольшевистского лагеря и кристаллизации Белого движения, оформления военных диктатур эта борьба вылилась в противостояние красных и белых, противоборство их регулярных армий. Именно оно являлось во многом решающим, и победа в нем предопределяла будущее страны.

Красные и белые вели непримиримую борьбу и на внутреннем фронте против тех сил, которые считали враждебными. Наиболее жестокими проявлениями этой борьбы были «красный» и «белый» террор.

Еще одна разновидность силового и вооруженного противоборства — это война государства и общества. Революционный процесс привел к разрушению старой, жестко централизованной государственности и высвобождению общества из-под его пут, способствовал созданию многочисленных ячеек и институтов общественности и самодеятельности, развитию инициативы масс. В дальнейшем в условиях углублявшегося кризиса власти, охватывавшего все сферы жизни и деятельности, Советское государство и его лидеры постепенно избавлялись от иллюзий «государства-коммуны» — «полугосударства» и стремились «подмять под себя» общество. Это вызывало сопротивление, в том числе вооруженное, различных его слоев и групп. Аналогичным образом вела себя и складывавшаяся «белая», авторитарная по своему типу и характеру государственность, что также вызывало сопротивление, в том числе с оружием в руках, со стороны общества, особенно рабочего класса и крестьянства.

Другой разновидностью войны было противоборство центробежных и центростремительных сил. Гражданская война в России с конца 1917 — начала 1918 г. (события на Дону, Кубани, Урале, в Сибири и др.) складывалась из войны центральной Советской власти с региональными антибольшевистскими силами, а затем правительствами и армиями. Подход к осмыслению происходившего как серии региональных войн представляется плодотворным.

Советское правительство (с конца 1917 г. и в дальнейшем) вело вооруженную борьбу с возникавшими на территории бывшей Российской империи национальными государственными образованиями и независимыми государствами. Подобные столкновения происходили на Украине, на Кавказе, в Средней Азии, в Прибалтике. По мере становления антибольшевистских российских государственных образований, а затем белых правительств укреплялась линия фронта против национальных государств, и «белые» периодически вступали в вооруженные столкновения с ними, руководствуясь идеей восстановления «единой и неделимой России».

Характеристика происходившего в России как серии национальных войн приобретает еще более веские основания, если иметь в виду военно-политические конфликты и вооруженную борьбу, уже в 1918 г. и особенно в последующие годы, новообразованных государств и государственных образований в Закавказье (Армении и Азербайджана, Грузии и Армении и др.), а также на западных национальных территориях бывшей Российской империи (Польши с Украиной, а затем с Белоруссией и Литвой). Происходило и противоборство, в том числе вооруженное, коренных (титульных) наций и отдельных этнических групп, например, в Закавказье. В национальных государственных образованиях разворачивалась сложная социально-политическая, а нередко и вооруженная борьба, в которой национальные силы социалистической ориентации получали поддержку в различных формах от РСФСР.

Еще одной разновидностью войны стала вооруженная интервенция отдельных государств и военно-политических блоков — Антанты и Четверного союза, развернувшаяся в 1918 г. Тесное переплетение международной интервенции с гражданской войной составляет важную характеристику этого катаклизма отечественной и мировой истории.

Роль иностранцев в гражданской войне в России не исчерпывается интервенциями указанных коалиций и отдельных государств. Достаточно вспомнить об антисоветском выступлении Польского корпуса в январе 1918 г. и особенно о роли восстания Чехословацкого корпуса в Российской гражданской войне. Костяк этих формирований составляли бывшие военнопленные Первой мировой войны. Из более 2 млн бывших военнопленных примерно треть (около 700 тыс.) принимала участие в гражданской войне в России, разделившись на две почти равные части, избрав, соответственно, сторону большевиков или их противников. Но наряду

с военнопленными были и другие категории иностранных граждан (например, китайцы), активно участвовавших в ней.

Идея «мировой революции», которую большевики сначала ждали как своеобразную «скорую помощь» Советской России, по мере укрепления Советской власти в 1918 г. (и особенно в дальнейшем), трансформировалась в практику активной поддержки революционных движений за рубежом и превращения мировой войны в гражданскую в международном масштабе. Это еще один важный и выходящий уже за пределы страны аспект гражданской войны в России, перерастающей в международную гражданскую войну.

Повстанческое, главным образом крестьянское, движение — еще один вид вооруженной борьбы, особой войны, которая происходила в рамках гражданской войны в России и которую вели крестьянские воинские формирования с двумя главными противоборствующими сторонами — красными и белыми.

Восстания, заговоры, деятельность антиправительственных группировок в тылу противника, подпольная и террористическая деятельность — еще один вид противоборства, присущий этой гражданской войне и имевший широкое распространение за линией фронта воюющих красных и белых армий.

Ко всему вышеизложенному можно добавить острое противоборство на так называемом «культурном фронте», в условиях культурного разлома российского общества, борьбы старых и новых ценностей, норм жизни, морали и нравственности.

Следует подчеркнуть, что все перечисленные виды войн и противоборств существовали и развивались не только сами по себе, но были тесно переплетены во времени и пространстве. Они являли собой сложную и противоречивую картину событий и процессов, составлявших в совокупности гражданскую войну в России.

Касаясь отдельных направлений современного изучения гражданской войны в России, отметим многочисленные, хотя и разного качества, издания, посвященные антибольшевистскому и белому движению. Это направление исследований уже являлось предметом анализа автора несколько лет назад²⁰. Поэтому здесь отметим лишь завершение обобщающей серии монографий В. Ж. Цветкова, посвященных комплексной характеристике Белого дела в России²¹, и серию опубликованных под редакцией

²⁰ *Голдин В. И.* Гражданская война в России сквозь призму лет... Глава 7.

²¹ *Цветков В. Ж.* Белое дело в России: в 4 кн. М., 2008–2016. 520+635+495+639 с.

В.И. Шишкина сборников научных статей о проблемах государственного строительства, а также взаимоотношениях власти и общества на востоке России в годы гражданской войны²².

Предметом активного изучения в последние годы продолжает оставаться повстанческое движение в России в годы гражданской войны. Оно стало темой серии сборников, составителем которых выступает саратовский историк, профессор А.В. Посадский²³.

Активно изучаются различные аспекты и проблемы гражданской войны в национальных регионах России, национальной политики противоборствующих сторон, межнациональных отношений этой драматичной эпохи, что находит отражение в монографических исследованиях²⁴. В целом тематика исследований по истории гражданской войны в России остается многоплановой.

Прошло столетие со времени начала гражданской войны в России. Тем не менее, ее события продолжают волновать и будоражить современное российское общество. Наша историческая и культурная память о российских революциях и гражданской войне — это поле боя, на котором по-прежнему идут сражения. Это означает, что примирения в расколотившейся той далекой гражданской войной стране все еще не произошло. Примирение и преодоление последствий гражданской войны в России требует вдумчивой работы и диалога политиков, государственных деятелей, ученых, журналистов и писателей, работников образования и культуры.

Одной из основ для примирения может стать объективная и академическая история гражданской войны в России. Это должна быть история, которую примет общество. Осмысление прошло-

²² Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2009. 198 с.; Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2012. Вып. 1. 196 с.; Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013. Вып. 1. 216 с.; Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны: сибирская специфика / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2014. 221 с.

²³ «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры / под ред. А.В. Посадского. М., 2015. 856 с.; Вожаки и лидеры Смуты 1918–1922 гг. Биографические материалы / под ред. А.В. Посадского. М., 2017. 584 с.; и др.

²⁴ *Лученков А.С.* Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года: очерки политической истории. СПб., 2013. 352 с.; *Он же.* Национальная политика генерала Деникина. Весна 1918 — весна 1920 г. М., 2016. 400 с.; *Лобанов В.Б.* Терек и Дагестан в огне Гражданской войны. Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920 годах. СПб., 2017. 483 с.; и др.

го должно включать весь его драматизм и трагедийность, многообразие судеб людей, принадлежавших к разным лагерям и действовавших в тот период, а также объяснение их целей, идеалов, поступков. Это должна быть история, из которой можно будет извлекать уроки для настоящего и будущего.

Т. УЯМА

*Центр славянско-евразийских исследований Университета Хоккайдо
(Саппоро, Япония)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ АЛАШ-ОРДЫ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: СРАВНЕНИЕ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИЕЙ ТЮРКО-ТАТАР

В статье анализируется взаимодействие национальных движений с белыми правительствами во время гражданской войны на примере казахской автономии Алаш и национально-культурной автономии тюрко-татар. Татары накопили достаточно большой политический и военный опыт в имперский период. После Октябрьской революции Поволжье было занято Советской властью, но татары осуществили довольно широкую культурную автономию на Урале и в Сибири. Они организованно требовали своего признания от белогвардейцев, но представления русских и башкир о татарах как о «панисламистах», стремящихся «отатаривать» других мусульман, формировали резко отрицательное отношение белогвардейцев. Казахи как «инородцы» страдали от презрительного отношения со стороны русских, а также от все более усиливавшейся вражды к ним белогвардейцев, возражавших против национально-территориальной автономии. Но они проявили искусность и гибкость в переговорах и получили такие небольшие достижения, как признание казахского суда правительством А. В. Колчака.

Ключевые слова: казахи, татары, башкиры, национально-территориальная автономия, национально-культурная автономия, Временное Сибирское правительство, Комуч, правительство А. В. Колчака.

Национальные движения народов бывшей Российской империи во время гражданской войны протекали в сложных условиях, но характер этих движений и комплекс проблем, с которыми они столкнулись, различались в разных регионах. Если в западной части бывшей империи и на Кавказе национальные движения часто подвергались вмешательству извне, то народы Сибири и Центральной Азии мало привлекали внимания внешних игроков, и их судьба во многом зависела от соотношения сил внутри России. Что касается казахов, то лидеры автономного правительства Алаш-Орды сами осознавали неразрывную связь с русскими и необходимость получить

поддержку от политических сил России. Поскольку Алаш-Орда в принципе выступала против большевиков и Казахская степь сравнительно долго находилась под влиянием белогвардейцев, казахские лидеры старались получить поддержку от белых правительств.

Насколько успешно они вели переговоры с белыми, чего они достигли? Чтобы оценить их усилия, нужно сравнить с другими движениями. А с чем можно сравнить? Самая близкородственная Туркестанская автономия пала уже в феврале 1918 г. Башкирская автономия имела близкие отношения с Алаш-Ордой, и есть все основания сравнить эти две автономии. Однако в настоящей статье я попытаюсь сравнить Алаш-Орду с татарской культурной автономией, которая имела другие исходные условия и характер, но вела переговоры с белогвардейцами так же долго, как Алаш-Орда. Следует также отметить, что татарская культурная автономия — незаслуженно малоизученная тема, освещение которой должно быть полезным для понимания истории мусульманских национальных движений России.

Тюрко-татарская культурная автономия, подозревавшаяся в «панисламизме»

Большинство татарских лидеров, в отличие от лидеров многих других мусульманских народов России, стремились к национально-культурной автономии, но это не означало, что их движение было более умеренным, чем движения за национально-территориальную автономию. До Октябрьской революции центрально-азиатские и башкирские автономисты предполагали, что для осуществления автономии требуется решение Всероссийского Учредительного собрания о федерализации России, а татары, наоборот, спешили с осуществлением автономии, не дожидаясь Учредительного собрания. В июле 1917 г. в Казани объединенное заседание Второго Всероссийского мусульманского съезда, Мусульманского военного съезда и Съезда мусульманского духовенства, в которых участвовали преимущественно татары, постановило немедленно приступить к осуществлению культурно-национального самоопределения мусульман Внутренней России и Сибири¹. Второй Всероссийский мусульманский съезд также избрал исполнительные органы в лице трех ведомств — духовного, про-

¹ Революция и национальный вопрос: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. М., 1930. Т. 3. С. 317.

свещения и финансов². Духовное ведомство являлось преемником Оренбургского магометанского духовного собрания.

Этот же съезд постановил, что разрешение вопроса о форме правления Туркестана, Киргизии (Казахстана), Кавказа и Крыма предоставляется самому населению этих регионов³, но считал само собой разумеющимся, что башкиры войдут в культурную автономию как часть тюрко-татар. Против этой линии резко выступило Башкирское центральное шуру, которое нашло идею «татарских кадетов» о культурной автономии схожей с идеей русских националистов о единой и неделимой России и вредной для башкир⁴. Отношения с башкирами оставались большим местом культурной автономии татар на всем протяжении ее существования.

Миллят-меджлиси — парламент тюрко-татар, который заседал в Уфе с 20 ноября 1917 г. по 11 января 1918 г., принял решения в двух направлениях. С одной стороны, для осуществления культурной автономии меджлис создал Центральное национальное управление (Милли идарэ), состоявшее из вышеназванных трех ведомств, и избрал его председателем Садри Максудова — кадета и депутата 2-й и 3-й Государственных дум. В январе 1918 г. меджлис принял конституцию, официально названную «Основными положениями о национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири». Она определила довольно большие полномочия и права автономии, такие как отнесение религиозных и культурно-национальных дел и национального налогового обложения к исключительному ведению органов автономии (а не общегосударственных органов) и равноправие языка тюрко-татар с русским языком⁵.

С другой стороны, 29 ноября 1917 г. меджлис принял решение о создании территориальной автономии тюрко-татар в виде Идель-Уральского штата, реагируя на провозглашение автономии Башкурдистана 15 ноября и пытаясь привлечь башкир на свою сторону⁶. Учитывая укрепление позиций Советской власти, Второй Всероссийский мусульманский военный съезд в Казани собирался провозгласить Идель-Уральский штат как федеративную часть Российской советской республики. Но руководство шта-

² Культурно-национальная автономия в истории России: документальная антология. Томск, 1998. Т. 1: Сибирь 1917–1920. С. 94.

³ Революция и национальный вопрос... С. 315.

⁴ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): документы и материалы: в 4 т. Уфа, 2002. Т. 1 / сост. Б. Х. Юлдашбаев. С. 159–163.

⁵ Культурно-национальная автономия... С. 95–110.

⁶ *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция: весна 1917 г. — лето 1918 г. 2-е изд. М., 2004. С. 402–408.

та, названного в советской историографии «Забулачной республикой», было разогнано в конце марта 1918 г. красноармейцами, в том числе и татарскими коммунистами⁷.

Милли идарэ в Уфе тоже было закрыто Советской властью в апреле 1918 г. Но с началом восстания Чехословацкого корпуса в мае антисоветские силы взяли власть в большинстве регионов Азиатской России, и Милли идарэ возобновило свою деятельность, иногда перемещаясь с места на место. Многие центристские силы, такие как кадеты и эсеры, входившие в антисоветский лагерь, в принципе одобряли национально-культурную автономию. Казалось бы, культурной автономии тюрко-татар, многие руководители которой сами являлись кадетами или эсерами, нетрудно было получить поддержку. В проекте Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири, разработанном Временным Сибирским правительством в Омске в июле 1918 г., было указано, что вопрос о территориальной автономии может быть решен только будущим Всесибирским Учредительным собранием, но национально-культурная автономия предоставляется отдельным национальностям еще до созыва собрания⁸. В действительности Временное Сибирское правительство, быстро отходившее от традиции сибирского областничества, никогда не признавало культурную автономию тюрко-татар.

Другое влиятельное антисоветское правительство — Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч) в Самаре, в котором преобладали эсеры и было немало мусульман, лучше относилось к национальным движениям. 8 сентября 1918 г. Комуч объявил о признании бесспорного права тюрко-татар на культурную автономию и признании Милли идарэ как временного органа национального самоуправления⁹. Но Комуч вскоре фактически потерял власть, так как Поволжье было взято красными.

Как только было создано Временное Всероссийское правительство (Директория), Ибниамин Ахтямов (заместитель председателя Милли идарэ) и другие татарские лидеры обратились к нему с просьбой признать культурную автономию тюрко-татар, включить в состав Кабинета министров представителя тюрко-татар и учредить при Главном штабе отдел по делам тюрко-татарских воинских частей, которые уже стихийно возникали. Но пока Ди-

⁷ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция... С. 479–485.

⁸ Культурно-национальная автономия... С. 130–131.

⁹ Гражданская война в России и мусульмане: сборник документов и материалов / сост. С. М. Исхаков. М., 2014. С. 152–153.

ректория откладывала ответ на эту просьбу, она была свергнута в результате переворота А. В. Колчака¹⁰.

Когда Милли идарэ в январе 1919 г. обратилось теперь к Российскому (колчаковскому) правительству с просьбой признать культурную автономию, председатель Совета министров П. В. Вологодский в правительственных кругах сказал, что считает «существование такого Национального управления с широкими функциями, без территории и без подчинения какому-либо центральному управлению Всероссийского правительства — явлением ненормальным и подлежащим ликвидации»¹¹. Таким образом, этот бывший областник и эсер отрицал точку зрения ранних антибольшевистских правительств о том, что культурная автономия более приемлема, чем территориальная. Управляющий МВД продемонстрировал свое полное незнание проблем мусульманских движений, утверждая, что Национальное управление мусульман создается на смену упраздненным организациям Алаш-Орды и Башкурдистана, но в то же время сделал реалистичное предложение Совету министров замедлить с ответом на ходатайство Национального управления и допустить факт его существования как временный, пока правительственная власть недостаточно окрепла¹². Видимо, правительство приняло это предложение и не ответило Милли идарэ.

Тем не менее татары продолжали оказывать давление на колчаковское правительство, проявляя сплоченность. Мусульманские организации в Петропавловске, Челябинске, Новониколаевске, Красноярске, Екатеринбурге, Барнауле, Канске, Усолье-Сибирском, Семипалатинске и Верхнеудинске одна за другой послали правительству телеграммы с просьбой о признании культурной автономии¹³. С. Максудов, находясь в Париже для участия в мирной конференции, встретился с князем Г. Е. Львовым. По указанию последнего 23 мая 1919 г. посол во Франции В. А. Маклаков отправил министру иностранных дел колчаковского правительства И. И. Сукину секретную телеграмму с просьбой С. Максудова издать акт о признании мусульманских культурно-национальных учреждений¹⁴. С. Максудов также представил Парижской мирной конференции меморандум с просьбой поставить перед Россией условие принять Конституцию тюрко-татарской автономии как

¹⁰ Культурно-национальная автономия... С. 166–178, 282.

¹¹ Там же. С. 184–187.

¹² Там же. С. 188–189.

¹³ Там же. С. 206–209, 250–251, 264–266.

¹⁴ Гражданская война в России и мусульмане... С. 197.

часть Конституции Русского государства¹⁵. Татары также укрепляли добровольческие отряды, стараясь показать свою пользу для борьбы с большевиками¹⁶.

Но татарам преградила путь группа башкир во главе с Габдулхаем Курбангалиевым, которые сотрудничали с колчаковским правительством. В мае 1919 г. в докладной записке А. В. Колчаку они осудили татар за то, что те «стараятся вернуть свое господствующее положение над другими народностями мусульманского вероисповедания России (башкир, киргиз) и тем [самым] создать общемусульманскую антигосударственную позицию», и попросили сделать распоряжения о том, чтобы Национальное управление тюрко-татар не вмешивалось в дела башкир и чтобы это управление именовалось татарским, а не тюрко-татарским. Курбангалиев, в отличие от интеллигентов, ранее возглавивших автономию Башкурдистана, был консервативным муллой и стремился восстановить башкирское самоуправление с правами, аналогичными казачьим, но он разделял с интеллигентами позицию против вмешательства татар. Из этой докладной записки также явствует, что Национальное управление тюрко-татар на деле осуществило широкую автономию, перенимая функции бывшего духовного собрания по надзору за ведением метрических книг и утверждением духовных лиц в должностях, а также заведую начальными школами и собирая налоги¹⁷.

Колчаковское правительство охотно согласилось с мнением башкир. Министр внутренних дел В. Н. Пепеляев (резко поправевший кадет) считал, что Национальное управление тюрко-татар было проникнуто тенденциями панисламизма и стремилось к отатарению других мусульман. А управляющий МИД И. И. Сукин предложил разработать особый закон о башкирах, при этом оговаривая, что «опыт старой России показал, насколько вредна была для государства подобная политика, преувеличивавшая и возводившая в принцип такое противостояние (как между татарами и башкирами. — Т. У.), которое, конечно, должно быть использовано в разумных пределах»¹⁸. Отсюда видно, что руководители колчаковского правительства унаследовали от царского режима боязнь «панисламизма» и влияния татар на других мусульман, а также политику «разделяй и властвуй», хотя осознали вредность ее крайней формы.

¹⁵ Культурно-национальная автономия... С. 222–228.

¹⁶ Гражданская война в России и мусульмане... С. 216–229.

¹⁷ Культурно-национальная автономия... С. 210–214.

¹⁸ Там же. С. 215–220.

Тем не менее колчаковское правительство понимало необходимость учитывать нужды татар и обсуждало возможность признания автономии в сфере духовных дел в октябре 1919 г. И. о. председателя Национального управления Салимгирей Джантюрин (дворянин Уфимской губернии и потомок казахских ханов) раскритиковал эту позицию, считая, что издание закона о духовном управлении будет принято мусульманами как косвенное отклонение основного вопроса о культурно-национальной автономии. В это время положение колчаковской армии в гражданской войне резко ухудшилось, она все больше нуждалась в поддержке населения, в том числе мусульман. Велась даже пропаганда того, что А. В. Колчак «защищает Евангелие и Коран от осквернения». 24 ноября В. Н. Пепеляев, недавно ставший председателем Совета министров, наконец-то заявил, что примет все меры к скорейшему обнародованию правительственного акта о признании культурно-национальной автономии мусульман тюрко-татар¹⁹. Но колчаковское правительство уже находилось на грани падения. Оно было окончательно ликвидировано в январе 1920 г., и Национальное управление тюрко-татар тоже вскоре распалось.

Достижения Алаш-Орды в трудном положении

Отношения Алаш-Орды с разными политическими силами России в годы гражданской войны хорошо известны²⁰. Поэтому в данной статье я ограничиваюсь кратким изложением, необходимым для сравнительного анализа с татарской культурной автономией.

Казахские лидеры, в отличие от большинства татарских коллег, стремились к национально-территориальной автономии, но в то же время придерживались более осторожного подхода. В октябре 1917 г. один из лидеров казахского национального движения Алихан Букейхан еще считал, что реализация собственно казахской автономии преждевременна, и вместе с несколь-

¹⁹ Гражданская война в России и мусульмане... С. 229–245.

²⁰ Шишкин В. И. «На таком пути к желательному соглашению придти трудно». Алаш-Орда и Временное Сибирское правительство: несостоявшийся союз. 1918 г. // Исторический архив. М., 2009. № 1. С. 100–136; Он же. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 110–123; Uyama T. The Alash Orda's Relations with Siberia, the Urals, and Turkestan: The Kazakh National Movement and the Russian Imperial Legacy // Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts / ed. T. Uyama. London: Routledge, 2012. P. 271–287.

кими единомышленниками заявил, что казахи временно присоединятся к сибирской автономии²¹. Второй Всеказахско-кыргызский съезд, состоявшийся 5–13 декабря в Оренбурге, образовал Временный народный совет Алаш-Орда во главе с А. Букейханом, но воздержался от немедленного объявления автономии, полагая, что сначала нужно организовать милицию (ополчение) и провести переговоры с казахами Туркестанского края, а также с другими народностями в казахских областях. Съезд оставил 10 из 25 мест в Алаш-Орде для русских и других народов²².

Несмотря на то, что лидеры Алаш-Орды изначально выступали против большевиков, весной 1918 г., когда Советская власть укрепила свои позиции в Казахской степи, они вели переговоры с ней, как и татарские лидеры Идель-Уральского штата. И. В. Сталин отметил, что постановления Второго Всеказахско-кыргызского съезда соответствовали Декларации прав народов России, принятой Советским правительством в ноябре 1917 г. Видимо, необходимостью усилить влияние Советской власти на казахское общество и скудность информации о казахских лидерах обусловили мягкое отношение И. В. Сталина к Алаш-Орде. 3 апреля 1918 г. Алаш-Орда постановила признать центральную власть РСФСР и вместе с тем предъявила смелые требования о немедленном признании автономии Алаш, в состав которой должны были войти не только степные области, но и ряд туркестанских областей и алтайских уездов. На данной территории высшая власть должна была принадлежать Алаш-Орде впредь до созыва Учредительного (казахского) съезда, который следовало созвать по инициативе Алаш-Орды в сотрудничестве с местными Советами²³. Жанша и Халел Досмухамедовы (однофамильцы) ездили в Москву и встречались с В. И. Лениным и И. В. Сталиным. По некоторым сведениям, Совет народных комиссаров выделил им 12 млн рублей на нужды автономии²⁴. В конце концов взаимное признание Алаш-Орды и Советской власти не состоялось из-за усиления антисоветского уральского казачества и роста недоверия Советской власти к Алаш-Орде. Досмухамедовы поступили хитро и возобновили сотрудничество с уральскими казаками, как будто никогда не вели переговоры с Советами.

²¹ Алаш қозғалысы — движение Алаш: сборник документов и материалов. Алматы, 2004. Т. 1. С. 468–471.

²² Там же. С. 472–482.

²³ Алаш қозғалысы — движение Алаш: сборник документов и материалов. Алматы, 2005. Т. 2. С. 121–145.

²⁴ Мажитов Р. С. Жажанша Досмухамедов. Алматы, 2007. С. 74–82.

В июне 1918 г. Советская власть в большинстве мест в степных областях пала, и Алаш-Орда развернула полномасштабную деятельность. Перед ней, так же как и перед татарской культурной автономией, встала трудная задача: получить признание от белых правительств. Казахам, не имевшим опыта военной службы при царизме, пришлось больше, чем татарам, полагаться на белогвардейцев для борьбы с большевиками. И преград для получения признания тоже было больше, поскольку многие белогвардейцы считали национально-территориальную автономию еще менее приемлемой, чем культурную автономию.

Алаш-Орда полагала, что она находилась в союзном отношении с сибирской и башкирской автономиями²⁵, и стремилась к взаимному признанию с Временным Сибирским правительством как с равным партнером. Лидеры Алаш-Орды утверждали, что признание сибирским правительством автономии Алаш полезно единению России и, в частности, оттянет Туркестан от немецкой ориентации (они считали, что Туркестан находился под угрозой немецкого завоевания со стороны Закавказья). В результате переговоров в конце июля и начале августа они разработали проект соглашения о фактическом временном взаимном признании и сотрудничестве, определив подчиненный статус казахской армии в отношениях с сибирской. Но соглашение не было принято из-за возражений в самом Сибирском правительстве²⁶. Чиновники, ученые и журналисты Сибири часто выражали презрение к инородцам и опасение сепаратизма, хотя Сибирское правительство само 4 (17) июля приняло Декларацию о государственной самостоятельности Сибири в качестве временной меры.

Комуч считал, что, хотя вопрос о национально-территориальной автономии нужно решить в будущем Всероссийском Учредительном собрании, можно временно признать автономию Алаш, и официально декларировал ее временное признание 25 сентября²⁷. Комуч вскоре потерял власть, но еще до этого алашордынцы демонстративно показывали хорошие отношения с Комучем и использовали признание с его стороны как козырь в переговорах с Временным Сибирским правительством²⁸. Но такая позиция алашордынцев только обострила их отношения, особенно в Тур-

²⁵ Шишкин В.И. Взаимоотношения Алаш-Орды... С. 114.

²⁶ Алаш-Орда: сборник документов / сост. Н.И. Мартыненко. Кзыл-Орда, 1929. С. 102–111; Алаш қозғалысы... Т. 2. С. 217–219.

²⁷ Алаш қозғалысы... Т. 2. С. 220–227, 229–231; Гражданская война в России и мусульмане... С. 165–166.

²⁸ Uyama T. The Alash Orda's Relations... P. 277–278.

гайской области, где соприкасались сферы влияния Самары и Омска²⁹.

Алашордынцы, в отличие от лидеров татарской культурной автономии, не участвовали в зарубежных конференциях, но приняли активное участие в совещаниях антибольшевистских сил в России. На Государственном совещании в Уфе (8–23 сентября 1918 г.), представляя автономные правительства Туркестана, Башкурдистана, Алаш-Орды и Национальное управление тюрко-татар, А. Букейхан подчеркнул их важную роль в сохранении Российского государства: «Если бы не создались областные правительства в освобождающейся от большевиков России, совершенно нельзя было бы ею управлять. <...> мы мыслим себя только частью единой России. Те, которые говорят, создается сепаратизм, просто говорят, как рабы старой психологии, которые в самодержавной России привыкли думать, что инородцы — рабы, а представители Веллкороссии — это рабовладельцы»³⁰.

Но большинство участников Государственного совещания выступили за учреждение сильной центральной власти, и созданная в результате Директория 4 ноября 1918 г. утвердила постановления о роспуске всех областных правительств, в том числе Алаш-Орды, но временно сохранила ее местные органы, а также признала необходимость введения в управление начал, соответствующих бытовому и хозяйственным особенностям казахов³¹. По сведениям русских военных и земских деятелей, в то время деятельность Алаш-Орды распространялась все шире и она монополю собирала подати с казахского населения³².

Директория скоро прекратила свое существование, но ее курс на непризнание политической автономии и одновременно согласие с необходимостью учитывать бытовые особенности национальных меньшинств унаследовало колчаковское правительство. Здесь можно увидеть схожесть политики белогвардейцев с патерналистскими устремлениями царских чиновников XIX в., которые думали, что «инородцы» находились на низкой стадии развития и поэтому нуждались в протекции и сохранении их обычаев. Пользуясь таким отношением к обычаям казахов, Алаш-Орда провела переговоры с колчаковцами по вопросу о признании

²⁹ Шишкин В.И. «На таком пути к желательному соглашению придти трудно»... С. 109, 116, 133.

³⁰ Гражданская война в России и мусульмане... С. 156.

³¹ Алаш-Орда: сборник документов... С. 111–113.

³² Шишкин В.И. «На таком пути к желательному соглашению придти трудно»... С. 122–123.

суда, состоящего из судей, владеющих казахским языком и руководствующимся местными обычаями. Правительство А. В. Колчака приняло Положение о киргизском суде в августе 1919 года³³. Признание казахского суда было одним из редких успешных результатов переговоров между колчаковцами и автономными движениями. Не случайно один из сторонников культурной автономии тюрко-татар — А. Гев — упомянул его в сентябре 1919 г. как положительный пример такого сотрудничества³⁴.

Вместе с тем постепенно накапливалось недовольство казахов по отношению к правительству А. В. Колчака. Один из видных алашордынцев Ахмет Байтурсынов перешел на сторону Советской власти весной 1919 г. и активно участвовал в работе Казахского революционного комитета, который занимался подготовкой к созданию Казахской АССР. Многие другие алашордынцы не смогли сразу последовать за ним из-за очередного обострения борьбы в Казахской степи, но после долгого раздумья и переговоров они приняли Советскую власть до весны 1920 г., продолжая свою культурную, просветительскую и журналистскую деятельность.

Заключение

Исходные условия Алаш-Орды были в каком-то плане лучше, но в каком-то плане хуже, чем условия Милли Идарэ. Казахская интеллигенция в период Октябрьской революции была более сплоченной, чем татарская, в рядах которой число сторонников большевиков постепенно росло. Хотя среди казахских интеллигентов были противники Алаш-Орды, такие как руководители партии «Уш-Жуз», питавшие личную вражду к группе Букейхана, они были маргинальны. Однако при царизме у казахов был низкий правовой статус как у «инородцев» и они имели меньше опыта в политике, чем татары.

Татары, используя свой опыт, осуществили довольно широкую культурную автономию. Они организованно требовали своего признания от белогвардейцев и выражали свою волю на международной арене. Но представление русских и башкир о татарах как о «панисламистах», стремящихся «отатаривать» других мусульман, делало отношение белогвардейцев к ним резко отрицательным. А казахи как «инородцы» страдали от презрительного от-

³³ ГА РФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 6а. Л. 73–79 об.

³⁴ Гражданская война в России и мусульмане... С. 227.

ношения со стороны русских, но проявили искусность и гибкость в переговорах сначала с Советской властью, затем с белогвардейцами и снова с Советской властью.

В конце концов ни татарская культурная автономия, ни Алаш-Орда не смогли получить признание от белогвардейцев, и они были упразднены в результате победы Советской власти. Но их влияние на дальнейшую историю своего народа было разным. Лидеры татарской культурной автономии оказались оторваны от территории компактного проживания татар — Среднего Поволжья, находившегося под контролем Советской власти на протяжении почти всего периода гражданской войны. После войны многие из них эмигрировали. В противоположность им почти все лидеры Алаш-Орды остались в Центральной Азии и благодаря своему авторитету и опыту, накопленному в период революции и гражданской войны, продолжали оказывать влияние на своих соплеменников, в том числе на молодых казахских коммунистов. Но выбор остаться на родине имел для большинства из них трагические последствия: многие были репрессированы и погибли в 1930-е годы.

А. В. Ганин
Институт славяноведения РАН (Москва)

**«АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГРУППИРОВКА»:
УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ
ОМСКОГО ПЕРЕВОРОТА
18 НОЯБРЯ 1918 ГОДА**

В статье на основе анализа широкого спектра источников, в том числе неопубликованных, рассмотрена роль представителей Военной академии в приходе к власти на востоке России адмирала А. В. Колчака. До сих пор проблема вовлечения группы офицеров, представлявших административный и преподавательский состав академии, а также ее слушателей в заговор и переворот в Омске 18 ноября 1918 г. не рассматривалась специально с учетом борьбы различных военно-политических группировок внутри антибольшевистского лагеря. Между тем их действия отличались организованностью и осуществлялись по указаниям начальника академии — генерала А. И. Андогского, что позволяет говорить об «академической группировке» как о едином целом.

Ключевые слова: А. В. Колчак, Военная академия, офицерский корпус, переворот в Омске.

Деятельности Верховного правителя адмирала А. В. Колчака посвящены десятки книг и сотни статей, однако ключевое событие его прихода к власти — омский переворот 18 ноября 1918 г. — по-прежнему остается не изученным до конца. Прежде всего, это касается механизма возникновения и подготовки заговора, роли в нем военных группировок, о чем в работах многих исследователей содержатся в основном только общие фразы или глухие упоминания о «встречах с военными»¹. Между тем у участвовавших в подготовке переворота были имена и строго определенные функции, а источники позволяют реконструировать эти события более подробно.

¹ Краснов В. Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. М., 2000. Кн. 1. С. 419–430; кн. 2. С. 3–24; Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 115–118; Синюков В. В. Александр Васильевич Колчак: от исследователя Арктики до Верховного правителя России. М., 2004. С. 360–368; Он же. Александр Васильевич Колчак: Ученый и патриот. М., 2009. Ч. 2. С. 27–29; Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006. С. 406–414; Кручинин А. С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. С. 265–276.

События омского переворота осветил Г.З. Иоффе, хотя допустил ряд неточностей². Позднее попытку детального исследования механизмов заговора и переворота предпринял британский историк Дж. Смиль³, но он не обладал достаточно полной источниковой базой для реконструкции деталей. В том же ключе следует рассматривать работу С.П. Петрова — сына колчаковского генерала⁴. Акцент на роли сибирского казачества сделал В.А. Шулдяков⁵. Существенно больше подробностей содержат исследования В.И. Шишкина⁶. Отметим, что именно В.И. Шишкин опубликовал важнейший источник по данному вопросу — письмо полковника А.Д. Сыромятникова министру финансов И.А. Михайлову от 14 апреля 1919 года⁷. В этом документе, ранее использовавшемся и Г.З. Иоффе, детали излагались в целях поощрения упомянутых участников, а сама история переворота, изложенная в письме, представляется непреднамеренной и, следовательно, не искаженной информацией. В ходе подготовки монографического исследования о последнем периоде истории Николаевской военной академии ряд ранее неизвестных свидетельств об участии представителей этого военно-учебного заведения в омских событиях был выявлен автором этих строк⁸.

Борьба военно-политических группировок как неотъемлемая составляющая истории антибольшевистского лагеря на востоке России еще ждет своего исследователя. Ключевым фактором, пре-

² Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 124–146.

³ Smele J.D. Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996. P. 90–107.

⁴ Петров С.П. Упущенные возможности. Гражданская война в восточноевропейской части России и в Сибири 1918–1920 гг. М., 2006. С. 142–151.

⁵ Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М., 2004. Кн. 1. С. 206–274.

⁶ Шишкин В.И. Военный и морской министр Временного Всероссийского правительства А.В. Колчак // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 1: История. С. 54–65; Он же. Адмирал А.В. Колчак: на пути к военной диктатуре (19 сентября — 18 ноября 1918 г.) // Голоса Сибири. Литературный альманах (Кемерово). 2008. Вып. 1. С. 773–824, 1445–1453; Он же. 1918 год: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 42–61.

⁷ Шишкин В.И. К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1989. Серия: История, филология и философия. Вып. 1. С. 59–63; В связи с отсутствием точного шифра этого документа (в Советское время исследователи ссылались на коллекцию Центрального государственного архива Октябрьской революции без более конкретных данных) установить его местонахождение в фондах Государственного архива Российской Федерации и ознакомиться с ним в подлиннике не представляется возможным.

⁸ Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. 768 с.

допределившим конфликты и столкновения интересов разных групп офицерства, являлась неоднородность военного руководства антибольшевистским движением. Одна часть военной элиты антибольшевистских сил востока России летом — осенью 1918 г. служила в Сибирской армии, другая — в Народной армии Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч). Особняком стояли казачьи деятели и союзные офицеры. Противоречия усугублялись различными представлениями по широкому спектру военно-политических вопросов, включая отношение к чехословакам, к социалистам-революционерам, к перебежчикам от красных и даже к персональным назначениям во главе войск, вызывавшим личные обиды и соперничество высокопоставленных военных⁹.

Самостоятельную группировку составляли представители оказавшейся на востоке России Всероссийской академии Генерального штаба во главе с начальником академии генерал-майором А. И. Андогским. Вклад академии, ее преподавательского состава, выпускников и слушателей второй и особенно третьей очередей ускоренных курсов (курсовиков) в подготовку заговора и переворота в Омске, причины их вовлечения в политическую борьбу до сих пор должным образом не оценены. Между тем по ряду свидетельств именно эта группа офицеров сыграла ключевую роль в омском перевороте. Попробуем реконструировать события, акцентируя внимание на действиях представителей академии.

Еще в период Государственного совещания в Уфе в сентябре 1918 г., когда обсуждался вопрос объединения Народной и Сибирской армий, претенденты на лидерство в военном ведомстве заметно активизировали свои усилия. По итогам совещания было создано Временное Всероссийское правительство (Директория), вооруженные силы Народной и Сибирской армий объединялись. Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России (реально — антибольшевистскими вооруженными силами на востоке России) стал генерал-лейтенант

⁹ Этот фактор не следует недооценивать — трения в офицерской среде ощущались весьма болезненно, причем важны были даже мелочи. Например, генерал С. Н. Розанов на параде в Челябинске (по всей видимости, это произошло летом–осенью 1918 г.) лишь кивнул генералу А. И. Андогскому вместо приветствия, что было расценено как проявление неуважения и послужило основанием для далеко идущих выводов. Однако через полгода Розанов обращался к Андогскому не иначе, как «Дорогой Александр Иванович!» (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 25. Л. 8). Исключение из академии профессора, генерала А. Ф. Матковского за дисциплинарный проступок летом 1918 г. сделало его непримиримым врагом академического руководства на протяжении 1918–1919 гг.

В.Г. Болдырев при начальнике штаба генерал-лейтенанте С. Н. Розанове. Болдырев был профессором академии, прекрасно понимал значение этого высшего военно-учебного заведения и хорошо знал его профессорско-преподавательский состав. Неудивительно, что уже в конце сентября 1918 г. преподаватели академии получили приглашения поступить на службу в его Ставку¹⁰.

Курсовик К.В. Семчевский позднее вспоминал о назначениях преподавателей академии на должности в высших штабах: «После „уфимских“ выборов Директория прибыла в Омск, привезла с собой „самарский“ штаб, состоявший почти исключительно из профессоров академии и слушателей, эвакуировавшихся из Екатеринбурга в Казань, и сделала этот штаб „Ставкой“ Верховного главнокомандования. Началась глухая борьба между „Ставкой“ и штабом Сиб[ирской] армии, фактически имевшим все нити управления войсками и всем тылом <...> „Ставка“, переняв постепенно управление от штаба Сиб[ирской] армии, решила ликвидировать штаб Сиб[ирской] армии, а нас, как свидетелей их странного поведения в Екатеринбурге¹¹, „обезвредить“, послав нас куда-нибудь на самые захолустные должности»¹². Возможно, здесь есть доля преувеличения.

О масштабном привлечении личного состава академии к формированию Ставки в Уфе свидетельствовал и полковник К. Я. Гоппер. Он отмечал, что Ставка, «правильнее говоря, приехала в почти готовом виде с большим по числу наличным составом, чем требовалось обстоятельствами. Это была академия Генерального штаба <...> Главные роли в Ставке были распределены между профессорами полковниками Слижиковым, Леоновым, Сыромятниковым и Касаткиным¹³, остальные должности — между курсовыми офицерами, причем генеральские должности замещались сравнительно молодыми капитанами. Так как Ставка этого состава сыграла видную роль в последовавших событиях, то крайне интересно было бы выяснить все обстоятельства, почему было допущено формирование Ставки из состава академии, все это время остававшейся на службе у большевиков <...> Мне кажется, что здесь большая ошибка была сделана генералом Болдыревым, нарушившим одно из основных правил стратегии о формировании шта-

¹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 7. Л. 136.

¹¹ По всей видимости, речь идет об осторожном поведении преподавательского состава академии в Екатеринбурге в июле 1918 г.

¹² Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция К. В. Семчевского. Вох 1. Folder 28. Л. 8–9.

¹³ Мемуарист не точен, профессорами они не были.

ба главнокомандующего. Главнокомандующий должен выбрать себе ближайшим помощником своего начальника штаба — чловека одного с ним образа мыслей, на которого может положиться, как на самого себя, даже во всех мелочах. Насколько мне потом удалось выяснить, генерал Болдырев и его начальник штаба генерал Розанов — люди совершенно различных убеждений и взглядов <...> Слишком занятый делами, как член Директории, ген[ерал] Болдырев целиком предоставил формирование Ставки генералу Розанову. По моим наблюдениям, генерал Розанов в свою очередь совершил ту же ошибку, набирая своих ближайших помощников. Розанов производит впечатление храброго, доверчивого вояки, немножко грубоватого, но неспособного одевать маски дипломатов и политиков, и как таковой он, я полагаю, не мог быть одного лагеря с теми тонкими и хитрыми политиками, к которым я отношу Слижикова, Леонова и Сыромятникова <...> Упомянутые <...> его ближайшие помощники, по всем моим наблюдениям, умели вести только закулисную борьбу, если только можно выразить этим словом их поведение и действия, так как никогда с достоверностью нельзя сказать, за кого и против кого они борются.

Весь остальной состав Ставки — кадровые офицеры академии — составляли, по крайней мере в первое время, очень сплоченную и по-воински дисциплинированную массу, что они доказывали всем своим поведением, и все они в один голос с восторгом, даже с некоторым преклонением отзывались о начальнике академии генерале Андогском. Надо отдать справедливость, что генерал Андогский действительно проявил выдающийся педагогический талант, сумев так сплотить и повлиять на достаточно уже поживших людей. С этой стороны, как видно, Ставка представляла из себя порядочный плюс, но весь вопрос, стало быть, заключался в том, куда будет направлена деятельность Ставки ее ближайшими руководителями. Физиономии этих руководителей оставались загадкой, и загадкой довольно подозрительной»¹⁴.

Ответил на вопрос Гоппера относительно мотивов своих кадровых решений сам Болдырев, который писал: «Чрезвычайно сложным оказался вопрос и с формированием моего штаба. Старых опытных работников, сотрудников по мировой войне, под рукой не было.

При существовавшей вражде между Народной и Сибирской армиями, брать людей из их состава — это значило бы только еще больше усилить их рознь. Нужны были нейтральные работники.

¹⁴ Гопнер К.Я. Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, [б. г.] С. 82–84.

Пришлось остановиться на небольшой группе молодежи, главным образом, из состава бывшей академии Генерального штаба. Но и здесь было „но“ — академия только что была пленена в Казани; до этого времени она работала с Красной армией и расценивалась „большевистской“¹⁵.

На октябрь 1918 г. представители эвакуированной в Томск академии действительно заняли руководящие посты в Ставке. Временно исполняющим должность помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего стал полковник А.П. Слижиков, временно исполняющим должность 1-го генерал-квартирмейстера — полковник А.Д. Сыромятников, временно исполняющим должность 2-го — полковник Г.В. Леонов¹⁶. Такая ситуация не устраивала командование Сибирской армии, поскольку сибирские генералы сами претендовали на лидерство и признание своего стажа борьбы с большевиками. Ветеранов антибольшевистского движения возмущало и то, что ключевые должности в Ставке получили недавние военспецы РККА.

Начальник академии Андогский обладал выраженным вкусом к закулисным политическим играм. Он и другие представители академии вынашивали далеко идущие планы борьбы за власть и влияние в военных кругах. Свои люди в лице преподавателей и слушателей, разбросанных по различным штабам, оказались у Андогского буквально во всех значимых военных структурах антибольшевистского лагеря на востоке России. По существу это была разветвленная агентурная сеть. Благодаря этому начальник академии был неплохо информирован о событиях и использовал соратников в своих интересах.

Так, осенью 1918 г. слушатели академии оказались вовлечены в конфликт между Андогским и начальником штаба Сибирской армии генерал-майором П.А. Беловым (Г.А. Виттекопфом), которого они в октябре 1918 г. обвинили в шпионаже в пользу Германии и в сотрудничестве с большевиками¹⁷. В результате Белов был отстранен. Интригу удалось реализовать силами начальника академии и выпускников ускоренных курсов — штабс-капитана А.А. Бурова, капитанов И.А. Бафталовского, Е.И. Гриневского и К.В. Семчевского¹⁸. По крайней мере, первые трое курсовиков

¹⁵ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервью. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Новониколаевск, 1925. С. 58.

¹⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 26.

¹⁷ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–2 об.

¹⁸ Подробнее см.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии... С. 260–263.

затем приняли активное участие в омском перевороте. По оценке В. И. Шишкина, отстранение Белова стало аппаратным поражением главнокомандующего В. Г. Болдырева, ослабило его власть на фоне нараставшей активности оппонентов в военном ведомстве¹⁹.

Справедливо свидетельство генерала С. А. Шепихина, который отметил, что «его (Андогского. — А. Г.) агенты (это профессора, в большинстве сочувствовавшие бывшему своему начальнику академии) и летучие разведывательные ячейки (бывшие слушатели академии) проникли не только в Ставку, но и на фронт»²⁰. Эта схема работала и в период подготовки омского переворота, и позднее в конфликте между Андогским и генералом Д. А. Лебедевым.

26 октября Андогский был вызван в Ставку временно исполнявшим должность начальника штаба Верховного главнокомандующего А. П. Слижиковым якобы для разрешения академических вопросов на месте²¹ и 30 октября уехал в Омск²², где ожидалась серьезные перемены.

В Омске Андогский включился в закулисную борьбу, причем, насколько можно судить, чувствовал себя в такой обстановке вполне комфортно. По воспоминаниям осведомленного очевидца капитана И. С. Ильина, «Омск того времени, т. е. недолгого пребывания Директории у власти, представлял собой какой-то взбудораженный муравейник. Политические кружки, совещания, какая-то хлопотливая жизнь, в которой чувствовалось что-то ненормальное, но настоящее <...> „Да ведь это Мексика какая-то!“ — говорил всегда спокойный, сдержанный Андогский. — „Из этого ничего не выйдет!“ <...> Не видел ничего и ни о чем не думал Розанов, время которого проходило между Ставкой и рестораном гостиницы „Россия“. И Андогский, и Сыромятников с нескрываемой иронией отзывались о наштаверхе. „Да ему кроме кабака с девками ничего не надо“, — говорил Сыромятников»²³. Сложно сказать, насколько справедливы подобные обвинения.

Одним из организаторов омского переворота был известный своими интригами 28-летний министр финансов омско-

¹⁹ Шишкин В. И. Адмирал А. В. Колчак: на пути к военной диктатуре... С. 806; Он же. 1918 год: от Директории к военной диктатуре... С. 53.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

²¹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.

²² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 248.

²³ Ильин И. С. Омск. Директория. Колчак // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 72. С. 209.

го правительства И. А. Михайлов, покровительствовавший академии²⁴. За причастность к политическим убийствам недоброжелатели прозвали его «Ванька-Каин». Тем не менее влияние этого человека, сохранившего министерский портфель в трех разных правительствах на востоке России в течение 1918–1919 гг., трудно переоценить²⁵. Как отмечал осведомленный свидетель тех событий, будущий министр иностранных дел колчаковского правительства И. И. Сукин, «Михайлов сам погрузился в атмосферу военных интриг и незаметно для себя попал в круг тех личных, карьерных и тщеславных стремлений, которыми была окрашена почти вся среда Генерального штаба в Омске»²⁶. И действительно, в документах Конференции (коллегиального руководящего органа) академии имеются прямые указания на то, что Михайлова академическое начальство считало своим доброжелателем и обращалось к нему за содействием осенью 1918 года²⁷. Дружеские отношения с Михайловым поддерживал и сам Андогский²⁸.

Служившие в Ставке представители академии, как и державшийся в тени ее начальник, играли важную роль в перевороте. Временно исполнявший должность 1-го генерал-квартирмейстера полковник А. Д. Сыромятников заранее знал о подготовке переворота и активно в нем участвовал, организуя военную составляющую и обеспечивая нейтралитет союзников²⁹. Вовлечены в события были помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего полковник А. П. Слижиков, а также надежные слушатели ускоренных курсов академии (полковник Н. Г. Сабельников, капитаны И. А. Бафталовский, А. А. Буров, А. К. Гайко, Е. И. Гриневский, А. Л. Симонов, Г. В. Щепин)³⁰.

Согласно мемуарам капитана И. А. Бафталовского, заговор против правительства Директории начал формироваться в ом-

²⁴ Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: документы и материалы. М., 2005. С. 343, 351; A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925: in 2 vols. Stanford, CA, 2002. Vol. 2. P. 133.

²⁵ Подробнее о Михайлове см.: Будницкий О. В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008. С. 31–34; и др.

²⁶ Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 351.

²⁷ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 20б.

²⁸ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 333.

²⁹ Ильин И. С. Омск. Директория. Колчак... С. 206, 211; Шишкин В. И. К истории колчаковского переворота... С. 59–63.

³⁰ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 432–433, 459, 461–462.

ском салоне супруги генерала А. Н. Гришина-Алмазова, где собирались правые, включая министра финансов И. А. Михайлова и начальника академии генерала Андогского. Постепенно выработался план переворота: «Детальную разработку этого акта с технической стороны взяли на себя: генерал Андогский, 1-ый генерал-квартирмейстер Ставки полковник Сыромятников и прибывший из Добровольческой армии полковник [Д. А.] Лебедев. К ним присоединились в качестве помощников представители штабов: Сибирской армии — капитан Буров и 2-го Степного Сибирского корпуса капитан И. А. Бафталовский»³¹.

Заговорщиков объединяло неприятие правительства Директории. Капитан И. А. Бафталовский вспоминал: «Естественно, что одна только политическая физиономия „этих господ“ говорила сама за себя и предрекала на характер и образ их деяний, в которых интересы „своей“ партии (эсеров. — А. Г.) будут доминировать над интересами и благом Родины»³². Генерала В. Г. Болдырева в их кругу считали «розовым», генерала П. П. Иванова-Ринова — интриганом, командира II Степного Сибирского корпуса генерала А. Ф. Матковского — политически скользким, а его начальника штаба полковника Л. Д. Василенко — сторонником социалистов. Находившийся тогда в Омске капитан И. С. Ильин записал в дневнике 28 октября 1918 г.: «Уже начались кругом интриги, интриги Генерального штаба. Михайлов группируется с Андогским и шпиком Буровым; Слижигов, Сыромятников тоже с ними; — Болдырев, Розанов, если его можно считать, — другая группировка, примыкающая к Директории»³³. Все большую популярность в офицерском корпусе обретала идея надпартийной военной диктатуры.

Отметим, что 4 ноября состоялось назначение на пост военного и морского министра вице-адмирала А. В. Колчака. 14 ноября И. С. Ильин записал: «[Вице-]адмирал Колчак поехал на фронт и вернется вероятно 15-го или 16-го. Уехал он в несколько мрачном настроении. Видимо, ход переговоров, все эти интриги, сплетни и пр[очее] претят его честной и прямой натуре.

В ставке сегодня Сыромятников с несколько таинственным видом мне заявил, что „все готово“ и чтобы я смотрел за тем, чтобы Розанов ни о чем не догадался.

— А то вы знаете его, все дело провалит, — добавил он.

³¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 2.

³² Там же. Л. 1.

³³ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина... С. 341.

Спрашивал про иностранцев — как они. Я сказал, что Нильсону³⁴ я несколько раз уже говорил, и он во всяком случае знает и, кажется, ничего против не имеет, во всяком случае, симпатии его не на стороне Директории.

Сыромятников в свою очередь рассказал, что большое участие принимают в назревавших событиях Михайлов, Андогский, Гришина-Алмазова и наш Буров. Андогский разработал всю техническую сторону.

Самое интересное, что Михайлов, как думает Сыромятников, сам бы хотел захватить власть, но у него хватает всего, кроме решимости и мужества, особенно когда наступает момент, что надо действовать уже открыто»³⁵.

А. Д. Сыромятников в письме И. А. Михайлову от 14 апреля 1919 г. упомянул известных ему офицеров из числа слушателей академии, вовлеченных в подготовку переворота: «О себе я говорить не буду, но я не могу умолчать о тех своих сотрудниках, которые выполнили главнейшие мои поручения и обеспечили успех переворота в военном отношении <...>

Это были капитаны Симонов, Щепин, Буров, Бафталовский, Гриневиц³⁶ и Гайко. Перечисленные офицеры до переворота были вызваны в Ставку и получили следующие задачи:

Капитану Симонову (бывш[ий] нач[альник] разведывательного отдела Ставки): 1) выяснить состав, силу и настроение гарнизона и характеристику их начальников, соответственно [их отношение к] предстоявшему перевороту; 2) выяснить значение [э]с[е]р[овского] к[омис]са[ра] государ[ственной] охраны [Е. Ф.] Роговского и выработать меры к его обезвреживанию; 3) при посредстве военного контроля в Ставке точно выяснить местопребывания в ночь на 18 ноября [Н. Д.] Авксентьева, [В. М.] Зензинова, [А. А.] Аргунова и Роговского и результаты сообщить [В. И.] Волкову.

Капитан Симонов выполнил эти задачи отлично, причем его успеху содействовал чиновник военного контроля Ставки Ивановский. Последний точно выяснил местопребывания всех подлежащих аресту лиц.

Капитану Щепину (нач[альник] связи Ставки): 1) назначить в поезд г[енерала] Болдырева, отправлявшегося в Уфу, такого офицера, который бы мог по получении от меня шифрованной телеграммы в момент ареста Директории действительно задерживать

³⁴ Подполковник британского Генерального штаба, сотрудник военной миссии генерала А. Нокса.

³⁵ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина... С. 345.

³⁶ Правильно — Е. И. Гриневицкий.

все получаемые и отправляемые г[енералом] Болдыревым телеграммы (для этой цели был избран капитаном Щепиным и мною назначен на должность нач[альника] связи при г[енерале] Болдыреве поручик Видовский³⁷, прекрасно справившийся со своей задачей); 2) взять под контроль с момента переворота все главнейшие телеграфные станции фронта и Сибири и выключить провода, соединяющие телефоны г[енерала] Матковского и некоторых других лиц с частями гарнизона и штабами; 3) снабдить [В. И.] Волкова и [И. Н.] Красильникова для перевозки арестованных в сельскохозяйственное училище и установить надзор за всеми автомобилями Омска. Все задачи были выполнены капит[аном] Щепиным в точности с редким умением, энергией и полным самоотвержением.

Капитан Буров, как Вы помните, служил офицером связи между нами и Волковым, Красильниковым и частями гарнизона. Знание им настроения некоторых начальников и частей гарнизона при помощи налаженной им офицерской контрразведки позволило мне принять меры к удалению из Омска неблагонадежных частей гарнизона и в задержании проходящих эшелонов войск, благоприятно настроенных (например, Морской флотилии, следовавшей в Красноярск). Нельзя отрицать, что капитан Буров в значительной степени содействовал успеху переворота.

Капитану Бафталовскому и Гриневскому (оф[ицеры] штаба 2-го Степного корпуса) мною была дана задача: 1) не допустить попытки со стороны соответствующих начальников, членов штаба и частей 2-го Степного корпуса противодействовать аресту Директории и 2) не допускать выхода войск из казарм. На названных офицеров выпала исключительная по трудности задача. После получения сведения о том, что какие-то казачьи части вышли на улицу и арестовали Директорию, начальником штаба названного корпуса, а затем и г[енералом] Матковским были отданы распоряжения некоторым частям корпуса немедленно выступить из казарм для действия оружием против названных казачьих частей. Только разумно принятыми мерами и соответствующим воздействием капитана Бафталовского и Гриневского на полковника Василенко и г[енерала] Матковского через первого им удалось предотвратить кровопролитие на улицах и уже выступившая сербская рота штаба корпуса была возвращена в казармы, а распоряжение прочим частям гарнизона отменено.

Капитану Гайко (оф[ицер] штаба Сибирской армии) было мною приказано с момента ареста Директории взять под контроль все

³⁷ Не имел отношения к академии.

распоряжения штаба Сибирской армии, телеграф и телефон, что и было им образцово выполнено.

Помимо вышеприведенных офицеров большую роль после переворота сыграл в деле укрепления новой власти подполковник³⁸ Сабельников, на должности нач[альника] штаба гарнизона гор. Омска. Названный офицер особенно отличился при подавлении восстания в Омске месяц спустя.

Убежден, что Вы и В. Н. [Пепеляев] согласитесь с тем, что перечисленные лица, как непосредственные исполнители составленного нами плана, сыграли выдающуюся государственную роль в рамках возложенных на них задач. Они проявили изумительную энергию и полное самоотвержение в осуществлении основной идеи составленного нами плана переворота и доказали безграничную преданность Верховному правителю. Казалось бы, что эти лица должны были заслужить какого-то поощрения, какой-то благодарности и во всяком случае быть огражденными от нападков подозрительных и завистливых интриганов. Но получилось обратное. Произошел переворот, посыпались награды, производства. На этом перевороте даже самые ярые противники его составили себе бешеную карьеру. Получили повышение даже те, которые сначала активно выступали против исполнителей задуманного государственного переворота, спасшего погибавшее тогда дело возрождения России.

Что же касается вышеперечисленных наших главных сотрудников, то вместо самой горячей благодарности их постигла следующая участь: капитаны Симонов и Щепин были смещены со своих должностей в Ставке вслед за моим уходом и отправлены: первый в отпуск без права жительство западнее Иркутска, второй — из пределов Сибири. Чиновник Ивановский нашел себе приют у В. Н. Пепеляева; капитан Гринеvский — также куда-то убран; капитан Гайко против своего желания [откомандирован] на Дальний Восток; капитан Буров и подполковник Сабельников также отправлены на фронт, причем последний — без права службы в Омске. Я не хочу в этом никого обвинять, предлагаю Вашему вниманию лишь перечисленные факты.

В заключение своего письма обращаюсь к Вам и В. Н. [Пепеляеву] как к единственным свидетелям, способным удостоверить огромные заслуги вышеперечисленных лиц, с просьбой личным ходатайством перед Верховным правителем оказать им хотя [бы] какое-нибудь внимание в воздаянии за их самоотверженные

³⁸ Правильно — полковник.

поступки, плоды которых черпает возродившаяся армия и оздоровившаяся страна после полубольшевистского засилья бывшей Директории, заразное начало коей было вырвано ноябрьским переворотом при дружном содействии перечисленных лиц, обеспечивших нам значительную долю успеха»³⁹.

Письмо Сыромятникова рисует широкую картину вовлечения слушателей и преподавателей в подготовку переворота. Нити организации, очевидно, тянулись к Андогскому, которому только и могло принадлежать решение участвовать силами академии в подготовке прихода к власти Колчака. В случае провала заговора академию и ее сотрудников ожидали бы тяжелые последствия.

Прежние противоречия внутри академии сыграли свою роль и в этих событиях. Так, бывший профессор академии генерал А. Ф. Матковский, с которым академия находилась в конфронтации⁴⁰, расценивался переворотчиками как «недоговороспособный» и вероятный противник.

После совещаний «переворотной группы» выбор пал на временно командующего 1-й Сибирской казачьей дивизией полковника В. И. Волкова и командира партизанского отряда — войскового старшину И. Н. Красильникова, которые должны были «нанести удар Директории» и подавить сопротивление. Союзники также выступали против Директории, а командир английского батальона в Омске полковник Дж. Уорд согласился оказать силовую поддержку перевороту.

И. А. Бафталовский позднее вспоминал, что «настойчивая, продуманная и энергичная деятельность группы патриотов давала уже свои плоды и успех предстоящего переворота становился все реальнее, осязательнее и нагляднее; в штабы армий и корпусов фронта были командированы заслуженные офицеры с секретными инструкциями: подготовить командный состав к предстоящим омским событиям, которые не должны были ни на минуту остановить или поколебать боевую работу фронта и тыла»⁴¹. По свидетельству Бафталовского, план сводился к тому, чтобы, «пользуясь отсутствием из Омска главнокомандующего генерала Болдырева, который за свою демократичность пользовался симпатиями чехов и мог на них опереться в решительный момент — арестовать Авксентьева, Зензинова и Аргунова и, создав исключительно политически-тяжелую обстановку,

³⁹ Шишкин В. И. К истории колчаковского переворота... С. 61–62.

⁴⁰ Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 213, 236–241.

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 3.

поставить остальных членов правительства правого толка в такое положение, при котором они вынуждены были бы по собственному сознанию согласиться на необходимость сосредоточить всю власть, как военную, так и гражданскую, в руках одного лица, способного вывести Сибирь, а за нею и Россию, — на путь победы, славы и единства»⁴². Самого Колчака Бафталовский именовал не иначе, как «витязь Земли Русской», «национальный герой Святой Руси».

К середине ноября 1918 г. приготовления были завершены. К тому же генерал Болдырев уехал на фронт под Уфу. Предоставим слово капитану И. А. Бафталовскому, свидетельство которого в целом соответствует тому, что сообщал Сыромятников в письме Михайлову: «Утром 17 ноября в штаб 2-го Степного Сибирского корпуса прибыл капитан Буров и, вызывая начальника разведывательного отделения капитана Бафталовского, сказал, что его ждут в Ставке по срочному делу; по дороге в Ставку, которая располагалась в здании железнодорожного управления, капитан Буров сообщил подробности этого срочного дела, которое должно было венчать работу группы патриотов и выдвинуть новую национальную власть — спасения Руси.

В Ставке были приняты 1[-ым] ген[ерал]-квар[тирмейстером] полк[овником] Сыромятниковым, который, волнуясь, сказал приблизительно следующее: „Господа, все, к чему мы готовились в течение последнего месяца, должно сегодня ночью совершиться. Помните, что в случае провала нас всех ждет — веревка. Задания остаются старые. Вы, капитан Бафталовский, должны принять все меры к тому, чтобы пресечь в зародыше малейшую попытку генерала Матковского или полковника Василенко к освобождению арестованных. Все телеграммы и приказания 2-му Степному корпусу буду[т] поступать на Ваше имя»⁴³. В 12 часов ночи и к 9 час[ам] утра пришлите непосредственно в Ставку, подписываясь генерал-квартирмейстером, телеграмму с ложными данными о настроениях воинских частей, сильной пропаганде среди рабочих масс, ожидаемых бунтах, вспышках и забастовках. Усиьте все — насколько можно. Необходимая воинская сила будет дана в Ваше распоряжение. Задача Ваша, капитан Буров, аналогичная. Итак, господа, с Богом, за дело“.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 4.

⁴³ Не питая доверия к высшим чинам штаба 2-го Ст[епного] корпуса, от которого во все детали переворота был посвящен только капитан Бафталовский, полк[овник] Сыромятников был вынужден прибегнуть к этой мере, вразрез с воинским уставом (прим. И. А. Бафталовского).

Проходя по помещениям Ставки, капитан Бафталовский встретил несколько своих друзей, из разговора с которыми узнал, что чины Ставки почти целиком примкнули к движению и были в курсе надвигающихся событий ночи.

Сообщили о прибытии с фронта второй пехотной бригады и батареи, каковые с наступлением темноты должны подтянуться к Ставке; о боевой готовности батальона полк[овника] Воорда⁴⁴, готового по первому призыву Ставки ликвидировать контрсопротивление Директории.

Все средства связи было приказано сосредоточить у здания Ставки, включая и автомобиль начальника штаба главнокомандующего — генерала Розанова, коему было воспрещено подавать ночью машину.

Много еще деталей и интересных подробностей было услышано в стенах ж[елезно]д[орожного] управления, но от времени они стусевались, поблекли и изгладились из памяти.

Наступил вечер. Часы занятий в штабе 2-го Ст[епного] корпуса окончились, и чины штаба, ничего не подозревая о событиях ночи, мирно разошлись по своим домам.

В помещении штаба остался один дежурный офицер — есаул Н. А. Михайлов и дежурная смена чинов связи, не считая начальн[ика] штаба полковника Василенко и начальника развед[ывательного] отделения капитана Бафталовского, кои, как исключение, жили в самом штабе.

Оставшись наедине с есаулом Михайловым, капитан Бафталовский приоткрыл последнему карты и потребовал от него прямого определенного ответа по существу затронутого вопроса. Есаул Михайлов с нескрываемой радостью горячо пожал руки своего собеседника и поклялся исполнять все приказания через голову прямого начальства.

Получив соответствующие указания и разъяснения, есаул Михайлов разогнал всю связь, выключил телефоны с кадровыми (запасными) полками и другими тыловыми частями и командами и перегнал автомобили штаба к Ставке.

В 12 часов 50 минут капитан Бафталовский был вызван по телефону из Ставки, и ему было сообщено условно следующее: „Дело сделано“.

Поздравив есаула Михайлова с благополучным началом, капитан Бафталовский написал заданное донесение, которое было немедленно передано в Ставку.

⁴⁴ Здесь и далее правильно — Уорда (Дж. Уорд; англ. — J. Ward).

В начале 3-го часа раздался телефонный звонок, и есаул Михайлов сообщил, что генерал Матковский срочно требует к телефону начальника штаба полков[ника] Василенко.

— „Разбудите и доложите“, — сказал капитан Бафталовский и прошел во второй этаж в комнату оперативного отделения, рядом с которой был кабинет начальника штаба.

В одном белье, накинув офицерскую шинель, полковник Василенко рысью пробежал в свой рабочий кабинет и начал, сильно волнуясь, отвечать генералу Матковскому: „Слушаюсь, слушаюсь, Ваше Превосходительство, будьте покойны, немедленно приму меры...“ Было ясно, что генерал Матковский уже пронюхал об аресте Директории и приказывал принять срочные меры к их освобождению.

Настал момент действовать. Капитан Бафталовский постучал в полуоткрытую дверь и, не дожидаясь ответа, вошел.

— „А, это Вы, ну и отлично; надо немедленно...“, — начал было полковник Василенко, но капитан Бафталовский его прервал, сказав: „Г[осподин] полковник. Генерал Матковский Вам сейчас приказал освободить арестованных?! Разрешите доложить, что это ни к чему не приведет, вызовут только лишнее пролитие крови и может в будущем повредить Вашей карьере. Мой добрый совет — не пытаться даже принимать какие-либо бесцельные меры, а идти спокойно и спать. Все совершается по определенному плану, и ничто не может остановить его развития, ибо за нами все и вся. Утром разовьются еще такие события, о которых Вы и не предполагаете“.

Полковник Василенко был огорошен такою речью своего подчиненного; он несколько минут смотрел дикими глазами на капитана Бафталовского, потом встал и нервно сказал: „А учли ли Вы мировое положение? Что скажут союзники?“ — „Все учтено и все взвешено, г[осподин] полковник; батальон полковника Воорда в полной боевой готовности для отражения контрмер сторонников Директории“, — ответил твердо капитан Бафталовский.

— „Ну и молодцы, ловко сделали“, — наконец сказал полк[овник] Василенко и шутиливо потрепав по плечу своего собеседника и, не сказав больше ни слова, удалился в свою комнату»⁴⁵.

О своем участии в перевороте в эмиграции историку С. П. Мельгунову рассказывал и Г. В. Щепин. В пересказе Мельгунова история Щепина выглядит следующим образом. Близкий к Андогскому курсовик находился в непосредственном подчине-

⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 4-6.

нии Сыромятникова. Без ведома генерала С. Н. Розанова Щепин 17 ноября занял должность командира особого офицерского отряда, а оставил этот пост 19 ноября. Якобы в поезде Колчака у заговорщиков также находился свой человек. Дальнейшее изложение Щепина о том, что этот человек должен был изменить маршрут поезда, ехавшего в Оренбург (с которым на самом деле белая Сибирь после падения Самары не имела прямого железнодорожного сообщения) и доставить Колчака в Омск представляется неправдоподобным. Однако оно перекликается с изложением Сыромятникова, по свидетельству которого, свой человек Щепиным был помещен не в поезд Колчака, а в поезд Болдырева. Себе же Щепин приписал нейтрализацию генерала Розанова в Ставке и общее руководство событиями, причем, по этой версии, одному из активных участников переворота, полковнику Д. А. Лебедеву, заговорщики якобы не доверяли. Недостоверные составляющие свидетельства Щепина выявил еще Мельгунов, отметивший, что офицер, очевидно, не был посвящен в детали, а должен был контролировать Ставку⁴⁶. Описание Щепина отличается от того, что сообщал Сыромятников, но подтверждает активную роль этого офицера в заговоре. Возможно, пролить свет на ход событий могли бы показания участников переворота, арестованных в СССР в период массовых репрессий. К сожалению, в архивно-следственном деле А. Д. Сыромятникова эти вопросы не затронуты⁴⁷. Не исключено, что соответствующие свидетельства мог оставить в своих показаниях А. А. Буров, однако доступ к его архивно-следственному делу пока получить не удалось.

Колчак вернулся в Омск с фронта накануне решающих событий. По свидетельству И. А. Бафталовского, с вечера 17 ноября началось усиленное патрулирование города казаками. С 23 часов все проезжающие автомобили арестовывались и препровождались в Ставку для выяснения личности седоков. Телефонная связь Ставки с частями гарнизона была прервана. По версии Бафталовского, в 0:30 квартиры членов Директории были оцеплены частями войсковых старшин Красильникова и А. В. Катанаева. По другим свидетельствам, это произошло несколько позже. Через 10 минут членов Директории арестовали, причем Зензинов якобы прятался под кроватью. Оставшиеся министры собрались на квартире генерала С. Н. Розанова. Последний был смущен и сказал, что не уверен, что и его не арестуют, тем более

⁴⁶ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. С. 461–463.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63250.

что его автомобиль заговорщики распорядились генералу не подавать.

Сохранилось описание поведения Андогского утром 18 ноября, оставленное его знакомым: «Как всегда сдержанный и спокойный, он поздоровался и сказал: „Ну, поздравляю! Директория закончила свое существование, с[оциалисты-]р[еволюционеры] арестованы. Сейчас должен собраться Совет министров и решить вопрос о верховной власти, надо думать, предложат Колчаку“»⁴⁸. Наряду с В. Н. Пепеляевым и Д. А. Лебедевым Андогский участвовал в составлении обращения Колчака «К населению России», подготовленного в ночь на 19 ноября⁴⁹.

Полковник Сыромятников, возможно, неофициально участвовал в утреннем заседании членов правительства и представителей командования. Помещение оцепила сербская рота. Отсутствовавший Бафталовский утверждал со слов Сыромятникова, что заседание началось с речи последнего и даже привел ее содержание: «Ночью, неизвестно кем и на основании чьих приказаний, — арестованы и увезены неизвестно куда члены Директории: Авксентьев, Зензинов и Аргунов. Самые энергичные меры и действия Ставки не дали до настоящего момента никаких реальных результатов, и события пережитой ночи остаются крайне загадочными и неясными. Вместе с тем в моих руках имеются веские документы о намерении эсеров захватить власть, о той сильной пропаганде, которая ими ведется в рядах армии. Вы, наверно, в курсе донесений контрразведывательных органов, которые ясно и определенно указывают на сильное брожение в рабочей массе, разжигаемое социалистами-революционерами, в намерении толкнуть их на восстание против Омска. Пропаганда охватывает и тыловые, запасные части, которые в случае восстания обратят свои штыки не против мятежников, а против действующей власти. Вот последние, ночные донесения штабов корпусов и армий; из них Вы увидите, что внутреннее состояние и положение нашей сибирской государственности катастрофично, и выход только один: установить единоличную власть! Помните, что каждая минута дорога. Мы у тупика: или сегодня пробьем брешь и выйдем на чистый простор, под живительные лучи солнца, или покорно пойдем прежней дорогой — в большевицкий застенок...»⁵⁰ Участники якобы прониклись сказанным, как

⁴⁸ Ильин И. С. Омск. Директория. Колчак. С. 212.

⁴⁹ Дневник Виктора Николаевича Пепеляева 1918–1919 гг. // Окрест Колчака: документы и материалы. М., 2007. С. 62.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 8.

вдруг, по версии Сыромятникова, изложенной Бафталовским, генерал С.Н. Розанов трижды ударил кулаком по столу, встал и сказал: «Я от имени армии требую, чтобы была военная диктатура». Колебавшиеся притихли. Перешли к обсуждению кандидатур. Розанов якобы высказался за Болдырева. Михайлов предложил голосовать, Матковский под предлогом желудочного заболевания сбежал, так как результат был неясен. Далее закрытой баллотировкой проголосовали за Колчака. Тут же в зал вернулся генерал Матковский и провозгласил: «Да здравствует адмирал Колчак!»

В других источниках факт выступления Сыромятникова не подтверждается⁵¹, а детально исследовавший эти события В.И. Шишкин считает описание Бафталовского и вовсе далеким от действительности⁵². Отметим, что воспоминания Бафталовского были написаны через шесть лет после событий, уже в эмиграции в Тунисе в 1924–1925 гг., что могло негативно сказаться на точности его свидетельств. Как бы то ни было, по итогам переворота именно Сыромятников докладывал Колчаку о том, какие части в нем участвовали, не было ли кровопролития и насилий, где находятся члены Директории и как на переворот отреагировал фронт⁵³.

Дневник капитана И.С. Ильина содержит некоторые дополнительные подробности: «Всего, кажется, не напишешь, так много впечатлений. Самое интересное, что наштаверх Розанов ровно ничего не знал и вчера еще ночью, в момент ареста, он после доброй порции вина благодушно почивал, спросив предварительно по телефону Сыромятникова, все ли благополучно и зачем это вызвали офицерский батальон, который подтянули на вокзал. Чуть не вышло ерунды, между прочим. Батальон подтянул Сыромятников, а командир батальона возьми да и позвони по телефону Розанову:

— Честь имею явиться, по вашему распоряжению батальон прибыл.

⁵¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак 1918–1920 гг. (впечатления и мысли члена омского правительства). Пекин, 1921. Т. 1. С. 306–309; Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918–3 января 1920 г.). Сборник документов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1. С. 19–23.

⁵² Шишкин В.И. Адмирал А.В. Колчак: на пути к военной диктатуре... С. 81б; *Он же*. 1918 год: от Директории к военной диктатуре... С. 56.

⁵³ Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. М., 2003. С. 82, 89; Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. Барнаул, 1991. С. 244.

Розанов ничего не понял и стал звонить Сыромятникову, который уверил его, что это все просто недоразумение. На что Розанов благодушно заметил:

— Ну, вы там, одним словом, разберитесь и, в случае чего, взгрейте командира батальона!

Утром это все мне со смехом передал Сыромятников, оставшийся временно за Розанова. В ставке подъем. Я отправился к Розанову и вместе с ним на автомобиле приехал опять в Ставку. Розанов как-то вдруг совсем переменялся, и весь его гонор и вся важность с него слетели; он снова стал таким, каким был, когда я его впервые увидел в Самаре. По дороге в автомобиле он меня спросил, знал ли я что-нибудь о перевороте. Я ответил, что знал все.

— Вам бы следовало по долгу службы меня предупредить и известить, — сказал он с упреком.

— Я, ваше превосходительство, был при адмирале Колчаке все время и фактически находился в командировке, а затем я играл роль скорее связи с различными группировками и давал сведения и информацию о настроении тех или других кругов и иностранцев. Непосредственно же я в перевороте не участвовал, не хотел, конечно, участвовать, хотя всей душой был на его стороне...

Мне было неловко, потому что Розанов все же был, пожалуй, прав, хотя сказать ему, разумеется, было немислимо.

В Ставке застал Пепеляева, который радостен, бодр и весел, говорит, что, вероятно, будет начальником департамента полиции.

Пошли и анекдоты: встретил Андогского, он сказал:

— Ну поздравляю, вы кажется играли не последнюю роль?

— Благодарю вас, г-н полковник!⁵⁴ — ответил я. — Какое замечательное обращение написал адмирал Колчак: как коротко, хорошо и сильно!..

Андогский улыбнулся и, помолчав, сказал:

— Да... обращение писал я.

— Вы?!!

— Да, я составлял его по просьбе адмирала.

Только что я отошел от Андогского, идет штабс-капитан Буров:

— А! Поздравляю, Иосиф Сергеевич, ну как здорово, правда! Уж будьте покойны, там, где Иван Адрианович [Михайлов], дело будет обделано чисто!

— А вы тоже, конечно, принимали участие самое деятельное? — спросил я.

⁵⁴ Правильно — генерал.

- Ну а как же! Читали воззвание Колчака, его обращение?!
- Читал; прекрасно написано, только что говорил об этом с Александром Ивановичем...
- А знаете, ведь я писал его...
- Вы? — искренно удивился я.
- Ну да! Адмирал поручил Михайлову, а Михайлов мне!..

Я пошел по коридору в раздумье. Кругом шумело, как в улье, по лестнице поднимался со своим еврее-цыганским лицом Соловейчик — я постарался было избежать его, но не удалось — он остановил тоже с поздравлениями и тоже дал понять, что он участвовал и что воззвание... писал он! Колчак поручил Михайлову, а Михайлов Соловейчику!!

Одним словом, теперь все участвовали, все писали, все арестовывали: некоторые врут так искренно, что и сами будут месяца через два вполне убеждены, что они и участвовали, и писали, и пр.

Навстречу шел милый Миша Евстратов. Мы остановились, и я отвел душу.

— Да плюнь ты, брат, на эту с-чь! Все врут, как сивые мериньы! — забасил Миша своим густым, низким голосом, размахивая свободной рукой. — Проходу теперь нет, знаешь! Еще вчера сидели по норам и боялись нос показать, когда не знали, как обернется, — теперь все участвовали!!»⁵⁵

Известны и другие свидетельства о видной роли представителей академии в омском перевороте. Главный комендант Ставки полковник К. Я. Гоппер отметил, что утром 19 ноября в Ставке оказались полковники Слижиков и Сыромятников, при том что первый из них находился в отпуске после поездки на фронт. Гоппер сделал из увиденного выводы: «Нахождение в этот ранний час полк[овника] Слижикова здесь в Ставке, совместно с полк[овником] Сыромятниковым, свидетельствовало об участии их обоих в деле переворота, а поездка его на фронт, очевидно, имела задачу подготовить высший командный состав фронта к ожидаемым событиям»⁵⁶. Сыромятников заявил Гопперу, что в городе и в войсках все в порядке и ни о чем не стоит беспокоиться.

Генерал Болдырев также возлагал ответственность на Андогского и работников академии, что видно из его дневника за 18 ноября: «Активная часть омского гарнизона, тесно связанная с Михайловым, конечно, была подготовлена. Академики, руководимые

⁵⁵ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина... С. 346–348.

⁵⁶ Гоппер К. Я. Четыре катастрофы. С. 101.

Андогским, подготовили почву в самой Ставке...»⁵⁷. Болдырев записал в дневнике 23 ноября: «Фонды „сотрудника“ по перевороту начальника академии Генштаба Андогского то падают, то повышаются»⁵⁸.

В начале 1919 г. контрразведка проводила расследование обстоятельств переворота, выясняя в нем роль Андогского, Сыромятникова, Симонова, Бурова, Михайлова и других⁵⁹. Наконец, сам Колчак на допросе в 1920 г. упомянул Андогского среди офицеров, посещавших его перед переворотом по вопросу о принятии им верховной власти⁶⁰.

Непосредственно в день переворота Колчак попросил генерала Розанова, как сотрудника Болдырева, не принимать некоторое время участия в работе Ставки. Исполнять обязанности начальника штаба и осуществлять доклады временно должен был А. Д. Сыромятников⁶¹. На постоянной основе на должность начальника штаба Ставки претендовал его патрон — генерал Андогский, но вместо назначения оказался под следствием, а высокий пост достался полковнику Д. А. Лебедеву⁶², что имело неоднозначные последствия для судьбы Белого движения на востоке России. Вскоре из Ставки в академию были откомандированы двое других заговорщиков — полковники Слижиков и Сыромятников.

* * *

В антибольшевистских режимах периода Гражданской войны военные закономерно играли важнейшую роль. В обстановке всеобщего хаоса и разрухи формирование офицерских группировок для лоббирования коллективных интересов являлось неизбежным. С этой точки зрения, значительную сплоченность продемонстрировала группа офицеров, связанных с Военной академией. На востоке России осенью 1918 г. выпускники ускоренных курсов академии оказались распределены по различным штабам. Связь с академией многие из них не утратили, а в силу личной преданности начальнику академии генералу А. И. Андогскому и определенной зависимости от него ввиду незавершенности обучения нередко выступали его информаторами об обстановке

⁵⁷ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. С. 110.

⁵⁸ Там же. С. 117.

⁵⁹ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина... С. 359–360.

⁶⁰ Верховный правитель России... С. 79.

⁶¹ Там же. С. 82; Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни... С. 235.

⁶² Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 270–298.

и проводниками его идей в армии. Фактически у начальника академии сформировалась разветвленная агентурная сеть, пронизывавшая всю военно-административную систему антибольшевистских формирований востока России. Именно эти кадры наряду с надежными преподавателями, оказавшимися в омской Ставке, были использованы для организационной подготовки переворота 18 ноября 1918 г., в результате которого адмирал А.В. Колчак стал Верховным правителем России.

Молодые курсовики парализовали работу основных штабов на период переворота. Старшее поколение (генерал Андогский и полковник Сыромятников) взяло на себя функции планирования и координации действий заговорщиков, участвовало в разработке программных документов новой власти. Но, как ни парадоксально, представители академии менее других заговорщиков приобрели от участия в перевороте, а, наоборот, с приходом к власти Колчака, зависевшего от мнения командного состава, стали подвергаться преследованиям.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований в рамках
проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России
1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

М. С. ПИВОВАРОВ

независимый исследователь (Новосибирск)

Вклад В. И. Шишкина в изучение Западно-Сибирского восстания 1921 года

В статье анализируются публикации В. И. Шишкина о Западно-Сибирском восстании 1921 г. Сделан вывод о том, что на постсоветском этапе развития отечественной историографии В. И. Шишкин внес наибольший вклад в изучение истории Западно-Сибирского мятежа. Его документальные публикации заложили фундамент для дальнейшего исследования темы, а многочисленные статьи во многом определили современное научное понимание причин, хода, результатов и значения Западно-Сибирского восстания.

Ключевые слова: историография, гражданская война, Западная Сибирь, коммунистический режим, Советская власть, вооруженное сопротивление, мятеж, восстание.

Круг научных интересов В. И. Шишкина почти всегда был широким, разнообразным и постоянно обновлявшимся. Но он неизменно включал в себя те или иные вопросы, имевшие прямое или косвенное, непосредственное или опосредованное отношение к вооруженной борьбе, которая велась на просторах Сибири после ее освобождения от колчаковцев и интервентов между местным населением и Советской властью.

Такой исследовательский интерес со стороны В. И. Шишкина был вполне закономерным и объяснимым. В начале 1920-х годов Сибирь являлась одним из тех районов России, в которых продолжавшаяся вооруженная борьба имела широкий размах и ожесточенный характер. В 1920 г. здесь произошло одиннадцать крупных антикоммунистических вооруженных мятежей. Летом, на которое пришелся пик повстанческого движения 1920 г., только в Западной Сибири численность его участников составляла 23–25 тыс. человек. Больше количество повстанцев на территории советской России в это время имелось лишь в Орловском и Северо-Кавказском военных округах.

Еще более мощная волна повстанческих выступлений прокатилась по Сибири в 1921 г. Сначала в середине января вспыхнул мятеж в северо-восточной части Барнаульского уезда Алтайской губернии, в котором приняли участие около пяти тысяч человек. Затем в конце января — начале февраля 1921 г. очаги антикомму-

нистического вооруженного сопротивления возникли в разных уездах Тюменской губернии. В течение февраля — марта 1921 г. восстания произошли также в прилегающих к Тюменской губернии уездах Омской, Семипалатинской, Екатеринбургской, Пермской и Челябинской губерний.

Советским военным командованием эти разрозненные вооруженные выступления трактовались как нечто единое целое и именовались Западно-Сибирским мятежом. В дальнейшем это плохо соответствовавшее устоявшимся географическим понятиям название утвердилось в мемуарной и исторической литературе, закрепилось в энциклопедических изданиях. На самом деле название мятежа Западно-Сибирским содержало в себе сразу две ошибки, поскольку, с одной стороны, восстанием была охвачена значительная часть территории Урала, с другой — вне сферы мятежа находилась большая часть территории собственно Западной Сибири.

Как обстоятельно показано и убедительно доказано в историографических публикациях В. И. Шишкина, на оценки и выводы которого мы в дальнейшем будем опираться и ссылаться, советские историки тему вооруженного сопротивления населения Сибири коммунистическому режиму в начале 1920-х годов не замалчивали, но и не считали приоритетной. Что касается Западно-Сибирского восстания, то его изучали крайне слабо и фрагментарно. По количеству посвященных ему специальных публикаций Западно-Сибирский мятеж явно уступал таким типологически тождественным ему явлениям, какими были «махновщина» на юге Украины и «антоновщина» в Тамбовской губернии. К концу 1980-х годов число публикаций о Западно-Сибирском восстании не превышало двух десятков воспоминаний, статей и тезисов¹. По таким характеристикам, как объем использованной источниковой базы, количество рассмотренных проблем и полнота описания конкретных событий, самым значительным из них произведением была небольшая монография М. А. Богданова².

Как следствие, структура исследовательской проблематики истории Западно-Сибирского мятежа долгое время оставалась

¹ Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: достижения и искажения российской историографии // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, Hokkaido University, 2000. Tomus XVII. P. 100–129; Он же. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г.: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 2001. С. 137–175.

² Богданов М. А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961. 111 с.

слабо дифференцированной. До начала 1990-х годов советские мемуаристы и историки ограничивались анализом весьма узкого круга вопросов. Основное внимание они концентрировали на выявлении социально-политических причин Западно-Сибирского восстания, состава его руководителей, актива и участников, классового характера и политической направленности, а также анализировали ход боевых действий обеих сторон и непосредственные результаты мятежа. Причем акцент почти всегда делался на освещении военной составляющей события, в то время как многие проблемы, раскрывающие социально-политическое и идейное содержание восстания, не рассматривались совсем или упоминались вскользь. Так, совершенно вне поля зрения историков оставались демографические, моральные, психологические аспекты события, вопросы о взаимоотношениях повстанцев и местного населения, об участии и роли органов ВЧК и ревтрибуналов в подавлении восстания, о долгосрочных последствиях мятежа. Советские историки никогда не работали на уровне конкретных персоналий, без выхода на который нельзя рассчитывать ни на полноту воссоздания картины событий, ни тем более на глубину их объяснения³.

Несмотря на значительные разногласия по отдельным и в основном частным вопросам, которые имелись среди мемуаристов и исследователей, к началу 1960-х годов в советской историографии сложилась довольно стройная и непротиворечивая концепция, с помощью которой объяснялись происхождение, динамика и итоги Западно-Сибирского восстания. В развернутом виде эта концепция получила отражение в уже упоминавшейся книге М. А. Богданова, а в сжатом — в специальной статье, опубликованной в авторитетнейшем энциклопедическом издании «Гражданская война и интервенция в СССР»⁴.

Основные причины Западно-Сибирского мятежа советские мемуаристы и историки видели в совокупности факторов. Они указывали на слабость местных органов так называемой диктатуры пролетариата, на зажиточность сибирского крестьянства и высокий удельный вес в его составе кулачества, на организационно-политическую деятельность контрреволюционных сил. Причем последним приписывалось создание подпольного Сибирского крестьянского союза, на который возлагалась решающая роль

³ Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: достижения и искажения российской историографии... Р. 104.

⁴ Западносибирский мятеж 1921 // Гражданская война и интервенция в СССР. М., 1983. С. 214–215.

в подготовке и руководстве ходом восстания. Наконец, обращалось внимание на отступления от классового принципа и нарушения революционной законности при проведении продразверстки со стороны продработников.

Единственным исключением из этого ряда была высказанная В.И. Шишкиным еще в 1972 г., когда он только делал первые шаги на научном поприще, оригинальная гипотеза. В соответствии с этой гипотезой антикоммунистические настроения населения Сибири объяснялись его недовольством всей политикой «военного коммунизма» и Советской властью как носителем этой политики, а поведение сибиряков увязывалось с системным кризисом, который в конце 1920 — начале 1921 г. поразил важнейшие элементы системы диктатуры пролетариата: коммунистическую партию, Советы и профсоюзы⁵.

По вопросу о социальном составе участников Западно-Сибирского мятежа в советской историографии в принципе существовал довольно большой разброс мнений: от «чисто крестьянского» до «чисто белогвардейско-кулацкого». Между этими двумя «крайними» позициями назывались также различные комбинации из указанных выше социально-политических сил. Однако совершенно четко прослеживалась тенденция, в соответствии с которой по мере увеличения временного лага между мятежом и изучавшими его историками он все чаще трактовался как эсеровско-кулацкий или белогвардейско-кулацкий. Иную точку зрения, проследив эволюцию лозунгов, под которыми в конце 1919 — начале 1921 г. выступали в Сибири противники большевиков, высказал В.И. Шишкин. Он сформулировал тезис о том, что в 1921 г. антикоммунистические вооруженные выступления на территории Западной Сибири носили «массовый общекрестьянский характер»⁶. Но этот тезис не был подкреплен фактическим материалом и не получил дополнительной аргументации.

Большинство советских мемуаристов и историков движущей силой Западно-Сибирского мятежа называло местное кулачество и остатки колчаковцев. Участие отдельных групп трудяще-

⁵ Шишкин В.И. Советы Сибири в конце 1920 — начале 1921 г. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири: сборник трудов, написанных на материалах научной конференции Института истории, филологии и философии СО АН СССР 1972 г. Новосибирск, 1972. Ч. 2. С. 124–144.

⁶ Шишкин В.И. О социальной природе антисоветских вооруженных выступлений в сибирской деревне (конец 1919 — начало 1921 г.) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1976. С. 96–109.

гося крестьянства в восстании большинство авторов признавало, но объясняло исключительно привходящими обстоятельствами: принуждением со стороны повстанческого руководства, экономической зависимостью бедноты от кулаков или политической неосознанностью бедняков и середняков.

В советской историографии Западно-Сибирский мятеж, как правило, оценивался как белогвардейско-кулацкий или эсеровско-кулацкий по руководству и характеру, антисоветский — по политической направленности. Более того, один из крупнейших советских историков, ставший затем академиком, со ссылкой на доклад ВЧК от 24 июля 1921 г. вполне серьезно писал о том, что Западно-Сибирским мятежом руководил непосредственно ЦК партии эсеров⁷. Но все эти утверждения не подкреплялись эмпирическим материалом, поскольку не соответствовали фактам. Правда, историки в принципе признавали наличие у повстанцев лозунга «За Советы без коммунистов». Однако его выдвигание они называли тактическим маневром руководителей мятежа, стремившихся таким образом скрыть истинные реставраторские намерения, определяли как «провокационную формулу», а созданные мятежниками Советы квалифицировались как «органы прикрытия контрреволюции»⁸.

Относительно много внимания в сочинениях советских мемуаристов и историков уделялось описанию военных событий. Благодаря этому удалось выяснить главные очаги мятежа, примерно определить численность находившихся там повстанцев, поименно назвать некоторых руководителей восстания, привести сведения о частях Красной армии, принимавших участие в подавлении мятежа, выявить главные военные операции советских войск, установить данные о потерях сторон в ряде боев.

Однако подход к освещению даже этих вопросов в советской историографии отличался тенденциозностью. Действия мятежников изображались исключительно негативно и квалифицировались как политический и уголовный бандитизм. Исследователи концентрировали свое внимание в основном на показе их террора против коммунистов и советских активистов, на разграблении ссыпных пунктов и колхозов, на разрушении линии железной дороги и средств связи. Что же касается «красной» стороны, то ее

⁷ Из истории ВЧК (1917–1921 гг.). Сборник документов. М., 1958. С. 457; Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 207.

⁸ Померанцев П. Западно-Сибирское восстание 1921 г. // Красная Армия Сибири. Новониколаевск, 1922. № 2. С. 37–39; Богданов М. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г... С. 31.

действия освещались и интерпретировались исключительно в позитивном ключе. Коммунисты и красноармейцы наделялись мужественным поведением в боях, гуманностью по отношению к мирному населению и пленным повстанцам⁹.

Советская историография признавала Западно-Сибирский мятеж самым крупным контрреволюционным вооруженным выступлением начала 1920-х годов. «Такого рода кулацких восстаний, — писал, например, Ю.А. Поляков, — еще не было»¹⁰. Его главное значениеистики видели в опасности, возникшей из-за трехнедельного перерыва железнодорожного сообщения между европейской Россией и Зауральем, который создали повстанцы. А это, в свою очередь, привело к лишению Советской власти возможности получать хлеб из Сибири, являвшейся тогда наряду с Северным Кавказом главным источником продовольственного снабжения.

На этом основании М.А. Богданов даже утверждал, что Западно-Сибирское восстание представляло для Советской власти гораздо большую угрозу, чем «антоновщина» или «махновщина». Автор писал даже о вероятности использования мятежа для «вооруженного вмешательства империалистических держав» в одном случае и о возможности «вмешательства иностранных империалистов с целью грабежа Севера и оказания помощи мятежникам оружием и боеприпасами через Обскую губу» — в другом¹¹.

Очень односторонне советские историки анализировали итоги Западно-Сибирского мятежа. Они ограничивались только выяснением непосредственных людских и материальных потерь коммунистической стороны, акцентировали внимание на разгроме сельского партийно-советского аппарата, отмечали сокращение абсолютной численности и удельного веса кулацко-зажиточных элементов в составе местного крестьянства. Вопрос о потерях, которые понесли повстанцы, о судьбах оставшихся в живых участников мятежа и членов их семей, а также поддерживавшего повстанцев населения в литературе даже не ставился.

Таким образом, в советской историографии была сформирована довольно простая концепция Западно-Сибирского восстания, в значительной мере являвшаяся разновидностью стандартной

⁹ Шишкин В.И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: достижения и искажения российской историографии... Р. 108–109.

¹⁰ Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство... С. 205

¹¹ Богданов М. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г... С. 36–37, 96.

социологической схемы. Она базировалась на ограниченном количестве источников, которые отражали происхождение, ход, давление и итоги мятежа с точки зрения коммунистических властей. Поскольку все события интерпретировались с марксистских классовых позиций, концепция Западно-Сибирского восстания хорошо вписывалась в контекст советской историографии гражданской войны в России в целом. Но в ней недоставало главного — правды жизни во всем ее богатстве и противоречивости. И особенно, конечно, недоставало людей с их интересами, поступками, настроениями, сомнениями, ожиданиями, страхами и надеждами, которые и создают неповторимый колорит любого исторического события¹².

Первые принципиальные подвижки в изучении Западно-Сибирского восстания произошли на рубеже 1980-х — 1990-х годов. Начало им положили историко-публицистические выступления тюменского журналиста и писателя К. Я. Лагунова¹³ и тезисы доклада сотрудника управления КГБ по Тюменской области А. А. Петрушина¹⁴, написанные с использованием ряда ранее неизвестных архивных источников и вносившие частичные коррективы в существовавшую концепцию.

За ними последовали первые публикации профессиональных историков Урала, Сибири и Казахстана: О. А. Белявской, В. П. Большакова, И. И. Ермакова, И. В. Курышева, Ф. Г. Куцан, Т. Б. Митропольской, В. В. Московкина, О. В. Павлович, В. П. Петровой, И. Ф. Плотникова, Н. Л. Проскураковой, О. А. Пьяновой, Н. Г. Третьякова, А. В. Фоминых, В. Б. Шепелевой, Н. В. Шестакова, В. И. Шишкина, В. А. Шулдякова и новая книга К. Я. Лагунова. В том числе появилось около десятка статей и тезисов, основанных на новых источниках, выполненных в «проблемном ключе»

¹² *Шишкин В. И.* Западно-Сибирский мятеж 1921 года: достижения и искажения российской историографии... Р. 111.

¹³ *Лагунов К.* Двадцать первый. Хроника Сибирского мятежа // Урал. Свердловск. 1989. № 5—6; *Он же.* Двадцать первый. Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск, 1991. 143 с. По свидетельству А. И. Солженицына, опубликованному В. И. Шишкиным, в журнал «Новый мир», когда его редактором был А. Т. Твардовский, кто-то предлагал рукопись о Западно-Сибирском мятеже. Но материал в печать не пошел и куда-то исчез. (См.: За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: сборник документов / сост. и отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2000. С. 3). Не исключено, что это была рукопись К. Я. Лагунова.

¹⁴ *Петрушин А. А.* Новое в изучении истории Западно-Сибирского мятежа 1921 года // История Советской России: новые идеи, суждения: Тезисы докладов и сообщений республиканской научной конференции (Тюмень, 11–12 мая 1991 г.). Тюмень, 1991. Ч. 2. С. 118–119.

и ориентированных на решение конкретных исследовательских задач. В мае 1996 г. в Тюмени состоялась специальная конференция, посвященная Западно-Сибирскому мятежу, материалы которой были сразу же изданы¹⁵. Все это свидетельствовало о значительном, по сравнению с советским периодом историографии, интересе к теме в среде профессиональных историков и в обществе, о расширении ее исследовательской проблематики и прогрессе в изучении.

Однако большое количество публикаций, вышедших в 1990-е годы, не должно вводить в заблуждение. Почти все историки занимались изучением Западно-Сибирского мятежа попутно и бессистемно. Основным видом научной продукции того десятилетия являлись малоформатные издания: тезисы и небольшие статьи, зачастую не содержавшие нового фактического материала, написанные в беспроblemном ключе, выполненные в жанре публицистики и носившие очерковый, обзорный характер¹⁶. Как показала проведенная в Тюмени конференция, в действительности изучением Западно-Сибирского восстания никто, за исключением двух — трех человек, целенаправленно не занимался. Только пять из 26 представленных на этой конференции тезисов докладов имели отношение к истории мятежа. Причем проблематика лишь одних тезисов из этих пяти относилась к числу центральных, раскрывающих сущностные стороны данного феноменального события отечественной истории.

К тому же публикации ряда авторов начала 1990-х годов оказались поражены новым политико-идеологическим вирусом — на этот раз яркого антикоммунизма. Особенно этим грешили статьи И. В. Курышева, В. В. Московкина и И. Ф. Плотникова. Они содержали элементарные фактические ошибки и отличались неприкрытой тенденциозностью, по сути дела представляли собой очередной образец откровенно конъюнктурных поделок¹⁷. Не ли-

¹⁵ История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года (21–28 мая 1996 г.). Тюмень, 1996. 73 с.

¹⁶ Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: достижения и искажения российской историографии... Р. 113–114; Он же. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса... С. 137–175.

¹⁷ Курышев И. В. Крестьянская война // Земля Сибирская, дальневосточная. Омск, 1993. № 5–6, № 7; Плотников И. Ф. Крестьянское восстание на Урале и в Западной Сибири в 1921 г. // Летопись уральских деревень. Екатеринбург, 1995. С. 131–134; Он же. Ишимское восстание // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 243; Московкин В. В. Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 46–65.

шены были декларативности и заданности тезисы В. П. Большакова, М. А. Ильдера и В. В. Московкина¹⁸.

В большинстве других публикаций освещались частные вопросы Западно-Сибирского восстания 1921 г., что свидетельствовало о первых шагах, которые делали их авторы в изучении темы. Они были написаны преимущественно в узких территориальных рамках Тюменской губернии и главным образом на материалах источников, хранившихся в местных архивах Ишима, Омска, Тобольска и Тюмени. Даже в специальной диссертации Н. Г. Третьякова¹⁹, которую можно назвать наиболее глубоким и обстоятельным сочинением 1990-х годов, совершенно не использовались богатейшие источники центральных архивов России, которые содержат ключевую информацию по теме, а также архивов Екатеринбурга и Челябинска.

В результате выход в свет большого количества мелких статей и тезисов не ознаменовался введением в научный оборот объема информации, достаточного для перелома историографической ситуации. Тем более он не решил проблемы комплексного исследования темы. Ряд ее важных вопросов даже не обсуждался в литературе. Если изучение «махновщины», «антоновщины» и Кронштадского мятежа увенчалось достижением качественно нового состояния российской историографии как на фактографическом, так и на концептуальном уровне, то в изучении Западно-Сибирского восстания такого прорыва в 1990-е годы не произошло²⁰.

Пожалуй, наиболее показательное содержание второй книги К. Я. Лагунова²¹, который не скрывал свою исходную антикоммунистическую позицию, симпатии по отношению к крестьянам-мятежникам и антипатию по отношению к коммунистическому режиму. Однако оно свидетельствовало о том, что при освещении таких ключевых проблем темы, как причины Западно-

¹⁸ *Большаков В. П.* Пролог крестьянского восстания 1921 г. в Тюменской губернии // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны. Тюмень, 1996. С. 9–11; *Московкин В. В., Ильдер М. А.* Принципы организации власти восставших в 1921 г. западносибирских крестьян // Словцовские чтения-96. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 1997. С. 88–90; *Московкин В. В.* Восстание западносибирских крестьян и переход к нэпу // Словцовские чтения-97. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 1997. С. 90–93.

¹⁹ *Третьяков Н. Г.* Западно-Сибирское восстание 1921 года: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 22 с.

²⁰ *Шишкин В. И.* Западно-Сибирский мятеж 1921 года: достижения и искажения российской историографии... Р. 113–114.

²¹ *Лагунов К.* И сильно падает снег. Тюмень, 1994. 166 с.

Сибирского мятежа и роль в нем Сибирского крестьянского союза, автор продолжал оставаться в плену у мифов, которые были сочинены чекистами и потом тиражированы советскими историками.

Хуже того, некоторые авторы стали создавать новые мифы, далекие от объективного понимания происшедших событий. На этом попроще особенно «отличился» В. В. Московкин. В статье, претендовавшей на обобщение темы и опубликованной в авторитетном журнале «Вопросы истории», он изложил совершенно не соответствующее реалиям объяснение динамики и механизма развития Западно-Сибирского восстания. Автор утверждал, что люди «без колебаний брались за оружие, едва услышав о свержении ненавистной власти у соседей», писал «о едином порыве», в котором якобы поднялись на борьбу против коммунистического режима десятки тысяч крестьян! «Таким образом, — заключал В. В. Московкин, — крестьянское восстание почти мгновенно распространилось на огромную территорию Западной Сибири. Военские части не смогли сдержать мощного натиска восставших в границах Ишимского уезда только потому, что оно было поддержано подавляющим большинством зауральских крестьян»²².

В такой противоречивой историографической ситуации важно было дать принципиальную оценку достигнутого, понять, что необходимо сделать для того, чтобы быстрее преодолеть старые ошибочные представления, доставшиеся в наследство от советской историографии, и заменить их концепцией, отвечающей строгим требованиям научной объективности, а также предотвратить развитие нового мифотворчества. Решение этих задач взял на себя В. И. Шишкин. Сначала на состоявшейся в феврале 1998 г. в Екатеринбурге конференции он изложил свое понимание того, что и в какой последовательности для этого необходимо сделать, а затем написал две обобщающие статьи, в которых дал развернутый критический анализ историографии темы.

В. И. Шишкин считал, что для продуктивной работы при изучении Западно-Сибирского мятежа прежде всего было важно выяснить и учитывать в исследовательской практике структуру имевшегося корпуса источников, информационный потенциал различных его составляющих, иметь верную стратегию поиска и изучения документов. Он утверждал, что история и внутренняя логика Западно-Сибирского восстания, структура сохранивше-

²² *Московкин В. В.* Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 51–53, 63.

гося корпуса источников настоятельно диктуют исследователям в первую очередь и главным образом изучать источники, хранящиеся в архивах Тюмени и в Российском государственном военном архиве. Такую рекомендацию он объяснял тем, что именно в этих архивохранилищах находятся документы, без обращения к которым невозможно получить ответы на ключевые вопросы темы: о причинах и социально-политических целях восстания, о его масштабах и территории, о численности и социальном составе участников, о военно-политической организации мятежников и их руководителях, о формах и методах борьбы, применявшихся повстанцами и красными, о непосредственных результатах и о долговременных последствиях мятежа²³.

Далее В. И. Шишкин предостерег коллег от упрощенного понимания поведения местного населения во время Западно-Сибирского мятежа. Он обратил их внимание на трудности, с которыми им придется столкнуться при анализе этой проблемы, поскольку мятеж не просто развел органы власти и жителей по разные стороны баррикад, как это уже не раз бывало в критические периоды российской истории. «Западно-Сибирское восстание, — утверждал исследователь, — буквально раскололо местных жителей на несколько групп. С обеих сторон имелись свои руководители, активисты, рядовые участники и сочувствовавшие им, а между ними — нейтральные, равнодушные, пассивные и т.д. Причем социально-классовое происхождение и положение того или иного человека отнюдь не определяли его позицию во время мятежа. Критерии водораздела были совсем иные и зачастую весьма трудно уловимые: разное понимание чести и совести, долга перед семьей и государством, отношение к традиционным устоям жизни и новациям, которые принесла с собой большевистская революция»²⁴.

Но еще важнее, по мнению В. И. Шишкина, было то, что такой же раскол произошел и во властных структурах. Часть сельских и волостных советских органов и даже рядовых сотрудников уездного звена оказалась в лагере повстанцев, в том числе на руководящих должностях. Во многом именно этим обстоятельством, считал исследователь, объяснялось «выдвижение мятежниками лозунга „За Советы без коммунистов“ в качестве центрального лозунга восстания и сохранение низового советского звена в ка-

²³ Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: некоторые проблемы изучения // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 24–25 февраля 1998 г.). Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 524–525.

²⁴ Там же. С. 525.

честве органов гражданского управления на контролируемой по-
встанцами территории»²⁵.

В. И. Шишкин предупредил коллег о том, что им придется столкнуться с большим количеством источников, в которых содержится заведомо недостоверная конкретная информация, тенденциозные и даже откровенно фальсифицированные оценки и выводы, причем такие источники будут исходить из обоих борющихся лагерей. Однако верхом фальсификации он назвал документы органов ВЧК и военно-революционных трибуналов, содержащие сведения о раскрытии на территории Тюменской и Омской губерний широкой сети подпольных ячеек Сибирского крестьянского союза и других контрреволюционных организаций, в действительности никогда не существовавших. Для того, чтобы прорваться сквозь многоступенчатую и плотную завесу лжи и разобраться в подоплеке изучаемых событий, В. И. Шишкин рекомендовал исследователям спускаться на самый нижний уровень имеющегося корпуса документальных источников и изучать первичные материалы²⁶.

Преодоление существовавших трудностей В. И. Шишкин видел в координации и кооперации усилий исследователей, работавших в Москве, в Сибири, на Урале и в Казахстане, в грамотной стратегии научного поиска, в обнаружении информационных тупиков и «ловушек», которые таят в себе документальные источники, а также в выборе оптимальных путей, позволявших их избежать.

Сегодня, по прошествии почти двух десятков лет, нужно признать, насколько своевременными и безусловно верными были прозвучавшие тогда рекомендации. Одновременно без всякого преувеличения можно утверждать, что главная заслуга в том, что часть сформулированных задач была решена, неблагоприятное развитие историографической ситуации удалось приостановить, а освещение Западно-Сибирского восстания в основном удержать в научном русле, принадлежит самому В. И. Шишкину.

Здесь есть необходимость сделать небольшое отступление от главной темы и пояснить, что Западно-Сибирский мятеж в качестве одного из главных предметов своего исследования В. И. Шишкин выбрал не случайно, а давно и вполне осмысленно. Более того, такой выбор был им тщательно подготовлен довольно продолжительной по времени предварительной работой, которая началась с выявления и историографической оценки всех

²⁵ Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: некоторые проблемы изучения... С. 525–526.

²⁶ Там же. С. 526.

имевшихся по данной теме публикаций. Об этом свидетельствуют фрагмент в коллективной монографии²⁷ и значительная часть статьи²⁸, опубликованные еще в первой половине 1970-х годов, в которых В. И. Шишкин проделал анализ вышедшей к тому времени литературы о Западно-Сибирском восстании.

По содержанию названных историографических публикаций не трудно убедиться в том, что в то время В. И. Шишкин осуществлял историографический анализ с классовых позиций, а для более точной оценки имевшейся литературы автору еще явно не доставало знания первичных источников. Тем не менее, он смог в первом приближении составить для себя представление о внутренней проблематике темы, понять характер источниковой базы, на которую опирались предшественники, выявить разнообразие высказанных ими точек зрения и обоснованность аргументации. Это была первая подготовительная стадия большой работы, мысль о необходимости выполнить которую зародилась уже тогда.

Вторым подготовительным этапом, который формально, казалось бы, отдалял В. И. Шишкина от намеченной цели, но в действительности в дальнейшем помог ему сориентироваться в огромном массиве опубликованных и архивных источников, выработать правильную стратегию их поиска, грамотно сформулировать первоочередные исследовательские задачи, стало изучение вооруженного сопротивления, которое сибиряки оказали коммунистическому режиму в 1920 г. Заметим, что в Советском Союзе это была отнюдь не самая популярная по политико-идеологическим причинам тема. Скорее, наоборот. Например, руководители архивов, особенно партийных, категорически не выдавали исследователям нужные документы, объясняя свою позицию тем, что они не располагают таковыми.

В самом начале своей научной работы В. И. Шишкин начал попутно собирать фактический материал о вооруженной контрреволюции в Сибири после ее освобождения от колчаковцев. По мере того как материала о том или ином мятеже или какой-то проблеме оказывалось достаточно, он писал статью на данную тему или готовил документальную публикацию. Одни из них были по-

²⁷ См.: Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск, 1976. С. 51–58, 100–107.

²⁸ Шишкин В. И. Советская историография 20-х — начала 30-х годов о борьбе против вооруженной контрреволюции в Сибири после разгрома Колчака // Вопросы историографии социалистического строительства в Сибири. Новосибирск, 1976. С. 44–58.

священы конкретным событиям. Так появились статьи о антикоммунистических восстаниях под руководством Г.Ф. Рогова²⁹ и П.К. Лубкова³⁰, тезисы, статьи и документальные публикации о мятежах в Алтайской, Енисейской и Томской губерниях³¹. В них ставились и каждый раз в основном успешно решались две взаимосвязанные задачи: введение в научный оборот достаточно по объему нового фактического материала, на основе которого формулировались выводы об этих событиях.

Параллельно В.И. Шишкин писал статьи, посвященные тем или иным проблемам антикоммунистического вооруженного сопротивления начала 1920-х годов. Вскоре они составили серию публикаций, в которых обсуждались вопросы о социальной природе антисоветских вооруженных выступлений, о динамике численности и состава сибирских повстанцев в 1920 г., о характере восстания в Степном Алтае и о Народной повстанческой армии Степного Алтая летом 1920 года³².

²⁹ Шишкин В.И. Из истории борьбы Коммунистической партии и Советской власти против анархизма в Западной Сибири в 1919–1920 гг. // Классовая борьба в сибирской деревне в период построения социализма. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1978. С. 3–38; *Он же*. Еще раз о Рогове и «роговщине» // Октябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. Сборник научных статей. Томск, 1985. С. 102–126.

³⁰ Шишкин В.И. Из истории классовой борьбы в Сибири в 1920 г. («Лубковщина» и ее крах) // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия: Общественные науки. Новосибирск, 1980. № 1. Вып. 1. С. 90–97.

³¹ Шишкин В.И. Из истории борьбы с вооруженной контрреволюцией на Алтае // Барнаулу 250 лет. Тезисы докладов и сообщений к научной конференции (1–2 июля 1980 г.). Барнаул, 1980. С. 150–153; *Он же*. Сerezжский мятеж // Исторический опыт освоения Сибири. Сборник материалов по итогам научно-практической конференции. Красноярск, 1989. С. 127–131; *Он же*. Из истории Колыванского мятежа (июль 1920 г.) // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия: История, филология, философия. Новосибирск, 1990. Вып. 2. С. 22–27; *Он же*. Колыванский мятеж. Документальная хроника // Сибирские огни: ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Новосибирск, 1990. № 10. С. 132–148; *Он же*. Голопуповский мятеж (ноябрь 1920 года) // Архивный фонд Красноярского края: вопросы научного и практического использования документов: тезисы докладов научно-практической конференции (г. Красноярск, 20 октября 1995 г.). Красноярск, 1995. С. 92–102.

³² Шишкин В.И. О социальной природе антисоветских вооруженных выступлений в сибирской деревне (конец 1919 — начало 1921 г.) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1976. С. 96–109; *Он же*. Антикоммунистическое вооруженное сопротивление в Сибири в 1920 г. (численность и состав повстанцев) // Из истории революции в России (первая четверть XX века). Материалы Всероссийского симпозиума, посвященного памяти выдающегося ученого и педагога, лауреата Государственной премии, доктора исторических наук, профессора И.М. Разгона. Томск, 1996. Вып. 2.

Естественным следствием и результатом усилий по изучению антикоммунистического вооруженного сопротивления стали подготовка и издание В.И. Шишкиным в 1997 г. фундаментального документального сборника на эту тему³³. Сборник содержит 887 документов, извлеченных из центральных и местных архивов Российской Федерации и Республики Казахстан, а также из ведомственного архива Управления Федеральной службы безопасности по Новосибирской области. Опубликованные в нем документы с максимальной на то время полнотой и объективностью позволили В.И. Шишкину охарактеризовать ключевые вопросы антикоммунистического вооруженного движения в Сибири в 1920 г.: время, обстоятельства и причины мятежей и охваченную ими территорию; численность и состав участников восстаний, а также их военно-политических руководителей; цели, лозунги и практические действия повстанцев; взаимоотношения мятежников с местным населением; организационно-политические меры, предпринятые органами Советской власти для подавления мятежей; вооружение, боевые действия и потери сторон; результаты повстанческого движения и его влияние на военно-политическую ситуацию в Сибири. Сборник вызвал большой интерес научной общественности. Три года спустя Международный фонд «Демократия» переиздал его в качестве первого тома двухтомного труда «Сибирская Вандея»³⁴.

В начале 1990-х годов работа над изучением Западно-Сибирского мятежа стала для В.И. Шишкина одной из наиболее приоритетных. Имея к тому времени собственный серьезный задел по этой теме, но не располагая достаточным временем, он предложил заняться ее изучением поступившему в аспирантуру выпускнику Тюменского государственного университета Н.Г. Третьякову. Аспирант Н.Г. Третьяков активно включился в работу. Он осуществил выявление и сбор материала в архивах Ишима, Кокчетова, Кургана, Новосибирска, Тобольска, Тюмени и Ялуторовска,

С. 85–103; *Он же*. К вопросу о характере восстания в Степном Алтае летом 1920 г. // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1997. С. 115–118; *Он же*. Народная повстанческая армия Степного Алтая (лето 1920 г.) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири. Научные чтения, посвященные памяти д.и.н., проф. Н. Я. Гущина. Новосибирск, 1997. С. 49–65.

³³ *Шишкин В.И.* Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997. 710 с.

³⁴ Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы. В двух томах. М., 2000. Т. 1. 644 с. (Россия. XX век. Документы).

довольно быстро подготовил и опубликовал несколько статей³⁵. В 1994 г. Н. Г. Третьяков успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в Новосибирском государственном университете. Однако продолжать столь же целеустремленно заниматься научной работой в дальнейшем не смог, хотя В. И. Шишкин пытался привлечь его к участию в руководимом им большом исследовательском проекте. В результате Н. Г. Третьяков ограничился публикацией еще нескольких небольших статей³⁶, в основном повторявших текст рукописи его кандидатской диссертации, и фактически перестал заниматься изучением темы.

Чтобы не допустить прекращения разработки столь актуальной и востребованной в обществе темы, В. И. Шишкину пришлось работать за двоих. Как и раньше, он параллельно вел подготовку документальных публикаций и занимался написанием научных статей. Сначала для оперативного издания он выбрал две группы уникальных документов. Одну из них составили воззвания и обращения руководящих повстанческих органов четырех наиболее крупных районов Западно-Сибирского восстания: Ишимского,

³⁵ Третьяков Н. Г. К вопросу о возникновении Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Роль Сибири в истории России. Бахрушинские чтения 1993 г. Новосибирск, 1993. С. 84–91; Он же. О политических настроениях крестьянства на территории, охваченной Западно-Сибирским восстанием 1921 г. // История советской России: новые идеи, суждения: тезисы докладов второй республиканской научной конференции. Тюмень, 1993. Ч. 1. С. 55–58; Он же. Численность участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Материалы XXXII Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Секция: История. Новосибирск, 1994. С. 136–138; Он же. Общественно-политические воззрения участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. // Из прошлого Сибири: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1994. Вып 1, ч. 1. С. 90–100; Он же. Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1994. № 2. С. 21–26;

³⁶ Третьяков Н. Г. К вопросу о политической направленности Западно-Сибирского восстания 1921 г. (отношение повстанцев к Советам) // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года. Тюмень, 1996. С. 64–66; Он же. К истории крестьянского восстания 1921 г. на Тобольском севере // Словоцковские чтения-96. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 1997. С. 103–105; Он же. Еще раз о социальной природе Западно-Сибирского восстания 1921 года // Словоцковские чтения-97. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 1997. С. 89–90; Он же. Из истории ликвидации Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. (красный бандитизм) // Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991 гг.: оппозиции, репрессии. Материалы научно-практических конференций. Пермь, 1998. С. 17–19.

Петропавловского, Кочетавского и Тобольского уездов. Они датировались февралем — мартом 1921 г. и были адресованы к разным категориям местного населения — крестьянам, казакам, служащим, рабочим — и красноармейцам. Это была первая в отечественной историографии публикация, дававшая объективное представление об общественно-политических настроениях мятежников и их взглядах. Введенные В. И. Шишкиным в научный оборот документы опровергали утверждения коммунистов и чекистов о том, что целью восстания являлось свержение Советской власти и реставрация дореволюционных порядков, и убедительно показывали, что повстанцы являлись сторонниками Советской власти, но очищенной от коммунистов³⁷.

Вторую обширную публикацию составили разного рода документы партийных и советских работников, чекистов и сотрудников милиции. В них содержалась информация о том, как в сентябре 1920 — январе 1921 г. осуществлялся сбор продрозверстки в Ишимском уезде Тюменской губернии, крестьяне которого первыми встали на путь вооруженной борьбы. Документы несколько десятилетий находились на секретном хранении, поскольку убедительно показывали произвол и насилие, которые творили над населением продработники, а также давали основание для вывода о вынужденном характере ответной реакции крестьян на такое поведение³⁸.

Если воспользоваться музыкальной терминологией, то две только что названные публикации можно было бы назвать начальными аккордами той симфонии, которая прозвучала немного позже. В 2000 г. В. И. Шишкин издал фундаментальный сборник документов, дающий представление о том, почему возникло, как развивалось и было подавлено советскими властями Западно-Сибирское восстание на территории Тюменской губернии³⁹. Сборник включает в себя 530 документов, выявленных в трех центральных и 11 местных архивохранилищах Российской

³⁷ *Шишкин В. И.* К характеристике общественно-политических настроений и взглядов участников Западно-Сибирского мятежа 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1996. № 2. С. 55–62.

³⁸ *Шишкин В. И.* «Разбейся в доску — сдай разверстку!» Советская продовольственная политика в Ишимском уезде Тюменской губернии (сентябрь 1920 — январь 1921 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1999. № 2. С. 61–68.

³⁹ За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: сборник документов / сост. и отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2000. 744 с.

Федерации, в фонде следственных дел Управления Федеральной службы безопасности по Тюменской области и в газетной периодике.

Еще более значительным вкладом В.И. Шишкина в изучение Западно-Сибирского мятежа стал вышедший в свет в 2001 г. второй том «Сибирской Вандеи»⁴⁰. Он включает в себя 871 документ, которые были выявлены в четырех центральных и 12 местных архивах Российской Федерации, в фонде следственных дел Управления Федеральной службы безопасности по Тюменской области и в местной периодической печати.

В этом издании территориальные и хронологические рамки исследования по сравнению с предыдущим сборником были существенно расширены, количество документов увеличено, а их состав значительно обновлен. Мятежные события освещаются в границах всей территории, на которой действовали повстанцы. Первая глава, называемая «Политика и практика „военного коммунизма“», начинается публикацией подписанного 20 июля 1920 г. председателем Совнаркома В.И. Лениным декрета «Об изъятии хлебных излишков в Сибири», который стал для местных продработников своеобразной «главной заповедью». Во второй — четвертой главах, составляющих «ядро» сборника, освещаются основные события противоборства между повстанцами и властями, когда главным средством разрешения конфликта являлась вооруженная борьба. В пятой главе показана ликвидация последних очагов сопротивления. Заключительная, шестая глава, получившая название «Не забыты: ничто и никто», охватывает период с 1922 г. до второй половины 1930-х годов и содержит сведения о политике Советской власти по отношению к бывшим повстанцам.

Оба сборника имеют также большое приложение и комментарии к основному тексту. В приложении первого сборника приведены три пространных по объему аналитических материала: доклад Ишимского уездного исполкома Советов о вооруженном восстании в уезде, составленный в конце февраля — начале марта 1921 г., политический отчет Тюменского губернского комитета РКП(б) за февраль — март 1921 г. и доклад председателя Тюменской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией П.И. Студитова от 5 апреля 1921 г. Во втором сборнике к ним добавлены еще два материала: доклад ко-

⁴⁰ Сибирская Вандея. 1920–1921. Документы / сост. В.И. Шишкин. В двух томах. М., 2001. Т. 2. 776 с.

мандира 85-й стрелковой бригады Н. Н. Рахманова «Операция по подавлению повстанческого движения в Тюменской губернии за время с 10 февраля по 24 марта 1921 года» и доклад штаба Помглавкома по Сибири о повстанческом движении в Тюменской и Омской губерниях в феврале — марте 1921 года. Наличие этих аналитических материалов играет важную роль. С одной стороны, они помогают понять контекст мятежных событий, с другой — позволяют выяснить их интерпретацию и оценку руководителями четырех главных структур, участвовавших в подавлении восстания: РКП(б), Советской власти, ВЧК и Красной армии.

В совокупности выявленные и опубликованные В. И. Шишкиным в обоих сборниках документы дают исчерпывающее представление о ключевых событиях Западно-Сибирского восстания: о политике Советской власти в деревне осенью 1920 — зимой 1921 г.; настроении и реакции населения на эту политику; динамике и географии мятежа; организационных мероприятиях и поведении повстанцев; взаимоотношениях мятежников и населения; деятельности органов Советской власти по подавлению мятежа, включая участие органов ВЧК и ревтрибуналов; боевых действиях сторон; соотношении политических, военных и карательных мер, использовавшихся Советской властью для ликвидации мятежа; показывают непосредственные итоги и долгосрочные последствия восстания, в том числе репрессии по отношению к его участникам на протяжении 1920–1930-х годов.

Еще в процессе подготовки документальных изданий В. И. Шишкин приступил к специальному изучению ряда наиболее острых вопросов истории Западно-Сибирского восстания. В результате с 1997 г. он опубликовал серию статей, в которых проанализировал причины возникновения мятежа, роль Сибирского крестьянского союза в его подготовке, генезис и динамику восстания, численность и состав повстанцев, политику Советской власти по отношению к мятежникам, сформулировал новую концепцию восстания и дал его обобщенную картину в двух энциклопедических изданиях.

В своих статьях В. И. Шишкин отверг как абсолютно несостоятельные утверждения советских историков о слабости местных органов так называемой диктатуры пролетариата, о зажиточности крестьянства и высоком проценте в его составе кулачества как причинах Западно-Сибирского мятежа. Он обратил внимание на то, что эти факторы являлись общими для всей Сибири и Зауралья, однако мятежи возникли только в отдельных местах и име-

ли локальный характер. В то же время он не поддержал точку зрения А. Васильева, А. А. Петрушина и С. А. Степанова, считавших Западно-Сибирский мятеж реакцией населения только на злоупотребления продовольственных работников, а также — И. В. Курышева и К. Я. Лагунова, полагавших, что восстание было вызвано провокационными действиями советских органов в целях последующего уничтожения наиболее самостоятельного и независимого слоя сибирского крестьянства.

В. И. Шишкин предложил принципиально иной перечень и структуру причин, вызвавших Западно-Сибирский мятеж. В этом ряду он назвал недовольство населения политикой (продразверстками, мобилизациями и трудовыми повинностями) центральных и местных, прежде всего губернских, властей, которые не считались с реальными интересами и объективными возможностями крестьянства; возмущение населения методами осуществления этой политики, злоупотреблениями и преступлениями сотрудников продовольственных органов; объявление в середине января 1921 г. семенной разверстки и попытки ее проведения на большей части Тюменской губернии и в Курганском уезде Челябинской губернии. Последней каплей, переполнившей чашу крестьянского терпения, В. И. Шишкин считал вывоз взятого в счет разверстки хлеба и семян с внутренних ссыпных пунктов к линии железной дороги в целях его последующей отправки в центральную Россию⁴¹.

Исследователь поддержал выводы К. Я. Лагунова, А. А. Петрушина и Н. Г. Третьякова, утверждавших, что дела о подпольной организации С. Г. Лобанова в Тюмени и «Тобольского повстанческого центра» во главе с С. Долганевым являлись чекистской провокацией и фальсификацией. Проанализировав большой массив архивных материалов об этих и других «контрреволюционных» делах, а также о деятельности местных органов ВЧК, В. И. Шишкин пришел к следующим выводам: в Ишиме никакой контрреволюционной организации не имелось; в Тюмени аналогичная ор-

⁴¹ Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 г.: обстоятельства и причины возникновения // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX вв. Бахрушинские чтения 1996 г.: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1998. С. 91–99; Он же. К вопросу о причинах Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы второй Всероссийской научно-практической конференции 27–28 февраля 1998 г. Омск, 1998. С. 11–19; Он же. К вопросу о возникновении Западно-Сибирского мятежа 1921 года // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории (XVII–XX вв.). Новосибирск, 1999. С. 96–98.

ганизация была создана самими чекистами и существовала в зачаточном виде; в Тобольске самостоятельно образовалась малочисленная группа, состоявшая из антисоветски настроенных местных гимназистов, которая вела себя пассивно и была раскрыта чекистами, едва возникнув; но ни одна из них не имела абсолютно никакого отношения к Сибирскому крестьянскому союзу; «можно категорически утверждать, что Сибирский крестьянский союз не принимал никакого участия в подготовке Западно-Сибирского восстания»⁴².

В. И. Шишкин солидаризировался с теми исследователями 1990-х годов, которые утверждали, что восстание носило преимущественно стихийный характер. Но он выразил категорическое несогласие с коллегами, которые поддержали мнение М. А. Богданова об Абатском районе как о некоем первоисточнике мятежа, из которого он распространился сначала по всему Ишимскому уезду, а затем и за его пределы.

Выяснив хронологию первых вооруженных выступлений, В. И. Шишкин пришел к другому выводу. «На самом деле Западно-Сибирское восстание началось не в одном, а в нескольких местах, — утверждал исследователь в 1997 г. — Его первые очаги возникли примерно в одно и то же время и независимо друг от друга в разных районах Ишимского, Ялуторовского, Тюменского, Тюкалинского уездов»⁴³. Два года спустя он по сути дела повторил свой вывод, но уже в более широких территориальных рамках, заявив, что «восстания в разных районах Тюменской, Омской, Екатеринбургской и Челябинской губерний начались почти независимо друг от друга»⁴⁴.

Как известно, партийно-советские руководители, политработники частей Красной армии и особенно сотрудники органов ВЧК и реввоен трибуналов единовременные вспышки мятежей на зна-

⁴² *Шишкин В. И.* К вопросу о роли Сибирского крестьянского союза в подготовке Западно-Сибирского мятежа 1921 года // Сибирь на рубеже XIX–XX веков. Посвящается 70-летию члена-корреспондента РАН, директора Института истории СО РАН, доктора исторических наук, профессора кафедры Отечественной истории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета Горюшкина Леонида Михайловича. Новосибирск, 1997. С. 88–96; *Он же.* Тюменский «заговор корнета Лобанова» (февраль 1921 г.) // История «белой» Сибири: тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 года. Кемерово, 2001. С. 197–204.

⁴³ *Шишкин В. И.* К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1997. № 2. С. 50.

⁴⁴ *Шишкин В. И.* К вопросу о возникновении Западно-Сибирского мятежа 1921 года... С. 96–98.

чительном отдалении друг от друга, как правило, объясняли идеологической и организационной деятельностью контрреволюционного подполья, главным образом Сибирского крестьянского союза.

По мнению В. И. Шишкина, события развивались по совершенно иному сценарию, который вкратце выглядит так. Осенью — зимой 1920 г. во многих волостях, ставших в феврале — апреле следующего года локальными эпицентрами и опорными пунктами восстаний, между населением и властями произошли конфликты разного характера и масштаба. Они были подавлены вооруженной силой путем арестов «зачинщиков» и «главарей». Тем самым политическая обстановка в Тюменской губернии и в смежных с ней уездах обострилась до крайности: население было доведено до отчаяния, озлоблено, но не запугано и не сломлено. «Объявление семенной разверстки, совпавшее по времени с началом интенсивного вывоза хлеба в центр, — считает В. И. Шишкин, — дало не только последний толчок, вызвавший стихийный взрыв восстаний, но и синхронизировало выступления населения разных районов»⁴⁵.

Введенные В. И. Шишкиным в научный оборот программные документы и лозунги повстанцев позволили ему прийти к выводу о том, что у них отсутствовало единство взглядов по вопросам общественного и политического устройства России, но подавляющее большинство мятежников объединяло неприятие коммунистического режима. Исследователь считает, что «первичной и основной характеристикой восстания должно стать признание его антикоммунистической направленности», и в этом смысле восстание можно квалифицировать как контрреволюционное. Однако мятеж неправомерно называть белогвардейским, поскольку такая струя в нем присутствовала номинально, практически не находя поддержки в массах. Столь же неверной В. И. Шишкин считает характеристику восстания как антисоветского: «Документы неопровержимо свидетельствуют о том, что в большинстве освобожденных от коммунистов районов мятежники на практике стремились воплотить в жизнь лозунг, под которым они поднялись на борьбу, создавая в качестве органов гражданского управления Советы без коммунистов»⁴⁶.

Особенно значителен вклад В. И. Шишкина в освещение хода восстания, боевых действий сторон, применявшихся ими форм

⁴⁵ Шишкин В. И. К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г... С. 51.

⁴⁶ Там же. С. 52.

и методов сопротивления, в том числе террора. Большое значение для понимания перечисленных вопросов имеют две статьи исследователя: о политике Советской власти по отношению к повстанцам и о показательном судебном процессе, который в конце февраля 1921 г. организовала и провела в Ишиме коммунистическая власть над шестью местными руководящими работниками и 93 арестованными за участие в мятеже крестьянами⁴⁷.

Принципиальное значение имеют выводы В.И. Шишкина о том, что во время мятежа обе стороны действовали жестоко, но задавала тон и определяла военно-политическую ситуацию коммунистическая власть. Для подавления Западно-Сибирского восстания она использовала весь имевшийся в ее распоряжении арсенал средств. Однако главными из них на всем протяжении борьбы оставались военные и карательные меры, включая бессудные расстрелы, которые зачастую использовались в ущерб политическим и не допускали компромиссных решений. Данным обстоятельством во многом объясняются колоссальные потери мятежников во время боевых действий.

По мнению В.И. Шишкина, выбор преимущественно силового варианта ликвидации Западно-Сибирского мятежа был обусловлен принципиальной позицией коммунистического режима на физическое уничтожение всех тех, кто пытался оказать ему вооруженное сопротивление. Жестоким подавлением восстания коммунистический режим дал принявшему в нем участие местному населению исключительно суровый урок. В результате страх перед властью стал одной из определяющих черт менталитета переживших эти события крестьян и казаков, отличавшихся раньше независимым характером⁴⁸.

Безусловно, большой интерес представляют суждения В.И. Шишкина по вопросу о значении Западно-Сибирского мятежа. Он категорически не согласился с Н.Г. Третьяковым и В.В. Московкиным, которые утверждали, что восстание сыграло решающую роль в принятии X съездом РКП(б) резолюции об отмене

⁴⁷ *Шишкин В.И.* Политика Советской власти по отношению к повстанцам Западной Сибири в 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 2006. № 2. С. 6–15; *Он же.* Ишимский судебный процесс (22–28 февраля 1921 г.) // Крестьянство восточных районов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.): сборник научных статей. Ишим, 2006. С. 233–252; *Он же.* Ишимский судебный процесс // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 713.

⁴⁸ *Шишкин В.И.* Политика Советской власти по отношению к повстанцам Западной Сибири в 1921 г... С. 15.

продразверстки, поскольку никаких фактов, прямо или косвенно свидетельствующих об этом, они не обнаружили и не привели.

В отличие от В. В. Московкина, В. И. Шишкин не видел прямой военной опасности Западно-Сибирского мятежа для коммунистического режима. Он считал, что мятеж угрожал Советской власти только косвенно, опосредовано, лишь в силу того, что блокировал доставку сибирского продовольствия в европейскую часть России. Уникальность сложившейся в феврале — марте 1921 г. ситуации В. И. Шишкин оценил так: «Вопрос о судьбе государственной власти во многом определялся исходом вооруженной борьбы не в центре страны, как почти всегда было в истории России, а в отдаленной провинции, на просторах Западной Сибири»⁴⁹.

Сильной стороной публикаций В. И. Шишкина всегда являлось внимание к историческим персонажам. Его документальные сборники насыщены биографическими сведениями о действующих лицах. Не изменил этому правилу исследователь и при подготовке документальных публикаций о Западно-Сибирском восстании. Сверх того, он написал специальные статьи, посвященные двум крупным деятелям, оказавшимся в противоположных лагерях.

Один из них — Тюменский губернский комиссар Г. С. Инденбаум. Сначала народная молва, а потом краеведы, журналисты и историки, совершенно не зная ни его жизненного пути, ни деятельности на посту руководителя губпродкома, стали связывать с именем Г. С. Инденбаума возникновение мятежа в Тюменской губернии. В. И. Шишкин ликвидировал этот пробел, показав партийно-советскую карьеру Г. С. Инденбаума за время революции и гражданской войны. Проведение жесткой продовольственной политики по отношению к крестьянству Тюменской губернии В. И. Шишкин объясняет стремлением Г. С. Инденбаума досрочно и сверх плана выполнить разверстки, чтобы оказаться на хорошем счету у руководства Наркомпрода⁵⁰.

Менее полной и убедительной оказалась публикация В. И. Шишкина о крестьянине села Большой Кусеряк П. С. Шевченко, ставшем инициатором восстания в Кротовской волости Ишим-

⁴⁹ Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса... С. 172.

⁵⁰ См.: Шишкин В. И. Г. С. Инденбаум: страницы биографии // XVII Словоцковские чтения: материалы XVII Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. Тюмень, 2005. С. 90–92; Он же. Тюменский губпродкомиссар Г. С. Инденбаум (сентябрь 1920 — февраль 1921 г.) // XVIII Словоцковские чтения: материалы XVIII Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. Тюмень, 2006. С. 106–108.

ского уезда. В частности, автор не смог выяснить, в силу каких обстоятельств и причин П. С. Шевченко возглавил мятеж, а затем продвинулся на роль командующего Североишимским повстанческим «фронтом». Но В. И. Шишкину удалось обнаружить воспоминания командира красной бригады Г. А. Буриченкова, который летом 1921 г. занимался подавлением мятежа в Ишимском уезде, в которых комбриг назвал П. С. Шевченко «самым опасным и страшным бандитом» уезда⁵¹.

Подводя итоги работы, проделанной В. И. Шишкиным по изучению Западно-Сибирского восстания, необходимо выделить в качестве важнейших три результата.

Во-первых, введенный В. И. Шишкиным в научный оборот корпус источников является основополагающим для анализа феномена восстания. Он содержит ключевую информацию для понимания подлинных причин, движущих сил, характера, трагического финала и последствий Западно-Сибирского мятежа. Эти материалы, выложенные в сети Интернет, широко используют как любители, так и профессионалы⁵².

Во-вторых, в исследовательских статьях В. И. Шишкина рассмотрен ряд наиболее сложных для понимания Западно-Сибирского мятежа научных проблем и содержится новый уникальный фактический материал, на основе которого сформулированы убедительные выводы, составляющие теоретическое «ядро» новой концепции. В сжатом виде эти новые подходы и взгляды нашли отражение в двух энциклопедических изданиях⁵³.

В-третьих, сформулированная В. И. Шишкиным исследовательская проблематика была положительно оценена и воспринята рядом коллег, которые занимались изучением Западно-Сибирского восстания. Свидетельством этого являются их публикации, появившиеся в порядке прямого продолжения и развития поставлен-

⁵¹ *Шишкин В. И.* К биографии командующего Североишимским повстанческим «фронтом» П. С. Шевченко // XVI Слободские чтения: материалы XVI Всероссийской научно-практической краеведческой конференции и заседания Сибирского филиала Научного совета историко-краеведческих музеев при Министерстве культуры и массовых коммуникаций РФ. Тюмень, 2004. Ч. 1. С. 38–40.

⁵² Например, вся документальная подборка «„Разбейся в доску — сдай разверстку!“ Советская продовольственная политика в Ишимском уезде Тюменской губернии (сентябрь 1920 — январь 1921 г.)» без разрешения автора была перепубликована в книге: История Сибири: Хрестоматия / сост. Г. А. Порхун, Е. Е. Воложанина, К. Ю. Воложанин. М., 2011. 296 с.

⁵³ *Шишкин В. И.* Западно-Сибирское крестьянское восстание (Западно-Сибирский мятеж) // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень, 2004. Т. 1. С. 469–470; *Он же.* Западно-Сибирский мятеж // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 582–584.

ных В. И. Шишкиным вопросов⁵⁴, а также переиздание нескольких его статей⁵⁵.

Из сказанного выше напрашивается вполне естественное пожелание, чтобы В. И. Шишкин продолжил изучение Западно-Сибирского мятежа и завершил его написанием крупной научной монографии, в которой дал бы обобщение ранее сделанного им самим и его последователями-коллегами. Залогом успеха реализации этого проекта можно считать имеющийся у В. И. Шишкина серьезный научный задел, его высокий профессионализм, исследовательский талант, врожденное трудолюбие и колоссальную работоспособность.

⁵⁴ См., например, публикации в сборнике статей «Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.)» (Ишим, 2006. 364 с.), а также названия публикаций в библиографическом указателе «Неизвестная война (к 90-летию крестьянского восстания в Тюменской губернии)» (сост. Н. В. Колобова. Тюмень, 2011. 40 с.).

⁵⁵ См.: Коркина слобода. Краеведческий альманах. Ишим, 2016. Вып. 13. С. 31–45; Ишим: историко-культурологический, литературно-художественный альманах «Тобольск и вся Сибирь». Тобольск, 2017. Кн. 29. С. 157–163.

В. Фудзимото

Осацкий университет экономики и права

НАЧАЛО ЯПОНО-СОВЕТСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

25 января 1925 г. в Пекине был заключен договор об основных принципах взаимоотношений между Японией и Советским Союзом. Япония официально признала образовавшееся в результате революций 1917 г. Советское государство. Со времени начала переговоров до заключения договора прошло четыре года. Это были переговоры между социалистическим государством нового типа и страной капитализма. В данной статье предпринята попытка проанализировать, каким образом правительства двух стран и их представители на переговорах адаптировались к этой новой ситуации и одновременно старались придерживаться базовых внешнеполитических принципов своих государств.

Ключевые слова: японо-российские (советские) отношения, военная интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке, ДВР, Дайернская конференция, мирные переговоры.

25 января 1925 г. в Пекине был заключен договор об основных принципах взаимоотношений между Японией и Советским Союзом. Согласно этому документу Япония официально признала образовавшееся в результате революций 1917 г. Советское государство, что означало установление дипломатических отношений. Со времени начала переговоров до заключения договора прошло четыре года, после чего потребовалось еще три, чтобы уладить такие конкретные вопросы, как, например, подготовка соглашения по рыболовству. За время переговоров место их проведения менялось несколько раз: до Пекина они проходили в Дайрене, Чанчуне и Токио. Партнер Японии по переговорам также изменился. Сначала это была Дальневосточная республика, а затем — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Это само по себе показывает, что история переговоров была полна драматических поворотов.

В результате заключения этого договора Советский Союз смог добиться вывода иностранных войск со своей территории, что гарантировало дальнейшее укрепление Советской власти. В свою очередь Япония, выбравшись из трясины интервенции, смогла получить от Советского Союза различные концессии в Сибири и на Дальнем Востоке. Тем самым японо-советские отношения

привнесли определенный элемент стабильности в международное положение в Северо-Восточной Азии.

Наиболее примечательной особенностью переговоров было то, что они проходили в обстановке существенных перемен как во внутренней жизни этих стран, так и на международной арене. Поэтому им была свойственна другая важная черта. Это были переговоры между социалистическим государством нового типа и страной нарождавшегося капитализма. Таким образом, это были не имевшие ранее прецедентов переговоры между странами с разными социальными системами. В то же время для Советского Союза это был поиск путей перехода от «дипломатии революции» или «новой дипломатии», которая делала упор на «пропаганду революции», к практической дипломатии, направленной на обеспечение существования самого государства и создание условий для его построения в условиях капиталистического окружения.

В данной статье предпринята попытка проанализировать, каким образом правительства двух стран и их представители на переговорах адаптировались к этой новой ситуации и одновременно старались придерживаться базовых внешнеполитических принципов своих государств.

Уход американских войск и трансформация целей японской экспедиций в Сибири

В начавшейся в августе 1918 г. под лозунгом «помощи Чехословацкому корпусу» интервенции объединенных сил шести государств (Японии, США, Англии, Франции, Италии и Китая) главную роль играли Япония и США. Но к 1920 г. цели интервенции и расстановка сил в Сибири претерпели существенные перемены. В январе 1920 г. пало правительство А. В. Колчака, которое поддерживали объединенные силы интервентов, и 21 января в Иркутске власть перешла в руки Военно-революционного комитета.

В Приморской области во Владивостоке 31 января в результате солдатского выступления был низвергнут ставленник А. В. Колчака С. Н. Розанов и со 2 февраля установлена власть Приморского областного земства¹, ведущая роль в котором принадлежала выходцу из эсеров А. С. Медведеву. Большевики пошли на со-

¹ Это правительство первоначально называлось «Временное правительство — Приморская областная земская управа», после 7 апреля 1920 г. — «Временное правительство Дальнего Востока — Приморская областная земская управа». В документах, не только японских, но и в российских, не всегда использовалось полное и точное название этого правительства.

трудничество с этим правительством, не входя в его состав, чтобы избежать прямого конфликта с японской армией. Тем не менее коммунисты заняли некоторые важные посты. Председателем финансово-экономического комитета стал П. М. Никифоров, транспортного комитета — И. Г. Кушнарев, а в военный комитет вошли С. Г. Лазо и В. М. Сибирцев².

8 января 1920 г. командующий американскими экспедиционными силами У. Грэвс известил командующего японским экспедиционным контингентом во Владивостоке Оой Сигэмото, что по распоряжению своего правительства американский контингент возвращается на родину. Для японцев такой поворот был полной неожиданностью. Посол Японии в США Кидзюро Сидэхара немедленно потребовал объяснений со стороны государственного секретаря Р. Лансинга, который, однако, ограничился лишь общими словами о том, что «пребывание в Сибири вызывает сильный протест со стороны общественности, ставившиеся первоначально цели были достигнуты и продолжение пребывания войск затруднительно»³.

В феврале 1920 г. порт Владивосток покинула первая партия войск Чехословацкого корпуса, защита которого формально являлась основной целью интервенции. 1 апреля 1920 г. город покинули американские войска как закончившие миссию по оказанию помощи Чехословацкому корпусу. Затем к августу за ними последовали войска всех остальных стран, за исключением Японии.

Японское правительство долго не имело ясной позиции по отношению к Временному правительству А. С. Медведева. В то же время Генеральный штаб сухопутных сил, который считал, что Временное правительство находится под влиянием коммунистической партии, в своей телеграмме в адрес командования экспедиционными силами во Владивостоке дал следующую характеристику ситуации: «В настоящее время сделаны предложения японскому правительству по поводу отношений с политическими организациями во Владивостоке, но для принятия окончательного решения потребуется некоторое время». Позиция сухопутных сил, как утверждалось далее, состояла в том, чтобы действовать в соответствии с обстановкой. «Не допускается существование военных формирований, примыкающих к радикалам (большевикам. — В. Ф.), а также в целях самообороны Японии не должны

² История Дальнего Востока России. Владивосток, 2003. Т. 3, кн. 1: Дальний Восток России в период революции 1917 г. и Гражданской войны. С. 347.

³ Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1920 г. / под ред. МИД Японии. Токио, 1972. Т. 1, ч. 2. С. 837–850.

признаваться те новые политические организации, которые проводят опасную политику, следуя воле радикального правительства в западной части России». Иными словами, была сделана ставка на очень жесткий курс⁴.

В отличие от Генерального штаба Японское правительство (кабинет Хара Такаси) опасалось самостоятельных действий войск на Дальнем Востоке. Поэтому занимавший пост военного министра Танака Гиити дал указание находившемуся в Токио руководителю политического отдела экспедиционных сил Мацудайра Цунэо, прикомандированному от Министерства иностранных дел к экспедиционным силам во Владивостоке, «разрешать проблемы, сохраняя спокойствие». Параллельно от имени заместителя военного министра он отправил генералу Оой Сигэмото, командовавшему экспедиционными силами во Владивостоке, телеграмму, в которой говорилось, что «предупреждение, направленное в адрес русских политических организаций, не должно рассматриваться как последнее предупреждение». Тем самым Танака Гиити старался охладить пыл начинавшего входить в раж командования японской армии в России⁵.

В составе экспедиционных сил, направленных во Владивосток, были люди, которые сопротивлялись планам японского правительства сократить численность экспедиционного корпуса. Одним из них являлся начальник штаба экспедиционных сил. Также к ним примкнул полковник Идзومه Рокуро, занимавший должность начальника отдела специальных операций и зачастую игравший роль представителя этих сил. Он заявлял: «Японская империя не должна считать принцип согласованности действий с другими Великими Державами основой своей русской политики. Компромисс Британии с большевистским правительством является ни чем иным, как обязательством вывести войска всех иностранных государств». Идзومه Рокуро подчеркнул, что если Япония пойдет на компромисс, то большевистское правительство только ужесточит свою позицию⁶.

Мацудайра после своего возвращения из Токио во Владивосток направил в адрес министра иностранных дел Утида Коусай еще более тревожную телеграмму, в которой сообщил, что штаб экспедиционных сил готовит против большевиков военные меры. «При

⁴ Санбохонбу. Сибэрия сюппэйси (Фуккоку бан) (Генеральный штаб. История экспедиции в Сибири. (Версия для печати)). Токио, 1972. Т. 3. С. 3.

⁵ Там же.

⁶ Нихон гайко мондзэ (Документы внешней политики Японии). 1920 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 875–876.

неблагоприятном развитии событий, — говорилось в телеграмме, — начнется военное противостояние с революционной армией во Владивостоке и по всему фронту, другими словами, в результате врагом станет большая часть рабоче-крестьянского народа. Это только воспроизведет, но в больших масштабах, ситуацию в Амурской области. Более того, в Амурской области внешне все выглядело [так], как будто мы поддерживаем русскую белую армию, в данном случае русская армия не участвует, поэтому придется лицом к лицу противостоять с русскими населением». Утида Коусай полагал, что «этот результат будет иметь чрезвычайно неблагоприятные последствия в будущем с точки зрения интересов Империи», поэтому свою позицию он сформулировал так: «Я абсолютно против»⁷.

Японское правительство в качестве одной из мер, которые должны были нормализовать ситуацию, создавшуюся после вывода американских войск, решило изменить цели пребывания японских войск. Сначала документ такого содержания был вынесен на обсуждение Кабинета министров 2 марта 1920 г., а затем направлен на обсуждение в Комитет по внешней политике⁸. В этом документе признавалось, что изначальная задача, состоявшая «в помощи чехословацкому корпусу», была выполнена. Далее, по вопросу о необходимости продолжения пребывания войск говорилось: «Сила большевиков выросла настолько, что стала простирается до Владивостока и создавать существенную угрозу Корею, граница с которой проходит в этом районе. Одновременно существует угроза, что большевики вторгнутся в Северную Маньчжурию. С точки зрения вопросов самообороны Империи на это нельзя не реагировать. Соответственно, необходимо сократить зону прикрытия японской армии, вывести войска из Забайкальской и Амурской областей, разместить их в зоне КВЖД и в Приморской области с центром во Владивостоке и заниматься вопросами транспорта и поддержания порядка в этих районах. Этими мерами препятствовать непосредственному продвижению большевиков в Маньчжурию и Корею». Истинный мотив этих действий состоял в том, чтобы продолжить пребывание войск в Приморской области с центром во Владивостоке и в северной части Маньчжурии для предотвращения расширения влияния коммунизма на являющуюся японской ко-

⁷ Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1920 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 871–872.

⁸ Комитет по внешней политике — созданный в 1917 г. высший орган по вопросам внешней политики, в котором принимал участие непосредственно император.

лонией Корею и находившуюся под японским влиянием китайскую Маньчжурию⁹.

31 марта 1920 г. Японское правительство после получения решения Комитета по внешней политике распространило за рубежом заявление, в котором объясняло причины, побудившие японскую армию после вывода Чехословацкого корпуса остаться в Приморье: «Географическое положение Японии, если смотреть на Сибирь, имеет существенные отличия от других стран. В особенности происходящее в Дальневосточной части Сибири не только прямым образом влияет на ситуацию в Корею и Маньчжурии, но и создает угрозы для жизни и имущества живущих там японских граждан. По этой причине Япония не может вывести войска. Поэтому случившееся совсем не означает, что Япония имеет какие-то политические амбиции, связанные с этим регионом»¹⁰. Предполагалось, что, как только будут обеспечены соответствующие гарантии населению, Япония сразу выведет свои войска. В заявлении подчеркивались географические особенности положения Японии (В дальнейшем Министерство иностранных дел Китая 17 мая выступило с протестом по поводу того, что в тексте на китайском языке используется словосочетание «Корея и Маньчжурия», что истолковывалось в том плане, что Маньчжурия, являющаяся китайской территорией, ставится в один ряд с Кореей, и игнорируются усилия китайского правительства в направлении сохранения порядка в этом регионе)¹¹.

После получения этого заявления в тот же день командование сухопутных войск Японии дало указание командованию экспедиционных сил во Владивостоке передать японские требования Временному правительству Приморской области и добавить, что, если будут даны гарантии строго выполнять эти обязательства, японская армия не будет далее вмешиваться в действия нового правительства¹². Однако опасения Мацудаира относительно намерений японской армии скоро стали реальностью, и войска, размещенные во Владивостоке, встали на путь самостоятельных действий. 4 апреля 1920 г. под предлогом якобы начавшейся атаки со стороны войск Временного правительства были начаты решительные действия, направленные на «разоружение вооруженных формирований в Приморской области». Японская армия не толь-

⁹ Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1920 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 869–870.

¹⁰ Там же. С. 878.

¹¹ Там же. С. 982–895.

¹² Там же. С. 879–880.

ко во Владивостоке, но и в Никольске, Хабаровске и в других городах начала атаковать русские вооруженные отряды, разоружать их и осуществлять аресты активных руководителей. То, что в эту ночь были проведены операции в разных городах, свидетельствует об их плановом характере. В ходе военных действий «исчезли» С. Г. Лазо, П. В. Уткин и другие видные военные деятели, являвшиеся сторонниками Советской власти.

Временно исполнявший обязанности руководителя политического отдела при войсках во Владивостоке Яно Масао в телеграмме от 5 апреля, направленной в адрес министра иностранных дел Утида, сообщал, что армейское командование с 2 апреля начало переговоры с земским правительством и 3–4 апреля провело небольшие заседания, во время которых в целом японские требования были приняты, и переговоры спокойно закончились. Однако в 22:30 4 апреля русские вооруженные формирования совершили нападение на охрану японского штаба. Японская армия была вынуждена принять ответные действия и начала проводить разоружение революционной армии и милиции.

Наряду с этим в материалах переписки кураторов со стороны армии и Министерства иностранных дел было зафиксировано, что кураторы армии извиняются за своевольные действия, следствием которых стало начало военных столкновений, и что внутри армии существуют различные позиции по этому вопросу¹³.

6 апреля Временное правительство А. С. Медведева направило в адрес объединенных сил во Владивостоке протест в связи с вооруженным вмешательством японской армии в дела России. Документ содержал пять требований: 1) освободить арестованных; 2) очистить захваченные организации и учреждения; 3) предоставить объяснения со стороны японской армии и извинения в адрес Временного правительства; 4) прекратить аресты и обыски; 5) возвратить конфискованное оружие и организовать из представителей объединенных сил России и Японии комиссию для расследования инцидента¹⁴.

Доклад руководителя политического отдела Мацудаира министру иностранных дел Утида от 15 апреля почти полностью состоял из общего обзора этого инцидента. В соответствии с этим документом дело обстояло следующим образом. Японские войска, используя мелкое происшествие, вступили в столкновения, после чего командование японских экспедиционных сил приняло

¹³ Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1920 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 880–881.

¹⁴ Там же. С. 882.

и обнародовало указ о разоружении вооруженных формирований. Русская армия не оказала сопротивления. Несмотря на это, японские войска подвергли интенсивному артиллерийскому обстрелу здание земства и полностью разрушили его. Они захватили административные учреждения и вокзал и вывесили японские флаги, арестовали несколько десятков человек.

Несмотря на все такого рода факты, Мацудаира отрицал вмешательство армии в дела Временного правительства. Из-за забастовки рабочих движение по железной дороге остановилось. В завершение Мацудаира писал: «Общественное мнение видит в этих событиях незаконные действия японских войск и абсолютно негативно к ним настроено и одновременно верит, что это делается не по воле японского правительства и народа»¹⁵. Очевидно, что последние слова являлись скорее выражением пожелания, чем мнением народа.

Предложение Советского правительства Японскому правительству о переговорах

После поражения контрреволюционных сил в Сибири в начале 1920 г. Советская власть утвердилась практически по всей России, за исключением Дальнего Востока. Приближался конец гражданской войны и интервенции, и Советское правительство по различным каналам начало передавать призывы правительствам капиталистических стран начать мирные переговоры. В ноте от 24 февраля 1920 г., переданной через посла Японии во Франции Мацуи, который получил телеграмму по радио из Москвы, оно обратилось с предложением к японскому правительству начать мирные переговоры.

Это было время, когда Верховный совет союзных держав Антанты признал фактическое прекращение военной интервенции и начало торговых отношений с Советской Россией, но одновременно призвал к отказу от установления дипломатических отношений. Поэтому в ноте народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина отмечалось, что «все попытки раздавить силою оружия Рабоче-Крестьянскую власть в России оказались тщетными, когда правительства Антанты отзывают из России свои экспедиционные отряды и когда различные правительства уже начали переговоры с Российским Советским Правительством, мы еще раз

¹⁵ Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1920 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 884–885.

обращаемся к Японскому Правительству с предложением начать мирные переговоры. Народы России не имеют никаких агрессивных намерений против Японии. Российское Советское Правительство не имеет ни малейшего намерения вмешиваться во внутренние дела японского народа. Оно вполне признает особые экономические и торговые интересы Японии на Дальнем Востоке, превышающие в настоящий момент в некоторых отношениях такие же интересы других стран»¹⁶.

Примерно в то же время Советское правительство обратилось с предложением начать мирные переговоры к США, Англии, Франции, Италии.

Посол во Франции Мацуи в телеграмме на имя министра иностранных дел Утида писал, что он не имеет намерения определять позицию в отношении этой ноты без обсуждения с союзниками, однако по причине того, что Рабоче-крестьянское правительство часто использовало эту проблему для своей «пропаганды», хотел бы запросить точку зрения своего министерства. В Японии уже была информация по этому поводу, так как 9 марта телеграммой из Иркутска на имя министра Утида также было направлено предложение начать мирные переговоры¹⁷.

Почти одновременно с этим 15 марта 1920 г. во Владивосток из Сибири прибыл уполномоченный Сибревкома и Сиббюро ЦК РКП(б) В. Д. Виленский (Сибиряков). Ему было поручено также провести встречи с находившимися во Владивостоке представителями США и Японии с целью ускорения начала мирных переговоров¹⁸. 18 марта он в качестве представителя Советского правительства провел неофициальные переговоры с руководителем политического отдела Мацудайра. В соответствии с докладом Мацудайра, который был направлен министру Утида, Виленский представил на имя командующего японскими экспедиционными силами предложения о мирных переговорах, примерно совпадавшие с нотой Чичерина, и ответил на вопросы Мацудайра. По поводу Временного правительства Приморской области он сказал, что если в данном регионе есть необходимость в таком органе управления, то он не будет чинить препятствий. Россия обладает огромной территорией, на которой проживают различные народы, поэтому Советское правительство с уважением относится

¹⁶ Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2: 1 января 1919 г. — 30 июня 1920 г. / под ред. Г. К. Деева. С. 389.

¹⁷ Нихон гайко мондзэ (Документы внешней политики Японии). 1920 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 699–703.

¹⁸ История Дальнего Востока России. Владивосток, 2003. Т. 3, кн. 1... С. 367.

к ситуации в каждом конкретном регионе и определяет свой курс на базе требований ситуации на местах. Как отметил В. Д. Виленский (Сибиряков), Советское правительство на переговорах с Англией признает ее особое положение в европейской части России, и он думает, что в азиатской части России, в которой примерно аналогичная ситуация, срочным делом является решение проблемы особого статуса Японии. «Понимая в достаточной мере особое географическое положение Японии по отношению к русским землям на Дальнем Востоке, настойчиво желает наладить добрососедские отношения». В конце он также сообщил о слухах, согласно которым член военного комитета Сергей Лазо и другие, захваченные в ходе военных столкновений русских с японцами, были расстреляны японской армией, что вызвало крайнее недовольство рабочих. Соответственно, желательно было как можно скорее уладить этот вопрос¹⁹.

1 мая В. Д. Виленский повторно посетил Мацудайра и представил в соответствии с директивами Рабоче-крестьянского правительства пять дополнительных условий мира с Японией: 1) вывод японской армии с территории России; 2) официальное заявление о решимости вывести японские войска; 3) Рабоче-крестьянское правительство готово гарантировать невмешательство в дела Японии и Кореи, отказаться от восстановления флота на Тихом океане, осуществить разоружение крепостей, заключить рыболовное соглашение; 4) невмешательство Японии в дела России и немедленное прекращение поддержки контрреволюционных сил; 5) желательность быстро получить ответ со стороны Японского правительства. В качестве места переговоров были предложены Омск, Иркутск или нейтральный Копенгаген²⁰. В донесении руководителя политического отдела Мацудайра, направленном на имя министра Утида, не сообщалось содержание его ответа В. Д. Виленскому. Однако оно известно благодаря телеграмме, которую уполномоченный НКВД Я. Д. Янсон направил председателю Сибревкома И. Н. Смирнову: «Вторично передаю нашу телеграмму от Виленского: „29 апреля Мацудайра выразил уверенность в благожелательном (ответе) Токийского правительства на наше мирное предложение. Передайте Ленину, что, на мой взгляд, Москва желает больше авансов, чем нужно, а это осложняет работу, вызывает раздражение всех политических кругов“»²¹.

¹⁹ Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1920 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 708–710.

²⁰ Там же. С. 711–713.

²¹ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): сборник доку-

Образование Дальневосточной республики и японская реакция

В целях предотвращения роста напряженности Советское правительство спешно стремилось решить проблему улучшения отношений с Японией, которая была единственной крупной военной силой в Северо-Восточной Азии.

«В Иркутске 24 февраля 1920 г. с участием И. Н. Смирнова и А. М. Краснощекова состоялось заседание представителей краевых комитетов умеренных социалистических партий и Иркутской губернской организации РКП(б). Краснощеков к этому времени и по рекомендации Ленина был назначен уполномоченным Сибревкома по строительству буферной республики на Дальнем Востоке и в Забайкалье.

И. Н. Смирнов в докладе на заседании подчеркнул, что цель создаваемого „буфера“ — передышка для Советской России, что это временное образование, которое будет сохранять хозяйственные связи с Советской Россией. Помимо дипломатического воздействия на Японию, оно должно иметь сильную армию, иначе войну с Японией не предотвратить. И. Н. Смирнов отметил, что „территория (буфера) мыслится от Байкальского озера“ и что будет возможность через это государство втянуть Советскую Россию в непосредственные отношения с зарубежными государствами»²².

6 апреля 1920 г. была принята Декларация об образовании Дальневосточной республики в Верхнеудинске. Примерно месяц спустя, 9 мая, эта декларация, отправленная представителем ДВР по иностранным делам, была получена находившимся в Харбине руководителем особого отдела Куросава и сразу же передана в адрес министра иностранных дел Утида.

В сопроводительном письме в адрес Куросава А. М. Краснощеков писал: «Наверное, вы тоже, исходя из нынешней ситуации на Дальнем Востоке, верите, что создание буферного государства единственно гарантирует разрешение запутанных международных проблем <...> Хотим начать переговоры на базе чисто экономических вопросов <...> Хотим, чтобы вы передали этот документ своему правительству, приложив сопроводительную записку с собственными комментариями». Кроме того, сообщалось, что в соответствии с вторым пун-

ментов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск, 1996. С. 64

²² История Дальнего Востока России... Т. 3, кн. 1. С. 374.

ктом Декларации территория создаваемой республики «граничит с иностранными государствами, значительно удалена от центрального правительства, находящегося в европейской части России, поэтому Дальний Восток (Забайкалье, Приамурье, Приморье, Сахалин и Камчатка, также зона отчуждения Китайской Восточной железной дороги) провозглашается независимой республикой». Согласно п. 3., ДВР — это демократическая власть, правительство которой состоит из избираемых народом своих представителей; п. 4. Законодательное собрание формирует временное правительство, которое состоит из представителей всех партий и национальностей; п. 5. Солдатам армий Колчака и Семенова предлагается сложить оружие и гарантируется свободное возвращение на родину; п. 6. Отмена смертной казни и другое²³.

Как свидетельствует содержание телеграммы, которую на следующий день, 10 мая, министр иностранных дел Утида отправил послу в Англии Тинда, японское правительство не только обращало пристальное внимание на создаваемое Рабоче-крестьянским правительством буферное государство, но и ожидало возникновения несколько иного типа буферного государства, в котором Япония сохранит влияние. Содержание телеграммы было следующим: «В ходе переговоров Мацудайра с В. Д. Виленским в конце апреля выяснилось, что Рабоче-крестьянское правительство обдумывает идею создания буферного региона к востоку от Забайкалья во избежание столкновений с Императорским государством, а, с другой стороны, у В. И. Моравского и других, политический центр которых располагается в Иркутске, существует план создания буферного государства путем созыва чего-то вроде земского собора, собранного совместно с Временным правительством группы А. С. Медведева из Владивостока. Этот план находит значительное понимание у членов Рабоче-крестьянского и Временного правительства, а они надеются также на поддержку со стороны Японии»²⁴.

В соответствии с телеграммой министра Утида руководитель политического отдела Мацудайра запросил мнения всех сторон, включая находившегося во Владивостоке командующего су-

²³ Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1920 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 666–668. Эта Декларация была опубликована на русском языке во втором томе «Документов восточной политики СССР...» (С. 444–445), однако там только пять пунктов и их содержание сформулировано несколько иначе.

²⁴ Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1920 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 668–669.

хопутными силами Временного правительства В. Г. Болдырева, сибирских областников И. А. Якушева и В. И. Моравского, кадета М. Н. Вознесенского, бывшего председателя Правительства Амурской области эсера А. Н. Алексеевского и др. Большинство согласилось, что «на Дальнем Востоке необходимо сильное правительство, объединяющее все политические силы» и «влиятельных личностей, представляющих весь народ и осознающих кризис своей родины, от крайне левых до кадетов, чтобы они вышли из сонного состояния, начали сотрудничать и поддержали существующее правительство». Ссылаясь на то, что «П. М. Никифоров, представляющий на Дальнем Востоке большевиков, заявляет, что сейчас закончилась эпоха насилия в политике и на Дальнем Востоке необходимо полагаться на принципы умеренности», Мацудайра доложил министру Утида, что они не будут возражать против создания буферного государства²⁵.

Относительно дислоцировавшихся в Забайкальской области частей японской армии, решение о выводе которых было уже принято, необходимо было заключить соглашение с продвигающейся на восток Красной армией, чтобы обезопасить уходящие войска. Поэтому письмо А. М. Краснощекова было с благосклонностью встречено в штабе армии. 11 мая командующий японскими экспедиционными силами Оой обнародовал «Заявление», которое базировалось на основных положениях документа японского правительства от 31 марта и было предварительно одобрено японским правительством. В нем ясно выражалась поддержка намерению создать буферное государство, а также желание восстановить экономические отношения. Для этого провозглашалась необходимость прекращения военных действий против дислоцировавшихся в Чите японских войск, а также создания нейтральной зоны между японскими частями и продвигавшимися на восток просоветскими вооруженными силами, свободной от войск обеих сторон. Затем предусматривалось создание самостоятельного объединения трех областей Дальнего Востока. Разумеется, Япония не должна была вмешиваться в их дела. Если возникнет такая политическая обстановка и ситуация стабилизируется, то наступит время для отвода войск. Японское заявление было детальным и подробным, чего не наблюдалось в предшествующих документах²⁶.

²⁵ Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1920 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 660–665.

²⁶ Санбохонбу. Сибэрия сюппэйси (Фуккоку бан) (Генеральный штаб. История экспедиции в Сибири. (Версия для печати)). Токио, 1972. Т. 2. С. 967–968.

15 мая 1920 г. ставший министром иностранных дел ДВР А. М. Краснощеков, высоко оценив «Заявление» командующего Оой, дал на него ответ, в котором по вопросу о создании нейтральной зоны говорилось, что с согласия Рабоче-крестьянского правительства Красная армия готова остановиться западнее р. Селенга, что «наше правительство выразило готовность приостановить все военные действия против всех противников внутри страны при условии прекращения военных действий японской армией, а также прекращения ведения военных действий и разоружения контрреволюционных сил» и что «обе стороны имеют готовность направить своих представителей для согласования времени и мест разъединения»²⁷.

Затем 24 мая командование японской армии направило своих членов комиссии по прекращению огня во главе с начальником особого отдела полковником Куросава на ст. Гонгота, где они провели встречу с представителями ДВР. Однако на этот раз достичь договоренности не удалось. Куросава считал ДВР марионеточным государством Рабоче-крестьянского правительства и большую часть своего доклада о встрече, направленного в адрес заместителя начальника Генштаба Фукуда, посвятил рассуждениям о том, что эта власть, несмотря на заявления о стремлении строить демократическую республику, в реальности является большевистской²⁸. Он также был сторонником Г. М. Семенова и не стремился к достижению соглашения с ДВР. Во втором томе «Истории экспедиции в Сибири», изданной генштабом сухопутной армии, о причинах безрезультатности переговоров написано следующее: «Мы рассматривали власть в Верхнеудинске только как одну из нескольких региональных властей. После достижения в локальном масштабе перемирия планировалось образование единого правительства Дальнего Востока во главе не с большевиками, а с Временным правительством из Владивостока. Напротив, руководство ДВР подчеркивало, что Временное правительство во Владивостоке и власти в Благовещенске уже находятся под его контролем и, даже если будет достигнуто локальное перемирие, потребуется согласие со стороны ДВР. А также, что необходимо одновременно обсуждать условия перемирия на всех фронтах на Дальнем Востоке»²⁹.

²⁷ Нихон гайко мондзэ (Документы внешней политики Японии). 1920 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 670–671.

²⁸ Там же. С. 676–678.

²⁹ Санбохонбу. Сибэрия сюппэйси (Фукоку бан)... Т. 2. С. 970–971.

Действительно, 28 мая власти в Благовещенске, а 31 мая власти во Владивостоке сделали заявление о согласованных действиях с властями в Верхнеудинске.

30 мая заместитель военного министра направил телеграмму в адрес командования экспедиционных сил, в которой говорилось, что вопрос о создании нейтральной зоны требует немедленной реакции, но если поручить эту задачу отделу Куросава, то перспектива ее решения окажется призрачной. Далее он дал разрешение направить для проведения переговоров офицера высокого ранга из Владивостока и на участие в них руководителя политического отдела Мацудайра. В результате 1 июля переговоры возобновились, но перемирие не было достигнуто. Однако обе стороны согласились «не вести военных действий»³⁰. Причина, по которой Япония торопилась с заключением перемирия, заключалась в том, что правительство планировало вывод экспедиционных сил с забайкальского направления. 1 июня правительство приняло решение вывести часть войск³¹. Затем 15 июля на ст. Гонгота Сибирской железной дороги было заключено соглашение о перемирии между японскими экспедиционными силами и представителями Дальневосточной республики. Также было получено согласие, что японская сторона несет ответственность за действия Г. М. Семенова³².

Япония, ДВР и Советская Россия

На следующий день после достижения соглашения о перемирии И. Н. Смирнов из Омска отправил В. И. Ленину следующую телеграмму:

«...Сообщаю о переговорах с японцами:

Японцы подчеркивают, что, не считая Верхнеудинское правительство возглавляющим весь Дальний Восток, они ведут с ним переговоры как с правительством местным, руководящим отдельным участком фронта, и переговоры с ним ни к чему не обязывают японцев в отношении их к остальным частям ДВР.

Условие тяжелое, но положение, в связи с выводом наших частей, обязывает принять его. Надо ждать холодной осени.

Выговариваем и добьемся немедленно после возможного заключения перемирия определенного района Дальнего Востока.

³⁰ Там же. С. 971–972.

³¹ Нихон гайко мондзэ (Документы внешней политики Японии). 1920 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 895–896.

³² Там же. С. 902–904.

Мы съезду дадим иную форму: соберем не правительство, а представителей населения»³³.

Исходя из формируемой в Верхнеудинске позиции ДВР, Временное правительство во Владивостоке интересовало Японию только потому, что там находился представитель Советского правительства В. Д. Виленский. Его деятельность вызывала опасения в появлении двойной дипломатии, игнорировавшей интересы ДВР. По этой причине А. М. Краснощеков несколько раз направлял в адрес И. Н. Смирнова телеграммы, в которых утверждал, что в отношениях с Японией ДВР являлась основной стороной и В. Д. Виленский должен прекратить самостоятельные действия в отношении Японии, причем Сиббюро ЦК РКП(б) было согласно с этой позицией³⁴. 28 мая И. Н. Смирнов телеграфировал Я. Д. Янсону:

«По поводу начавшихся переговоров с японцами. Сиббюро и Сибревком, усматривая в их предложениях основную мысль — создать буферную республику под японским протекторатом и учитывая международную и военную обстановку, предлагает Краснощекову и Виленскому к руководству:

1) Забайкалье, Амур-Уссурийский край — есть единое государство. Никакие сепаратные переговоры недопустимы. Ведутся переговоры только из Верхнеудинска с участием официального представителя Советской России Хотимского. Все заключенные договоры считаются временными.

2) Подчеркнуть тесную связь ДВР с Советской Республикой. <...>

5) Япония не вмешивается во внутреннюю жизнь ДВР и не оказывает содействия семеновцам.

6) До очищения японцами Читы и Восточного Забайкалья не принимать на себя ответственности за действия партизан Амура и Аргуни»³⁵.

Затруднительная ситуация, заключающаяся в том, что в руках В. Д. Виленского оставалась роль связующего звена в отношениях с Японией, вскоре разрешилась. В. Д. Виленский получил от заместителя наркома иностранных дел РСФСР Л. М. Карахана приказ вернуться в Омск. В той же телеграмме Л. М. Карахан предписывал Я. Д. Янсону следующее: «...Лично Янсону необходимо совершенно официально в газетах опубликовать, что Виленский во Владивостоке является совершенно частным лицом и не имеет никаких полномочий»³⁶.

³³ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.)... С. 103.

³⁴ Там же. С. 71–72, 77–78.

³⁵ Там же. С. 79.

³⁶ Там же. С. 95.

В дальнейшем позиция ДВР постепенно укреплялась. 28 октября 1920 г. ее представители собрались в Чите и вынесли решение по вопросам независимости и единства пяти областей Дальнего Востока, а также о выборах в Учредительное собрание. 1 января 1921 г. пленум Центрального комитета РКП(б) принял постановление о Дальневосточной республике. Оно носило секретный характер и содержало следующие положения:

«Признать советизацию Дальневосточной республики безусловно недопустимой в настоящее время, равно как недопустимыми какие бы то ни было шаги, способные нарушить договор с Японией.

Для детальной выработки основных положений экономической и внешней политики Дальневосточной республики создать комиссию в составе т. т. Преображенского (или Крестинского), Никифорова и Чичерина. Заключение комиссии внести в Политбюро [ЦК] в 4-дневный срок»³⁷.

На проведенных в январе 1921 г. выборах в Учредительное собрание левый блок, ядро которого составляли большевики, одержал полную победу. Учредительное собрание, заседания которого проходили с февраля по апрель в Чите, избрало президентом А. М. Краснощекова, а председателем Совета министров — большевика П. М. Никифорова. Власть перешла в руки коалиции, включавшей также меньшевиков, эсеров и народных социалистов. 11 апреля в Пекине министр иностранных дел ДВР И. Л. Юрин, находясь с визитом в составе делегации в Китае, вручил посланнику Японии в Китае Кобата меморандум, направленный Учредительным собранием в адрес японского правительства. В нем выражались требования вывода японской армии и установления дипломатических отношений³⁸.

13 мая 1921 г. кабинет Хара Такаси принял решение о начале неофициальных переговоров с ДВР, формальным поводом для которых служил вопрос о торговле. После достижения этой договоренности предполагалось эвакуировать войска из Приморья и Северной Маньчжурии. Осуществление этого плана было временно отложено из-за мятежа братьев Меркуловых во Владивостоке³⁹,

³⁷ Москва — Токио: политика и дипломатия Кремля 1921–1931: сборник документов в 2 кн. М., 2007. Кн. 1. С. 11.

³⁸ Нихон гайко мондзэ (Документы внешней политики Японии). 1921 г. / под ред. МИД Японии. Токио, 1974. Т. 1, ч. 2. С. 824–829.

³⁹ В конце 1920 г. на смену Временному правительству Дальнего Востока пришло Приморское областное управление ДВР, призванное обеспечить интеграцию Приморья с другими областями ДВР. 26 мая 1921 г. группа военных, опасавшихся большевизации Приморья, вооруженным путем устранила Приморское област-

но, когда стала понятна невозможность создания марионеточного режима, 12 июля 1921 г. кабинет вновь подтвердил выбранный ранее курс.

Причины начала переговоров были связаны с принятием Конституции Учредительным собранием ДВР на февральском заседании, а также с заключением Англией и Германией торговых договоров с Советским правительством, за которыми должны были последовать Италия, Дания и, возможно, США. «По сути, все державы постепенно выходят на позицию установления экономических связей с Рабоче-крестьянской Россией и ДВР». К тому же как внутри страны, так и за ее пределами, особенно со стороны США, нарастала критика японского правительства, продолжавшего держать войска в Сибири. Соответственно, было решено «начать неофициальные переговоры в форме конференции по проблемам торговли с Дальневосточной республикой, которая строит «свободное демократическое некоммунистическое общество в условиях дружбы и торгового сотрудничества с Японией», обеспечивая японские экономические интересы⁴⁰.

Назначенный в мае 1921 г. представителем Советского правительства в Польше Л. М. Карахан в ноябре 1921 г. передал через посланника в Польше Каваками Тосицуне предложение о начале прямых переговоров между советским и японским правительствами. Л. М. Карахан взял на себя бремя обмена мнениями с Каваками. Закрытые переговоры продлились с августа по декабрь. Партнером Л. М. Карахана в них был Каваками, имевший много знакомых и друзей в России. Дипломаты обсуждали возможности решения проблемы вывода японских войск, вопросы рыболовства и концессий. Л. М. Карахан предупредил, что важные политические и экономические вопросы потребуют утверждения со стороны Москвы, но, если Япония примет решение о выводе войск и невмешательстве во внутренние дела, Советское правительство готово признать возможность предоставления Японии прав на рыболовство и концессии. Однако Каваками после консультаций с Токио подчеркнул, что переговоры будут вестись с Дальневосточной республикой вплоть до своего завершения, на что Карахан выразил сомнение в том, что в Дайрене «вообще могут со-

ное управление ДВР и передала власть вновь образованному Временному Приамурскому правительству, в составе которого находились Спиридон Дионисьевич и Николай Дионисьевич Меркуловы — главные вдохновители переворота.

⁴⁰ Нихон гайко мондзэ (Документы внешней политики Японии). 1921 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 874–876.

стояться договоренности»⁴¹. В дальнейшем Дайренская и Чанчунская конференции подтвердили сомнения Карахана.

Дайренская конференция и последующие события

Дайренская конференция открылась 26 августа 1921 г. Переговоры между Японией и ДВР 16 апреля 1922 г. были прерваны. После смены места проведения переговоров 4 сентября 1922 г. начала свою работу Чанчунская конференция, которая, однако, вновь была прервана 25 сентября⁴².

На Дайренской конференции японская сторона внесла свой проект из 17 пунктов, назвав его «Проект соглашения о торговле и по другим вопросам между правительством Японской Империи и ДВР», который, по мнению представителей ДВР, выглядел «подобно знаменитым 21 требованию к Китаю 1915 г., если не чем-то более худшим»: складывалось впечатление, как будто страна-победитель ставит условия побежденной стороне⁴³.

Японские требования включали запрет всех видов пропаганды, прямой или косвенной (п. 1), провозглашение сохранения в ДВР некоммунистического строя (п. 2), уничтожение Владивостокской крепости (п. 8), отмену ограничений деятельности иностранцев в горнорудной, сельскохозяйственной и иных отраслях на основании принципа «открытых дверей», согласие на предоставление права японским судам плавать по рекам Амур и Сунгари (п. 11), признание старых договоров, заключенных Россией в прошлом с иностранными державами, признание имущественных прав японских граждан (п. 12) и т. п.⁴⁴.

Япония признала возможность участия на Чанчунской конференции от Советской России ее полномочного представителя в Китае А. А. Иоффе, но не изменила своей позиции, согласно которой договаривающейся стороной должна выступать только Дальневосточная республика. Япония, занимавшая позицию непризнания Рабоче-крестьянского правительства, пыталась ограничиться переговорами с ДВР, а также отказывалась четко опре-

⁴¹ Нихон гайко мондзэ (Документы внешней политики Японии). 1921 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 701–719.

⁴² См. подробнее: *Фудзимото В.* Установление Японо-Советских дипломатических отношений в 1925 году // Новый мир истории России: форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 488–503.

⁴³ *Слепак С.* Нитиро косёно како, гэндзай, мирай (Японо-русские переговоры в прошлом, настоящем и будущем) // Кайдзо. 1925. № 1. С. 233.

⁴⁴ Нихон гайко мондзэ (Документы внешней политики Японии). 1920 г. ... Т. 1, ч. 2. С. 956–957.

делить сроки вывода японских войск и получить одобрение договоренностей со стороны Рабоче-крестьянского правительства.

Из-за разногласий по вопросу о выводе японских войск переговоры на Дайренской конференции зашли в тупик. Армия упорно настаивала на праве самостоятельно принимать решение о выводе войск. В изданной в 1924 г. Генеральным штабом «Истории экспедиции в Сибири. Продолжение» написано: «С точки зрения престижа государства и логики необходимо, чтобы вывод войск был абсолютно добровольным и совершенно не имел характера действий, совершаемых на основании какого-то соглашения или имеющего ограничения, сковывающие его осуществление»⁴⁵.

После кабинета Такахаси Корэкиё, который сменил кабинет Хара, 12 июня 1922 г. был сформирован кабинет адмирала Като Томосабуро. Премьер-министр Като на состоявшемся 23 июня заседании принял следующее решение: 1) до конца июня 1922 г. вывести войска из Приморской области; 2) в соответствии с тем, что на Дайренской конференции ДВР согласилась со всеми статьями Основного договора, кроме ст. 5 (в торговле и обрабатывающей промышленности предоставление одинаковых прав с гражданами своей страны) и ст. 10 (о предоставлении японцам одинаковых с местным населением прав в горнорудной, лесной промышленности и сельском хозяйстве, а также предоставлении им прав брать в аренду земельные участки на срок, не превышающий 36 лет), решать вопросы по этим двум проблемам (согласие на дополнительные переговоры по рыболовным вопросам и Николаевскому инциденту⁴⁶); 3) признать право участия в переговорах для Советской России⁴⁷. На следующий день это решение было подтверждено Комитетом по внешней политике.

25 октября 1922 г. японские войска были выведены из Владивостока. 19 ноября произошло объединение ДВР и РСФСР. 30 декабря образовался СССР.

Для выхода из тупика в советско-японских отношениях, возникшего из-за негативной позиции МИДа, активные действия предпринял мэр Токио и одновременно председатель Русско-японского общества Гото Синпей. Гото пригласил находившегося в Китае А. А. Иоффе в Японию под видом поездки на лечение.

⁴⁵ Санбохонбу. Сибэрия сюппэйси (Фуккоку бан)... Т. 3. С. 1355.

⁴⁶ Речь шла об уничтожении японского гарнизона и японцев из числа гражданского населения города войсками партизанского отряда Я. И. Тряпицына в мае 1920 г.

⁴⁷ Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1922 г. / под ред. МИД Японии. Токио, 1976. Т. 1. С. 541–542.

26 февраля 1923 г. Гото писал премьеру Като о своем желании пригласить Иоффе. Он считал, что если Япония будет и далее продолжать замораживать отношения с советской Россией, то Россия объединит усилия с Китаем. Расхождение Японии с Россией всегда играет на руку Китаю, чем пользуются американцы в Китае, а это идет против интересов империи. Несмотря на такую ситуацию, японская бюрократия создает препятствия дипломатам и не имеет реального желания вести переговоры с Советским Союзом.

Гото провел частные переговоры с А. А. Иоффе, который назвал следующие пункты условий для начала официальных межгосударственных переговоров: 1) равноправное положение двух стран; 2) не только подписание торгового договора, но и юридическое признание России; 3) точные сроки вывода войск с Северного Сахалина. Со своей стороны японский МИД, отвечая на вопросы Гото, назвал по меньшей мере два обязательных условия, такие как разрешение вопроса о Николаевском инциденте и выполнение международных обязательств.

Окончательный частный проект договора Гото, доведенный до сведения премьера Като, имел следующее содержание: 1) продажа Сахалина Японии или предоставление концессий совместной японо-советской компании; 2) отложить на будущее решение проблемы выполнения международных обязательств (отказ Советского правительства от оплаты военных займов, полученных старым правительством); 3) Россия признает свою ответственность морально и материально за Николаевский инцидент; однако в случае, если японская армия в Сибири совершала аналогичные действия, предусматривалась возможность их признания и проведения взаимозачета сумм, положенных в качестве компенсации; 4) добровольный вывод войск с Северного Сахалина; 5) процесс признания Советского правительства начать с одновременным обсуждением договора, а закончить с ратификацией договора.

После этой предварительной частной встречи с 28 июня в Токио проходили переговоры на правительственном уровне, ставшие продолжением дипломатических отношений, установленных в Польше послом Каваками Тосицунэ. Они были прерваны из-за случившегося 1 сентября 1923 г. мощного землетрясения в Токио. 15 мая 1924 г. в Пекине состоялись переговоры между Ёсидзава Кэнкити и Л. М. Караханом, в результате чего 20 января 1925 г. был подписан японо-советский договор об основных принципах взаимоотношений.

В феврале 1924 г. Советский Союз признали Англия и Италия. Влиятельная группировка в МИДе, отстаивавшая необходимость международного сотрудничества в вопросе о переговорах с Советским Союзом, потеряла важный аргумент. Однако необходимость разрешения таких проблем в двусторонних отношениях, как Николаевский инцидент и вывод войск с Северного Сахалина, существенно затягивали переговоры. В этом договоре Советский Союз признал сохраняющим силу Портсмутский договор, необходимость пересмотра рыболовной конвенции, предоставление нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине. Япония принимала обязательства до 15 мая 1925 г. вывести войска с Северного Сахалина.

Для Японии не только было обеспечено получение нефтяных концессий на Северном Сахалине и права на рыболовство в северной части Тихого океана, но и закончилась очень непопулярная «Сибирская экспедиция». Социалист Ямакава Хитоси, продолжавший все это время призывать к признанию Рабоче-крестьянского государства, в третьем номере журнале «Кайдзо» за 1925 г. писал, что действия, некогда называвшиеся преступными, сейчас всеми приветствуются. Далее, отвечая тем критикам, которые заявляли, что Япония пошла на уступки, он продолжал: «Если считать, что Япония пошла на уступки, то она пошла на уступки не России, а реальной действительности. Для буржуазных политиков Японии необходимо всем хорошо изучить этот урок прошлых трех с половиной лет»⁴⁸.

⁴⁸ Ямакава Х. Нитиро кётэйно сэйрицу (Установление японо-российского договора) // Кайдзо. 1925. № 3. С. 299–305.

Д. Г. Симонов

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В КРАСНОЙ АРМИИ В 1920-Е ГОДЫ

Статья посвящена изучению социальной мобильности в Красной армии в 1920-е годы. Сделан вывод о том, что после окончания гражданской войны РККА продолжала оставаться важным социальным лифтом, хотя его пропускная способность с переходом на мирное положение уменьшилась в связи с почти десятикратным сокращением численности вооруженных сил. За время срочной службы красноармейцы и младшие командиры получили возможность максимально адаптироваться к советской политической системе, а после демобилизации из вооруженных сил повысить свой социальный статус. Для всех категорий командного состава главным условием карьерного роста в первую очередь являлось наличие и уровень военного образования, полученного в военно-учебных заведениях Красной армии, и во вторую очередь — общий служебный стаж. Рабоче-крестьянское происхождение и принадлежность к ВКП(б) являлись важными, но не решающими факторами, определявшими карьеру командира.

Ключевые слова: Красная армия, социальная мобильность, командный состав, военно-учебные заведения.

Проблема социальной мобильности является важной при изучении любого общества. Согласно П.А. Сорокину, вертикальная мобильность присутствует в той или иной степени в любом обществе, а функции социальной циркуляции выполняют различные социальные институты. Среди этих институтов на первое место Сорокин ставит армию¹. Действительно армия является важнейшим институтом социальной мобильности, но, прежде всего, в государствах с авторитарными политическими режимами. В условиях авторитаризма армия наряду с другими силовыми структурами является основополагающим фактором стабильности власти, выступая в качестве ее целенаправленно создаваемой социальной опоры.

В этом отношении социальная мобильность в армии представляет особый интерес применительно к советскому периоду отечественной истории. Однако в таком ракурсе история Рабоче-

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 392–394.

крестьянской Красной армии (РККА), а затем и Советской армии еще не подвергалась специальному изучению. До недавнего времени историки концентрировали свое внимание на исследовании общего состояния и боевой деятельности вооруженных сил в период войн и военных конфликтов. Красная армия как социальный организм, функционировавший в мирное время, в том числе в 1920-е годы, стала объектом внимания исследователей лишь в последние годы. В публикациях В.Г. Клевцова, В.В. Жаркова, Р.И. Абинякина, А.А. Смирнова² рассмотрен ряд вопросов, связанных с эволюцией командного состава РККА в 1920-е годы. Вышли в свет сборники документов, в которых содержится обширный эмпирический материал о социальных процессах в Красной армии в названный период³. Цель данной статьи — рассмотреть вопрос о социальной мобильности в Красной армии в 1920-е годы.

* * *

С завершением широкомасштабной гражданской войны в России с конца 1920 г. начался постепенный перевод Красной армии на мирное положение. Этот процесс сопровождался оптимизацией системы управления вооруженными силами, ее организационной структуры и сокращением общей численности военнослужащих. В условиях нэпа государство вынуждено было существенно сократить военные расходы по сравнению с периодом гражданской войны. Численность армии и ее внутренняя структура определялись не столько фактическими потребностями, сколько реальными финансовыми возможностями государства.

Возглавлял РККА народный комиссар по военным и морским делам, одновременно являвшийся председателем Революционного военного совета Республики (РВСР) — высшего коллегиального

² Клевцов В.Г. Социальные и организационные проблемы военных реформ 20–30-х годов // Армия и общество 1900–1941 гг.: статьи, документы. М., 1999. С. 138–184; Жарков В.В. Реформирование Красной армии в 1920-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2 (59). С. 192–202; Абинякин Р.И. Особый учет бывших белых офицеров в Советской России в 1920-е годы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. Вып. 1–1. С. 66–74; Смирнов А.А. Принудительное комплектование Красной Армии командным и начальствующим составом в 1920-е — 1930-е гг. // Пространство и Время. 2014. № 4 (18). С. 144–149.

³ Реформа в Красной Армии: документы и материалы. 1923–1928 гг. М.; СПб., 2006. Кн. 1–2. 720+525 с.; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. 271 с.

органа управления вооруженными силами. Ему непосредственно подчинялись Всероссийский главный штаб и Полевой штаб РВСР, в феврале 1921 г. объединенные в Штаб РККА. По завершении данной реорганизации в течение 1922 г. произошло 60-процентное сокращение центрального военного аппарата — с 12,6 до 5,2 тыс. человек.

В ходе дальнейшей реорганизации в 1924 г. Штаб РККА был разделен на три самостоятельные штабные структуры — Штаб, Главное управление и Инспекторат. Новый Штаб РККА должен был решать общие задачи, связанные с обороной государства, включая разработку мобилизационных и оперативных планов. Главное управление РККА осуществляло общее административное руководство армией, обслуживание ее непосредственных повседневных нужд. Инспекторат РККА руководил боевой подготовкой и занимался инспектированием вооруженных сил. В 1926 г. Инспекторат был упразднен, а его функции распределены между Штабом и Главным управлением РККА⁴. В центральный аппарат также входили подчинявшиеся РВСР Политическое управление и Управление снабжения РККА, а также управления Военно-воздушных сил, Военно-морских сил, Военно-санитарное и Военно-ветеринарное⁵.

В военно-административном отношении к началу 1923 г. территория СССР делилась на два фронта — Западный и Туркестанский, шесть военных округов — Западно-Сибирский, Ленинградский, Московский, Приволжский, Северо-Кавказский и Украинский, а также две отдельные армии — Кавказскую и 5-ю Краснознаменную. В течение 1923 г. в военно-административном делении произошли изменения: Западный фронт был переименован в округ, а территория 5-й Краснознаменной армии присоединена к Западно-Сибирскому военному округу, переименованному в связи с этим в Сибирский военный округ. С переименованием в 1925 г. Туркестанского фронта в Средне-Азиатский военный округ военно-административная система СССР стала включать восемь военных округов и одну отдельную армию. При этом штатный состав окружных штабов и управлений сократился с 5,2 тыс. человек в начале 1923 г. до 3,5 тыс. человек в октябре 1924 г., т. е. на 35,5%. Местный военно-административный аппарат состоял из губернских и уездных военных комиссариатов, являвшихся военными отделами соответственно губернских и уезд-

⁴ Реформа в Красной Армии: документы и материалы... Кн. 1. С. 321–322.

⁵ X лет Красной армии. Альбом диаграмм. М., 1928. С. 16.

ных исполнительных комитетов. Его общая численность на октябрь 1924 г. достигала 11,6 тыс. человек⁶.

Перевод армии на мирное положение выразился в планомерном сокращении ее численности и, как следствие — в уменьшении ее масштабов как социального лифта. С декабря 1920 г. по сентябрь 1921 г. из армии были уволены все старшие возрастные категории военнообязанных — красноармейцы 1884–1898 гг. рождения. На службе были оставлены три младшие возрастные категории — 1899–1901 гг. рождения⁷. Массовые призывы и мобилизации населения в армию временно прекратились. Было уволено в запас около 11 тыс. человек командного состава, преимущественно не имевших военного образования, а также около шести тысяч бывших белых офицеров, состоявших на отдельном учете. Численный состав вооруженных сил на октябрь 1921 г. был утвержден в 1595 тыс. человек. Во второй половине 1922 г. проводилось следующее, поэтапное, в рамках каждого календарного месяца, сокращение вооруженных сил. На январь 1923 г. штатная численность РККА составила 610 тыс. человек, включая 25 тыс. в Военно-морских силах. Одновременно сокращалась общая численность войсковых соединений, а организационная структура войсковых частей приводилась в соответствие со штатами мирного времени. Строевые войска были сведены в 49 стрелковых, 10 кавалерийских дивизий и девять кавалерийских бригад⁸.

Кардинально изменилась структура стрелковой дивизии. В период гражданской войны стрелковая дивизия имела в своем составе три бригады, каждая из которых объединяла три стрелковых полка и один артиллерийский дивизион. При переходе армии на мирное положение в 1922 г. бригадное звено в дивизии было упразднено, а численность воинских частей в ней сокращена. Отныне каждая стрелковая дивизия включала четыре полка — три стрелковых и один артиллерийский. Соответственно общее количество командных должностей в дивизиях сократилось в три раза. Одновременно с ликвидацией бригадного звена в РККА вводилось корпусное звено, а дивизии были сведены в 19 стрелковых и четыре кавалерийских корпуса.

С осени 1924 г., когда был осуществлен призыв в армию лиц 1902 г. рождения, началась естественная в условиях мирного времени планомерная ротация рядового состава вооруженных сил —

⁶ Реформа в Красной Армии... Кн. 1. С. 329–331.

⁷ IX Всероссийский съезд советов: стеногр. отчет. 1921. № 5. 27 декабря. С. 22.

⁸ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 14, 17, 24, 26.

ежегодное замещение старшей возрастной категории военнослужащих младшей. Одновременно проводилась оптимизация вооруженных сил согласно соотношению численности родов войск и категорий военнослужащих. В результате военной реформы 1924–1926 гг. численность личного состава РККА стабилизировалась в пределах бюджетной нормы, установленной государством в 610 тыс. человек. На 1 января 1927 г., штатная численность Красной армии в целом составляла 607125 человек, в том числе 547403 — в сухопутных и воздушных силах и 32722 человек — в морских силах. По категориям военнослужащих эта численность распределялась следующим образом: средний, старший и высший начальствующий состав — 83656 человек (13,8%), младший начальствующий состав — 107660 (17,7%), рядовой состав — 396878 человек (65,4%), вольнонаемные — 18931 человек (3,1%). Фактическая численность армии не достигала бюджетной нормы и составляла на протяжении 1924–1927 гг. 562 тыс. человек. По социальному признаку РККА в целом на 71,3%, а ее рядовой состав на 80,9% состояли из крестьян⁹. В этом отношении Красная армия, по названию являвшаяся рабоче-крестьянской, фактически по своему социальному составу была крестьянской.

Согласно Закону об обязательной военной службе, принятому в 1925 г., в СССР устанавливалась всеобщая обязательная военная служба трудящихся мужского пола в возрасте от 19 до 40 лет включительно. Она складывалась из допризывной подготовки, действительной военной службы и состояния в запасе. К допризывной подготовке привлекались все трудящиеся мужского пола, достигшие 19 лет. По достижении 21 года они призывались на действительную военную службу, продолжавшуюся пять лет. Действительную военную службу проходили в кадровом составе РККА, в переменном составе территориальных частей РККА или вневойсковым порядком.

Служба в кадровом составе включала в себя непрерывную службу в частях Красной армии в течение от двух до четырех лет (в зависимости от рода оружия и специальности) и пребывание в долгосрочном отпуске продолжительностью от одного года до трех лет с привлечением к военным сборам на срок не выше одного месяца, а для младшего начальствующего состава — на срок не выше двух месяцев за все время пребывания в долгосрочном отпуске. Служба в переменном составе территориальных

⁹ Реформа в Красной Армии. Документы и материалы... С. 49–50; X лет Красной армии... С. 6

частей складывалась из учебных сборов, общей продолжительностью 8–12 месяцев (в зависимости от рода войск) за все время нахождения на действительной службе и из пребывания в отпуске в периоды между сборами. Обучение вневоинским порядком проводилось в ходе периодических учебных сборов общей продолжительностью не более шести месяцев за все время нахождения на действительной службе, и из пребывания в отпуске в периоды между сборами. По окончании действительной военной службы все военнослужащие увольнялись в запас, в котором числились до 40-летнего возраста включительно¹⁰.

Сроки службы в армии зависели не только от принадлежности красноармейца к тому или иному роду войск. Часть призывников направлялась в войсковые школы, готовившие для армии младших командиров. Выпускники этих школ, соответствовавшие по своему статусу учебным командам старой Русской армии, становились командирами отделений и в ходе службы могли продвигаться до должностей заместителя командира взвода и старшины роты. Младшие командиры служили в армии на один год дольше по сравнению с основной массой красноармейцев.

Однако не все мужчины призывного возраста имели возможность воспользоваться социальным лифтом, каковым являлась армия. Значительная их часть освобождалась от службы по состоянию здоровья. Из общего числа призываемых в 1920-е годы годные к военной службе составляли в среднем около 65%. При этом результаты медицинского освидетельствования призывов 1925, 1926 и 1927 гг. выявили тенденцию сокращения категории «безусловно годных» (с 52,0 до 42,9%) и увеличения категории «безусловно негодных» (с 14,0 до 16,4%) призывников¹¹.

Учитывая относительно небольшую потребность государства в пополнении вооруженных сил, значительная часть призывников, годных по состоянию здоровья к военной службе, не попадала в кадровые войска на основании льгот по семейно-имущественному положению. Сущность этих льгот сводилась к определению очередности назначения в кадровый и переменный состав при призыве в зависимости от семейного положения. При наличии большой семьи, состоявшей на иждивении призываемого, последний получал льготу, дававшую ему право назначения в кадровый состав только в случае использования для этой цели всех, не имевших льгот. При этом количество лиц, имевших пра-

¹⁰ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. № 217 (2550). 23 сентября.

¹¹ Реформа в Красной Армии... Кн. 2. С. 270–271.

во на льготу, в течение 1920-х годов увеличилось с 20,8 % в 1924 г. до 34 % в 1927 году¹².

Законодательство РСФСР и СССР предполагало освобождение призывников от действительной военной службы по религиозному признаку. Согласно Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР 1923 г. освобождение от военной службы по религиозным убеждениям должно было осуществляться в судебном порядке с определением — какая именно работа может быть назначена взамен прохождения военной службы. Закон 1925 г. «Об обязательной военной службе» исключил прежнюю норму о полном освобождении таких верующих от военной службы¹³. Для данной категории граждан в мирное время предполагалось прохождение военной службы в тыловом ополчении. В соответствии с законом, если в мирное время пацифисты не привлекались на работы, то они облагались местными исполнительными комитетами Советов особым налогом. В результате для добившихся освобождения от военной службы уплата специального военного налога выступала до конца 1920-х годов в качестве эрзаца альтернативной гражданской службы¹⁴.

Подобная же система прохождения военной службы в тыловом ополчении распространялась и на лиц, лишенных избирательных прав. В условиях массовой безработицы с 1925 по 1930 г. тыловое ополчение существовало как мобилизационный резерв. В это время лица, лишенные избирательных прав по Конституции и в судебном порядке, состоявшие на воинском учете как тылоополченцы, на службу не призывались, а находились в запасе. Взамен службы они уплачивали специальный военный налог¹⁵.

Призывной контингент СССР в 1926 г. составлял 1,2 млн человек. Из них 260 тыс. человек были направлены для прохождения службы в кадровые и 200 тыс. — в территориальные части, 400 тыс. человек были признаны негодными к службе по состоянию здоровья и 340 тыс. составили «излишек», к которому, видимо, и относились льготники, лишенцы и «религиозники». В СССР

¹² Реформа в Красной Армии... Кн. 2. С. 272.

¹³ Пономарев С. Становление альтернативной гражданской службы в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 2 (70). С. 44.

¹⁴ Савин А.И. Альтернативная гражданская служба в советской России в 1920–1930-е годы: нормативно-правовое поле и практическая организация // Институты гражданского общества в Сибири (XX — начало XXI в.) / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 71–93.

¹⁵ Миненков Д.В. Формирование и развитие частей тылового ополчения в СССР: 1930–1937 гг.: дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2006.

доля военнослужащих в составе населения являлась самой низкой Европе: 3,8 человека на каждую тысячу жителей. Для сравнения этот показатель в Польше составлял 10,4, а во Франции — 17,0 человек¹⁶.

Жесткие бюджетные ограничения в финансировании армии вынуждали государство отказываться от привлечения к несению военной службы всего мужского населения, достигшего призывного возраста. Широкие льготы по семейному положению, а также отказ от призыва в войска «религиозников» и «лишенцев» являлись своего рода фильтром, сокращавшим призывной контингент до той численности, которая была необходима для пополнения вооруженных сил. В условиях нэпа произошло падение роли РККА в качестве социального лифта по сравнению с периодом гражданской войны.

Призывной контингент Красной армии характеризовался крайне низким уровнем образования. Например, призыв 1902 г. рождения, осуществленный в 1924 г., несмотря на специальный отбор, оказался на 20,0% неграмотным и 25,0% малограмотным. В последующие годы уровень грамотности призывников оставался довольно низким, хотя и наблюдалась тенденция к его повышению. Так, в призыве граждан 1903 года рождения (1925 г.) число неграмотных призывников составляло 12,4%, 1904 г. рождения (1926 г.) — 8,4%, 1905 г. рождения (1927 г.) — 10,4%, в призыве 1906 г. рождения (1928 г.) — 7,7%.

В этих условиях в Красной армии не только осуществлялось военное обучение красноармейцев, но и проводилась работа по повышению их образовательного уровня, воспитанию бойца как гражданина. Как неграмотные, так и грамотные военнослужащие обучались пять раз в неделю по комплексной программе политзанятий. В войсковых частях были введены в штат учителя, создана сеть «ленинских уголков», в которых бойцы могли заниматься самообразованием в свободное от службы время. В армии активизировалась клубная, кружковая и библиотечная работа, сыгравшая огромную роль не только в политическом, но и в общекультурном воспитании миллионов военнослужащих. В итоге Красная армия внесла большой вклад в ликвидацию неграмотности в СССР. К 1928 г. в ее рядах ликвидировали неграмотность 555,5 тыс. человек¹⁷.

¹⁶ Х лет Красной армии... С. 8, 18.

¹⁷ Клевцов В.Г. Социальные и организационные проблемы военных реформ 20–30-х годов... С. 138–184; Жарков В.В. Реформирование Красной армии в 1920-е гг. ... С. 195.

Уволенные в запас красноармейцы заметно выделялись среди малообразованных и аполитичных обывателей города и деревенских жителей и, как следствие, занимали руководящие посты на местах. Красная армия являлась важнейшим институтом, готовившим надежные в идеологическом отношении кадры для политической системы СССР. Например, с призывом молодых людей 1902 г. рождения армия получила 4,6 тыс. коммунистов и 20 тыс. комсомольцев. По завершении срока службы этой возрастной категории военнослужащих в 1926 г. было демобилизовано 19 432 коммуниста и 49 739 комсомольцев, т. е. число коммунистов выросло более чем в четыре раза, а комсомольцев — в два с половиной раза. При этом следует учесть, что большинство вступивших в партию прошли через комсомол¹⁸.

14 октября 1927 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об использовании демобилизованных из Красной армии на низовой советской, кооперативной и общественной работе», в котором отмечалось превращение Красной армии в один из важнейших источников подготовки для деревни широкого беспартийного крестьянского актива, вполне советизированного и политически сознательного. В постановлении также подчеркивалось, что каждое увольнение красноармейцев пополняло деревенские партийные и комсомольские организации значительным количеством новых членов, в числе которых имелся уже подготовленный актив. ЦК предложил использовать возвращавшихся в деревню членов ВКП(б) и ВЛКСМ на практической партийной и комсомольской работе, а также в низовых советских и кооперативных органах деревни. Также рекомендовалось выдвигать их на выборные должности в качестве председателей и членов сельсоветов, членов волостных исполнительных комитетов, комитетов взаимопомощи, вовлекать в кооперативные и политико-просветительные организации¹⁹.

С 1927 г. в армии началась целенаправленная работа по подготовке «массовых колхозных кадров». В том же году на специальных курсах прошло обучение около 32 тыс. человек, в 1928 г. — около 68 тыс., а в 1929 г. — около 71 тыс. человек. Таким образом, ко времени перехода к сплошной коллективизации Красная армия подготовила для работы в деревне около 171 тыс. человек, в том числе 32 тыс. советских и 37 тыс. торгово-кооперативных работников, 12,4 тыс. трактористов, 11 тыс. милиционеров и т. д.²⁰

¹⁸ Красная Звезда. 1927. 24 февраля.

¹⁹ Известия ЦК ВКП(б). № 39. 1927. 22 октября.

²⁰ Тархова Н. С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М., 2010. С. 226–227.

Приведенные данные свидетельствуют, что Красная армия помимо выполнения своей основной функции — обеспечения обороноспособности государства — активно участвовала в решении общегосударственных народно-хозяйственных задач. РККА как социальный лифт особое значение имела для рядового и младшего командного состава не столько в период прохождения ими службы, сколько после их демобилизации.

* * *

В вооруженных силах, для всех категорий военнослужащих, важнейшим лифтом социальной мобильности являлась система военно-учебных заведений. Именно она обеспечивала переход красноармейцев и младших командиров (сержантов) в категорию командного состава (офицеров), и одновременно оказывала непосредственное влияние на продвижение офицеров по служебной лестнице — от среднего к старшему и высшему командному составу.

К концу гражданской войны в РККА функционировала разветвленная сеть военно-учебных заведений, обеспечивавшая ускоренную подготовку командных кадров. В результате реорганизации этой сети Красная армия к маю 1921 г. готовила свой командный состав в четырех категориях учебных заведений: школах первой ступени, выпускавших командиров взводов; школах второй ступени (школах усовершенствования); выпускавших командиров рот и батальонов, в высших школах по каждой специальности и в военных академиях. Командные курсы постепенно уступили свое место «нормальным» школам. Уже в 1922 г. сеть таких курсов была сокращена почти вдвое, а в конце 1924 г. совершенно прекратила свое существование. Часть командных курсов была преобразована в войсковые школы²¹.

В результате военной реформы 1924–1926 гг. сложилась стройная система высших и средних военно-учебных заведений, включавшая шесть военных академий (Военная академия им. М. В. Фрунзе, Военно-техническая, Военно-воздушная, Военно-морская, Военно-медицинская и Военно-политическая академии), 48 военных школ сухопутных войск, восемь школ ВВС и три военно-морских училища²².

²¹ Мурахвер Я. Подготовка командных кадров Красной Армии в годы Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 1940. № 6. С. 25–38.

²² Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. 2. С. 255.

Условия приема в военные школы были выработаны таким образом, чтобы обеспечить их укомплектованность рабочими и крестьянами, в подавляющем большинстве малограмотными, но надежными в политическом отношении. С 1922 г. каждый доброволец, изъявивший желание поступить в военно-учебное заведение РККА, мог быть принят на службу местным уездным военным комиссариатом. Будущий курсант должен был уметь читать, писать и знать четыре действия арифметики. Кроме того, в приемную комиссию необходимо было представить рекомендации от партийных или профессиональных органов²³.

По сравнению со старой Русской армией, в которой в мирное время состояло около 40 тыс. офицеров, РККА, несмотря на свою меньшую численность, имела в два раза больше соответствующих им по статусу лиц среднего, старшего и высшего командного состава, и как следствие — предоставляла в два раза больше возможностей для карьерного роста.

Ежегодно отмечался большой наплыв желающих поступить в военные школы: на четыре тысячи вакансий приходилось 16 тыс. кандидатов, а учитывая тех, кто был отсеян в частях и вербовочными комиссиями, — около 25 тыс. кандидатов. Однако укомплектование военных школ всегда вызывало затруднения в связи с жесткой установкой сочетать соответствующий классовый отбор с необходимой общеобразовательной и физической подготовкой. Среди поступающих в военные школы в 1925 г. имели среднее образование 8,7%, в 1926 г. — 26,0%, в 1927 г. — 17,7%. Остальные имели низшее образование. При этом выпускники школ второй ступени часто не блистали уровнем знаний, значительная их доля не выдерживала вступительных испытаний²⁴.

В условиях нэпа выходцы из категории служащих — хотя у них и имелось стремление к поступлению в военные школы — «отсекались» от командирской профессии, а рабочие целенаправленно привлекались в эти школы²⁵. В 1927 г. рабочие составляли около 40,0%, в 1928 г. — 56,0% от общего числа всех принятых в военные школы. Рост удельного веса рабочих, поступавших в военные школы, сдерживался низким уровнем состояния здоровья рабочей молодежи. Так, медицинскими комиссиями в 1927 г. было за-

²³ Справочник партийного работника. М., 1923. Вып. 1. С. 179.

²⁴ Реформа в Красной Армии... Кн. 2. С. 305.

²⁵ Смирнов А.А. Принудительное комплектование Красной Армии командным и начальствующим составом в 1920-е — 1930-е гг. // Пространство и Время. 2014. № 4 (18). С. 144–149.

браковано 42,0% от общего числа рабочих, прибывших для поступления в военные школы²⁶.

В целом, однако, именно рабочие, в отличие от других социальных групп, не желали, как правило, становиться кадровыми командирами. «Подбор поступающих по классовому признаку, — отмечалось в составленном в Главном управлении РККА обзоре состояния РККА в 1927–1928 гг., — затрудняется слабой тягой в военные школы рабочей молодежи из числа индустриальных рабочих и партийцев. <...> Основные причины: слабая материальная обеспеченность комсостава по сравнению с нормами зарплаты на производствах, отсутствие быстрого продвижения по службе и неограниченное служебное время при строгом служебном и неслужебном режиме». Рабочие действительно не хотели менять профессию и становиться военными, однако ссылаясь на «отсутствие быстрого продвижения по службе» в армии, тем не менее, была не обоснованной. Согласно процитированному выше документу, из командиров, выпущенных из военных школ в 1923 г., в 1927 г. около 50,0% уже командовали ротами (т. е. на должностях командира взвода и помощника командира роты находились не более чем по два года), 20,0% были помощниками командира батальона, а около 5,0% командовали батальонами. В иностранных армиях до назначения на должность командира роты в то время надо было служить 6–12 лет.

Из всех перечисленных в обзоре факторов наибольшее значение имела невысокая зарплата командира РККА²⁷. Трехлетняя учеба командира, протекавшая к тому же в условиях тягот военной службы, обеспечивала ему скромный заработок командира взвода в размере около 100 руб. Подмастерье же в хлопчатобумажной промышленности, на подготовку которого требовалось не более трех лет, получал до 125 руб. в месяц. В дальнейшем с повышением квалификации разница между зарплатой командиров и промышленных рабочих не уменьшалась, а увеличивалась, доходя до 30,0%. Отсюда проистекали трудности комплектования военных школ рабочей молодежью²⁸.

В подготовленном для Политбюро ЦК ВКП(б) отчетном докладе РВС СССР о состоянии и перспективах Вооруженных сил за май 1927 — июнь 1929 г. отмечались трудности в привлечении молодых квалифицированных рабочих в военно-учебные заведения. Глав-

²⁶ Реформа в Красной Армии... Кн. 2. С. 305.

²⁷ Смирнов А.А. Принудительное комплектование Красной Армии...; Реформа в Красной Армии... Кн. 2. С. 305, 307.

²⁸ Реформа в Красной Армии... Кн. 2. С. 315.

ная причина этого явления объяснялась тем, что рабочие не хотели менять свой сравнительно приличный заработок на курсантское жалованье, а затем на меньшую по сравнению с зарплатой квалифицированного рабочего зарплату командира²⁹.

Классовый подход к комплектованию военных школ обеспечивал пополнение командно-начальствующего состава РККА надежными в политическом отношении кадрами. Негативным последствием данного подхода являлся низкий общеобразовательный уровень командиров, не отвечавший требованиям освоения нового вооружения и боевой техники. Военные школы были социальным лифтом для тех категорий населения, которым до революции 1917 г. в силу недостаточного уровня образования был закрыт путь на офицерские должности в армии. В то же время в условиях нэпа военные школы выполняли функции фильтра, ограничивавшего проникновение в средний командный состав РККА лиц, чуждых государству по своему социальному положению.

Система военно-учебных заведений в целом являлась главным лифтом продвижения командно-начальствующего состава по служебной лестнице. Средний командный состав (командиры рот, батальонов и равные им по статусу) для продвижения в военной иерархии должен был пройти обучение на курсах усовершенствования командного состава. Основным условием служебного роста командиров в качестве политработников являлось окончание ими военно-политических курсов, которые комплектовались из лиц среднего командного состава, окончивших военные школы, членов ВКП(б), пробывших в строю два года и аттестованных на повышение в должности. Военные академии обеспечивали перемещение старших командиров в категорию высшего командного состава. Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава были предназначены для лиц, выдвинувшихся в годы гражданской войны, но не имевших соответствующего занимаемым ими должностям уровня военного образования.

Изменения качественных характеристик начсостава РККА происходили в связи с пополнением его выпускниками военных школ и увольнением командиров из рядов армии. Предельная численность в РККА среднего, старшего и высшего начальствующего состава на начало 1927 г. устанавливалась в 85 тыс. человек, в связи с чем осенью 1926 г. состоялось фактическое сокращение 18 868 должностей начсостава (около 18,0% штатной численно-

²⁹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 188, 190.

сти его на 1 апреля 1926 г.) и 3931 штатных мест курсантов в военно-учебных заведениях. Массовое увольнение начсостава не изменило в целом штатной численности РККА, так как одновременно с сокращением среднего, старшего и высшего начсостава происходило увеличение штатных должностей младшего начсостава, рядового состава и вольнонаемных.

При отборе подлежащих к увольнению в запас лиц командно-административного состава главнейшим являлся признак наличия или отсутствия у них военного образования. Увольнение происходило главным образом за счет лиц без военного образования и с недостаточным уровнем военного образования. Те и другие в армии на 1 июня 1926 г. составляли 46,0%, среди уволенных — 77,0%. В то же время среди уволенных имелись и лица с достаточным военным образованием в РККА — около 9,0%, но их исключение из армии осуществлялось по не зависящим от командования причинам, по суду, вследствие болезни и т. п.

По статистическим данным, полученным из шести военных округов, во всех случаях после увольнений происходило увеличение удельного веса членов ВКП(б) среди оставшегося командно-административного состава. Так, на 1 июня 1926 г. командно-административный состав этих военных округов на 44,0% состоял из членов партии, а среди уволенных их было 31,0%. По социальному происхождению при наличии 15,0% выходцев из рабочих среди уволенных их доля достигала 19%, а при наличии 59,0% выходцев из крестьян среди уволенных их было 40,0%. Большинство уволенных приходилась на «прочих», которых в командно-административном составе имелось 26,0%, а среди уволенных — 41,0%. Преимущественное увольнение из армии «прочих» вполне вписывалось в государственную политику формирования классовой армии. Чрезмерно высокий процент увольнения в запас выходцев из рабочих, казалось бы, противоречил этой политике. Но, видимо, бывшие рабочие в командном составе РККА отличались не только низким образовательным уровнем, но и недостаточными адаптивными способностями к службе в качестве кадровых командиров Красной армии.

Государство принимало меры к трудоустройству уволенных в запас. За время кампании по массовому сокращению командиров в различных учреждениях СССР было забронировано 24 975 должностей, которые заняли 17 088 человек демобилизованного начсостава³⁰.

³⁰ Реформа в Красной Армии... Кн. 2. С. 25–26.

Удельный вес командиров, являвшихся членами партии, неизменно рос и к 1 июня 1926 г. достиг 47,4 %. Этот рост обеспечивался прежде всего ежегодными выпусками из военных школ молодых командиров, в подавляющем большинстве являвшимися членами партии. Состоявшееся осенью 1926 г. очередное массовое сокращение численности начсостава и осенний выпуск из военных школ повысил удельный вес командиров-партийцев до 50,0 %. Среди административного состава Красной армии членов ВКП(б) было лишь 20,0 %.

В отношении социального происхождения наблюдалось сокращение категории «прочих» и среди командного, и среди административного состава. Соответственно повышался удельный вес выходцев из рабочих и крестьян, достигший к 1926 г. 73,0 % у командного состава и 60,0 % — у административного. Три четверти лиц командно-административного состава являлись ветеранами Красной армии, вступившими в ее ряды в 1918–1919 гг. Боевой стаж, под которым подразумевались непосредственное участие в боях в составе строевых частей и служба в полевых штабах, имели 63,0 % лиц командного и 35,0 % административного состава³¹.

Командный состав характеризовался весьма интенсивным ростом численности тех, кто имел военное образование в объеме не ниже военной школы. Таковых к 1926 г. насчитывалось около 67,0 %, тогда как в 1924 г. — только 43,0 %. Этот рост происходил главным образом за счет сокращения численности лиц, имевших недостаточный уровень военной подготовки — как правило они окончили краткосрочные командные курсы и дивизионные школы в период гражданской войны. Общая численность комсостава с недостаточным уровнем военного образования уменьшилась вдвое — с 40,0 % в 1924 г. до 21,0 % в 1926 г. Среди административного состава преобладали лица без военного образования (78,0 % к 1926 г.). Данное положение считалось вполне приемлемым, так как к административному составу относились специальности, не требовавшие военной подготовки, например бухгалтеры, счетоводы, делопроизводители хозяйственных и административных органов и т. д.

К началу 1929 г. по сравнению с 1923 г. удельный вес командиров с военным образованием в Красной армии вырос с 34,4 до 83,5 %, а с военным образованием, полученным только в старой армии уменьшился с 52,2 до 8,8 %. Группа командиров без во-

³¹ Реформа в Красной Армии... Кн. 2. С. 24–25.

енного образования сократилась с 13,4 до 8,2 процентов³². Лица, окончившие советские военные академии, составляли 7,3 % старшего и 21,2 % высшего комсостава, а по отношению ко всему комсоставу — 2,4 %. Выпускниками Военно-академических курсов и Курсов усовершенствования высшего начальствующего состава являлись 2,7 %, Курсов усовершенствования командного состава — 7,3 % командиров.

Среди командного состава окончивших военные школы было уже 49,6 %. Выпускники военных школ среди комвзводов составляли 84,5 %, помощников командиров рот — 58,8, командиров рот — 43,3, помощников командиров батальонов — 28,5, командиров батальонов — 10,5, помощников командиров полков — 4,7, командиров полков — 1,8 и должностей высшего комсостава — 0,9 процента³³.

По уровню полученного военного образования командный состав РККА явно прогрессировал, что касается общеобразовательной подготовки, то по всем составляющим наблюдался явный регресс. Среди командиров Красной армии в 1924–1927 гг. удельный вес лиц с высшим образованием сократился с 2,8 до 1,6 %, лиц со средним образованием — с 35,5 до 21,7 %. Одновременно увеличивался удельный вес командиров, имевших низшее образование — с 61,7 до 76,7 %. Формально численность комсостава с низким образованием можно было бы уменьшить до 40,0 %, так как распоряжением Наркомпроса окончившие военные школы приравнивались по общеобразовательному цензу к окончившим школы второй ступени. Но фактически они не соответствовали этому уровню. Результаты приемных экзаменов в военные академии полностью подтверждали данный факт, так как среди поступивших отмечалось значительное число тех, кто имел слабую подготовку именно по общеобразовательным предметам³⁴.

Низкий образовательный уровень курсантов военных школ, прежде всего выходцев из рабочих, ставил под сомнение классовый принцип отбора будущих командиров и настоятельно требовал открыть ворота в армию для выходцев из служащих, интеллигенции, т. е. принадлежавших к категории «прочих». Но государство не пошло на эту меру, предпочитая иметь малообразованные, но «надежные» командные кадры.

Удельный вес группы так называемых бывших офицеров, состоявших на службе в РККА, в 1920-е годы оставался относитель-

³² Вестник Архива Президента Российской Федерации... С. 186, 187.

³³ Реформа в Красной Армии... Кн. 2. С. 307.

³⁴ Там же. С. 312–313.

но высоким, хотя и с явной тенденцией к снижению — с 30,4 % в 1924 г. до 19,6 % в 1927 г. Одновременно увеличивался и удельный вес лиц, не служивших в старой армии, включая офицеров и нижних чинов — с 38,9 до 57,6 %. К началу 1929 г. бывшие офицеры составляли незначительную часть среднего командного состава (5,3 %, из них кадровых офицеров — 1,4 %); представляли около половины всего старшего комсостава (48,2 %, из них кадровых офицеров — 18,1 %) и преобладали в высшем комсоставе (73,7 %, из них кадровых офицеров — 55,2 %). При этом значительная часть бывших офицеров прошла через военно-учебные заведения РККА³⁵.

Для бывших офицеров старой армии служба в РККА являлась оптимальным способом социализации в рамках советской политической системы. Для этой категории командиров Красной армии не существовало ограничений в продвижении по служебной лестнице. Государство в стремлении повысить боеспособность армии весьма бережно относилось к квалифицированным военным кадрам. В этом плане общегосударственная целесообразность превалировала над классовыми принципами.

Такой подход во второй половине 1920-х годов стал преобладающим и в отношении бывших белых офицеров, которых насчитывалось в то время около 50 тыс. человек. Постановлением ЦИК СССР от 2 ноября 1927 г. все бывшие офицеры и военные чиновники Белых армий подлежали снятию с особого учета. Причем подавляющее их большинство — около 68,2 % — к 1927 г. на особом учете уже не состояло. Данная мера касалась прежде всего лиц, находившихся вне вооруженных сил и получивших таким образом статус командиров запаса. Что касается бывших белых офицеров, служивших в Красной армии, то таковых, по неполным данным, было 585 человек, в подавляющем большинстве уже снятых с особого учета³⁶.

Между комсоставом управленческого аппарата и строевых частей Красной армии имелись существенные различия. Штабы, учреждения и управления, прежде всего, отличались значительно более узкой партийной и рабочей прослойками по сравнению со строевым комсоставом. Центральный аппарат РККА был беспартийным на 69,6 %, а войсковые и окружные штабы — на 68,1 %, в то время как среди строевых командиров беспартийных оказалось 35,3 %. Большинство лиц комсостава, находив-

³⁵ Реформа в Красной Армии... Кн. 2. С. 313.

³⁶ *Абиякин Р.И.* Особый учет бывших белых офицеров в Советской России в 1920-е годы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. Вып. 1–1. С. 66–74.

шихся на службе в центральном аппарате, в окружных и корпусных штабах, не имели рабоче-крестьянского происхождения, относились к социальной категории «прочих», соответственно 62,7, 50,9 и 61,8%. В дивизионных и полковых штабах таких было около 43,0%.

Комсостав штабов и управлений отличался от строевого комсостава по военной подготовке. В управленческих структурах проходило службу большое количество лиц с высшим военным образованием, а также бывших офицеров. В то же время в центральном аппарате состояло около 20,0% комсостава без военного образования, в том числе последовательно занимавшие высшие военные должности Л. Д. Троцкий, М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилов, а также возглавлявший политическое управление РККА А. С. Бубнов. Это последнее обстоятельство не считалось недостатком, так как ряд командных должностей в центральном аппарате имел по существу административный характер и требовал скорее большего общего служебного стажа, чем военной подготовки³⁷.

Таким образом, после окончания гражданской войны, в условиях нэпа, Красная армия продолжала оставаться важным социальным лифтом, хотя его масштабы с переходом на мирное положение снизились в связи с почти десятикратным сокращением численности вооруженных сил. За время срочной службы красноармейцы и младшие командиры получили возможность максимально адаптироваться к советской политической системе, а после демобилизации из вооруженных сил повысить свой социальный статус, заняв низовые руководящие должности в государственных, партийных и кооперативных структурах.

Для всех категорий командного состава главным условием карьерного роста в первую очередь являлось наличие и уровень военного образования, полученного в военно-учебных заведениях Красной армии, и во вторую очередь — общий служебный стаж. Рабоче-крестьянское происхождение и принадлежность к ВКП(б) являлись важными, но не решающими факторами, определявшими карьеру командира. Партийно-классовый подход к формированию командных кадров проявлялся прежде всего на уровне отбора курсантов военных школ. Увеличение в комсоставе армии удельного веса членов партии и выходцев из рабочих и крестьян происходило главным образом за счет выпускников военных школ. Повышение должностного статуса командного состава отмечалось прежде всего на уровне его среднего звена — путем за-

³⁷ Реформа в Красной Армии... С. 313–314.

мещения выпускниками военных школ тех, кто не имел достаточного военного образования. Категория старшего и высшего комсостава оставалась достаточно стабильной, так как состояла из лиц, выдвинувшихся в годы гражданской войны и в силу относительно молодого возраста сохранявших свой должностной статус в послевоенный период.

В. И. ИСАЕВ

Институт истории СО РАН

**ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ
МИРОВОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
ШТРИХИ К БИОГРАФИИ
КРАСНОГО КОМАНДИРА В. Р. РОЗЕ**

В статье рассмотрены важные вехи жизненного пути советского комбрига В.Р. Розе, ставшего широко известным под фамилией Скоблевский в 1925 г. после судебного процесса в Лейпциге по делу «германской ЧК». На основе документов российских и немецких архивов и с учетом достижений новейшей зарубежной историографии исследованы причины и обстоятельства его приезда в Германию, ареста и суда, окончившегося смертным приговором, помилования и возвращения в Москву в результате обмена политзаключенными между СССР и Германией, состоявшегося в 1926 г. Сделан вывод о том, что биография В.Р. Розе позволяет рельефно проследить особенности действий Советского государства на международной арене.

Ключевые слова: Розе-Скоблевский, советско-германские отношения, мировая революция, политические заключенные, ОГПУ, политические судебные процессы.

Столетие Октябрьской революции 1917 г. вновь пробудило интерес к организациям и людям, участвовавшим в осуществлении этого коренного поворота в развитии России. Не стоит забывать и о том, что партия Ленина ставила своей целью не только захват власти в России, но и подготовку мировой революции. Значительное число иностранных граждан и представителей других, кроме русского, народов Российской империи в составе партии объясняется ее интернациональной направленностью.

В статье рассмотрена судьба одного из активных борцов за мировую революцию — красного командира Вольдемара Рудольфовича Розе (1897–1939 гг.). Он стал широко известен в середине двадцатых годов, под вымышленным именем, после проведения в 1925 г. в Германии судебного политического процесса против группы коммунистов, получившего название «дело германской ЧК». Этот процесс имел большой резонанс в Европе и серьезно осложнил отношения между Германией и СССР, характеризо-

вавшиеся сотрудничеством после заключения договора в Рап-пало в 1922 г. Целью настоящей статьи является уточнение обстоятельств пребывания В.Р. Розе в Германии и его возвращения в СССР, а также других деталей его биографии.

При обзоре историографии следует отметить, что имя попавшего в 1938 г. под каток сталинских репрессий В.Р. Розе на долгое время оказалось забыто в СССР. В справочниках и энциклопедиях советского времени можно было найти только короткие справки о Розе, как одном из героев гражданской войны, удостоенных такой редкой награды, как Почетное оружие. Но о его роли в октябрьских событиях 1923 г. в Германии умалчивалось. В постсоветское время имя В.Р. Розе довольно скупо стали упоминать некоторые российские историки¹, но в целом его героическая и трагическая судьба пока остается мало известной широкой общественности как в России, так и у него на родине — в Латвии.

В настоящее время в Интернете можно найти несколько коротких справок о В.Р. Розе, но все они изобилуют неточностями (так, в статье из «Википедии» ошибочно утверждается, что он был расстрелян) и не объяснено, как он оказался в Германии и что там делал. А ведь именно потому, что Розе выступал видным фигурантом дела «германской ЧК», его имя оказалось вписано в историю отношений между Советской Россией и Германией. Поэтому не случайно первые публикации о его деятельности в Германии подготовлены немецкими авторами. Одна из немногих статей, посвященных непосредственно В.Р. Розе, принадлежит исследователю октябрьских событий 1923 г. Отто Венцелю, описавшему не только причастность В.Р. Розе к «процессу ЧК», но и другие периоды и аспекты его деятельности в Германии².

Основательно фундированная электронная публикация о В.Р. Розе, появившаяся в 2012 г., принадлежит берлинскому математику Ж. Майеру — сотруднику Гумбольдтского университета, заинтересовавшемуся его судьбой в связи с поисками сведений о своем родственнике, входившем в двадцатые годы в коммунистические круги Германии³. Ж. Майер не только терпеливо собирал немногочисленные упоминания о В.Р. Розе в книгах рос-

¹ См., например: *Сувениров О.* Трагедия РККА. М., 1999. С. 392; *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ. М., 2000. Кн. 2. С. 403.

² *Wenzel O.* Der Kommandeur, der aus Moskau kam // Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat. 2000. № 15. S. 50–57; *Ders.* 1923 — Die gescheiterte Deutsche Oktoberrevolution. Münster, 2003. 420 s.;

³ *Mayer J.* Skoblewsky-Rose. Anmerkungen zur Biographie; Berichtigte und erweiterte Fassung // Humboldt-Universität zu Berlin [Электронный ресурс] URL: <https://edoc.hu-berlin.de/handle/18452/14163> (дата обращения: 27.10.2017).

сийских историков, в энциклопедиях и справочниках, но и изучил внушительное количество архивных дел из Федерального архива и Политического архива МИД Германии. Надо отдать должное немецкому ученому: не будучи историком, он вполне профессионально проделал большую работу и сумел проследить основные вехи биографии В. Р. Розе⁴. Статья Ж. Майера дополнена публикацией ранее неизвестных документов: во-первых, ему удалось добиться получения справки из архива ФСБ, которая является одним из немногих официальных документов, позволяющих уточнить даты жизни и смерти В. Р. Розе; во-вторых, Ж. Майер опубликовал несколько писем В. Р. Розе из тюрьмы своим начальникам в Москве. Можно лишь посетовать на некоторые мелкие ошибки в названной публикации и неоправданное, на наш взгляд, исключение из круга рассматриваемых вопросов процесса «германской ЧК»⁵. Но в целом проделанная немецким ученым работа является серьезным вкладом в возвращение забытого имени В. Р. Розе в летопись советской истории.

Более широкая тема советско-германских отношений в 1920-е годы, при освещении которой иногда, хотя бы кратко, говорится о В. Р. Розе и о событиях, связанных с его именем, неплохо исследована в отечественной и зарубежной историографии⁶. В постсоветской литературе особенно тщательно рассмотрены вопросы тайного военного сотрудничества двух стран, оказавшихся после Версальского мира фактически изгоями среди других стран Европы. Широким использованием документов внешнеполитических ведомств Германии и СССР и глубоким их анализом выделяется монография С. А. Горлова. Но, к сожалению, и он только констатирует, вслед за другими авторами, влияние судебных процессов «германской ЧК» и «немецких студентов-фашистов» на осложнение отношений между этими странами, не уделяя особого внимания ни причинам и обстоятельствам процессов, ни их

⁴ О мотивах и сложностях своей работы по поиску сведений о Розе-Скоблевском Ж. Майер поведал автору настоящей статьи при встрече в Берлине осенью 2012 г., которая состоялась благодаря общему интересу к судьбе Розе. Этот обмен сведениями и мнениями был взаимно полезен; пользуясь случаем, хотел бы выразить свою признательность Ж. Майеру.

⁵ Ж. Майер посчитал, что об этом процессе написано достаточно.

⁶ Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt a. M., 1955. 322 s.; Ахтамзян А. А. Рапалльская политика: советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 гг. М., 1974. 303 с.; Трухнов Г. М. Рапалло в действии: из истории советско-германских отношений (1926–1929 гг.). Минск, 1982. 215 с.; Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg. 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt a. M., 1989. 616 s. (В 2003 г. издан русский перевод этой книги).

фигурантам, хотя, казалось бы, для этого у него были все возможности⁷.

Таким образом, биография Розе-Скоблевского, даже в контексте конфликтной ситуации в советско-германских отношениях, пока остается недостаточно изученной. Большинство авторов ограничиваются упоминанием о некоем Скоблевском в связи с лейпцигским процессом. В качестве печального примера «нерассеянного тумана» вокруг фигуры Скоблевского можно назвать статью П. М. Макаренко. Автор даже не ставит вопрос о том, кем же был Скоблевский, по существу следуя за версией обвинения на процессе «германской ЧК». По нашему мнению, это объясняется тем, что П. М. Макаренко, используя большое количество документов из фонда Коминтерна в РГАСПИ и Архива внешней политики Российской Федерации, при анализе происходивших событий в основном остановился на уровне их пересказа и комментирования⁸. Заметим также, что П. М. Макаренко вряд ли может претендовать на открытие этой темы: первой научной публикацией, показавшей связь между судебными процессами в Лейпциге и Москве, была вышедшая в 1962 г. небольшая статья Л. Цесилия, основанная на только что опубликованных тогда документах МИД Германии⁹.

Итак, к настоящему времени в исторической литературе имеется общее представление о деле «германской ЧК»¹⁰ и о связанном с ним процессе немецких студентов в Москве, явившемся ответным ходом советской стороны¹¹, но при этом личность Скоблевского, как правило, оставалась загадкой для авторов.

Источниками для освещения биографии В. Р. Розе и событий, связанных с его именем, служат документы из российских и гер-

⁷ Горлов С. А. Совершенно секретно: альянс Москва — Берлин. 1920—1933. М., 2001. 349 с.; Более того, упоминание С. А. Горловым дела немецких студентов сопровождается грубой ошибкой: потомок старинного прусского рода фон Дитмар, сыгравший ключевую роль в процессе, называется неким эстонцем, (видимо, на том основании, что он действительно являлся гражданином Эстонии), который проходил по делу вместе с двумя немецкими студентами.

⁸ Макаренко П. М. Советско-германский инцидент 1925 г.: дело «германской ЧК» и процесс над немецкими студентами // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 3 (83). С. 346—353.

⁹ Cecil L. The Kindermann Wolscht Incident: An Impasse in Russo-German Relations 1924—1926 // J. of Central European Affaire. 1962. № 21. P. 188—199.

¹⁰ О деле «германской ЧК» см. также: Rosenbaum K. Community of fate. German-Soviet diplomatic relations 1922—1928. Syracuse, N. Y. 1965. P. 146; Mick C. Sowjetische Propaganda, Fünfjahrplan und deutsche Rußlandpolitik 1928—1932. Probleme der deutsch-sowjetischen Beziehungen in den letzten Jahren der Weimarer Republik. Stuttgart, 1995. S. 16.

¹¹ Исаев В. И. «Они хотели убить Сталина». ОППУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 г. Новосибирск, 2005. 172 с.

манских архивов. Важной частью источниковой базы являются опубликованные документы МИД Германии, собранные в много-томном издании «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik (ADAP). 1918–1945»¹². Немногочисленные документы советской стороны, касающиеся судьбы В. Р. Розе, изданы в сборниках, посвященных внешней политике СССР и правившей партии большевиков¹³. Дополнительные сведения почерпнуты из мемуарной и научной литературы; в частности, Ж. Майер попытался составить хронологию жизненного пути В. Р. Розе.

Прежде всего надо отметить, что личность и судьбу Розе невозможно понять без знания исторического фона, на котором разворачивались главные события его биографии. Одним из внешнеполитических ориентиров большевистской партии в годы революции и гражданской войны, а затем и в двадцатые годы, вплоть до победы позиции И. В. Сталина о построении социализма в одной стране, было осуществление мировой революции и создание всемирной пролетарской республики. По крайней мере, на создание пролетарских соединенных штатов Европы или вхождение новых республик в состав СССР большевики рассчитывали вполне серьезно. Тем более, что усиление рабочих партий и революционные волнения в ряде европейских стран, кратковременное существование в 1919 г. советских республик в Венгрии и Баварии, казалось бы, подтверждали возможность такого поворота в развитии Европы.

Организация Коминтерна в 1919 г. стала практическим шагом в реализации плана совершения мировой революции. Открытая политическая работа коммунистических партий, направленная на взятие власти легальными методами, дополнялась их подпольной деятельностью по свержению существовавших правительств, что противоречило конституционным нормам большинства государств мира. В советской России центром тайной работы по организации мировой пролетарской революции в 1920-е годы выступали Коминтерн и органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ.

ГПУ выполняло в 1920-е годы самые разные функции, в том числе внешней разведки и контрразведки. В политической системе СССР, во внешней политике, в частности в советско-германских отношениях, оно, несомненно, играло очень важную роль¹⁴.

¹² Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik (далее — ADAP). 1918–1945. Ser. A, B. Göttingen, 1956–1995.

¹³ Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. 949 с.; Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». М., 2001. 400 с.; Политбюро ЦК ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. М., 2004. 960 с.

¹⁴ См. подробнее: *Исаев В. И.* ОГПУ и российско-германские отношения в 1920-е гг.

Иностраннный отдел ГПУ под руководством М. А. Трилиссера и под патронажем заместителя Дзержинского И. С. Уншлихта курировал сношения Коминтерна с компартиями Европы и мира, в том числе отправку агентов на подпольную работу. Так что совершенно не случайно Карлу Киндерману, одному из осужденных «немецких студентов-фашистов», во время его конвоирования по коридорам здания ОГПУ на Лубянке бросился в глаза и запомнился крупно написанный лозунг: «Да здравствует ОГПУ — авангард мировой революции»¹⁵.

Спротивление подрывным действиям коммунистических партий со стороны буржуазных правительств было вполне предсказуемой реакцией. За антиконституционную деятельность коммунистов стали привлекать к суду; в начале двадцатых годов в ряде стран Европы прошли судебные процессы о попытках вооруженного захвата власти компартиями. Поэтому повествование о судьбе Розе-Скоблевского следует начать с краткого описания судебного процесса, сделавшего его фигуру предметом внимания всей европейской общественности. Дело «германской ЧК» возникло на фоне грубого вмешательства советской России в развитие внутривнутриполитической ситуации в Германии. В 1923 г., воспользовавшись слабостью Веймарской республики, обусловленной экономической разрухой после Первой мировой войны и рурским политическим кризисом, руководство большевистской партии предприняло беспрецедентные для международной практики действия по свержению германского правительства. Немецкие коммунисты при поддержке Москвы развернули работу по вооруженному взятию власти и запланировали в октябре 1923 г. поднять восстания сразу в нескольких землях Германии.

Руководство РКП(б) и вожди Коминтерна, принимавшие и до этого самое деятельное участие в подготовке пролетарской революции в Германии, развили в тот период лихорадочную активность. Создана была комиссия Политбюро ЦК РКП(б) по организации помощи вооруженному восстанию немецких коммунистов. Готовились партии продовольствия для отправки в Германию с целью поддержки рабочего класса¹⁶.

В руководстве Красной Армии обсуждались планы продвижения в Европу советских войск на тот случай, если придется высту-

// Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск, 2008. Т. 7, вып. 1: История. С. 66–80.

¹⁵ *Kindermann K. Zwei Jahre in Moskaus Toetenhausern. Der Moskauer Studentenprozess und die Arbeitsmethoden der OGPU. Berlin; Leipzig. 1931. S. 50.*

¹⁶ См. подробнее: *Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М., 2000. 304 с.*

пить на помощь восставшему рабочему классу Германии. В частности, решалась задача создания специальных формирований из военнослужащих немецкого происхождения или, в крайнем случае, владеющих немецким языком. Согласно протоколам собраний воинских частей, ряд соединений Красной Армии получили символические названия городов и земель Германии — Гамбург, Берлин, Рур, Верхняя Силезия и т. п.¹⁷.

Весной и летом 1923 г. из СССР на территорию Германии начали переправляться «специалисты» по организации пролетарской революции. В их числе, как сказано в справке из архива ФСБ, «в мае 1923 г. В. Розе выехал на подпольную работу в Германию в качестве руководителя организации вооруженных групп и отрядов германских коммунистов»¹⁸.

Но второго издания «октябрьской революции» в Германии не получилось, КПГ не сумела повторить успеха своих большевистских наставников. После ликвидации угрозы коммунистического переворота и временного запрета КПГ в Германии прошли судебные процессы против коммунистов. В частности, опасность идеологии и практики КПГ были призваны показать заседания Конституционного суда по защите республики, рассмотревшие дело «германской ЧК» и проходившие в Лейпциге с 10 февраля по 22 апреля 1925 г.

Обостренное внимание европейской общественности к процессу было связано с тем, что в качестве обвиняемых в попытке вооруженного захвата власти и в подготовке убийств политических деятелей Германии перед судом предстали не только немецкие коммунисты. Главной сенсацией процесса стало появление в числе обвиняемых гражданина СССР Александра Скоблевского; он называл себя также Петр Горев, кроме того, как выяснилось на суде, он имел еще несколько псевдонимов: Гельмут, Герман, Вольф и другие¹⁹. В ходе процесса было объявлено, что Скоблевский являлся высокопоставленным сотрудником ОГПУ, в немецкой печати его даже называли генералом.

Суд установил, что Скоблевский прибыл в Германию, вероятно, летом 1923 г. и действовал в роли советника при ЦК КПГ по во-

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 17. Л. 9–12.

¹⁸ Справку из архива ФСБ см.: Mayer J. Skoblewsky-Rose. Anmerkungen zur Biographie; Berichtigte und erweiterte Fassung // Humboldt-Universität zu Berlin. URL: <https://edoc.hu-berlin.de/handle/18452/14163> (дата обращения: 27.10.2017).

¹⁹ Подборку документов по делу «германской ЧК» автор статьи изучал в Политическом архиве МИД Германии (РА АА). Фонд посольства Германии в Москве. Bd. 98, Bd. 99 и др.

просам военно-технической подготовки восстания. Наряду с этой ролью Скоблевский взял на себя организацию боевых групп. Им была создана при берлинской организации КПГ ударная группа боевиков под шифром «Т», возглавить которую поручили известному своей безрассудной смелостью Феликсу Нойману. Эту группу позднее и станут называть «германской ЧК», хотя, по мнению ряда исследователей, ее значение явно переоценено и такого названия она не заслуживала.

Буква «Т» в обозначении группы отражала ее суть, потому что главной ее задачей являлся террор против видных деятелей Веймарской республики. Первой крупной операцией боевиков должно было стать убийство генерала фон Секта — командующего вооруженными силами Германии. Кроме того, группой «Т» разрабатывались планы убийства ряда политических деятелей, а также крупных промышленников, игравших заметную роль в восстановлении экономики Веймарской республики. К счастью для назначенных жертв, осуществлению задуманных терактов помешали различные обстоятельства.

После срыва октябрьского восстания 1923 г. Скоблевский не покинул территорию Германии — он продолжал участвовать в работе военного отдела ЦК и курировал группу «Т». В начале 1924 г. Скоблевский, недовольный чрезмерной осторожностью немецких коллег, их нерешительностью в организации терактов, решил принять меры устрашения против своих подопечных. Один из причастных к группе «Т» людей по фамилии Рауш, заподозренный в связях с полицией, был казнен по приказу Скоблевского. Это убийство показало германской полиции, что в Берлине продолжает действовать опасная группа «левых» террористов. В ходе разгрома ячеек компартии Германии полицией были обнаружены списки и документы группы «Т». Бежавший после совершения убийства Рауша на Юг Германии Ф. Нойман попал в руки полиции и на допросах выложил все о деятельности группы.

Весной 1924 г. были арестованы все участники группы, а ее организатор был схвачен полицией 24 марта 1924 года²⁰. Принадлежность его к коммунистическому подполью отрицать было бесполезно, также довольно быстро выяснилось, что он — гражданин СССР и имеет пропуск в советское посольство на имя Петра Александровича Горева. Тогда в первый раз в протоколах политической полиции Пруссии было зафиксировано, что арестован-

²⁰ PA AA. Bd. 99. Bl. 32.

ный называет себя Александром Скоблевским и проживает в советском посольстве в Берлине.

Настоящее имя арестованного так и осталось тайной для немецкой полиции и судебных органов. Теперь же известно, что это был красный командир Вольдемар Рудольфович Розе. Его жизненный путь начался 11 марта 1897 г. в Риге. Национальная принадлежность определяется по-разному, иногда его относят к прибалтийским немцам, этим объясняется и прекрасное знание немецкого языка. В то же время в справке ФСБ о Розе его национальность определяется как латыш, что, впрочем, не исключает окончательно и первой версии.

Розе окончил начальную школу и техническое училище в Риге. До начала Первой мировой войны он успел поработать на одном из рижских заводов механиком. Видимо, он был не лишен способностей, так как параллельно сумел экстерном сдать экзамены за четыре класса реального училища. В 1915 г. В.Р. Розе был призван в армию, в боях под Ригой и на других направлениях воевал в составе корпуса латышских стрелков, созданного в царской армии, за храбрость был награжден двумя Георгиевскими крестами. Также был представлен к званию прапорщика, в условиях разброда и шатаний в армии быстро продвинулся вначале до командира взвода, роты, а потом в январе 1918 г. был избран командиром батальона латышских стрелков.

Возможно, работа большевистских агитаторов в рядах царской армии повлияла на политические позиции В.Р. Розе: в 1917 г. он участвовал в формировании отрядов Красной гвардии, а в 1918 г. вступил в РКП(б). Вероятно, что и работа до войны на рижском заводе также способствовала его революционным убеждениям. Согласно заявлениям В.Р. Розе на допросах по делу «германской ЧК», он с юности проникся идеей пролетарской революции²¹.

В рядах Красной армии Розе продолжил успешную военную карьеру, в 1919 г. являлся командиром 153-го стрелкового полка, затем командовал бригадой. В боях под Вильно (Вильнюсом) в апреле 1919 г. он смело вел своих подчиненных в бой, был награжден орденом Красного Знамени. Можно только удивляться такому быстрому восхождению В.Р. Розе по карьерной лестнице, ведь весной 1919 г. ему исполнилось всего лишь 22 года. В конце гражданской войны он уже командовал дивизией, по прежним армейским меркам это соответствовало генеральскому уровню.

²¹ РА АА. Bd. 99. Bl. 74.

Розе принимал участие во многих знаковых событиях гражданской войны. В качестве начальника штурмовой колонны войск Южной группы 7-й армии он проявил себя при подавлении Кронштадтского восстания в марте 1921 г., за что был награжден от имени РВС РСФСР Почетным революционным оружием²².

Розе, вероятно, был близко знаком со многими видными деятелями большевистской партии и советского государства. В письмах из тюремного заключения в Германии среди тех, к кому он обращается или просит передать дружеские приветствия, можно с большой долей уверенности, (в целях конспирации в письмах названы только первые буквы фамилий), предполагать М. Н. Тухачевского, И. С. Уншлихта, Ф. Э. Дзержинского.

Из «вышестоящих товарищей» наиболее тесно работал с В. Р. Розе Иосиф Уншлихт, который являлся связующим звеном между ВЧК–ГПУ, где он с весны 1921 г. до августа 1923 г. являлся заместителем Ф. Э. Дзержинского, в том числе курировал вопросы внешней разведки, и руководством Красной Армии, в которой после работы в ГПУ он тоже занимал высокие посты, вплоть до заместителя наркома по военным и морским делам. Об этом свидетельствует обращение к И. С. Уншлихту в письме В. Розе, написанном в тюрьме в Лейпциге 15 декабря 1924 г.: «Я обращаюсь к Вам как к товарищу, другу, и, я хотел бы сказать, как к отцу. У меня нет на всем свете никого, кроме Вас, кто меня бы так понимал. Вы единственный человек, кому я безгранично доверяю, чей авторитет я безусловно признаю»²³.

Среди армейских начальников хорошо знал В. Р. Розе будущий маршал М. Н. Тухачевский, командовавший 7-й армией при подавлении Кронштадтского мятежа. Под командованием М. Н. Тухачевского в 1921 г. войска Красной армии жестоко подавили крестьянское восстание в Тамбовской губернии, В. Р. Розе командовал в этих боях 2-м боеучастком по борьбе с бандитизмом. М. Н. Тухачевский и И. С. Уншлихт также приезжали в Германию в канун событий «немецкого Октября» в составе большой делегации Коминтерна под руководством К. Радека и, скорее всего, встречались с Розе.

Осенью 1921 г. В. Р. Розе был назначен командиром 2-й Туркестанской стрелковой дивизии и принимал участие в разгроме басмаческого движения. Как талантливый военачальник, он был

²² Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926. С. 208.

²³ Письмо В. Р. Розе от 15.12.1924 г. — См.: Mayer J. Skoblewsky-Rose. Anmerkungen zur Biographie...

включен в состав перспективных кадров Красной армии, из которых руководство намеревалось формировать военную элиту. В 1920 г. В.Р. Розе учился на курсах усовершенствования высшего командного состава, а в 1922 г. стал слушателем Военной академии РККА. Возможно, для зачисления Розе в Военную академию оказались важны рекомендации М.Н. Тухачевского, возглавлявшего ее с июля 1921 г. по январь 1922 г.

Вполне вероятно, что в Академии его взяли на заметку сотрудники еще только набиравшего силы Разведывательного управления Генерального штаба РККА. Действительно, молодой, неплохо по тем временам образованный человек, европейской внешности, к тому же знающий немецкий язык, мог стать ценным агентом для работы в странах Западной Европы.

В 1923 г. командованию Красной Армии была поставлена задача обеспечения военными кадрами дела помощи пролетарской революции в Германии. По утверждению некоторых авторов, в Германию наряду с В.Р. Розе были переправлены многие слушатели Военной академии РККА. Но В.Р. Розе была отведена особая миссия — он должен был войти в состав руководства военной организацией восстания.

Скорее всего, для освоения методов и приемов подпольной работы Розе прошел серьезную подготовку, в которой могли быть задействованы как сотрудники Разведывательного управления, так и Иностранного отдела ГПУ, выполнявшего роль куратора зарубежной сети агентов Коминтерна. Остается неясным, стал ли В.Р. Розе штатным сотрудником ГПУ или Разведуправления штаба РККА, хотя большинство авторов приписывают его к тому или другому ведомству²⁴. Вполне возможно, что он выступал только в роли военного специалиста, но в силу обстоятельств оказался тесно связан и с ГПУ, и с Разведупром. В пользу такой версии может свидетельствовать то обстоятельство, что после возвращения из Германии В.Р. Розе продолжил военную службу в качестве комдива. Правда, его известность после дела «германской ЧК» теперь уже могла стать препятствием для работы в разведке.

Оказавшись в немецкой тюрьме, В.Р. Розе держался мужественно. На допросах он не скрывал, что является коммунистом, пламенно обличал капитализм и буржуазную Веймарскую республику, предрекал скорую победу мировой революции,

²⁴ Не избежал этого, к сожалению, и автор настоящей статьи. — См.: *Исаев В.И.* «Они хотели убить Сталина»... С. 15.

но при этом отказывался давать какие-либо конкретные показания о своей личности и о том, чем занимался в Германии²⁵.

А между тем товарищи в Москве лихорадочно искали возможности для освобождения В.Р. Розе и его возвращения на Родину. Достаточно быстро удалось установить с ним связь через адвокатов, симпатизировавших коммунистам. Но организовать побег, как намеревались сначала сотрудники ГПУ, оказалось практически невозможно, его охраняли с повышенной бдительностью. Как писал В.Р. Розе в одном из своих писем из тюрьмы, на прогулки его выводили только закованным в кандалы.

В январе 1925 г., накануне процесса «германской ЧК», Политбюро ЦК РКП(б) образовало комиссию под руководством О.А. Пятницкого и Г.Г. Ягоды, куда включили и И.С. Уншлихта, которая должна была следить за подготовкой и ходом процесса, и по возможности разработать план освобождения Скоблевского²⁶. Перед комиссией была поставлена также задача — определять и контролировать содержание показаний Скоблевского в суде. Вероятно, у Политбюро были опасения, что он в своих высказываниях мог ненароком затронуть какие-либо секреты, касавшиеся деятельности ОГПУ и Коминтерна в Германии²⁷. В конечном итоге осталась в силе переданная, видимо в декабре 1924 г., инструкция, согласно которой Скоблевский должен был молчать и отказываться от ответа на все вопросы суда.

Передача через адвоката этого указания привела В.Р. Розе в недоумение и возмущение. В своем письме от 15 декабря 1924 г. к И.С. Уншлихту, которое было написано в тюрьме в Лейпциге, куда В.Р. Розе перевезли перед процессом, он пылко возражал против предлагаемой Москвой тактики молчания. Более того, он намеревался с помощью своих выступлений, как он писал, «превратить этот процесс, который по замыслу реакции должен окончиться полной дискредитацией компартии Германии, Третьего Интернационала, советской власти и вождей германских и русских коммунистов, в блестящий успех наших идей»²⁸. Видимо, В.Р. Розе надеялся, не разглашая деталей, в своей речи на суде объяснить причины поражения пролетарской революции в Германии, а также развенчать в глазах общественности Ф. Ноймана и других соучастников по процессу, оказавшихся с его точки зрения предателями.

²⁵ РА АА. Вd. 99. Вl. 97.

²⁶ Политбюро ЦК ВКП(б) и Коминтерн. С. 297.

²⁷ Там же. С. 288

²⁸ Письмо В. Розе от 15.12.1924 г. — См.: Mayer J. Skoblewsky-Rose. Anmerkungen zur Biographie...

Горькие слова В.Р. Розе намеревался высказать на суде о немецком пролетариате и о левых силах в Германии. В письме к Уншлихту он утверждал, что события «немецкого Октября показали <...> полное отсутствие классового сознания и чести у социал-демократов, т. е. у большинства организованных рабочих; <...> мелкобуржуазной идеологией охвачено 90 % пролетариата, а также и коммунистов»²⁹. Розе настаивал: если промолчать, не опровергнуть показания Ф. Ноймана, не дать отпор нападкам судей на коммунистическое движение, это неизбежно приведет к моральному поражению коммунистов, к дискредитации СССР. Но разрешения из Москвы на обличительные речи на суде Розе так и не получил.

27 января 1925 г. на заседании Политбюро ЦК о предстоящем процессе в Лейпциге и о положении Скоблевского докладывал И.С. Уншлихт, хорошо знавший все обстоятельства дела. По итогам обсуждения Политбюро решило попытаться сначала уговорить немцев отказаться от проведения процесса, а если это не удастся, то поставить Германию перед фактом ареста и уголовного преследования немецких граждан в СССР³⁰. Иначе говоря, была поставлена задача найти заложников, которых можно было бы обменять на Скоблевского, или, по крайней мере, угрожая расправой над ними, оказывать давление на Германию.

Переговоры между послом Германии в СССР графом Ульрихом фон Брокдорф-Ранцау и наркомом по иностранным делам Г.В. Чичериным не принесли желаемого советской стороной результата. Процесс в Лейпциге открылся 10 февраля 1925 г. и сопровождался обнародованием сенсационных подробностей, дискредитирующих советское посольство в Берлине, руководство СССР, Коминтерн и коммунистическое движение в целом.

Защитниками Скоблевского на судебном процессе была выдвинута довольно шаткая версия событий, предшествовавших его аресту, согласно которой Скоблевский, являясь сотрудником ГПУ, случайно оказался весной 1924 г. в Берлине, возвращаясь из служебной командировки в Париж. Здесь по сфабрикованным немецкой полицией обвинениям он был незаконно арестован. Сам Скоблевский во время процесса, как и было ему предписано товарищами из Москвы, отказался отвечать на вопросы. Он занимал позицию заранее несправедливо осужденного: коммунисту перед лицом буржуазного суда бессмысленно доказывать свою невино-

²⁹ Письмо В. Розе от 15.12.1924 г. — См.: Mayer J. Skoblewsky-Rose. Anmerkungen zur Biographie...

³⁰ Политбюро ЦК ВКП(б) и Коминтерн... С. 288

вность. Лучшей позицией в данных обстоятельствах остается насмешливое молчание, которое Скоблевский выразительно продемонстрировал в ответ на все вопросы судей.

Но доказательств причастности к организации «германской ЧК», подготовке терактов против генерала фон Секта и других, как и виновности Скоблевского в убийстве Рауша, у суда оказалось предостаточно. К тому же Феликс Нойман, которого обострившаяся в тюремном заключении язвенная болезнь сделала крайне неуравновешенным, раскаялся во всех грехах и подробно рассказал суду о деятельности группы «Т» и роли Скоблевского в ней. В итоге Скоблевский был приговорен к смертной казни вместе с Нойманом и еще одним немецким коммунистом³¹.

Ответным ходом советской стороны стал многодневный показательный процесс над тремя немецкими студентами, состоявшийся в Москве в июне–июле 1925 г., на котором обвиняемые также были приговорены к смертной казни. Якобы по заданию правоэкстремистской организации «Консул» обвиняемые студенты по поддельным документам проникли в СССР, намереваясь выяснить связи КПГ с Коминтерном, что подпадало под действие ст. 61 УК РСФСР, а также совершить убийство Сталина и Троцкого, что должно было повлечь наказание по ст. 64 УК. Обе упомянутые статьи предусматривали в качестве высшей меры наказания смертную казнь.

В настоящее время можно считать доказанным, что студенты были арестованы ОГПУ в качестве заложников, как объект торга с Германией в переговорах об освобождении В.Р. Розе. Так, в постановлении Политбюро от 12 февраля было записано: «Считать необходимым максимальное использование этого дела (немецких студентов. — *В. И.*) в переговорах с германским правительством. Это дело связать с предстоящим коммунистическим процессом в Германии о „ЧК“ и другими, в которых в качестве обвиняемых привлечены русские граждане»³². Также подтверждением, что немецкие студенты стали случайными жертвами, а по сути заложниками в большой игре ОГПУ, стали заявления посла Германии в СССР графа Брокдорф-Ранцау. Он рассказал представителям немецкой прессы, что в феврале его пригласил к себе председатель СНК СССР А.И. Рыков и дал понять, что обвинения против трех арестованных студентов, двое из которых — немецкие граждане, могут быть сняты и они будут отпущены, если про-

³¹ Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg. 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus... S. 146.

³² Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа... С. 66–67.

цесс по делу ЧК в Лейпциге будет прекращен, а Скоблевский возвращен в СССР³³. Таким образом, для немецкой стороны вполне логичным было полагать, что арест трех студентов Берлинского университета был предпринят ОГПУ с целью их обмена на своих агентов, схваченных в Германии.

Однако неоднократные предложения наркома иностранных дел Г.В. Чичерина и других советских представителей об одновременном помиловании и обмене осужденных наталкивались на холодную реакцию немецкой стороны. Правда, в октябре 1925 г. смертная казнь осужденным на лейпцигском и московском процессах почти одновременно была заменена тюремным заключением³⁴. Но возвращать Скоблевского в СССР немцы явно не собирались.

Переговоры об обмене политзаключенными стали на повестку дня только после заключения Берлинского договора от 24 апреля 1926 г., направленного на реанимацию дружеских отношений между Германией и СССР. Германский посол в Москве 22 мая 1926 г. отправил в МИД Германии секретную телеграмму, в которой сообщал, что Г.В. Чичерин упомянул в разговоре с ним о возможности очистить советско-германские отношения от груза прежних недоразумений, освободив всех политических заключенных — граждан другой стороны — и разрешив им выехать на родину³⁵. В свою очередь министр иностранных дел Германии Г. Штреземан сообщил послу в Москве, что советский посол Н.Н. Крестинский в беседе с ним также поставил вопрос о помиловании Скоблевского и других политических заключенных в Германии с тем, чтобы обменять их на германских граждан, находившихся в тюрьмах СССР.

МИД Германии передало советскому посольству список из 14 немецких граждан, которых немецкая сторона хотела бы получить в результате обмена. В список были включены следующие лица: осужденные студенты Киндерман и Вольшт, шесть арестованных ОГПУ по делу консульских агентов: супружеские пары Шмитц и Фогелей, Корнельсен, Экк, находившаяся в ссылке в Сибири Анна Аух, служащий «Юнкерса» Шоль, учитель Лоренц и три коммерсанта, арестованные в Ленинграде, — Байер, Арендт и Мюллер³⁶.

³³ Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg. 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus... S. 148.

³⁴ Ibid. S.148.

³⁵ ADAP. Serie A. Bd. 14. S. 475.

³⁶ Ibid. S. 476. См. также: *Савин А.И.* «Юнкерс и Гефу следовало бы ликвидировать».

Таким образом, уже в мае 1926 г. между внешнеполитическими ведомствами СССР и Германии было достигнуто взаимопонимание, в основном был согласован список лиц, подлежащих обмену. Штреземан заявил, что вместе со Скоблевским Германия готова выдать Маслова, одного из руководителей КПГ. При этом он отметил, что, несмотря на общую постановку советской стороной вопроса о выдаче СССР всех советских граждан, являвшихся политзаключенными, ему не известно о каких-либо арестах или приговорах против других советских граждан, кроме Скоблевского³⁷.

Тем не менее, поначалу переговоры об обмене шли очень трудно; они осложнялись еще и тем, что по делам Шоля и Лоренца продолжалось следствие и не было принято какого-либо решения. Посол Брокдорф-Ранцау 13 июня 1926 г. направил в МИД Германии телеграмму, в которой сообщил, что советская сторона, кроме Скоблевского и Маслова, требует выдать гражданина Германии Роберта Озоля, арестованного за шпионскую деятельность в пользу СССР. Кроме того, за помилование немецких коммерсантов советская сторона требовала выдать с территории Германии восемь советских граждан, совершивших тяжкие преступления против советских законов³⁸. Таким образом, советская сторона, похоже, решила выжать из предстоящего обмена все возможное.

Ранцау предупредил германский МИД, что договоренности с М.М. Литвиновым и Г.В. Чичериным необходимо использовать как можно скорее и соглашаться на помилование и выдачу Скоблевского, Маслова и Озоля, так как других средств давления на советское правительство у Германии практически нет. В этой ситуации посол предложил Штреземану обменять в первую очередь политически важных заключенных — Киндермана и Вольшта, а также шесть человек, арестованных по делу консульских агентов³⁹.

Однако в Берлине не спешили с положительным ответом. 19 июня Ранцау получил телеграмму о том, что в германском правительстве идут сложные переговоры по поводу обмена. 2 июля 1926 г. один из высокопоставленных сотрудников МИД Германии Вальрот обобщил ситуацию в докладной записке, в которой он по-прежнему включал в список для обмена 14 граждан Германии, осужденных или находящихся под следствием в СССР. При этом

Справки контрразведывательного отдела ОГПУ о деятельности в СССР германских фирм. 1925 г. // Исторический архив. 2012. № 6. С. 130–145.

³⁷ ADAP. Serie A. Bd. 14. S. 477.

³⁸ Ibid. Serie B. Bd. II. 2. S. 11.

³⁹ Ibid. S. 12.

Вальрот отмечал, что министерство юстиции и верховный прокурор Германии высказывают серьезные возражения против помилования и освобождения Скоблевского⁴⁰.

Особенно яростным противником выдачи Скоблевского в правительстве Германии выступал военный министр О. Геслер⁴¹. Освобождение Скоблевского, виновного в подготовке государственного переворота, по его мнению, скомпрометировало бы правительство Германии и спровоцировало бы новые попытки коммунистов свергнуть существующий строй.

В результате в переговорах возникла сложная ситуация: немецкая сторона не готова была выдать СССР Скоблевского, а с советской стороны обмен казался слишком неравным, поэтому советские власти не готовы были отдать всех арестованных граждан Германии. Однако у Скоблевского были, видимо, довольно высокопоставленные покровители, способные повлиять на ситуацию. Есть основания полагать, что в этой роли выступал И. С. Уншлихт. Вызванный в Берлин легион-секретарь германского посольства в Москве Хенке предоставил министру иностранных дел Штреземану докладную записку, в которой подчеркнул: «не подлежит сомнению, что русские готовы отдать за Скоблевского любую цену и будут сильно обозлены, если они его не получают. Господин посол (имеется в виду Ранцау. — В. И.) опасается, что мы можем получить еще более худшие условия, если не согласимся на выдачу Скоблевского»⁴². Сам посол Ранцау направил телеграмму в Берлин, которую он предлагал показать, кроме министра иностранных дел, только президенту или канцлеру, где заявил о своем намерении специально приехать в Берлин, чтобы убедить всех несогласных в правительстве в необходимости выдачи Скоблевского⁴³.

Почувствовав колебания правительства Германии по поводу помилования и выдачи Скоблевского, советская сторона стала открыто угрожать проведением новых показательных процессов против арестованных немцев, в частности, консульских агентов и служащего «Юнкерса» Шоля, которые обязательно должны были закончиться смертным приговором⁴⁴. Процесс над Шолем, кроме того, неизбежно вызвал бы огласку данных о секретном военном сотрудничестве между СССР и Германией.

⁴⁰ ADAP. Serie A. Bd. 14. S. 74–76.

⁴¹ Ibid. S. 130.

⁴² Ibid. S. 112.

⁴³ Ibid. S. 122.

⁴⁴ Ibid. S. 110.

В обзоре, подготовленном министерством иностранных дел Германии для заседания правительства по поводу выдачи Скоблевского, подчеркивалось, что в случае проведения нового процесса против граждан Германии согласно уже известной советской практике можно с полной уверенностью ожидать смертного приговора. В обзоре подчеркивалось, что «русские готовы, так же, как и в случае Киндермана-Вольшта, использовать полученные под давлением признания третьего лица, так что невозможно будет по формальным причинам опровергнуть предъявленное обвинение»⁴⁵.

Возможный выигрыш от обмена заключенными оценивался МИД Германии очень высоко: это подчеркивало бы значение Берлинского договора и особого характера советско-германских отношений. Министерство иностранных дел Германии упорно продолжало доказывать правительству необходимость выдачи Скоблевского: «Мы должны прежде всего думать о том, как освободить приговоренных к смерти или длительному лишению свободы немецких граждан. Во-вторых, мы должны заботиться о том, чтобы наши отношения с Россией не были надолго осложнены этим конфликтом, который грозит поставить под вопрос всю нашу политику в отношении России. И, в-третьих, мы должны избежать международного скандала, который возникнет в случае открытого освещения наших военных связей с Россией и который приведет к опасным последствиям для всей нашей внешней политики»⁴⁶.

Под воздействием всех этих аргументов 12 августа 1926 г. правительство Германии приняло окончательное решение о помиловании Скоблевского и его выдаче СССР. 20 августа указ о помиловании был подписан президентом П. фон Гинденбургом. Также было принято решение о передаче советской стороне трех немецких граждан (супругов Лоссин и Роберта Озоля), осужденных немецким судом за шпионаж в пользу СССР.

Теперь посольства обеих стран получили возможность завершить переговоры об окончательном списке граждан, подлежащих обмену, и о дате обмена. 28 августа 1926 г. статс-секретарь МИД Германии К. фон Шуберт встретился с заместителем посла СССР в Германии С. И. Братманом-Бродовским и назвал всех немецких заключенных, которых Германия хотела бы получить в обмен на Скоблевского⁴⁷.

⁴⁵ ADAP. Serie A. Bd. 14. S. 185.

⁴⁶ Ibid. S. 190–191.

⁴⁷ ADAP. Serie B. Bd. II. 2. S. 241–242.

Окончательная дата обмена политзаключенными была определена в течение первой декады сентября 1926 г. 11 сентября М.М. Литвинов передал немецкому посольству в Москве акты о помиловании и согласие на освобождение всех указанных немецкой стороной 14 граждан Германии. 12 сентября в специальном вагоне, прицепленном к поезду Москва–Ленинград, под охраной чекистов помилованные граждане Германии выехали в Ленинград, где были доставлены на немецкий корабль «Пруссия». 16 сентября 1926 г. все немецкие политзаключенные прибыли на Родину⁴⁸.

Об обстоятельствах ареста в СССР и дальнейшей судьбе многих из них до сих пор известно далеко не все, в центре внимания оказались только сотрудник «Юнкерса» Шоль и студенты Берлинского университета. Советник посольства Германии в Москве Г. Хильгер, игравший важную роль в советско-германских отношениях, в своих мемуарах, подробно описав события вокруг процесса Киндермана и его товарищей, которые закончились обменом на Скоблевского, лишь мимоходом упоминает, что вместе со студентами свободу и возвращение в Германию получили и другие немцы, находившиеся к тому времени в руках ОГПУ⁴⁹.

В свою очередь, В.Р. Розе вместе с другими подлежащими обмену лицами прибыл на территорию СССР. За мужество и стойкость во вражеском плену он был в 1927 г. награжден вторым орденом Красного Знамени. В дальнейшем В.Р. Розе продолжил свою службу в РККА командиром дивизии в Туркестанском округе, в 1930 г. экстерном сдал экзамены за весь курс Военной академии им. М. Фрунзе. Заслуги Розе в гражданской войне, в разгроме басмаческого движения, как и его слава борца за мировую революцию, обеспечили ему почет и уважение в Советском Союзе. В частности, он был избран членом ЦИК Узбекской ССР.

Но полученные в боях раны, как и тюремное заключение в Германии, не могли пройти бесследно. В 1931 г. В.Р. Розе тяжело заболел, из-за чего был вынужден уйти со службы, зачислен в резерв РККА. Оправившись от болезни, В.Р. Розе работал в качестве военрука сначала в Северном краевом коммунистическом университете в Архангельске, а затем в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова в Москве.

В декабре 1934 г. Розе получил должность начальника особого отдела Главного управления гражданского Воздушного фло-

⁴⁸ ADAP. Serie B. Bd. II. 1. S. 976; *Kindermann K.* Zwei Jahre in Moskaus Totenhäusern... S. 214.

⁴⁹ *Hilger G.* Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941... S. 147.

та СССР. Очевидно, что его пригласил на эту работу И. С. Уншлихт, являвшийся в 1933–1935 гг. начальником Главного управления ГВФ при СНК СССР. В. Р. Розе оставался одним из заслуженных и «обласканных» властью героев гражданской войны и борцов за мировую революцию. В 1935 г. в Красной армии были введены воинские звания для высшего офицерского состава. В 1936 г. В. Р. Розе было присвоено звание комдива, что по позднее введенной шкале соответствовало званию генерал-лейтенанта.

Но каток сталинских репрессий почти неизбежно должен был настичь В. Р. Розе. Как справедливо отмечает Ж. Майер, В. Р. Розе был кандидатом на смерть по трем причинам: как красный командир, связанный с М. Н. Тухачевским, как латыш, оказавшийся на особом счету в ходе проведения «латышской» операции НКВД и как работавший в Германии и побывавший в руках немецкой полиции. Добавим к этому, что покровительствовавший ему И. С. Уншлихт попал в опалу и был арестован в июне 1938 г., а уже 28 июля приговорен к расстрелу как враг народа и польский шпион.

Второго марта 1938 г. Главное управление госбезопасности НКВД арестовало В. Р. Розе. Ему были предъявлены обвинения по ст. 58 УК РСФСР по пунктам 1а — измена Родине, 7 — саботаж, 8 — подготовка террористического акта, 11 — иные действия, подпадающие под статью 58. Можно только догадываться, как ощущал себя В. Р. Розе, переживший тюрьму и смертный приговор в Германии, в руках ежовских следователей-«стахановцев», не гнушавшихся применением «особых мер» на допросах. Уголовное дело Розе хранится в Центральном архиве ФСБ. По всей видимости, никто из исследователей этих документов пока не видел.

В. Р. Розе с его непокорным характером и железной волей не мог быстро сдаться и подписать протоколы с признаниями, поэтому, скорее всего, ему пришлось пройти длительные и изощренные пытки. Не исключено, что именно поэтому состояние здоровья В. Р. Розе оказалось критическим. 20 января 1939 г. он умер в больнице Бутырской тюрьмы. К тому времени, как сказано в справке из центрального архива ФСБ, следствие по делу было в основном закончено и явно шло к вынесению смертного приговора. 28 апреля 1939 г. производство по делу В. Р. Розе было прекращено в связи со смертью обвиняемого⁵⁰.

⁵⁰ Справку из архива ФСБ см.: *Mayer J. Skoblewsky-Rose. Anmerkungen zur Biographie...*

В юридическом плане В.Р.Розе был реабилитирован в годы «хрущевской оттепели». 19 мая 1964 г. Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла определение о прекращении уголовного дела В.Р.Розе в связи с отсутствием состава преступления. Но имя героя гражданской войны и борца за мировую революцию оставалось в тени забвения. При освещении событий немецкого Октября 1923 г. В.Р.Розе вплоть до 1998 г. фигурировал исключительно как Скоблевский.

Жизненный путь В.Р.Розе очень ярок и трагичен и, безусловно, представляет интерес для исторической науки. Через его биографию можно детальнее проследить и глубже понять важные этапы и события отечественной истории. Кроме того, изучение его деятельности в Германии позволяет рельефно показать особенности действий советского государства на международной арене. Разумеется, сейчас мы по-новому смотрим на многие проблемы: жестокое подавление народных восстаний против политики большевиков, бесцеремонное вмешательство СССР в германские дела с целью свержения существующего строя вряд ли можно назвать славными страницами нашей истории. Тем не менее, мужество и стойкость Вольдемара Розе, его героическая и трагическая судьба, на наш взгляд, заслуживают того, чтобы его имя не было забыто.

О. С. ПОРШНЕВА

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

РЕАЛИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПРОЕКТА «НОВАЯ ЖЕНЩИНА» В 1923–1928 ГГ.: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Политика формирования «новой женщины» в раннесоветский период рассматривается в статье как элемент большевистского социального проектирования, конструирования гендерных моделей. Показана роль политико-идеологических, законодательных и институциональных нововведений, их эволюции на протяжении рассматриваемого периода в решении задач «коммунистического воспитания» женщин и изменения их социального положения. Проанализированы проблемы и противоречия в реализации данной политики в Уральской области. Дана характеристика гендерных практик, показаны причины и степень расхождения повседневности 1923–1928 гг. и революционных замыслов. Особое внимание уделено наиболее острым противоречиям и трудностям в преобразовании семейных отношений и формировании «нового быта». Обоснован тезис о соединении прогрессивных, рационалистических установок эпохи модерна, свобод в этой сфере с политико-идеологическим программированием гендерных ролей в интересах государства.

Ключевые слова: «новая женщина», социальное проектирование, раннесоветское общество, гендерные практики, Уральская область.

Задача трансформации сознания, поведения, образа жизни и всего облика человека была важной составляющей большевистского проекта по созданию нового мира. Конструирование идеала «нового человека» включало формирование и продвижение представлений о «новой женщине» — активной и сознательной участнице коммунистического строительства, приобщившейся к образованию и культуре, освобожденной от пут «домашнего рабства». Разработка большевиками теории «освобождения» женщины и формирования «новой женщины» при социализме, а также целенаправленное создание условий для реализации этого курса может рассматриваться как форма социального проектирования. Будучи тесно связанным с концепцией «нового человека», совпадая с ней по многим параметрам, проект создания «новой женщины» обладал собственной логикой и особенностями, обусловленными социальным положением женщин в российском обществе, необходимостью решения целого ряда проблем. Наиболее

острыми и труднопреодолимыми из них стали сохранявшиеся патриархальные традиции, в соответствии с которыми забота о детях и семейном быте считалась сферой ответственности женщин, а также много внимания требовала трансформация традиционной организации быта основной массы населения.

С целью «раскрепощения» женщины большевики разработали концепцию социального материнства и социализации быта. Первая предполагала передачу части функций, а также ответственности семьи/матери за воспитание детей и уход за ними государству и обществу, за счет развития сети дошкольных, школьных и внешкольных учреждений нового, «коммунистического» типа. Вторая была направлена на создание коллективистских форм быта, качественно новых жилищно-бытовых и социальных условий, индустриализацию сферы быта. Не ставя задачу рассмотреть весь комплекс проблем, препятствовавших реализации проекта «новая женщина», сосредоточим внимание на противоречиях и трудностях в двух вышеназванных сферах, повлиявших на процесс вовлечения женщин в управление государственными и общественными делами, преобразование ее облика.

Главным способом изменения человека, согласно марксистской доктрине, была коренная трансформация социально-экономического базиса, создававшая предпосылки для преобразования всей общественной системы, формирования «нового человеческого материала»¹. По мысли Ф. Энгельса, она обуславливала и возможность отмирания буржуазной семьи: при коммунистическом строе, благодаря устранению частной собственности и общественному воспитанию детей, «уничтожатся обе основы современного брака, связанные с частной собственностью, — зависимость жены от мужа и детей от родителей»².

В отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин выдвинул ряд идей о путях приобщения женщин к политической жизни, «воспитания», освобождения от «отупляющего» и «принижающего» мелкого домашнего хозяйства, «приковывающего женщину к кухне и к детской», об утверждении пролетарского гражданского брака³. Во время состоявшегося в марте 1919 г. VIII съезда РКП(б) В. И. Ленин

¹ Энгельс Ф. Принципы коммунизма // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1955. Т. 4. С. 334–335; Ленин В. И. Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 204.

² Энгельс Ф. Принципы коммунизма... С. 336–337.

³ Ленин В. И. Великий почин (1919) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 23–24; Ленин В. И. Письмо И. Ф. Арманд от 24 января 1915 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 56.

заявил: «Мы на марксистской программе воспитали партию пролетариата, и так же надо воспитать те десятки миллионов трудящихся, которые у нас есть»⁴. Эта установка предопределила огромную роль системы образования и пропаганды, а также различных форм и методов управления сознанием и поведением людей, трактуемых в современных исследованиях как социальный инжиниринг⁵.

Главным методом реализации гендерной политики в обозначенных нами сферах была социальная мобилизация. Термин «социальная мобилизация» определяется новосибирскими историками как «целенаправленное воздействие институтов власти на социум, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий отдельных индивидов и социальных групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством»⁶. Основополагающая роль социалистической революции в решении «половых проблем» означала манипуляцию со стороны большевистского государства индивидуальными сексуальными предпочтениями, позволяла вмешательство в жизнь индивидов с целью их политической мобилизации, нарушала принцип суверенитета семьи⁷.

Женщины стали объектом социального проектирования не только вследствие уверенности большевиков в возможностях социального инжиниринга, коренной переделки сознания и поведения человека, но и благодаря господству патримониального управления. Это обусловило отношение к женщинам как к специфической группе, повседневность которой должна формироваться целенаправленно и последовательно⁸.

⁴ Ленин В.И. Заключение к докладу о партийной программе 19 марта [VIII съезд РКП (б) 18–23 марта 1919 г.] // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 180.

⁵ Холквист П. «Осведомление — это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 47.

⁶ Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.). Новосибирск, 2013. С. 5.

⁷ Пушкарев А., Пушкарева Н. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярославской-Смирновой. М.: «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 221–222.

⁸ Пушкарева Н. Гендерная система советской России и повседневность россиянок // Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы. М., 2015. С. 205.

В современных исследованиях внимание акцентируется на разрыве между официальными установлениями большевиков и повседневными практиками, который рядом авторов объясняется спецификой взаимодействия власти и общества в 1917–1930-е годы, инерционностью процесса изменения традиционного уклада жизни. «Поскольку на повестке дня были радикальные варианты строительства социализма, быстрые изменения привычек, убеждений, в том числе, в таких тонких сферах, как семейные и сексуальные отношения, [в] вопросах воспитания детей, религии, дисциплины в условиях массовой бедности и неграмотности. Потому так велика была роль общественно-политических кампаний <...> Результат кампаний, скорее, носил характер *социально-го конструирования проблемы* (здесь и далее курсив мой. — О. П.), нежели ее решения или искоренения порождающих ее причин»⁹. Изменить общественный строй оказалось куда проще и быстрее, чем поменять уклад жизни миллионов граждан такой необъятной страны, как Россия¹⁰.

Законодательные акты о браке и семье, принятые в первое десятилетие советской власти, были нацелены на улучшение положения женщины¹¹. В частности, были упрощены процедуры заключения брака и развода, разрешены медицинские аборт по желанию женщины, введен отпуск, предусмотрены финансовая поддержка в связи с рождением и уходом за ребенком, право на получение алиментов через суд в случае отказа отца от «материального обеспечения» ребенка, ограничение женского труда на вредном производстве. Система институтов, поддерживающих совмещение материнства с занятостью женщин на рынке труда, также начала создаваться буквально в первые месяцы Советской власти¹². По оценке К. Петроне, «политика в отношении советской семьи в межвоенный период была наиболее прогрессивной и освободительной из всех, какие мир когда-либо видел»¹³.

⁹ Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность М., 2007. С. 27.

¹⁰ Журавлев С. В., Соколов А. К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е гг. // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287.

¹¹ См.: Пушкарева Н. Л., Казьмина О. Е. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 69–73.

¹² Там же; Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы... С. 30.

¹³ Petrone K. Between Exploitation and Empowerment: Soviet Women Negotiate Stalinism // Gender Politics and Mass Dictatorship. Global Perspectives. London: Palgrave Macmillan, 2011. P. 125.

Своеобразными «локомотивами» продвижения новой социальной роли женщин являлись отделы по работе среди женщин (женотделы) комитетов РКП(б). Проследивая их историческую обусловленность и оценивая их значение, Р. Стайтс писал: «Организационные и коммуникационные приемы делали активисток женотделов способными перейти от специфических задач „малых дел“, как их понимала интеллигенция XIX в., к более широким целям массовой социализации. Несмотря на отсутствие независимости, изобретательной инициативы, свойственных феминистскому движению, женотделы превзошли феминисток во власти и престиже. При этом они представляли комбинацию классовую и сексуальной борьбы»¹⁴. Б. Э. Клементс также высоко оценивает вклад женотделов в формирование новых социальных практик: «В 1926–27 гг. 620 000 женщин посещали делегатские собрания¹⁵, организованные женотделами в разных частях СССР. В 1930 г. „Работница“ выходила дважды в месяц в количестве 265 тыс. экземпляров. Сотни работниц женотделов проповедовали по всей стране взгляды Александры Коллонтай, Инессы Арманд и других своих лидеров. Они часто совместными усилиями „наскребали“ деньги на центры по дневному уходу за детьми, столовые и т. п. учреждения в ситуации, когда местные партийные комитеты им не помогали и иногда даже активно противодействовали. В худшем случае, проекты увядали после нескольких месяцев работы. В лучшем, — они завоевывали поддержку фабричного руководства или правительственных учреждений и тогда становились институализированными общественными площадками»¹⁶.

О сочетании в работе женотделов просветительских, модернизационных и классовых начал свидетельствуют лозунги, выдвигавшиеся к выборам делегатских собраний: «Работница и крестьянка, делегатское собрание научит тебя управлять страной Советов», «Работница и крестьянка, делегатское собрание подготавливает тебя в партию», «Делегатка, в избе и на поле строй новую жизнь», «Делегатки, на борьбу за грамотность, за культуру»¹⁷.

¹⁴ Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism. 1860–1930.* Princeton, New Jersey, 1978. P. 344–345.

¹⁵ Делегатские собрания — объединения женщин-«делегаток», выдвинутых на беспартийных женских собраниях и конференциях, действующие под патронажем женотделов или женорганизаторов партийных комитетов и ячеек с 1919 г. Цели делегатских собраний — партийно-политическая пропаганда среди женщин, подготовка их к вступлению в партию, приобщение к общественной работе, решению социальных и бытовых проблем.

¹⁶ Clements B. E. *Bolshevik women.* Cambridge, Cambridge University Press, 1997. P. 270.

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 34. Л. 78.

Признавая достижения Советской власти в сфере законодательного обеспечения гендерного равенства, социальной политики, охраны материнства и младенчества, следует отметить, что реальная трансформация сферы гендерных и семейно-брачных отношений происходила асинхронно с государственной политикой. Процесс приобщения женщин к «социалистическому строительству», участию в политической жизни, управлению государственными и партийными делами шел не так успешно, как хотели бы большевики. Увеличение доли женщин в Советах всех уровней шло медленно. К 1926 г. только 18% членов городских Советов и 9% сельских составляли женщины¹⁸. В циркулярном письме женотдела Уральского областного комитета РКП(б) всем окружным отделам работниц и крестьянок от 4 декабря 1925 г. отмечалось «слабое участие женщин в перевыборной кампании в Советы». В нем же, признавались трудности вовлечения женщин в Советы: «Увеличение женщин в Советах идет в значительной мере за счет *нажима со стороны женотделов парткомов на соответствующие организации*»¹⁹.

Еще хуже дело обстояло с представительством женщин в руководящих партийных органах. Если доля женщин в ВКП(б), по данным Всесоюзной партийной переписи 1927 г., составляла 12,9%, то среди секретарей рабочих партийных ячеек она была 2,7%, деревенских — 1,6%, прочих — 4,9 процента²⁰. Согласно информационной сводке ЦК ВКП(б), наибольший процент женщин в составе бюро и среди секретарей советских, вузовских и прочих «учрежденческих» ячеек объяснялся тем, что женщина в них была «более культурна, более подготовлена к руководящей работе, более активна»²¹. Тем самым обозначалась проблема культурной отсталости и элементарной неграмотности основной массы трудящихся, а также неготовности крестьянок, работниц и членов рабочих семей к роли «новой женщины»²².

Работа женотделов в деревне была формой социальной мобилизации в крайне консервативной среде, пропитанной патриархальными ценностями и традициями. На состоявшемся 15–17 октября 1925 г. VII пленуме Уралобкома РКП(б) в докладе заведующей его женотделом Тормасовой эти факторы упоминались как

¹⁸ Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism. 1860–1930. Princeton, New Jersey, 1978. P. 328; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 601. Л. 58.

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 601. Л. 58.

²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 68.

²¹ Там же.

²² Пушкарева Н. Гендерная система советской России и повседневность россиянок. С. 206.

главные причины низкой активности женщин на выборах в Советы. Тормасова приводила типичное «бытовое» объяснение: «не пускал муж». «Были такие случаи, — говорила она, — когда выбранную крестьянку муж провожал на райконференцию и райсезд Советов с вожжами»²³. В выступлениях секретарей окружкомов на пленуме утверждалось, что женщины-выдвиженки зачастую «не встречают доверия к себе, товарищеского отношения, поддержки»²⁴, женщины формально участвуют в работе сельсоветов и районных исполкомов, их заставляют, например, мыть полы, подметать и т. п.²⁵.

Руководители женского движения признавали сугубо негативную роль «патриархальных» и «мелкобуржуазных» представлений населения, которые трактовались как «пережитки» прошлого, подлежащие искоренению. О роли стереотипов, препятствовавших выдвижению женщин на партийную, государственную и общественную работу, шла речь в ряде партийных документов. Например, в отчете Уральского областного комитета о работе среди женщин за 1924 г. констатировалось: «До сих пор еще слышны насмешки: „Баба, что она делает“, и этим самым отталкивается крестьянка-делегатка от общественной работы»²⁶. В циркулярном письме Уралобкома всем окружкомам от 2 июля 1925 г. в числе причин незначительного участия крестьянок в беспартийных крестьянских конференциях упоминались «представления крестьян о том, что на сходах, собраниях должен быть только глава семьи»²⁷.

Приоритетное место в работе женотделов занимали пропаганда, основанная на классовом подходе к объектам социальной политики, а также меры против распространения «классово-чуждой» женской активности. В партийных документах формулировалась мысль о необходимости «правильно направить» растущую активность женского населения, чтобы *«она не пошла мимо нас и не могла быть использована враждебными элементами»*, приводились примеры «классово-чуждых влияний»²⁸.

Как уже отмечалось, в сфере семейных отношений проблемы и трудности формирования «новой женщины» проявлялись наиболее рельефно. В деревне сохранялся и воспроизводился традиционный брачно-семейный уклад. Это, в частности, подтвержда-

²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 17. Л. 154.

²⁴ Там же. Л. 165.

²⁵ Там же. Л. 136.

²⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 18. Л. 65.

²⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 601. Л. 40.

²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 17. Л. 118.

ется распространенным обычаем установления фактических брачных отношений с 16-летнего возраста невесты. Такая практика противоречила «Кодексу законов о браке, семье и опеке РСФСР» 1926 г., допускавшему вступление в брак с 18-летнего возраста для обоих полов²⁹. Устойчивость гендерного сознания проявлялась в том, что, по словам автора обзора крестьянских писем П. П. Бажова, ставшего позднее известным писателем, «деревня, привыкшая издавна считать девицу взрослой с 16 лет, ищет [способы] обхода закона»³⁰. Среди них были, как сообщалось в письмах крестьян и селькоров, приписка лет, венчание без регистрации в загсе и наиболее распространенный — вступление жены в дом на положении работницы. При этом давалась подписка, что через два года брак будет оформлен обычным гражданским путем. Священнослужители разработали и практиковали на этот случай особый «вступительный молебен»³¹.

Изменение положения женщины достигалось путем государственного вмешательства в бытовую сферу с использованием политических и юридических механизмов. Проводившиеся с этой целью мобилизационные кампании вели к политизации повседневной жизни. Так, в циркуляре Уральского областного суда от 6 февраля 1925 г. говорилось о необходимости организации юридической помощи работницам и крестьянкам как о важной политической задаче, предусматривавшей проведение консультаций, бесед, докладов, постановку показательных бытовых процессов, создание юридических кружков. В документе подчеркивалась необходимость «организовать совместно с прокуратурой общественное обвинение и защиту женщин; в гражданских процессах с участием женщин обеспечить ее бесплатной защитой; проводить показательные политические суды по тем или иным бытовым вопросам, где выпукло оттенить права женщины»³².

Инсценировку показательного «суда над рабочим Потехиным, нанесшим побои своей жене» описывает в своих воспоминаниях активистка женского движения на Урале А. Корева. Она зафиксировала диаметрально противоположную реакцию на него мужчин и женщин, свидетельствующую о распространенности практик семейного насилия: «Присутствовало больше двухсот человек, половина женщин. После инсценировки — прения. Сначала женщины смущались и молчали, но после того, как заговорили

²⁹ Новый закон о браке и семье // Работница. 1926. № 23. С. 2.

³⁰ ЦДОСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 8.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 14–16.

мужчины, стали выступать и крестьянки. На вопрос — довольны ли судом, достаточно ли осужден виновный? — женщины ответили, что мало, а мужчины, наоборот, говорили, что обвиняемого надо было совсем оправдать»³³. Многочисленные свидетельства того, что и беспартийные, и коммунисты бьют своих жен, стало поводом для бичевания этого явления на партийных форумах и в прессе³⁴.

Реализовывавшаяся в Советской России концепция «социального материнства» предполагала вовлечение государства и общества в решение проблем семьи, благодаря чему сыграла важную роль в социальной политике государства³⁵. «Женско-детская» сфера определялась, с одной стороны, классовым подходом к решению практических вопросов, наличием «лишенков», неграмотностью значительной части женщин и детей, огромным количеством беспризорников, а с другой — масштабными мерами по охране материнства и младенчества³⁶.

Благодаря усилиям Советской власти в 1920-е годы начала формироваться система дошкольного воспитания. Однако к 1929 г. в СССР насчитывалось всего 1,5 тыс. дошкольных воспитательных учреждений. Большая часть из них испытывала недостаток средств, кадров, помещений и т. п.³⁷.

В принятом 10 апреля 1925 г. постановлении по докладу женотдела Уралобкома РКП(б) о состоянии охраны материнства и младенчества в Уральской области перечислялись меры, обязательные для реализации:

- посещение женщинами с грудными детьми консультаций;
- усиление родовой помощи женщинам; «считать ее крайне недостаточной, особенно в сельской местности, с этой целью увеличить количество родовых коек, главным образом, в участковых больницах»;
- введение в штат каждого фельдшерского пункта акушерки;
- повышение квалификации акушерок;

³³ *Кореванова А. Г.* Моя жизнь. Автобиография уральской работницы-крестьянки. М.; Л., 1938. С. 316–317.

³⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 17. Л. 155; Крот. Женрбота по нижнеисетски // Работница. 1930. № 29. С. 19.

³⁵ *Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы... С. 30.

³⁶ См.: *Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы... С. 25–27; *Мэдисон Б.* Достоинства и проблемы советских учреждений социального обеспечения // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. С. 68–81.

³⁷ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. М., 1997. С. 166–167.

- организация сельских ясель в летнюю кампанию;
- «шире популяризировать задачи и значение работы абортных комиссий путем постановки докладов на всех профсоюзных и общих собраниях»;
- *«усилить политпросветительскую работу в доме матери и ребенка, среди прибывающих матерей, кормилиц и технического персонала, для чего заведующей отделом разработать план»;*
- организовать медико-санитарное просвещение во всех родильных отделениях среди прибывающих рожениц, для чего привлечь персонал акушерок и врачей;
- организовать при детских яслях ясельные комитеты³⁸.

Такое же соединение просветительского и политико-идеологического начал проявлялось в большевистском проектировании роли женщин в пионерском движении. Формы участия в нем работниц и крестьянок определялись инструкциями и директивами ЦК РКП(б), направлявшимися на места через соответствующие партийные комитеты. Так, в письме Уралобкома всем окружкам РКП(б) от 8 июня 1925 г. перечислялись следующие направления взаимодействия женского и пионерского движений:

- *«работа в массах женщин по разъяснению целей и задач пионерского движения и коммунистического воспитания»;*
- информирование о практической работе отрядов, в том числе посредством включения в план работы делегатских собраний регулярных отчетов о пионерском движении;
- необходимость постоянных форм совместной работы пионерских отрядов и женотделов;
- прикрепление на 2–3 месяца делегатов к пионерским отрядам;
- участие пионеров в летний период в создании детских площадок, работе ясель, организации дошкольных „примитивов“;
- содействие женотделов пионерам в организации коллективного огорода, различных форм общественного труда;
- оказание женотделами трудовой помощи семьям пионеров, в которых недостает рабочих рук (вдовам красноармейцев, инвалидам гражданской войны);
- помощь женотделов в налаживании правильной деятельности пионеров в семье: борьбе за чистоту, охране труда несовершеннолетних батраков, нянек, пастухов, оказании помощи в домашней работе, т. е. борьбе за новый быт»³⁹.

³⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 601. Л. 65–66.

³⁹ Там же. Л. 82.

Пропаганда женской эмансипации, свободы семейных отношений, новое законодательство стали факторами демографического кризиса, порожденного, прежде всего, индустриализацией, коллективизацией и голодом. Всё это привело в конце 1920-х — начале 1930-х годов к падению рождаемости, стремительному росту числа аборт и разводов⁴⁰. Одним из свидетельств кризисной ситуации стало увеличение дел в судах о взыскании алиментов. На заседании женотдела Уралобкома РКП(б) 30 мая 1925 г. говорилось о том, что «в практической работе нарсуды всегда соприкасаются с женскими делами: иски об алиментах составляют 60 % всех гражданских дел, разбираемых нарсудом, в 99 из 100 случаев истица — женщина. Суд стоит на стороне женщин: из всех дел по искам об алиментах, расследуемых в Облсуде и постоянных судебно-кассационных сессиях, отказ в иске составляет 9 %, по прочим делам отказ — 26 %»⁴¹. Свобода половых отношений при неразвитости средств контрацепции оборачивалась для женщин либо прерыванием беременности, либо перспективой в одиночку растить детей. Интерпретация таких ситуаций основывалась на традиционных гендерных стереотипах. С. Н. Смилович, с 1922 по 1924 г. занимавшая должность заведующей отделом ЦК РКП(б) по работе среди женщин, писала в журнале «Коммунистка», что в «применных „комиссий по разрешению абортов“ можно прочесть немало печальных историй о комсомольской любви...»⁴². Многие мужчины, как свидетельствуют письма в «Крестьянскую газету», были не прочь извлечь «пользу» из либерализации брака⁴³. Однако порожденная традиционными гендерными стереотипами интерпретация ситуаций с разводами и оставленными детьми часто была односторонней: мужчины обвиняли женщин в «распущенности». Жалобы мужчин на то, что Советская власть предоставила женщинам слишком большие права, являлись одной из типичных тем писем в «Крестьянскую газету» в 1920-е годы⁴⁴.

Решение задач освобождения женщины и внедрения нового быта связывалось властью с реформами в жилищной сфере.

⁴⁰ Дэвис С. Мнение народа в сталинской России. Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941 гг. М., 2011. С. 67; Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы... С. 50.

⁴¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 601. Л. 71.

⁴² Цит. по: Пушкарев А., Пушкарева Н. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос»... С. 215.

⁴³ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. С. 161–163.

⁴⁴ Там же. С. 158–161.

М. Меерович выявил способы принудительной организации людей в трудодытовые коллективы. Они осуществлялись не только путем административных преобразований, но и за счет организации жилища, планировки поселений, в конечном счете, благодаря структуре расселения в целом⁴⁵. В первые годы Советской власти происходило реформирование существующего жилищного фонда: принудительные переселения, уплотнения, подселения, выселения, создание домов-коммун⁴⁶.

Идеал коммунального жилища в разных его формах, но прежде всего в виде домов-коммун, пропагандировался и внедрялся с первых лет Советской власти. На 1 марта 1923 г. в Москве было зарегистрировано 1075 домов-коммун с более чем 100 тыс. человек рабочего населения, что составляло 6,6 % от почти 1,5 млн жителей города⁴⁷. В 1926 г. организаторы всесоюзного конкурса архитектурных проектов поставили перед архитекторами задачу — «проникнуться новыми запросами к жилищу и возможно скорее дать проект такого дома с общественным хозяйством, который превратил бы так называемый жилищный очаг из тесной, скучной, а подчас и тяжелой колеи для женщины в место приятного отдыха»⁴⁸. В 1928 г. Центржилсоюз выработал специальную инструкцию — «Типовое положение о доме-коммуне». Согласно этому документу в коллективе предполагалось осуществлять воспитание детей, стирку и уборку, готовить еду, удовлетворять потребности в сфере культуры⁴⁹. В 1920-е и 1930-е годы в журнале «Работница» публиковались статьи, в которых утверждалось, что советские архитекторы не должны копировать европейскую планировку домов, так как кухни и ванны в каждой квартире, как в западной модели домостроительства, будут способствовать эксплуатации женщин, вынужденных готовить, стирать и убирать для своих семей⁵⁰.

⁴⁵ Меерович М. Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 84–117; Он же. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008. С. 85–98.

⁴⁶ Меерович М. Социалистический город: формирование городских общностей... С. 97.

⁴⁷ Меерович М. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР... С. 22.

⁴⁸ Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. (Социально-архитектурное микроисторическое исследование). СПб., 2010. С. 145.

⁴⁹ Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек»... С. 146.

⁵⁰ Clements B. E. Bolshevik women. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. P. 264.

Новаторство в сфере половых и бытовых отношений в наибольшей степени проявилось в практике создания молодежных бытовых коммун. Уже в 1923 г., например, в Москве, в таких коммунах проживало более 40% молодых рабочих⁵¹. Как отмечает М. Меерович, в формировании молодежных коммун проявлялось желание «нанести удар по патриархальной семье, сформировать и осуществить на практике новые отношения между мужчиной и женщиной». Половой вопрос, по свидетельствам самих коммунаров, решался «просто», о женитьбе не думали, а, например, «в уставе первой бытовой коммуны Московско-Нарвского района в Ленинграде было записано весьма соблазнительное положение — коммуна платит алименты»⁵². Практика выплаты в бытовых коллективах алиментов из общей казны была не единичной⁵³.

Мифология революционного обновления и практика коммунистического экспериментирования привели к распространению семей-коммун и в сельской местности. По данным Л. Н. Мазур, на территории Екатеринбургской губернии в 1923 г. было отмечено 41 поселение, зарегистрированное как коммуна. В анкетах коммунистов — коммунаров Екатеринбургской губернии, составивших в 1922 г. 4,8% всех коммунистов, часто встречается описание коммуны как семьи⁵⁴.

Однако утверждение «нового быта» как массовых практик повседневности происходило с большими трудностями. В опубликованной в журнале «Работница» в 1926 г. статье С. Радиевой, посвященной жилищной политике, признавались не только успехи («Новые бытовые условия, раскрепощающие женщину, кое-где уже созданы: при одном доме-коммуне оборудовали столовую, при другом — прачечную, а там — ясли, там — детский уголок при клубе»), но и серьезные проблемы с внедрением учреждений, которые автор назвала всего лишь «крупинками нового быта»⁵⁵.

К 1923 г. жилищные условия рабочих улучшились по ряду показателей. Доля рабочих, проживавших в индивидуальных

⁵¹ *Меерович М.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы)... С. 21–22.

⁵² Там же. С. 21.

⁵³ *Измозик В. С., Лебина Н. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве... С. 150.

⁵⁴ *Мазур Л. Н.* Семья коммунистов Екатеринбургской губернии (по материалам Всероссийской партийной переписи 1922 г.) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 3 (154). С. 100.

⁵⁵ *Радиева С.* Работница и жилищное строительство // Работница, 1926. № 3. С. 10.

домах, составила в целом по стране — 25,6 %, в Уральской области — 59,2 процента⁵⁶. Однако бытовые условия рабочих, арендовавших жилье у предприятий, учреждений, домоуправлений, оставались тяжелыми. В рабочих поселках и городах, насчитывавших до 150 тыс. жителей, в 1923–1927 гг. население практически не пользовалось канализацией и центральным отоплением⁵⁷, рабочие проживали в неблагоустроенных бараках, казармах и коммунальных квартирах. Такие жилищные условия большинства городских семей не позволяли обеспечить элементарные основы здорового быта и раскрепостить женщину.

Вот как описывалось в «Работнице» в 1926 г. положение дел в этой сфере: «Жилищная нужда — самое больное место в рабочем быту. В тесноте, в грязи, часто без света живут рабочие семьи во многих казармах. А если в комнатах, то по две, три семьи в комнате»⁵⁸. В анонимном письме, направленном в один из волостных партийных комитетов Уральской области в 1924 году⁵⁹, описание неудовлетворительных жилищных условий рабочих сопровождалось апелляцией к идеалам справедливости, поправным в пользу служащих. При этом наиболее очевидной несправедливостью ситуации была по отношению к детям: «Мы, рабочий класс, просим разобрать данному собранию, что нам очень плохо в жизни, живем мы, рабочие, в скотских стаях и не имеем освещения, впотьмах и глухоте находятся наши дети, а служащие имеют 4–5 комнат, теплый ватор, день и ночь у них топится плита, две бочки воды в день, говорят, лучше бедным не везите, а нам надо, имеют 5–6 лампочек, а у нас, бедных, дети ложатся спать в 6 часов, а встают уже в 7 и спрашивают, почему же нам не дают огня? Да потому, что раздали служащим. Дети говорят, да как же, нам на собрании объясняли товарищи, что все равны, а выходит, что рабочий класс совсем забыт»⁶⁰.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов проекты по созданию новой коммунальной жизни через организацию столовых, детских садов, прачечных, призванных освободить женщин от домашней работы, провалились просто потому, что у людей не было денег

⁵⁶ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России 1990–1941 гг. М., 2009. С. 128–129.

⁵⁷ Там же. С. 129.

⁵⁸ Радиева С. Работница и жилищное строительство... С. 9.

⁵⁹ В сводке ОГПУ Уральской области отсутствуют сведения об авторе и адресате, но, судя по контексту, письмо могло быть написано рабочими Исовских платиновых приисков.

⁶⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 61. Л. 7.

платить за эти удобства⁶¹. Как вспоминала А. Кореванова, на строительство таких учреждений постоянно не хватало средств, женщины говорили, что в столовых питаться семье «не по карману»⁶². Клиентами общественных столовых были главным образом не имеющие семей мужчины и женщины, а также приезжие. Даже дешевые обеды были не выгодны для рабочих семей, стремящихся экономить каждую копейку. Кафетерии и буфеты превратились преимущественно в места выпивки, а не принятия пищи⁶³. Доля семей, питающихся вне дома, после 1924 г. упала ниже одного процента⁶⁴.

Итак, приведенный фактический материал подтверждает, на наш взгляд, вывод историков о том, что между большевистскими идеями об эмансипации женщин и практикой их воплощения существовал значительный разрыв. В ходе реализации мероприятий по формированию «новой женщины» и «нового быта» партийно-советское руководство столкнулось с серьезными трудностями и противоречиями, обусловленными стойкостью консервативно-патриархальных установок и традиционных гендерных практик, сохранением экономических основ неравенства, неразвитостью социальной сферы. Задача «воспитания» «новой женщины» осложнялась культурной отсталостью, неграмотностью основной массы женского населения, крестьянок, работниц и членов рабочих семей, которая не могла быть преодолена в короткие исторические сроки. Рационалистические установки и закрепленные в законодательстве широкие свободы были подчинены идеологическому и политическому программированию гендерных ролей. Источники свидетельствуют об отставании динамики трансформации общественных отношений, обеспечивающих изменение облика женщины, от его властного проектирования, а также об очевидных пределах возможностей для социального инжиниринга в раннесоветском обществе.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

⁶¹ *Petrone K.* Between Exploitation and Empowerment: Soviet Women Negotiate Stalinism... P. 134.

⁶² *Кореванова А. Г.* Моя жизнь. Автобиография уральской работницы-крестьянки... С. 326–334.

⁶³ *Nerard F.-X.* The Sisyphean Opening of the First Soviet Canteens in the Urals: Successes and failures (1918–1925) // *Quaestio Rossica*. 2017. № 4. С. 1070.

⁶⁴ Там же. С. 1069.

И. Халфин

Тель-Авивский университет (Израиль)

**В ПОИСКАХ ОППОЗИЦИИ:
ЧИСТКА 1924 Г. В ЛЕНИНГРАДСКОМ
КОММУНИСТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМ. Г. Е. ЗИНОВЬЕВА**

Статья посвящена истории чистки Ленинградского коммунистического университета им. Г.Е. Зиновьева, студенты которого во время внутривнутрипартийной дискуссии 1923 г. в большинстве своем поддержали оппозицию. Показано, что руководившие чисткой партийные органы интересовало не столько подчинение директивам губкома РКП(б), сколько истоки поведения студентов во время дискуссии, анализ их характера, наклонностей и степени выдержанности. Используя антропологический метод анализа, автор уделяет особое внимание ритуалу чистки, ее понятийной системе, правилам инвективы и самозащиты в студенческих кружках. Как проходила чистка на этом уровне? В чем заключались аналитика души коммуниста, разбор его внутреннего «я»? Насколько широка была возможность студентов маневрировать в ходе обсуждения? Сделан вывод о том, что 1924-й год стал переходным для понятия «оппозиция»: она уже стала восприниматься как опасная форма инакомыслия, но еще не демонизировалась. Оппозиционеров, как правило, не исключали из партии, а пытались «перековать» их характер и перетянуть на сторону большинства ЦК.

Ключевые слова: внутривнутрипартийная демократия, оппозиция, троцкизм, чистка, аналитика души, коммунистическое студенчество, характеристики.

Мне очень приятно презентовать эту статью к юбилею профессора В.И. Шишкина, тем более что Владимир Иванович имеет самое прямое отношение к организации моего исследования и концептуализации заявленной темы. С В.И. Шишкиным я познакомился весной 1991 г., когда в рамках научной командировки он приехал в Колумбийский университет, где я тогда учился. Советский Союз еще существовал, и открытое, непринужденное общение с российскими историками было нам тогда в новинку. Нас всех поразила открытость В.И. Шишкина, его общительность, но еще в большей мере — его профессионализм. Впервые я встретил историка, который не только хорошо знает материалы советских архивов, но и го-

тов поделиться своими находками с начинающими, да еще зарубежными аспирантами. Было достигнуто взаимопонимание, даже возникла симпатия, благодаря чему я и другие аспиранты начали обращаться к В.И. Шишкину за советами. В то время советским прошлым в США занимались главным образом политологи, которые даже «не нюхали» первоисточники, а кафедры по истории СССР, быстро переименованные в кафедры «Истории России в XX веке», только учреждались. В скором времени Владимир Иванович предложил мне поехать для работы в Россию. Причем не в Москву, где все было дорого и архивы работали только пару дней в неделю, а в Новосибирск.

Летом 1992 г. я уже сидел в Новосибирском партийном архиве. Помню, что его сотрудникам я рекомендовал себя как «студент». В.И. Шишкин замялся, и я понял, что употребление этого слова в русском контексте не оставляет правильного впечатления. Быстро поправив себя, я сказал, что являюсь «академиком» (*academic* по-английски — это любой занятый научным исследованием), что привело В.И. Шишкина в ужас. Но как-то мы разобрались, и я проработал в Новосибирске пару недель, после чего был направлен в Томск собирать источники о студенчестве 1920-х годов, а затем — в Санкт-Петербург, где у В.И. Шишкина тоже были хорошие связи в профессиональной среде.

В Санкт-Петербурге я был одним из первых западных историков, кто пробрался в бывший партийный архив, располагавшийся в Смольном соборе. Несмотря на лето, было холодно. На стене позади моего стола висел портрет В.И. Ленина, а прямо передо мной виднелся пустой выцветший квадрат. Только через некоторое время, оправившись от шока, я осознал, что до недавнего времени там находился портрет М.С. Горбачева. Путеводителя в то время не существовало, но В.И. Шишкин посоветовал мне так же, как и в Томске, посмотреть описи университетских первичных организаций РКП(б), именовавшихся до 1934 г. партийными ячейками. Благодаря этой подсказке я нашел толстые папки с материалами ведомственной переписки, внутривнутрипартийных дискуссий и проводившихся сразу после них чисток личного состава университетов, то есть как раз то, что искал. На основе этих материалов и написана настоящая статья.

Онутрипартийной оппозиции написано много. Эта тема изучалась еще советскими исследователями, правда, су- губо в контексте «борьбы» с «мелкобуржуазными тече- ниями» и партийным инакомыслием¹. Активно она стала разра- батываться в годы перестройки, когда у таких теоретиков правой оппозиции, как А. И. Рыков или Н. И. Бухарин, искали идеи, кото- рые позволили бы сдвинуть советскую экономику с мертвой точ- ки. К концу перестройки даже с Л. Д. Троцкого было снято табу: теперь шел поиск возможных альтернатив развития среди левых идей политических реформ. После 1991 г. интерес к истории пра- вящей партии в России заметно спал, на первый план вышло изу- чение церкви, белого движения, жертв режима. Но в то же вре- мя благодаря рассекречиванию архивных документов заметно расширилась источниковедческая база². Весомый вклад в изуче- ние внутрипартийной оппозиции внесли В. В. Демидов, А. В. Гусев, В. В. Шабалин и др. Проблема противостояния большинства ЦК с Л. Д. Троцким в 1923 г. детально освещена в новом исследовании А. В. Резника³. В данной статье я тоже обращаюсь к этой дискус- сии, но под несколько иным углом зрения. Мое внимание сфоку- сировано не на политическом процессе, а на его личном измере- нии. Интересуясь в первую очередь положением маленького чело- века, я обращаюсь к методике микроистории, которой с большим успехом пользуются российские медиевисты. Одно дело — дис- куссия как идеологический спор, теоретическое разногласие, а другое — выработка инакомыслия как идентичности. Кого мож- но было называть оппозиционером? И что следовало из такой ха- рактеристики: увещевание, лечение, наказание? Цель настояще- го микроисследования заключается в том, чтобы проследить про- цесс выработки дискурса об инакомыслии на повседневном уровне, исследовать ментальность «обыкновенного партийца».

Микроистория — это направление в исторической науке, зани- мающееся рассмотрением «малых популяций». Историк Дж. Леви

¹ См., например: Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппор- тунизмом. 1921–1929 гг. М., 1969. 319 с.; Шмелёв А. И. Исторический опыт борьбы ленинской партии против троцкизма за построение социализма в СССР (1923–1927 гг.) Л., 1984. 249 с.; и др.

² См., например: Швецов В. В. Дискуссия в РКП(б) 1923 года. М., 1991. 62 с.; Мель-ников В. П. Политические дискуссии 20-х годов и их эволюция // Политические дискуссии в 20-е годы. Сборник научных трудов. М., 1992. С. 9–15; Насенник Н. Г. Внутрипартийная борьба 20-х годов и поражение оппозиции (из истории поли- тических партий России). Минск, 1997. 104 с.; и др.

³ Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. СПб., 2017. 382 с.

полагает, что, не свидетельствуя о масштабе самой проблемы, микроанализ позволяет увидеть преломление общих событий «в определенной точке реальной жизни»⁴. Уменьшение исследовательских масштабов, исследование отдельных «кейсов» используется как средство поиска новых исследовательских инструментов. Детальная конкретизация материала и его исследование, словно под увеличительным стеклом, позволяют разглядеть существенные особенности деятельности человека, которые обычно ускользают от внимания макроисследований. Индивид, как замечает М. А. Бойцов, «оказывается не только (а порой и не столько) темой повествования (как в традиционной биографии), сколько универсальным масштабом и подразумеваемым смысловым центром при построении микроисториком его собственной картины прошлого»⁵. Реконструкция различных судеб обогащает историческое понимание, ибо всякий раз по-своему актуализирует воздействие политических структур на жизнь человека и раскрывает бесконечное многообразие политических и идеологических представлений, с помощью которых конструировался раннесоветский мир.

Объектом настоящего исследования является партийная ячейка, функционировавшая в Ленинградском коммунистическом университете им. Г. Е. Зиновьева. Изучение того, как разворачивалась в этой ячейке и какие последствия для нее имела внутрипартийная дискуссия 1923 г., не позволяет вывести типичное, но зато позволяет максимально учесть локальные вариации в их специфической связи с общегородским и даже общероссийским целым.

Особое внимание в исследовании уделено языку членов и кандидатов в члены РКП(б). Такой акцент, разумеется, не случаен. Микроисторический подход тесно связан с так называемым дискурсивным поворотом, приверженцы которого признали решающую роль языка в оформлении политического поведения. Это привело к тому, что некоторые историки стали использовать для «обогащения» своей науки инструментарий и методы не только и не столько социологии и политологии, сколько лингвистики, герменевтики, а также семиотики (наука о свойствах знаковых систем) и прагматики (наука об отношениях между знаковыми системами и теми, кто ими пользуется). В рамках этого истори-

⁴ *Levi G. On Microhistory // New Perspectives on Historical Writing / ed. by Peter Burke. Pennsylvania, 1992. P. 93–111.*

⁵ *Бойцов М. Выживет ли Клио при глобализации? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. М., 2006. Т. 7. С. 35.*

ографического направления признается автономия дискурсивной сферы — языкового пространства, функционирующего как самостоятельный организм. Оно изучается в таких категориях, как власть, коммуникация и политическая культура. В данной статье исследуются символические формы политики, семантики политического языка и ритуалов, а также изменение их с течением времени. Представляется важным понять, каковы были представления о единстве партии середины 1920-х годов, как велась «борьба за определения», что понималось под разрешаемым политическим поведением, а что воспрещалось. Исследование до невозможности политизированного быта студентов позволит показать, с помощью каких коммуникативных средств социальные, моральные и идеологические явления трансформировались в политические и как на основе этого определялись правила включения и исключения их из политического пространства.

Напомним, что во время внутривнутрипартийной дискуссии 1923 г. главная линия борьбы проходила между Л. Д. Троцким и его сторонниками, с одной стороны, и триумвиратом в составе Г. Е. Зиновьева, И. В. Сталина и Л. Б. Каменева и их сторонниками — с другой. Левая оппозиция в 1923–1924 гг. не была ни «троцкистской», ни «фракционной» организацией, а представляла собой «внутрипартийную тенденцию, сторонников которой ситуационно объединяло критическое отношение к политике партии и поддержка более решительной „демократизации“ внутривнутрипартийного режима»⁶. Масла в огонь подливал кризис советской экономики, связанный с резким увеличением цен на промышленные товары, в то время как рост цен на продовольственные оставался незначительным. 8 октября 1923 г. Л. Д. Троцкий написал письмо членам Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии РКП(б), в котором настаивал на необходимости введения планового хозяйства и начала индустриализации. По мнению Л. Д. Троцкого, кризис был обусловлен узурпацией Политбюро ЦК РКП(б) права на решение хозяйственных вопросов и отсутствием внутривнутрипартийной демократии. Это, по его мнению, приводило к принятию необдуманных решений, заложивших основы экономического кризиса⁷.

Несмотря на то, что октябрьский пленум ЦК и ЦКК РКП(б) резко осудил оппозиционные выступления, высшее партийное руководство согласилось открыть внутривнутрипартийную дискуссию.

⁶ Резник А. В. Троцкий и товарищи... С. 257.

⁷ Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы, 1923: документы и материалы / отв. сост. В. П. Вилкова. М., 2004. С. 154–165.

После интенсивной «закулисной» работы 5 декабря 1923 г. Политбюро ЦК приняло резолюцию «О партстроительстве». В ней указывалось на необходимость установления режима рабочей демократии, под которой понималась «свобода открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни», а также «выборность должностных лиц и коллегий снизу доверху»⁸.

Опасаясь, что эта резолюция не предназначена для исполнения, в декабре 1923 г. Л. Д. Троцкий опубликовал в газете «Правда» цикл статей под названием «Новый курс». Он пытался объяснить своим оппонентам, что внутривнутрипартийная демократия — не кость, брошенная «низам» в момент кризиса, а необходимое условие сохранения пролетарского характера партии, связи партийных «верхов» с партийными «низами» и избежания дорогостоящих ошибок как в политической, так и в экономической сферах.

Дискуссия, продолжавшаяся вплоть до состоявшейся 16–18 января 1924 г. XIII конференции РКП(б), еще больше усугубила разрыв между Л. Д. Троцким и так называемым триумvirатом. На партийных собраниях по результатам обсуждения принимались резолюции как в поддержку ЦК, так и против, но крайне редко с формулировкой «за оппозицию». «Правда» публиковала разрозненные сообщения с мест, которые свидетельствовали не только о поддержке «большинства ЦК», но и о значительной популярности оппозиции в Москве. XIII партийная конференция осудила взгляды Л. Д. Троцкого, Е. А. Преображенского, Н. Осинского и других оппозиционеров. Они были обвинены во фракционности и нарушении резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии», а также в «меньшевистском уклоне». Вина оппозиции состояла, по мнению «цкистов», во фракционной попытке обеспечить политическую опору мелкобуржуазным элементам внутри партии⁹.

Партийное большинство не могло пройти мимо успеха, каким Л. Д. Троцкий пользовался в вузах. Принимая во внимание, что каждый десятый коммунист в стране был студентом, это была весомая причина в глазах большинства ЦК, чтобы бить тревогу¹⁰. Популярность Л. Д. Троцкого проистекала из того значения, какое он придавал в своей риторике молодому поколению партии,

⁸ О партстроительстве. Резолюция ЦК и ЦКК РКП(б). М., 1923. С. 3–4.

⁹ КПСС: справочник. М., 1963. С. 193.

¹⁰ Лейкин А. Из истории борьбы за преодоление влияния мелкобуржуазных партий на студенчество, 1921–1925 // Интеллигенция и социалистическая культурная революция. Л., 1975. С. 50.

из его утверждения, что учащаяся молодежь реагирует «особенно остро» на бюрократизм партаппарата¹¹.

Хотя неодобрение курса партии высказывало меньшинство студентов, вину за распространение оппозиционных настроений партийный аппарат возложил на вузовскую среду в целом. Петроградский губком РКП(б) констатировал в начале 1924 г., что из 300 «активных» городских оппозиционеров 165 числились в высших учебных заведениях и только 54 — на фабриках и заводах¹². Официальные статистики собрали множество данных, чтобы доказать, что всему есть классовое объяснение и именно непролетарские элементы попались на крючок Л. Д. Троцкого. Так, 73 % петроградских оппозиционеров были отнесены к интеллигенции, и только 6 % составляли рабочие¹³.

6 марта 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) решило провести «ограниченную партийную проверку»¹⁴. Чистка должна была коснуться только вузовских и советских ячеек. Как выразился член Центральной контрольной комиссии РКП(б) Е. М. Ярославский, ячейки должны были освободиться от проводников мелкобуржуазного влияния¹⁵. В Петрограде, в связи со смертью В. И. Ленина переименованном в Ленинград, ежедневный контроль за ходом проверки осуществлялся особой партийной комиссией. Этот орган должен был составить списки подлежащих проверке непроизводственных партячеек, равно как и списки большевиков, достойных заседать в так называемых партпровертройках — проверочных комиссиях, состоявших обычно из трех человек. В Ленинграде 98,2 % членов «троек» составляли рабочие, причем почти половина имела подпольный стаж, то есть это были надежные аналитики партийных душ, умеющие отделить «зерна от плевел»¹⁶. Каждую партийную организацию «тройки» рассматривали как единый неделимый коллектив. Если ячейка классифицировалась как «непроизводственная» — а под эту категорию, есте-

¹¹ Троцкий Л. Д. К истории Русской революции. М., 1990. С. 176.

¹² Иванов В. Миссия ордена: Механизм массовых репрессий в советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 54.

¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1085. Оп. 1. Д. 27. Л. 25; Итоги проверки членов и кандидатов РКП(б) непроизводственных ячеек. М., 1925. С. 87.

¹⁴ Морозова Т. И., Шишкин В. И. «Политику внутри партии... я считаю началом растрачивания ленинского наследства». Переписка Е. М. Ярославского и Е. А. Преображенского о чистке непроизводственных ячеек РКП(б) (конец марта — начало апреля 1924 г.) // Исторический архив. М., 2016. № 5. С. 99.

¹⁵ Ярославский Е. М. Проверка непролетарского состава РКП(б) // Правда. 1924. 27 марта.

¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 6. Оп. 1. Д. 224. Л. 173; ГАНО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 104. Л. 100; Сборник материалов ленинградского комитета РКП(б). Л., 1925. Вып. 8. С. 74.

ственно, подпадали все университетские партячейки, — то все ее члены, независимо от их классового происхождения, подлежали тщательному изучению. Чистка была «задачей весьма ответственной», и «каждый член партии» должен был в ней «принять активное участие»¹⁷. В некоторых организациях проверочная комиссия обратилась ко всему населению с призывом прийти на помощь и дать сведения о проступках проверяемых. Кроме того, проверочные комиссии также помещали объявления в местных газетах¹⁸.

Одни коммунисты к чистке относились иронически, называя ее «исповедью», тогда как других «проверка заставила крепко задуматься над всем, проанализировать все свои поступки»¹⁹. Встречая ее с энтузиазмом, последние напоминали, что сами требовали очистительных операций, «еще до решения высших партийных организаций»²⁰.

В официальных сообщениях о чистке оппозиция не упоминалась. Ленинградский губком РКП(б) дословно выполнял решение Политбюро ЦК о вычищении «балласта» из партийных рядов. Исключению из партии подлежали только те, кто подвергся влиянию нэпа. Председатель тройки по проверке рабфака ЛГУ Яковлев так объяснил задачи чистки: «Встав после Октября в[о] главе государственного строительства, партия начала к себе притягивать разнородные элементы. В дни грозной опасности устраивали партийные недели, и [РКП(б)] втягивала в свои ряды лучшие силы». Но когда опасность миновала, мотивация изменилась. «С окончанием гражданской войны в партию пролезло много чуждого элемента <...> Объявленная КК теперешняя чистка <...> должна удалить из партии чуждых нам по социальному положению, неустойчивых, разложившихся и попавших под влияние нэпа и другой не нужный партии элемент»²¹.

Особенно необходимой проверка считалась в Ленинградском коммунистическом университете им. Зиновьева, поскольку во время зимней внутрипартийной дискуссии партийная организация вуза оказалась не на высоте. Уже в феврале 1924 г., заметно опережая постановления Политбюро ЦК, руководители этого комвуза собрались обсудить между собой предстоявшую партпроверку. «Вопрос о чистке надо ставить во всей широте», — грозно

¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

¹⁸ Итоги проверки членов и кандидатов РКП(б)... С. 25.

¹⁹ Там же. С. 26.

²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 6.

заявил товарищ Баталов. — «Полумеры тут не помогут». «В семье, конечно, не без уroda», — прокомментировал другой университетский управляющий, товарищ Гробовой²². Другие члены университетского правления не прятались за метафорами: «Кто против ЦК, тому нет места в университете», или «интеллигентского засилья у нас нет, но разлагающие элементы есть. Не ясно, почему допущены в университет со средним образованием, а не из рабочих и крестьян». «Корень зла — отрыв от рабочей среды», — поделился своим мнением член университетского правления Цеховский. Ректор университета С.И. Канатчиков взял более снисходительный тон: «Чистка не карательная мера и не расправа с оппозицией». Он полагал, что партпроверка «должна коснуться: 1) тех, кто не был на производстве; 2) кто был в средней и высшей школах, 3) не принадлежавших к рабочим и крестьянам»²³.

Студенты Ленинградского комуниверситета были разбиты на «кружки», по 15–20 человек в каждом, в зависимости от года поступления и специализации. Кружком руководил председатель и «президиум» (а не бюро, как в обычных вузах). Такого рода административная организация подчеркивала почти полное равенство студентов между собой (преподавательский состав был направлен в «лекторские кружки», но те по структуре и образу действия мало чем отличались от студентческих и тоже занимались самообразованием). Чистка, проводившаяся через кружки, считалась триумфом низовой демократии. «Больше всего будем принимать во внимание тот материал, который будет представлен кружками», — обещала вузовская проверочная комиссия²⁴. И на самом деле в Ленинградском комуниверситете чистка, по большому счету, была проведена самими студентами: постановления кружков занимали львиную долю материалов партпроверкомиссии, и случаи отступления от рекомендаций кружков были достаточно редки.

На протяжении нескольких недель в марте 1924 г. студенты встречались после окончания занятий и обсуждали друг друга. Каждый студент коротко повторял свою автобиографию, после чего товарищи устраивали опрос. Простые случаи разбирались быстро, а более сложные могли затянуться на целый вечер. При этом всегда присутствовал обсуждаемый кандидат, который, в свою очередь, имел право вмешиваться, вносить коррективы, оспаривать и защищаться. В итоге кружок достаточно сухим язы-

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–2 об.

²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 12. Л. 17–18.

²⁴ Там же. Л. 15

ком давал характеристику, в которой выделялись сильные и слабые стороны каждого студента.

Инструкция по учету коммунистического студенчества, разработанная весной 1924 г., гласила, что каждый член РКП(б) учитывается на основе особой характеристики: «Губкомы не заводят у себя личных дел комстуденчества, а учитывают их лишь списочным путем на основе характеристик», которые ежегодно следовало высылать в вышестоящий районный или уездный комитет РКП(б)²⁵. Инструкция гласила, что нужно не обвинять или оправдывать, а именно «характеризовать». Характеристика кружка в купе с материалами, спущенными из райкома, была главным доводом в руках проверочной комиссии, которая одна имела право на исключение того или другого студента²⁶.

Составление характеристик не всегда было простым делом, в чем можно убедиться на основании ожесточенных споров в кружках. Студенты упражнялись в риторике и полемике, не соглашаясь с оценками друг друга и время от времени задавая дополнительные вопросы тому, чья личность обсуждалась. Задуманные изначально как товарищеские разбирательства, такие обсуждения то и дело превращались в нечто сходное с судебным процессом. Под знак вопроса ставилась идентичность не только обсуждаемого, но и его недругов и защитников²⁷.

После окончания дебатов члены кружка предлагали собственные формулировки характеристик и возможные санкции. Все это выносилось на голосование. Случалось, что в результате разногласий кружок распадался и в вышестоящие органы поступали предложения как большинства, так и меньшинства.

Кружки могли воздействовать на провинившихся путем вынесения одной из двух рекомендаций: либо нагрузить студента добавочной общественной работой, либо отчислить его из университета и направить на производство. В случае особой вины материалы передавались контрольной комиссии. Несмотря на то, что сам кружок не мог никого вычистить, было件нятно, что резко отрицательная характеристика приведет к такому результату в вышестоящих инстанциях²⁸. Следует заметить, что хотя общегород-

²⁵ ЦГАИПД СПб Ф. 138. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 27.

²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

²⁷ Ратуя за себя и за других, студенты находились в тисках истины, устава и канона. Малейшие упущения или уклончивость оставляли неизгладимый отпечаток. Претензии к самой процедуре проверки, сравнение ее с религиозной исповедью были редки, а случайные замечания указывают на то, что протокол по большей части соблюдался.

²⁸ Итоги проверки членов и кандидатов РКП(б)... С. 123–139.

ская партпроверка глухо упоминается в одном-двух документах, в архиве нет материалов, свидетельствующих о ее работе в коммунистическом университете.

Ни в одном из случаев, рассматриваемых при чистке, не разбиралась только идеология или политика. Даже когда подробно обсуждалось поведение студента во время дискуссии, это делалось в более широком биографическом контексте с учетом классового происхождения, отношения к товарищам, общественной работы и т. п. Никто не удивлялся, если товарищ голосовал за оппозицию по одному вопросу и за ЦК — по другому. «Оппозиция» могла быть теоретической ориентацией, даже платформой, но не состоянием души. Л. Д. Троцкий являлся символом оппозиции, особенно в вузах, но совершенно очевидно, что многие случаи диссидентства не были связаны с переходом в ряды его сторонников. Студенты критиковали партийные верхи по разным причинам, иногда включая туда и самого Л. Д. Троцкого и предъявляя ему претензии. Не каждое слово в поддержку партийного меньшинства признавалось серьезным прегрешением.

К сожалению, мы располагаем лишь ограниченными и краткими протоколами студенческих дискуссий. Несмотря на то, что студенты общались часами напролет, сохранились лишь выборочные, достаточно лаконичные записи их разговоров. Ключевую роль в обсуждении всегда играла автобиография, которая фиксировалась со слов самого студента и в материалах чистки часто откладывалась в форме не прямой речи, рассказанной от третьего лица. Последующие короткие сессии вопросов и ответов свидетельствуют, что самым интересным были не сухие данные: их можно было почерпнуть из анкеты. Гораздо важнее было понять, открыт ли партиец, искренен ли он: конечно, политическая позиция во время дискуссии часто упоминалась, но главный интерес был к общей траектории развития²⁹.

Стенографисты писали от руки, часто неразборчивым почерком, почти без знаков препинания. В большинстве случаев они пренебрегали грамматическими правилами, так что изучаемые тексты представляют значительные трудности для исследователя³⁰. Трудно сказать, когда такое положение вещей являлось результатом неграмотности секретаря, ведущего журнал партзаседания, а когда воспроизводилась неупорядоченная устная речь. Хотя логическая последовательность в протоколах часто не под-

²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 116. Л. 72.

³⁰ В настоящей статье цитаты приведены по современным правилам орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей текста.

лежит реконструкции, работа с таким материалом позволяет почувствовать не только смысл, но и тон, колорит, настроение документов. С одной стороны, они, за редким исключением, не отредактированы ни самим говорящим, ни секретарем, ведущим протокол. С другой стороны, это живые, иногда страшные, всегда эмоциональные документы эпохи. В них меньше официоза, чем в отработанных и часто опубликованных стенограммах заседаний высших парторганов. И самое главное, протоколы кружков предназначались не для публикации, а для внутреннего пользования, вероятно, для партпровертровки или контрольной комиссии. Они позволяют нам взглянуть на партийную «кухню», понять, как функционировал большевистский дискурс изнутри. Перед нами опыт включенного наблюдения, насколько оно возможно без личного, непосредственного участия в разговоре.

Одним из типичных случаев являлся разбор личности студента Рагожникова, политические воззрения которого можно описать по-разному, но только не как сторонника политической линии ЦК. В самом начале обсуждения Рагожников изложил свою автобиографию. Родился он в 1899 г. в семье сапожника. «Революция меня всколыхнула, — говорил он. — Я посещал все заседания, митинги, собрания. С июльских дней [1917 г.] я становлюсь уже большевиком. В партию вступил в августе 1917 г., [к этому меня] побудила объективная обстановка, отец, знакомые большевики»³¹. Гражданскую войну Рагожников провел на Урале, где выполнял разные партийные поручения. Во время оккупации белыми Челябинска его жизнь висела на волоске. Рагожников был мыслителем, способным к «пропагандистской работе». Во время внутрипартийной дискуссии много думал и читал. Проблемы страны были его проблемами. Кризис не давал ему покоя, и он искал ключ к пониманию событий. Рагожников не только защищал позицию партийного меньшинства, но имел на руках и, возможно, распространял письма Л. Д. Троцкого.

Дослушав автобиографию, товарищи приступили к всесторонней оценке Рагожникова. Разбор двигался от его поступков (за кого он голосовал на кружке) к состоянию ума, или тому, что называлось «теоретической позицией». Важно было установить, дисциплинирован ли Рагожников и, что еще более существенно, «выдержан» ли он. Как обычно, вопросы задавались о поведении партийца в революционные годы, о его отношении к партийным группировкам, не повиновавшимся запрету на фракцион-

³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 117. Л. 31.

ную деятельность во время XII съезда РКП(б), о его способности перестроиться и отмежеваться от оппозиции после XIII партконференции. Имел ли Рагожников право на собственное мнение, или же он должен был безоговорочно подчиниться партийной линии?

Когда Рагожникова спросили, «как [он] смотрит сейчас» на политику РКП(б), последовал азбучный ответ: «После идей[ной] дискуссии каждый член партии должен подчиниться ее решениям и проводить их вниз». Однако было известно, что он продолжал агитировать за оппозицию совсем недавно, что противоречило принципам демократического централизма. Гордеев негодовал: «Меня удивило, что выступающие тт. видят в Рагожникове с[тойко]го партийца <...> Рагожников по экономическим вопросам бесплановость предлагал [считать] главной причиной [кризиса] <...> он отстаивал эту точку зрения и после дискуссии и старался теоретически доказать это». Рудзит нашел тут издевательство и подвох: «Что Рагожников после дискуссии просто теоретически хочет защитить свои мнения, так Гордеев видит в этом преступление». Он утверждал, что все, что обсуждалось, «обсуждалось не в дискуссионном порядке, а на занятии кружка, а судить за это выступление нельзя»³².

Товарищи не могли жить одной дисциплиной, и «выдержанность» — добавочная черта характера, выводящая на сущность человека, обсуждалась в случае Рагожникова с не меньшей серьезностью. Настоящий коммунист должен был полностью идентифицироваться с революционной миссией. Хладнокровие, последовательность, внутренняя солидарность с партийными решениями — все это было составляющими «выдержанности». Но так как выдержанность предполагала знакомство с внутренними качествами партийца, ее оценка зависела от так называемой выявленности. Студенты не могли проникнуть в душу товарища, если он не выражал ход своих мыслей. «Говорить о выдержанности Рагожникова при его невыявленности трудно», — заметил Фёдоров. Плонский недоумевал: «До [внутрипартийной] дискуссии Рагожников [—] один из лучших товарищей, но по вопросам идей [в] дискуссии он не участвовал». У него были какие-то административные обязанности, которые занимали его время. Кузнецов считал, что это отговорки: «За неучастие в дискуссии Рагожникова надо поставить ему в вину». Эта линия критики встретила серьезное противодействие. Рудзит утверждал, что «при обсужде-

³² ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 117. Л. 32–33.

нии вопросов XII съезда <...> Рагожников говорил и себя выявил столько, сколько и все. Рагожников <...> по эк[ономическим] вопросам выступал, где ж невыевленность[?]».

Рагожников, пытаясь укрепить линию защиты, настаивал на том, что его отказ ораторствовать во время дискуссии был связан с нежеланием механически повторять губкомовского докладчика. Он хотел прийти к собственному мнению, которое «составил не сразу», «сначала все прочел». То, что каждый коммунист должен был выполнять партийные директивы, не значило, что он не должен был думать сам за себя.

Настоятельные требования умственной независимости оказались удачной стратегией. Рагожникова в итоге охарактеризовали как «стойкого» и «твердого» партийца.

В материалах обсуждения Рагожникова просматривается вся сложность душевной аналитики, имевшей место в 1924 г. Нюансы в установлении качеств личности коммуниста раскрывают тонкости оценки инакомыслия как склонности характера. Студенты кружка отличали поведение («дисциплину») от внутреннего настроя («выдержанности»), убеждения («теоретическую позицию») от личных предпочтений. Вопросы этики ставились ребром: насколько партиец должен быть активным, открытым, преданным, подчиняться ли ему партии любой ценой или же можно сохранять определенную интеллектуальную автономию. Перед нами пример высоких ожиданий от опытного большевика. Почему Рагожников занял пассивную позицию во время внутривнутрипартийной дискуссии? Почему его голос редко звучал во время прений?

Здесь мы сталкиваемся с проблемой «выявления»: открытый враг, даже самый заядлый, считался менее опасным, чем тот, который скрывался. Нельзя было препятствовать самораскрытию: коммунист должен был говорить, «проявлять себя» с тем, чтобы коллектив мог его распознать. Вопрос о том, кто он такой, стоял и перед ним самим. Рагожников сказал на партсобрании многое в ущерб самому себе. Однако партиец, который проговаривался, не был наивен, такой товарищ лоялен, предан общему делу, связанному с самопознанием. Гораздо хуже, когда член РКП(б) отмалчивался. Скорее всего, он только играл роль, стараясь обмануть партию. У него было что-то на уме, в нем был сокрыт какой-то подвох. Именно таким виделся внутренний враг: не оппозиционером, который открыто защищал позиции меньшинства (их в 1924 г. оставляли в партии), а партийцем, который тайлся.

Выяснение характера того или иного коммуниста, проходившего чистку, часто связывалось с установлением его социального

происхождения. Занятия родителей, политическая деятельность братьев и сестер — все это внимательно вычитывалось из автобиографии и обсуждалось. Класс определял экономические интересы, и тут знакомство с книгами марксистов помогало понять общий фон поведения товарищей. Чаще, однако, класс понимался как психологический тип. Крестьянам приписывался эгоизм и зашоренность, интеллигенции — высокомерность и отчужденность, и только истинные рабочие умели преодолеть свои индивидуальные пристрастия и посмотреть на мир объективными, научными глазами.

Выходцу из крестьянской семьи А. Н. Потапову, биографию которого не легко реконструировать, в ходе проверки были предъявлены обвинения в том, что крестьянские симпатии лишили его объективности и партийной стойкости³³. Анкета гласила, что Алексею Николаевичу Потапову во время проведения чистки было 22 года. Он происходил «из крестьянской семьи», имел низшее образование, состоял в РКП(б) с 1920 г. Известно, что прежде А. Н. Потапов был членом волисполкома Советов, членом уездного комитета РКСМ, а также чрезвычайной тройки по сбору продналога. Но было не ясно, что делал он после окончания гражданской войны и какова была мотивация его поступков.

Подробное и крайне негативное описание поведения А. Н. Потапова представил на заседании кружка Самсонов. Он выдвинул против обсуждаемого, по меньшей мере, шесть обвинений, которые задали тон последующему разговору. Стенографист явно не успевал за говорящим. Текст получился неграмотным, оборванным и не всегда понятным. Небрежность и неразборчивый почерк также затрудняют работу с документом. Но все-таки стенограмма передает общую картину сказанного. Первое обвинение заключалось в том, что А. Н. Потапов был командирован в распоряжение Центрального комитета, по всей видимости, с целью военной мобилизации, но не являлся в ЦК на протяжении восьми месяцев. Далее Самсонов уличил А. Н. Потапова в уклонении от ответственной работы «ради личных выгод», в «деклассированной трусливости», выразившейся в том, что, поехав на Украину, он, тем не менее, «не поехал туда, где были бандиты», а также в неуверенном голосовании во время внутривнутрипартийной дискуссии. Обобщая все сказанное, Самсонов охарактеризовал А. Н. Потапова как невыдержанного товарища, имевшего «холодную расчетливость».

³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 117. Л. 26–29.

Недрузи приписывали А.Н. Потапову кумовство, приспособленчество, поиск «теплых» и безопасных мест. Его родители, как напоминал Ашкитин, были «средняки-кулаки», из-за чего «Потапов не мог вырасти с пролетарской психологией». Отсюда и соответствующий характер: «Неустойчив, высокомерен, заносчив, скрытен». «Потапов смотрит на товарищей свысока», — заявил Лишов. Кузнецова утверждала, что Потапов просто использовал партийность «для своих целей». По всей видимости, большинство выступивших считали его приспособленцем.

Были у А.Н. Потапова и защитники. «Зная его 1½ года, — говорил Гордеев, — я ничего подобного не замечал, мало того, его даже старый кружок избрал административным старостой». Другой участник собрания заявил, что «обвинения совсем необоснованные», поскольку, приехав учиться, «первое время каждый должен отказаться от какой-либо обществ[енной] работы даже у себя на курсе». Агатов знал Потапова «устойчивым и выдержанным членом партии», и это мнение должно было иметь вес, так как он был бывший парторганизатор кружка.

Затем слово взял близкий к Потапову Гудеев: «Я знаю Потапова ½ года, он никогда не говорил не разобравшись, а подходил критически. Он первый всегда подавал в кружке вопросы о проработке важных газетных статей. Критерий в подходе у него всегда был. Говорят о его невыдержанности. Потапов никогда не игнорировал вопросов дискуссии. Нельзя сказать и того, что он уклонялся от решений парторганизации. <...> Возьмем Потапова в начале пребывания в коллективе и возьмем его теперь. Многие за старое время его не знают. Конечно, [он] не мог получить твердой закалки, но если взять его сейчас, он стал много лучше и исправляется только в здоровую сторону и может считаться выдержанным и стойким членом партии»³⁴.

Два совершенно разных Потапова предстали перед кружком: один — хищный крестьянский оппортунист, который как-то сумел затесаться в партию, другой — серьезный и быстро растущий партиец. Выступление шло за выступлением, стенографист работал вовсю, а общий знаменатель никак не вычислялся.

Наконец настала очередь самого А.Н. Потапова высказаться. Замешкавшись от предъявленных ему обвинений, в свою защиту он сказал немного. Отрицая обвинения в уклонении от работы, стремлении к деньгам, политической неустойчивости и наличии у него некой «кулацкой черты», А.Н. Потапов заявил, что «объек-

³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 117. Л. 27–28.

тивности в обсуждении не было», все было заранее «подготовлено» и кое-кто «всегда задавал вопросы и подходил так, чтобы как-нибудь зацепиться». На самом деле ссоры, склоки, низкие побуждения и личная неприязнь были настолько заметны, что их нельзя было оставить без комментария. «Если мои резкие выступления кому не нравились, — удивлялся Потапов, — то почему не делали мне замечаний, <...> я всегда говорил прямо то, что думал».

В такой ситуации единого мнения насчет характера А. Н. Потапова быть не могло. Поступил целый ряд самых разных оценок, каждая из которых имела своих сторонников. Многие склонялись к тому, что А. Н. Потапову место не в университете, а на заводе. После длительной дискуссии 13 голосами «за» было принято предложение Фёдорова «передать дело о Потапове в КК, которая уже решит, что с ним делать».

Два студента, возмущенные этим решением, которое они находили абсолютно необоснованным, написали «внеочередное заявление» в университетское бюро: «Товарищи, поскольку характеристика кружка принята незначительным большинством, меньшинство считает ее неправильной. Здесь было пристрастие, подготовленное заранее решение, в общем, прицепка за пустяки и упущение главного. Старый кружок, зная Потапова хорошо, никогда бы не дал такой характеристики, и, принятая большинством, [она] дана товарищами, мало Потапова знающими. При такой характеристике Потапов не должен быть в партии и самое дело разбора Потапова д[олжно] б[ыть] передано в КК. За заявление несем ответственность»³⁵. К этому заявлению присоединились почти все члены четвертого кружка, по-видимому, раскомплектованного в связи с дискуссией. В то же время в партбюро было подано еще одно «особое мнение» за подписью некой Нудельман, которая заявила: «Из всего материала и согласно данному протоколу, я лично делаю вывод, что Потапова лучше перевести в кандидаты [в члены] партии на один-два года»³⁶.

Ничего и никого не жалея, две клики вцепились одна в другую. Компромисс, нюансы в характеристике, умеренные меры — все это было исключено. Через несколько дней дело было пересмотрено, на этот раз в присутствии бывших товарищей Потапова из четвертого кружка. За предложение «считать т. Потапова в партийном отношении выдержанным, дисциплинированным и стойким членом партии и хорошим товарищем в бытовом отноше-

³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 117. Л. 29.

³⁶ Там же. Л. 29 об.

нии» проголосовали 14 человек против четырех несогласных. Но это Потапову не помогло. В итоге кружок нашел «нецелесообразным дальнейшее пребывание в у[ниверсите]те», а его партийное дело было передано в контрольную комиссию для дальнейшего рассмотрения по партийной линии³⁷.

Итак, зададимся вопросом, следует ли из этого, что персональные мотивации играли главную роль во время чистки? Историк, который пытается слепо идти за источником, часто просто принимает точку зрения говорящих. В итоге, сам того не замечая, он занимает позицию в споре, даже если идеологические наслоения игнорируются в анализе, поскольку они якобы скрывают истину, а не раскрывают ее. Так называемый критический метод, требующий отыскивать под трафаретом официоза истинные эмоции и интересы, на самом деле проецирует повседневную логику мышления исследователя на незнакомое культурное пространство и приводит к анахронизму.

На мой взгляд, гораздо важнее рассмотреть, как были оформлены персональные мотивации. Дело не в том, что они не играли роли в чистке, а в том, что их невозможно было выстроить вне ее понятийного поля. Даже самые интимные стороны жизни зависели от официального языка самоидентификации, на котором о них говорили. В то время как сторонники А.Н. Потапова придерживались канона большевистской автобиографии и конструировали честного товарища, те, кто критиковал его, должны были доказать, что А.Н. Потапов был не хороший коммунист, а примазавшийся сын кулака.

Ни одна сторона жизни не считалась частной. Предложение прокомментировать поведение товарища заводило разговор о его «настроениях» и «навыках», а не только публичных политических высказываниях³⁸. Рассказ о происшествии в общежитии, запомнившийся спор, жест, молчание — все подлежало оценке «чистильщиков». Такая практика не вызывала никакого протеста. Личная жизнь постоянно обсуждалась коллективом.

Пример из пятого кружка показывает, что попытка отделить личные мотивации в ходе проведения чистки от официальных не дают результата³⁹. Например, Надежда Смотряева 7 апреля 1924 г. отреагировала на свое исключение заявлением в партийное бюро: «В протоколе общего собрания кол[лекти]ва по поводу [вопроса] о чистке мне приписана склока. Я же, со своей стороны,

³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 115. Л. 111–112.

³⁸ ЦГАОДМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 169. Л. 123.

³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 22. Л. 4–5.

считаю виновницей этой склоки т[ов]. Косиль Иду, которая затеяла ее на почве личных счетов. <...> Играя на чувствах недоверия, порожденных среди кружка партийной дискуссией, т[ов]. Косиль путем сплетен восстановила против меня всех товарищей кружка, [со]стоящих раньше в оппозиции, и некоторых из цекистов. Как я не старалась выяснить, что им говорила Косиль, этого мне не удалось. Ребята молчат.

Уходя от нас в отдельную комнату 21 февраля с. г., еще до чистки, она поссорилась утром со мной и пригрозила мне чисткой, причем назвала почти всех товарищей, [со]стоявших раньше в оппозиции, которые будут меня чистить.

А после занятия в ун[иверсите]те в этот же день она что-то рассказывала им обо мне. Что она говорила, мне никто не говорил, за исключением тов. Смирнова Евгения, который подал мне записку вечером в читальне, но факт тот, что к беседе они все были настроены против меня, что продолжается до сих пор.

Дело в том, что Косиль жила некоторое время со мной в одной комнате и мы нередко с ней спорили, и довольно горько. Раза два я указала на ее нетактичные и даже некоммунистические выходы и сказала ей, что она не имеет своего лица, за что она еще тогда сказала, что мне не место в партии и что она подаст в контрольную комиссию. Я считала себя правой и не обратила на это внимания.

Теперь Косиль своего добила. Кружок меня „вычистил“. Правильно ли это или нет, разберет комиссия по чистке, вопрос же о склоке прошу разобрать бюро кол[лекти]ва и возможно скорее, так как, вероятно, скоро очередь нашего кружка на просмотр комиссии.

Подробности и объяснения наших споров после одного из шумных собраний нашего кружка дам лично. Что подтвердят тт. Скульгина и Ахлитина, живущие со мной в одной комнате, отчасти парторг т. Булгаков»⁴⁰.

В этом заявлении сразу бросается в глаза, что Н. Смотряева обвинила недругов в использовании идеологии как прикрытия для сведения личных счетов. Но при внимательном прочтении обнаруживается, что, даже когда аргументация была совершенно личного плана и партийцы чуть ли не обзывали друг друга, они использовали партийную лексику. Языковые понятия большевизма предопределяли любой разбор человека: хочешь оскорбить кого-нибудь, назови его «идеологически чуждым». Описываемые

⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 22. Л. 4–5.

события назывались «склокой» самой Н. Смотряевой. Она говорила о «личных счетах», «чувстве недоверия», «сплетнях», но идентификация их генераторов была политическая — «оппозиционеры», «цкисты». Чистка описывалась Н. Смотряевой как средство мести, но мести именно «оппозиционеров» и именно за политические притеснения.

Чревата последствиями была также оторванность от коллектива. Если коммунист стал заносчивым, если он не уважал авторитет кружка, ему не было места в университете. Здесь не помогало социальное происхождение и могли не спасти даже заслуги перед революцией⁴¹. Обособленчество и незнание рабочей жизни, приводившие сначала к эгоизму и заносчивости, а затем к необузданной оппозиционности, были названы ректором комуниверситета С. И. Канатчиковым «гороховщиной» — по фамилии одного из студентов, проходивших чистку.

Согласно автобиографии, записанной стенографистом в ходе обсуждения, Николай Горохов родился в 1901 г. в семье «крупного агента по эксп[орту] хлеба», образование имел «ниже среднего», вступил в РКП(б) в 1918 г. Как по социальному происхождению, так и по социальному положению Н. Горохов считал себя служащим. Во время гражданской войны осуществлял подпольную деятельность на Украине, имел связь с партизанскими отрядами, состоял в чрезвычайной комиссии, участвовал в подавлении Тамбовского восстания, затем работал в уездном комитете РКСМ и снова в ЧК, после чего заведовал оргинструкторским отделом Полтавского окружного комитета РКП(б).

«Что Горохов хороший товарищ, способный студент, и хороший революционер, никто не оспаривает», — сказал Лезников, однако тут же заметил, что «у него есть горячность, мало выдержки». Аналогичную оценку дал Брандт: «Он хороший революционер, <...> но есть украинский дух, нет достаточной партийной выдержки, не является хорошим материалом в ун[иверсите]те, жизни как таковой не знает, он знает лишь революционную, украинскую жизнь, жизненной бытовой закалки нет». Ткаченко утверждал, что «горячность Горохова — вещь постоянная. Эта горячность переходит в амбицию, в индивидуализм». По мнению Брандта, Н. Горохов был «ценен в партийном отношении», но ему, тем не менее, следовало «приобрести еще большую ценность», только не в университете, а на производстве: «Наша среда — не лучшая среда. Лучшая среда — завод».

⁴¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 115. Л. 14.

После длительной дискуссии Н. Горохов был охарактеризован как «хороший товарищ», который, тем не менее, имеет следующие изъяны: «1. Недостаточно партийной выдержки; 2. Молодость; 3. Неясность с социальным положением».

По итогам голосования 12 человек поддержали предложение отчислить Н. Горохова и направить «на производство», девять проголосовали за то, чтобы оставить его в университете, и семь — за командирование на «практическую работу». В результате президиум кружка исключил Н. Горохова из университета и направил материал для проверки «социального происхождения» и «партийной выдержанности» в контрольную комиссию⁴².

Неудовлетворительное поведение Н. Горохова, Н. Смотряевой и других служащих и интеллигентов выдвинули на первый план вопрос о классовой сущности студентов. Чтобы объяснить, как различные нездоровые явления могли захлестнуть коммунистический университет, которому полагалось быть одной из самых политически надежных организацией, партбюро заявило, что комвуз не является по-настоящему пролетарским. После детального изучения обновленной биографической информации в анкетах было выявлено мелкобуржуазных элементов значительно больше, чем представлялось ранее⁴³.

Настораживало бюро и то, что в университете училось много выходцев из других партий, преобладали бундовцы и социал-революционеры, но присутствовали и те, кто побывал в рядах интернационалистов и анархистов. Наконец, бюро огорчилось и ситуацией с партстажем: было подсчитано, что большинство студентов, обучавшихся тогда в комвузе, вступило в РКП(б) после 1919 г., а «подпольщиков» было всего 29 товарищей⁴⁴. «Это и есть причины всех нездоровых явлений, — заключил Филипп Иванов. — Нет подпольной закалки»⁴⁵.

Количественные данные о результатах чистки в коммунистическом университете не сохранились. Партпровертройка пересылала все «политические» дела в контрольную комиссию. Следует полагать, что там партвзыскания были смягчены и многие вычищенные восстановлены. Такова, по крайней мере, была тенденция по РКП(б) в целом: после рассмотрения контрольными комиссиями поданных апелляций число исключенных из пар-

⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 115. Л. 107.

⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.

⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1242. Л. 146.

⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

тии в ходе чистки сократилось с 12,8 тыс. до 5,8 тыс. человек⁴⁶. То есть почти 55 % всех исключенных были восстановлены в правах членов партии. Некоторые были исключены на срок, другим возвращены партбилеты «без наложения партвзыскания». Многих, не удовлетворенных решениями местных контрольных комиссий, восстановила Центральная контрольная комиссия в Москве⁴⁷.

В середине 1920-х годов оппозицию трактовали как политическое проявление нэпа и сопутствующего социально-культурного упадничества, затронувшего слабые звенья партии. Никто не утверждал, что сторонники Л. Д. Троцкого умышленно нанесли вред единству большевиков, никому в голову не приходило считать их врагами. «Оздоровительный труд» на заводе в сочетании с действенным морально-идеологическим внушением наверняка мог вернуть их в лоно единомышленников. Даже исключенные в ходе чистки — едва ли большинство из тех, кто в той или иной мере придерживался оппозиционных взглядов — не считались безвозвратно потерянными для партии. Предполагалось, что после короткого пребывания на фабрике или заводе они, скорее всего, вновь обретут политическое здравомыслие и попросятся обратно. Печать называла оппозиционеров «уклонистами», а не «контрреволюционерами». В такой языковой выбор было вложено важное предположение: конечная цель у «уклонистов» и тех, кто придерживался прямой линии ЦК, если не одинакова, но очень схожа. Временно утратив дисциплину и внутреннюю сноровку, оппозиционеры просто выбрали неблагоприятный, длинный и рискованный путь к желанной цели.

С точки зрения Ленинградского горкома, чистка не была политической, несмотря на жалобы Е. А. Преображенского по этому поводу. Вопрос «наш ты или не наш» был поставлен позже, после дискуссии с объединенной оппозицией, когда против отступников была использована 58-я статья Уголовного кодекса. Во время же чистки 1924 г. в коммунистическом университете еще действовала презумпция невиновности: все студенты хотели стать достойными партийцами, но не у всех получалось. Проблема была в самом характере: кое-кому не хватало необходимой «закалки», а это обстоятельство влияло на выдержанность и дисциплину. Отсюда разговор об упадке, оторванности, других психологических недостатках. Отсюда центральная роль «характере-

⁴⁶ Морозова Т.И., Шишкин В.И. «Политику внутри партии... я считаю началом растрачивания ленинского наследства»... С. 106.

⁴⁷ Итоги проверки членов и кандидатов РКП(б)... С. 117.

ристики» для оценки партийцев. Отсюда, наконец, и коллективное обсуждение, и коллективное установление епитимий на провинившихся: обычно работа по чистке предоставлялась комиссии и носила более бюрократический характер.

В 1923–1924 гг. большевики считали, что организация внутренней жизни партии на широкой основе обеспечивала учет мнений и воли партийных масс, их решающее влияние на формирование руководящих органов РКП(б), очищение партийных рядов, иными словами, «демократию». Вердикты партии, как они полагали, «должны складываться в результате передачи мнений не только сверху вниз, но и снизу вверх. <...> Формула только сверху вниз — есть формула бланкистская <...> Центр не только формирует и подытоживает мнения всей партии, но и старается формулировать его»⁴⁸. Важно было, чтобы партиец не испытывал отчуждения от решений проверочных комиссий, а, наоборот, видел в них реализацию своей воли. Даже исключенный товарищ должен был принимать решения в отношении себя «душой и сердцем», если это понадобится, то «прорабатывать» их с утра до ночи, пока не достигнет слияния с коллективной волей. Демократический централизм понимался как диалектический процесс, в котором часть (отдельный партиец) и целое (ячейка, губком и партия в целом) взаимно конституируют друг друга.

⁴⁸ Путь рабочей оппозиции: сборник статей. М., 1926. С. 75.

Т. И. МОРОЗОВА
Институт истории СО РАН (Новосибирск)

**«ТОВАРИЩ КОМАРОВ
УПОРСТВУЕТ В СВОЕЙ ОШИБКЕ».
ПОЗИЦИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СИБКОЛХОЗСОЮЗА
ПО ВОПРОСУ О ДОПУСКЕ КУЛАКОВ
В КОЛХОЗЫ (СЕНТЯБРЬ — НОЯБРЬ 1929 Г.)**

В статье исследуется формирование позиции председателя Сибколхозсоюза В. Ф. Комарова по вопросу о допуске кулаков в колхозы. На основе широкого круга источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, реконструированы биография Комарова и исторический контекст, в котором были подготовлены его тезисы «О колхозном строительстве в Сибири», выявлено содержание и особенности взглядов Комарова, установлены основные аргументы, которыми он оперировал. Сделан вывод, что, несмотря на давление со стороны бюро Сибирского краевого комитета ВКП(б), коммунистической фракции Сибколхозсоюза и краевой периодической печати, Комаров не полностью отказался от своей точки зрения, которую считал правильной и соответствующей генеральной линии партии.

Ключевые слова: сплошная коллективизация, колхозы, кулачество, Сибкрайком ВКП(б), В. Ф. Комаров.

Идея подготовить публикацию о председателе Сибколхозсоюза В. Ф. Комарове впервые появилась у меня еще в 2011 г., за несколько месяцев до поступления в аспирантуру. Статья была тогда написана за пару недель и немедленно представлена на суд научному руководителю — доктору исторических наук, профессору В. И. Шишкину. Сделав замечания по тексту, Владимир Иванович вынес вердикт: «Тема настолько хороша, что портить ее такой публикацией не стоит». За прошедшие с тех пор шесть с половиной лет мне действительно удалось выявить целый ряд документов, без которых это исследование на самом деле было бы невозможно, переосмыслить сделанные первоначально выводы и в полной мере осознать справедливость данной моему первому тексту оценки. Предпринимая теперь свою вторую попытку разобраться в заявленной теме, я искренне благодарю своего Учителя за всегда конструктивную критику, полезные рекомендации, профессиональные наставления и квалифицированное научное руководство.

Руководство находившейся у власти в СССР коммунистической партии большевиков видело два варианта социалистического преобразования сельского хозяйства: один — через создание советских хозяйств, другой — путем объединения крестьян в коллективные хозяйства. Колхозы отличались друг от друга степенью обобществления труда, средств производства и имущества (товарищества по совместной обработке земли, артели, коммуны), размерами (мелкие, крупные, колхозы-гиганты) и рентабельностью (убыточные и прибыльные). Изначально и на всем протяжении 1920-х годов большинство колхозов было неоднородно по социальному составу.

До провозглашения в январе 1930 г. лозунга «ликвидации кулачества как класса» вопрос о том, из каких категорий крестьянства должны состоять коллективные хозяйства, решался партийными и советскими органами по-разному. В конце 1920 — начале 1921 г. в Сибири сельские коммунисты и советские работники не только не препятствовали вступлению кулаков и зажиточных середняков в колхозы, но нередко сознательно принуждали их к этому в целях использования принадлежавших им средств производства для формирования материально-технической базы коллективных хозяйств¹. В годы новой экономической политики ситуация изменилась. В резолюции состоявшегося в апреле 1923 г. XII съезда РКП(б) тозы, артели и коммуны были названы «хозяйственными объединениями беднейших слоев крестьян», хотя никакого запрета на допущение в их состав других групп сельского населения дано не было². В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) объявил курс на сплошную коллективизацию сельского хозяйства и одновременно поставил задачу «более решительного наступления на кулака»³. Но в чем заключалась суть этого «наступления» и как следовало поступать с так называемыми кулацкими хозяйствами в условиях, когда большинство жителей села объединяется в колхоз, ни в одной партийной директиве не разъяснялось.

В сложившейся ситуации партийные и советские работники, ответственные за проведение коллективизации, избирали часто

¹ Шишкин В.И. Численность и состав колхозов Сибири в период «военного коммунизма» (конец 1919 — начало 1921 г.) // Социально-культурные преобразования в Сибирской деревне. 1917–1980 гг. Новосибирск, 1982. С. 61–62; Он же. Социалистическое строительство в Сибирской деревне (ноябрь 1919 — март 1921 г.). Новосибирск, 1985. С. 103.

² О работе РКП(б) в деревне // Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923. Стенографический отчет. М., 1968. С. 720.

³ О работе в деревне // XV съезд Всероссийской коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1928. С. 1306.

прямо противоположные стратегии поведения. Одни предпочитали воздержаться от каких-либо предложений, выжидая более конкретных указаний от ЦК ВКП(б). Другие осознавали, что игнорировать проблему нельзя, и пытались решать ее в зависимости от местных условий. В числе тех, кто осмелился сформулировать свою точку зрения, оказался кандидат в члены бюро Сибирского краевого комитета ВКП(б) В. Ф. Комаров, являвшийся также председателем Сибирского краевого союза сельскохозяйственных коллективов (Сибколхозсоюза) и членом президиума Сибирского союза союзов сельскохозяйственной кооперации. В подготовленных им в 1929 г. тезисах «О колхозном строительстве в Сибири» утверждалось, что в конкретных условиях сплошной коллективизации сел и районов, при соблюдении целого ряда ограничительных мер, кулаки могут быть допущены в колхозы. Эта мысль стала поводом для обвинения его в «правом» уклоне, а развернутая против Комарова идеологическая кампания приобрела такой резонанс, что ее отголоски попали даже на страницы «Правды» — органа ЦК ВКП(б).

Первым, кто ввел в научный оборот фактический материал о разногласиях среди партийно-советского руководства Сибири по вопросам колхозного строительства, был Н. Я. Гуцин. В монографии, опубликованной еще в 1973 г., автор утверждал, что состоявшаяся в марте 1929 г. IV Сибирская партийная конференция приняла однозначное решение о недопущении кулаков в колхозы, а «некоторые руководящие работники» Сибирского союза союзов якобы выступили за пересмотр этой установки⁴. Позднее в опубликованной Н. Я. Гуциным и В. А. Ильных монографии позиция Комарова и ряда других членов Союза союзов характеризовалась как оппортунистическая⁵. Иначе были расставлены акценты в постсоветской историографии. Продолжая утверждать, что в 1929 г. в Сибири имела место попытка ревизии решений IV краевой партконференции по вопросу о приеме кулаков в колхозы, Н. Я. Гуцин оценил ее уже не как проявление оппортунизма, а как противодействие и даже оппозицию жесткому антикулацкому курсу правящей партии⁶.

⁴ Гуцин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 233.

⁵ Гуцин Н. Я., Ильных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е — середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. С. 159.

⁶ Гуцин Н. Я. Сельскохозяйственная кооперация Сибири в условиях нэпа: опыт и уроки // Кооперация Сибири в XX в.: опыт, уроки, перспективы. Вып. I. Новосибирск, 1994. С. 136–137. Он же. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.):

Предпосылки, ход и основные результаты политической кампании, развернутой против Комарова и его позиции, исследовал В. В. Демидов. Опираясь преимущественно на материалы краевой периодической печати, он утверждал, что главным инициатором борьбы с так называемой «комаровщиной» был инструктор ЦК ВКП(б) М. Н. Ефремов. Именно он, по мнению В. В. Демидова, во время пребывания в Новосибирске в сентябре 1929 г. «наткнулся в бумагах крайкома» на тезисы «О колхозном строительстве в Сибири», написанные будто бы несколькими месяцами раньше и, следовательно, допускавшие «возможность участия кулацких элементов в колхозном строительстве в рамках закона». Тем не менее М. Н. Ефремов возбудил партийное расследование, истинной целью которого было нанесение удара не столько по Комарову и Сибирскому союзу союзов сельхозкооперации, сколько по Н. И. Бухарину⁷.

Таким образом, в научной литературе сложились две отличные друг от друга точки зрения. В соответствии с первой — Комаров и другие члены коммунистической фракции Сибирского союза союзов сознательно выступили против решений Сибирской партконференции и генеральной линии партии в целом. Согласно второй — они оказались, скорее, невольными жертвами тщательно спланированной «антибухаринской кампании». Для того чтобы разобраться, какая из двух интерпретаций ближе к истине, необходимо прежде всего выяснить, кем был Комаров, чем он руководствовался при подготовке своих тезисов, когда и при каких обстоятельствах эти тезисы были написаны и почему получили столь широкую огласку. Как Комаров аргументировал свою точку зрения по вопросу о приеме кулаков в колхозы? И совпадало ли на самом деле его мнение с позицией других членов Сибирского союза союзов? Выявленные в Государственном архиве Новосибирской области и в Государственном архиве Российской Федерации источники содержат достаточную информацию для того, чтобы попытаться ответить на перечисленные вопросы.

* * *

Владимир Филиппович Комаров родился 15 июля 1897 г. в с. Проказна Пензенской губернии в семье плотника и крестьянки.

методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 69.

⁷ Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири, 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994. С. 140–144.

В 1907 г. его родители переехали в Сибирь, где в 1909 г. он окончил одноклассную сельскую школу. В 1910 г. в связи со смертью отца был вынужден искать средства к существованию: сначала трудился на книжном складе в Барнауле, затем — чернорабочим на строительстве Алтайской железной дороги. В конце 1913 г. Комаров переехал в Омск. Окончив девятимесячные вечерние курсы, получил профессию счетовода и проработал на соответствующей должности вплоть до лета 1916 г., когда был призван на военную службу⁸.

Сохранившиеся источники не содержат сведений о том, кто или что оказало влияние на формирование политических взглядов Комарова. Но есть основания полагать, что служба в царской армии сыграла в этом отношении далеко не последнюю роль. В мае 1918 г., сразу же после демобилизации и возвращения в Омск, Комаров вступил в Российскую коммунистическую партию большевиков. Во время правления в Сибири контрреволюционных режимов Комаров работал в различных коммерческих организациях сначала помощником бухгалтера, а затем бухгалтером. Одновременно он участвовал в деятельности большевистского подполья⁹.

Темной страницей в политической биографии Комарова стала шестимесячная, с мая по октябрь 1919 г., служба в Белой армии. В автобиографии и анкетах Комаров почти всегда объяснял этот факт тем, что был мобилизован, служил простым солдатом, но продолжал вести подпольную работу¹⁰.

После восстановления в Сибири Советской власти Комаров начал быстро подниматься по профсоюзной лестнице: с конца 1919 г. он являлся председателем местного комитета Омского союза советских работников, с апреля 1920 г. — заместителем председателя Омского дорожного комитета профсоюза рабочих железнодорожного транспорта, с 1921 г. — председателем Тюменского линейного профсоюза железнодорожников¹¹.

В августе 1923 г. Тюменский губернский комитет РКП(б) дал Комарову развернутую, но довольно противоречивую характеристику. Сначала губком отозвался о нем как о работнике, имевшем достаточный практический опыт руководящей работы и проявившим способность подбирать кадры. Затем в документе утверждалось, что партийные обязанности Комаров выполнял «формаль-

⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 8009. Л. 6, 33 об.

⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 2 об., 6; Д. 8010. Л. 1.

¹¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 8009. Л. 2 об., 6.

но» и «не всегда аккуратно». А в заключении говорилось: «Из личных качеств можно отметить <...> энергичное, настойчивое проведение своих предложений, умение проводит[ь] постановления вышестоящих органов. Как отрицательную сторону необходимо подчеркнуть <...> заметные склонности к демагогическим выступлениям. В товарищеской среде не совсем общительный. В склоках и группировках за время пребывания в Тюмени замечен не был. Как организатор и администратор проявил себя с лучшей стороны»¹².

Перечисленные в характеристике положительные стороны Комарова явно превосходили отрицательные как по объему, так и по значимости. «Не всегда аккуратно» выполнение партийных обязанностей, под которыми обычно понимались выплата членских взносов и посещение партийных собраний, сполна компенсировалось успешным проведением вышестоящих директив, способностью к административной и руководящей работе, непричастностью к политическим группировкам. Вероятно, именно эти качества позволили Комарову занять более ответственную должность. В октябре 1923 г. его откомандировали в Томскую губернию, где он был избран секретарем Ленинского райкома РКП(б).

Новый статус позволил Комарову участвовать в работе крупных партийных форумов. Так, в мае 1924 г. он был делегирован сначала на первую Сибирскую партийную конференцию, а затем — на XIII съезд РКП(б). За год работы на посту секретаря райкома Комаров зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны. Новая характеристика, утвержденная бюро Томского губкома РКП(б) 2 октября 1924 г., не содержала ни одного критического замечания: «В должности секретаря райкома с октября 1923 года. С работой освоился и руководство организацией осуществляет вполне. При разрешении вопросов умеет охватить их в основе, не размениваясь в мелочах. При проведении решений настойчив. Имеет хорошие организаторские и административные способности. Использован целесообразно и следует прикрепить к группе 1/6 губмасштаба»¹³.

Последнее предложение этого документа являлось ключевым для дальнейшей карьеры Комарова. С одной стороны, оно означало, что губком намерен оставить Комарова на работе в качестве секретаря Ленинского райкома. С другой — в соответствии с существовавшим тогда порядком учета и распределения кадров от-

¹² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 8009. Л. 35.

¹³ Там же. Л. 7.

ветственные работники учитывались не только по той должности, которую занимали в данный момент, но и по той, которую могли бы занимать. За счет последней категории формировался так называемый кадровый резерв. Прикрепление Комарова к «группе 1/б» учетной сетки губернского масштаба означало, что в случае необходимости он мог быть переведен со своего поста на должность заведующего организационным отделом губкома РКП(б)¹⁴.

Однако к тому времени, когда Комаров был зачислен в этот резерв, само существование губкомов партии оказалось под вопросом. Как раз к осени 1924 г. был завершен первый этап районирования Сибири, заключавшийся в преобразовании прежних волостей в более крупные административно-территориальные единицы — районы, и началась подготовка к проведению реформы на уездном и губернном уровне. Госпланом РСФСР и Сибирским революционным комитетом было подготовлено несколько проектов, один из которых предполагал создание Сибирского края, состоявшего не из губерний и уездов, а из округов и районов.

В декабре 1924 г., то есть примерно за месяц до официального постановления Сибревкома о создании окружной системы, на территории Ленинского, Кузнецкого и Прокопьевского районов Кузнецкого уезда Томской губернии явочным порядком был образован Кольчугинский округ. Органом, осуществлявшим непосредственное партийное руководство в пределах новой административно-территориальной единицы, стал Кольчугинский окружной комитет РКП(б)¹⁵. Его аппарат был сформирован, судя по всему, учраспредотделом Томского губкома РКП(б) из коммунистов, состоявших в кадровом резерве губернского масштаба. Должность заведующего организационным отделом губкома, на которую имел право претендовать Комаров, по уровню и значимости соответствовала должности секретаря окружного комитета. Благодаря этому обстоятельству именно Комарову было поручено возглавить Кольчугинский окружком с самого начала его существования¹⁶. 19 марта 1925 г. бюро Сибкрайкома РКП(б) косвенно подтвердило правомерность этого кадрового решения, постановив посылать Комарову как секретарю Кольчугинского окружкома протоколы и материалы краевого комитета¹⁷.

Проект административно-территориального устройства Сибирского края с разделением его на округа был одобрен Сибрев-

¹⁴ Сборник инструкций по учету и распределению партработников. М., 1923. С. 8.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 464. Л. 17 об.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 664. Л. 14, 19, 22–28.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 429а. Л. 115.

комом 7 января 1925 г. Однако проектирование окружной системы было завершено только весной. 25 мая Президиум ВЦИК утвердил образование Сибирского края, на территории которого предстояло создать 16 округов¹⁸. Согласно этому проекту территория Ленинского, Кузнецкого и Прокопьевского районов подлежала включению в состав не Кольчугинского, как это уже было сделано на практике, а Кузнецкого округа. Таким образом, существование окружкома, секретарем которого к тому времени являлся Комаров, оказалось по сути нелегитимно.

С 4 июня 1925 г. Сибкрайком РКП(б) приступил к формированию партийного, советского и профсоюзного аппарата окружного уровня¹⁹. Организационно-распределительный отдел краевого комитета подготовил «список руководящих работников будущих округов»: секретарей окружкомов партии, председателей исполкомов Советов и председателей советов профсоюзов. Согласно этому перечню Комарова планировалось использовать на работе в качестве секретаря Рубцовского окружного комитета ВКП(б)²⁰. 11 июня предложение орграспредотдела было утверждено решением бюро Сибкрайкома²¹.

Телеграммой от 4 июля 1925 г. Сибкрайком уведомил Комарова о необходимости до конца месяца прибыть в Рубцовку²². Соблюдая партийную субординацию, 28 июля Комаров сначала приехал в Барнаул и явился в еще продолжавший функционировать Алтайский губком РКП(б). В губкоме он получил удостоверение об откомандировании в Рубцовский округ на пост секретаря окружкома²³ и только после этого отправился к новому месту работы.

Созданные на территории Сибирского края окружные комитеты были подотчетны вышестоящему партийному органу — Сибкрайкому РКП(б), а секретари окружкомов по неписанной партийной традиции избирались в его состав. Поэтому избрание Комарова на состоявшейся в декабре 1925 г. второй краевой партийной конференции членом пленума Сибкрайкома носило вполне закономерный характер.

Предполагалось, что формирование пленума Сибкрайкома из сотрудников партийных и советских органов, хозяйственных

¹⁸ Административно-территориальное деление Сибири / под ред. А. Н. Козионовой. Новосибирск, 1966. С. 16.

¹⁹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 429а. Л. 159 об.

²⁰ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 2. Л. 139.

²¹ Там же. Л. 133.

²² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 859. Л. 185.

²³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 8010. Л. 10.

и общественных организаций, членов губернских, окружных, уездных и некоторых районных комитетов РКП(б) должно способствовать улучшению партийного руководства соответствующими структурами. Секретари райкомов, укомов, окружкомов и губкомов, являвшиеся одновременно членами пленума Сибкрайкома, оперативно доводили до руководимых ими организаций его решения, в большинстве своем последовательно и беспрекословно проводили все директивы краевого комитета в жизнь. В этом отношении Комаров не являлся исключением.

Однако когда в августе 1926 г. в журнале «Известия Сибкрайкома ВКП(б)», являвшемся официальным печатным органом краевого комитета, была опубликована статья, содержащая критическую оценку состояния и работы Рубцовской парторганизации²⁴, Комаров попытался возразить. 27 августа он направил в редакцию журнала письмо, в котором опровергал сделанные в статье выводы о недостаточной проработке окружкомом решений XIV съезда РКП(б), неудовлетворительном проведении кампании по перевыборам Советов и недооценке работы среди сельской бедноты²⁵. Настаивая на том, что эти выводы не подтверждаются материалами проведенного краевым комитетом обследования, Комаров просил опубликовать его письмо в следующем номере «Известий Сибкрайкома ВКП(б)». Но 22 сентября он получил официальный отказ за подписью заместителя заведующего организационно-распределительным отделом крайкома П. Г. Осипова. Невозможность публикации письма была мотивирована тем, что предложенные Комаровым поправки «расходятся с оценкой бюро крайкома»²⁶.

Несмотря на то, что попытка Комарова выступить в защиту руководимой им партийной организации потерпела неудачу, этот небольшой эпизод является весьма характерным. Он свидетельствует о том, что в отличие от большинства ответственных работников окружного уровня Комаров имел смелость и решительность отстаивать свою точку зрения даже в том случае, когда она не совпадала с официальной.

Как секретарь Рубцовского окружкома в октябре 1926 г. Комаров был делегирован на XV конференцию ВКП(б), а в марте 1927 г. — на третью Сибирскую партконференцию. Участие в партийных форумах краевого и высшего уровней позволяло не толь-

²⁴ Ч-в. Состояние и работа Рубцовской парторганизации // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1926. № 8. С. 34–36.

²⁵ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 154. Л. 94–95.

²⁶ Там же. Л. 91.

ко ощутить причастность к принятию важнейших политических решений, но и получить наиболее оперативную и достоверную информацию о принятом партией курсе.

Теоретическая подготовка Комарова и накопленный им практический опыт были учтены краевым партийным руководством. 6 сентября 1927 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) постановило отозвать Комарова в Новосибирск для работы в качестве ответственного инструктора краевого комитета²⁷, а уже 5 ноября утвердило его заместителем заведующего орграспредотделом вместо откомандированного в Барабинск П. Г. Осипова²⁸.

Дальнейший карьерный путь Комарова был определен организационными изменениями, произошедшими в аппарате Сибкрайкома в начале 1928 г. Провозглашенный XV съездом ВКП(б) курс на коллективизацию сельского хозяйства обусловил необходимость усиления партийного влияния в крестьянской среде. Для этого ЦК ВКП(б), крайкомы, обкомы и окружкомы приступили к созданию отделов по работе в деревне. Решая эту задачу, партийные комитеты стремились к так называемой «увязке работы отдела по работе в деревне с работой орг[распред]отдела»²⁹. На практике эта бюрократическая формулировка, как правило, означала подбор руководителей «деревенских отделов» из числа сотрудников соответствующих орграспредов.

Вполне закономерно, что, когда 3 января 1928 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) приняло решение о создании отдела краевого комитета по работе в деревне, заведующим этой новой структурой сразу же был назначен Комаров³⁰. На протяжении нескольких месяцев он успешно совмещал должности руководителя двух наиболее значимых отделов крайкома. Однако совокупный объем работы оказался настолько значителен, что 18 мая 1928 г. секретариат Сибкрайкома был вынужден удовлетворить просьбу Комарова об освобождении его от обязанностей заместителя заведующего орграспредом, чтобы «он мог сосредоточиться на работе деревенского отдела»³¹. Руководящая роль в одном из важнейших подразделений крайкома автоматически обеспечила то, что 1 ноября 1928 г. очередной пленум Сибкрайкома избрал Комарова канди-

²⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 14. Л. 213; Ф. П-3. Оп. 15. Д. 8010. Л. 16.

²⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 8010. Л. 14.

²⁹ В. Д. Организация отделов парткомов по работе в деревне // Известия ЦК ВКП(б). М., 1928. № 14. С. 4.

³⁰ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 24. Л. 3.

³¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 29. Л. 126.

датом в члены бюро³², что стало своего рода вершиной его партийной карьеры.

Кроме того, 14 марта 1929 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) постановило рекомендовать Комарова на должность председателя Сибирского краевого союза сельскохозяйственных коллективов (Сибколхозсоюза) «с введением его в состав президиума [Сибирского] союза союзов» сельскохозяйственной кооперации³³. Поскольку совмещать новые обязанности с другой ответственной работой было трудно, Комаров вскоре был освобожден от заведывания отделом по работе в деревне. Соблюдая принятый ранее принцип, новым руководителем этого подразделения краевого комитета был назначен очередной заместитель заведующего организационно-распределительным отделом — В. А. Каврайский³⁴.

Руководящие должности, которые занял Комаров в системе сельскохозяйственной кооперации, предопределили высокую степень его ответственности за проведение коллективизации в Сибири. Именно он как председатель Сибколхозсоюза должен был больше, чем кто-либо другой, отвечать за успехи и провалы этой политики. Однако директивы партии, которыми следовало руководствоваться на практике, были неполны и противоречивы.

Одним из наиболее сложных в то время оказался вопрос о допуске кулаков в колхозы. Не имея четких указаний ЦК ВКП(б) на этот счет, партийное руководство разных краев и областей решало этот вопрос по-разному. Например, Нижне-Волжский областной комитет ВКП(б) в конце января — начале февраля 1929 г. принял решение «разрешить включение кулачества в крупные коллективные хозяйства во всех случаях, когда они сдают свой основной инвентарь в обобществленный капитал колхозов, с последующим переводом его в неделимый капитал»³⁵.

Более осторожно к этому вопросу подошли в Сибири. На состоявшейся 25 февраля — 5 марта 1929 г. IV Сибирской краевой конференции ВКП(б) председатель Сибкрайисполкома Советов Р. И. Эйхе выразил опасения, что, проникнув в колхозы, кулаки

³² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 269. Л. 43.

³³ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 33. Л. 128.

³⁴ Морозова Т. И. Организация и деятельность отдела по работе в деревне Сибирского крайкома ВКП(б) (январь 1928 — февраль 1930 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2014. С. 233.

³⁵ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1929. С. 198.

могут «создавать себе дальнейшие возможности для эксплуатации»³⁶. Поэтому, в отличие от Нижне-Волжского обкома, партийное руководство Сибири разрешения на прием кулаков в колхозы не дало. Вместе с тем есть все основания утверждать, что сформулированный Н. Я. Гуциным еще в 1970-е годы тезис о том, что IV Сибпартконференция якобы постановила «кулаков в колхозы не допускать»³⁷, не соответствует действительности. На самом деле в резолюции Сибпартконференции по докладу «О состоянии и задачах строительства колхозов и совхозов» речь шла о недопущении кулацких хозяйств только в «простейшие производственные объединения», под которыми понимались машинные, поселковые, животноводческие, семенные и прочие товарищества³⁸. О запрете принимать кулаков в артели или коммуны в резолюции ничего не говорилось.

Необходимость выработать консолидированную позицию по вопросу о допуске кулаков в колхозы привела к тому, что на состоявшейся 23–29 апреля 1929 г. XVI конференции ВКП(б) развернулась ожесточенная дискуссия. Непосредственным поводом для нее послужил доклад председателя ЦИК СССР М. И. Калинина о путях подъема сельского хозяйства. Докладчик рассуждал: «Как наиболее полезно поступить с кулаком, можно ли навсегда закрыть перед ним двери колхоза? Я думаю, что было бы неправильно навсегда закрывать эти двери. Но практически жизнь сложнее, особенно сейчас. Возникают вопросы организационного и политического порядка: не будет ли кулак разлагать коммуны?»³⁹.

Мнения делегатов конференции, выступивших в прениях по докладу М. И. Калинина, разделились. Категорически против допуска кулаков в колхозы высказались первый секретарь Центрально-Черноземного обкома ВКП(б) И. М. Варейкис, секретарь ЦК КП(б) Узбекистана А. Икрамов, нарком земледелия РСФСР Н. А. Кубяк, ответственный секретарь Ейского райкома В. В. Ломинадзе и первый секретарь Сибкрайкома ВКП(б) С. И. Сырцов. Иную позицию заняла кандидат в члены ЦК ВКП(б) А. С. Калыгина. Соглашаясь с невозможностью принимать кулаков в мелкие (по ее выражению — «карликовые») колхозы, она в то же время полагала, что «там, где имеются тракторные колонны с тыся-

³⁶ Четвертая Сибирская краевая конференция Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): стенографический отчет. Новосибирск, 1929. Вып. III. С. 104.

³⁷ Гуцин Н. Я. Сибирская деревня... С. 233.

³⁸ Там же. С. 192.

³⁹ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)... С. 142.

чами гектаров, с многим количеством деревень, где все хозяйства должны перейти по договору на совместную запашку земли, конечно, можно оставлять кулака в колхозе», обобществляя его хозяйство⁴⁰.

Более обстоятельно и развернуто аргументировал эту точку зрения член ЦК КП(б) Украины П. П. Любченко. Он попытался доказать, что если при сплошной коллективизации пяти или шести деревень идти по пути выселения кулаков, то из них вполне может образоваться отдельная кулацкая деревня. Поэтому П. П. Любченко считал, что «при коллективизации целых селений», обслуживаемых машинно-тракторными станциями, можно «допускать в коллектив и кулаков, но при неременном условии сохранения для них особого режима»: обложения соответствующим налогом, лишения активного и пассивного избирательного права⁴¹. Аналогичную позицию отстаивали член ЦК ВКП(б) З. М. Беленький и второй секретарь Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) Ф. Ф. Густы⁴².

Несмотря на продолжительную дискуссию, однозначного решения по вопросу о допуске кулаков в колхозы XVI конференция ВКП(б) не приняла. В резолюции по докладу М. И. Калинина содержался только пункт об осуждении партией «теории мирного вращаения кулака в социализм». Сугубо практический же вопрос о том, как поступать с кулачеством в условиях сплошной коллективизации, по-прежнему оставался открытым.

Первым документом, в котором относительно четко была обозначена позиция высшего партийного руководства по этой проблеме, стало постановление Центрального комитета ВКП(б) от 18 июля 1929 г. «О выполнении решений пленума ЦК по докладу Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о работе в деревне». В нем говорилось о том, что ЦК «одобряет решение Севкавказского крайкома о нецелесообразности приема кулака в состав колхозов и необходимости систематической работы по очистке колхозов от кулацких элементов, пытающихся разлагать колхозы изнутри»⁴³. На первый взгляд приведенная формулировка исключала какие-либо интерпретации. Вместе с тем постановление относилось только к Северному Кавказу с его специфическими социально-экономическими условиями. Убедительных оснований для того,

⁴⁰ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)... С. 171.

⁴¹ Там же. С. 182.

⁴² Там же. С. 193, 198.

⁴³ О выполнении решений пленума ЦК по докладу Сев.-Кавказского крайкома ВКП(б) о работе в деревне // Правда. 1929. 19 июля.

чтобы автоматически экстраполировать его на всю остальную территорию СССР, не было.

Большинству партийных организаций никаких конкретных указаний по регулированию социального состава колхозов ЦК ВКП(б) не давал. Однако высшие партийные и советские органы требовали регулярные отчеты о ходе, темпах и результатах коллективизации. Так, осенью 1929 г. вопрос о колхозном строительстве был поставлен в повестку дня заседания Совета народных комиссаров РСФСР. В связи с этим 10 сентября бюро Сибкрайкома ВКП(б) приняло решение командировать для участия в этом заседании Комарова и поручило ему представить на рассмотрение краевого комитета тезисы доклада о колхозном строительстве в Сибири⁴⁴.

Наличие такого постановления бюро Сибкрайкома свидетельствует об ошибочности точки зрения В. В. Демидова, полагавшего, что тезисы Комарова были подготовлены «еще в начале лета» 1929 г., а в сентябре лишь обнаружены ответственным инструктором ЦК ВКП(б) М. Н. Ефремовым⁴⁵. В соответствии с постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) от 30 августа 1929 г. М. Н. Ефремов действительно был командирован в Сибирь «для проверки партруководства местных организаций по колхозному и совхозному строительству»⁴⁶. Однако, кроме единственного упоминания в журнале «Партийное строительство»⁴⁷, на который опирался в своем исследовании В. В. Демидов, никаких других свидетельств того, что именно М. Н. Ефремов первым обратил внимание на тезисы Комарова, нет. Более того, в делопроизводственной документации Сибкрайкома за осень 1929 г. не удалось выявить ни одного факта, который свидетельствовал бы о пребывании ответственного инструктора ЦК в Новосибирске. Согласно упомянутому выше постановлению Секретариата ЦК, М. Н. Ефремов производил проверку только в Барнаульском и Каменском округах.

Выполняя поручение бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 10 сентября 1929 г., Комаров за два дня оперативно подготовил тезисы своего доклада. Они содержали 16 пунктов, посвященных различным аспектам колхозного строительства⁴⁸. Суть первого тезиса заключалась в том, что быстрые темпы коллективизации неизбеж-

⁴⁴ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 38. Л. 322.

⁴⁵ Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири... С. 140.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 523. Л. 5; Д. 770. Л. 2.

⁴⁷ Азиян А. Оппортунизм в колхозном строительстве // Партийное строительство. М., 1929. № 1. С. 50.

⁴⁸ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 316. Л. 11–15.

но ведут к усилению сопротивления со стороны зажиточных крестьян, которые прибегали к порче колхозного имущества, а также к тактике так называемого взрыва изнутри. «С этой целью, — писал Комаров, — кулачество стремится вступить в колхозы для их внутреннего разложения и устройства себе за колхозной вывеской убежища, избавляющего от налогового пресса». Поэтому необходимым условием успешной коллективизации автор тезисов считал последовательную борьбу «вне и внутри колхозов с кулаком и его влиянием», «решительное очищение колхозов от кулачества»⁴⁹.

Во втором пункте тезисов Комаров не столько характеризовал текущее положение колхозного строительства, сколько давал прогноз на будущее: «С развертыванием машинно-тракторных станций будут созданы налицо все предпосылки для сплошной коллективизации целых сел и районов, что коренным образом изменит форму коллективного хозяйства и систему хозяйственного и организационного руководства». Он полагал, что повышение роли МТС в деревне кардинально изменит взаимоотношения между различными слоями крестьянства: будет ликвидирована экономическая зависимость батраков и бедняков от кулачества, имеющего и нередко сдающего в аренду собственные средства производства. «В этой конкретной обстановке сплошной коллективизации, — рассуждал Комаров, — кулаки могут быть допущены в колхозы при условии строгого соблюдения всех ограничительных мер: лишение права выбора и [права] быть избранным в выборные органы и т. п.»⁵⁰. Эта идея отнюдь не являлась новой. Она заметно перекликалась, а местами прямо совпадала с тем, о чем говорили на XVI конференции ВКП(б) З. М. Беленький, Ф. Ф. Густы, А. С. Калыгина и П. П. Любченко.

Кроме того, речь шла не о поголовном вступлении кулачества в колхозы, а лишь об исключении из правила, возможном только в определенных условиях: при сплошной коллективизации и наличии МТС. В принципе допуская такую возможность, Комаров, тем не менее, делал ставку прежде всего на бедняцкие и середняцкие слои деревни, о чем говорилось в следующем, третьем пункте тезисов: «Правильная линия в колхозном движении должна выражаться в том, чтобы наряду с вовлечением батрачества и бедноты решительнее вовлекать в колхозы середняка»⁵¹. Далее Комаров писал о механизации коллективных хозяйств, произ-

⁴⁹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 316. Л. 11.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Л. 12.

водительности труда, доходности и товарности колхозов, животноводстве и землеустройстве, социалистическом соревновании и других проблемах.

В таком виде 12 сентября 1929 г. тезисы Комарова были представлены на утверждение бюро Сибкрайкома ВКП(б). Поскольку стенограмма заседания не велась, доподлинно выяснить, как проходило обсуждение вопроса, не представляется возможным. Однако тот факт, что из 11 присутствовавших на заседании членов и кандидатов в члены бюро краевого комитета, кроме Комарова, выступили еще шесть человек, свидетельствует о том, что дискуссия, скорее всего, была оживленной. По ее итогам был составлен протокол, зафиксировавший следующее: «1. Считать, что основные моменты доклада тов. Комарова в СНК РСФСР о колхозном строительстве в крае должны быть следующими: а) анализ регулирования отдельных социальных групп в составе колхозов на основе и в соответствии с решениями IV-й Сибпартконференции; б) оценка хозяйственного состояния колхозов с дифференцированным подходом к основным категориям колхозов в крае (крупные колхозы, коммуны, т[оварищес]тва по обработке земли и др.) и практическим обоснованием хозяйственного преимущества крупных колхозов; в) о наиболее благоприятной в сравнении с другими областями перспективе и возможностях в Сибири в деле развертывания колхозного строительства; г) о необходимости скорейшего подведения технической базы коллективного строительства в крае»⁵². Приведенный текст не дает серьезных оснований полагать, что бюро Сибкрайкома подвергло Комарова слишком жесткой или тем более разгромной критике. Рекомендации носили деловой характер и спокойный тон.

Однако некоторое время спустя процитированное постановление подверглось значительной редакции. Первоначальный текст был почти полностью перечеркнут, а поверх него от руки вписан новый. Наиболее существенные изменения были внесены в пункт под литерой «а» (см. курсив): «*Предложить тов. Комарову в докладе в СНК РСФСР о колхозном строительстве особо подчеркнуть следующие положения: а) необходимость тщательного регулирования социального состава колхозов на основе соответствующих решений IV-й Сибпартконференции: о недопущении в колхозы кулаков и обязательном преобладающем влиянии за батрацко-бедняцкими слоями*»⁵³. Таким образом, новая редакция протокола заседания

⁵² ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 38. Л. 329.

⁵³ Там же.

бюро Сибкрайкома являлась ничем иным, как подлогом. Она существенно исказила смысл резолюции IV Сибирской краевой конференции РКП(б), в которой говорилось о недопущении кулацких хозяйств только в «простейшие производственные объединения».

Сохранившиеся источники, к сожалению, не позволяют однозначно установить кто, когда и с какой целью переписал протокол заседания бюро Сибкрайкома от 12 сентября. Однако с высокой долей вероятности можно предполагать, что причиной этому послужила дошедшая до краевого комитета информация о том, что еще 6 сентября фракция Сибирского союза союзов, ответственным секретарем которой был Комаров, приняла постановление «о паевых взносах для кулацких хозяйств». Первый пункт этого документа гласил: «При условии поголовного кооперирования с[ельско]х[озяйственной] производственной кооперации всего населения поселка считать возможным допущение кулацких хозяйств в это объединение»⁵⁴. С одной стороны, между тезисами Комарова и постановлением фракции Союза союзов была существенная разница: в первом случае речь шла о колхозах, во втором — о кооперативных объединениях. С другой стороны, основная идея была близка: предполагалось, что при объединении всей деревни в колхоз или в кооператив, кулацкие хозяйства не должны были составлять исключения.

Несмотря на то, что постановление фракции Сибирского союза союзов было принято раньше, чем Комаров написал свои тезисы, краевой комитет узнал о нем уже после 12 сентября. Причем произошло это почти случайно.

В тот же день, когда бюро Сибкрайкома рассматривало тезисы Комарова, бюро ячейки ВКП(б) Сибирского союза союзов собралось для обсуждения письменного заявления, поступившего от двух членов этой ячейки — Л. Е. Гольмана и П. В. Литвинцева. Они настаивали на том, что принятое 6 сентября решение фракции Союза союзов «является по существу ошибочным, неправильным, отражающим линию правого уклона» и противоречащим решениям XVI конференции ВКП(б) и IV Сибпартконференции⁵⁵.

Заседание бюро ячейки было открытым для всех ее членов, благодаря чему на нем присутствовало почти три десятка человек. Обвинениям в «правом» уклоне в ходе обсуждения подверглись как вся фракция Сибирского союза союзов, так и персонально два ее члена: председатель правления Сибирского краевого со-

⁵⁴ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 366. Л. 59.

⁵⁵ Там же. Л. 68.

юза полеводческой кооперации И. А. Ада тынь⁵⁶ и председатель Сибколхозсоюза В. Ф. Комаров.

Оба пытались защищаться, хотя делали это по-разному. И. А. Ада тынь согласился с тем, что решение фракции «о кооперировании кулацких хозяйств» формально расходится с резолюцией IV Сибирской партконференции, но при этом утверждал, что «при массовом кооперировании, где будет блок бедняков с середняками, при хорошей работе ячейки, групп бедноты — кулак будет изолирован и в решении фракции никакого правого уклона нет»⁵⁷.

Иначе вел себя Комаров, никакого отступления от решений партии не признавший. Он заявил: «Есть основная директива ЦК о лишении права голоса кулака во всех видах кооперации»⁵⁸, поэтому верно ли мы здесь поступили — верно»⁵⁹. Хотя заседание бюро партийной ячейки разбирало решение фракции Союза союзов о допуске кулаков в кооперативные объединения, Комаров, тем не менее, сказал и о коллективных хозяйствах: «Я глубоко убежден, что когда колхозы окрепнут — кулака пустить тогда в колхоз можно будет». Реагируя на обвинения в отступлении от решений Сибирской краевой партийной конференции, он со знанием дела утверждал: «Решение IV партконференции о недопущении кулака имело в виду мелкие организации с[ельско]х[озяйственной] кооперации. При организации МТС принятие кулака возможно, поэтому постановка этого вопроса[, выражающаяся] в обвинении в правом уклоне, неверна»⁶⁰.

Комаров, на протяжении нескольких лет регулярно участвовавший в партийных форумах разных уровней, хорошо знал важнейшие партийные директивы. И его интерпретация решений IV Сибирской партийной конференции, на которой он присутствовал лично, полностью соответствовала действительности: о судьбе кулацких хозяйств в случае кооперирования полностью всего поселка или в условиях массовой коллективизации в резолюции партконференции действительно ничего не говорилось.

⁵⁶ По одним документам — Жан, по другим — Иван Андреевич.

⁵⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 366. Л. 65.

⁵⁸ Речь идет о постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации», в последнем пункте которого говорилось: «Исходя из задач дальнейшего развития наступления на кулачество и принимая во внимание лишение кулачества права голоса в земельных обществах, считать необходимым лишение права голоса во всех видах кооперации кулаков и нетрудовых элементов, лишенных избирательных прав в Советы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 746. Л. 9; Правда. 1929. 29 июня).

⁵⁹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 366. Л. 65.

⁶⁰ Там же.

Однако большинство участников состоявшегося 12 сентября заседания бюро ячейки ВКП(б) Сибирского союза союзов по всей вероятности просто не пожелало в данном конкретном случае замечать разницы между мелкими товариществами, крупными кооперативными объединениями и колхозами. В результате бюро ячейки постановило, что решение фракции Союза союзов от 6 сентября 1929 г. о допуске «кулацких хозяйств [в] производственные объединения при условии кооперирования целого поселка по существу ревизует решение IV краевой партконференции о запрещении приема кулацких хозяйств в производственные объединения». Объявив решение фракции «политически неверным», бюро ячейки, кроме того, персонально осудило действия И. А. Адагыня, Комарова и еще трех солидаризовавшихся с ними коммунистов, а также приняло решение «разобрать данный вопрос на закрытом партсобрании и довести до сведения райкома ВКП(б)»⁶¹.

Собрание партийной ячейки Сибирского союза союзов состоялось 16 сентября 1929 г. Согласно протоколу участие в нем приняли 73 члена ВКП(б). Тон собранию задал секретарь бюро ячейки, по курьезному стечению обстоятельств носивший фамилию Кулаков. Он заявил, что решение фракции Сибирского союза союзов противоречит резолюции краевой партийной конференции, «по существу политически неверно и отражает установку правых о теории мирного вставания кулака в социализм». От характеристики постановления фракции в целом Кулаков быстро перешел к критике конкретных лиц: «Неверное мнение Комарова отражено в его тезисах о коллективном строительстве, и фракция Союза союзов под его руководством приняла решение о возможности допущения кулака в кооперативы. На бюро ячейки с активом Комаров и Адагынь заявили, что решения IV Сибпартконференции немножко устарели и вместо отказа от своей ошибки они держали себя независимо, свысока и развили организационно-теоретическую защиту своих политически неверных взглядов»⁶².

На этот раз Комаров не имел возможности лично оспорить выдвинутые против него обвинения, поскольку к тому времени уже выехал в Москву и на собрании не присутствовал. Поэтому 16 сентября в роли главного защитника решения фракции Сибирского союза союзов выступил председатель правления Сибирского сою-

⁶¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 366. Л. 67.

⁶² Там же. Л. 81.

за молочной и животноводческой кооперации Е. В. Фомин. Он категорически отказался квалифицировать решение фракции как попытку ревизии решений IV Сибпартконференции и, как четьрьмя днями ранее Комаров, подчеркнул, что запрет принимать кулаков касался на самом деле только простейших производственных объединений. Руководствуясь здравым смыслом, Е. В. Фомин недоумевал: «Когда объединяется весь поселок, то допущение кулака [в кооперацию] возможно и противоречия решениям здесь нет. <...> Куда же выселять кулака? Организовывать что ли кулацкие поселки или в Турханский край[?]»⁶³. Свое возмущение обвинением в «правом» уклоне выразил также И. А. Ада тынь. Волнуясь настолько сильно, что этот факт даже был отмечен в стенограмме, И. А. Ада тынь назвал выдвинутые против него и Комарова обвинения «пошлостью», а также линией «ошельмования т[овари]щей».

Какими бы вразумительными и логичными не выглядели аргументы Е. В. Фомина, решающее слово на собрании ячейки Сибирского союза союзов оказалось за присутствовавшим на нем заведующим отделом Сибкрайкома по работе в деревне В. А. Каврайским. В отличие от членов фракции Союза союзов, он, казалось, даже не задавался вопросами, как на практике кооперировать весь поселок или добиться сплошной коллективизации, если не принимать в кооперацию и в колхозы все хозяйства, включая кулацкие. Не утруждая себя поиском убедительных аргументов, он занял предельно жесткую позицию: «Надо чистить колхозы, а не засорять. Надо не дискутировать, а выполнять решения партии. Определенные решения партии на этот счет есть, и Сибирская парторганизация даже перечислила виды тех кооп[еративных] объединений, куда кулака пускать нельзя. При условии же кооперир[ования] целых поселков кулака также нельзя допускать». Назвав постановление фракции Сибирского союза союзов от 6 сентября «грубейшей ошибкой», В. А. Каврайский выразил неудовлетворение тем, что Сибкрайком узнал о принятом решении не напрямую, а «со стороны»⁶⁴.

Авторитет представителя краевого комитета оказал решающее влияние на исход дискуссии. Партсобрание полностью подтвердило принятое ранее решение бюро ячейки, а также постановило довести до сведения Сибкрайкома информацию о том, что директива о возможности приема кулаков в сельскохозяйственные объ-

⁶³ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 366. Л. 81–82.

⁶⁴ Там же. Л. 84.

единения уже была спущена Союзом союзов в подведомственные ему кооперативные организации⁶⁵.

Вероятно, именно решения бюро ячейки от 12 сентября и общего собрания ячейки Сибирского союза союзов от 16 сентября спровоцировали неожиданную произошедшую перемену в отношении бюро Сибкрайкома к Комарову. Во время обсуждения его тезисов в Сибкрайкоме они были внутренним документом, который можно было безболезненно переработать с учетом полученных замечаний. Тогда как ответственность за уже принятое постановление фракции Сибирского союза союзов, доведенное к тому же до сведения ряда кооперативных организаций, была гораздо выше, и в этом смысле положение Комарова значительно ухудшилось.

Комаров являлся кандидатом в члены бюро Сибкрайкома, но другие представители краевого партийного руководства не хотели нести ответственность за его идеи и действия. Поэтому первым делом члены бюро Сибирского краевого комитета задним числом отредактировали протокол заседания от 12 сентября, вписав в него отсутствовавшую изначально фразу о недопущении кулаков в колхозы. Следующим шагом стало состоявшееся 17 сентября новое заседание бюро Сибкрайкома. На нем постановление фракции Сибирского союза союзов, а также «система взглядов» И. А. Адагыня и Комарова были признаны расходящимися «с основными политическими установками партии»⁶⁶.

Это решение, принятое на краевом уровне, послужило сигналом к развертыванию на страницах краевой периодической печати мощной политико-идеологической кампании. Уже на следующий день, 18 сентября, в газете «Советская Сибирь» было опубликовано сразу несколько статей, объединенных под общим заголовком «Отдельные члены фракции Сибирского союза союзов в заботах о кулаке отходят от генеральной линии». Газета сообщала, что вопреки решениям ВКП(б) члены фракции Союза союзов совершили грубую политическую ошибку и встали на путь, ведущий к практической реализации теории «о мирном вращении кулака в социализм». «Из-за практического вопроса — куда девать кулака при массовом поселковом кооперировании, — говорилось в газете, — эти товарищи теряют перспективу, теряют принципиальную партийную установку»⁶⁷.

⁶⁵ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 366. Л. 80.

⁶⁶ Там же. Л. 171; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 38. Л. 335.

⁶⁷ В чем ошибка фракции Союза союзов // Советская Сибирь (Новосибирск). 1929. 18 сентября.

Отдельной заметки удостоился Комаров и его тезисы. В вину ему вменялось прежде всего решение самостоятельно подготовить доклад для выступления в Совнаркоме РСФСР, не обсудив его предварительно на заседании фракции Сибирского союза союзов⁶⁸. Стремясь отмежеваться от опасной идеи, краевое партийно-советское руководство пыталось провести через газету мысль о том, что о тезисах Комарова до последнего времени никто не знал, а как только о них стало известно, то бюро краевого комитета их сразу же отвергло.

Критика была развернута настолько широко, что 22 сентября соответствующая заметка появилась в «Правде». Главная идея публикации заключалась в том, что И. А. Ада тынь, В. Ф. Комаров и Е. В. Фомин якобы развили «теорию о том, что при сплошной коллективизации кулак перестает быть кулаком», инициировали дискуссию по этому вопросу и даже вынесли его на обсуждение некоего совещания с участием беспартийных. В заключении говорилось: «Только категорическое вмешательство крайкома и райкома партии заставило товарищей сознаться в допущенной ими крупной ошибке»⁶⁹.

Такой вывод, несомненно, отвечал интересам партийного руководства Сибири, но при этом абсолютно не соответствовал действительности. К тому времени, когда была опубликована эта заметка, И. А. Ада тынь и Е. В. Фомин официально никаких признаний не делали, а Комаров даже ничего не знал о том, что произошло в Новосибирске после его отъезда в Москву. Находясь в столице, 22 сентября он обратился к недавно ставшему первым секретарем Сибкрайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе с таким письмом: «Сегодня прочитал „Правду“ и весьма удивился тому, что я попал в разряд тех, которые тащат кулака в социализм. Я уже было заготовил ответ в „Правду“, но решил до выяснения всех дел его не посылать, т. к. заметка ссылается на прямое решение крайкома. Ответ автору заметки по сути дела был бы направлен против позиции крайкома, занятой им в вопросах строительства с/х кооперации. Принципиальную сторону я выясню по приезду. Но я никак не могу сейчас понять одного — для чего и кому понадобилось злобно извращать фактическое положение дел»⁷⁰.

Это письмо свидетельствовало о том, что Комаров учел имевшийся у него отрицательный опыт оспаривать публикации прес-

⁶⁸ Тезисы т. Комарова никому не были известны // Советская Сибирь. 1929. 18 сентября.

⁶⁹ Пытались тащить кулака в социализм // Правда. 1929. 22 сентября.

⁷⁰ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 366. Л. 85.

сы. По всей видимости, он хорошо помнил полученный осенью 1926 г. ответ на его письмо в «Известия Сибкрайкома ВКП(б)» и пытался избежать аналогичного результата. Поэтому не автору газетной заметки, а секретарю краевого комитета он объяснял: «Решение фракции Союза союзов о членстве кулаков было принято исключительно для с[ельско]х[озяйственной] кооперации и ни одного слова о колхозах там не говорилось. Ни на каких совещаниях я не выступал и ни в каких грехах не каялся, откуда все это взято, одному Аллаху известно. <...> Увы, плаваю в догадках и понять ничего не могу»⁷¹. Не располагая информацией о последних решениях краевого комитета, Комаров избрал в целом верную тактику. Вместо того, чтобы самостоятельно вступить в дискуссию с «Правдой», он обратился к более осведомленному Р.И. Эйхе: «Если заметка не соответствует решению крайкома, просьба поместить соответствующее разъяснение в печати»⁷².

Заседание Совета народных комиссаров РСФСР, для участия в котором прибыл в Москву Комаров, было назначено на 24 сентября. Поскольку письмо из Москвы до Новосибирска шло несколько дней, никаких разъяснений от Р.И. Эйхе к этому времени он, разумеется, получить не успел. Поэтому Комаров постарался построить свой доклад так, чтобы максимально аккуратно обойти вопрос о кулачестве. Он рассказал об использовании лошадей и тракторов в колхозах Сибири, развитии животноводства, хлебозаготовках, подготовке к весенней сельскохозяйственной кампании, колхозных кадрах и темпах коллективизации в крае⁷³. Будучи опытным работником, Комаров прекрасно понимал, что лучше совсем проигнорировать полученные 12 сентября рекомендации бюро Сибкрайкома о необходимости представить в докладе «анализ регулирования отдельных социальных групп в составе колхозов», чем неверно интерпретировать последние решения краевого комитета, о которых он знал только из газеты.

Однако «Правду» в Москве читал, конечно, не только Комаров. Благодаря опубликованной там заметке многие знали о будто бы свершенной и уже признанной им ошибке. Нарком земледелия РСФСР Н.А. Кубяк, в апреле 1929 г. активно выступавший на XVI конференции ВКП(б) против приема кулаков в колхозы, а теперь участвовавший в заседании Совнаркома РСФСР, не смог пройти мимо этого факта. Сразу после того как Комаров закончил свой доклад, Н.А. Кубяк спросил: «Что решил съезд относительно до-

⁷¹ Там же. Л. 85–85 об.

⁷² Там же. Л. 85 об.

⁷³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 13. Д. 270. Л. 271–278.

пуска кулака в колхозы?». Провокационный характер этого вопроса был очевиден. Поэтому, уклонившись от анализа решений XV съезда ВКП(б), Комаров сразу предельно коротко ответил о том, к чему непосредственно и вел Н. А. Кубяк, — о принятом 6 сентября постановлении фракции Сибирского союза союзов: «Речь шла о сельскохозяйственной кооперации»⁷⁴.

Пока находившийся в Москве Комаров терялся в догадках и пытался осторожно обойти «острые углы», в Новосибирске продолжали всеми способами отгораживаться от его идей. Собравшаяся в отсутствие Комарова фракция Сибколхозсоюза приняла постановление, в котором констатировала, что все ее члены на протяжении последнего времени «активно боролись против политически неверных и противоречащих партрешениям установок, даваемых как в решении фракции [Сибирского] союза союзов, так и [в] тезисах т. Комарова». Далее обосновывалась мысль, что кулак, как за пределами колхоза, так и внутри него, «одинаково враждебен колхозному строительству». «Сплошная коллективизация сел и целых районов, — говорилось в постановлении, — не устраняет экономического неравенства и классовой борьбы, поэтому отношение к кулаку должно быть во всех случаях одинаковым»⁷⁵. Приняв такое постановление, члены фракции Сибколхозсоюза решили вместе с тем послать Комарову телеграмму, в которой настаивали на его выступлении в периодической печати «с признанием своей ошибки»⁷⁶.

Однако ни во время своего пребывания в Москве, ни после возвращения в Новосибирск никаких публичных признаний Комаров не сделал. Его нежелание бичевать себя за то, в чем он не считал себя виноватым, спровоцировало руководство Сибкрайкома на более решительные меры. 13 октября 1929 г. в «Советской Сибири» была опубликована статья В. А. Каврайского, в которой он призвал дать решительный отпор «писателям оппортунистических „тезисов“»⁷⁷. Статья была не просто предельно идеологизирована. Она содержала, как минимум, два фактических искажения. Первое заключалось в ставшем уже традиционным приписывании IV Сибпартконференции решения о запрете принимать кулаков в колхозы. Второе касалось непосредственно тезисов Комарова. Цитируя и резко критикуя один из пунктов, В. А. Кав-

⁷⁴ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 13. Д. 270. Л. 278.

⁷⁵ ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 366. Л. 152.

⁷⁶ Там же. Л. 152 об.

⁷⁷ *Каврайский В.* О плохом выполнении хороших директив // Советская Сибирь. 1929. 13 октября.

райский грубо вырвал его из контекста. В статье не было намека на то, что в самом начале своего документа Комаров писал как о сопротивлении кулачества, так и о необходимости последовательной борьбы с ним.

По всей видимости, именно статья В. А. Каврайского, написанная в резко враждебном тоне, побудила Комарова все же выступить в печати. Однако он был слишком принципиален, чтобы безропотно согласиться с выдвинутыми в его адрес обвинениями, и в очередной раз попытался защитить свою точку зрения. В середине октября в статье под названием «Вопросы кооперативной политики», опубликованной в краевом журнале «На ленинском пути», Комаров вновь, как и на заседании бюро ячейки Сибирского союза союзов, напомнил о принятом в конце июня 1929 г. постановлении ЦК ВКП(б) «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации». По его мнению, содержащийся в этом документе пункт о лишении кулаков права голоса во всех видах кооперации означал необходимость «дальнейшего наступления на кулачество внутри кооперативного движения» и, следовательно, не исключал возможности кооперирования кулацких хозяйств. Противопоставив этому постановлению ЦК статью об ошибке фракции Сибирского союза союзов, 18 сентября опубликованную в «Советской Сибири», Комаров уверенно заключил: «„Советская Сибирь“ не понимает смысла решения ЦК и свою собственную линию в политике кооперирования выдает за линию ЦК. Ненужное и политически вредное занятие»⁷⁸.

Далее Комаров решительно отверг обвинения в «правом» уклоне: «Наши споры с правыми и, в частности, с т. Бухариным идут вовсе не о том, принимать или не принимать кулака в кооперацию, в том числе в производственную. Спор идет об оценке роли кооперации в социалистической переделке сельского хозяйства, о путях преодоления кулацко-капиталистических элементов хозяйства вне и внутри кооперативного движения. Бухарин считает, что кулацко-капиталистические элементы в деревне будут отмирать в результате мирного вrastания в кооперативную и государственную систему. Партия же исходит из совершенно другого положения. Кулацкое хозяйство будет отмирать в условиях жесточайшей классовой борьбы, под напором мощного наступления социалистических элементов, в том числе и внутри кооперации»⁷⁹. Таким образом, Комаров пытался доказать, что решение

⁷⁸ Комаров [В. Ф.] Вопросы кооперативной политики // На ленинском пути. 1929. № 19. С. 29.

⁷⁹ Там же.

фракции Сибирского союза союзов не имеет ничего общего с идеями Н.И. Бухарина и в полной мере соответствует генеральной линии партии.

В завершение статьи Комаров перешел к разбору своих собственных тезисов. Он процитировал фрагмент, который вменялся ему в вину, и еще раз подтвердил, что считает сформулированную им мысль о разрыве существующих экономических отношений в деревне в результате создания машинно-тракторных станций безусловно правильной. Нисколько не отступая от сказанного ранее, Комаров терпеливо объяснял: «Машинно-тракторные станции, обрабатывая земли в первую очередь маломощных слоев деревни, создадут такое положение, при котором бедняку и середняку не будет никакой экономической надобности сдавать свой надел пахотной земли в аренду, обращаться за с[ельско]х[озяйственным] инвентарем к кулаку. Кулацкой эксплуатации по линии аренды пахотных земель, сдачи с[ельско]х[озяйственных] машин будет положен конец». В результате такой ломки арендных отношений, по мнению Комарова, машинно-тракторные станции «при активной поддержке батрачества, бедноты и среднего крестьянства перешибут хребет кулацкому полеводческому хозяйству»⁸⁰.

Решительно отстаивая теоретическую составляющую своих тезисов, Комаров, вместе с тем признал, что применительно к тем условиям, в которых находилась в то время сибирская деревня, его предложение было несвоевременным, поскольку машинно-тракторных станций в крае пока еще не было. И только в одном этом отношении он согласился с ошибочностью своих взглядов.

В конце 1920-х годов публикация в краевом политико-экономическом журнале статьи, в которой кандидат в члены бюро Сибкрайкома защищал точку зрения в противовес решениям краевого комитета, конечно, не являлась ни случайностью, ни элементом демократии. Это был скорее тщательно продуманный ход против ее автора. Статья Комарова предварялась специальным примечанием, гласившим, что редакция журнала не согласна с ее содержанием. А следом за текстом Комарова в качестве ответа была опубликована почти в три раза превышавшая его по объему статья заместителя заведующего отделом агитации, пропаганды и печати Сибкрайкома ВКП(б) А.И. Гальперина, обвинявшего Комарова в формальном признании ошибок⁸¹.

⁸⁰ Комаров [В. Ф.] Вопросы кооперативной политики... С. 30.

⁸¹ Гальперин А. Кооперативные «политики» и искажение партийной линии // На ленинском пути. 1929. № 19. С. 31–38.

Тот факт, что детальный разбор позиции председателя Сибколхозсоюза, а также его действий в области проведения кооперативной политики и колхозного строительства был поручен не Р.И. Эйхе и даже не В.А. Каврайскому, кажется странным лишь на первый взгляд. На самом деле выбор кандидатуры автора полностью отвечал поставленной задаче: краевому партийно-советскому руководству Сибири важна была не конструктивная критика Комарова, а прежде всего максимально эффективная его дискредитация. Во-первых, для того, чтобы полностью снять с Сибкрайкома ответственность за предложение, сформулированное одним из его членов. Во-вторых, чтобы в условиях разворачивавшейся по всей стране кампании борьбы с «правым» уклоном продемонстрировать свою активную работу в этом направлении. Кому же было поручить статью критического характера, как не сотруднику отдела агитации, пропаганды и печати?

Ссылаясь в своей статье на решения IV Сибпартконференции и постановление ЦК ВКП(б) по докладу Северо-Кавказского крайкома, А.И. Гальперин утверждал, что партия исключает возможность приема кулаков в колхозы в каких бы то ни было условиях. Неправильной и даже «антипартийной» назвал он позицию Комарова и по вопросу кооперирования кулацких хозяйств. А.И. Гальперин утверждал, что основная ошибка Комарова заключалась в непонимании, во-первых, теории «мирного вращивания в социализм», во-вторых, линии партии в вопросах кооперации и коллективизации. В заключение автор статьи писал: «Тов[арищ] Комаров упорствует в своей ошибке. Но упорство в ошибках никогда не приводило ни к чему хорошему. И чем дальше тов[арищ] Комаров будет пытаться выкручиваться, будет пытаться оправдывать свои неправильные положения, тем больше он будет погрязать (так в тексте. — Т. М.) в оппортунистическом болоте»⁸².

Негативные по существу и агрессивные по стилю статьи В.А. Каврайского и А.И. Гальперина стали сигналом для настоящей травли Комарова. Уже 15 октября с критикой его позиции на заседании бюро Сибкрайкома выступил сам Р.И. Эйхе, а неделю спустя фрагменты стенограммы этого заседания были опубликованы в «Советской Сибири»⁸³. Там же 23 и 27 октября появились еще две обширные статьи, в которых в очередной раз разбирались тезисы Комарова и постановление фракции Сибирского со-

⁸² Гальперин А. Кооперативные «политики» и искажение партийной линии... С. 38.

⁸³ Речь тов. Эйхе на заседании бюро крайкома ВКП(б) 15-го октября 1929 года // Советская Сибирь. 1929. 22 сентября.

юза союзов⁸⁴, а также письмо И. А. Адагыня с признанием совершенной им ошибки⁸⁵.

Находясь под сильнейшим идеологическим давлением и, вероятно, осознав всю опасность своего положения, Комаров был вынужден обратиться в бюро Сибкрайкома. В заявлении от 30 октября 1929 г. он, наконец, сделал то, чего добивалось от него краевое руководство: квалифицировал свое предложение о возможности допуска кулаков в колхозы как «грубейшую политическую ошибку». Он писал: «Прием кулака в колхозы даже при сплошной коллективизации на деле усиливал бы разрушительную работу кулачества по разложению колхозного движения. Поэтому решительная борьба со взглядом, допускающим в какой бы то ни было форме возможность приема кулака в колхозы, является необходимым условием в проведении генеральной линии партии»⁸⁶.

Однако даже в столь сложном положении Комаров не был готов закрыть глаза на очевидные факты и пойти против элементарной логики. Слегка завуалировав суть, он заявил, что в вопросе о возможности членства кулака в сельскохозяйственной кооперации правильной считает линию, определенную постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 июня «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» и от 1 августа 1929 г. «О паевых взносах в сельскохозяйственную кооперацию». Для всех, кто знал содержание этих документов, было ясно: Комаров по-прежнему убежден, что определенный высшим партийным руководством курс позволяет при соблюдении ряда ограничений допускать кулаков в кооперативные объединения. Но, проявляя осторожность, он тут же оговаривался: «Само собой разумеется, решения ЦК по кооперативным вопросам должны проводиться с учетом местных условий. При определенных местных условиях кулачество нужно лишать доступа и в отдельные виды кооперативных объединений. Я считаю, что в отношении машинных, мелиоративных, машинно-тракторных товариществ должна проводиться такая же линия, как и к колхозам, т. е. кулаки не должны допускаться в эти объединения»⁸⁷.

⁸⁴ Гальперин А. Еще о теории вовлечения кулака в колхоз // Советская Сибирь. 1929. 23 октября; Винокуров П. Никаких уступок кулаку! // Советская Сибирь. 1929. 27 октября.

⁸⁵ Письмо в редакцию от руководителя Сибполеводсоюза т. Адагынь // Советская Сибирь. 1929. 27 октября.

⁸⁶ ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 40. Л. 119.

⁸⁷ Там же.

Завершалось заявление Комарова просьбой освободить его от работы в Сибколхозсоюзе. Такая формулировка в целом была характерна для подобного рода документов и в этом смысле может рассматриваться как некий бюрократический штамп. Однако есть основания полагать, что Комаров был искренен в своей просьбе. Как человеку принципиальному, ему было трудно проводить директивы, в правильности которых он, как минимум, сомневался.

Заявление Комарова было рассмотрено на заседании бюро Сибкрайкома 1 ноября 1929 г. Констатируя, что Комаров до сих пор не признал в полной мере свою «грубейшую оппортунистическую ошибку», бюро краевого комитета постановило не только снять его с поста председателя Сибколхозсоюза, но и поставить на ближайшем пленуме вопрос о выведении Комарова из кандидатов в члены бюро Сибкрайкома⁸⁸.

Долго ждать этого не пришлось: пленум краевого комитета открылся в тот же день — 1 ноября 1929 г. Первым вопрос о Комарове и его ошибках поднял секретарь Сибкрайкома Р.И. Эйхе. Во время отчетного доклада о работе бюро краевого комитета он специально остановился на фактах, которые квалифицировал как «правые извращения». Одним из них, по мнению Р.И. Эйхе, стало решение Сибирского союза союзов «О принятии кулака в колхоз». Докладчика несколько не смущало то обстоятельство, что по отношению к колхозам ни Союз союзов, ни его коммунистическая фракция такого постановления на самом деле никогда не принимали. Не обращая на это внимание, Р.И. Эйхе утверждал, что, после того как бюро Сибкрайкома отменило это решение, многие причастные к нему коммунисты заявили о своей неправоте, тогда как «автор этого предложения — руководитель [Сиб]колхозсоюза — он до сегодняшнего дня, пожалуй, не признал своей ошибки в этом вопросе»⁸⁹.

По словам Р.И. Эйхе, вопрос о допуске кулаков в колхозы «обсуждался довольно широко, с участием тов. Комарова», еще накануне IV Сибирской партийной конференции, и якобы уже тогда краевое партийное руководство решило, что кулацкие хозяйства категорически не следует принимать ни в какие производственные объединения. Ссылался Р.И. Эйхе и на постановление Политбюро ЦК о работе Северо-Кавказского крайкома, которое в его интерпретации только еще раз подтвердило правильность при-

⁸⁸ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 40. Л. 116.

⁸⁹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 352. Л. 24.

нятого сибирским руководством курса. Сделанный из всего сказанного вывод был предельно жестким и однозначным: «Иначе нельзя рассматривать поступок тов. Комарова, как желание противопоставить свою линию линии ЦК. <...> Кроме того, что он совершил крупную политическую ошибку, вина его еще и в том, что он упорно настаивает на своей ошибке до сегодняшнего дня»⁹⁰. О существовании заявления, поданного Комаровым 30 октября в бюро Сибкрайкома, Р. И. Эйхе предпочел умолчать.

В выступлении первого секретаря Сибкрайкома сложно не заметить обилия неточностей и прямого искажения фактов. Мог ли Р. И. Эйхе, который лично выступал на IV краевой партийной конференции с докладом о колхозном и совхозном строительстве в Сибири, за полгода забыть содержание резолюции, принятой по его докладу? Или же Сибпартконференции, как и фракции Сибирского союза союзов, он приписывал несуществующие решения намеренно? Однозначно ответить на эти вопросы нельзя.

Но обойти молчанием то, что было о нем сказано, Комаров тоже не мог. Взяв слово во время прений по отчету Сибкрайкома, он обратился к Р. И. Эйхе напрямую: «Когда мы обсуждали вопрос о колхозном строительстве на IV-й партконференции, спор во все шел, Роберт Индрикович, в частности не со мной, [и не о том,] принимать или не принимать кулака в колхоз, спор шел о том, какая форма строительства колхозов должна быть». Ссылаясь на специально еще раз прочитанную им стенограмму IV Сибпартконференции, Комаров настаивал: «Я категорически заявляю, что мои позиции во время IV-й партийной конференции были вовсе не такие, как освещает Роберт Индрикович, ибо ни одного документа, в какой-либо степени говорящего об этом, нет»⁹¹.

Далее Комаров перешел непосредственно к вопросу о допуске кулаков в колхозы: «На всем протяжении колхозного строительства мы видим очень ожесточенную классовую борьбу, причем эта ожесточенная классовая борьба за последнее время начинает принимать формы, с одной стороны, прямого нападения на колхозы и, с другой стороны, взрыва изнутри»⁹². Поэтому принимать кулаков в колхозы, земли которых не обрабатывались МТС, Комаров считал недопустимым. При этом он совершенно справедливо напомнил всем участникам пленума, что эта точка зрения была абсолютно четко прописана в его тезисах о колхозном строительстве.

⁹⁰ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 352. Л. 25.

⁹¹ Там же. Л. 241.

⁹² Там же.

Менее внятным оказалось объяснение Комарова относительно допуска кулаков в колхозы в условиях сплошной коллективизации. С одной стороны, его представление о роли МТС не претерпело существенных изменений: «Вопрос колхозного строительства сейчас принимает несколько иную форму, в связи с введением машинно-тракторных станций. Эти станции в довольно значительной мере меняют характер колхозного хозяйства и методы их организации. Машинно-тракторные станции, имеющие такой колоссальнейший экономический рычаг, несомненно вносят ряд новых моментов в социально-экономическую жизнь деревни». По всей видимости, Комаров по-прежнему был убежден в том, что МТС способны лишить кулачество возможности эксплуатировать беднейшее крестьянство, хотя больше и не говорил об этом напрямую.

С другой стороны, находясь под мощным прессингом со стороны бюро Сибкрайкома, он все же попытался отступить от своих убеждений. Развивая мысль, за два дня до этого сформулированную в заявлении, Комаров говорил: «Предложение о возможности допускать кулака при сплошной коллективизации притупляло бы классовую бдительность рабочих и середнячко-батрацких масс деревни, <...> дезорганизовало бы нашу борьбу с кулаком <...>. Вот объективный политический смысл этой ошибки, несомненно серьезной, несомненно крупной политической ошибки»⁹³. Такое признание, совсем не похожее на обычно логичные и подкрепленные конкретными фактами рассуждения Комарова, гораздо больше напоминало один из тех идеологических штампов, которыми оперировали его оппоненты: А. И. Гальперин, В. А. Каврайский, Р. И. Эйхе.

Явно заставив себя произнести эти слова, Комаров в то же время пытался решительно опротестовать приписанный ему «правый» уклон: «Ошибка, которая мною сделана в области коллективизации, она, несомненно, имеет серьезное значение. Но я спрашиваю: <...> действительно ли на основе этой ошибки можно причислить меня к тов. Бухарину, как это делал тов. Эйхе? <...> Я себя вовсе не считаю родственником Бухарина, потому что по прямым основным вопросам политики партии я коренным образом расхожусь с Бухариным: и по вопросу колхозного движения, колхозного строительства, по вопросу оценки сельского хозяйства, по вопросу оценки роли тяжелой промышленности в строительстве страны и т. д. и т. д. По всем коренным вопросам, по которым Бу-

⁹³ ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 352. Л. 242.

харин расходится [с партией], я расхожусь по этим вопросам с Бухариным»⁹⁴.

Недоумение вызвал у Комарова также тот факт, что идею о возможности в условиях сплошной коллективизации допустить кулаков в колхозы высказывал на различных партийных форумах и в периодической печати ряд коммунистов из различных краев, областей и даже республик СССР, а разгромной критике подвергся он один. Напомнив о постановлении Средне-Волжского обкома ВКП(б) и о существовании аналогичного решения ЦК КП(б) Белоруссии, Комаров заявил, что нигде не слышал, чтобы руководство этих партийных организаций было уличено в идеологическом родстве с Н. И. Бухариным. Из этого противоречия логично вытекал вывод о том, что вопрос о допуске кулаков в колхозы являлся «спорным в известной мере» и в ближайшее время, несомненно, должен быть решен на одном из пленумов ЦК ВКП(б)⁹⁵.

Последние слова полностью свели на «нет» весь смысл сделанного Комаровым признания. Констатировав, что он не отказался от своей ошибки и «не сделал необходимых шагов к их исправлению», пленум Сибкрайкома ВКП(б) подтвердил решение бюро краевого комитета об освобождении Комарова от руководящей работы в Сибколхозсоюзе и проголосовал за вывод его из состава бюро Сибкрайкома⁹⁶. Тем самым краевое партийное руководство Сибири не только окончательно отвело от Сибкрайкома возможные подозрения в «правом» уклоне, но и продемонстрировало способность решительно расправляться с любыми сторонниками пропагандируемого Н. И. Бухариным курса.

Сформированная таким образом репутация оппортуниста поставила крест на партийной карьере Комарова. Не допускали его больше и к руководству сельским хозяйством. В конце 1929 г. он был направлен на работу в сфере тяжелой промышленности в Сибирский краевой совет народного хозяйства, а в 1930 г. — назначен управляющим рудниками на Анжерских коях. В июле 1931 г. Комаров смог вернуться в Новосибирск, получив должность заместителя начальника завода горного оборудования, однако два года спустя его снова откомандировали на рудники⁹⁷. Длительная работа в сфере промышленности и непричастность Комарова к каким-либо новым политическим уклонам не по-

⁹⁴ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 352. Л. 243.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 352а. Л. 683.

⁹⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 8009. Л. 2.

могли, однако, ему избежать репрессий. В июле 1937 г., будучи управляющим шахтой недалеко от г. Прокопьевска, он был арестован и приговорен к 20 годам исправительно-трудовых лагерей⁹⁸.

* * *

Изучение биографии Комарова, анализ стенограмм его выступлений и написанных им текстов позволяют утверждать, что сформулированный Комаровым в сентябре 1929 г. тезис о возможности в условиях сплошной коллективизации допускать кулаков в колхозы не являлся ни сознательной попыткой пойти против решений руководства партии, ни проявлением политического невежества. Карьерный путь от обычного бухгалтера до председателя Сибколхозсоюза и кандидата в члены бюро Сибирского краевого комитета во многом был проделан Комаровым именно благодаря пониманию партийных директив, а также умению правильно и энергично проводить их в жизнь. Хорошо ориентируясь в решениях съездов, конференций, центральных, краевых и окружных органов РКП(б)–ВКП(б), Комаров всегда серьезно подходил к их содержанию, руководствовался в большей степени деловыми соображениями, чем идеологическими установками.

Если в условиях новой экономической политики такая линия поведения могла служить залогом карьерного роста, то к концу 1920-х годов ситуация изменилась. В обстановке обострившейся внутрипартийной борьбы политические лозунги оказались важнее практических вопросов социалистического строительства. В отличие от других представителей краевого партийного руководства Сибири Комаров не сумел вовремя адаптироваться к новым условиям. Даже находясь под сильным давлением со стороны бюро Сибкрайкома, фракции Сибколхозсоюза и периодической печати, он был не готов полностью отступить от своей позиции, которую считал правильной и, что не менее важно, соответствующей линии партии.

Свидетельством того, что разделяемая Комаровым и рядом других ответственных работников идея о допуске кулаков в колхозы и кооперативные объединения в условиях сплошной коллективизации была актуальной и, возможно, правильной, ста-

⁹⁸ Комаров Владимир Филиппович // Жертвы политического террора в СССР / руководитель проекта — Я. З. Рачинский [Электронный ресурс]. URL: <http://lists.memo.ru/index11.htm> (дата обращения: 01.11.2017)

ли события нескольких последующих месяцев. Категорически отвергнув возможность допустить кулаков в колхозы, руководство ВКП(б) не смогло предложить ничего лучше, чем курс на «ликвидацию кулачества как класса». В результате случайно брошенное Е. В. Фоминым в порыве полемики предположение о высылке кулаков в Туруханский край уже с начала 1930 г. стало объективной реальностью.

В. Н. РАЗГОН, Н. В. КУДЕНКО
Алтайский государственный университет (Барнаул)

МИЛИЦЕЙСКАЯ ТРОЙКА УНКВД АЛТАЙСКОГО КРАЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ЧИСТКИ ПЕРИОДА БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

В статье рассмотрена деятельность милицейской тройки в Алтайском крае на основе базы данных, составленной по протоколам ее заседаний в 1937–1938 гг. Показано, что распространение социальной «чистки», проводившейся в период Большого террора, на уголовников и «социально-вредные элементы» (нищих, бродяг, тунеядцев и пр.) привело к значительному росту репрессий. Преследование носителей социальной девиации являлось составной частью карательной политики сталинского режима, направленной на изоляцию и уничтожение категорий населения, не подлежавших интеграции в советское общество. Реализация этого курса с неизбежностью вела к превращению террора в инструмент социальной инженерии.

Ключевые слова: репрессии, Большой террор, милицейская тройка, Алтайский край.

Изучение механизма репрессивной политики периода Большого террора в отношении таких объектов массовой социальной «чистки», как уголовники и люмпенизированные элементы, является новым направлением в исследовании социально-технологической стороны массовых репрессий. Публикации по данной проблематике пока немногочисленны¹, во многом из-за ограниченного доступа к источникам, находящимся в ведомственных архивах. Между тем вопрос о том, почему репрессиям в период Большого террора, наряду с классовыми и политиче-

¹ Иванов В.А. Преступники как целевая группа по приказу № 00447 в Ленинградской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 519–534; Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества. 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 459–518; Куденко Н.В., Разгон В.Н., Юнге М. Милицейская тройка (документы) // Массовые репрессии в Алтайском крае, 1917–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 394–428; Большой террор в Алтайском крае / Н.Н. Аблажей, И.А. Гридунова, Г.Д. Жданова [и др.] Барнаул, 2014. С. 202–229.

скими противниками большевиков были подвергнуты уголовники и «социально-вредные элементы» (тунеядцы, нищие, бродяги и т. п.), нуждается в осмыслении. Цель данной статьи — определение роли милицейских троек в масштабной социальной «чистке», проводившейся в период Большого террора, на примере деятельности милицейской тройки, действовавшей в 1937–1938 гг. в Алтайском крае. Источниковая база исследования включает протоколы милицейской тройки, отложившиеся в ведомственном архиве ГУ МВД России по Алтайскому краю, а также базу данных лиц, осужденных милицейской тройкой; база составлена по протоколам заседаний этой тройки.

В основу политики по отношению к преступности, проводившейся в 1920-е годы, была положена социально-утопическая концепция, согласно которой преступность и ее носители рассматривались в качестве неизбежного «наследия буржуазного прошлого», которое возможно преодолеть в результате утверждения социалистического строя и трудового перевоспитания преступников. Насильственная маргинализация общества, вызванная последствиями политики коллективизации и раскулачивания, голода 1932–1933 гг. и репрессий, привела к взрывоподобному росту преступности и социальной девиации, колоссально увеличила количество лиц, выпавших из социума. Среди них преобладали не уголовники-рецидивисты, а социальные изгои, оставшиеся без средств к существованию и неизбежно пополнявшие криминальную среду.

Для большевистской власти наличие широких деклассированных криминальных слоев было неприемлемо, так как уголовники, бродяги, нищие не только давали основной рост преступлений и нарушений общественного порядка, но и своим открытым неподчинением правилам социального поведения бросали вызов государству, подрывали престиж власти, затрудняли решение задач, связанных с мобилизацией общества на форсированное строительство социализма. С позиции власти, лица, избегавшие работать на государство и занимавшиеся спекуляцией, бродяжничеством и нищенством, были «социально-вредным элементом» (СВЭ), питавшим преступность и подлежавшим искоренению, в том числе внесудебными методами². Тройки, созданные при полпредствах ОГПУ для осуждения «кулацкого актива» в условиях проводившейся коллективизации, занимались также осу-

² Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 397.

ждением уголовно-маргинальных элементов. Например, за второе полугодие 1933 г. тройкой ПП ОГПУ Западно-Сибирского края было осуждено 1814 человек, отнесенных к категории СВЭ, в течение 1934 г. — 8322 представителя СВЭ³. Эти цифры показывают, что борьба с «социально-вредными элементами» уже в первой половине 1930-х годов велась методами «массовых операций».

С 1935 г. «массовые операции» заменила более планомерная и регулярная чистка городов от уголовников и «социально-вредных элементов», проводимая так называемыми милицеейскими тройками, созданными согласно приказу наркома НКВД СССР от 27 мая 1935 года⁴. Круг правонарушителей, подсудных милицеейским тройкам, включал: 1) лиц, имевших судимости или приводы в милицию по поводу преступной деятельности, которые и далее поддерживали контакты с преступной средой; 2) лиц, не имевших судимости или приводов в милицию, но не занимавшихся общественно-полезным трудом, не имевших определенного места жительства и поддерживавших контакты с преступной средой; 3) профессиональных нищих; 4) лиц, нарушивших правила паспортной системы, введенной 27 декабря 1932 года⁵. В приказе также указывалось на недопустимость производства «массовых операций» при изъятии уголовников и «деклассированных».

Категория «деклассированный» стала универсальным карательным инструментом, позволявшим привлекать к уголовной ответственности широкие слои общества. В эту категорию надлежало включать тех лиц, которых нельзя было однозначно идентифицировать как классовых врагов. К деклассированным можно было относить не только профессиональных преступников, но и хулиганов, проституток, пьяниц, нищих и бродяг, т. е. всех, кто демонстрировал девиантное поведение. Включение в число «клиентов» милицеейской тройки «деклассированных элементов» с неизбежностью придавало ее репрессивной деятельности массовый характер.

Массовость осуждений милицеейскими тройками уголовников и «деклассированных элементов» значительно возросла после появления приказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., давшего

³ Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. ... С. 399.

⁴ Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 142.

⁵ Инструкция № 00192 НКВД СССР и Прокуратуры СССР тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и нарушителях паспортного режима от 9 мая 1935 г. // История сталинского ГУЛАГа. М., 2004. Т. 1. С. 259–260.

старт масштабным репрессиям, вошедшим в историю как Большой террор. Наряду с социально и политически «чуждыми» элементами (бывшими кулаками, представителями царского режима, участниками белого движения, членами «антисоветских» партий, церковниками и др.) этим приказом в число подлежащих суду троек НКВД, учреждавшихся в качестве основного инструмента проведения репрессий, включались уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой», в том числе содержащиеся на момент выхода приказа под стражей, а также в лагерях и трудпоселениях⁶.

Так как до принятия приказа № 00447 массовым осуждением преступников и «социально-вредного элемента» занимались милицейские тройки, циркуляром «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками-рецидивистами» за подписью заместителя наркома внутренних дел М. П. Фриновского, разосланным 7 августа 1937 г., дополнительно разъяснялись компетенции троек НКВД и милицейских троек в борьбе с преступностью: акцент в деятельности троек НКВД делался на осуждении уголовников-рецидивистов, тогда как милицейские тройки должны были заниматься рассмотрением дел, заведенных на менее опасных преступников, и осуждением «социально-вредного элемента» (тунеядцев, бомжей, нищих и пр.)⁷.

Милицейская тройка на Алтае начала свою работу после образования Алтайского края, ее первое заседание состоялось 10 ноября 1937 г. В состав тройки входили: председатель — начальник Управления рабоче-крестьянской милиции (УРКМ) УНКВД по Алтайскому краю, капитан милиции И. И. Вейнберг, а с апреля 1938 г. — Е. П. Никольский, помощник начальника УНКВД по Алтайскому краю, заменивший его в должности председателя (И. И. Вейнберг при этом был понижен до члена тройки, а после отстранения от должности и ареста⁸ заменен И. Ф. Воробьевым, назначенным вместо него начальником УРКМ УНКВД); в качестве

⁶ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 86.

⁷ Циркуляр М. Фриновского № 61 от 7 августа 1937 г. «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками рецидивистами» // Юнге М., Бордюгов Г. А., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 174.

⁸ По приговору военного трибунала войск НКВД Западно-Сибирского округа от 22–24 октября 1939 г. за проведение массовых незаконных арестов был осужден по ст. 193–17 УК на 7 лет ИТЛ.

членов — начальники соответствующих отделов милиции, дела которых рассматривались на заседаниях тройки (чаще других в протоколах указываются начальник отдела уголовного розыска УРКМ УНКВД Ильин и младший лейтенант М. С. Гоголин). В заседаниях тройки в ее первоначальном составе принимал участие прокурор Беликов, а в более частом варианте состава тройки под председательством И. И. Вейнберга в качестве прокурора присутствовал Малышев. В должности секретарей тройки, судя по протоколам ее заседаний, сменили друг друга Михайлов (младший лейтенант госбезопасности), В. М. Скрыль (оперсекретарь УРКМ УНКВД по Алтайскому краю, сержант милиции) и М. И. Данилов (начальник 8-го отдела УНКВД по Алтайскому краю).

Следует отметить произошедшее с апреля 1938 г. усиление контроля за деятельностью милицейской тройки со стороны госбезопасности, проявившееся в назначении ее председателем сотрудника краевого управления госбезопасности. Вероятнее всего, это было связано с тем, что после завершения 15 марта 1938 г. деятельности в Алтайском крае тройки УНКВД усилилось значение милицейской тройки, оставшейся единственным действующим органом внесудебного преследования уголовных элементов.

21 мая 1938 г. вышел приказ НКВД № 00319, содержащий новые инструкции для работы милицейских троек, предусматривавшие расширение, по сравнению с приказом 1935 г., списка «контингентов», дела которых должны были рассматриваться на их заседаниях. В список были добавлены притоносодержатели, скупщики краденого, хулиганы-рецидивисты («в случае совершения ими хулиганства, вызывающего необходимость привлечения их снова в уголовном порядке») и воры-рецидивисты, «уличенные в конкретных преступлениях, хотя и имеющие определенное местожительство и прикрывающиеся работой на предприятиях, заводах и учреждениях»⁹. Расширение контингента, подсудного милицейской тройке, за счет лиц, совершавших повторные правонарушения, было обусловлено завершением к тому времени в большинстве регионов страны деятельности троек УНКВД, ориентировавшихся на осуждение уголовников-рецидивистов.

Общее количество осужденных, дела которых рассматривались на заседаниях милицейской тройки Алтайского края в период с 10 ноября 1937 г. (первое заседание) по 17 ноября 1938 г. (последнее заседание), составило 6942 человек. По оценкам Н. Г. Охоти-

⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. М., 2006. Т. 5: 1937–1939, кн. 2: 1938–1939. С. 123–126.

на и А. Б. Рогинского, за 1937–1938 гг. в целом по стране милицескими тройками было осуждено 420–450 тыс. человек¹⁰. Следовательно, приговоры, вынесенные алтайской тройкой, составили около 1,6% от общего числа.

В ноябре–декабре 1937 г. милицеской тройкой было рассмотрено 1888 дел, а в 1938 г. — 5054 дела, в том числе в период проведения операции по приказу № 00447 (до 15 марта 1938 г. — даты последнего заседания тройки при УНКВД по Алтайскому краю) — 3240 дел (64,1%). Анализ статистики рассмотрения дел милицеской тройкой с распределением по месяцам показывает, что в ноябре 1937 г. тройкой были вынесены приговоры в отношении 618 человек, в декабре — 1263, в январе 1938 г. — 980, в феврале — 1286, в марте — 974 человек, а далее с завершением в Алтайском крае операции, проводившейся на основе приказа № 00447, количество рассматриваемых дел существенно снижается: в апреле — 527, в мае — 394, а в ноябре, в последний месяц деятельности милицеской тройки, — 102. Следовательно, наиболее результативный период в деятельности милицеской тройки, направленной на очищение социума от уголовных и люмпенизированных элементов, связан с проведением в Алтайском крае операции по приказу № 00447.

Самым распространенным наказанием, выносившимся милицеской тройкой, было заключение в ИТЛ сроком на пять лет: в 1937 г. к такому наказанию были приговорены 94,5%, в 1938 г. — 66,7%, а в целом в течение двух лет — 80,6% осужденных. Остальная часть осужденных приговаривалась к заключению на срок до трех лет включительно.

В информационную базу, составленную авторами статьи на основе сведений, извлеченных из протоколов милицеской тройки, включены данные из протоколов тройки по пяти территориально-административным единицам Алтайского края — г. Барнаулу, Бийскому району (город и сельский округ) и трем сельским районам — Змеиногорскому, Солтонскому и Троицкому. Из 567 человек, учтенных в базе данных, по Барнаулу проходят 212 человек (5%-ная выборка), Бийску и району — 80 человек (5%-ная выборка), Троицкому району — 71 человек (5%-ная выборка) Змеиногорскому району — 44 человек (5%-ная выборка), Солтонскому — 160 человек (сплошной учет)¹¹.

¹⁰ Трагедия советской деревни... Т. 5: 1937–1939, кн. 2. С. 557.

¹¹ Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937–1938 гг.: база данных [Электронный ресурс] / сост. Н. В. Куденко, Д. В. Колдаков, В. Н. Разгон.

Статистический анализ содержащейся в базе данных информации показал, что среди осужденных милицейской тройкой преобладали лица мужского пола: 81,8 % от общего числа, что в целом определялось гендерным составом преступных и деклассированных элементов в 1930-е годы.

Наиболее многочисленную возрастную группу среди осужденных (55,2 %) составляли лица в возрасте от 18 до 30 лет — представители молодого поколения, которое, с одной стороны, наиболее успешно интегрировалось в советское общество, а с другой — являлось основным источником для формирования преступной среды.

Анализ возрастного состава осужденных показывает также присутствие среди преступников несовершеннолетних лиц (в возрасте до 18 лет). Преступность среди несовершеннолетних была преимущественно проблемой города: из всех осужденных несовершеннолетних, включенных в базу данных, по барнаульским отделам (городскому, ж/д милиции, уголовного розыска) проходили 65,4 %. В частности, среди осужденных милицейской тройкой несовершеннолетних фигурирует преступная группа из шести человек, проходившая по делу о совершении групповой кражи, представленному на рассмотрение тройки 1-м отделом барнаульской городской милиции.

1930-е годы отмечены новой волной роста беспризорности и детской преступности, что было следствием разрушения традиционных социальных укладов в результате сталинской «революции сверху», массового голода 1932–1933 гг. и расширения масштабов репрессий. Доля несовершеннолетних среди осужденных тройкой преступников всех возрастных категорий в Барнауле была значительной и составляла 16,5 %. Нижний возрастной порог среди несовершеннолетних преступников, включенных в базу данных, составил 12 лет. По этому делу проходил Б. В. Нагибин, 1926 г. р., уроженец г. Барнаула, в течение 1938 г. имевший два привода в милицию: первый — как СВЭ, второй — за кражу. В обвинительном заключении отмечалась и его «связь с рецидивистами, с которыми периодически обрезал ридикюли», что в совокупности и стало причиной вынесения тройкой максимально сурового наказания: пять лет лишения свободы¹².

В 64,4 % случаев в протоколах милицейской тройки было зафиксировано семейное положение осужденных. Анализ учтенных

¹² Информационный центр ГУ МВД России по Алтайскому краю (далее — ИЦ ГУ МВД России по АК). Ф. 16. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

данных о семейном положении показывает, что почти $\frac{2}{3}$ осужденных не состояли в браке, 34,2% были женаты или замужем, 0,6% — овдовели. Подлежащие изоляции лица (бродяги, нищие, хулиганы и проч.), арестованные в результате проводимых милицией зачисток на железнодорожных станциях, в притонах и других злочных местах, по всей вероятности, чаще всего не имели возможности, желания и моральной потребности для создания семьи.

В большинстве содержащихся в протоколах тройки биографических справок осужденных (78%) не представлена информация об их социальном происхождении. В случаях, когда этот пункт отмечен, наибольшее количество записей указывает на крестьянское происхождение. Фиксировалась и дефиниция, которая, видимо, в наибольшей степени могла оказать влияние на определение меры наказания в период Большого террора, — социально-политический статус «кулак» или принадлежность к «кулацкой семье». Среди осужденных милицейской тройкой в рассматриваемых нами районах, в биографических справках которых было указано социальное происхождение, доля «кулаков» составляла 19,6%. В основном это были дети «кулаков», в том числе несовершеннолетние. Возможно, именно возрастом было обусловлено рассмотрение их дел на заседании милицейской тройки, а не тройки УНКВД по Алтайскому краю, в компетенцию которой, согласно приказу № 00447, входило репрессирование «бывших кулаков». Так, по делу № 100, представленному на рассмотрение тройки 3-м отделом милиции г. Барнаула на заседании от 19 апреля 1938 г., проходил Н. С. Тарасов, сын кулака, 1921 г. р. На заседании милицейской тройки его преступная деятельность была определена следующим образом: «Сын кулака, отец арестован органами НКВД. На почве недовольства Советской властью, с начала учебного года терроризировал учеников школы, в которой учился. Избил учеников Кольцова, Огородникову, Светлякову. Срывал уроки, разлагал дисциплину, организовывал учеников младших классов совершать мелкие кражи, заставлял их воровать, сам воровал учебники, письменные принадлежности»¹³.

Записи о месте жительства или об отсутствии «определенного места жительства» лиц, осужденных милицейской тройкой, имеются в 383 из 567 биографических справок, включенных в анализируемую базу данных (67,5%). При этом 20,4% из них являлись жителями городов, 25,1% проживали в сельской местности, а 54,5% были лицами «без определенного места жительства». При

¹³ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 43. Л. 11.

постоянных переездах и кочевках, без стабильного заработка, зачастую находясь в затруднительном материальном положении, такой контингент становился социальной базой для формирования преступных элементов — вокзальных попрошайек и карманников, квартирных воров и пр.

Основную массу репрессированных милицейской тройкой составляли уроженцы сельской местности — 77,6%. Даже среди лиц, арестованных в городах, доля преступников из числа бывших жителей сел являлась преобладающей. Это объясняется как невысоким уровнем урбанизации населения региона, так и «кочующим» характером деятельности «клиентов» тройки (бродяжничество, нищенство, кражи), которую позволяла вести городская среда, в том числе заезжим селянам.

Профессиональные занятия осужденных милицейской тройкой наиболее часто определялись в протоколах клише «без определенного рода занятий» — в 52,2% случаев. Когда же в протоколах указывались сведения о профессиональной деятельности осужденных, то это были преимущественно неквалифицированные рабочие и разнорабочие (истопник, грузчик, чернорабочий и пр.).

Представленные в протоколах сведения об уровне грамотности осужденных милицейской тройкой отражают люмпенизированное социальное положение основной массы ее «клиентов»: 69% из них были малограмотными и неграмотными и лишь 31% — грамотными.

Поскольку милицейская тройка должна была наказывать нарушителей паспортного режима, в биографической справке на обвиняемого указывались данные о наличии паспорта: 57% граждан не имели паспорта, 34% — имели, у 8,6% данные о наличии паспорта не указаны, у 0,2% документ был просрочен, еще у 0,2% — оказался поддельным. Таким образом, больше половины осужденных не имели паспорта и прописки, что формально уже позволяло привлечь их к ответственности, однако нарушение паспортного режима, как правило, не фигурирует в обвинительных заключениях в качестве самостоятельной причины для применения репрессий, а лишь в контексте других противоправных деяний.

Сравнение количественных показателей по различным видам преступлений позволяет установить основные характеристики преступной деятельности «клиентов» милицейской тройки. Обвинение в тунеядстве было предъявлено 68,4% правонарушителей (от общего числа лиц, включенных в базу данных, с учетом того, что каждому из них было предъявлено по несколько обвинений), в «гастрольной» деятельности (бродяжничестве, сопряжен-

ном с совершением краж и других преступлений в разных населенных пунктах) — 36%, в нищенстве — 26,3%, в связях с преступными элементами — 24,3%, в хулиганстве — 18%, в совершении краж — 17,6%. Как видим, маркером, определявшим включение граждан в состав континентов, репрессированных милицейской тройкой, являлись не только конкретные преступления, но и образ жизни (тунеядство, бродяжничество, нищенство), противоречивший принципам общественной полезности и трудовой дисциплины.

Поскольку резюме обвинительного заключения в протоколах приводилось в виде краткой справки с перечислением всех незаконных деяний, совершенных лицом, и не содержит указаний на статью уголовного кодекса, по которой он осужден, то для определения характера преступной деятельности нами учитывались все упоминания о преступлениях различного рода и подсчитывалась доля каждого из них в общем количестве. В таблице 1 показано соотношение между различными видами преступлений, в совершении которых обвинялись лица, осужденные милицейской тройкой УНКВД Алтайского края в 1937–1938 гг. Наиболее распространенными противоправными действиями, совершаемыми «клиентами» тройки, были: тунеядство — 20,4%, кража — 16,8%, «гастролирование» и бродяжничество — 10,1%, хулиганство — 7,1%, нищенство — 6,9%. Как видим, и при такой группировке, основанной на учете количества обвинений в совершенных преступлениях, большая часть противоправных действий относилась не к преступлениям как таковым, а к проявлениям асоциального образа жизни, которые в годы Большого террора чаще, чем в предшествующий период, квалифицировались как уголовно наказуемые деяния.

Таблица 1

Виды преступлений, совершенных осужденными милицейской тройкой Алтайского края в 1937–1938 гг., % от общего числа

Вид преступления	Барнаул	Бийск и Бийский р-н	Змеиногорский р-н	Троицкий р-н	Солтонский р-н	Средний показатель
Тунеядство	20,5	19,5	12,0	24,0	26,2	20,4
Кража	18,5	15,9	15,0	14,2	20,6	16,8

МИЛИЦЕЙСКАЯ ТРОЙКА УНКВД АЛТАЙСКОГО КРАЯ...

Вид преступления	Барнаул	Бийск и Бийский р-н	Змеиногорский р-н	Троицкий р-н	Солтонский р-н	Средний показатель
Бродячий образ жизни, «гастролирование»	11,5	6,8	1,5	15,7	15,0	10,1
Связь с преступными элементами	10,5	10,4	10,0	5,1	2,3	7,7
Хулиганство	5,1	6,0	17,0	4,7	2,5	7,1
Нищенство	5,3	1,2	1,0	10,2	16,2	6,8
Нанесение телесных повреждений	3,8	3,6	10,5	2,8	2,3	4,6
Пьянство	3,4	7,2	5,5	3,1	0,2	3,9
Дебош	1,3	2,8	4,0	3,9	0,9	2,6
Скупка краденого, спекуляция	3,1	5,6	1,5	1,6	0,5	2,5
Содержание притона	3,0	4,8	2,5	1,2	0,5	2,4
Проституция	2,6	0,4	1,0	4,7	2,5	2,2
Руководитель, участник преступной группы	–	2,8	6,0	–	0,7	1,9
Проживание без прописки и документов	1,3	2,0	1,0	1,2	–	1,1
Грабёж	4,1	0,8	–	–	–	1,0
Побег из–под ареста	0,9	1,6	–	0,8	1,4	1,0
Мошенничество	0,2	1,6	2,0	1,2	0,2	1,0
Угрозы	0,6	0,4	2,0	–	1,4	0,9
Скотононокрадство	0,6	0,4	1,0	1,2	2,0	1,0
Подделка документов	0,8	1,2	–	0,8	0,2	0,6
Укрывательство преступников	0,4	0,4	1,0	0,4	–	0,4
Самогоноварение	–	–	–	0,8	0,4	0,2
Изнасилования	–	–	0,5	–	1,3	0,4
Незаконное хранение оружия	0,6	0,8	–	–	–	0,3
Рецидивист	–	–	1,0	–	–	0,2
Игра в азартные игры	0,2	0,4	–	–	0,5	0,2
Контрреволюционная агитация	0,2	0,4	–	–	–	0,1
Вооруженное нападение	–	–	0,5	–	0,2	0,1

Вид преступления	Барнаул	Бийск и Бийский р-н	Змеиногорский р-н	Троицкий р-н	Солтонский р-н	Средний показатель
Прочие преступления	1,5	3,0	3,5	2,4	2,0	2,5
Итого:	100	100	100	100	100	100

Подсчитано по: Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937–1938 гг.: база данных [Электронный ресурс] / сост. Н.В. Куденко, Д.В. Колдаков, В.Н. Разгон.

Образ жизни люмпенизированных элементов, характеризовавшийся отсутствием работы, жилья, регулярным употреблением спиртного, толкал их на различные кражи с целью добычи средств к существованию. Процент обвинений в кражах был наиболее высоким по делам, поступившим на рассмотрение муниципальной тройки из Солтонского района (20,6%) и Барнаула (18,5%), обвинений в хулиганстве — из Змеиногорского района (17,0%), в нищенстве — из Троицкого (10,2%) и Солтонского районов (16,2%) (табл. 1). Наиболее высокие показатели самых распространенных видов правонарушений (тунеядство, бродяжничество, нищенство, кража) приходятся на предгорный Солтонский район, который в силу его отдаленности и труднодоступности являлся местом притяжения маргинальных и преступных элементов из других районов края и страны. Как видно из таблицы 1, в городской среде большее распространение, чем в сельской местности, получили такие виды преступной деятельности, характеризующие принадлежность к профессиональной преступности, как «участие в преступной группе», «связь с преступными элементами», грабежи, спекуляция, содержание притонов и пр.

Значительная часть лиц, осужденных муниципальной тройкой (29,7%), оказалась в числе правонарушителей впервые. Расширение полномочий внесудебных органов и проводившиеся массовые аресты неизбежно вели к конвейерному способу изъятия «неопытных» уголовников, «на поток» была поставлена и подготовка следственных материалов. Среди лиц, осужденных муниципальной тройкой, ранее уже привлекавшиеся к судебной ответственности составляли 26,7%, наличие приводов в отделения милиции (не повлекших судебного преследования) выявлено у 31,2% «клиентов» тройки. Среди осужденных муниципальной тройкой доля преступников с продолжительной практикой преступных деяний (нали-

чие в прошлом и приводов, и судимостей) была относительно небольшой — 12,4 %, что подтверждает вывод об изъятии в ходе массовых операций в основном мелких, наиболее «доступных» нарушителей закона.

Взаимосвязанный анализ показателей из базы данных дает возможность определить характер влияния фактов биографии осужденного (наличие судимости, социальное происхождение, гендерная принадлежность) на продолжительность назначаемого тройкой срока заключения.

Лицам, не имевшим в прошлом судимости, милицейская тройка, как правило, назначала меньший срок заключения, нежели ранее судимым. Гражданам, имевшим судимость и приводы в милицию одновременно, в 89 % случаев мера наказания составила максимальный для компетенции милицейской тройки срок заключения в ИТЛ — пять лет, а тем, кто не имел в прошлом судимости, максимальной срок заключения был назначен лишь в 47,5 % случаев (табл. 2).

Таблица 2
Влияние прежней судимости и приводов на меру наказания (срок заключения в ИТЛ), определявшегося милицейской тройкой, %

Город и район	Мера наказания	
	до трех лет ИТЛ	пять лет ИТЛ
Ранее не судимые и не имевшие приводов		
Барнаул	39,5	60,5
Бийск и Бийский р-н	60,5	39,5
Змеиногорский	45,5	54,5
Троицкий	65,7	34,3
Солтонский	51,2	48,8
Средний показатель	52,5	47,5
Ранее судимые и имевшие приводы		
Барнаул	14,7	83,3
Бийск и Бийский р-н	14,3	85,7
Змеиногорский	20,0	80,0
Троицкий	–	100,0
Солтонский	4,6	95,4
Средний показатель	11,0	89,0

Подсчитано по: Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937–1938 гг.: база данных [Электронный ресурс] / сост. Н. В. Куденко, Д. В. Колдаков, В. Н. Разгон.

Учет гендерного фактора показывает, что женщинам предельный пятилетний срок заключения назначался милицейской тройкой реже, чем мужчинам: соответственно в 51,5% и 70,4% случаев.

Среди осужденных тройкой абсолютное большинство дали признательные показания — 81,1%, частично признали свою вину — 6,5%, нет сведений в протоколах — у 3,4%, отказались признать предъявленные обвинения — 9,0%. Факт признания вины не оказывал решающего влияния на продолжительность назначаемого срока заключения. Ситуацию скорее определяли характер противоправных деяний, факты биографии, наличие предыдущей судимости.

В отношении 67,5% осужденных в обвинительных заключениях присутствует указание на изобличение их преступных действий свидетельскими показаниями. В качестве свидетелей совершенных преступлений выступали как лица, пострадавшие от преступной деятельности обвиняемых, так и неизвестные персоны, о социальном и профессиональном статусе которых информация отсутствует. Судя по формулировкам сохранившихся свидетельских показаний из судебно-следственной части протоколов милицейской тройки («обокрал квартиру колхозника Попова», «избил колхозника комсомольца Иосифа Авдеева», «своим поведением разлагала других работниц фабрики» и т. п.), в них подчеркивается некая чуждость осуждаемых «преступных элементов» по отношению к основным социобразующим группам советского общества. Это позволяет предположить в числе возможных мотивов пресечения деятельности «клиентов» тройки их нелояльность по отношению к сформировавшимся в результате модернизационных социалистических преобразований социальному укладу, нормам и правилам советской повседневности.

Примечательным является тот факт, что в выписках из следственных дел, поступавших на рассмотрение тройки по линии барнаульской железнодорожной милиции, информация о наличии свидетельских показаний практически отсутствует, а основанием для обвинения выступает «личное признание» обвиняемого. Железнодорожные вокзалы и станции являлись местом скопления нищих, бродяг, попрошаек, карманников, изъятие которых происходило в ходе массовых «зачисток» и облав, а не в результате проведения задержания по заявлениям граждан.

Таким образом, рассмотрение состава осужденных милицейской тройкой в Алтайском крае в 1937–1938 гг. показало, что преобладающая часть осужденных являлась лицами мужского пола в возрасте от 18 до 30 лет, родом из сельской местности, не состо-

явшими в браке, без определенного рода занятий и места жительства, малограмотными и неграмотными, более половины из них ранее имели приводы в милицию или судимость. Характер предъявленных обвинений определялся не только совершением конкретных преступных действий, но и ведением асоциального образа жизни (нищенство, бродяжничество, тунеядство). Данный контингент не вписывался в рамки формируемого государством социального порядка и определялся как «социально вредный», в связи с чем был подвергнут массовому изъятию и изоляции. В ходе проводившихся репрессивных мероприятий в число лиц, осуждавшихся тройками, попадали в основном мелкие правонарушители, а иногда, для выполнения контрольных цифр, арестовывались и законопослушные граждане. Так, в приговоре военного трибунала войск НКВД Западносибирского округа от 22–24 октября 1939 г. в отношении бывшего начальника УРКМ по Алтайскому краю И.И. Вейнберга, осужденного на семь лет ИТЛ за проведение необоснованных репрессий, указывалось, что он в период проведения операции по изъятию СВЭ давал подведомственным ему начальникам райотделов милиции необоснованно высокие задания по репрессированию граждан, в силу чего были осуществлены аресты не только «социально-вредного элемента», но и «честных граждан — рабочих, служащих, колхозников и станхановцев производства»¹⁴.

Усилившееся я в период Большого террора преследование носителей социальной девиации являлось составной частью репрессивной политики сталинского режима, направленной на уничтожение и изолирование категорий населения, не подлежавших интеграции в советское общество. Реализация этого курса с неизбежностью вела к превращению террора в инструмент социальной технологии. Исследователи отмечают неэффективность массовых зачисток и конвейерного метода осуждения, применявшегося тройками, для борьбы с организованной преступностью и снижения уровня криминогенности в обществе¹⁵. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», определившим новый курс, заключавшийся в переходе от методов массовых операций

¹⁴ Тепляков А.Г. Чекисты Алтайского края в «кулацкой операции» // Большой террор в Алтайском крае: коллективная монография / Н.Н. Аблажей [и др.]. Барнаул, 2014. С. 82–84.

¹⁵ Иванов В.А. Преступники как целевая группа по приказу № 00447 в Ленинградской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 533.

к традиционному правосудию, предписывалось «ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях рабоче-крестьянской милиции»¹⁶.

Исследование выполнено при финансовой поддержке
РФФИ (проект № 16-01-50116 а(ф))

¹⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. Т. 5, кн. 2. С. 307–311.

А. Б. Коновалов

Кемеровский государственный университет

ПОВСЕДНЕВНЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ГОРОДСКИХ И РАЙОННЫХ НОМЕНКЛАТУРНЫХ КАДРОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД «ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА»

Статья посвящена рассмотрению проблем функционирования кадров партийного аппарата на уровне городских и районных комитетов ВКП(б) в годы так называемого позднего сталинизма (1945–1953 гг.). С окончанием войны потребовалось на местном уровне изменить как стиль руководства, так и управленческий процесс, предоставив больше возможностей функционерам аппарата в планировании и организации партийной деятельности. Между тем в городах и районах Западной Сибири ощущался дефицит опытных кадров. Представленные в публикации примеры свидетельствуют о недостатках во взаимоотношениях первых секретарей горкомов и райкомов партии как с партийно-советским активом, так и непосредственно с населением. Определены основные проблемы морально-этического облика и выявлены оценки местных номенклатурных кадров, систематизированы проявления их «порочного стиля руководства», «поборничества», «подхалимства и угодничества».

Ключевые слова: ВКП(б), городские комитеты, районные комитеты, номенклатурные кадры, «поздний сталинизм».

Завершение Великой Отечественной войны для Западной Сибири знаменовало собой не только демилитаризацию экономики, но и обострение проблем качества управления на местном уровне. Резэвакуация населения, усиление географической мобильности номенклатурных кадров, сформированная военным временем практика подмены хозяйственного руководства партийным аппаратом повсеместно осложняли планомерную работу районных и городских комитетов ВКП(б). Между тем именно от них зависело качество повседневной жизни населения, выявление и доведение до вышестоящего руководства насущных проблем местного развития.

В современной российской историографии местные органы власти периода «позднего сталинизма» изучаются прежде всего в рамках качественных характеристик номенклатуры и организа-

ционной деятельности (стиля и методов) партийного руководства. На основе анализа значительного массива документов исследователи пришли к выводам о масштабных изменениях в составе номенклатурных кадров местного уровня. По мнению тамбовского исследователя В. А. Айрапетова, основные тенденции рассматриваемого периода связаны с возросшей долей «чужаков», полным доминированием уроженцев сельской местности, преобладанием руководителей со средним общим и профессиональным образованием, рекрутированием первых секретарей из числа партийных и советских работников¹.

Пермский историк В. П. Мохов масштабные кадровые трансформации на уровне городов и районов объяснял тем, что задачи восстановления народного хозяйства требовали иных умений и навыков, многие партийные работники, привыкшие действовать в годы войны методами нажима, угроз, чрезвычайных мобилизаций, перестали в мирных условиях справляться со своими обязанностями².

Отчасти проблема качественных изменений состава местной номенклатуры изучалась на материалах западносибирского региона. В исследованиях автора данной статьи была обозначена проблема подмены и дублирования хозяйственных структур партийными органами на местах, сделан вывод о низком уровне общеобразовательной и профессиональной подготовки корпуса секретарей горкомов и райкомов ВКП(б)³. На эти обстоятельства обратила внимание в своей монографии также О. Н. Калинина, установив причинно-следственную связь между «низким общеобразовательным уровнем выдвиженцев послевоенного времени»

¹ Айрапетов В. А. Динамика качественных характеристик административно-политической элиты СССР в период «позднего сталинизма»: историко-политический анализ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4 (60). С. 62–63; Он же. Модели системных взаимосвязей между кадровой политикой, механизмами элитного рекрутирования и качеством управленческих кадров СССР (1945–1982) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2016. Т. 2, вып. 4. С. 9.

² Мохов В. П. Региональная номенклатура в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления страны (1941–1945 гг.) // Социальные сдвиги в правящих кругах региональной номенклатуры 1921–1991 гг. (на материалах Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа) / В. П. Мохов [и др.]. Пермь, 2008. С. 115.

³ Коновалов А. Б. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса (1943–1964): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1999. 28 с.; Он же. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово, 2005. С. 173; Он же. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)–КПСС в регионах Сибири (1945–1991): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2006. 54 с.

и «слабой компетентностью управленческих кадров»⁴. Однако многочисленные примеры показывают, что повышение образовательного уровня напрямую не соотносится с эффективностью реализуемых управленческих практик: по мере увеличения удельного веса лиц с партийно-политическим образованием в секретарском корпусе не ослабевала критика их методов работы на активах, пленумах и конференциях. Наряду с уровнем полученного образования на управленческую компетентность в сложившейся системе власти влияли и другие факторы: общая информированность секретарского корпуса о процессах внутри ВКП(б) и органов власти, характер взаимоотношений с партийным активом, каналы и способы коммуникации руководителей с кадрами партийного аппарата.

Все еще недостаточно изученными остаются управленческие практики местных номенклатурных кадров: в научной литературе их делят на институционализированные / неинституционализированные, формальные / неформальные⁵. Целью данной статьи является определение основных способов организации, руководства и контроля управленческого процесса, которые использовались кадрами партийного аппарата в период «позднего сталинизма». Многообразие практик обуславливалось противоречивым положением аппарата городских и районных комитетов ВКП(б)–КПСС в системе власти: с одной стороны, партийные кадры не отказались от директивного стиля военного времени при решении задач по форсированию экономического развития, но с другой — подвергались регулярной критике за вмешательство в дела советских и хозяйственных организаций. Таким образом, в рамках функций, возложенных на аппарат районных и городских комитетов ВКП(б), номенклатурными работниками осуществлялись действия как установленные правилами, так и нарушающие их. Повседневная жизнь требовала не только глубоких знаний вопросов экономики, но и решения задач в русле политической конъюнктуры, требующей активного выявления любых форм инакомыслия среди населения. Сложности послевоенного периода для местных номенклатурных кадров усугублялись их небольшим опытом управления.

⁴ Калинина О. Н. Партийные и советские руководители Западной Сибири в 1946–1964 гг.: опыт исторического анализа. Новосибирск, 2013. С. 247.

⁵ Максименко А. А. Российские управленческие практики с позиции ценностно-рационального подхода // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 75–76.

Динамика качественных изменений и «институциональные фильтры» номенклатурной системы на городском и районном уровнях

В послевоенный период на руководящей работе находились люди преимущественно с начальным, или по терминологии того времени — «низшим», образованием. Эта прослойка составляла не менее $\frac{1}{3}$ от состава должностной группы. Наглядные примеры можно представить по Томской, Новосибирской, Кемеровской и Тюменской областям. Например, по состоянию на 1 января 1947 г. из 75 секретарей райкомов Томской областной парторганизации высшее образование имели лишь 4 (5,3%), неполное высшее — 5 (6,66%), среднее — 37 (49,3%), низшее — 29 (38,6%)⁶. По Тюменской области данные приведены в таблице 1.

Таблица 1
Образовательный уровень работников райкомов ВКП(б)
Тюменской области на 1 января 1948 года

Должностная группа	Количество работающих	Из них имели образование				
		высшее	неокончен- ное выс- шее	среднее	неокончен- ное сред- нее	начальное
Секретари РК	110	6	10	37	35	22
Зав. отделами	105	2	11	41	29	22
Зав. парткабинетами	36	3	5	19	5	4
Пропагандисты	55	0	0	27	25	3
Инструкторы	176	0	7	46	82	41
Общая численность	482	11	33	170	176	92

Составлено по: ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 21. Д. 82. Л. 20.

Анализ качественных характеристик номенклатуры по краям и областям РСФСР проводился в ЦК ВКП(б). По итогам рассмотрения на места направлялись распорядительные документы с требованием исполнения необходимых действий. Однако в краткосрочной перспективе заменить такое огромное количество ра-

⁶ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 407. Л. 3.

ботников или повысить их квалификацию не представлялось возможным.

Масштабное обновление кадров в 1945–1946 гг. за счет демобилизованных, работников с производства, комсомольских функционеров осложнило процесс подбора и выдвижения номенклатурных работников. Повсеместно фиксировались случаи «неквалифицированного руководства», критики первых секретарей горкомов и райкомов партии. В течение 1947 г. районными партийными конференциями в Новосибирской области не было избрано «как провалившихся на работе» шесть первых секретарей райкомов ВКП(б), семь — вторых и семь секретарей по кадрам⁷.

Управление кадров ЦК ВКП(б) в 1948 г. в подготовленном заключении констатировало «недопустимо низкий» общеобразовательный уровень местных номенклатурных кадров в Новосибирской области. По данным на май 1948 г., в этом регионе из 143 секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) 62 имели образование ниже среднего и только 29 — высшее и неполное высшее. Не получили среднего образования также 28 из 48 председателей райисполкомов⁸. Низкий общеобразовательный уровень для районных номенклатурных работников можно проследить и в Кемеровской областной партийной организации: несмотря на принимаемые меры к 1953 г. только 15% первых секретарей сельских райкомов КПСС имели высшее образование⁹.

Еще одна проблема качества управления на районном и городском уровнях заключалась в притоке в партийный аппарат молодых функционеров без какого-либо опыта управленческой деятельности. На это указывают характеристики возраста и стажа работы. Так, в Томской областной партийной организации по состоянию на 1 января 1947 г. заведующих отделами райкомов партии с опытом руководящей работы до одного года было 20,4%, от одного года до пяти лет — 56,62%. В составе секретарского корпуса доля опытных кадров была больше — 52,63% функционеров имели стаж руководящей работы свыше пяти лет¹⁰. Для Кемеровской областной партийной организации в составе секретарского корпуса показатели общего стажа работы в партийном аппарате постепенно увеличивались, но не влияли значительно на интенсивную (до 1/3 от общей численности) сменяемость кадров. В 1946 г. со стажем работы в партийном аппарате свыше 10 лет имелось

⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 12. Д. 309. Л. 110.

⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 12. Д. 309. Л. 110.

⁹ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 15. Д. 11. Л. 82.

¹⁰ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 407. Л. 3.

31,2% первых секретарей горкомов партии и 18,2% вторых секретарей райкомов партии¹¹. На 1 января 1952 г. в составе первых секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) 9,8% имели стаж работы в партаппарате более 15 лет¹². В Тюменской областной партийной организации стаж работы в аппарате также зависел от должностного статуса: чем выше был уровень занимаемого поста, тем больший опыт требовался для рекомендации к избранию.

Таблица 2

Состав районных партийных работников по стажу работы в Тюменской областной партийной организации на 1 января 1948 года

Должностная группа	Количество работающих	Из них		
		до года	от года до 3 лет	от 3 лет и выше
Секретари РК	110	42	49	19
Зав. отделами	105	52	42	11
Зав. парткабинетами	36	14	20	2
Пропагандисты	55	18	35	2
Инструкторы	176	64	92	20
Общая численность	482	190	238	54

Составлено по: ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 21. Д. 82. Л. 17.

Наряду с отсутствием необходимого образования и опыта, имелись и другие субъективные обстоятельства, требовавшие обновления корпуса местной номенклатуры. Вышестоящие партийные органы в союзе с органами государственной безопасности поддерживали работу дополнительных «институциональных фильтров», которые содержали жесткие требования к социальному происхождению претендентов на посты в партийном аппарате. Более того, устанавливался негласный перечень требований к лицам, состоявшим с партийным руководителем в родстве или свойстве. Первым секретарям обкомов и крайкомов направлялись списки номенклатурных работников с компрометирующими их материалами. В основном они касались наличия репрессированных родственников. Например, в Томской области у секретаря Колпашевского райкома ВКП(б) брат в 1941 г. был в Литве взят в плен литовской полицией и передан немцам, находился в плену до окончания войны. Дядя имел кулацкое хозяйство — мельницу,

¹¹ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 14. Д. 10. Л. 25.

¹² ГАКО. Ф. П-75. Оп. 15. Д. 4. Л. 43-44.

был осужден, отбывал наказание в ИТЛ, женат на спецпереселенке. У первого секретаря Кожевниковского райкома ВКП(б) дядя жены лишался избирательных прав. Такого рода факты в данный период уже не были достаточным основанием для освобождения от работы, однако при негативной оценке деятельности того или иного партийного функционера играли роль дополнительных аргументов не в их пользу.

За деятельностью партийных функционеров на местах постоянно наблюдали сотрудники органов госбезопасности. Они информировали вышестоящее руководство о сложившейся ситуации. В марте 1952 г. начальник Каргасокского райотдела МГБ майор Аникин информировал начальника управления МГБ СССР по Томской области полковника Н.С. Великанова о недостойном поведении руководящих районных работников. В центре внимания оказался первый секретарь райкома партии, который пьянствовал в рабочее время, «склонял к сожигательству» работницу райкома. На полученное от Н.С. Великанова письмо первый секретарь обкома В.А. Москвин наложил резолюцию: «Необходимо проверить»¹³. Смысл этих слов, по всей видимости, не связан с недоверием к полученной информации. Проверка по линии партийного контроля предполагала иные формы работы и виды взысканий. Партийное «следствие» позволяло проводить беседы с местным активом, подтверждать полученные факты и принимать решения исходя из интересов ВКП(б).

В условиях послевоенного времени Политбюро и Оргбюро ЦК партии ставили задачу повышения делового и политического уровня секретарей райкомов ВКП(б). На практике этот вопрос невозможно было решить, учитывая распределение районных руководителей по уровню образования. Краткосрочные формы повышения квалификации не предполагали обсуждения насущных проблем партийной работы, в основном методы обучения сводились к конспектированию озвученных текстов. Так, в Алтайском крае с 16 по 26 июня 1947 г. был проведен десятидневный семинар первых секретарей райкомов ВКП(б). Им читались лекции и доклады по вопросам теории и истории ВКП(б), выполнения пятилетнего плана, идеологии, международного положения СССР и партийной работы. Лекции на идеологические и культурные темы включали такие, как «Жизнь и деятельность Ленина», «Жизнь и деятельность Сталина», «О сочинениях товарища Сталина», «О роли советской интеллигенции в социалистическом об-

¹³ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 269.

ществе», «Политика и идеология», «О современной буржуазной идеологии». Консультант Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М. Б. Митин прочел лекцию о задачах идеологической работы партии¹⁴. Кроме того, участники семинара посмотрели спектакли «Мещане» по пьесе Горького, «Русский вопрос» Симонова, в городском саду — оперетту «Голубой гусар», а также кинокартины «Адмирал Нахимов», «Петр Первый», «Крейсер Варяг», «Первая перчатка», «Центр нападения». Позитивный итог семинара состоял в том, что его участникам было предложено подготовить записки по улучшению партийной и советской работы в крае, которые обобщались в орготделе Алтайского крайкома ВКП(б). Теперь трудно установить, какие предложения были высказаны и как они были восприняты работниками краевого партийного аппарата, имелся ли какой-то практический результат.

Было бы ошибочно полагать, что местные руководители не ставили острых вопросов перед региональным начальством. В случае реализации каких-либо инициатив на местах секретари райкомов стремились к получению максимальной информации и пониманию границ дозволенного. Это было связано с осознанием их статуса — именно районные и городские руководители стремились решать местные проблемы, были непосредственно связаны с населением. Можно привести характерный пример: в июне 1948 г. в Бийском горкоме ВКП(б) состоялось кустовое совещание первых секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов. Обсуждалось закрытое письмо ЦК ВКП(б) об укреплении трудовой дисциплины в колхозах. На совещании со стороны секретарей райкомов и председателей райисполкомов задавались следующие вопросы: «Какие надо принять дополнительные меры с тем, чтобы тунеядцы не убежали и не скрылись в городах?»; «Будут ли применяться административные меры к инвалидам Отечественной войны и труда, особенно III группы?»; «Какие следует применить меры к женщинам, потерявшим мужей на фронте, имеющим много детей и не работающим в колхозе?»; «В какие отдаленные районы СССР будет выселение, не войдет ли в число отдаленных наш Алтайский край?»¹⁵. Районные руководители выражали обеспокоенность проводимой кампанией, стремились к упреждению возможных негативных последствий.

Однако для вышестоящих партийных функционеров политическая целесообразность и неукоснительное следование конъюн-

¹⁴ ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 44. Л. 19.

¹⁵ ГААК. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 31. Л. 93.

ктуре считались важнейшими критериями делового облика руководителей на местах. В большей степени обеспокоенность вызывали «недостаточный охват» политической учебой, знание партийных догм, а не способность секретарского корпуса к правильному планированию работы, использованию методов организации деятельности и анализа ее итогов. Весной 1949 г. заведующий отделом пропаганды и агитации Алтайского крайкома ВКП(б) Трушин направил Н. И. Беляеву справку о результатах бесед с первыми секретарями районных и городских комитетов ВКП(б) по вопросам их политической и общеобразовательной учебы. Выяснилось, что некоторые секретари райкомов партии совершенно не повышают свой идейно-политический и общеобразовательный уровень, плохо знают историю и теорию большевизма¹⁶. В октябре 1949 г. первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) И. Д. Яковлев на пленуме обкома заявил: «Сейчас уже нельзя руководить старыми методами, нельзя жить сегодняшним днем, не заглядывая вперед. Но в нашей действительности и до сих пор встречаются такие руководители, которые пренебрежительно относятся к повышению своего идейно-теоретического уровня»¹⁷. Закрепившаяся в сознании краевых и областных партийных кадров взаимосвязь между высоким «идейно-теоретическим уровнем» местных функционеров и позитивными результатами их работы доминировала в течение всего периода «позднего сталинизма».

Практики контроля за политическими настроениями населения

Внимание к политическому образованию местных партийных кадров со стороны аппарата ЦК ВКП(б) и регионального партийного руководства объяснимо. В работе с населением требовалось не только вводить новые стереотипы и мифологемы, но и своевременно выявлять «неправильные настроения», которые в первые послевоенные годы активно формировались в городе и деревне. Отчасти этому способствовало тяжелое экономическое положение рабочих и колхозников, низкий уровень социальной защиты, трудности со снабжением. Критику органов власти фиксировали в среде спецпоселенцев, демобилизованных, инвалидов войны. Поддержка партийно-государственной политики не-

¹⁶ ГААК. Ф. П-1. Оп. 82. Д. 67. Л. 92.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1121. Л. 25.

редко выстраивалась за счет противопоставлений: «Царская Россия — Советский Союз», «Социальная политика в капиталистических странах — забота о человеке труда в СССР».

Отсутствие реальной информации о жизни в США способствовало насаждению новых мифов. Немало анекдотичных примеров можно привести из опыта работы лекторов районных и городских райкомов партии. Так, лектор Тальменского райкома ВКП(б) Алтайского края в лекции «Конституция СССР — самая демократическая конституция в мире» отметил, что американские женщины «только пудрятяся, мажутяся, а чтобы заниматься демократией, рожать детей — этого у них нет. Там не найдешь ни одной, которой было бы можно присвоить звание матери-героини»¹⁸. В данном случае даже в аппарате крайкома партии такую установку лектора посчитали ошибочной, не основанной на конкретных фактах.

Работу по политической пропаганде и агитации требовалось проводить прежде всего в среде так называемого «спецконтингента». Местные функционеры с большим трудом блокировали передачу слухов и не получали поддержки со стороны органов государственной безопасности. В Новосибирской области секретарь Пихтовского райкома ВКП(б) Киселев в октябре 1945 г. сообщал, что в районе широко распространяется антисоветская агитация, направленная на развал колхозов и уход населения из района. Он поставил вопрос о том, что комендантский состав спецпоселков НКВД, как и руководство спецпереселенческого отделения, было неспособно вести серьезную борьбу с антисоветскими элементами в силу своей малограмотности и неопытности в оперативно-следственной работе. По мнению Киселева, должных мер борьбы с враждебной агитацией не было, ни со стороны органов Народного комиссариата внутренних дел, ни со стороны Народного комиссариата государственной безопасности¹⁹. Такие оценки свидетельствуют о системных проблемах в контроле за политическими настроениями: на местном уровне не имелось эффективных каналов коммуникации с населением, своевременного разъяснения проводимых мероприятий не проводилось.

Однако в большинстве случаев «нездоровые настроения» фиксировались как результат осознания населением неопределенности в социальном и экономическом развитии после войны. Нарастание количества негативных оценок стимулиро-

¹⁸ ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 50. Л. 67.

¹⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 27. Л. 109.

вало агитационно-пропагандистскую деятельность на местах. По ее результатам на уровне городских и районных комитетов партии составлялись информационные сводки, которые обобщались в региональных комитетах партии и направлялись затем в аппарат ЦК ВКП(б). Например, в информации о политических настроениях трудящихся Алтайского края, подготовленной в июне 1947 г., отмечалось: «В целях устранения выявленных нездоровых политических настроений райкомы партии повседневно усиливают политическую работу в массах по разъяснению решений партии и правительства»²⁰. Между тем поводом для критики власти нередко становились бытовые проблемы и сложности.

К 21 июля 1947 г. в аппарате Алтайского крайкома ВКП(б) была подготовлена обстоятельная записка, в которой отмечалось, что «отдельные жители, как города, так и села высказывают различного рода отрицательные настроения, порой доходящие до антисоветской агитации»²¹. Назывались многочисленные примеры «отрицательного политического настроения». Сообщалось, например, что швея Т. В. Власова в разговорах с работницами неоднократно говорила: «Жизнь сейчас очень трудная и когда только это кончится. Война была — терпели, кончилась война — опять говорят „терпи“. Все свои вещи продала, как дальше жить — не знаю». В том же документе были приведены слова работницы банно-прачечного треста Паниной, сказанные ей другим рабочим: «В прошлом году гораздо легче было жить, в этом году все хуже и хуже. Цены на рынке на продукты питания с каждым днем растут, спекулянты готовы рабочего окончательно ограбить. Мне непонятно, когда это кончится. И куда только смотрит городская власть, им, видимо, живется хорошо, а поэтому они и не принимают никаких мер»²².

В документе наряду с многочисленными примерами представлены также возможные причины появления «отрицательного политического настроения». С точки зрения работников аппарата крайкома, «первичные партийные организации ослабили постановку повседневной политической агитации в массах, недостаточно требовали от коммунистов активного участия в агитационной работе среди рабочих, служащих и колхозников», «районные комитеты партии недостаточно требовательно относятся к секретарям первичных парторганизаций в вопросах постановки поли-

²⁰ ГААК. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 45. Л. 5.

²¹ ГААК. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 40. Л. 34-41.

²² Там же.

тической работы в массах, районный партийный актив мало выступает с политическими докладами перед рабочими, служащими и колхозниками»²³.

Появление фактов религиозной агитации объяснялось отсутствием постановки научной пропаганды (чтение лекций и докладов на естественнонаучные темы). «Нездоровые политические настроения» у рабочих объяснялись тем, что руководители хозяйственных организаций «беззаботно и пренебрежительно относятся к запросам и нуждам трудящихся по вопросам улучшения материально-бытовых условий рабочих и служащих». Наконец, не сбрасывалось со счетов и то обстоятельство, что «антисоветски настроенные граждане», используя затруднения в вопросах материально-бытового уровня рабочих и служащих, стремились дискредитировать советские и партийные органы.

Как видим, анализ причин «активизации нездоровых настроений» нацеливал партийный аппарат на дальнейшее развертывание масштабной политической пропаганды и агитации. И она не заставила себя ждать. Общеизвестно, какие крупные идеологические кампании проводились в тот период. Разъяснение «решений партии и правительства» было поставлено на регулярную основу. Встречи лекторов и пропагандистов с населением способствовали получению обратной связи и фиксации реакций как со стороны актива, так и со стороны рабочих и служащих. Из информации Тюменского обкома ВКП(б) о вопросах, которые задавались населением области лекторам обкома, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б) от 14 апреля 1949 г., следует, что интерес вызывали не только международное положение, но и идеология. В числе заданных вопросов были следующие: «Обязательно ли во всех странах крестьянство придет к коммунизму через колхозы?»; «Как скоро построим коммунизм?»; «Можно ли считать настоящим коммунизмом, если сохраняются государство, армия, разведка, тюрьмы?»; «Гарантирует ли коммунистическое общество охрану интересов личности?»²⁴. Постепенно недовольство социально-экономическим положением у населения замещалось рефлексией по поводу путей развития советского государства, строительства коммунистического общества. Местные партийные работники были не в состоянии вести дискуссии на подобные темы и сами ожидали разъяснений по теоретическим вопросам. Но отсутствие понимания долго-

²³ ГААК. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 40. Л. 34–41.

²⁴ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 40. Д. 112. Л. 11–12.

срочных перспектив на местах не считалось серьезной проблемой: куда более важным казалось форсирование планов экономического развития.

«Стиль руководства» секретарей местных комитетов ВКП(б) как отражение неформальных управленческих практик

Концентрация полномочий по решению хозяйственных вопросов в руках партийных комитетов военного и послевоенного периодов предопределила «административно-командный стиль» руководства первых секретарей горкомов и райкомов партии. Как и в чем он проявлялся?

Под «стилем руководства» чаще всего понимают манеру поведения, способ взаимодействия формального лидера с подчиненными. В послевоенное время оценки сложившегося стиля руководства регулярно звучали на городских и районных партийных конференциях. При этом из документов следует, что сложившийся характер взаимодействия партийных секретарей с активом, советскими и хозяйственными руководителями подвергался осуждению. Правомерно говорить о развернутой внутривнутрипартийной идеологической кампании «о критике и самокритике». Многочисленные справки и информационные сводки свидетельствуют о всеобщем «недовольстве» деятельностью местного партийного аппарата и его руководителей. Можно привести несколько характерных примеров за 1945–1953 гг. Так, на Благовещенской районной партийной конференции Алтайского края в 1945 г. работники райисполкома и районного земельного отдела говорили, что райком партии не доверяет им, подменяет их и командует работниками без ведома руководителей этих организаций и учреждений. В результате директора машинно-тракторных станций стали признавать руководство только со стороны райкома, считая ниже своего достоинства бывать в райисполкоме и его отделах²⁵.

На отчетно-выборном собрании Бурлинского района 13–14 марта 1946 г. был раскритикован первый секретарь райкома партии М. К. Федоров, который зачастую подменял председателя райисполкома, брал на себя его функции, допускал администрирование, грубые ошибки²⁶. В своем заключительном слове М. К. Федоров ответил выступившим коммунистам: «Что позволено делать Юпитеру, то не положено делать быку». При голосо-

²⁵ ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 45. Л. 71–71.

²⁶ Там же. Д. 102.

вании на выборах членов райкома партии М. К. Федоров получил наименьшее количество голосов и был включен в состав райкома только после повторного голосования, которое было допущено с нарушением всех установленных процедур. Уполномоченный Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) по Алтайскому краю А. Комаров проинформировал о сложившейся ситуации председателя комиссии А. А. Андреева и секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова²⁷.

На партконференции Краюшкинского района Алтайского края в адрес второго секретаря райкома Рудко прозвучала следующая характеристика: «Своим грубым отношением к людям вызывает страх, а не уважение. Обычно он не дает совета, не подсказывает, а только обвиняет. Поэтому если кто из работников зайдет к тов. Рудко, то больше не обращается. Многие работники МТС, сельсоветов, колхозов тов. Рудко боятся»²⁸.

9–10 июля 1946 г. на XVIII Сорокинской районной партийной конференции Алтайского края резкой критике был подвергнут второй секретарь райкома Цыганков, который наносил оскорбления коммунистам, грубил, запугивал исключением из партии, судом. Были случаи, когда секретари парторганизаций, директора МТС по несколько дней ожидали приема у Цыганкова и уезжали, не дождавшись. Своим поведением Цыганков быстро настроил против себя местных коммунистов, в результате чего его кандидатура была отвергнута в ходе выборов нового состава райкома²⁹.

Приведенные примеры не были единичными. В апреле 1947 г. сотрудниками оргинструкторского отдела Алтайского крайкома ВКП(б) была подготовлена справка о недостатках первых секретарей райкомов и горкомов партии. Документ на 17 листах содержал сведения о 29 городских и районных руководителях. Источником информации стали материалы проведенных партийных конференций соответствующего уровня. В большинстве случаев партийные руководители характеризовались как грубые, стремящиеся замкнуть на себе решение всех вопросов. Нередкими были факты единоличного назначения кадров, входящих в номенклатуру райкомов ВКП(б) и подлежащих утверждению на бюро³⁰. В кампанию по критике руководителей были вовлечены их непосредственные подчиненные. Типичной представляется характеристика первого секретаря Бийского горкома Смирнова, данная

²⁷ ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 262. Л. 135–139.

²⁸ ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 45. Л. 103.

²⁹ ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 46. Л. 56–57.

³⁰ ГААК. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 46. Л. 26–42.

секретарем Промышленного городского райкома ВКП(б) Петровым: «Редко и мало советуется с активом, работниками аппарата горкома, актив рассматривает только как исполнителей, пренебрегает инициативой членов бюро и аппарата горкома партии»³¹.

Однако в рамках кампании второй половины 1940-х годов по формальному восстановлению норм внутривластной демократии, активизации «критики и самокритики» имелись и очевидные девиации — вопиющие случаи, когда первые секретари игнорировали все установленные правила. Гротескный пример с первым секретарем Центрального райкома ВКП(б) г. Бийска Образцовым приводила директор треста «Ойротзолотопродснаб» Еремеева: «Когда нужно было отремонтировать школы, первый секретарь т. Образцов вызвал меня к себе в кабинет и требовал дать леса, олифы и т. д. На наши убеждения, что мы строевого леса не имеем, т. Образцов заявил: „Вот помариную Вас в кабинете — дадите“. И действительно т. Образцов закрыл двери на крючок, сам, не обращая внимания, сел за стол, продолжая работать. Таким образом, эта воспитательная идеологическая работа длилась два часа. Конечно, мы были вынуждены, нарушая советские законы, пойти на то, чтобы дать школе олифу, масла и т. д.»³². Давление партийных органов на хозяйственные организации было столь распространенным и многообразным, что аппарату ЦК ВКП(б) по результатам обобщений неоднократно приходилось «поправлять места».

Первым симптоматичным документом явилось постановление ЦК ВКП(б) от 2 августа 1946 г. «О фактах премирования министерствами СССР и хозяйственными организациями руководящих партийных и советских работников»³³. Его разбор проводился на пленумах партийных комитетов и собраниях актива. Особо указывалось, что «практика получения подачек, наград приводит к неправильным взаимоотношениям между хозяйственными и партийными органами, по существу, носит характер подкупа, ставит партийных работников в зависимость от хозяйственных руководителей и связывает партийную организацию в критике недостатков в работе хозяйственных организаций»³⁴. Однако такие факты имелись повсеместно. О них открыто заявляли с самых

³¹ ГААК. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 46. Л. 28.

³² Там же. Л. 29.

³³ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко, А. И. Минюк, М. Ю. Прозумещиков, О. В. Хлевнюк. М., 2004. С. 156–157.

³⁴ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4445. Л. 39.

высоких трибун. В Омской области деньгами и промтоварами премировались многие секретари райкомов и председатели райисполкомов, о чем 9 сентября 1946 г. на пленуме Омского областного комитета заявил первый секретарь обкома С. С. Румянцев³⁵. Внутрипартийная коррупция беспокоила вышестоящее руководство, но на местах уровень материального снабжения партийных работников значительно уступал благосостоянию хозяйственных руководителей³⁶. Критика выявленных проступков не отражала глубины проблемы: отсутствие реальных рычагов воздействия районных руководителей на директорский корпус, обладавший правом распоряжения ресурсами, блокировало перестройку взаимоотношений между местными партийно-советскими управленцами и хозяйственной элитой. В 1946 г. секретарь Центрального райкома ВКП(б) г. Омска по кадрам Яхно за счет работников «Омскэнерго» получал продукты питания и промтовары. В результате «потерял свою независимость и самостоятельность и не мог контролировать хозяйственную деятельность руководителей „Омскэнерго“, вести борьбу с бесхозяйственностью, хищениями и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров»³⁷.

Получило всеобщее распространение так называемое «поборничество в колхозах» — практика бесплатного снабжения продуктами районных партийных и советских руководителей. Еще в сентябре 1946 г. Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах», в котором говорилось: «Запретить под страхом уголовной ответственности районным и другим организациям и работникам требовать с колхозов хлеб, продукты, деньги на нужды различного рода организаций и для проведения съездов, совещаний, празднований, финансирования районных строителей»³⁸.

Однако даже после принятия этого постановления повсеместно фиксировались различные злоупотребления со стороны партийно-советских руководителей. На партийной конференции

³⁵ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 445. Л. 81–82.

³⁶ Подробнее об этом см.: Коновалов А.Б. Эволюция номенклатурных льгот и привилегий в период «позднего сталинизма» (1945–1953) // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века: материалы Интернет-конференции «Номенклатура истории советского общества». Пермь, 2004. С. 163–164.

³⁷ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4595. Л. 13.

³⁸ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. М., 1985. Т. 8: 1946–1955. С. 60.

в Чистоозерном районе Новосибирской области в январе 1948 г. делегат Рассохин говорил о том, что до сих пор в ряде колхозов имеют место факты нарушения Устава сельхозартели. Отдельные руководящие работники района тащат из колхозов коров, масло, сено и так далее³⁹. В справке, подготовленной в апреле 1949 г. о критических замечаниях, высказанных на партийных конференциях в адрес секретарей горкомов, райкомов партии и председателей горрайисполкомов, в числе распространенных явлений назывались пьянство и получение продуктов в колхозах без оплаты их стоимости⁴⁰. По итогам разбирательств на нарушителей накладывались взыскания, вплоть до исключения из партии. Имелись случаи, когда бывшие партийные руководители в порядке апелляции просили пересмотреть наказания. Так, первый секретарь Родинского райкома ВКП(б) Алтайского края Стародубцев 12 июля 1949 г. был снят с должности и исключен из рядов ВКП(б) за злоупотребления служебным положением в корыстных целях, поборничество и недостойное поведение в быту. Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) в сентябре 1949 г. решение крайкома ВКП(б) подтвердила⁴¹.

Партийно-советские кадры создавали на селе большие личные подворья, что вызывало неприятие со стороны краевых / областных руководителей. В 1950 г. первый секретарь Алтайского крайкома ВКП(б) Н. И. Беляев информировал Г. М. Маленкова о том, что «законодательство по обложению налогом способствует обзаведению сельских работников большим личным хозяйством». Имелись в виду предоставляемые законом льготы по освобождению группы районных работников от обязательных поставок сельхозпродуктов государству (мясо, молоко, яйца). Беляев предлагал «помочь высвободить сельских руководящих работников от возможностей хозяйственного обрастания»: либо упразднить льготы по обложению в поставках, либо запретить секретарям райкомов ВКП(б), председателям райисполкомов, райпрокурорам, уполномоченным министерства заготовок, начальникам райотделов МГБ и МВД иметь в личном пользовании более одной коровы⁴².

«Хозяйственное обрастание» можно было ограничить как установленными нормами, так и активно практикуемым методом кадровых перебросок. Руководителей местных партийных

³⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 286. Л. 84.

⁴⁰ ГААК. Ф. П-1. Оп. 82. Д. 67. Л. 27-32.

⁴¹ ГААК. Ф. П-1. Оп. 88. Д. 104. Л. 35.

⁴² ГААК. Ф. П-1. Оп. 88. Д. 103. Л. 64.

организаций регулярно переводили на равнозначные должности в другие города или районы. Эта практика была обусловлена стремлением предотвратить формирование различных местных группировок, распространение «небольшевистских нравов подхалимства и угодничества», склоки и конфликты в аппаратной среде. Например, в информационном письме Новосибирского обкома ВКП(б), направленном в январе 1948 г. в управление кадров ЦК ВКП(б), сообщалось о переводе второго секретаря Кочковского райкома ВКП(б) С. Н. Смирнова на должность заведующего отделом сельского хозяйства Чановского райисполкома. В документе Смирнову давалась следующая характеристика: «На протяжении довольно длительного времени настойчиво добивался власти — путем подсиживания первого секретаря райкома и председателя райисполкома. Не имея многих качеств, необходимых для партийного руководителя, он сжился с недостатками и безобразиями, творящимися в районе, не помогал, а наоборот своим поведением мешал в руководстве райкома партии»⁴³. Несмотря на столь отрицательную оценку, функционер не выбыл из номенклатурной системы, а был всего лишь переведен на работу в советский аппарат.

Следует заметить, что региональные комитеты ВКП(б) постоянно информировали вышестоящие контрольно-надзорные инстанции (после реорганизации управления кадров эту функцию стал выполнять отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК партии) о причинах снятия с работы секретарей городских и районных комитетов. Нередко причиной для освобождения были жалобы должностных лиц. Так, первый секретарь Ишимского горкома ВКП(б) Богомолов был снят с работы после письма прокурора города на имя Г. М. Маленкова. Наряду с претензией к моральному облику Богомолова (грубость, «нечистоплотность в быту») имелось немало фактов неудовлетворительного руководства аппаратом горкома, который «работал без должного напряжения, мало был связан с первичными партийными организациями»⁴⁴.

В результате рассмотрения жалоб, направленных в ЦК ВКП(б) с мест, управленческие практики районных руководителей подвергались критике. Например, в июне 1950 г. были выявлены недостатки в работе первого секретаря Кулундинского райкома партии Ветрова на основании жалобы бывшего председателя райплана Солдатенкова. В Секретариат ЦК ВКП(б) за подписью секретаря

⁴³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 288. Л. 1.

⁴⁴ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 72. Д. 157. Л. 62

Алтайского крайкома ВКП(б) В.В. Митюшкина была направлена информация, в которой районный партийный руководитель характеризовался следующим образом: «Насаждает непартийные нравы — угодничество, подхалимство, нередко защищает скомпрометировавших себя угодничающих перед ним работников, что вызывает законное недовольство районного партийного актива <...> переоценивает свои силы, не подкрепляет своего большого опыта практической работы повышением теоретических знаний, мало читает политической и художественной литературы, не выступает с политическими докладами перед населением и в своем политическом развитии отстает от многих рядовых коммунистов»⁴⁵. Аналогичные характеристики были справедливы для абсолютного большинства руководителей. Но критика стиля руководства всегда носила персонифицированный характер и затрагивала только конкретных функционеров.

Это обстоятельство можно наблюдать в процессе проведения партийных конференций. На всем протяжении рассматриваемого периода актив проявлял недовольство стилем и методами руководства секретарей горкомов и райкомов. Вполне очевидно, что конференции тщательно организовывались и являлись частью показательных кампаний по возвращению норм внутрипартийной демократии. Однако отчеты в ЦК партии из регионов содержали лишь отдельные примеры, но не системные наблюдения за ситуацией. Первые секретари критиковались «за практику голого администрирования», за окрики и запугивание коммунистов. Первый секретарь Чистоозерного райкома ВКП(б) Новосибирской области Белобородов в марте 1949 г. был раскритикован за канцелярско-бюрократический стиль, высокомерное и не тактичное отношение к коммунистам⁴⁶. О секретаре Здвинского райкома ВКП(б) Безрукове делегатом районной партийной конференции было сказано: «Вместо деловой помощи он превратился в пугало, оскорбляет коммунистов, называет кулаками»⁴⁷. Аналогичные примеры встречались повсеместно. Но и на уровне аппарата ЦК, и на уровне региональных комитетов порочный стиль районных руководителей рассматривался в контексте «отдельных недостатков».

Еще одна важная проблема послевоенного управления на местах была связана с отсутствием слаженного взаимодействия между районными и региональными руководителями. На местах не-

⁴⁵ ГААК. Ф. П-1. Оп. 88. Д. 101. Л. 169.

⁴⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 286. Л. 84.

⁴⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 322. Л. 123.

редко приходилось действовать без четкого понимания хода и возможных результатов проводимых кампаний. Обязывание к исполнению принятых решений провоцировало первых секретарей на уже неоднократно упоминаемое «администрирование». В Алтайском крае секретарь Новочихинского райкома Рязанов на IV краевой партийной конференции в марте 1948 г. критиковал стиль работы крайкома ВКП(б): «Ежедневно в райком партии поступают по несколько грозных постановлений, директив и телеграмм. Иногда секретарь райкома партии даже не в состоянии их вдумчиво прочитать. Например, в январе 1947 г. поступило 45 постановлений и 39 телеграмм, в мае 33 постановления и 36 телеграмм, в июне 35 постановлений и 45 телеграмм»⁴⁸. В таких условиях партийные руководители становились канцеляристами, не способными к самостоятельной организационной деятельности.

Представленные факты свидетельствуют о невозможности функциональных изменений аппарата местных партийных органов, поскольку сложившиеся практики насаждались на уровне ЦК и региональных комитетов партии. Однако на словах пороки «чрезвычайщины» повсеместно осуждались с высоких трибун. Например, первый секретарь Алтайского крайкома ВКП(б) Н. И. Беляев на IV краевой партийной конференции 5 марта 1948 г. охарактеризовал недостатки горкомов и райкомов ВКП(б), которые «не перестроились в своей работе, не отрешились от методов руководства военного времени, продолжают подменять советские и хозяйственные органы, берут на себя решение многих, подчас мелких хозяйственных вопросов, упускают главные коренные вопросы в своей работе»⁴⁹. Далее Н. И. Беляев упрекал местных управленцев в том, что они не научились еще сочетать ведение хозяйственных задач с развертыванием политической работы в массах, подменяли воспитательную работу с кадрами и осуществление действительного контроля за хозяйственной деятельностью методами администрирования, окрика и командования. Активное использование штампов партийных постановлений не вносило никакой ясности в повседневную работу райкомов и горкомов партии.

С течением времени принципиальных изменений зафиксировать не удастся. В 1953 г. на VI Алтайской краевой партийной конференции в адрес крайкома КПСС один из районных руководителей говорил: «Из 150 телеграмм, полученных в этом году

⁴⁸ ГААК. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 31. Л. 137.

⁴⁹ ГААК. Ф. П-1. Оп. 80. Д. 1. Л. 110.

из крайкома партии, 80 касаются чисто хозяйственных вопросов, 60 телеграмм содержат вызовы на совещания и извещения о радиосовещаниях, а касающихся партийно-политической работы — единицы. При такой постановке вопроса райком партии и его аппарат превращается в курьера по извещению о всякого рода совещаниях строителей, животноводов, а не партийных работников, мобилизующих на выполнение хозяйственно-политических задач, стоящих перед райкомом»⁵⁰.

Местные партийные органы обеспечивали выполнение возложенных на них функций исходя из сложившихся представлений у секретарей и заведующих отделами. Поэтому вновь и вновь появлялись критические высказывания о подмене хозяйственников. 19 декабря 1950 г. газета «Правда» опубликовала статью «В роли снабженцев», где критиковался Барнаульский горком партии за «несвойственные ему функции снабжения предприятий различными материалами». Бюро крайкома и первый секретарь Н. И. Беляев отметили, что вопросы, поднятые в статье, имеют отношение и к отраслевым отделам крайкома ВКП(б), которые также нередко занимаются не своим делом⁵¹. В резолюции VI краевой партийной конференции, принятой в сентябре 1952 г., указывалось: «Считать недопустимым, когда отдельные горкомы, райкомы ВКП(б) нарушают большевистский принцип руководства хозяйством, занимаются излишней мелочной опекой советских и хозяйственных органов, тем самым сдерживают их инициативу в решении хозяйственных вопросов»⁵².

Отсутствие должного взаимодействия между региональным и местным уровнями партийного аппарата мотивировало городских и районных руководителей на критику секретарей, бюро и отделов краевых и областных комитетов партии. В стенограммах региональных партконференций эту тенденцию можно зафиксировать. 19 марта 1951 г. заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских организаций Андреевского райкома ВКП(б) Новосибирской области Бочков заявил: «Обком ВКП(б) мало помогает райкому партии. После постановления бюро обкома ВКП(б) по отчету райкома партии никто не был и не помог организовать его выполнение. Даже на конференцию представитель обкома партии приехал за день до начала ее»⁵³. Первый секретарь Косихинского райкома ВКП(б) Алтайского края

⁵⁰ ГААК. Ф. П-1. Оп. 91. Д. 58. Л. 18.

⁵¹ ГААК. Ф. П-1. Оп. 88. Д. 109. Л. 58.

⁵² ГААК. Ф. П-1. Оп. 90. Д. 1. Л. 96.

⁵³ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 15. Д. 79. Л. 1.

Атяшкин на районной партийной конференции в 1952 г. отметил: «В течение 2-х лет работы на посту первого секретаря райкома ни один из секретарей крайкома партии со мной не беседовал о моей работе, о тех трудностях, с которыми приходилось встречаться в практике работы. За это время не было также в районе ни одного заведующего отделом крайкома, председателя и заместителя председателя крайисполкома»⁵⁴. Пороки сложившейся системы отношений критиковались, но не устранялись.

Таким образом, в организации, руководстве и контроле управленческого процесса, осуществляемого городскими и районными номенклатурными кадрами, преобладали неформальные, то есть не предусмотренные нормативными документами, практики: принятие единоличных решений первыми секретарями, административное давление на директорский корпус и хозяйственные структуры, использование последних для снабжения партийных кадров. Формализация повседневных управленческих практик была серьезно затруднена как объективным, так и субъективным факторами. Первый заключался в отсутствии разделения функциональных обязанностей между партийными, советскими органами и хозяйственными организациями. Субъективным фактором, затруднявшим приведение управленческих практик в соответствие с существовавшими правилами и нормами, являлся низкий уровень подготовки секретарей местных комитетов партии и председателей исполкомов Советов. Однако даже постепенное повышение уровня компетентности номенклатурных функционеров, формирование у них необходимых деловых и морально-этических качеств не позволило, тем не менее, преодолеть объективные проблемы. Районные и городские комитеты ВКП(б) не были наделены полномочиями в решении вопросов местного значения, а их деятельность была нацелена прежде всего на исполнение директив вышестоящих партийных органов. Такое положение местных партийных комитетов в системе политической власти способствовало искажению роли секретарского корпуса, возникновению многочисленных конфликтов в аппаратной среде.

Публикация осуществлена при поддержке гранта РГНФ
«Социальные трансформации сибирской номенклатурной элиты ВКП(б)-КПСС:
факторы, динамика, последствия (1945–1991)», проект № 16–01–00240.

⁵⁴ ГААК. Ф. П-1. Оп. 90. Д. 112. Л. 174.

А. И. САВИН
Институт истории СО РАН (Новосибирск)

БОРЬБА ЗА МОЛОДЕЖЬ: СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ДИССИДЕНТЫ В БРЕЖНЕВСКУЮ ЭПОХУ

Статья посвящена изучению острого конфликта, возникшего между религиозными диссидентами из числа евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) во главе с Советом церкви ЕХБ и властью в брежневскую эпоху по вопросу религиозного образования детей и юношества. На основе документов ЦК КПСС, Совета по делам религий при Совете Министров СССР и КГБ СССР за 1964–1982 гг., многие из которых впервые вводятся в научный оборот, сделан вывод о том, что массовое нарушение верующими запрета на групповое обучение молодежи религии являлось главной угрозой государственному политико-идеологическому концепту о скором отмирании религии в социалистическом обществе вместе с уходом из жизни «темных» старших поколений. В этой связи власть применяла целый комплекс политических, идеологических и репрессивных мер, направленных на то, чтобы вынудить верующих отказаться от религиозного воспитания молодежи. Однако эффективность этих практик была низкой, поскольку верующие, отстаивая свои религиозные свободы, действовали как сплоченная «группа интересов», не считаясь с возможными негативными последствиями для себя лично.

Ключевые слова: протестантизм, религиозные диссиденты, молодежь, религиозное образование, Совет по делам религий, КГБ, брежневская эпоха.

16 марта 1966 г. КГБ СССР совместно с Прокуратурой СССР и Министерством охраны общественного порядка СССР внес на рассмотрение в ЦК КПСС ряд предложений «в связи с националистической деятельностью крымских татар и проявляемой активностью немцев-,автономистов“ и баптистов-,инициативников“»¹. Именно эти три группы населения, наряду с так называемыми «правозащитниками», воспринимались органами государственной безопасности на всем протяжении брежневской эпохи как главный источник внутренней угро-

¹ См.: РГАНИ. Картоoteca документов Общего отдела ЦК КПСС. Каждая карточка содержит название, точную дату, имена авторов и получателей, а также краткое содержание документа. Настоящая записка была адресована секретарю ЦК КПСС И. В. Капитонову.

зы стабильности советского строя. Но если движения российских немцев и крымских татар за восстановление своих автономий исследованы сегодня достаточно полно, то о так называемом «инициативном» движении религиозных диссидентов², охватившем в начале 1960-х — 1980-е годы в СССР существенную часть протестантов, известно сравнительно мало.

Тем не менее, назвать историю религиозного диссента евангельских христиан-баптистов «белым пятном» нельзя. За три с лишним десятилетия после выхода в свет «Истории инакомыслия в СССР» Л. М. Алексеевой³, историки добились определенных успехов в изучении послевоенного протестантизма в СССР. В свет вышли монографии Л. И. Сосковец⁴, А. В. Горбатова⁵, Т. К. Никольской⁶, Н. А. Беляковой⁷ и две коллективные монографии тюменских историков⁸. В. В. Шиллер⁹, С. П. Волохов¹⁰, А. Л. Глушаев¹¹

² Этимология термина «инициативники» следующая: верующие, недовольные сервильностью руководства Всесоюзного Совета евангельских христиан баптистов, выступили в начале 1960-х годов с *инициативой* созыва всесоюзного съезда баптистов, который должен был независимо от государства решить ключевые вопросы церковной жизни, в том числе выбрать новое руководство церкви. В дальнейшем религиозные диссиденты в официальных советских документах именовались как «сторонники так называемого [нелегального] Совета Церквей ЕХБ».

³ Книга Л. М. Алексеевой, впервые опубликованная в США в 1984 г., включала в себя небольшую главу о евангельских христианах-баптистах. См. любое издание, например: *Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР: Новейший период. Вильнюс-М., 1992. 332 с.

⁴ *Сосковец Л. И.* Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск, 2003. 348 с.; *Она же.* Религиозные организации и верующие в советском государстве. Томск, 2008. 252 с.

⁵ *Горбатов А. В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е годы. Томск, 2008. 408 с.

⁶ *Никольская Т. К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009. 356 с.

⁷ *Beljakova N., Bremer T., Kunter K.* «Es gibt keinen Gott!» Kirchen und Kommunismus. Eine Konfliktgeschichte. Herder Verlag, 2016. 256 с.; *Белякова Н. А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР (1940–80-е гг.): исследование и источники. М., 2015. 512 с.

⁸ Протестантизм в Тюменском крае: история и современность / под ред. И. В. Боброва. СПб., 2006. 222 с.; *Клюева В. П., Поплавский Р. О., Бобров И. В.* Пятидесятники в Югре (на примере общин РО ЦХВЕ). СПб., 2013. 256 с.

⁹ *Шиллер В. В.* Этноконфессиональное взаимодействие в Кемеровской области в конце XIX–XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 308 с.

¹⁰ *Волохов С. П.* Социально-политические протесты середины 1950-х — середины 1980-х гг.: на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской областей: дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 218 с.

¹¹ *Глушаев А. Л.* Протестантские общины в городах и рабочих посёлках в 1945–1965 гг. (на материалах Молотовской (Пермской) области): дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2013. 176 с.

и Е. А. Серова¹² защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Особого внимания также заслуживают две публикации американских коллег, являющихся маркером роста интереса западных историков к теме протестантских конфессий в послевоенном Советском Союзе. Монография Хироаки Куромия посвящена исследованию судебного дела в отношении 14 адвентистов-реформистов, арестованных в ноябре 1952 г. в г. Белая Церковь (Украина) по обвинению в подпольной религиозной деятельности¹³. Эмили Баран в свою очередь исследовала деятельность общин Свидетелей Иеговы в СССР в послевоенный период¹⁴.

В результате в научный оборот введен большой фактический материал и подведены первые итоги изучения. Большинство вышеназванных исследований, за исключением публикаций западных историков, проводилось преимущественно в традиционном позитивистском ключе: основное внимание уделялось выработке государственной политики в отношении религиозных организаций, советскому антирелигиозному законодательству, деятельности органов КГБ, а также Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР — Совета по делам религий при Совете Министров СССР и его региональных уполномоченных, направленной на контроль и ограничение религиозной сферы.

Один из основных выводов, который вытекает из проделанных исследований, можно сформулировать следующим образом: к 1965 г. центральная власть стала ясно осознавать неэффективность «увлечения административными мерами борьбы» с религиозными организациями, которые вызывали ответное «отчаянное сопротивление» верующих¹⁵. Радикальная антицерковная кампания, организованная Н. С. Хрущевым в начале 1960-х годов, создавала ненужные точки напряжения, превращала вполне лояльных «советских трудящихся» из числа верующих в отчаянных противников государства и была признана новым брежневским руководством контрпродуктивной. Нормализация церковно-государственных отношений после прихода Л. И. Брежнева к власти в октябре 1964 г., стала продолжением сталинской идеологической

¹² Серова Е. А. Общины Евангельских христиан-баптистов Кемеровской области в середине 1940-х — первом десятилетии 2000-х гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 183 с.

¹³ Kuromiya H. Conscience on Trial. The Fate of Fourteen Pacifists in Stalin's Ukraine, 1952–1953. Toronto, 2012. 212 с.

¹⁴ Baran E. B. Dissent of the Margins. How Soviet Jehovah's Witnesses Defied Communism and Lived to Preach About it. N. Y., 2014. 382 с.

¹⁵ Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири... С. 304.

политики «нового курса» периода Второй мировой войны, направленной на создание лояльной и полностью подконтрольной «советской церкви»¹⁶.

Главная новизна брежневской политики по отношению к церкви и верующим заключалась в том, что государство стало признавать лояльные религиозные организации субъектами, имевшими полное право пользоваться всеми преимуществами и защитой, которые гарантировала «социалистическая законность».

Однако соблюдение «социалистической законности» во взаимоотношениях государства и религиозных организаций являлось лишь одной стороной медали. Борьба с религией и религиозными институтами оставалась неотъемлемой частью государственной политики: в 1960-х — 1980-х годах в СССР по-прежнему велась массовая атеистическая пропаганда, действовали жесткие ограничения в области печати и распространения религиозной литературы, функционировала система контроля и ограничения деятельности религиозных организаций, практиковались различные формы дискриминации и преследования верующих. В этом отношении определяющей характеристикой религиозной политики брежневского государства являлась ее дуальность.

Соотношение между либеральной и репрессивной составляющими государственной церковной политики зависело от лояльности того или иного вероисповедания, «градуса» конформизма его руководства. Религиозный ландшафт Советского Союза брежневской эпохи был преимущественно пространством политической лояльности¹⁷. Главными церквями, на которые, как на трех китов, опиралась эта лояльность, являлись Русская Православная церковь, духовные управления мусульман и Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ). Высокую степень лояльности демонстрировали лютеранская и, отчасти, католическая церкви, а также еще целый ряд религиозных объединений. Заместитель председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР П. В. Макарец не стремился приукрасить действительность, когда в феврале 1977 г. заявил: «Все же религия у нас ло-

¹⁶ См. подробнее: *Савин А.И.* «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком». «Брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 гг.) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Тверь, 2016. № 4. С. 59–75.

¹⁷ *Савин А.И., Деннингхаус В.* Религиозный ландшафт «развитого социализма» как пространство политической лояльности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. № 9 (63). URL: <https://history.jes.su/s207987840002031-3-1>

ьяна, религия у нас в руках, мы стараемся её держать мягкими рукавицами, но крепко, и это нам удается, за редким исключением <...>¹⁸. В качестве этих «редких исключений» фигурировал ряд протестантских организаций, а также малочисленные общины Истинно-православных христиан — Истинно-православной церкви¹⁹. Причем роль баптистов-«инициативников» во главе с нелегальным Советом Церквей евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ) в качестве главных религиозных диссидентов брежневской эпохи является общепризнанной²⁰.

«Контрразведывательный словарь», изданный в 1972 г. для внутреннего пользования сотрудников КГБ, так описывал историю возникновения религиозного диссента: «Евангельские христиане-баптисты (ЕХБ, их часто называют баптистами) — наиболее распространенная секта, объединяющая ранее самостоятельно существовавшие, но имеющие много общего в вероучении секты баптистов, евангелистов, большая часть пятидесятников и отдельные общины меннонитов. Общины ЕХБ имеются во многих населенных пунктах СССР <...> В 1960 году в секте ЕХБ образовалась группа реакционно настроенных проповедников, так называемых „инициативников“, недовольных лояльной по отношению к советскому правительству позицией руководства В[сесоюзного] С[овета] ЕХБ. Эта группа начала борьбу за руководящее положение в секте, что привело к расколу секты. Преследуя по существу политические цели, „инициативники“ стремятся добиться для секты и ее приверженцев дополнительных прав, сверх тех, которые предусмотрены советским законодательством о культурах. Не получив поддержки большинства верующих, главари этой группы и их сравнительно немногочисленные последователи отде-

¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3442. Л. 43–65.

¹⁹ Истинно Православная церковь — Истинно православные христиане — религиозное неканоническое течение православного толка, возникшее во второй половине 1920-х годов в знак протеста против политики лояльности Русской Православной церкви по отношению к Советской власти. ИПХ не признавали канонической высшей церковной власти в лице митрополита Сергия (Страгородского) и выступали за переход к тайным («катакомбным») формам существования. Истинно православные христиане демонстративно отказывались от общения с представителями власти, государственных платежей, уплаты налогов и т. п. См.: *Шкаровский М.В.* Истинно-православные в Воронежской епархии // *Минувшее. Исторический альманах.* М.; СПб, 1996, Т. 19. С. 320–356; *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. 352 с.

²⁰ См., например: *Даниэль А.* Топология советского инакомыслия: 1950–1960-е годы // *Повседневная жизнь при социализме. Немцы и российские подходы / под ред. Я. Берендса, В. Дубининой, А. Сорокина.* М., 2015. С. 95–96.

лились от ВСЕХБ и создали свою организацию, именуемую с сентября 1965 года Советом церквей ЕХБ. В религиозных кругах их называют „баптистами-раскольниками“. В настоящее время руководители Совета церквей ведут нелегальную деятельность, опираясь на незарегистрированные общины»²¹. В конце 1969 — начале 1970 г., по данным Совета по делам религий при Совете Министров СССР, в Советском Союзе насчитывалось 470 объединений евангельских христиан-баптистов в составе около 20 тыс. человек, которые активно поддерживали СЦ ЕХБ²². За период 1970–1984 гг. численность «инициативников», несмотря на все ухищрения властей, фактически не изменилась.

Не будет преувеличением утверждать, что феномен религиозного диссента породило маниакальное стремление советского государства к тотальному контролю за религиозными организациями. Раскол баптистской церкви на два течения — лояльный власти Всесоюзный Совет ЕХБ и диссидентский Совет Церквей ЕХБ — подрывал сами основы «новой» церковно-государственной политики, центр тяжести которой был перенесен из сферы массовых репрессий в сферу манипулирования лояльными религиозными организациями.

Протестный потенциал «инициативников» определялся комплексным характером, который носила их деятельность в сфере церковно-государственных отношений. Отказ признавать советское законодательство о культурах, прямым следствием которого был отказ от государственной регистрации общин, самостоятельные контакты с Западом, успешная деятельность в сфере «самиздата»²³ и постоянные массовые апелляции «во власть»²⁴, отказ от финансирования квази-общественных фондов — именно сочетание этих свойств превращало верующих — сторонников СЦ ЕХБ — в настоящих религиозных диссидентов.

²¹ Контрразведывательный словарь. М., 1972. С. 293.

²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 38. Л. 203.

²³ В мае 1977 г. заместитель председателя КГБ СССР В. М. Чебриков констатировал: «Следует сразу оговориться, что более или менее заметное распространение на территории страны получили только религиозные материалы, издаваемые баптистами — раскольниками, другие же <...> большого хождения не имеют». См.: *Чебриков В. М.* Борьба органов КГБ с идеологической диверсией империалистических государств в современных условиях. Доклад на семинаре представителей органов безопасности социалистических стран по вопросам борьбы с идеологической диверсией противника. 26 мая 1977 г. // Деятельность органов государственной безопасности СССР на современном этапе: сборник документов и материалов. М., 1980. Вып. 1. С. 163.

²⁴ *Савин А. И., Деннингхаус В.* «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху // Россия. XXI. М., 2017. № 6. С. 118–141.

Настоящая статья посвящена практикам деятельности незарегистрированных протестантских общин в сфере религиозного образования детей и юношества. Мы попытаемся найти ответы на вопрос о том, каким образом «инициативникам» удавалось игнорировать строжайший запрет на организованное религиозное образование до достижения детьми 18 лет. Кроме этого, мы охарактеризуем деятельность соответствующих государственных органов, целью которой было осуществление запрета группового религиозного образования, а также оценим ее эффективность.

Феномен массового «омоложения» диссидентских общин чрезвычайно беспокоил власть, поскольку противоречил государственному политико-идеологическому концепту о скором отмирании религии в социалистическом обществе вместе с уходом из жизни «темных» и «непросвещенных» старших поколений. 17 сентября 1973 г. первый заместитель председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР А.И. Барменков отправил в отдел пропаганды ЦК КПСС пространную записку о попытках сторонников Совета Церквей ЕХБ «создать разветвленную сеть молодежных организаций сектантов» под названием «Добрый самарянин»²⁵. В отчете о деятельности Совета по делам религий за 1973 г. эта история излагалась следующим образом: «В начале 1973 г. в ряде мест были зафиксированы попытки создания разветвленной сети молодежных религиозных организаций, действующих под руководством т. н. СЦ ЕХБ на основе специального „устава“, строго регламентирующего жизнь и деятельность членов этих организаций, призванных воспитывать воинствующих „борцов“ за евангелизацию». Совет по делам религий оперативно проинформировал об угрозе возникновения «клерикальной организации» своих уполномоченных, а также местные органы власти, потребовав усилить «воспитательную работу с детьми из семей сектантов через школы и общественные молодежные организации»²⁶.

В случае с нелегальными молодежными организациями речь шла об одной из фобий советского руководства, а именно об устойчивой боязни организованной антисоветской деятельности молодых людей — «выходцев из социально-чуждой среды» и детей репрессированных. Специфические свойства молодежи, которые «толкали ее на путь борьбы с Советской властью», были так сформулированы в директиве народного комиссара государ-

²⁵ Текст записки см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 141. Л. 56–61.

²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 115. Л. 165

ственной безопасности СССР от 25 января 1945 г.: «Политически неустойчивая часть молодежи легко идет на всякого рода авантюристические предложения и, увлекаясь „романтикой“ нелегалщины, пытается прибегнуть в своей антисоветской работе к наиболее острым формам борьбы с советской властью»²⁷.

Спустя тридцать лет аналитики Комитета государственной безопасности во главе с заместителем председателя КГБ СССР В. М. Чебриковым повторили эту оценку молодежи как наиболее «неустойчивой» и подверженной «чуждым влияниям» части советского населения. Описывая Советский Союз периода 1970-х годов, они утверждали: «Основные усилия враждебные элементы направляли на антисоветскую агитацию и пропаганду среди своих единомышленников и неустойчивых в политическом отношении граждан, создание нелегальных антиобщественных групп, пополнение этих групп за счет вовлечения в них политически незрелых советских людей, особенно из числа молодежи»²⁸. Поскольку «церковники и сектанты», наряду с «националистами» и прочими «антисоветскими элементами» составляли, по утверждению все того же В. М. Чебрикова, «главную среду, на которую противник в первую очередь ориентируется при организации антисоветских акций в стране»²⁹, власть крайне негативно относилась к любым формам организации религиозной молодежи, в первую очередь из числа «нелегальных» протестантов.

Алармистская записка, направленная А. И. Барменковым в ЦК КПСС, беззастенчиво эксплуатировала эту фобию организованной антисоветской молодежной деятельности, так как «Добрый Самарянин» существовал только на бумаге, в виде анонимного устава. Зато такой ракурс сообщения позволял руководству Совета по делам религий акцентировать внимание ЦК КПСС на крайне неблагоприятной, с его точки зрения, ситуации, которая сложилась в деле атеистического воспитания детей и молодежи из семей сторонников СЦ ЕХБ. «Специальная работа» религиозных диссидентов среди подростков описывалась в записке следующим образом: «Организуют областные и межобластные „общения“ юношей и девушек, т. н. „вечера любви“, концертно-театра-

²⁷ Директива НКГБ СССР № 12 «Об усилении агентурно-оперативной работы по разработке антисоветского элемента среди молодежи и вскрытых в 1943–1944 гг. враждебных организациях и группах». М., 1945. С. 1 (Издана для специального пользования в виде брошюры).

²⁸ История советских органов государственной безопасности: учебник / под ред. В. М. Чебрикова и др. М., 1977. С. 545.

²⁹ Чебриков В. М. Борьба органов КГБ с идеологической диверсией империалистических государств в современных условиях... С. 162.

лизированные представления, привлекают молодых верующих к активной проповеди Евангелия, изготовлению и распространению религиозной литературы и т. д. Сектантские вожаки [также] стремятся оказать свое влияние на сектантскую молодежь зарегистрированных обществ ЕХБ, внушают молодым людям мысль об их особой миссии „борцов за веру отцов“ и „спасения грешников“»³⁰.

Активное участие детей и молодежи из семей верующих в религиозной жизни баптистских объединений во многом являлось результатом практики группового преподавания вероучения детям в различного рода «воскресных школах» и «библейских кружках». Согласно советскому законодательству о культах, граждане не могли обучать и обучаться религии только частным образом и только в индивидуальном порядке. Родители или опекуны могли учить своих детей религии лично сами у себя на дому. Любая форма группового обучения вероучению несовершеннолетних однозначно и безоговорочно рассматривалась как нарушение закона и каралась как в административном, так и в уголовном порядке. Так, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г., административному наказанию подлежали организация и проведение служителями культа и членами религиозных объединений «специальных детских и юношеских собраний», а также «трудовых, литературных и иных кружков и групп, не имеющих отношения к отправлению культа»³¹. В свою очередь статья 142 УК РСФСР («Нарушения законов об отделении церкви от государства и школы от церкви») позволяла судить на срок до трех лет лишения свободы за «организацию и систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии»³².

³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 141. Л. 56.

³¹ Цит. по: Сборник нормативных актов и справочных материалов для оперативных работников КГБ. М., 1968. С. 236. В сборнике представлен набор документов о государственной религиозной политике, с которыми должен был быть знаком рядовой оперативник КГБ в конце 1960-х годов, а именно: Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви (23.01.1918), выдержка из Конституции СССР, постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (8.04.1928), Положение о Совете по делам религий при Совете Министров СССР (10.05.1966) и Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах» (18.03.1966).

³² В соответствии с указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении дополнений в статью 142 Уголовного кодекса РСФСР» от 18 марта 1966 г., в этой статье, которая ранее предусматривала наказание в виде исправительных работ на срок до одного года или штрафа в размере до 50 рублей, вводилось ужесточение: «те же деяния, совершенные лицом, ранее судимым за нарушение законов

Однако эти карательные меры оказались слабым инструментом, не способным принудить верующих отказаться от группового обучения детей религии. В этом в значительной степени была виновна практика правоприменения законодательства о культах в брежневский период. Наиболее сильнодействующее средство — уголовное осуждение верующих — не применялось, как правило, только за какой-либо один вид нарушений. Чтобы оказаться на скамье подсудимых, пресвитеру или проповеднику общины «инициативников», не говоря уже о рядовых верующих, следовало обратить на себя внимание властей комплексом действий из следующего перечня: игнорирование требования регистрации религиозной деятельности, проведение нелегальных молитвенных и прочих собраний, распространение и использование религиозного «самиздата», участие в «клеветнических» обращениях в органы власти, а также организация религиозного образования и воспитания детей и юношества. Причем при принятии решения о применении уголовной ответственности решающее значение имело именно обвинение в организации религиозных школ и кружков, а сам факт совершения «преступления» должен был быть зарегистрирован неоднократно. Другими словами, самые высокие шансы оказаться в лагере имели пресвитеры и проповедники общин СЦ ЕХБ, в которых, невзирая на многократные предупреждения и административные наказания со стороны власти, широко практиковалось групповое религиозное образование детей и молодежи.

Этот вывод подтверждают практически все известные нам судебные дела, закончившиеся в Сибири осуждением баптистов и меннонитов — сторонников СЦ ЕХБ. Вероятно, первым судебным процессом, на котором в Сибири судили баптистов-«раскольников», являлся процесс над руководителями и активистами Барнаульской общины СЦ ЕХБ Д. В. Миняковым, Г. Д. Лебедевым, А. А. Штерцером и Ю. И. Михальковым. Верующие были осуждены 10 мая 1963 г. приговором Алтайского краевого суда по ст. 227 УК РСФСР³³ к разным срокам заключения «за организацию неле-

об отделении церкви от государства и школы от церкви, а равно организационная деятельность, направленная к совершению этих деяний», карались теперь лишением свободы сроком до трех лет, что давало возможность надолго изолировать активистов «инициативного движения». См.: Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР / под ред. Б. С. Никифорова. М., 1964. С. 304; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 124.

³³ Ст. 227 УК РСФСР, которая предусматривала лишение свободы на срок до пяти лет за «посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов», широко использовалась в годы хрущевской антирели-

гальной группы баптистов». В качествеотягчающего обстоятельства в приговоре фигурировало «вовлечение в нее [группы] несовершеннолетних»³⁴. Вслед за ними в декабре 1963 г. были осуждены «руководители раскольнической баптистской группы в р. п. Кулунда» Субботин и двое братьев Хмара. 13 октября 1965 г. прокуратурой Алтайского края было возбуждено уголовное дело против активистов барнаульской общины СЦ ЕХБ В.Н. Руденко, П.Я. Янца, А.А. Гизбрехта и О.Ф. Шнагаткиной. Всем им инкриминировалось организованное обучение детей религии «в так называемых воскресных школах». 11 января 1966 г. прокуратурой Хабаровского района Алтайского края было возбуждено уголовное дело в отношении П.Я. Берга, И.М. Эннса, П.П. Левена, М.П. Ниссена и Е.П. Варкентина по ст. 227 УК РСФСР. Меннониты обвинялись в том, что организовали в селах Орлово и Александровка Хабаровского района воскресные школы, «в которые путем принуждения и другими способами вовлекались дети дошкольного возраста»³⁵. 21 апреля 1967 г. в Барнауле по ст. 142 УК РСФСР к разным срокам заключения (от года до трех лет) были осуждены пресвитер барнаульской общины СЦ ЕХБ Я.Я. Биль и «активисты» общины П.И. Гиберт, Я.А. Паульс, Л.А. Нейфельд, Л.Г. Штерцер, А.Я. Дик и В.О. Ловкайтис. Им инкриминировалось, помимо прочего, создание детской воскресной школы, детского хора, а также изготовление в массовом количестве духовной литературы для детей³⁶. В 1968 г. Алтайским краевым судом за «нелегальное обучение детей религии» к трем годам лишения свободы каждая были приговорены Вацлава Ловкайтис и Лидия Нейфельд. В следующем году по аналогичному обвинению был арестован и осужден на три года брат Лидии, Д.А. Нейфельд (Пивнев), пресвитер Кулундинской общины и член руководства СЦ ЕХБ³⁷. 30 августа 1974 г. Омским областным судом были осуждены проповедник общины меннонитов д. Миролюбовка Москаленского района

гиозной кампании для борьбы с «религиозниками». Но, поскольку, именно с ее помощью осуществлялось хрущевское «администрирование» в борьбе с религией, то статья была признана в новых политических условиях не совсем адекватным инструментом в деле борьбы с религией, тем более что основной упор в ст. 227 делался на причинении вреда здоровью граждан лицами и группами, для которых религия являлась «лишь прикрытием общественно опасной деятельности». В результате, начиная с 1966 г., советские суды предпочитали использовать в отношении религиозных диссидентов ст. 142 УК РСФСР.

³⁴ Приговор был отменен в 1965 г. Президиумом Верховного Суда СССР на волне «брежневского поворота» в государственной религиозной политике.

³⁵ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 37. Л. 185–188.

³⁶ Приговор суда см.: ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 58. Л. 31–39.

³⁷ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–36.

И. Ф. Тевс и активисты общины Я. Я. Эннс и П. Г. Адриан³⁸, 30 июля 1975 г. — руководители общины братских меннонитов г. Исилькуль Я. Д. Кригер и А. И. Лаукерт. Все перечисленные обвинялись в «систематическом обучении детей религии», кроме того, у Кригера и Лаукерта было изъято «большое количество литературы религиозного содержания, картотек, предназначенных для организованного обучения детей религии»³⁹.

14 мая 1981 г. к пяти годам с конфискацией имущества были осуждены руководители нелегальной общины братских меннонитов с. Апполоновка Исилькульского района И. А. Валл и Я. Ф. Дирксен, к четырем годам лагерей — активистки общины Е. А. Панина и М. П. Тевс. В приговоре суда говорилось: «Валл и Дирксен организовали систематическое обучение детей и подростков религии, занятия проводят сами и привлекают для этой цели активных членов секты, как-то Панину и Тевс. Обучение детей религии проводится как на специально созданных занятиях, или на общих собраниях, где дети сидят отдельно, они выступают перед взрослыми с пением и декламацией»⁴⁰. 28–29 июля 1981 г. в р. п. Марьяновка Марьяновского района Омской области состоялся судебный процесс по делу проповедников нелегальной общины СЦ ЕХБ Н. М. Дикмана и А. Е. Лавренца. Верующие были осуждены на условные сроки за систематические нарушения законодательства о культах, в том числе — обучение детей религии. Судебный процесс был проведен с большим резонансом — на заседаниях в качестве зрителей присутствовало около 400 «трудящихся», репортажи о суде подготовила районная и областная пресса и областное телевидение⁴¹.

О том, что обвинение в групповом обучении детей религии в подавляющем большинстве случаев гарантировало уголовное осуждение, свидетельствует также отрывочная статистика уголовных преследований верующих. Так, по неполным данным Совета по делам религий, в течение только 1973 г. в СССР к уголовной ответственности было привлечено 65 «сектантских вожаков», а различные административные меры применены по меньшей мере к 800 «нарушителям». Деятельность «библейских» школ, кружков

³⁸ Кроме того, имеются сведения о том, что в 1972–1974 гг. были осуждены «главари» незарегистрированных групп братских меннонитов Исилькульского и Москаленского районов Омской области И. А. Валл, И. Я. Винс, Я. Ф. Дерксен, Пеннер и Фаст.

³⁹ Приговор суда см.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 992. Л. 13–17.

⁴⁰ Приговор суда см.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2105. Л. 30–35.

⁴¹ Приговор суда см.: Там же. Л. 43–47.

для молодежи и детей была пресечена в этом же году примерно в 10–12 краях и областях. Причем уголовная ответственность применялась в первую очередь именно к организаторам религиозных школ: «прежде всего за эти деяния, — утверждалось в отчете Совета по делам религий, — были привлечены к уголовной ответственности некоторые сектантские вожаки в Краснодарском, Красноярском и Ставропольском краях, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Ворошиловградской, Крымской, Хмельницкой, Гомельской, Минской областях»⁴².

Учитывая повсеместный характер нарушений общинами СЦ ЕХБ запрета на групповое обучение религии, следует признать цифры осужденных сравнительно низкими. Такая правоприменительная практика являлась отражением специфики государственной карательной политики брежневского образца. Выступая 26 мая 1977 г. на семинаре представителей органов безопасности социалистических стран с докладом «по вопросам борьбы с идеологической диверсией противника», заместитель председателя КГБ В. М. Чебриков поделился с коллегами следующей секретной информацией: по состоянию на 10 мая 1977 г. в «исправительно-трудовых учреждениях» СССР содержалось 122 человека, «осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду»⁴³. Объясняя столь небольшие цифры «политических заключенных», В. М. Чебриков заявил: «Мы рассматриваем меры репрессивные как меры крайние. КГБ исходит из того, что эти меры должны применяться [только] тогда, когда испробованы все другие способы предотвращения нежелательных проявлений и действий»⁴⁴. При этом в качестве «основного средства предотвращения враждебной деятельности антисоветских элементов», наряду с «агентурным аппаратом», было призвано выступить так называемое «профилактирование» в виде предварительных бесед и предупреждений в адрес потенциальных «антисоветчиков» со стороны КГБ.

Действительно, период нахождения у власти Л. И. Брежнева характеризовался самыми низкими показателями деятельности карательного аппарата в СССР в отношении «антисоветских элементов». Если при Н. С. Хрущеве в 1956–1964 гг. за антисоветскую пропаганду и агитацию в среднем ежегодно осуждалось 636 человек, то при Брежневе в 1965–1982 гг. этот же показатель составил

⁴² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 115. Л. 167.

⁴³ Чебриков В. М. Борьба органов КГБ с идеологической диверсией империалистических государств в современных условиях... С. 154.

⁴⁴ Там же. С. 156–157.

115 человек⁴⁵. Речь здесь идет о репрессиях в отношении так называемых «антисоветчиков» и диссидентов, мнимых и реальных противников коммунистического режима, осужденных по ст. 70 («антисоветская агитация и пропаганда») УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик. Например, за первое полугодие 1980 г. органами КГБ было привлечено к уголовной ответственности 243 человека, из них за особо опасные государственные преступления — 59 человек (в том числе 18 человек — за измену Родине), 40 активных антисоветчиков и 94 контрабандиста и валютчика⁴⁶. Само собой разумеется, эта статистика не охватывает весь масштаб политических репрессий. Так, религиозные диссиденты осуждались по ст. 142 и 227 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик, и их число было сопоставимо с числом осужденных «антисоветчиков»⁴⁷. Известна также практика, когда политических противников режима судили по «уголовным» статьям или помещали на принудительное психиатрическое лечение. И, тем не менее, приведенная выше статистика адекватно отображает общую тенденцию: органы государственной безопасности все в большей степени заменяли репрессивные практики «профилактированием».

Обе стороны конфликта прекрасно осознавали, насколько крупной была ставка на кону. Для власти «омоложение» общин за счет детей из семей верующих ставило крест на теории «естественного угасания» религиозной жизни в СССР, согласно которой основной контингент верующих составляли «темные люди» преклонного возраста, со смертью которых «религиозный вопрос» в обществе победившего социализма будет решен в недалеком будущем раз и навсегда. Верующие в свою очередь понимали, что без смены в лице молодого поколения их церковь обречена на гибель, вера — на забвение. Кроме того, отказываясь от преподавания детям вероучения, родители считали, что они совершают тяжкое преступление перед потомством, лишая его путеводных библейских истин и надежды на спасение. Заявление И. Е. Янцева, проповедника меннонитской общины с. Апполоновка Омской области, может рассматриваться как кредо религиозных дисси-

⁴⁵ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг.: рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР. М., 2005. С. 36.

⁴⁶ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 51. Д. 4. Л. 2–3.

⁴⁷ За 1961 — первую половину 1964 г. в СССР по этим статьям было осуждено 806 «религиозников», тогда как количество осужденных «антисоветчиков» за 1961–1964 гг. составило 1052 человека. См.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 173. Л. 187.

дентов: «Нас никто не заставит отказаться от обучения и воспитания детей в духе божьем. Как родители, мы в ответе перед богом за них, потому ни вы (т. е. органы власти), никакие правительственные положения для нас не могут быть обязательными. Свои обязанности перед детьми и богом мы знаем, и будем следовать заповеди. Мы совершим непростительное прегрешение, если отступим от детей, оставим их без молитвы и наставлений на путь в царствие небесное»⁴⁸.

В результате требование легализовать организованное религиозное воспитание детей стало одним из основных условий, наряду с официальным признанием СЦ ЕХБ, изменения отношения «инициативников» к проблеме государственной регистрации общин. Верующие не без основания полагали, что, соглашаясь на регистрацию, они тем самым берут на себя обязательство, ограничиться в деле религиозного воспитания детей лишь индивидуальным родительским наставлением. Уполномоченный Совета по делам религий по Омской области, описывая ситуацию в меннонитских общинах, констатировал в июле 1975 г.: «Поведение вожаков этих общин — демонстративное, с выраженным национализмом. Дети и молодежь, борьба за них, специальное обучение религии, воспитание их в духе ненависти к атеистической действительности — деятельность, решительно пресекаемая советским законодательством о культах — обоснование и мотивы к уходу их от регистрации»⁴⁹. Даже в тех общинах СЦ ЕХБ, которые демонстрировали свою готовность к компромиссу с властью, требование свободного группового обучения детей и подростков оставалось камнем преткновения. Так, в апреле 1983 г. руководитель общины СЦ ЕХБ с. Некрасово Славгородского района Гергард Варкентин заявил уполномоченному Совету по делам религий, что «против регистрации возражений нет», если наряду с разрешением регистрироваться именно в качестве общины СЦ ЕХБ, а также вести миссионерскую деятельность, верующие получают право организовывать обучение детей религии⁵⁰.

Вопрос группового обучения несовершеннолетних религии приобретал дополнительную остроту, учитывая ситуацию, сложившуюся вокруг пребывания детей и подростков на молитвенных собраниях. Советское законодательство о культах не запрещало присутствие несовершеннолетних на богослужениях и не рассматривало пассивное участие в молитвенных собраниях

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 115. Л. 183.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 790. Л. 65–69.

⁵⁰ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 240. Л. 8–10.

ях как уголовно наказуемое «вовлечение в религиозную группу». Противозаконным было непосредственное участие детей и подростков в самом процессе богослужения, в том числе в составе хора или оркестра. Однако даже этот разрешенный минимум — посещение молитвенного собрания подростками и детьми в сопровождении родителей — расценивался властями как крайне вредный. Учитывая, что советское законодательство о культах в своей массе было секретным, включая постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., местные административные комиссии нередко в нарушение закона штрафовали родителей лишь за то, что те привели детей вместе с собой на богослужение. В свою очередь уполномоченные Совета по делам религий добивались от взрослых верующих лояльных общин «добровольного» обязательства, не брать с собой детей на молитвенные собрания. Так, в 1972 г. властями была зарегистрирована община меннонитов с. Гляден Благовещенского района Алтайского края. После регистрации меннониты приняли решение, «детей на молитвенные собрания не брать и школьному воспитанию не мешать»⁵¹. Такое отношение властей даже к узаконенному присутствию детей на молитвенных собраниях лишь укрепляло религиозных диссидентов в своем стремлении, создавать воскресные школы несмотря ни на что.

В итоге организованное религиозное воспитание молодежи стало «визитной карточкой» баптистов-«инициативников». Председатель КГБ СССР В.Е. Семичастный, информируя 7 декабря 1966 г. ЦК КПСС о результатах суда над «вожаками» Совета Церквей Г.К. Крючковым и Г.П. Винсом, в качестве одной из главных задач СЦ ЕХБ назвал «создание воскресных детских школ»⁵². Материалы Совета по делам религий и отчеты его уполномоченных за все 18 лет нахождения Л.И. Брежнева у власти содержат множество фактов, свидетельствующих о деятельности нелегальных религиозных школ. Так, в отчете перед ЦК КПСС за 1973 г. Совет по делам религий констатировал, что в Славгородском, Кулундинском, Табунском и Хабарском районах Алтайского края в меннонитских общинах сторонников СЦ ЕХБ действовали «особые детские школы», в которых была введена поэтапность обучения с учетом возрастных возможностей и психологии обучаемых. Все дети были разбиты на четыре группы — дошкольную, детскую, подростковую и молодежную. Последнюю, например, посе-

⁵¹ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 221. Л. 1–12.

⁵² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 366. Л. 201

щали ученики 8–10 классов, их учили умению вести диспуты, преподавали основы проповедничества, в группе действовали кружки фото, музыки, пения, звукозаписи и художественного оформления⁵³.

Спустя год, в июне 1974 г., Уполномоченный Совета так описывал ситуацию с религиозным обучением детей в меннонитской общине с. Полевое Хабаровского района: «Главная причина оппозиции сектантов к законодательству о культах — религиозное обучение детей. Служителей культа только семейное воспитание не удовлетворяет. Они всеми мерами пытаются возродить общинные детские школы, перенимая отдельные методы у отколовшихся баптистов. Полевская община братских меннонитов регулярно проводит т. н. „библейский час“ по возрастным группам верующих, организует подготовку детей и подростков на молитвенных собраниях. С этой целью для детей и небольшого числа родителей богослужения проводятся отдельно от взрослых и пожилых верующих. Здесь дети сами обеспечивают церковную службу, получают религиозные навыки, коллективно укрепляются в вере»⁵⁴.

Составить представление о том, как проходило типичное занятие в нелегальной воскресной школе и как верующие реагировали на действия властей, позволяет акт о проведении незаконных занятий детской воскресной школы, составленный 12 марта 1978 г. работниками Орловского сельского совета Хабаровского района Алтайского края. В этот воскресный день два учителя местной школы во главе с председателем сельсовета А. Ф. Регером обнаружили в доме Марии Вейс 19 детей, учеников 1–5 классов, с которыми проводили занятия шестеро взрослых. Занятие началось с объяснения нового материала и закрепления изученного, после этого «была спета песня на русском языке, где восхвалялся Бог, жизнь в раю и прелести жизни с Богом». Далее каждый ребенок наизусть читал Библию и отвечал на заданные вопросы. По окончании занятий детям были розданы листки с выдержками из Библии. На замечание председателя сельсовета о незаконности групповых занятий, М. П. Рихерт ответила, что «это все наши дети, и мы их будем учить, как захотим». Все взрослые, как «учителя», так и хозяйева дома, отказались от подписания составленного акта об административном правонарушении⁵⁵.

И местные, и центральные органы власти в подавляющем большинстве случаев были прекрасно осведомлены о ситуации,

⁵³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 115. Л. 183.

⁵⁴ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 66. Л. 34–40.

⁵⁵ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 217. Л. 48–49.

но не могли переломить ее. Ощущение того, что власть проигрывала на этом участке «антирелигиозного фронта», явно присутствует в том числе в обращении председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова в ЦК КПСС от 13 августа 1979 г. Андропов просил руководство партии рассмотреть проект постановления ЦК КПСС о мерах по усилению атеистической пропаганды и воспитательной работы с детьми верующих, подготовленный КГБ⁵⁶. Судя по тому, что такое постановление так и не было принято, ЦК КПСС решил не будировать специально эту проблему, предпочитая решать ее в порядке повседневной рутины.

Однако органы прокуратуры и внутренних дел на местах зачастую пасовали перед «своенравным упрямством» верующих и предпочитали закрывать глаза на факты нарушения законодательства о культах. Вот как описывал уполномоченный Совета по Алтайскому краю в июле 1984 г. ситуацию все в том же Хабаровском районе, где по данным председателей сельских Советов и секретарей партийных организаций, воскресные школы функционировали во всех без исключения религиозных объединениях, стоявших на позициях СЦ ЕХБ: «<...> встречаются отдельные факты примиренческого отношения к противозаконной деятельности религиозных экстремистов. <...> нарушения законодательства о религиозных культах не документируются, материалы на противозаконную деятельность отдельных руководителей и авторитетов не накапливаются. Достаточно сказать, что за шесть месяцев текущего года ни один из организаторов-экстремистов не был привлечен к административной ответственности за нарушение требований законодательства о религиозных культах. Не определили своего места в данной работе правоохранительные органы. <...> Пассивную позицию занимает и районный прокурор. <...> прокурором, например, оставлены без внимания конкретные материалы о деятельности детских воскресных школ и других грубейших нарушениях законодательства о религиозных культах. Работниками отдела внутренних дел, прокуратуры не используется такая предоставленная им законом возможность, как вынесение официального предостережения злостным нарушителям законодательства о культах»⁵⁷.

Таким образом, деятельность «воскресных школ» была для участников конфликта «секретом Полишинеля», но власти не смогли привести убедительного контраргумента, способного

⁵⁶ См.: РГАНИ. Картоoteca документов Общего отдела ЦК КПСС.

⁵⁷ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 300. Л. 15–20.

противостоять рутинной ежедневной работе верующих и их готовности «пострадать» за дело Божье. Что же касается административных штрафов и относительно редких фактов уголовных наказаний, то они зачастую только укрепляли решимость религиозных диссидентов. Так, по оценке уполномоченного Совета по делам религий по Омской области, после осуждения в начале 1970-х годов Пеннера, Фаста, Дирксена и Валла, «вожаков» нерегистрированных меннонитских общин сел Апполоновка и Пучково Исилькульского района и Мирюлюбовка Москаленского района Омской области, деятельность общин по религиозному воспитанию детей «не только не ослабела, а еще больше усилилась», в то время как «нарушители советского законодательства о культурах, справедливо понесшие наказание», стали выглядеть в глазах населения «святыми мучениками за веру»⁵⁸.

Казалось бы, в противостоянии по вопросу религиозного обучения юношества на стороне власти был союзник, способный переломить ситуацию за счет повседневной рутинной работы с детьми из семей верующих. Речь идет о советской светской школе, обучение в которой являлось обязательным. Однако этого не случилось. Возможно, у общеобразовательной школы был шанс конкурировать с влиянием родителей, если бы школа не воспринималась семьями верующих как враждебная территория. По понятным причинам, педагогический персонал школ занимал по отношению к детям «религиозников» воинствующую позицию, стремясь всячески их «перевоспитать» и «вырвать» из-под реакционного влияния семьи. Нередко, особенно в 1960–1970-е годы, учителя по поручению «компетентных органов» даже предпринимали попытки получать от детей информацию о деятельности общины, в первую очередь — о времени и месте нелегальных молитвенных собраний. В 1965 г. «инициативники» в заявлении на имя председателя Алтайского крайисполкома так описывали эти действия: «Учителя после уроков изнурительно по 3–4 часа держат детей, вымогают из них [сведения] о местах посещения собраний родителей, заставляя давать об этом официальные подписи»⁵⁹. О том, что эта практика была широко распространена, косвенно свидетельствует выписка из плана уполномоченного Совета по делам религий по Алтайскому краю «по усилению контроля за деятельностью группы меннонитов с. Хорошее Табунского района» на 1973 г. В ней говорилось о необходимости «избегать

⁵⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 115. Л. 183.

⁵⁹ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 73. Л. 111–112.

фактов <...> использования школ для проведения судебно-следственных мероприятий административными органами»⁶⁰.

Ситуацию понятным образом «подогревала» позиция родителей, запрещавших детям вступать в детские и юношеские коммунистические организации как в несовместимые с евангельским учением, а также весьма прохладное отношение верующих к общественной внешкольной деятельности и досугу, в том числе в виде просмотра телепередач, посещения театров и кино. Топорная организация атеистической деятельности в школах приводила к обратному от желаемого результату. Уполномоченный Совета по делам религий по Алтайскому краю констатировал в 1967 г.: «<...> педагогические коллективы некоторых школ до сих пор не нащупали путей и форм расширения своего влияния на верующих родителей и учащихся. Вместо того, чтобы привлечь детей к жизни школы, сблизить их со всем школьным коллективом, вырвать из-под влияния фанатиков-родителей, в отдельных школах до сих пор верующие дети подвергаются насмешкам, а это лишь способствует тому, что они отдаляются от коллектива, замыкаются в себе, вырабатывают иммунитет сопротивления. А некоторые учителя не только не способствуют укреплению влияния детского коллектива на верующих учащихся, но своими неправильными репликами, вопросами или замечаниями порой добиваются обратного — разделения детей и изоляции верующих. Иногда даже способствуют превращению их в страдальцев за веру. В г. Славгороде, например, детей отправляли домой, если они не носят пионерский галстук или звездочку октябренька, на ст. Павлиха силой пытались повести детей в кино, а поскольку они отказывались, то держали по несколько часов в углу»⁶¹.

Вопросом, непосредственно связанным с религиозным воспитанием детей и юношества, был вопрос о службе в Советской армии молодых людей из числа «инициативников». Пацифизм, который проповедовали протестанты, являлся в 1920-е годы главным камнем преткновения в их взаимоотношениях с Советской властью. Однако уже в 1930-е годы, в результате целенаправленной государственной политики, все основные протестантские церкви признали службу в Красной армии обязательной для своих последователей. В годы Великой Отечественной войны случаи отказа протестантов от службы в армии с оружием в руках были редким явлением. Поэтому возрождение пацифистских настрое-

⁶⁰ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 43. Л. 46 об.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 81. Л. 1–6.

ний в протестантской среде, в первую очередь среди меннонитов и части адвентистов (так называемых адвентистов-реформистов), стало в хрущевский период полной неожиданностью для уполномоченных Совета по делам религиозных культов и их начальства. Об этом наглядно свидетельствуют те рекомендации, которые получил в августе 1956 г. уполномоченный Совета по Омской области Л. Серебренников в ответ на свое сообщение о том, что «некоторые группы баптистов, действующие в районах Омской области, ведут пропаганду против защиты Родины с оружием в руках». Серебрякову рекомендовалось лично проверить эти сведения. «В порядке ориентировки» Совет сообщил своему уполномоченному такие справочные сведения о меннонитах, как например: «меннониты были строгие антивоенники и отрицали присягу и воинскую службу, защиту Родины с оружием в руках»⁶².

Возрождение пацифизма среди протестантов, в первую очередь среди приверженцев СЦ ЕХБ, проходило в послевоенное время медленно и далеко не в тех масштабах, как в период нэпа. Насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении документы, уполномоченные Совета по делам религий стали регулярно фиксировать пацифистские настроения среди призывников из числа «инициативников» примерно с середины 1970-х годов. Такая датировка вполне объяснима, если принять во внимание тот факт, что в общинах должно было вырасти новое поколение, являвшееся убежденным сторонником борьбы за религиозные свободы.

Поскольку пацифистски настроенная баптистская молодежь, как правило, не отказывалась от службы в Советской армии, главным маркером эффективности атеистической пропаганды в общеобразовательной школе являлся факт принятия присяги или, соответственно, отказа от присяги. Так, в июне 1976 г. уполномоченный Совета по делам религий по Алтайскому краю в своем информационном отчете о меннонитах — сторонниках СЦ ЕХБ из р. п. Благовещенка — отмечал, что «за 1975–1976 гг. среди верующих [было зафиксировано] три случая отказа принимать присягу»⁶³. Отказ от присяги воспринимался уполномоченными как закономерный итог «зловредного» религиозного воспитания, выразившегося в отказе от членства в детских и юношеских коммунистических организациях, а также в игнорировании общественной жизни. Так, в уже упоминавшемся приговоре суда

⁶² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 783. Л. 142.

⁶³ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 216. Л. 18.

в отношении руководителей нелегальной общины братских меннонитов с. Апполоновка Исилькульского района от 18 мая 1981 г., была выстроена следующая логическая цепочка: «Под предлогом исполнения религиозных обрядов Валл и Дирксен, Панина и Тевс понуждают детей и подростков к отказу от вступления их в детские и юношеские организации, в результате чего 96 человек, учащихся 4–10 классов Апполоновской школы, не являются октябрятами, пионерами, комсомольцами. Детям запрещено посещать кино, смотреть телевизор и т. д. Под воздействием данной работы член Апполоновской общины Паульс И. И., будучи призванным в ряды Советской армии, отказался принимать военную присягу по религиозным убеждениям»⁶⁴.

Начиная с конца 1970-х годов «пацифистский» вопрос снова стал составной частью дискурса общения между верующими и руководящими органами советского государства. В 1978 г. меннониты — сторонники СЦ ЕХБ из пос. Кулунда Кулундинского района Алтайского края — адресовали в ЦК КПСС два коллективных заявления с требованием освободить «инициативников» Г. Н. Харченко и А. А. Каляшина, осужденных «за отказ от исполнения обязанностей по военной службе»⁶⁵. В октябре 1979 г. заявление аналогичного содержания было подписано и отправлено на имя Л. И. Брежнева 42 меннонитами — верующими общины с. Редкая Дубрава Славгородского района Алтайского края. Они просили прекратить уголовное преследование в отношении «единоверца, юного брата» А. А. Савина, который был осужден за отказ от принятия присяги. В обращении меннонитов приведена аргументация, которую можно рассматривать как определенное кредо СЦ ЕХБ в «военном вопросе»: «Ведь присяга, клятва — это дело совести человека и тут никто не имеет права вмешиваться. Принуждение к даче присяги есть ничто иное, как насилие над свободной совестью. Пора прекратить рассматривать отказ [от] присяги верующих в Бога, как уклонение от воинской службы. Верные Богу всегда готовы трудиться, а не идти на сделку с совестью. И сам факт осуждения верующих в бога за недачу присяги есть один из способов разжигания религиозной ненависти»⁶⁶. Авторы письма подчеркивали, что верующие, в том числе и А. А. Савин, отказывались лишь от присяги, но не от несения самой армейской службы.

Дополнительную аргументацию верующие черпали в актах Хельсинских и других международных соглашений, подписан-

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2105. Л. 30–35.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1366. Л. 86.

⁶⁶ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 274. Л. 20–21.

ных Советским Союзом. В частности, ссылаясь на восьмую статью «Международного пакта о гражданских и политических правах», согласно которой «никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду», «баптисты-раскольники», как сообщал уполномоченный Совета по делам религий по Алтайскому краю, «под этим предлогом считают возможным уклоняться от службы в армии»⁶⁷.

Однако в условиях брежневской «Little Deal»⁶⁸, которая продолжала действовать и после смерти Л. И. Брежнева, вопрос о принятии верующими присяги так и не приобрел той остроты, которую можно было бы ожидать. Во многом свою роль здесь сыграла позиция армейского начальства, предпочитавшего в большинстве случаев не доводить дела до конфликта. В результате уголовное преследование за отказ от принятия присяги являлось скорее исключением, чем правилом. Верующих предпочитали отправлять на службу в строительные части Советской армии (стройбат), командование которых, будучи хорошо осведомлено о выгодах «приобретения» непьющего и работающего пополнения, не настаивало на принятии присяги. Напротив, молодых баптистов нередко ставили в пример остальным военнослужащим, командиры поощряли их, охотно предоставляли краткосрочные отпуска и т. д. Более того, военное начальство во избежание осложнений было даже готово на какое-то время отложить призыв верующих, заявивших об отказе давать присягу еще в райвоенкомате, в ходе призывной комиссии.

Так, в Хабаровском районе Алтайского края, где к середине 1980-х годов насчитывалось около 700 «инициативников» и около 200 детей школьного возраста были «подвержены религиозному

⁶⁷ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 271. Л. 10–14.

⁶⁸ Американский политолог и экономист Джеймс Миллар предложил в 1985 г. использовать концепт «Маленькой сделки» (Little Deal для анализа так называемого брежневского «застоя» как итога длительного процесса коадаптации советского политического режима и общества. Главным условием «маленькой сделки», в интерпретации Миллара, стал отказ государства от политических репрессий и гарантирование населению социальной безопасности и определенного уровня благосостояния. В свою очередь граждане демонстрировали свою лояльность власти, не подвергая открытому сомнению официальные догмы. Термин «Маленькая сделка» отталкивается от теоретической модели «Большой сделки» (Big Deal). Именно так В. Данэм (Vera S. Dunham) охарактеризовала в 1976 г. компромисс, заключенный между сталинским государством и новой функциональной элитой. Целью этого компромисса было удовлетворение растущих материальных потребностей советских элит. См.: *Millar J.R. The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // Slavic Review. 1985. Vol. 44. P. 697–698.*

влиянию», за 1983–1984 гг. об отказе от принятия воинской присяги заявили на призывной комиссии десять молодых меннонитов. Районный военный комиссариат, ссылаясь на отсутствие нарядов из частей, куда можно было бы направить верующих, отложил их призыв в ряды Советской армии. «Несомненно, подобная уступка в вопросе выполнения конституционного требования защиты Отечества на руку экстремистски настроенным руководителям религиозных объединений, невольно способствует увеличению количества отказов от принятия воинской присяги со стороны сектантской молодежи» — констатировал уполномоченный Совета по Алтайскому краю. Чтобы избежать такого положения впредь, Алтайскому краевому военному комиссариату в марте 1985 г. было дано указание, «проанализировать состояние дел в данном отношении по каждому району, городу, своевременно выделять райгорвоенкоматам наряды для призыва сектантской молодежи и направления ее для прохождения службы в соответствующих войсках»⁶⁹. В годы перестройки уполномоченные Совета продолжали фиксировать случаи отказа баптистской молодежи от присяги, причем с тревогой констатировали, что если раньше вопрос о принятии присяги считался частным делом каждого молодого верующего, то теперь все чаще раздавались заявления молодых людей «из сектантских образований экстремистской ориентации» о принципиальной несовместимости веры и принятия присяги.

В декабре 1983 г. уполномоченный Совета по Алтайскому краю А. П. Седешов писал об общинах сторонников СЦ ЕХБ: «Их незаконные сборища проводятся десятками лет, они численно растут, калечат души людей, духовно растлевают наше подрастающее поколение, функционируют детские воскресные религиозные школы, хоры, оркестры. Не случайно в таких сектантских религиозных группах до 60 процентов молодежи до 30 лет. На местах же, по существу, поразительное равнодушие или бессилие. А если делается что-то, то робко, с оглядкой, нерешительно»⁷⁰. Эта картина фактического поражения, которое власть потерпела в борьбе за молодежь, нарисованная накануне перестройки черными красками, в целом соответствовала действительности. Религиозным диссидентам удалось переиграть своего оппонента, причем в жизненно важной сфере обеспечения континуума духовной преемственности. Рецепт победы был довольно прост — верующие отцы и мате-

⁶⁹ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 271. Л. 34–40.

⁷⁰ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 292. Л. 65–67.

ри, дедушки и бабушки искренне и сообща действовали в интересах своих детей, так, как они их понимали, не считаясь с возможными негативными последствиями для себя лично. В этой ситуации государственная машина, ограниченная в своих репрессивных функциях «социалистической законностью», спасовала перед приватным «семейным миром» инакомыслящих.

Р. Пайпс, анализируя неудачи дореволюционного российского общества в борьбе с авторитарным государством за политические свободы, в свое время писал: «Борьба за политические вольности с самого начала велась в России точно в том духе, в котором <...> вести ее никогда не следует — во имя абстрактных идеалов»⁷¹. Наиболее оптимальным вариантом, полагал Р. Пайпс, является вариант борьбы «групп интересов» за свои права. В качестве примера он привел борьбу среднего класса Запада за свои деловые интересы в Новое и Новейшее время, «а поскольку интересы эти требовали законопавия и защиты прав личности, он (средний класс. — А. С.) боролся за общественное устройство, соответствующее идеалам, которые впоследствии стали называться либеральными»⁷².

Эти размышления Р. Пайпса во многом являются ключом к пониманию как относительной неудачи правозащитного движения, разгромленного органами КГБ, так и резистентности религиозного диссента. П. Вайль и А. Генис считали, что полнее всего в правозащитном движении реализовалась «проповедь торжества духовных идеалов над материальными»⁷³. Не случайно сами диссиденты с высокомерием относились к так называемым «группам интересов» из числа женщин, рабочих, инвалидов и т. п., которые старались добиться определенных прав в первую очередь в социальной сфере. Как отмечает историк Евгений Казаков, лозунги правозащитников, такие как «борьба за право иметь права», не содержали ответа на вопросы, которые были жизненно важны для остальных групп недовольных⁷⁴. И если для членов Хельсинской группы борьба за права человека обладала этической самоценностью, то остальные оппозиционные группы скорее стремились к практическим результатам. Таким образом, социальный

⁷¹ Цит. по: *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. С. 328.

⁷² Там же. С. 252.

⁷³ *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 2013. С. 89.

⁷⁴ *Kasakow E.* Dissens und Untergrund. Das Wiederaufkommen der linken oppositionellen Gruppen in der späten Brežnev-Zeit // *Belge B., Deuerlein M.* (Hrsg.): Goldenes Zeitalter der Stagnation? Perspektiven auf die sowjetische Ordnung der Brežnev-Ära. Tübingen, 2014. S. 81.

базис «светского» правозащитного движения оказался крайне узким. По словам Евгения Казакова, борцы за право свободы слова и право создания независимых организаций, как правило, пассивали, когда речь заходила о практическом применении этих прав⁷⁵.

Зато «инициативники» не побоялись клейма «антисоветской» экстремистской организации. В отличие от правозащитников, они представляли собой несомненную «группу интересов», выступавшую за самые что ни на есть конкретные права. Именно практические интересы повседневной деятельности общин, вынужденных выживать на периферии советского общества, предопределили совершенно разное отношение религиозных диссидентов и правозащитников к советскому законодательству. В то время как светские диссиденты, выполняя функцию добровольных блюстителей «социалистической законности», призывали государство к соблюдению его же законов, в первую очередь Конституции, приверженцы СЦ ЕХБ игнорировали и нарушали советское законодательство о культах. Правозащитники — блестящие знатоки уголовного и прочих кодексов, «играли» на поле противника, что и обусловило их поражение. Религиозные диссиденты, даже если бы захотели, не имели возможности предстать в качестве правозащитников — подавляющая часть советского законодательства о культах была секретной. Единственное исключение составляли апелляции верующих к «ленинским нормам» отношения к религии и в редких случаях — к международному законодательству. В остальном в своей массе «инициативники» ради выживания в качестве самобытной религиозной группы — но не ради выживания любой ценой — совершенно сознательно шли на нарушение советских законов, в первую очередь игнорируя запрет группового преподавания вероучения детям и подросткам.

⁷⁵ *Kasakow E.* Dissens und Untergrund. Das Wiederaufkommen der linken oppositionellen Gruppen in der späten Brežnev-Zeit... S. 81.

М. В. Котляров

Новосибирский государственный университет

Путч ГКЧП: историческое значение, общественное мнение и политика памяти

В статье анализируется историческое значение путча ГКЧП и его фиксация в общественном мнении массовыми социологическими опросами Центра Юрия Левады, раскрываются причины, под влиянием которых происходило изменение представлений россиян о путче. Неудавшийся переворот привел к политической революции, в результате которой пал коммунистический режим и перестал существовать СССР. После августовских событий 1991 г. в обществе ощущался демократический энтузиазм, многие надеялись на быстрые перемены к лучшему. Однако, начатые с 1992 г. радикальные реформы, применение насилия против Верховного Совета в 1993 г., амнистирование членов ГКЧП, а также постепенная «реабилитация» советского строя в 2000-е годы со стороны государства изменили отношение людей к путчу и его последствиям. Оценки событий августа 1991 г. как «демократической революции» стали быстро размываться и забываться, укреплялось мнение, что это были «трагические события, имевшие губительное последствие для страны». Тем не менее, около 10% граждан сохраняют первоначально доминировавшее мнение об августе 1991 г. как о демократической революции.

Ключевые слова: ГКЧП, СССР, общественное мнение, социальная память.

История советского государства началась с успешного вооруженного захвата власти большевиками в Петрограде в 1917 г., а завершилась неудачной попыткой их наследников силовым путем удержать эту власть в Москве в 1991 г. События 19–21 августа 1991 г. оцениваются исследователями как конечный рубеж советской истории, что обуславливает актуальность их изучения.

Сравнение исторического знания о событии и общественного мнения о нем является важным показателем объективности и изменчивости социальной памяти, зафиксировать которую историкам всегда крайне трудно, так как чаще всего мы не имеем социологических данных. Обстоятельства путча ГКЧП хорошо задокументированы, а отношение к нему со стороны населения регулярно исследовалось коллективом социологического центра Юрия Левады. Наличие источников, содержащих информацию о путче, и результаты обследований общественного мнения дают воз-

возможность оценить как место этого события в истории России, так и его политическое «эхо». Целью данной статьи является сравнение исторического значения путча ГКЧП и представлений российского населения об этих событиях, а также выяснение причин, влиявших на мнение граждан на протяжении 25 лет.

События августа 1991 г. стали рубежом между советской и постсоветской эпохами. Несмотря на это они длительное время не привлекали внимание историков и политологов. Заключительный этап советской истории значительно проигрывает с точки зрения научного интереса периодам революции, гражданской войны и становления советского государства в 1920–1930-е годы. Российские исследователи относятся к путчу как к «неприятной» теме из-за ее высокой политизированности и публицистичности, так как в обществе продолжают оставаться острые идеологические споры о распаде СССР.

Оценки путча чаще встречаются в учебниках истории, чем в научно-исследовательских публикациях, которые, как правило, посвящены отдельным аспектам августовских событий, таким как роль КПСС в организации путча, подготовка Союзного договора, реакция на путч в тех или иных республиках и регионах¹. Опросы общественного мнения в отношении действий ГКЧП анализировались исключительно с социологической точки зрения².

Историографические пробелы в значительной степени были восполнены благодаря монографии немецкого историка и журналиста И. Лозо «Августовский путч 1991 года. Как это было», опубликованной в 2014 г. И. Лозо, основываясь на широкой источниковой базе, последовательно и подробно изучил наиболее значимые научные проблемы: подоплеку и мотивы путча, поведение его организаторов, роль М. С. Горбачева, ход событий и причи-

¹ Белоусова Г. А., Лебедев В. А. Партократия и Путч. М., 1992. 48 с.; Волгин Е. И. Эволюция КПСС в 1985–1991 гг. (историко-политологическое исследование): дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. С. 191; Котляров М. В. Институциональные изменения и идейно-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. С. 194–203; Ялышев Р. А. Проблема нового Союзного договора и его роли в распаде СССР: автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 25 с.; Лукашин А. В. Разработка руководством СССР Союзного договора (март — декабрь 1991 г.): автореф. ... канд. ист. наук. М., 2012. 34 с.

² Дубин Б. В. События августа 1991 г. в общественном мнении России // Вестник общественного мнения. 2005. № 6. С. 45–80; Бочарникова О. А. Политический конфликт августа 1991 г. в динамике общественного мнения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. Воронеж, 2014. № 3. С. 57–62.

ны неудачи путча, а также его политические последствия³. В совокупности с подробным описанием событий путча в мемуарах, рассказах многочисленных очевидцев, публикациях журналистов и материалах расследований прокуратуры выявленные факты позволяют объективно оценить место путча в истории.

Политические процессы, предшествующие организации ГКЧП и ставшие его объективными причинами, хорошо известны, поэтому в статье обозначим только тенденции, важные для понимания исторического значения путча. Ситуацию в СССР в 1991 г. исследователи часто характеризуют как «системный кризис», подчеркивая масштабность и глубину проблем, с которыми столкнулась страна. Однако с исторической точки зрения есть более точное определение — процессы революционного характера, означающие смену общественно-политического строя.

Перестройка политической системы в СССР, запущенная XIX Всесоюзной партийной конференцией в 1988 г., вышла из-под контроля ее инициаторов — руководства КПСС во главе с М. С. Горбачевым. Тоталитарный политический режим, ядром которого была КПСС, стремительно распадался. Дезинтеграция началась со стран-сателлитов: в 1989 г. «бархатные революции» фактически покончили с коммунистическими режимами в большинстве стран Варшавского договора — Польше, Венгрии, ГДР, Болгарии, Чехословакии и Румынии.

Выборы народных депутатов СССР в 1989 г. и депутатов местных советов в 1990 г. привели к власти фигуры, оппозиционные союзному центру и КПСС. С января 1990 г. в республиках началось движение за суверенизацию, наиболее решительные шаги предпринимали оппозиционные силы в Литве, Латвии, Эстонии, Грузии и Армении. В 1991 г. кризис двоевластия охватил столицу, в Москве появилось два государственных центра: союзный во главе с М. С. Горбачевым и республиканский во главе с Б. Н. Ельциным, который 12 июня 1991 г. уверенно победил на всенародных выборах президента РСФСР, со значительным отрывом опередив «системных» кандидатов.

После победы на президентских выборах Б. Н. Ельцин начал подрывать влияние КПСС на территории республики. 20 июля 1991 г. он подписал указ «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР». Указ означал полную департизацию органов государ-

³ Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было. М., 2014. 462 с.

ственной власти на территории республики, а значит реальное лишение КПСС доминирующего положения в политической системе.

Для М. С. Горбачева и других союзных руководителей легитимной возможностью сохранить власть было заключение Союзного договора. Он должен был остановить стихийный процесс суверенизации и разграничить полномочия между союзными и республиканскими органами государственной власти. Однако обсуждение шло с большими трудностями, в переговорах принимало участие только девять республик, и их лидеры последовательно добивались ослабления позиций Центра. В конечном итоге, лишь три республики (РСФСР, Казахская ССР и Узбекская ССР) и союзное правительство согласились заключить Договор, подписание которого было намечено на 20 августа 1991 г. Поэтому И. Лозо справедливо называет этот документ «политическим мифом», значение которого преувеличено М. С. Горбачевым и путчистами.

В качестве второго варианта борьбы с нараставшими процессами дезинтеграции руководство СССР рассматривало введение чрезвычайного положения. Первые шаги были сделаны еще осенью 1990 г., когда М. С. Горбачев начал сближаться с консервативными кругами и лично отдал приказ разработать мероприятия по введению чрезвычайного положения. С этой целью 28 марта 1991 г. был создан неофициальный комитет. В нем среди прочих состояли будущие путчисты — вице-президент СССР Г.И. Янаев, министр обороны СССР Д.Т. Язов, председатель КГБ СССР В. А. Крючков и министр внутренних дел СССР Б. К. Пуго⁴.

С апреля 1991 г. М. С. Горбачев сосредоточился на работе над Союзным договором, а введение чрезвычайного положения рассматривал как ответ на тяжелый продовольственный кризис или массовые беспорядки. В свою очередь, другие руководители союзных органов государственной власти относились к введению чрезвычайного положения как к единственной возможности, позволявшей развернуть политическую ситуацию в пользу союзного центра и предотвратить распад страны⁵.

Планировал и организовывал введение чрезвычайного положения председатель КГБ В. А. Крючков. Ему удалось заручиться поддержкой руководства армии, МВД, союзного правительства и Верховного Совета СССР. Организации КПСС важной роли в путче не сыграли, большинство партийных руководителей как в центре, так и на местах заняли выжидательную позицию⁶.

⁴ Лозо И. Августовский путч 1991 года...

⁵ Там же.

⁶ Котляров М.В. Институциональные изменения... С. 194–203.

События путча развивались стремительно. 17 августа В.А. Крючков собрал на объекте КГБ председателя правительства СССР В.С. Павлова, министра обороны СССР Д.Т. Язова, главнокомандующего сухопутными войсками СССР В.И. Варенникова, секретаря ЦК КПСС О.С. Шенина, руководителя аппарата президента СССР В.И. Болдина, заместителя председателя Совета обороны СССР О.Д. Бакланова, заместителя министра обороны СССР В.А. Ачалова, заместителя председателя КГБ В.Ф. Грушко, помощника В.А. Крючкова А.Г. Егорова. На встрече было принято окончательное решение о введении чрезвычайного положения, даже если оно не получит одобрение президента СССР.

18 августа путчисты попытались заручиться поддержкой М.С. Горбачева, находившегося на отдыхе в Форосе, однако им не удалось этого добиться. Вечером того же дня был сформирован состав Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Утром 19 августа начался ввод войск в Москву, затем ТАСС сообщило о вступлении Г.И. Янаева в исполнение обязанностей президента СССР и опубликовало заявление советского руководства о введении режима чрезвычайного положения в отдельных регионах СССР. Днем 19 августа началось сопротивление действиям ГКЧП со стороны Б.Н. Ельцина, на улицах появились протестующие. Противостояние продолжилось 20 августа. В ночь с 20 на 21 августа произошло столкновение протестующих и колонны бронетехники, трое человек погибли, что вызвало огромный резонанс.

Утром 21 августа произошел перелом в конфликте — на заседании коллегии Министерства обороны было принято решение вывести войска из Москвы, армейские подразделения быстро покинули столицу. Оказавшись без поддержки военных, путчисты были обречены. Они попытались встретиться с М.С. Горбачевым в Форосе, но он их не принял. Делегация руководителей РСФСР доставила Президента СССР самолетом в Москву. 22–23 августа большинство членов ГКЧП были арестованы.

Причины поражения путча были хорошо видны всем внимательным очевидцам тех событий: путчисты были нерешительными, не имели лидера и политической программы, в то время как демократическое, оппозиционное движение находилось на подъеме, особенно в столице и крупных городах страны. Путчисты готовились, но не решились применить силу против главного противника в Москве — Б.Н. Ельцина, а также не пошли на прямое подавление протестного движения. В результате российское руководство во главе с Б.Н. Ельциным смогло опереться

на быстро возникшее сопротивление путчистам и вышло победителем в противостоянии.

Поражение ГКЧП резко ускорило процессы демонтажа советской политической системы. Провал путча был использован Б. Н. Ельциным, в первую очередь, для устранения КПСС. Объявленная Указом Президента РСФСР Б. Н. Ельцина 23 августа 1991 г. приостановка деятельности коммунистической партии на территории РСФСР не встретила сопротивления коммунистов, которые были сильно деморализованы. 6 ноября 1991 г. Указом Президента РСФСР Б. Н. Ельцина деятельность КПСС была запрещена со ссылкой не на юридические, а на политические доводы: «Именно на руководящих структурах КПСС, фактически поглотивших государство и распорядившихся им как собственным инструментом, лежит ответственность за исторический тупик, в который загнаны народы Советского Союза, и тот развал, к которому мы пришли»⁷. Имущество партии было национализировано. Это привело к реальному концу 74-летнего коммунистического режима, установленного и управляемого партией. Тем самым, совершилась настоящая политическая революция.

Неудавшийся переворот породил очередной «парад суверенитетов». На второй день путча объявила о своей независимости Эстония, на третий — Латвия. Большинство остальных республик сделали это в течение следующих четырех недель. Позднее всего независимость была объявлена Туркменией — 27 октября и Казахстаном — 16 декабря 1991 г. Республики бывшего СССР начали получать признание в качестве самостоятельных государств на международной арене. Не подписанный Союзный договор потерял политические перспективы.

После путча руководители ключевых союзных структур были арестованы. Новые назначения М. С. Горбачев был вынужден согласовывать с Б. Н. Ельциным. Российский президент добился выгодных для себя кадровых решений в Министерстве обороны, КГБ и МВД, руководители союзных структур теперь не могли помешать руководству РСФСР, часть из них была ему лояльна. В результате победа над ГКЧП позволила Б. Н. Ельцину резко ослабить власть М. С. Горбачева.

К концу 1991 г. руководители ведущих иностранных государств, которые ранее взаимодействовали, в первую очередь, с М. С. Горбачевым, стали признавать Б. Н. Ельцина в качестве ключевого

⁷ Указ Президента РСФСР от 06.11.1991 № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР». [Электронный ресурс] URL: <https://giod.consultant.ru/documents/1219599?items=1&page=1> (дата обращения: 15.01.2018).

политика на постсоветском пространстве. Политическая карьера Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР, который больше шести лет управлял сверхдержавой и снискал большую популярность за рубежом, стремительно закатилась. 25 декабря 1991 г. М. С. Горбачев заявил о прекращении своей деятельности на посту президента СССР и подписал указ о передаче управления стратегическим ядерным оружием президенту РСФСР Б. Н. Ельцину.

Таким образом, за короткий срок лишились власти институты и фигуры, объединявшие и управлявшие СССР: КПСС, Генеральный секретарь ЦК партии и президент СССР М. С. Горбачев. Республики объявили о независимости, которая была признана на международной арене. Августовские события привели к политической революции, положившей начало новым государствам с формой правления близкой к республиканской.

Как отнеслись к этому, без преувеличения, историческому событию жители СССР и «новой России» в последующие годы? В ряде регионов еще в дни путча социологами были проведены первые опросы общественного мнения. В Алтайском крае 19–20 августа 1991 г. бюро Алтайского филиала Сибирского отделения Социологической ассоциации России и социолого-психологический центр Алтайского государственного университета провели изучение общественного мнения по отношению к ГКЧП и его действиям. Исследование проводилось методом телефонного опроса жителей Барнаула, Пospелихинского и Тальменского районов Алтайского края.

Опрос выявил, что люди были напуганы событиями и отказывались говорить на эту тему. В сельских районах из 100 человек только 58 согласились дать ответы, в Барнауле отказались отвечать 100 из 300 человек. Одобрили действия ГКЧП 62 % опрошенных сельских жителей и около 30 % горожан. Поддерживали ГКЧП партийные и советские работники, хозяйственные руководители, сотрудники милиции, пенсионеры. Не признали ГКЧП интеллигенция, квалифицированные рабочие, молодежь. Социологи выяснили определенный парадокс во мнениях населения: из 30 % опрошенных, посчитавших действия ГКЧП «полезными», лишь 18 % признали его законность, то есть многие допускали применение противозаконных средств в сложившихся условиях⁸.

Социологический опрос, проведенный в городе Томске 21 августа, выявил более значительную поддержку российского руковод-

⁸ Молодежь Алтая (Барнаул). 1991. 30 августа.

ства. Социологам на улицах города удалось опросить 400 респондентов разного возраста, пола, социального положения. В Томске на вопросы социологов отказались отвечать только 7% граждан. По данным этого опроса, 65% томичей поддерживали руководство РСФСР и считали членов ГКЧП преступниками. В свою очередь, 7% выразили поддержку ГКЧП, остальные 28% не смогли определиться. Проведенный социологами анализ показал, что наиболее определенную позицию в общей массе занимали рабочие, которые негативно отнеслись к ГКЧП. Вопреки представлениям о консервативности людей старшего поколения, опрос выявил, что значительная их часть была также на стороне демократических сил⁹.

Первые опросы свидетельствуют о том, что 19–21 августа 1991 г. общество раскололось на тех, кто поддерживал действия ГКЧП, и тех, кто их осуждал. Противников ГКЧП, по всей видимости, было больше, и они были решительнее. Различия в оценках, в первую очередь, определялись условиями проживания и профессией граждан. Сельские жители, партийные работники и государственные служащие были склонны поддерживать путчистов. Городская интеллигенция и рабочие по большей части были на стороне их оппонентов. При этом широко был распространен страх дестабилизации политической обстановки, репрессий, поэтому многие опасались выражать свое мнение.

Репрезентативный для всего населения страны и подробный опрос общественного мнения о путче был проведен в конце сентября 1991 г. центром Юрия Левады. В частности, опрос выявил мнения граждан о причинах поражения путча. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. Наиболее распространенными версиями были «сопротивление народа» (56%) и решительные действия руководства России (55%). Третья по популярности версия близка к оценке, которую чаще дают исследователи, — «плохая подготовка, слабая организация переворота» (34%). Еще 24% видели причину поражения в расколе армии и КГБ. Отказ М. С. Горбачева поддержать путчистов считали важной причиной поражения 16% опрошенных, 7% затруднились ответить¹⁰.

На улучшение жизни после путча надеялись 30% опрошенных — они считали, что после 21 августа 1991 г. в России открылись широкие возможности для эффективных реформ. Однако 38% ре-

⁹ Народная трибуна (Томск). 1991. 4 сентября.

¹⁰ Дубин Б. События августа 1991 г. в общественном мнении России // Вестник общественного мнения. М., 2005. № 6. С. 46–47.

спондентов не согласились с этим мнением, а 32% — затруднились дать ответ¹¹.

В конце 1991 г. больше половины (52%) граждан считали путч главным событием 1991 г. На втором и третьем месте в этом рейтинге с заметным отставанием указывалось «введение свободных цен» (34%) и прекращение деятельности КПСС, национализация ее имущества (32%)¹².

В целом, проведенные в 1991 г. опросы показали, что путч оценивался как очень важное событие. Люди хорошо запомнили факты противостояния между путчистами и «народом», а также «руководством России». Почти у трети граждан с этим событием были связаны позитивные ожидания на «эффективные» реформы.

В 1992 г. социологи стали фиксировать изменение отношения граждан к путчу. Массовый репрезентативный опрос показал, что 24% граждан считали, что действия ГКЧП были попыткой улучшить жизнь людей. Негативно оценивающих действия путчистов, тем не менее, было заметно больше — 42%. Они придерживались мнения, что путч был попыткой упрочить власть партийно-государственной номенклатуры. Значительная часть опрошенных (34%) не смогла определить своего отношения к этим событиям¹³.

Опрос, тем самым, зафиксировал рост негативного отношения граждан к политике «новой власти». В 1992 г. население России столкнулось с гиперинфляцией, что стало следствием Указа Президента РСФСР о «либерализации цен», который вступил в силу 2 января 1992 г. Верховный Совет РСФСР стал переходить в оппозицию правительству, так как большинство депутатов не поддерживали курс на радикальные реформы. Постоянным информационным фоном были новости о начавшихся гражданских войнах в Югославии, Таджикистане, Карабахе, Южной Осетии, Абхазии и Приднестровье.

С 1994 г. социологи центра Юрия Левады продолжили проводить опросы об отношении граждан к путчу, с 1998 г. эти опросы стали ежегодными. Последний опрос был проведен в 2016 г., что позволяет проследить динамику общественного мнения на протяжении четверти века.

На диаграмме (рис. 1) видно, что в период с 1994 г. по 2016 г. доля граждан, оценивающих путч ГКЧП как «просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны», уменьшилась с 53%

¹¹ Дубин Б. События августа 1991 г. в общественном мнении России... С. 46–47.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 48.

Рисунок 1
Динамика отношения граждан России к путчу ГКЧП (1994–2016 гг.), %

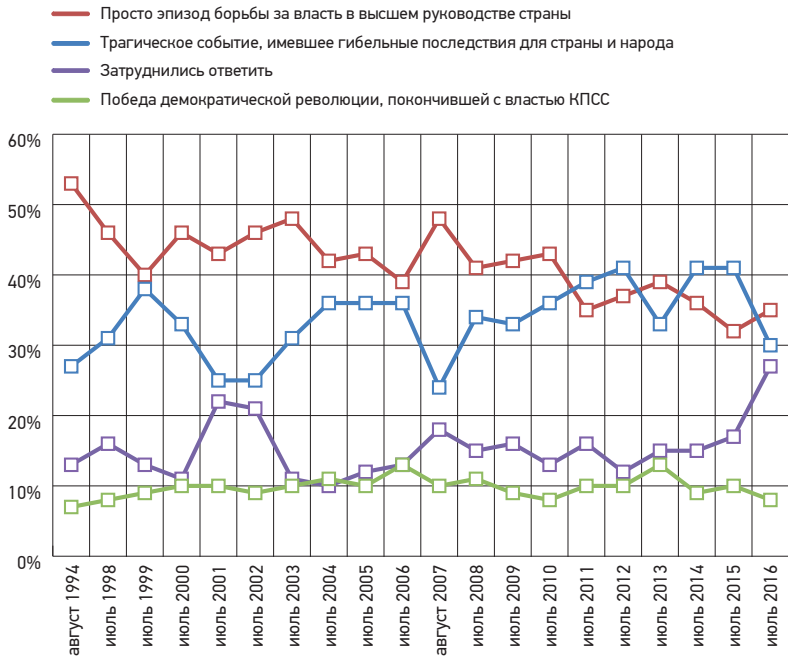

Диаграмма составлена на основе опубликованных результатов опросов «Левада-Центра». Пресс-выпуски. Августовский путч и ГКЧП. 15.08.2016.

[Электронный ресурс]

URL: <https://www.levada.ru/2016/08/15/avgustovskij-putch-i-gkchp/>
(дата обращения: 14.01.2018)

до 35%. При этом, в 2000-е годы увеличилась доля тех, кто считал, что августовские события «имели гибельные последствия для страны и народа». С августа 2008 г. по 2016 г. удельный вес граждан, придерживавшихся такой позиции, вырос с 30% до 41%. При этом, точка зрения, что провал путча означал «победу демократической революции, покончившей с властью КПСС» имела мало сторонников — от 7% в 1994 г. до 13% в 2013 г. Удельный вес затруднившихся ответить в отдельные годы снижался до 11%, но в 2016 г. резко увеличился — до 27%.

В качестве промежуточного вывода отметим, что данные этих опросов фиксируют серьезное изменение общественного мнения о событиях 19–21 августа 1991 г. В течение второй половины 1990-х

– 2000-х годов в общественном мнении укреплялось сочувствие к ГКЧП. Позитивные оценки поражения путча как «демократической революции» разделяла небольшая доля граждан — около 10%.

Уточнить изменение отношения граждан к путчу и его последствиям помогают ответы на другие вопросы, в частности, о причинах поражения ГКЧП. В сентябре 1991 г. самый популярный ответ на этот вопрос — «сопротивление народа» — поддерживало 57% опрошенных граждан. В 2016 г. удельный вес таких людей стал гораздо меньше — 16%. В сентябре 1991 г. 55% граждан считали причиной поражения путча решительные действия руководства России, в 2016 г. их доля снизилась до 11%. Через месяц после путча 34% граждан полагали, что он провалился из-за плохой подготовки и слабой организации, к 2016 г. доля придерживающихся этого мнения снизилась до 26%. Раскол в армии и КГБ в сентябре 1991 г. называли причиной поражения путча 23% опрошенных, а в 2016 г. — 17%. Отказ М. С. Горбачева поддержать заговорщиков считали причиной поражения путча в сентябре 1991 г. 16%, в 2016 г. — 15% опрошенных.

Столь резкие изменения в оценке причин поражения ГКЧП в значительной степени были связаны с тем, что многие люди забыли или в силу молодости уже не знали обстоятельства путча. В сентябре 1991 г. затруднившихся ответить на вопрос о причинах поражения организаторов ГКЧП было 7%, в 2016 г. их доля выросла до 33%, то есть почти в пять раз.

Опросы наглядно показывают перемены в оценках событий августа 1991 г. Доля граждан, поддерживавших действия ГКЧП, с 2000 г. по 2016 г. выросла незначительно — с 14% до 16%. Однако удельный вес тех, кто отрицательно относился к действиям ГКЧП за это время заметно снизился — с 59% до 35%. Половина граждан в 2016 г. затруднялись оценить действия ГКЧП, тогда как в 2000 г. таких было только 28%.

Изменение общественного мнения в «пользу» организаторов ГКЧП подчеркивают и ответы на вопрос: «Кто был прав в те дни?» В 2001 г. 14% опрошенных считало, что правы были путчисты, в 2016 г. так сказали 15%. При этом, доля тех, кто поддерживал противников ГКЧП, снизилась почти в два раза. В 2001 г. их было 24%, а в 2016 г. — 13%. С 63% в 2001 г. до 72% в 2016 г. выросла доля тех, кто утверждал, что не успел разобраться в ситуации и затрудняется ответить на вопрос.

Таким образом, как показывают опросы, в 2000-е годы в обществе укреплялось лояльное отношение к ГКЧП: процент явных

сторонников оставался примерно на одном уровне, однако заметно снизилась доля тех, кто отрицательно относился к ГКЧП. Все больше граждан не помнило об этих событиях или не хотело давать им оценку. Социологи считают, что причиной изменений общественного мнения стало разочарование в политике Б.Н. Ельцина, которая не принесла блага большинству населения. Сотрудник Левада-Центра А.Г. Левинсон писал: «Демократический драйв, с которым был побежден ГКЧП и учреждено новое государство, был силен в начале 1990-х. В это время общество было в большой мере готово к переменам и готово было проходить семимильными шагами дорогу от социализма к свободному рыночному обществу. <...> Однако эти результаты доставались далеко не всем. <...> Доля людей, разочарованных отсутствием ожидавшихся благ, стала сворачивать свою поддержку реформаторам, их правительству, их лидеру. Эти люди хотели либо более быстрого движения вперед, либо возвращения назад, к привычной советской жизни». По мнению А.Г. Левинсона, для начавшего складываться в 2000-е годы режима стоял непростой вопрос создания собственного «мифа рождения». Миф начали создавать с отрицания достоинств предшествовавшего периода, «1990-е были объявлены „лихими“»¹⁴.

В целом объективное, но слишком общее мнение социолога нуждается в пояснении и уточнении. В 1990-е годы произошло не только разочарование либерально-демократическими преобразованиями, но и начался процесс общественной реабилитации путчистов. В феврале 1994 г. Государственная Дума объявила об «амнистии» по делу августа 1991 г. Судебный процесс над путчистами, который шел уже десять месяцев, был свернут. Решение Думы стало прямым следствием вооруженного конфликта между Президентом России и Верховным Советом, произошедшим в октябре 1993 г., в результате которого погибли десятки человек. Это способствовало преуменьшению значения путча и действий его организаторов. Применение со стороны Б.Н. Ельцина насилия в отношении Верховного Совета лишило Президента и его сторонников морального права обличать путчистов в организации вооруженного переворота, что ранее активно использовалось. Президент России не стал сопротивляться решению Государственной Думы, рассчитывая, что это уменьшит неприятие конфликта 1993 г. Российское ру-

¹⁴ Левинсон А.Г. Некому праздновать (19.08.2016) // InLiberty [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inliberty.ru/blog/2376-Nekomu-prazdnovat> (дата обращения: 14.01.2018).

ководство не добилось закрепления мнения о значимости своей победы в августе 1991 г. День государственного флага 22 августа, учрежденный также в 1994 г., не стал праздничным днем и потому не выделяется в череде других памятных дат. Он до сих пор проходит практически незаметно для большинства граждан.

Освобождение и «амнистирование» членов ГКЧП позволило им включиться в общественно-политическую деятельность и вновь добиться высокого статуса. Последний председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов и бывший заместитель министра обороны В.И. Варенников дважды становились депутатами Государственной Думы. Народный депутат СССР В.А. Стародубцев в 1997 г. был избран губернатором Тульской области, занимал этот пост до 2007 г., а затем был депутатом Государственной Думы пятого и шестого созывов. Активную политическую деятельность на левом политическом фланге вел в прошлом секретарь ЦК КПСС О.С. Шенин. Он участвовал в создании КПрФ, а затем в результате конфликта вышел из ее рядов и основал собственную коммунистическую партию. В 2007 г. он пытался принять участие в выборах Президента России, но не был зарегистрирован. Практически все ключевые члены ГКЧП — В.А. Крючков, Г.И. Янаев, Д.Т. Язов, В.И. Варенников, А.И. Лукьянов, В.С. Павлов, О.С. Шенин в 1990-е — начале 2000-х годов опубликовали мемуары, в которых в том числе доказывали свою правоту в событиях 19–21 августа 1991 года¹⁵.

Приемник Б.Н. Ельцина — Президент В.В. Путин не дал публичных оценок действиям путчистов, но отметил некоторых из них знаками уважения. Так, бывший председатель КГБ СССР и бывший начальник нового президента В.А. Крючков был приглашен на церемонию инаугурации в мае 2000 г. А бывшему главе охраны Президента СССР Ю.С. Плеханову в день его смерти 10 июля в 2002 г. указом Президента В.В. Путина были возвращены все звания, ордена и награды, которых после путча его лишил М.С. Горбачев.

В целом, в 2000-е годы происходила постепенная реабилитация советских символов и фигур. В апреле 2005 г., обращаясь

¹⁵ Варенников В.И. Судьба и совесть. М., 1993. 75 с.; Он же. Дело ГКЧП. М., 2010. 333 с.; Павлов В.С. Август изнутри. Горбачев-путч. М., 1993. 125 с.; Шенин О.С. Родину не продавал. М., 1994. 48 с.; Крючков В.А. Личное дело: в 2-х ч. М., 1996. 668 с.; Он же. На краю пропасти. М., 2003. 448 с.; Язов Д.Т. Удары Судьбы. М., 2000. 535 с.; Янаев Г.И. ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР. М., 2010. 443 с.

с Посланием к Федеральному Собранию, В. В. Путин назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой XX века», тем самым закрепив ностальгию по советскому государству и лояльное отношение к его защитникам, которое постепенно укреплялось и достигло апогея в ходе российско-украинского конфликта в 2014–2015 гг. Исследователи современных идеологических течений отмечают, что в последние годы наблюдалось сближение левых активистов и сторонников власти на основе негативного отношения к Западу и проектов восстановления «империи» или «СССР 2.0»¹⁶.

В условиях внешнеполитической конфронтации с западными странами в 2014–2015 гг. государство на законодательном уровне начало пресекать критику советской военной и внешней политики в годы Второй мировой войны. В 2014 г. в Уголовный кодекс была введена новая статья 354.1 (реабилитация нацизма), предусматривающая уголовную ответственность за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», а также за «распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично». Министерство культуры РФ свернуло поддержку работы по увековечиванию памяти жертв политических репрессий, отдав приоритет поддержке антилиберальных инициатив¹⁷. Все эти шаги создавали «просоветскую» идейно-политическую атмосферу, критики СССР вытеснялись на периферию общественно-политического дискурса, их влияние резко снизилось.

Поражение ГКЧП имело революционные последствия: коммунистический режим пал, СССР перестал существовать, на месте союзных республик появились независимые государства. Как показывают опросы, в дни путча и в сентябре 1991 г. симпатии людей, несмотря на страх перед вооруженным насилием, были на стороне противников ГКЧП. После победы российского руководства многие надеялись на быстрые позитивные изменения. Однако начатые с 1992 г. радикальные реформы, применение вооруженного насилия против Верховного Совета в 1993 г., «амнистирование» членов ГКЧП и политическая реабилитация советского строя в 2000-е годы изменили отношение людей к ГКЧП.

¹⁶ Интернет и идеологические движения в России: коллективная монография / сост. Г. Никипорец-Такигава, Э. Паин. М., 2016. С. 455.

¹⁷ Миллер А. И. Политика памяти в России: год разрушенных надежд // Полития. 2014. № 4. С. 49–57.

Количество сторонников путчистов за последние 15 лет почти не увеличилось, однако численность противников сильно снизилась. Позитивные оценки августу 1991 г. как «демократической революции», чем он по исторической сути и был, на протяжении 1994–2016 гг. давали только около 10% граждан. По мере отдаления этого события все больше людей предпочитают не давать ему оценки, предают забвению.

Социологические опросы хорошо показывают, что судьбоносные исторические события быстро могут быть заслонены другими, превосходящими их по уровню насилия. Как, например, август 1991 г. оказался отодвинут на второй план октябрем 1993 г. Люди соизмеряют степень законности действий власти, последствия конфликтов или политических решений, по крайней мере, на достаточно коротком временном промежутке, и перестают однозначно определять смысл свершений, представление о которых первоначально было ясным. Тем самым, исторический опыт ведет к переоценке народом предыдущих исторических вех.

Общественная память, как и общественное мнение, является объектом политической борьбы и манипуляций. Новые политики, приходящие к власти и меняющие прежние правила, начинают отрицать предыдущий период, в том числе с помощью реабилитации символов, фигур и смыслов, с которыми боролись их предшественники. «Политика памяти» приносит результаты — люди меняют мнение и забывают суть и значение больших исторических событий. Тем не менее, в случае с путчем ГКЧП, около 10% граждан на протяжении 25 лет сохраняют оценки, близкие к первоначальным представлениям, сформированным свежими впечатлениями и личным политическим опытом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АССР — автономная советская социалистическая республика

Б.м. — без места

в. — век

ВВС — военно-воздушные силы

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия большевиков

ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи

Военспец — Военный специалист

ВСЕХБ — Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия

Вып. — выпуск

г. — год

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

ГААК — Государственный архив Алтайского края

ГАКО — Государственный архив Кемеровской области

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области

ГАОО — Государственный архив Оренбургской области

ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области

ГАТО — Государственный архив Томской области

гг. — годы

ГИАОО — Государственный исторический архив Омской области

ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению

Главнаука — Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями

гор., г. — город

Гохран — Государственное хранилище ценностей Наркомфина

ГПУ — Государственное политическое управление

ГРУ — Главное разведывательное управление

ГУ МВД — Главное управление Министерства внутренних дел

Губмузей — губернский отдел / комитет народного образования по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы

ГУЛАГ — Главное управление лагерями

д. — деревня

ДВР — Дальневосточная республика

доп. — дополненное

д-р ист. наук — доктор исторических наук

др. — другие / другое

ЕХБ — евангельские христиане-баптисты

женотдел — отдел по работе среди женщин

и. о. — исполняющий обязанности

изд. — издание

им. — имени

ин-т — институт

исполком — исполнительный комитет

испр. — исправленное

ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь

- ИЦ ГУ МВД России по АК** — Информационный центр ГУ МВД России по Алтайскому краю
- КВЖД** — Китайско-Восточная железная дорога
- КК** — контрольная комиссия
- КОБ** — Комитет общественного порядка и безопасности
- Комуч** — Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания
- конф.** — конференция
- КПП** — Коммунистическая партия Германии
- КПСС** — Коммунистическая партия Советского Союза
- Л.** — лист
- ЛГУ** — Ленинградский государственный университет
- М.** — Москва
- МВД** — Министерство внутренних дел
- МГБ** — Министерство государственной безопасности
- МИД** — Министерство иностранных дел
- млн** — миллион
- МТС** — машинно-тракторная станция
- Наркомпрос** — Народный комиссариат просвещения
- Нарсуд** — народный суд
- науч. ред.** — научный редактор
- науч.-практ.** — научно-практическая
- Наштаверх** — Начальник штаба верховного главнокомандующего
- НИИ** — научно-исследовательский институт
- НКВД** — Народный комиссариат внутренних дел
- НКВД** — Народный комиссариат иностранных дел
- об.** — оборот
- ОГПУ** — Объединенное государственное политическое управление
- окружком** — окружной комитет РКП(б)–ВКП(б)
- Оп.** — опись
- отв. ред.** — ответственный редактор
- п.** — пункт
- пер.** — перевод
- политпросвет** — политическое просвещение
- полпредство** — полномочное представительство
- Помгол** — Всероссийский комитет помощи голодающим
- ПП** — см. полпредство
- предисл.** — предисловие
- проф.** — профессор
- ПСЗРИ** — Полное собрание законов Российской империи
- райконференция** — районная конференция
- райсъезд** — районный съезд
- РВС** — Революционный военный совет
- РВСР** — Революционный военный совет Республики
- РГАНИ** — Российский государственный архив новейшей истории
- РГАСПИ** — Российский государственный архив социально-политической истории
- РГВА** — Российский государственный военный архив
- РГИА** — Российский государственный исторический архив
- РГВИА** — Российский государственный военно-исторический архив
- РККА** — Рабоче-крестьянская Красная армия
- РКП(б)** — Российская коммунистическая партия большевиков

РО ЦХВЕ — религиозная организация Церковь христиан веры евангельской

РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований

с. — село

С. — страница / страницы

САФУ — Северный (Арктический) федеральный университет

СВЭ — социально-вредный элемент

Сельсовет — сельский совет

См. — смотри

СНК — Совет народных комиссаров

СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук

Советы Р. и С. Д. — Советы рабочих и солдатских депутатов

Сост. — составитель

СПб. — Санкт-Петербург

Ср. — сравни

СС (от нем. Schutzstaffel — «отряды охраны») — военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

СЦ — Совет Церквей

США — Соединенные Штаты Америки

Т. — том

т. е. — то есть

т. п. — тому подобное

табл. — таблица

тыс. — тысяча

УК — уголовный кодекс

УНКВД — управление Народного комиссариата внутренних дел

Уралобком — Уральский областной комитет

УРКМ — Управление рабоче-крестьянской милиции

Ф. — фонд

фр. — французский язык

ФСБ — Федеральная служба безопасности

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

ЦДН ИОО — Центр документации новейшей истории Омской области

ЦДН ИТО — Центр документации новейшей истории Томской области

ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области

Центржилсоюз — Центральный союз жилищной кооперации

ЦИК — Центральный исполнительный комитет Советов

ЦК — Центральный комитет

Ч. — часть

ЧК — чрезвычайная комиссия

ADAP (с нем. «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik») — Документы по внешней политике Германии

ed. by (англ. edited by) — под редакцией

Ibid — там же

N. Y. (англ. New York) — Нью Йорк

P. (англ. page) — страница

Vol. (англ. volume) — том

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вуд Алан — доктор исторических наук (PhD), старший преподаватель Ланкастерского университета (1971–2005) (Великобритания), приглашенный профессор Портландского университета (1989) (США), e-mail: drawood@tiscali.co.uk

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва), e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Голдин Владислав Иванович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск), e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Дмитриев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета, e-mail: khaldeus@academ.org

Дробченко Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор Филиала Кемеровского государственного университета в Анжеро-Судженске, e-mail: vadrobchenko@yandex.ru

Зубкова Елена Юрьевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), e-mail: culture_iri@mail.ru

Исаев Виктор Иванович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск), e-mail: history49@mail.ru

Катцер Николаус — доктор исторических наук, директор Германского исторического института в Москве, e-mail: Nikolaus.Katzer@dhi-moskau.org

Колоницкий Борис Иванович — доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института РАН, e-mail: boris_i_kol@mail.ru

Комлева Евгения Владиславовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск), e-mail: feodal@history.nsc.ru

Коновалов Александр Борисович — доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного университета (Кемерово), e-mail: konab@list.ru

- КОТЛЯРОВ МАКСИМ ВАСИЛЬЕВИЧ** — кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета, e-mail: mv_kotlyarov@mail.ru
- КУДЕНКО НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА** — аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул), e-mail: natashakudenko@yandex.ru
- МАЦУЗАТО КИМИТАКА** — доктор юридических наук, профессор Токийского университета (Япония), e-mail: kim@j.u-tokyo.ac.jp
- МОРОЗОВА ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА** — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск), e-mail: mti137@yandex.ru
- ПИВОВАРОВ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ** — кандидат исторических наук, независимый исследователь (Новосибирск), e-mail: kork@ngs.ru
- ПОРШНЕВА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА** — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург), e-mail: porshneva@yandex.ru
- РЫНКОВ ВАДИМ МАРКОВИЧ** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета, e-mail: vadvet@list.ru
- САВИН АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск), e-mail: a_savin_2004@mail.ru
- СИМОНОВ ДМИТРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ** — кандидат исторических наук, заместитель директора по науке Института истории СО РАН, доцент Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета, e-mail: simonov_dg@mail.ru
- СКУБНЕВСКИЙ ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ** — доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул), e-mail: koi@hist.asu.ru
- РАЗГОН ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ** — доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул), e-mail: vrazgon@rambler.ru
- УЯМА ТОМОХИКО** — профессор Центра славянско-евразийских исследований Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония), e-mail: uyama@slav.hokudai.ac.jp
- ФУДЗИМОТО ВАКИО** — доктор гуманитарных наук (Doctor of Letters), профессор Осацкого университета экономики и права (Япония), e-mail: fujimoto@keiho-u.ac.jp

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ХАЛФИН ИГАЛ — доктор исторических наук (PhD), профессор Тель-Авивского университета (Израиль), e-mail: halfin@post.tau.ac.il

ЭНГЕЛЬШТЕЙН ЛОРА — доктор исторических наук, профессор эмеритус Йельского университета (США), e-mail: laura.engelstein@yale.edu

ЭННКЕР БЕННО — доктор исторических наук (PhD), преподаватель университета Санкт-Галлен и Тюбингенского университета (Германия), e-mail: Benno.Ennker@t-online.de

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии..... 5–6

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. К юбилею В. И. Шишкина

Поздравительные адреса 8–17

Владимир Иванович Шишкин:
основные вехи жизни и деятельности 18–24

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

А. Вуд

Околевшая корова, непокорный священник
и Российская революция..... 26–37

А. В. Дмитриев

Иностранцы и русские на военной службе в Сибири
во второй половине XVIII в.: особенности поступления
и выхода в отставку..... 38–52

Е. В. Комлева

«Господствующий класс»: сибирские купцы
в эго-текстах чиновников (конец XVIII — XIX в.) 53–73

К. Мацузато

Генерал-губернаторства Азиатской России:
геополитика и территориальное управление 74–103

В. А. Скубневский

Василий Константинович Штильке —
общественный деятель и просветитель 104–113

В. М. Рынков

Институты гражданского общества как лифты
социальной мобильности: трансформирующее влияние
Первой мировой войны 114–134

Н. Катцер

Лошади и всадники: о животных и людях
в «войне машин» XX века..... 135–150

Е. Ю. Зубкова Люди и музеи: трансформация культурного ландшафта Новгорода и Пскова в первой трети XX века	151–169
Б. Эннкер Аура вождя и пучины политики масс. Роль Ленина в российском революционном процессе 1917 г.: новый взгляд	170–190
Б. И. Колоницкий «Маленькая газета» и «маленькие люди» Петрограда в эпоху революции: периодические издания А. А. Суворина в 1917 году.....	191–207
В. А. Дровченко Несостоявшийся диалог: изменения в отношениях между властью и обществом в Томской губернии (март — ноябрь 1917 г.).....	208–225
Л. Энгельштейн Новая российская революция: возвращаясь к 1917 году	226–240
В. И. Голдин 1917 год и гражданская война в России: осмысление спустя столетие	241–259
Т. Уяма Политическая стратегия Алаш-Орды во время гражданской войны: сравнение с национально-культурной автономией тюрко-татар	260–271
А. В. Ганин «Академическая группировка»: участие в подготовке и реализации омского переворота 18 ноября 1918 года	272–294
М. С. Пивоваров Вклад В. И. Шишкина в изучение Западно-Сибирского восстания 1921 года.....	295–320
В. Фудзимото Начало японо-советских переговоров в первой половине 1920-х годов.....	321–342
Д. Г. Симонов Социальная мобильность в Красной армии в 1920-е годы	343–361

В. И. ИСАЕВ Забытый герой мировой пролетарской революции. Штрихи к биографии красного командира В. Р. Розе	362–382
О. С. ПОРШНЕВА Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: противоречия и проблемы.....	383–397
И. ХАЛФИН В поисках оппозиции: чистка 1924 г. в Ленинградском коммунистическом университете им. Г. Е. Зиновьева	398–420
Т. И. МОРОЗОВА «Товарищ Комаров упорствует в своей ошибке». Позиция председателя Сибколхозсоюза по вопросу о допуске кулаков в колхозы (сентябрь — ноябрь 1929 г.)	421–454
В. Н. РАЗГОН, Н. В. КУДЕНКО Милицейская тройка УНКВД Алтайского края как инструмент социальной чистки периода Большого террора	455–470
А. Б. КОНОВАЛОВ Повседневные управленческие практики городских и районных номенклатурных кадров Западной Сибири в период «позднего сталинизма»	471–492
А. И. САВИН Борьба за молодежь: Советское государство и религиозные диссиденты в брежневскую эпоху.....	493–518
М. В. КОТЛЯРОВ Путч ГКЧП: историческое значение, общественное мнение и политика памяти.....	519–533
Список сокращений	534–536
Сведения об авторах.....	537–539

В Издательстве СО РАН вышла из печати книга:

**Владимир Иванович Шишкин. Биобиблиография /
сост. С. О. Вишневский, Т. И. Морозова, В. М. Рынков,
Д. Л. Шереметьева; 2-е изд., испр. и доп.
Новосибирск: Издательство СО РАН, 2018. 120 с.: илл.**

Издание подготовлено к 70-летию юбилею доктора исторических наук, профессора Владимира Ивановича Шишкина. Биобиблиография содержит биографическую справку, основные даты жизни и деятельности, перечень научных публикаций, сведения о редактировании сборников и монографий, информацию об исследовательских проектах, осуществленных под руководством и при участии В. И. Шишкина, список его учеников, а также публикаций о В. И. Шишкине. Представлена галерея фотографий, иллюстрирующих жизненный и профессиональный путь юбиляра. Для удобства навигации по разделам биобиблиографии составлен именной указатель.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

*сборник научных статей, посвященный 70-летию
доктора исторических наук, профессора В. И. Шишкина*

Литературный редактор:

В. И. Смирнова.

Верстка, допечатная подготовка:

А. В. Ульверт.

*Портрет В. И. Шишкина, размещенный на фронтиспise,
выполнен фотографом Владимиром Дубровским.*

Подписано в печать 12.03.2018.

Формат: 60 × 90/16. Бумага офсетная. Гарнитура PT Serif.

Усл. печ. л. 30,0. Тираж 150 экз. Заказ № 47.

Издательство СО РАН
630090, Новосибирск, Морской просп., 2
e-mail: psb@sibran.ru
тел. (383) 330-80-50

Отпечатано в Издательстве СО РАН
Интернет-магазин Издательства СО РАН
<http://www.sibran.ru>

ISBN 978-5-7692-1583-4

9 785769 215834